К. К. Арсеньевъ.

ЗА ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА

(1871—94)

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПЕТРОГРАДЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28
1915

К. К. Арсеньевъ.

ЗА ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА

(1871—94)

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПЕТРОГРАДЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28
1915

4671

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе III

I.—Судъ и административная расправа. 1

II.—Политическій процессъ 1869—1871 г. 10

III.—Послѣ 1-го марта 51

IV.—Уходъ гр. Лорисъ-Меликова.—Манифестъ 29-го апрѣля.—Возможенъ ли въ Россіи клерикализмъ? 63

V.—Берлинскій трактатъ и внутренняя политика. 79

VI.—Программа русскихъ либераловъ 84

VII.—Рѣчи генерала Скобелева 110

VIII.—Смерть Скобелева 114

IX.—Еврейскій вопросъ 124

X.—Валентинъ Ѳедоровичъ Коршъ 132

XI.—Возвращеніе правительства.—«Русь» и «Вѣстникъ Европы» 143

XII.—Сословное прожектерство 156

XIII.—Дворянскія притязанія 174

XIV.—Сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ. . . 180

XV.—Дворянскій Банкъ 187

XVI.—Регламентація студенческихъ занятій и профессорскихъ лекцій 198

XVII.—Русская печать о Финляндіи.—Представленія, возстающія изъ могилы.—«Русь» и берлинскій трактатъ.—«Хорошіе» и «дурные» учебники 213

XVIII.—Еще о Финляндіи 223

XIX.—Перемѣна въ управленіи министерствомъ юстиціи . . . 227

XX.—Недавнее прошлое, изображенное въ формѣ графической таблицы 237

XXI.—Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ 251

XXII.—Ябедники въ Москвѣ 265

XXIII.—Агитація противъ министра финансовъ (Н. Х. Бунге) и Государственнаго Совѣта 270

XXIV.—Судъ присяжныхъ и рабочій вопросъ 288

XXV.—Назначеніе И. А. Вышнеградскаго членомъ Государственнаго Совѣта 295

СТРАН.

XXVI.—Опасное положеніе высшихъ женскихъ курсовъ. . . . 299
XXVII.—Награжденіе М. И. Каткова 310
XXVIII.—Николай Христіановичъ Бунге 314
XXIX.—Михаилъ Никифоровичъ Катковъ 324
XXX.—«Кухаркины дѣти» 337
XXXI.—Государственные экзамены 351
XXXII.—Административная расправа 359
XXXIII.—Честь мундира 364
XXXIV.—Смертная казнь.—Еще о чести мундира 371
XXXV.—Закрытіе курсовъ проф. В. И. Герье 383
XXXVI.—Критическій моментъ въ исторіи женскаго образованія . 387
XXXVII.—Постепенное оскудѣніе историко-филологическаго факультета.—Программа испытаній въ историко-филологической комиссіи.—Новая теорія необходимой обороны. . . . 395
XXXVIII.—Двадцатипятилѣтіе земскихъ учрежденій.—Смерть гр. М Т. Лорисъ-Меликова. 406
XXXIX.—Новая кампанія противъ Финляндіи.—Особый взглядъ на крестьянскую реформу. 416
XL.—Финляндскій «сепаратизмъ» 426
XLI.—Новый заемъ съ выигрышами 436
XLII.—Двадцатипятилѣтіе закона о печати. 443
XLIII.—Либерализмъ, какъ источникъ всякихъ золъ 451
XLIV.—Надгробное слово либерализму.—Саратовское дворянское собраніе 460
XLV.—Двадцатипятилѣтіе новаго суда 466
XLVI.—Размноженіе добровольцевъ 475
XLVII.—Гніеніе Запада 486
XLVIII.—Крайности національнзма 499
XLIX.—Новый взглядъ на земство.—Ретроспективный націонализмъ 505
L.—Новый видъ откровеннаго направленія 511
LI.—Холерные безпорядки 517
LII.—Назначеніе А. К. Анастасьева и уходъ И. А. Вышнеградскаго 525
LIII.—Квартирный налогъ. 530
LIV.—Мірскіе сборы. 537
LV.—Проектируемая монополизація печати 551
LVI.—Н. А. Манассеинъ и Н. В. Муравьевъ 561
LVII.—Сословіе журналистовъ. 570
LVIII.—Новыя правила объ офицерскихъ дуэляхъ.—Громкія уголовныя дѣла и отношеніе къ нимъ ежедневной печати. . 578
LIX.—Еще о дуэляхъ.—Смертная казнь.—Журналы и газеты. . 590
LX.—Царствованіе Императора Александра III 600

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приближеніе къ концу долгой жизни и долгой, болѣе чѣмъ полувѣковой литературной дѣятельности заставляетъ оглядываться назадъ и располагаетъ къ сведенію итоговъ. Мои статьи, за небольшими исключеніями, разбросаны по журналамъ и газетамъ. Работа въ періодической печати не благопріятствуетъ остановкамъ; какъ Вѣчному Жиду приходилось все идти, идти, безъ отдыха и покоя, такъ журналисту приходится писать, писать, не думая о томъ, уцѣлѣетъ ли что-нибудь изъ его писаній. Правда, не долговѣчны, большею частью, и книги; но все же онѣ имѣютъ то преимущество, что соединяютъ разрозненное и образуютъ изъ него нѣчто болѣе или менѣе цѣльное. Въ два выпущенные мною сборника: „Законодательство о печати“ (1903) и „Свобода совѣсти и вѣротерпимость“ (1904) вошли только немногія изъ числа внутреннихъ обозрѣній и общественныхъ хроникъ, напечатанныхъ мною въ „Вѣстникѣ Европѣ“. Просматривая остальныя, я пришелъ къ мысли, что темы, которымъ они посвящены, не всѣ и не совсѣмъ отошли въ прошедшее. Русская государственная и общественная жизнь обновляется медленно и трудно; несмотря на крутой поворотъ, совершившійся въ ней десять лѣтъ тому назадъ, многое остается въ томъ же видѣ, играетъ ту же роль, возбуждаетъ тѣ же споры, какъ и при господствѣ стараго режима. Этимъ объясняется моя рѣшимость издать еще одинъ сборникъ моихъ статей.

Постояннымъ обозрѣвателемъ нашей внутренней жизни я сталъ въ 1880 г., незадолго до начала эпохи „контръ-реформъ“ или „преобразованій наоборотъ“. Первая часть этой эпохи закончилась въ 1894 г., со смертью императора Александра III-го. Ей и посвящена настоящая книга; къ болѣе

раннему времени относятся только двѣ первыя статьи, написанныя въ 1871 г., но сближаемыя съ остальными общностью предмета. Семидесятые годы были періодомъ реакціи, менѣе систематической, менѣе всеобъемлющей чѣмъ та, которая тяготѣла надъ Россіей въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій XIX-го вѣка, но исходившей изъ того же источника и проявлявшейся, отчасти, въ тѣхъ же формахъ. Не довѣряя ни обществу, ни народу, отступая передъ послѣдствіями собственныхъ своихъ мѣропріятій, все болѣе и болѣе отдавая мѣста охраненію отжившей старины, все менѣе и менѣе—проведенію новыхъ началъ государственнаго строительства, правительственная власть умножала, тѣмъ самымъ, число своихъ противниковъ; дѣйствуя, въ борьбѣ съ ними, внѣ закона или прямо вопреки закону, она усиливала ихъ вражду и обостряла способы ея выраженія. Когда я, пять лѣтъ спустя послѣ приступа къ осуществленію судебной реформы, задумалъ подвести ея первые итоги, я не могъ не остановиться на явной аномаліи, которую представляло существованіе, рядомъ съ новымъ судомъ—третьяго отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, рядомъ съ правильно организованнымъ уголовнымъ процессомъ—произвольной административной расправы. Раскрытіе этой аномаліи было цѣлью статьи, съ которой начинается настоящій сборникъ. Нѣсколькими мѣсяцами позже мнѣ пришлось принять участіе, въ качествѣ защитника, въ такъ называемомъ нечаевскомъ процессѣ—и я увидѣлъ воочію, къ чему ведутъ ничѣмъ не сдерживаемыя и ничѣмъ не оправдываемыя стѣсненія и преслѣдованія личной и общественной иниціативы. Мнѣ кажется, что кое-что изъ сказаннаго мною тогда примѣнимо и къ обстоятельствамъ настоящаго времени... Предостереженіе, которому подвергся тогда „Вѣстникъ Европы", можетъ служить матеріаломъ для характеристики взглядовъ, господствовавшихъ, сорокъ четыре года тому назадъ, въ административныхъ сферахъ—да и теперь едва ли всецѣло отошедшихъ въ прошлое.

Обозрѣнія и хроники, обнимающія собою промежутокъ времени съ 1881 по 1894 годъ, размѣщены въ сборникѣ въ хронологической послѣдовательности; это даетъ возможность прослѣдить постепенный ростъ направленія, надолго предопредѣлившаго судьбы Россіи. Статья: „Послѣ 1-го марта"

(3-я по порядку) показываетъ, чего ожидали широкіе круги русскаго общества при воцареніи Александра III-го; послѣдняя статья сборника воспроизводитъ взглядъ тѣхъ же круговъ на итоги царствованія. Рядъ статей посвященъ отдѣльнымъ моментамъ эпохи, заключенной между этими двумя крайними пунктами—манифесту 29-го апрѣля 1881 г., славянофильской агитаціи противъ берлинскаго трактата, „возвращенію правительства", рѣшительному повороту отъ „народной политики" къ сословно-ретроградному теченію,—и отдѣльнымъ представителямъ ея въ области управленія: министрамъ юстиціи Д. Н. Набокову и Н. А. Манасеину, министрамъ финансовъ Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскому. Въ другихъ статьяхъ идетъ рѣчь о крупныхъ финансовыхъ вопросахъ (сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, Дворянскій Банкъ, заемъ съ выигрышами, квартирный налогъ, мірскіе сборы), о положеніи дѣлъ въ сферѣ народнаго просвѣщенія (кризисъ высшихъ женскихъ курсовъ, высшая школа при дѣйствіи новаго университетскаго устава, „Кухаркины дѣти"), о положеніи суда, земства, печати. Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ возникаютъ и крѣпнутъ помѣщичьи притязанія, достигающія своего апогея въ концѣ столѣтія и воскресающія съ новыми надеждами послѣ паденія освободительной волны 1904—06 гг. Первые фазисы этого явленія обрисованы въ нѣсколькихъ статьяхъ сборника („Сословное прожектерство", „Дворянскія притязанія", „Дворянскій Банкъ"). Въ особой статьѣ изображена своеобразная оппозиція, направленная противъ неугоднаго реакціонной кликѣ министра и сочувствовавшаго ему большинства Госуд. Совѣта. Въ статьѣ „Холерные безпорядки" намѣчена опасность назрѣвающей сословной розни—той розни, яркимъ выраженіемъ которой послужили, десять лѣтъ спустя, аграрные безпорядки на югѣ и въ центрѣ Россіи. Въ цѣломъ рядѣ статей затронутъ генезисъ вопросовъ, до сихъ поръ не сходящихъ съ очереди (вопросы еврейскій, финляндскій, національный, рабочій, клерикальный, объ административной расправѣ, о смертной казни, о „чести мундира", объ офицерскихъ дуэляхъ). Въ тѣ времена чѣмъ-то новымъ были столь распространившіеся впослѣдствіи „добровольцы", „услужающіе" господствующему направленію и добивающіе—или старающіеся добить—его противниковъ; появленіе этой

породы людей отмѣчено въ статьѣ: „Размноженіе добровольцевъ“. Нѣсколько статей (№№ 6, 43, 44) даютъ понятіе о томъ, къ чему стремились тогдашніе „либералы“ и какимъ оружіемъ сражались съ ними ихъ противники. Статьи, направленныя противъ газетной погони за сенсаціонными извѣстіями (№№ 58, 59), до сихъ поръ, къ сожалѣнію, сохраняютъ, отчасти, злободневное значеніе. Въ составъ книги вошли, наконецъ, характеристики политическихъ и литературныхъ дѣятелей, имена которыхъ едва ли скоро будутъ забыты: ген. Скобелева, В. Ѳ. Корша, И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, гр. М. Т. Лорисъ-Меликова.

Очень много мнѣ пришлось говорить въ восьмидесятыхъ годахъ въ защиту земства (какимъ оно было создано въ эпоху великихъ реформъ), противъ сліянія судебной власти съ административной, противъ внесенія сословнаго начала въ мѣстное самоуправленіе. Въ девятидесятыхъ годахъ я разбиралъ подробно новыя положенія земское и городовое, внимательно слѣдилъ за первыми шагами земскихъ начальниковъ. Перепечатку статей, посвященныхъ этимъ темамъ, я нашелъ излишней: институтъ земскихъ начальниковъ — по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ установленъ въ 1889 г., — доживаетъ свои послѣдніе дни, несостоятельность дѣйствующихъ земскихъ и городскихъ учрежденій не подлежитъ никакому сомнѣнію, и ихъ реформа не можетъ, не должна быть сведена къ простому возстановленію положеній 1864 и 1870 гг. Вопросы самоуправленія и управленія должны быть поставлены на новую почву и освѣщены съ новыхъ точекъ зрѣнія.

Настоящій сборникъ будетъ, по всей вѣроятности, моей послѣдней книгой; не думаю, чтобы мнѣ было дано время собрать и издать хотя бы небольшую часть статей, написанныхъ мною послѣ 1894-го года. Мало отраднаго мнѣ приходилось отмѣчать въ той лѣтописи текущихъ событій, которую я велъ въ продолженіе многихъ десятилѣтій; но все же я могу сказать, словами Некрасова, что „завершая свой жизненный путь, я къ лучшему шагъ замѣчаю“.

К. Арсеньевъ.

Царское Село
9 апрѣля 1915.

I.

Судъ и административная расправа [1]).

Государство признаетъ и обезпечиваетъ за каждымъ изъ своихъ гражданъ бо́льшую или меньшую сумму правъ, установляемыхъ закономъ; оно охраняетъ его жизнь, здоровье, честь, свободу, собственность, оно отводитъ ему извѣстную сферу дѣйствій въ дѣлахъ семейныхъ и общественныхъ. Не только интересъ частныхъ лицъ, но и интересъ государства требуетъ, чтобы всѣ эти права были по возможности неприкосновенны, чтобы они могли быть отнимаемы или ограничиваемы не иначе, какъ въ заранѣе опредѣленныхъ случаяхъ и съ соблюденіемъ заранѣе опредѣленнаго порядка. Другими словами, для отнятія или ограниченія права необходимъ приговоръ *уголовнаго суда*, основанный *на уголовномъ законѣ*. Только законъ, какъ нѣчто постоянное, твердое и для всѣхъ доступное, можетъ указать тѣ нарушенія гражданскаго или государственнаго долга, которыя должны имѣть послѣдствіемъ отнятіе или ограниченіе права; только уголовный судъ, предоставляющій обвиняемому всѣ средства къ защитѣ и оправданію, соединяющій въ себѣ всѣ условія для спокойнаго и безпристрастнаго отношенія къ дѣлу,—можетъ рѣшить, существуетъ ли въ данномъ случаѣ нарушеніе и долженъ ли за него отвѣчать виновникъ. Одинаково несправедливо, одинаково опасно и вредно подвергать кого-нибудь наказанію за поступокъ, не запрещенный

[1]) Изъ статьи: «Итоги судебной реформы» («Вѣстникъ Европы», 1871 г., май).

уголовнымъ закономъ,—и опредѣлять наказаніе безъ предварительнаго изслѣдованія дѣла общимъ судебнымъ порядкомъ. Говоря о наказаніи, мы разумѣемъ, конечно, не тѣ только карательныя мѣры, которыя установлены уголовнымъ закономъ. а всякое вообще отнятіе или ограниченіе права, принадлежащаго человѣку, физически и нравственно правоспособному. Понятно, напримѣръ, что ограниченіемъ свободы слѣдуетъ считать не только ссылку на поселеніе или на житье, предусмотрѣнную уложеніемъ о наказаніяхъ, но и всякую высылку изъ мѣста жительства, всякое стѣсненіе въ правѣ свободнаго его избранія. Тѣлесное наказаніе, производимое по распоряженію администраціи за неплатежъ недоимки или за участіе въ уличныхъ безпорядкахъ, отличается отъ тѣлеснаго наказанія по судебному приговору только однимъ: оно не можетъ быть оправдываемо даже тѣми мотивами, которые приводились прежде въ защиту послѣдняго. Ограниченіемъ права собственности является не только денежный штрафъ, но и всякое стѣсненіе или запрещеніе предпріятія, на которое затраченъ капиталъ или употреблена извѣстная сумма труда. Называйте подобныя мѣры какъ хотите: мѣрами для предупрежденія и пресѣченія преступленій, мѣрами для охраненія общественной безопасности, мѣрами, принимаемыми во имя общественнаго блага (salut public), — сущность ихъ отъ этого не измѣняется; исходя отъ администраціи, онѣ все-таки остаются ничѣмъ другимъ, какъ нарушеніемъ коренныхъ условій правильнаго общественнаго устройства.

Защитники административной расправы готовы признать отвлеченную справедливость того общаго начала, въ силу котораго всякое лишеніе или ограниченіе права должно исходить исключительно отъ суда; но они не вѣрятъ въ возможность осуществленія этого начала въ современной народной жизни или, по крайней мѣрѣ, считаютъ неудобнымъ слишкомъ послѣдовательное примѣненіе его на практикѣ. «Судъ — говорятъ они— дѣйствуетъ слишкомъ медленно, слишкомъ разборчиво, слишкомъ нерѣшительно; ему мало одного подозрѣнія — для него нужна полная увѣренность въ винѣ обвиняемаго; онъ обращаетъ вниманіе только на совершившіеся факты, а не на возможность ихъ совершенія; онъ не считаетъ себя въ правѣ наложить свою руку на самаго вреднаго человѣка, пока послѣдній ничѣмъ положительно не проявилъ своего вреднаго напра-

вленія. Между тѣмъ, есть опасности, которыя необходимо предупреждать заблаговременно, есть стремленія, которыя слѣдуетъ уничтожать въ самомъ ихъ началѣ и со всѣми ихъ корнями. Для исполненія этой задачи судъ безсиленъ; на помощь ему должна придти администрація. Если поспѣшность и крутость административныхъ мѣропріятій иногда требуетъ невинныхъ жертвъ, если лица виновныя—или могущія впослѣдствіи сдѣлаться виновными—несутъ иногда наказаніе свыше настоящей или будущей вины своей, то съ этимъ можно и должно примириться при мысли о важности интересовъ, во имя которыхъ приносятся жертвы и налагаются преувеличенныя наказанія. Чтобы сохранить благосостояніе всѣхъ, позволительно пренебречь благосостояніемъ немногихъ». Въ подкрѣпленіе этихъ аргументовъ дѣлается обыкновенно ссылка на примѣръ всѣхъ государствъ, не исключая самыхъ просвѣщенныхъ—на высылку цѣлыми массами подозрительныхъ людей послѣ іюльскихъ дней 1848-го года и послѣ декабрьскаго переворота, на пріостановленіе дѣйствія habeas corpus въ Ирландіи во время феніанскихъ заговоровъ, на арестъ Якоби во время послѣдней франко-германской войны и т. п.

Посмотримъ, прежде всего, въ какой степени убѣдительны эти примѣры. Во-первыхъ, они относятся всѣ не къ эпохамъ нормальнаго, спокойнаго теченія государственной жизни, а къ критическимъ минутамъ борьбы, внутренней или внѣшней, борьбы, ставящей на карту самое существованіе государства или правительства. Съ прекращеніемъ этихъ минутъ прекращаются и чрезвычайныя мѣры, ими вызванныя. Правда, во Франціи законъ общественной безопасности (loi de sûreté générale) существовалъ болѣе десяти лѣтъ сряду; но, за исключеніемъ первыхъ трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, онъ былъ только угрозой, никогда не исполнявшейся на самомъ дѣлѣ. Въ настоящее время мы не знаемъ ни одной европейской страны, въ которой личная свобода гражданъ зависѣла бы, *въ обыкновенное время*, отъ усмотрѣнія администраціи. Во-вторыхъ, кругъ дѣйствія чрезвычайныхъ мѣръ вездѣ и всегда ограничивается по возможности тѣсными предѣлами. Онѣ примѣняются только къ лицамъ, которыхъ правительство считаетъ въ данную минуту своими политическими врагами, а отнюдь не къ тѣмъ, кто дѣйствуетъ вопреки видамъ правительства или не подчиняется его требованіямъ по какому-нибудь частному во-

просу, еще менѣе — къ тѣмъ, кто приходитъ въ столкновеніе съ какимъ-нибудь отдѣльнымъ органомъ правительства. Въ-третьихъ, часто ли чрезвычайныя мѣры достигаютъ своей цѣли? Въ однихъ случаяхъ, — когда правительство сильно поддержкой большинства или особыми условіями минуты, — онѣ оказываются излишними и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе несправедливыми (напримѣръ, арестъ Якоби); въ другихъ случаяхъ, когда неудовольствіе имѣетъ глубокіе корни, онѣ оставляютъ вопросъ въ такомъ же точно положеніи, въ какомъ онъ былъ прежде (пріостановленіе habeas corpus въ Ирландіи); иногда, наконецъ, онѣ отзываются столь же тяжело на тѣхъ, кто ихъ принялъ, какъ и на тѣхъ, противъ кого онѣ были приняты (іюньскія и декабрьскія высылки во Франціи).

Чрезвычайныя административныя мѣры можно сравнить съ необходимой обороной: онѣ извинительны только тогда, когда онѣ неизбѣжны, когда опасность, ихъ вызывающая, такъ настоятельна, такъ велика, что нѣтъ другихъ средствъ къ ея устраненію. Но если въ правильно организованномъ обществѣ состояніе необходимой обороны является рѣдкимъ исключеніемъ даже для частныхъ лицъ, предоставленныхъ своимъ собственнымъ, крайне ограниченнымъ силамъ, то тѣмъ рѣже оно можетъ наступать для правительства, располагающаго всѣми средствами страны, имѣющаго подъ рукой судъ, полицію, войско, опирающагося на вѣковую привычку повиновенія, на весь историческій строй народной жизни. О серьезной опасности, угрожающей правительству, можетъ быть рѣчь только тогда, когда въ странѣ готовится открытое, обширное возстаніе, и когда прошедшее ея сулитъ этому возстанію какіе-нибудь шансы успѣха. Такое положеніе дѣлъ возможно въ настоящее время, если мы не ошибаемся, только для двухъ европейскихъ государствъ—для Франціи и Испаніи. Когда чрезвычайныя мѣры не соотвѣтствуютъ опасности, въ виду которой къ нимъ прибѣгаютъ, тогда неизбѣжно является то, что̀ на языкѣ юридическомъ называется *превышеніемъ необходимой обороны*. Виновные смѣшиваются съ невиновными, о соразмѣрности между степенью вины и степенью отвѣтственности никто и не помышляетъ; реакція противъ движенія (или противъ возможности движенія) продолжается и тогда, когда опасность давно миновала; порядокъ вещей, созданный условіями случайными и скоропреходящими, надолго переживаетъ эти условія. Отсюда происте-

каетъ новая опасность, часто болѣе серьезная, чѣмъ та, изъ-за которой началась вся тревога. Въ обществѣ исчезаетъ чувство законности и безопасности, необходимое не только для спокойствія частныхъ лицъ, но и для успѣшнаго развитія всего народа, для внутренней силы государства; никто не считаетъ себя обезпеченнымъ въ пользованіи своими правами, никто не сознаетъ надъ собою твердой охраны ненарушимаго закона. Если элементы движенія преобладаютъ въ государствѣ надъ элементами застоя, послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ является всеобщее возбужденіе умовъ противъ правительства: въ противномъ случаѣ разнуздываются всѣ ретроградныя стремленія и страсти, къ административному давленію присоединяется невыносимый гнетъ большинства надъ меньшинствомъ, и реакція заходитъ далеко за тѣ предѣлы, которые были начертаны для нея первоначально самимъ правительствомъ.

Зачѣмъ заботиться о лицахъ, добровольно идущихъ на встрѣчу своей участи, — могутъ сказать намъ приверженцы чрезвычайныхъ административныхъ мѣръ, — зачѣмъ видѣть опасность для цѣлаго общества въ томъ, что угрожаетъ только немногимъ злоумышленникамъ, скрывающимся въ его средѣ? Это возраженіе не ново; во время первой французской революціи оно было высказано въ знаменитой фразѣ: «que les méchants tremblent, que les bons citoyens se rassurent». Къ сожалѣнію, различіе между bons и méchants установляется на практикѣ не такъ легко, какъ въ теоріи. Стоитъ только объявить извѣстную категорію лицъ людьми подозрительными (suspects)— и черезъ нѣсколько времени никто не будетъ знать, гдѣ начинается и гдѣ оканчивается эта категорія. Несдержанное ни точнымъ опредѣленіемъ закона, ни правильными обрядами судопроизводства, усердіе, даже самое благонамѣренное, скоро теряетъ чувство мѣры и осторожности. Понятіе о политическомъ преступленіи—или, лучше сказать, о политической неблагонадежности,—дѣлается все болѣе и болѣе эластичнымъ; къ признакамъ такой неблагонадежности присоединяются черты, не имѣющія съ нею ничего общаго. Гражданинъ, безусловно повинующійся законамъ своего государства, сообразующій съ ними всю свою дѣятельность, можетъ быть совершенно увѣренъ въ томъ, что онъ не будетъ привлеченъ къ суду за государственное преступленіе, — развѣ по недоразумѣнію, которое не замедлитъ разъясниться; но онъ никогда не можетъ быть

увѣренъ въ томъ, что не навлечетъ на себя подозрѣній администраціи, вооруженной чрезвычайной властью. Множество дѣйствій, въ существѣ своемъ совершенно безвредныхъ и невинныхъ, могутъ показаться въ данную минуту опасными для государства и повлечь за собою репрессивныя мѣры. Участіе въ томъ или другомъ, хотя и не запрещенномъ журналѣ, составленіе корреспонденцій для иностранной газеты, переписка, хотя бы по самому пустому предмету, съ подозрительнымъ лицомъ—все можетъ обратиться въ источникъ бѣды, непредвидѣнной и потому непредотвратимой. Прибавимъ къ этому, что чрезвычайная власть, въ рукахъ того или другого изъ ея органовъ, легко можетъ быть направлена къ достиженію чисто личныхъ цѣлей.

Тамъ, гдѣ административная расправа представляется не временнымъ явленіемъ, вызваннымъ чрезвычайными обстоятельствами, а какъ бы нормальнымъ государственнымъ учрежденіемъ, къ опаснымъ сторонамъ ея, уже указаннымъ нами, присоединяется еще одна: распространеніе ея круга дѣйствій далеко за предѣлы чисто-политической жизни. Кромѣ государственныхъ преступленій есть и другія, требующія, повидимому, особенно быстрой и энергической репрессіи—и, слѣдовательно, съ точки зрѣнія, намъ уже знакомой, вызывающія вмѣшательство администраціи въ область уголовнаго суда. Сюда относятся, напримѣръ, неповиновеніе крестьянъ распоряженіямъ начальства, хотя бы и чуждое всякаго политическаго оттѣнка, стачки рабочихъ, пропаганда новаго религіознаго ученія и т. п. Отсюда одинъ только шагъ до допущенія карательныхъ административныхъ мѣръ и за такія дѣйствія или упущенія, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего преступнаго, но которыя почему-нибудь считаются вредными для государства — напримѣръ, за неуплату недоимокъ, за попытки переселенія большими массами изъ одной части государства въ другую. Рядомъ съ законнымъ порядкомъ преслѣдованія и наказанія установляется, такимъ образомъ, другой, имѣющій очень мало общаго съ первымъ. Нетрудно понять, въ какой степени это способствуетъ укорененію довѣрія къ закону...

Въ Россіи эта аномалія сдѣлалась особенно замѣтной со времени введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ. Пока судъ мало чѣмъ отличался отъ администраціи, пока отправленіе его совершалось въ тайнѣ, безъ всякаго участія общества, до

тѣхъ поръ установленіе точныхъ границъ между властями судебной и административной могло быть вопросомъ довольно безразличнымъ, потому что серьезныхъ гарантій для частныхъ лицъ ни та, на другая не представляла. Но теперь, когда судъ устроенъ на новыхъ, раціональныхъ началахъ, обезпечивающихъ, по возможности, безпристрастное рѣшеніе каждаго дѣла, вмѣшательство администраціи въ кругъ дѣйствій судебной власти не можетъ не производить болѣзненнаго впечатлѣнія на общество. Нельзя привыкнуть къ мысли о томъ, что воръ или мошенникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія, свободно пользуется всѣми законными средствами защиты и часто приговаривается судомъ лишь къ кратковременному заключенію подъ стражей—а человѣкъ, подозрѣваемый въ политической неблагонадежности, высылается безъ суда, безъ истребованія объясненій, иногда даже безъ предваренія объ ожидающей его участи, въ одну изъ тѣхъ губерній, которыя служатъ мѣстомъ ссылки для осужденныхъ за подлогъ, крупное воровство или мошенничество. Такая высылка — не простое ограниченіе свободы; она часто можетъ быть равносильной отнятію у высылаемаго лица и у его семейства всѣхъ средствъ къ существованію въ настоящемъ, всѣхъ надеждъ на будущее. Пустынныя, бѣдныя, мало населенныя губерніи сѣвера и сѣверовостока Европейской Россіи не представляютъ ни одного изъ условій, необходимыхъ для сколько-нибудь плодотворнаго умственнаго труда; даже пріисканіе занятій, которыми можно было бы просто кормиться, сопряжено въ этомъ краѣ съ величайшими затрудненіями. Сколько силъ пропадаетъ даромъ въ безнадежной борьбѣ съ нуждою, съ суровымъ климатомъ, съ неблагопріятной обстановкой! Лицо, сосланное на житье по судебному приговору, знаетъ, сколько лѣтъ должно продлиться его вынужденное пребываніе на одномъ мѣстѣ; ссыльные другого рода не имѣетъ даже этого утѣшенія. Совмѣстенъ ли такой порядокъ вещей съ духомъ всѣхъ совершившихся и совершающихся еще у насъ преобразованій?

О полномъ устраненіи административной расправы, мы знаемъ, въ настоящее время нельзя и мечтать; но есть возможность смягчить примѣненіе принципа, не отказываясь отъ него совершенно. Если бы право принимать чрезвычайныя административныя мѣры было оставлено только за центральными органами правительства, и притомъ только въ отно-

шеніи къ политическимъ проступкамъ; если бы принятіе подобныхъ мѣръ зависѣло въ каждомъ данномъ случаѣ не отъ одного лица, а отъ коллегіальнаго учрежденія, пользующагося независимостью, обязаннаго руководствоваться заранѣе опредѣленными правилами и выслушивать всѣ объясненія и оправданія лица, привлекаемаго къ отвѣтственности; если бы высылаемыя лица были водворяемы въ такихъ городахъ, гдѣ они могли бы продолжать свои прежнія занятія; если бы, наконецъ, былъ опредѣленъ срокъ высылки или порядокъ, въ которомъ можетъ совершиться возвращеніе высланнаго лица, — то сумма личной безопасности и свободы, оставаясь весьма ограниченною, все-таки увеличилась бы довольно замѣтно, и на этой переходной точкѣ все же немного легче было бы ожидать желаннаго, окончательнаго шага къ безусловному господству закона. Пока этотъ шагъ не совершенъ, многія статьи устава уголовнаго судопроизводства существуютъ какъ будто бы для того, чтобы никогда не быть исполняемыми [1]); а что можетъ быть вреднѣе для общественной совѣсти, чѣмъ такой постоянный разладъ между практикой и буквой закона?

Административныя мѣры, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, направлены преимущественно противъ личной свободы, хотя косвенно онѣ, безъ сомнѣнія, затрогиваютъ и имущественныя права частныхъ лицъ; но одною изъ сторонъ своихъ чрезвычайная административная власть прямо касается этихъ правъ и подвергаетъ ихъ самымъ существеннымъ ограниченіямъ. Мы разумѣемъ власть администраціи надъ періодическою (a de facto, если не de jure—и надъ непериодическою) печатью. Посредствомъ запрещенія розничной продажи повременнаго изданія администрація можетъ значительно уменьшить сбытъ изданія, а слѣдовательно и доходы издателя; посредствомъ предостереженій и слѣдующаго затѣмъ пріостановленія изданія она можетъ совершенно его уничтожить, — а вмѣстѣ съ нимъ

---

[1]) Сюда относятся ст. 8, по которой никто не можетъ быть задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ, законами опредѣленныхъ, ни содержимъ въ помѣщеніяхъ, не установленныхъ на это закономъ; ст. 10 и 11, по которымъ каждый судья обязанъ освободить неправильно лишеннаго свободы или принять мѣры къ содержанію заключеннаго въ установленномъ порядкѣ.

и капиталъ, на него потраченный, и заработки нѣсколькихъ десятковъ лицъ. Имущественныя права содержателей типографій и книжныхъ магазиновъ столь же непрочны, какъ и имущественныя права издателя газеты или журнала.

II.

Политическій процессъ 1869—1871 г. [1]).

Истекшее десятилѣтіе (1861—70) было для Россіи не только эпохой преобразованій, но и эпохой политическихъ процессовъ. Съ самаго 1861-го года они слѣдовали одинъ за другимъ почти непрерывно, то въ широкихъ, то въ небольшихъ размѣрахъ, то въ центрѣ, то на окраинахъ государства. Какъ ни характеристиченъ, какъ ни важенъ этотъ фактъ, русское общество долго было лишено возможности опредѣлить его значеніе, изслѣдовать его причины. До судебной реформы тайна, покрывавшая политическіе процессы, была почти безусловна; общество узнавало, и то не всегда, только о результатѣ дѣла; судебное производство и даже приговоръ суда могли быть ему извѣстны только по слухамъ. Процессъ 1866-го года разбирался верховнымъ уголовнымъ судомъ по правиламъ новыхъ судебныхъ уставовъ, но при закрытыхъ дверяхъ; обнародованъ былъ только приговоръ суда. Гласное разбирательство политическаго дѣла было допущено въ первый разъ въ нынѣшнемъ году—и уже одно это обстоятельство придаетъ большое значеніе процессу, называемому обыкновенно «нечаевскимъ» дѣломъ. Правда, гласность производства этого дѣла была ограничена особыми условіями; газетамъ было разрѣшено только перепечатывать отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они излагались «Правительственнымъ Вѣстникомъ» — а это изложеніе далеко не всегда отличалось точностью и полнотою; нѣкоторые отдѣлы процесса (напримѣръ, все касающееся кате-

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1871 г., ноябрь.

горіи недоносителей) вовсе не появились въ печати, даже резолюціи суда, по нимъ состоявшіяся, не были распубликованы во всеобщее свѣдѣніе; другіе отдѣлы (напримѣръ, отчетъ о третьей категоріи) подверглись весьма значительнымъ сокращеніямъ: наконецъ—что̀ всего важнѣе и всего удивительнѣе—приговоръ палаты до сихъ поръ не обнародованъ, и мы начинаемъ терять надежду видѣть его въ печати. Къ счастію, всего полнѣе и правильнѣе изложены именно важнѣйшія—первыя двѣ—части процесса, дающія богатый матеріалъ для изученія неизвѣданныхъ сторонъ нашей современной дѣйствительности. Безпристрастная разработка этого матеріала составляетъ въ настоящую минуту одну изъ самыхъ важныхъ задачъ русской журналистики. Еще недавно для нея было возможно только двоякое отношеніе къ политическимъ преступленіямъ и преступникамъ: или безграничное негодованіе, безпощадное осужденіе—или глубокое молчаніе, которое, при извѣстной обстановкѣ, могло, однако, быть не совсѣмъ безопаснымъ. Теперь она свободна по крайней мѣрѣ настолько, что можетъ говорить о политическомъ процессѣ, сохраняя спокойствіе мысли и не впадая въ условно-патетическій тонъ,—и она должна пользоваться этой свободой.

Чѣмъ непріятнѣе и мрачнѣе извѣстное явленіе общественной жизни, тѣмъ легче появляется и тѣмъ упорнѣе держится въ обществѣ желаніе найти для него какое-нибудь готовое, разъ навсегда годное объясненіе, на которомъ можно было бы успокоиться и остановиться. Отыскивать корень зла и средства къ его излеченію—и трудно, и неудобно; гораздо проще приписать его случайному стеченію обстоятельствъ или отдѣльному факту, соединенному съ нимъ чисто-внѣшнею связью. Еще недавно большинство юристовъ и государственныхъ людей объясняли всѣ преступленія злою волей, испорченностью преступниковъ, не задумываясь надъ вопросомъ, откуда же происходитъ самая испорченность,—если и допустить, что ею одною обусловливается и вызывается всякое преступное дѣйствіе. Къ политическимъ преступленіямъ это объясненіе примѣнялось тѣмъ охотнѣе, что оно давало полный просторъ громамъ изобличеній противъ преступниковъ. Иногда практическая философія обвинителей дѣлала небольшой шагъ впередъ и направляла свои удары не столько

противъ отдѣльныхъ лицъ, сколько противъ духа времени (esprit du siècle), противъ упадка нравственности и въ особенности противъ журналистики и литературы. «C'est la faute à Voltaire, c'est la faute à Rousseau»—эта пѣсня раздавалась на разные тоны и лады не въ одной только Франціи, не въ одну только эпоху реакціи противъ идей 1789-го года. Обвиненіямъ этого рода подвергалась нѣсколько разъ и наша бѣдная, скромная литература. Они повторились, какъ и слѣдовало ожидать, по поводу послѣдняго политическаго процесса, повторились не только въ журналахъ, образующихъ, если можно такъ выразиться, русскую литературную полицію, но и въ органахъ сравнительно-умѣренныхъ—напримѣръ, въ «Зарѣ», защищающей противъ «Московскихъ Вѣдомостей» образъ дѣйствій и приговоръ судебной палаты.

Что литература, въ особенности періодическая, имѣетъ вліяніе на общество — это фактъ неоспоримый; но столь же несомнѣнно и то, что высокаго развитія вліяніе это можетъ достигнуть только при свободѣ печати, при господствѣ политической жизни въ народѣ, при существованіи партій, представителями которыхъ служатъ журналы и газеты. Бываютъ, правда, минуты, когда и при противуположномъ состояніи общества, при крайнемъ стѣсненіи свободы, печать возвышается на степень главнаго двигателя общественной жизни; но этимъ мимолетнымъ блескомъ она почти всегда бываетъ обязана появленію одного или нѣсколькихъ великихъ умовъ и талантовъ, сосредоточивающихъ въ себѣ на короткое время всѣ лучшія силы мыслящей части народа (неизвѣстный авторъ писемъ Юніуса въ Англіи 1770 г., Бёрне въ Германіи временъ Священнаго Союза, Бѣлинскій въ Россіи сороковыхъ годовъ). Какъ только они сходятъ со сцены, печать, не имѣющая прочныхъ корней и постоянныхъ источниковъ вліянія, перестаетъ играть выдающуюся роль въ общественной жизни. Всего менѣе возможно преобладаніе печати въ тѣ переходныя эпохи, когда для дѣятельности общества открываются новые пути, но преграды, ее стѣсняющія, снимаются не вдругъ и далеко не всѣ. Въ эти эпохи печать не имѣетъ *болѣе* того значенія, которое она могла пріобрѣсти среди всеобщей безгласности и неподвижности, какъ единственное проявленіе общественной мысли—и не имѣетъ *еще* того значенія, которое принадлежитъ ей въ обществѣ, жи-

вущемъ полною жизнью. Для нашей печати наступилъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, именно такой періодъ. Вниманіе прогрессивныхъ элементовъ общества сосредоточивается уже не на ней одной; она сдѣлалась болѣе практичной, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и вслѣдствіе того — менѣе увлекательной; она проникла въ сферы, которыя прежде были для нея недоступны, но рѣже и обдуманнѣе стала касаться вопросовъ, всего болѣе способныхъ волновать общественное мнѣніе. Напрасно было бы, съ другой стороны, искать въ нашей современной печати такихъ публицистическихъ дарованій, которымъ подчинялись бы умы, за которыми слѣдовали бы многочисленные, преданные приверженцы. Нѣчто похожее, съ перваго взгляда, на партію образовалось въ послѣднее время только вокругъ редакторовъ «Московскихъ Вѣдомостей»—главныхъ представителей той реакціонной литературы, появленіе которой составляетъ характеристическую черту истекшаго десятилѣтія. Но и тутъ, соединительнымъ звеномъ для поклонниковъ гг. Каткова и Леонтьева служила не столько сознательная мысль, сколько инстинктивное отвращеніе къ движенію, поперекъ котораго встали «Московскія Вѣдомости». Какъ бы то ни было, успѣхъ этой газеты, поколебавшійся только недавно, доказываетъ несостоятельность обвиненій, взводимыхъ на современную періодическую литературу. Въ журналистикѣ, какъ и во всякой другой области общественной жизни, возможно только одновременное существованіе, а не одновременное торжество двухъ противуположныхъ элементовъ.

Чтобы опредѣлить степень вліянія литературы на распространеніе политическихъ или соціальныхъ ученій, необходимо имѣть въ виду, что если литература дѣйствуетъ на общество, то еще сильнѣе дѣйствіе общества на литературу. Въ теоріи всѣ согласны съ тѣмъ, что литература есть выраженіе, созданіе общества, но на практикѣ эта истина забывается или игнорируется на каждомъ шагу, и послѣдствіе безпрестанно принимается за причину. Стоитъ только признакамъ радикализма проявиться одновременно въ обществѣ и въ литературѣ—существованіе его въ первомъ тотчасъ же приписывается проповѣдыванію его въ послѣдней. А между тѣмъ, оба явленія очевидно зависятъ отъ одной общей причины, и порядокъ происхожденія ихъ очевидно не тотъ, который предполагается обыкновенно. Мысль прежде возникаетъ въ обществѣ, потомъ

уже выражается въ литературѣ. Взгляды, несогласные съ общепринятыми, существовали у насъ гораздо раньше, чѣмъ явилась возможность высказывать ихъ въ печати. Вмѣсто того, чтобы негодовать противъ литературной пропаганды извѣстнаго ученія, гораздо полезнѣе, поэтому, обратить вниманіе на условія, его вызывающія и содѣйствующія его распространенію. Съ этой точки зрѣнія появленіе радикальныхъ ученій въ средѣ русскаго общества представляется естественнымъ результатомъ переворота, начавшагося у насъ послѣ крымской войны и продолжающагося до настоящаго времени. Мысль эта конечно не нова, и если мы считаемъ нужнымъ настаивать на ней, то только потому, что она слишкомъ часто исчезаетъ въ какомъ-то туманѣ. Всякое коренное измѣненіе существующаго порядка вещей, хотя бы оно было предпринято самимъ правительствомъ и совершалось постепенно, путемъ вполнѣ законнымъ и мирнымъ, возбуждаетъ движеніе мысли, которое не можетъ быть заключено въ заранѣе опредѣленныя границы. Отправляясь отъ одного и того же исходнаго пункта — сознанія, что старый порядокъ неудовлетворителенъ и что онъ долженъ быть замѣненъ новымъ,—можно придти къ самымъ различнымъ заключеніямъ. И въ числѣ этихъ заключеній тѣмъ легче могутъ встрѣтиться выводы крайніе, чѣмъ бо́льшимъ стѣсненіямъ подвергалась прежде общественная мысль, чѣмъ меньше она привыкла къ свободному обсужденію политическихъ вопросовъ, чѣмъ труднѣе для нея переходъ отъ теоріи къ практикѣ, къ дѣйствительности.

Токвиль объясняетъ радикальный характеръ французской философіи XVIII-го вѣка преимущественно полнымъ незнакомствомъ тогдашнихъ французовъ съ государственными дѣлами, отъ участія въ которыхъ они были систематически отстраняемы въ продолженіе двухъ почти столѣтій. Наше общество, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, было еще болѣе чуждо политической жизни,—и уже это одно должно было сдѣлать его воспріимчивымъ къ крайнимъ ученіямъ, какъ къ самой рѣзкой и наглядной формѣ протеста противъ долговременнаго застоя. Время наибольшаго распространенія радикальныхъ ученій (если не въ глубину, то въ ширину) совпадаетъ съ періодомъ ожиданія реформъ, съ тѣмъ періодомъ, когда осужденныя въ принципѣ учрежденія—крѣпостное право, закрытый канцелярскій судъ, цензура, полновластіе администраціи въ дѣлахъ земскаго

и городского хозяйства—не успѣли еще уступить мѣсто новому порядку. Въ шестидесятыхъ годахъ реформы осуществляются одна за другою; радикальныя ученія, однако, не исчезаютъ, но, сосредоточиваясь въ сферѣ болѣе узкой, начинаютъ проникать въ жизнь и заявлять себя попытками поколебать государственное устройство. Эти попытки, какъ мы уже сказали въ началѣ статьи, повторяются одна за другою, несмотря на строгую репрессію, усиленный надзоръ и цѣлый рядъ предохранительныхъ мѣръ, имѣющихъ, въ большинствѣ случаевъ, чисто-карательный характеръ. Спокойствіе государства остается ненарушимымъ, правительство—болѣе сильнымъ, чѣмъ когда-нибудь; но общество страдаетъ вдвойнѣ, теряя множество лицъ, которыя могли бы, при другихъ условіяхъ, принести ему не мало пользы, и подвергаясь такимъ стѣсненіямъ, которыя были бы немыслимы при отсутствіи серьезныхъ политическихъ преступленій. Измѣнить такое положеніе дѣлъ—задача, очевидно, выходящая изъ предѣловъ уголовной политики; одними наказаніями не искоренить зла, возобновляющагося постоянно. Для того, чтобы политическій процессъ 1869—71 г. былъ надолго послѣднимъ въ нашихъ судебныхъ лѣтописяхъ, необходима усердная работа общества надъ самимъ собою—работа, въ свою очередь невозможная безъ поддержки правительства, активной и пассивной.

Поставить вопросъ такимъ образомъ—не значитъ оправдывать политическія преступленія, не значитъ требовать безнаказанности для политическихъ преступниковъ. Государство вездѣ и всегда облечено—и не можетъ не быть облечено—правомъ карать посягающихъ на основныя начала его устройства; но это право не исключаетъ обязанности предупреждать—насколько это возможно и не противорѣчитъ другимъ задачамъ государства—всякій поводъ къ подобнымъ посягательствамъ. Если уголовная статистика указываетъ на быстрое увеличеніе числа преступленій извѣстнаго рода въ той или другой мѣстности государства, то изысканіе причинъ этого факта можетъ и должно идти параллельно съ примѣненіемъ къ преступникамъ, на прежнемъ основаніи, уголовнаго закона. Политическія преступленія не составляютъ исключенія изъ этого общаго правила.

Осенью 1869-го года, когда Нечаевъ, подъ чужимъ именемъ, возвратился въ Россію изъ-за границы, онъ не нашелъ

ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ ничего похожаго на тайное общество, никакихъ приготовленій къ образованію его. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ—въ мартѣ и апрѣлѣ—были произведены довольно многочисленные аресты, состоявшіе въ связи съ волненіемъ въ Петербургскомъ университетѣ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; но только немногіе изъ числа арестованныхъ были привлечены къ суду по нечаевскому дѣлу, и ни одно изъ нихъ не было осуждено судомъ. Такимъ образомъ, Нечаеву приходилось все создавать, все устраивать вновь. Черезъ два мѣсяца послѣ его пріѣзда, къ концу ноября, тайное общество было составлено въ Москвѣ и готовилось перенести свою дѣятельность въ Петербургъ. Мы увидимъ ниже, какова была организація этого общества, изъ кого оно состояло, къ чему стремилось и чего достигло; теперь насъ занимаетъ только быстрота его образованія. Ее объясняли существованіемъ среди учащейся молодежи небольшихъ кружковъ, служившихъ готовой рамкой для организаціи; но происхожденіе послѣдней изъ первыхъ ничѣмъ не доказано, и притомъ, что же заставляло кружки, образованные безъ всякой преступной цѣли, переходить такъ внезапно къ тайной политической дѣятельности? Указывали, дальше, на товарищескую связь, соединявшую большинство членовъ общества, какъ студентовъ однихъ и тѣхъ же учебныхъ заведеній: но если она и могла облегчить распространеніе общества, то, конечно, въ ней нельзя видѣть побудительную причину къ вступленію въ его среду. Говорили, наконецъ, что тайное общество 1869-го года было продолженіемъ тайнаго общества 1866-го года и другихъ, прежде открытыхъ; но въ подтвержденіе этой гипотезы не было и не могло быть приведено ни одного положительнаго факта. Изъ всѣхъ подсудимыхъ по нечаевскому дѣлу только одинъ—князь Черкезовъ—игралъ небольшую роль въ процессѣ 1866-го года; значительное большинство ихъ сидѣло еще въ этомъ году на гимназической скамьѣ. Установлять, при такихъ условіяхъ, какое-то внѣшнее преемство между различными обществами—пріемъ, конечно, очень удобный, но принадлежащій къ числу тѣхъ поверхностныхъ отвѣтовъ на сложный вопросъ, о которыхъ мы уже говорили. Связь между всѣми политическими процессами послѣдняго десятилѣтія конечно существуетъ, но она заключается въ общности или сходствѣ причинъ, а отнюдь

не въ непосредственномъ насажденіи одного тайнаго общества другимъ, ему предшествующимъ.

Обратимся отъ этихъ догадокъ къ фактамъ, которые даетъ намъ самое дѣло. Лица, вступившія въ тайное общество по приглашенію Нечаева или его ближайшихъ помощниковъ — почти безъ исключенія люди очень молодые, большею частью еще неокончившіе курса, люди увлекающіеся, но трудолюбивые, проникнутые желаніемъ служить общему, народному благу. Во имя этого блага и обращается къ нимъ Нечаевъ, доказывая имъ съ одной стороны бѣдственное положеніе народа, съ другой—невозможность мирнаго, постепеннаго улучшенія народнаго быта, и убѣждая ихъ перейти вслѣдъ за нимъ на другой путь, прямѣе ведущій къ цѣли. Многіе изъ нихъ имѣли, до знакомства съ Нечаевымъ, довольно опредѣленные планы будущей дѣятельности на пользу народа; одни хотѣли заняться устройствомъ народныхъ школъ, другіе—образованіемъ земледѣльческихъ ассоціацій, третьи мечтали сдѣлаться странствующими учителями сельскаго хозяйства. Нечаевъ старается разрушить всѣ эти мечты и планы, указывая въ особенности на то, что осуществленію ихъ помѣшаетъ правительство, въ глазахъ котораго учрежденіе артелей, ассоціацій составляетъ чуть ли не политическое преступленіе [1]). Въ другихъ случаяхъ исходной точкой переговоровъ между организаторами общества и будущими его членами служитъ бѣдственное матеріальное положеніе студентовъ, необходимость устроить, вопреки запрещеніямъ правительства, корпоративное попеченіе объ участи ихъ [2]). Иные, наконецъ, становятся приверженцами Нечаева подъ вліяніемъ озлобленія и отчаянія; таковъ, напримѣръ, Успенскій, занимающій первое, послѣ Нечаева, мѣсто въ организаціи общества.

«Причины, главнымъ образомъ побудившія меня къ всту-

---

[1]) Всего рельефнѣе эта тактика Нечаева описана Кузнецовымъ и Успенскимъ (засѣданія 1-го и 3-го іюля).

[2]) Это явленіе не новое; вотъ что мы читаемъ въ той части приговора верховнаго уголовнаго суда 1866-го года, которая относится къ подсудимымъ Кучину, Соболеву, Сергіевскому, Борисову, Воскресенскому, Кутыеву и Полумордвинову. «вступая въ общество, они имѣли въ виду только обѣщанное имъ облегченіе своей крайней нищеты и убѣжденіе, что безъ посторонней помощи они не могутъ кончить образованія, которое одно могло обезпечить ихъ будущность».

пленію въ общество»—показалъ Успенскій на судѣ—«были слѣдующія: со времени выхода моего изъ школы, я постоянно обращался въ кругу людей большею частью молодыхъ, которые подвергались административнымъ преслѣдованіямъ. Конечно, я не могъ оставаться къ этому равнодушнымъ, не могъ не сочувствовать этимъ лицамъ. Мало того: послѣднія административныя мѣры сдѣлали то, что ни я, ни мои знакомые не могли считать себя безопасными и гарантированными отъ преслѣдованій, хотя и не считали себя заслуживающими такого преслѣдованія. Все это повело къ тому, что я поступилъ въ общество по той же причинѣ, по которой человѣкъ, никогда не воровавшій, если про него кричатъ, что онъ воръ, дѣйствительно дѣлается воромъ. 14-го мая была арестована моя сестра, пятнадцатилѣтняя дѣвушка. Ее посадили въ Арбатскую часть, затѣмъ перевели въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ она просидѣла девять мѣсяцевъ. Между тѣмъ я зналъ навѣрное, что нѣтъ никакихъ причинъ подозрѣвать ее въ чемъ-нибудь». Приведя еще нѣсколько фактовъ того же рода, Успенскій прибавилъ: «послѣднею побудительною причиною (вступленія въ общество) было письмо, полученное мною отъ арестованной сестры. Письмо это было такъ странно, что я счелъ ее за сумасшедшую». Много общаго съ этимъ показаніемъ Успенскаго представляютъ объясненія кн. Черкезова о причинахъ, склонившихъ его и другихъ къ вступленію въ общество. Не менѣе характеристиченъ тотъ фактъ, что вербованіе членовъ общества между студентами Московскаго университета началось только послѣ такъ-называемой полунинской исторіи, и привлечены къ участію въ общество были почти исключительно такіе студенты, которые или сами пострадали отъ этой исторіи, или находились въ близкихъ отношеніяхъ къ лицамъ, отъ нея пострадавшимъ.

Оппозиціонное направленіе молодежи—преимущественно той, которая учится въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ — явленіе общее всѣмъ континентальнымъ государствамъ Европы. Политическія движенія въ Парижѣ почти всегда находили отголосокъ въ школахъ латинскаго квартала: вѣнскіе студенты играли выдающуюся роль въ событіяхъ 1848-го года; чешская агитація, происходящая на нашихъ глазахъ въ Богеміи, стоила уже нѣсколькихъ непріятныхъ сценъ нѣмецкимъ профессорамъ Пражскаго университета; во всѣхъ германскихъ университетахъ су-

ществуютъ корпораціи (буршеншафты) съ болѣе или менѣе либеральнымъ оттѣнкомъ. Все это совершенно въ порядкѣ вещей; молодые умы, не охлажденные опытомъ жизни, незнакомые еще ни съ твердостью основъ, на которыхъ держится государственное и общественное устройство, ни съ важностью и многочисленностью условій, которыя должны быть приняты въ разсчетъ при всякомъ преобразованіи этого устройства.— всегда расположены къ движенію, къ перемѣнѣ. Наиболѣе пылкіе изъ нихъ вѣрятъ въ возможность устранить за одинъ разъ все то, что̀ кажется имъ несовершеннымъ, и создать не только новый порядокъ, но и новыхъ людей, ему соотвѣтствующихъ. Мысль о борьбѣ, объ опасности скорѣе воодушевляетъ, нежели устрашаетъ юношей, въ глазахъ которыхъ все выходящее изъ сферы обыденной жизни имѣетъ романическую прелесть. Въ государствахъ, не привыкшихъ еще къ умственной свободѣ, такое настроеніе умовъ кажется чѣмъ-то безусловно несовмѣстнымъ съ общественнымъ спокойствіемъ и вызываетъ цѣлый рядъ строгихъ мѣръ, основанныхъ на недовѣріи къ молодежи. Исторія показываетъ намъ, между тѣмъ, что по мѣрѣ уменьшенія этого недовѣрія наклонность молодежи къ безпорядкамъ не усиливается, а ослабѣваетъ. Всего менѣе она, безъ сомнѣнія, развита въ Англіи, т.-е. въ странѣ, которая не знаетъ никакихъ административныхъ стѣсненій. Въ Германіи двадцатыхъ годовъ, послѣ карлсбадскихъ конференцій, запрещеніе буршеншафтовъ не предупредило ни броженія умовъ между студентами, ни образованія тайныхъ обществъ; въ настоящее время буршеншафты пользуются полною свободой, но тайныя общества сдѣлались анахронизмомъ, и всякая попытка образовать какой-нибудь подпольный союзъ потерпѣла бы полное фіаско даже между молодыми людьми, только-что надѣвшими цвѣтную корпоративную фуражку. Во Франціи періоды дѣйствительнаго торжества свободы такъ быстро смѣнялись подавленіемъ ея, явнымъ или едва прикрытымъ, что радикально-оппозиціонный духъ не успѣлъ исчезнуть въ средѣ молодежи; нельзя не замѣтить, однако, что парижская учащаяся молодежь—la jeunesse des écoles—не примкнула ни къ іюньскимъ инсургентамъ 1848-го года, ни къ приверженцамъ коммуны 1871-го года.

Система недовѣрія, какъ и всякая другая, должна быть разсматриваема преимущественно съ точки зрѣнія ея резуль-

татовъ. Если бы она уничтожала всякое волненіе въ самомъ его зародышѣ, если бы она успокоивала умы, если бы принятіе однажды крутыхъ мѣръ надолго дѣлало ненужнымъ ихъ повтореніе, то можно было бы утверждать, что цѣль системы достигнута, и доказывать этимъ ея пользу и необходимость. Но если она не предупреждаетъ безпорядковъ, если подъ покровомъ внѣшней тишины, водворяемой ею отъ времени до времени, происходитъ сильное внутреннее броженіе, если она требуетъ постоянно возобновляющихся преслѣдованій,—то позволительно заключить, что въ ней самой или въ примѣненіи ея коренится существенный недостатокъ, и что, затрудняя развитіе, она все-таки не служитъ достаточной гарантіей порядка.

Дѣло въ томъ, что отъ оппозиціоннаго чувства, въ большей части случаевъ смутнаго и неопредѣленнаго, еще очень далеко до тайнаго замысла или открытаго возстанія противъ существующаго порядка. Въ концѣ концовъ, это чувство часто сводится въ молодомъ человѣкѣ къ жаждѣ дѣятельности. Есть множество путей, вполнѣ законныхъ и безопасныхъ, на которыхъ она можетъ проявляться и находить удовлетвореніе, пока наступающая зрѣлость не замѣнитъ увлеченія убѣжденіемъ и не охладитъ перваго юношескаго пыла. Конечно, было бы гораздо лучше, если бы приготовленіе къ дѣятельности, т.-е. ученье, могло наполнить всю жизнь молодого человѣка; но наши университеты и академіи—не монастырскія школы, и молодые люди, учащіеся въ нихъ, невольно приходятъ въ соприкосновеніе съ окружающимъ ихъ обществомъ, въ особенности съ своею собственною товарищескою средою. Сходство положенія, общность стремленій и интересовъ неизбѣжно образуетъ корпоративный духъ, развивающійся несмотря ни на какія внѣшнія стѣсненія и скорѣе поддерживаемый, нежели подавляемый ими. Въ 1861-мъ году, подъ вліяніемъ первыхъ университетскихъ безпорядковъ, можно было задать себѣ задачей изолировать каждаго отдѣльнаго студента, не оставить между нимъ и университетомъ никакой другой связи кромѣ профессорскихъ лекцій, уничтожить de facto корпорацію студентовъ, какъ она была уже уничтожена передъ тѣмъ de jure; но теперь, по прошествіи десяти лѣтъ, слѣдуетъ спросить себя, исполнена ли эта задача? Мы не станемъ разбирать старый вопросъ о пользѣ или необходимости студенческихъ сходокъ, особой студенческой кассы, библіотеки,

кухмистерской и т. п. Мы думаемъ, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ можно будетъ только удивляться преувеличенной важности, которую придавали и, кажется, еще придаютъ этому вопросу обѣ стороны. Мы признаемся откровенно, что не ожидаемъ отъ студенческаго самоуправленія такой быстрой и рѣшительной перемѣны къ лучшему въ бытѣ и положеніи студентовъ, на какую разсчитываютъ его ревностные защитники: но, съ другой стороны, мы не видимъ въ немъ рѣшительно ничего опаснаго для государства и для общества. Допустимъ на минуту, что сходки студентовъ—безъ которыхъ невозможно учрежденіе студенческой кассы и т. п.—могутъ служить поводомъ къ волненіямъ, распространяющимся даже за предѣлы университета. Отсюда, безъ сомнѣнія, слѣдовало бы вывести необходимость запрещенія сходокъ—если бы только это запрещеніе было осуществимо на практикѣ. Но развѣ можно услѣдить за каждымъ шагомъ каждаго изъ тысячи студентовъ, въ городѣ съ нѣсколькими сотнями тысячъ жителей? Развѣ можно запретить и помѣшать студентамъ собираться въ какой-нибудь частной квартирѣ? Развѣ можно помѣшать студентамъ говорить о своихъ общихъ дѣлахъ даже въ университетской аудиторіи, до прихода профессора? Развѣ порядку и спокойствію угрожаютъ только сходки въ стѣнахъ университета—единственныя, которыя университетское начальство можетъ ограничить, если и не предупредить совершенно? Лучшимъ отвѣтомъ на эти вопросы служатъ факты, раскрытые нечаевскимъ процессомъ. Зимою 1868—69 г. волненіе между студентами въ Петербургѣ возникло весьма рано и продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ; сходки въ частныхъ квартирахъ—то въ той, то въ другой—собирались уже въ ноябрѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ; между тѣмъ, репрессивныя мѣры начались не ранѣе января и положили конецъ движенію не ранѣе марта, послѣ административной высылки многихъ студентовъ и закрытія на время Медико-Хирургической академіи. Къ какимъ худшимъ результатамъ могли бы привести открытыя, разрѣшенныя сходки въ помѣщеніи университета? Вся разница заключалась бы въ томъ, что на этихъ послѣднихъ сходкахъ всякое противузаконное предпріятіе было бы обнаружено и прекращено гораздо скорѣе. Говорятъ о вредномъ вліяніи тайныхъ кружковъ, образующихся въ средѣ учащейся молодежи и слишкомъ легко переходящихъ отъ невинныхъ стремленій

къ преступнымъ цѣлямъ; но что же можетъ служить болѣе сильнымъ противувѣсомъ этому вліянію, какъ не гласность, не боящаяся дневного свѣта? Въ университетскихъ городахъ Англіи существуютъ такъ-называемые debating clubs, въ которыхъ обсуждаются самые важные политическіе и религіозные вопросы, съ полною свободой мысли и слова—и вопросъ о вредныхъ послѣдствіяхъ такой свободы никогда еще никѣмъ не былъ поднимаемъ. Мы знаемъ очень хорошо, что между нравами англійскими и русскими существуетъ очень большая разница—но мы вѣдь и не утверждаемъ, чтобы нашимъ студентамъ слѣдовало разрѣшить устройство публичныхъ преній о чемъ и какъ угодно. Мы ограничиваемся слѣдующими простыми разсужденіями: собираются ли у насъ, по крайней мѣрѣ по временамъ, студенческія сходки, несмотря на существующее запрещеніе? Собираются.—Возможно ли предупредить, разъ навсегда, повтореніе подобныхъ собраній? Нѣтъ, невозможно.—Меньше ли они даютъ поводовъ къ безпорядкамъ, чѣмъ собранія разрѣшенныя? Нѣтъ, не меньше, а скорѣе больше.—Удобнѣе ли наблюдать за сходками разрѣшенными, чѣмъ за сходками неразрѣшенными? Гораздо удобнѣе.—Возможно ли ограничить пренія на этихъ послѣднихъ сходкахъ вопросами, заранѣе назначенными и опредѣленными (напримѣръ, общими студенческими дѣлами и научными вопросами, составляющими предметъ университетскаго преподаванія)? Вполнѣ возможно.—На этой чисто-практической почвѣ спорный вопросъ у насъ, кажется, еще не обсуждался; а между тѣмъ, именно на ней всего легче могли бы быть разрѣшены недоумѣнія, стóившія уже столько заботъ однимъ, столько горя и бѣдствій—другимъ.

Переходъ отъ системы недовѣрія къ системѣ довѣрія—конечно, довѣрія не исключающаго осторожность—укрѣпилъ бы, быть можетъ, корпоративный духъ въ средѣ каждаго отдѣльнаго учебнаго заведенія (хотя мы склоняемся къ мысли, что онъ только облекъ бы его въ болѣе правильную форму); но зато онъ уничтожилъ бы ту солидарность между различными заведеніями, вслѣдствіе которой волненія, возникающія въ одномъ изъ нихъ, въ большей части случаевъ распространяются и на другія. Въ сходкахъ, происходившихъ зимою 1868—69 г., участвовали рядомъ съ студентами С.-Петербургскаго университета студенты Медико-Хирургической академіи, слушатели Технологическаго и Земледѣльческаго институтовъ:

и это очень понятно, такъ какъ они всѣ считали себя связанными однимъ общимъ интересомъ. Мало того: здѣшніе студенты вступали въ сношенія съ московскими, можетъ быть и съ провинціальными. При нормальномъ развитіи корпоративной жизни такое явленіе едва-ли было бы возможно. Въ соприкосновеніяхъ между высшими учебными заведеніями, конечно, не было бы недостатка; но, происходя открыто, они были бы чужды всякаго агитаціоннаго характера. Съ другой стороны, участвуя въ корпоративной жизни, студенты не могли бы болѣе возлагать на правительство главную долю отвѣтственности за матеріальныя лишенія, испытываемыя большинствомъ учащейся молодежи. Повторяемъ, еще разъ, мы не думаемъ, чтобы учрежденіе студенческой кассы оказалось въ этомъ отношеніи чѣмъ-нибудь болѣе палліативнаго средства; но для насъ важно то, что отсутствіемъ кассы студенты привыкли объяснять бѣдственное положеніе свое, и оно служитъ одною изъ причинъ, поддерживающихъ между ними оппозиціонное расположеніе духа. Убѣдить ихъ въ неосновательности такого взгляда могъ бы только опытъ, котораго до сихъ поръ сдѣлано еще не было.

Намъ могутъ возразить, основываясь на данныхъ нечаевскаго дѣла, что опытъ сдѣланъ былъ и что онъ привелъ совсѣмъ не къ тѣмъ результатамъ, которыхъ мы ожидаемъ. Въ Петровской земледѣльческой академіи (близъ Москвы) существовала въ 1869-мъ году кухмистерская, управляемая уполномоченными отъ студентовъ; для выбора этихъ уполномоченныхъ по необходимости допускаемы были и сходки—а между тѣмъ Петровская академія была главнымъ центромъ и разсадникомъ тайнаго общества, основаннаго Нечаевымъ, въ ея средѣ онъ нашелъ самыхъ преданныхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ: Кузнецова, Иванова, Долгова, Рипмана и другихъ. Это обстоятельство нисколько не опровергаетъ нашего мнѣнія. Льготы, которыми пользовались студенты Петровской академіи, не имѣли, во-первыхъ, прочнаго основанія; примѣръ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній заставлялъ ожидать со дня на день ихъ совершенной отмѣны, которая дѣйствительно и воспослѣдовала въ 1870 или 1871 г. Во-вторыхъ, эти льготы были весьма ограниченны; касса, напримѣръ, могла образоваться только въ тайнѣ отъ академическаго начальства. Но какъ ни шатки, какъ ни бѣдны были зачатки корпоративнаго устройства въ

Петровской академіи, они все-таки оказались скорѣе препятствіемъ, чѣмъ пособіемъ для дѣятельности тайнаго общества. Мы не находимъ въ нечаевскомъ дѣлѣ никакихъ указаній на то, чтобы сходки, вызванныя существованіемъ кухмистерской, играли какую-нибудь роль въ распространеніи тайнаго общества или хотя бы въ приготовленіи къ нему умовъ академической молодежи. Нельзя утверждать даже, чтобы онѣ были источникомъ крѣпкой товарищеской связи между студентами,—связи, которою обвиненіе объясняло быстроту вербованія членовъ тайнаго общества въ средѣ академіи. Большинство студентовъ Петровской академіи живетъ вдали отъ Москвы, на общихъ квартирахъ въ зданіи академіи или въ окрестныхъ деревняхъ; вотъ почему они скорѣе и больше сближаются между собою, чѣмъ студенты университетовъ, живущіе въ столицахъ или въ большихъ провинціальныхъ городахъ.

Съ другой стороны, нечаевское дѣло представляетъ намъ слѣдующій, въ высшей степени знаменательный фактъ. Въ засѣданіи кружка отдѣленія, т.-е. руководящаго центра тайнаго общества, Нечаевъ предлагаетъ распространять прокламаціи посредствомъ наклеиванія ихъ въ академическихъ столовыхъ и библіотекѣ. Членами кружка отдѣленія состоятъ два студента Петровской академіи, Кузнецовъ и Ивановъ. Оба возстаютъ противъ предложенія Нечаева, потому что видятъ въ немъ опасность для существованія кухмистерской, которою такъ дорожатъ многочисленные бѣдняки академіи. Кузнецовъ, подчинившійся вполнѣ вліянію Нечаева, сопротивляется недолго, но Ивановъ, человѣкъ самостоятельный, энергически отстаиваетъ свое мнѣніе и при этомъ случаѣ въ первый разъ выражаетъ готовность возстать даже противъ приказаній таинственнаго комитета, именемъ котораго прикрывается Нечаевъ. Отсюда ведетъ свое начало оппозиція Иванова Нечаеву и ненависть Нечаева къ Иванову, нашедшая удовлетвореніе только въ смерти послѣдняго. Итакъ, для одного изъ главныхъ членовъ тайнаго общества существованіе студенческой кухмистерской оказывается дороже, чѣмъ быстрое распространеніе общества! Характеризуя какъ нельзя лучше направленіе самого общества, этотъ фактъ показываетъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какимъ могущественнымъ оплотомъ противъ политической агитаціи въ средѣ студентовъ могло бы служить развитіе между ними правильной корпоративной жизни. Для большинства молодыхъ людей общій

интересъ всегда важнѣе личнаго; опасеніе повредить корпораціи дѣйствовало бы на нихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ опасеніе повредить только самимъ себѣ. Было бы крайне прискорбно, если бы упомянутый нами эпизодъ нечаевскаго дѣла не обратилъ на себя вниманія администраціи.

Событія послѣднихъ десяти лѣтъ отразились неблагопріятно не на одномъ только корпоративномъ устройствѣ высшихъ учебныхъ заведеній; они породили недовѣріе ко всѣмъ предпріятіямъ, ко всѣмъ учрежденіямъ, подъ покровомъ которыхъ случалось проявляться анти-правительственнымъ тенденціямъ. 1862-ой годъ положилъ конецъ движенію въ пользу воскресныхъ школъ, начавшемуся за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ довольно широкихъ размѣрахъ; процессъ 1866-го года возбудилъ подозрѣніе противъ всѣхъ обществъ, устраиваемыхъ молодежью. «Судебнымъ слѣдствіемъ обнаружено»—сказано въ приговорѣ верховнаго уголовнаго суда,—«что еще въ 1863-мъ году составился въ Москвѣ кружокъ изъ молодыхъ людей, зараженныхъ соціалистическими идеями; впослѣдствіи эти люди начали дѣлать усилія для распространенія и осуществленія своихъ идей на практикѣ; съ этою цѣлью они начали устраивать школы и различныя ассоціаціи, какъ-то переплетное заведеніе, швейную, основали общества переводчиковъ и переводчицъ и взаимнаго вспомоществованія, старались, для примѣненія своихъ теорій, пріобрѣсти ваточную фабрику въ Можайскомъ уѣздѣ и устроить заводъ въ Жиздринскомъ уѣздѣ на соціальномъ началѣ для рабочихъ Мальцовскаго завода: нѣкоторыя изъ сихъ заведеній и обществъ были уже учреждены безъ разрѣшенія правительства, а нѣкоторыя были, кромѣ того, направлены къ явно преступнымъ цѣлямъ. Затѣмъ нѣкоторые члены обществъ взаимнаго вспомоществованія, а также переводчиковъ и переводчицъ, задумали организовать свою дѣятельность на строго опредѣленныхъ началахъ; для этого они стали собираться на сходки, обсуждать различные вопросы и предположенія, составлять и разсматривать проекты уставовъ, и хотя такихъ проектовъ было нѣсколько, но ни одинъ еще не былъ окончательно принятъ; однако же при этомъ нѣкоторыми изъ участвовавшихъ въ упомянутыхъ сходкахъ были заявляемы цѣли и предлагаемы средства самыя безнравственныя, самыя преступныя... Бо́льшая часть изъ этихъ предложеній не была принята, но по нѣкоторымъ и безъ общаго согласія были дѣ-

лаемы приготовленія». Факты, обнаруженные верховнымъ уголовнымъ судомъ, не могли оставаться безъ вліянія на дѣятельность правительства; они повлекли за собою изданіе закона 27-го марта 1867 года и цѣлый рядъ административныхъ мѣропріятій. Мы отнесемся къ нимъ, какъ и къ мѣрамъ по управленію высшими учебными заведеніями, только съ однимъ вопросомъ: достигли ли они своей цѣли, предупредили ли то зло, противъ котораго были направлены? Печальнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ разбираемое нами дѣло.

Нечаевъ не нашелъ въ Москвѣ ни обществъ, которыя бы занимались, подъ какимъ-нибудь невиннымъ предлогомъ, политической агитаціей, ни промышленныхъ предпріятій, которыя бы служили ширмой для распространенія соціалистическихъ ученій, ни школъ, въ которыхъ вмѣсто науки преподавалась бы ненависть къ существующему порядку вещей; все это не помѣшало ему, однако, образовать, въ короткое время, тайную организацію, распространеніе которой едва-ли могло бы быть легче и быстрѣе, если бы почва для нея была приготовлена составленными ad hoc, подъ благовидной маской, обществами. Намъ могутъ возразить, что если подобныя общества и не играли никакой роли въ нечаевскомъ дѣлѣ, то это еще не значитъ, чтобы они не были опасны для государства. Чтобы оцѣнить вполнѣ силу этого возраженія, необходимо было бы имѣть точныя свѣдѣнія о тѣхъ, если можно такъ выразиться, преддверіяхъ къ тайной организаціи 1866-го года, на которыя указано вкратцѣ въ приведенныхъ нами словахъ приговора верховнаго уголовнаго суда. Къ сожалѣнію, разбирательство дѣла въ верховномъ уголовномъ судѣ происходило при закрытыхъ дверяхъ, и мы не знаемъ, что показывалъ предъ нимъ каждый подсудимый или свидѣтель, какими документами судъ руководствовался при рѣшеніи дѣла. Нѣкоторые матеріалы для занимающаго насъ вопроса можно, однако, найти въ самомъ приговорѣ суда, несмотря на всю его сжатость. Упомянувъ объ образованіи различныхъ обществъ съ цѣлью распространенія соціалистическихъ идей, приговоръ говоритъ нѣсколько дальше, что «нѣкоторые члены обществъ взаимнаго вспомоществованія, а также переводчиковъ и переводчицъ *задумали организовать свою дѣятельность на опредѣленныхъ началахъ*»; слѣдовательно, при первоначальномъ образованіи обществъ никакихъ опредѣленныхъ началъ для дѣятельности ихъ въ виду не имѣлось, да и въ послѣ-

дующей попыткѣ или попыткахъ создать такія начала участвовали не всѣ члены обществъ. Къ тому же заключенію приводитъ и слѣдующее мѣсто приговора: «*нѣкоторыя* (изъ сихъ заведеній) *были направлены къ явно преступнымъ цѣлямъ*»: значитъ, другія заведенія были учреждены безъ всякой преступной цѣли. На сходкахъ, происходившихъ съ цѣлью организовать дѣятельность обществъ на опредѣленныхъ началахъ, *нѣкоторыми* изъ участвовавшихъ были заявляемы преступныя цѣли и предлагаемы безнравственныя средства; но *бо́льшая часть подобныхъ предложеній не была принята*. Наконецъ, изъ приговора видно, что нѣкоторые изъ членовъ организаціи (Малининъ, Ивановъ, Лапкинъ) «старались разстроить ее, препятствовать ея сходкамъ и образовать кружокъ ей враждебный», а другіе (Кичинъ, Соболевъ, Сергіевскій, Борисовъ, Воскресенскій, Кутыевъ, Полумордвиновъ) «не имѣли точныхъ свѣдѣній о цѣляхъ и предположеніяхъ общества, на сходкахъ котораго они бывали рѣдко и не могли себѣ составить понятія даже о томъ, что́ такое соціализмъ, нигилизмъ и коммунизмъ». Основываясь на этихъ данныхъ, мы не видимъ существенной разницы между обществами, изъ среды которыхъ вышла тайная организація 1866-го года, и обыкновенными кружками, составляющимися изъ людей, близко знакомыхъ между собою и соединенныхъ какою-нибудь общею мыслью. Если даже между членами организаціи были лица, не знавшія ея цѣли и не имѣвшія яснаго понятія о соціализмѣ и коммунизмѣ, то что́ же сказать о тѣхъ членахъ обществъ взаимнаго вспомоществованія и др., которые вовсе не вступали въ организацію? Не очевидно ли, что связь между этими обществами и организаціей была чисто внѣшняя, случайная? Правда, члены послѣдней набирались преимущественно изъ среды первыхъ; но вѣдь изъ того, что студенты Петровской земледѣльческой академіи составляютъ половину общаго числа лицъ, осужденныхъ по нечаевскому дѣлу, никто не станетъ заключать, что Петровская академія сама по себѣ есть революціонное учрежденіе. Сдѣлавшись главнымъ центромъ дѣятельности Нечаева и оставаясь имъ почти до конца, академія естественно должна была дать наибольшую, сравнительно, цифру членовъ организаціи—а въ 1866-мъ году роль Петровской академіи играли въ этомъ отношеніи, если мы не ошибаемся, именно разнородныя общества, упомянутыя въ приговорѣ верховнаго суда.

Со времени изданія закона 27-го марта 1867-го года образованіе общества съ цѣлью распространенія ученій, направленныхъ къ ниспроверженію или измѣненію, какими бы то ни было средствами, порядка государственнаго устройства, или обращеніе къ этой цѣли дѣятельности общества, имѣвшаго другое назначеніе, есть самостоятельное преступленіе, подвергающее виновныхъ строгому уголовному наказанію. Никакое общество не можетъ, оставаясь на законной почвѣ, приготовлять матеріалы или пролагать дорогу къ нападенію на существующій порядокъ вещей. Отсюда ясно, что если правительство имѣетъ интересъ наблюдать за дѣятельностью обществъ, однажды образованныхъ, то оно не имѣетъ интереса предупреждать ихъ образованіе (мы конечно говоримъ объ обществахъ не-тайныхъ). Нѣтъ предпріятія, первоначальная цѣль котораго не могла бы быть извращена, нѣтъ собранія, въ средѣ котораго не могло бы возникнуть противузаконное намѣреніе; но вѣдь никто не думаетъ однако о запрещеніи, вслѣдствіе этого, всякихъ предпріятій, всякихъ собраній. Въ дѣлѣ образованія обществъ, какъ и во всякомъ другомъ, излишнія стѣсненія ведутъ къ попыткамъ обойти законъ или административное распоряженіе—а такъ какъ эти попытки по неволѣ совершаются тайно, то за формальнымъ нарушеніемъ закона часто слѣдуютъ другія, болѣе серьезныя. Недовѣріе администраціи направлено, съ 1861-го и еще болѣе съ 1866-го года, преимущественно противъ обществъ и предпріятій, имѣющихъ предметомъ или послѣдствіемъ сближеніе образованнаго класса съ народомъ (земледѣльческія ассоціаціи, народныя школы и т. п.); отъ этого сближенія, въ особенности когда главное участіе въ дѣлѣ принадлежитъ молодежи, ожидаютъ распространенія соціалистическихъ ученій. Мы думаемъ, что въ основаніи этого опасенія лежитъ отчасти недоразумѣніе, тѣмъ болѣе естественное, чѣмъ эластичнѣе, туманнѣе самое понятіе о соціализмѣ.

Есть политическія ученія, вылившіяся въ рельефную форму, ярко отличающіяся отъ всѣхъ другихъ и не оставляющія мѣста для сомнѣній; такова, напримѣръ, теорія красныхъ республиканцевъ въ родѣ Ледрю-Роллена, старыхъ прусскихъ консерваторовъ въ родѣ Герлаха. Соціализмъ не принадлежитъ къ числу такихъ ученій; онъ допускаетъ тысячу различныхъ видоизмѣненій, не имѣетъ опредѣленныхъ границъ, затрогиваетъ

самыя противуположныя общественныя сферы — короче, это не доктрина, а собирательное слово для множества доктринъ, имѣющихъ лишь нѣсколько точекъ соприкосновенія между собою. Прибавимъ къ этому, что къ нѣкоторымъ изъ задачъ, входящихъ въ программу соціалистовъ, могутъ стремиться люди равнодушные или даже враждебные соціализму. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ крайніе консерваторы Англіи обвиняли Гладстона въ наклонности къ соціализму за предложенный имъ законъ о землевладѣніи въ Ирландіи; теперь, если вѣрить слухамъ, эти же самые консерваторы ищутъ союза съ рабочими, только-что устроившими цѣлый рядъ стачекъ. Въ Германіи не безъ причины причисляютъ къ соціалистамъ и епископа майнцскаго Кеттелера, одного изъ вождей ультрамонтанской партіи, и Вагенера, еще недавно считавшагося руководителемъ феодаловъ. Мягкія формы соціализма вездѣ соприкасаются съ простою заботливостью объ улучшеніи матеріальнаго положенія народа; признаки перехода отъ послѣдней къ первымъ, трудно опредѣлимые даже для самаго безпристрастнаго взгляда, тѣмъ болѣе обманчивы въ эпоху тревожной борьбы противъ соціализма. Съ другой стороны, соціализмъ часто бываетъ только формой, въ которую облекается на время желаніе способствовать народному благу. Преобладаніе доброй воли надъ опытностью и знаніемъ, увлеченіе громкимъ словомъ, надежда на быстрые, громадные результаты—все это вмѣстѣ взятое заставляетъ многихъ молодыхъ людей считать себя соціалистами, пока они не сдѣлаются просто тружениками на пользу народа или не откажутся отъ своихъ юношескихъ мечтаній. Такихъ соціалистовъ на одинъ часъ, соціалистовъ не по убѣжденію, а по чувству, у насъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, и ошибочно было бы видѣть въ нихъ враговъ общественнаго устройства. Нашимъ читателямъ, конечно, еще памятна блестящая характеристика русской современной молодежи, начертанная В. Д. Спасовичемъ во время судебныхъ преній по нечаевскому дѣлу [1]). Съ отдѣльными подробностями этой характеристики можно не соглашаться, можно отрицать, что «всѣ мы тамъ были, въ этой соціалистической странѣ», можно находить, что ораторъ слишкомъ скептически

[1]) Въ защитительной рѣчи за Кузнецова, которая, въ памяти всѣхъ слышавшихъ ее, остается непревзойденнымъ до сихъ поръ образцомъ русскаго ораторскаго искусства.

отнесся къ нравственной силѣ нашего молодого поколѣнія, къ будущности ассоціаціоннаго начала; но нельзя не признать вмѣстѣ съ нимъ, что соціалистическія тенденціи часто составляютъ только эпизодъ въ жизни молодого человѣка и проистекаютъ изъ искренняго чувства любви къ народу. Если соединеніе этого чувства съ жаждой дѣятельности, свойственной молодости, при нѣкоторыхъ, особенно неблагопріятныхъ условіяхъ, можетъ привести къ преступнымъ замысламъ противъ государственнаго порядка, то при нормальномъ положеніи дѣлъ оно должно дать въ результатѣ только увеличеніе суммы труда, посвященнаго общей пользѣ. Ничто не отрезвляетъ въ такой степени, какъ переходъ отъ мысли къ дѣлу, какъ соприкосновеніе съ жизнью; лучшая гарантія противъ неопредѣленныхъ мечтаній — возможность практической дѣятельности или, по крайней мѣрѣ, вѣра въ скорое наступленіе этой возможности. Мы видѣли уже, что первой заботой Нечаева было поколебать, уничтожить эту вѣру—и если бы она держалась на основаніяхъ болѣе прочныхъ, дѣло образованія тайной организаціи потерпѣло бы неудачу въ самомъ своемъ началѣ.

Ни одинъ изъ будущихъ членовъ тайнаго общества не былъ соціалистомъ въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придаютъ этому слову на Западѣ Европы. Ихъ занимали не химерическіе планы радикальныхъ преобразованій, а чисто практическіе проекты скромнаго труда вблизи народа и вмѣстѣ съ народомъ. Когда Нечаевъ сталъ доказывать имъ невозможность подобнаго труда, они не сразу убѣдились его доводами. Имъ было больно разстаться съ любимою мыслью; но возраженія Нечаева заставили ихъ подумать о слабости средствъ, которыми они располагаютъ для ея осуществленія, о силѣ препятствій, съ которыми имъ придется бороться, и придти къ заключенію, что между тѣми и другими несоразмѣрность слишкомъ большая. Побѣдоносными изъ этого испытанія вышли только немногія сильныя натуры, напримѣръ Лунинъ, который, замѣчая перемѣну въ Кузнецовѣ, въ Долговѣ, не переставалъ уговаривать ихъ остаться вѣрными прежней цѣли. Если бы его усилія не были прерваны отъѣздомъ его въ С.-Петербургъ, они, можетъ быть, имѣли бы болѣе успѣха. Мы едва-ли ошибемся, далѣе, если скажемъ, что Ивановъ, несмотря на вступленіе его въ общество и даже въ кружокъ отдѣленія, не былъ вполнѣ убѣжденъ Нечаевымъ и скоро отдѣлился бы отъ него на дѣлѣ, какъ

начиналъ уже расходиться съ нимъ на словахъ. Въ средѣ организаціи 1869-го года, если бы она существовала нѣсколько дольше, неизбѣжно повторился бы такой же расколъ, какой внесли Малининъ, Лапкинъ и другіе въ организацію 1866-го года. Какъ бы то ни было, на первыхъ порахъ большинство лицъ, привлеченныхъ Нечаевымъ къ участію въ тайномъ обществѣ, согласились промѣнять свой давнишній идеалъ на смутную революціонную программу.

Ошибочно было бы, безъ сомнѣнія, объяснять это явленіе какою-нибудь одною причиной; но не коренится ли оно отчасти въ недостаточности той поддержки, которую обѣщала реальная жизнь планамъ Кузнецова, Долгова, Рипмана и ихъ друзей-академистовъ? Если бы они видѣли вокругъ себя множество путей, ведущихъ къ ихъ завѣтной цѣли, путей прямыхъ, открытыхъ и доступныхъ для каждаго, путей, на которые можно свободно и безбоязненно вступать при дневномъ свѣтѣ, рѣшились ли бы они своротить на дорогу, покрытую тьмой и идущую въ разрѣзъ съ закономъ? Отказались ли бы они такъ легко и такъ скоро отъ мысли, успѣхъ которой обусловливался бы единственно ихъ собственною настойчивостью и энергіей? Подѣйствовалъ ли бы на нихъ такъ неотразимо скептицизмъ Нечаева, если бы ежедневный опытъ громко говорилъ за возможность всякаго предпріятія, остающагося въ предѣлахъ закона, а слѣдовательно и за возможность того дѣла, которому они предполагали посвятить свои силы? Конечно, они могли—и, говоря отвлеченно, должны были—устоять противъ аргументаціи Нечаева, какъ устояли противъ нея другіе; но вѣдь мы и не намѣрены оправдывать ихъ ошибку—мы хотѣли бы только, чтобы она больше не повторялась. Мы хотѣли бы, чтобы въ нашей общественной жизни не было такихъ явленій, за которыя могъ бы хвататься недобросовѣстный, на все готовый агитаторъ, какъ за орудіе для возбужденія умовъ трудящейся молодежи. Мы хотѣли бы, чтобы передъ нею широко раскрывался мирный путь разносторонней дѣятельности на пользу народу, и чтобы сознаніе свободы, ожидающей ее на этомъ пути, служило для нея охраной противъ революціонныхъ стремленій. Мы хотѣли бы, чтобы не было ни повода, ни даже предлога говорить молодымъ людямъ, мечтающимъ о благѣ народа: «ваши усилія безплодны, ваши планы заранѣе обречены на неудачу; вамъ угрожаетъ

опасность, хотя бы вы и не думали дѣйствовать наперекоръ закону».

Опасность, не зависящая отъ преступленія, опасность, не предупреждаемая строгимъ и точнымъ исполненіемъ закона — вотъ, въ самомъ дѣлѣ, элементъ, которому нельзя отказать въ вліяніи на образованіе нечаевскаго тайнаго общества. Мы имѣли случай высказать наше мнѣніе объ административной расправѣ съ точки зрѣнія законности и справедливости [1]); теперь намъ приходится спросить себя и о ней, достигаетъ ли она по крайней мѣрѣ своей цѣли? Примѣненіе ея едва-ли доходило когда-нибудь до болѣе широкихъ размѣровъ, чѣмъ въ послѣднія пять лѣтъ — и все-таки она не предупредила организаціи 1869-го года. Угрожая постоянно не только нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ, но цѣлымъ категоріямъ лицъ, она потеряла для нихъ свою устрашающую силу или, лучше сказать, развила въ нихъ какое-то фаталистическое ожиданіе неминуемой, неотвратимой невзгоды. Отсюда только одинъ шагъ до рѣшимости идти на встрѣчу бѣдѣ—и мы видѣли уже, что этотъ шагъ былъ сознательно сдѣланъ нѣкоторыми изъ подсудимыхъ по нечаевскому дѣлу. Чѣмъ больше ограждена личная свобода и безопасность человѣка, тѣмъ больше онъ дорожитъ, тѣмъ неохотнѣе рискуетъ ею — и наоборотъ. Нельзя пренебрегать также и тѣмъ озлобленіемъ, которое возбуждаютъ чрезвычайныя карательныя мѣры, въ особенности когда онѣ возведены или кажутся возведенными въ систему, и когда онѣ вызываются причинами, не соотвѣтствующими ихъ тяжести.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, условія, способствовавшія относительному успѣху нечаевской пропаганды въ средѣ молодежи. Мы увидимъ ниже, что настоящія цѣли этой пропаганды были тщательно скрываемы отъ огромнаго большинства членовъ организаціи. Они были привлечены къ ней не разрушительными тенденціями «Народной расправы», а обѣщаніемъ быстраго излеченія всѣхъ народныхъ бѣдствій. Они видѣли эти бѣдствія, горячо желали облегчить ихъ, признавали себя неспособными сдѣлать это собственными своими силами — и тѣмъ легче примкнули къ тому, кто предложилъ вести ихъ новымъ путемъ къ завѣтной цѣли, чѣмъ большимъ туманомъ были покрыты его намѣренія и средства. Притомъ, большинству

[1]) См. выше, I.

членовъ тайнаго общества казалось, что имъ нечего терять; настоящее и будущее ихъ было въ ихъ глазахъ одинаково необезпеченнымъ и непрочнымъ. Мы постараемся доказать, какую громадную ошибку они сдѣлали, согласясь вступить въ тайное общество; но мы считали себя въ правѣ приступить къ этой задачѣ не прежде, какъ объяснивъ причины ошибки, указавъ обстоятельства, уменьшающія вину подсудимыхъ не только передъ уголовнымъ судомъ, но и передъ судомъ общественнаго мнѣнія.

Тайныя общества почти такъ же древни, какъ и самое государство. При извѣстныхъ условіяхъ они были явленіемъ неизбѣжнымъ въ жизни каждаго народа; но мы напрасно стали бы искать въ исторіи положительныхъ результатовъ ихъ дѣятельности, учрежденій, ими созданныхъ или хотя бы ими разрушенныхъ. Вездѣ и всегда они представляются намъ обреченными на безсиліе и безплодіе. Перевороты, реформы, насильственные или мирные, совершаются безъ ихъ участія и посредства. Имъ удается иногда устранить ненавистное имъ лицо, но безъ всякой пользы для защищаемаго ими дѣла. Мѣсто Цезаря тотчасъ же занимаютъ Антоній и Октавій; смерть Линкольна не отсрочиваетъ ни на минуту ни окончательное пораженіе южныхъ штатовъ, ни уничтоженіе рабства. Если убійство Гиппарха влечетъ за собою паденіе Пизистратидовъ, то только потому, что за Гармодіемъ и Аристогитономъ стоитъ весь аѳинскій народъ. Въ большей части случаевъ заговоръ или тайное общество не имѣетъ даже внѣшняго, минутнаго успѣха. Марино Фальери не поколебалъ господства венеціанской аристократіи; заговоръ Пацци возвысилъ могущество Медичисовъ; пороховой заговоръ надолго сдѣлалъ англійскихъ католиковъ безправными передъ лицомъ закона. Во Франціи XVIII-го вѣка существовали масонскія ложи и другія тайныя общества; но развѣ они совершили, развѣ они приготовили революцію 1789-го года? Заговоръ Бабёфа, заговоръ Пишегрю и Кадудаля, тайныя общества временъ реставраціи и іюльской монархіи, начиная съ генерала Бертона и четырехъ ларошельскихъ сержантовъ до Бланки и Барбеса — все это напрасныя траты силъ, эксплоатируемыя только реакціей и не имѣющія никакого отношенія ни къ іюльскому, ни къ февральскому перевороту. Въ Германіи тайныя общества распространяются въ двадцатыхъ

и тридцатыхъ годахъ, т.-е. въ эпоху полнѣйшаго застоя, и теряютъ всякое значеніе въ сороковыхъ годахъ, по мѣрѣ приближенія революціи. Въ Италіи, этой классической странѣ тайныхъ обществъ, карбонаризмъ стоитъ народу цѣлыхъ потоковъ крови и все-таки не даетъ ему ни независимости, ни свободы. На нашихъ глазахъ рушится безслѣдно общество Маріанны во Франціи, происходятъ тщетныя попытки феніевъ въ Ирландіи [1]). Когда мысль сдѣлалась силой, она не нуждается въ тайномъ обществѣ — а раньше тайное общество ничего не можетъ для нея сдѣлать.

Намъ могутъ возразить, что если тайныя общества не совершаютъ сами великихъ дѣлъ, то приготовляютъ для нихъ почву, воспитываютъ для нихъ народъ; но мы не видимъ фактовъ, которыми подтверждалось бы это мнѣніе. Говорятъ, что карбонаризмъ сдѣлалъ итальянцевъ способными къ свободѣ; но справедливѣе было бы сказать, что онъ былъ однимъ изъ признаковъ, однимъ изъ проявленій того умственнаго движенія, которое предшествовало и содѣйствовало политической эмансипаціи Италіи. Тайныя общества образуются преимущественно въ тѣ эпохи, когда въ средѣ народа совершается усиленное развитіе, готовится внутренняя перемѣна; отсюда возможность заключать, при поверхностномъ разсмотрѣніи событій, что эта перемѣна относится къ тайнымъ обществамъ, какъ послѣдствіе къ причинѣ. Но заключеніе это столь же невѣрно, какъ и правило, изъ котораго оно выведено: post hoc, ergo propter hoc. Между періодомъ тайныхъ обществъ и слѣдующимъ, болѣе счастливымъ періодомъ народной жизни существуетъ только хронологическая связь, какъ между періодомъ болѣзни и періодомъ здоровья. Выздоровленію предшествуютъ иногда лихорадочные пароксизмы; но это еще не значитъ, чтобы они были необходимы для выздоровленія. Итальянскіе карбонары были людьми своего времени,—времени пробужденія послѣ долгой умственной апатіи; они дѣйствовали подъ вліяніемъ новыхъ идей о національномъ и личномъ достоинствѣ, о правахъ итальянца и человѣка; но окончательнымъ обновленіемъ своимъ Италія обязана повсемѣстному распространенію этихъ идей, овладѣвшихъ даже одною изъ итальян-

---

[1]) Мы не говоримъ о международномъ обществѣ, потому что оно не можетъ быть отнесено къ числу тайныхъ.

скихъ династій, а не случайному и одностороннему воплощенію ихъ въ формѣ карбонаризма. Тайныя общества — плохая школа для политическаго воспитанія народа. Въ народѣ, выросшемъ подъ строгою опекой, безъ того уже слишкомъ мало развита самостоятельность мысли и воли, слишкомъ слаба личная инициатива, привычка дѣйствовать на собственный страхъ и довѣрять собственнымъ силамъ; тайныя общества гнутъ и тянутъ въ ту же самую сторону, требуя отъ своихъ членовъ безусловнаго, слѣпого повиновенія не ими самими избранному или даже имъ неизвѣстному вождю или комитету. Борясь съ превосходящей силой, они слишкомъ часто прибѣгаютъ къ орудію слабыхъ — къ лицемѣрію, къ обману; бѣдныя средствами, они склонны проповѣдывать неразборчивость въ ихъ выборѣ и примѣненіи. Они дѣйствуютъ противъ нетерпимости — нетерпимостью, противъ фанатизма—фанатизмомъ, и стараются поставить одну узкую, искусственно выработанную доктрину на мѣсто безконечнаго разнообразія мнѣній, создаваемыхъ жизнью и ею только одною измѣняемыхъ или уничтожаемыхъ. Они игнорируютъ или презираютъ все то, что стоитъ за ихъ предѣлами, и считаютъ себя въ правѣ производить надъ этой безразличной массой experimenta in anima vili.

Исторія тайныхъ обществъ у насъ, въ Россіи, носитъ на себѣ тотъ же отпечатокъ, какъ и исторія ихъ на Западѣ Европы. Одна только черта выдается въ ней особенно рельефно: это постепенное измельчаніе, вырожденіе русскихъ тайныхъ обществъ. Первое изъ нихъ по времени—общество такъ-называемыхъ декабристовъ [1])—было, безъ сомнѣнія, самымъ сильнымъ и по мысли, и по личному составу: по мысли, потому что оно мечтало о реформахъ, осуществившихся лишь тридцать пять или сорокъ лѣтъ спустя—объ освобожденіи крестьянъ, о правомъ судѣ, о свободѣ печати; по личному составу, потому что оно имѣло приверженцевъ во всѣхъ вліятельныхъ общественныхъ сферахъ — въ придворной аристократіи, въ войскѣ, въ высшей администраціи, въ литературѣ. Въ рядахъ его дѣйствовали кн. Трубецкой и кн. Оболенскій, кн. Волконскій и кн. Одоевскій, Пестель и Муравьевъ-Апостолъ, Рылѣевъ и Бестужевъ (Марлинскій); близко къ нему стояли такіе люди,

[1]) Придворные заговоры прошедшаго столѣтія составляютъ явленіе sui generis, не имѣющее ничего общаго съ разбираемымъ нами вопросомъ о тайныхъ обществахъ.

какъ Н. Тургеневъ, М. Орловъ, Пушкинъ и многіе другіе, игравшіе впослѣдствіи болѣе или менѣе важную роль въ государственномъ управленіи. Декабристы были, однимъ словомъ, представителями тогдашней русской интеллигенціи, слишкомъ далеко опередившіе не только массу народа, но и большинство такъ-называемаго образованнаго общества, и хотѣвшіе — въ этомъ состояла ихъ вина—увлечь его за собою путемъ насилія, военной революціи.

Общество Петрашевскаго, появляющееся черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ декабристовъ, играетъ, сравнительно съ ними, роль совершенно второстепенную; насколько можно судить по тѣмъ далеко не полнымъ свѣдѣніямъ, которыя мы о немъ имѣемъ, оно не задавалось никакою опредѣленною цѣлью и едва-ли даже можетъ быть названо тайнымъ обществомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Какъ бы то ни было, многіе изъ его членовъ безспорно возвышались надъ уровнемъ тогдашняго общества: достаточно назвать Ѳ. Достоевскаго и Толя. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ спискѣ лицъ, осужденныхъ за политическія преступленія—впрочемъ, не за составленіе тайныхъ обществъ—встрѣчаются еще имена, болѣе или менѣе громкія въ литературѣ; но это продолжается весьма недолго. Намъ неизвѣстно съ точностью судебное производство по дѣлу о лицахъ, обвинявшихся въ принадлежности къ обществу «Земля и воля»; но мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что подсудимыми по этому дѣлу были почти исключительно очень молодые люди, ничѣмъ не заявившіе своихъ правъ на политическую дѣятельность. То же самое, кажется, можно сказать и объ обнаруженномъ въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ обществѣ, имѣвшемъ цѣлью отдѣленіе Сибири.

О тайныхъ обществахъ 1866-го и 1869-го годовъ мы имѣемъ опредѣленныя свѣдѣнія; и что же мы изъ нихъ видимъ? Верховный уголовный судъ 1866-го года постановилъ два приговора: первымъ былъ присужденъ къ смертной казни Каракозовъ и оправданъ обвинявшійся въ сообществѣ съ нимъ Кобылинъ, вторымъ разрѣшена участь остальныхъ 34-хъ подсудимыхъ, привлеченныхъ къ дѣлу. Изъ числа этихъ подсудимыхъ въ государственномъ преступленіи обвинено было только тринадцать: всѣ прочіе или были оправданы, или признаны виновными въ принадлежности къ тайному обществу безъ знанія его цѣли, или осуждены за другія, не-государственныя

преступленія. Старшему изъ осужденныхъ государственныхъ преступниковъ было только 26 лѣтъ: четверо изъ нихъ не достигли еще двадцати одного года; средній ихъ возрастъ—22½ года. Ни одинъ изъ нихъ не занималъ сколько-нибудь вліятельнаго положенія въ обществѣ; только одинъ или двое, по словамъ защитниковъ, отличались отъ другихъ умомъ и дарованіями. Однимъ словомъ, тайное общество не имѣло ни внѣшней, ни внутренней силы, и цѣли, къ которымъ оно стремилось, мало соотвѣтствовали средствамъ, которыми оно располагало. Совершенно опредѣленныхъ, ясно сознанныхъ цѣлей оно, впрочемъ, не имѣло. Мы уже видѣли, что бо́льшая часть предложеній, сдѣланныхъ на собраніяхъ общества, приняты не были; по нѣкоторымъ изъ нихъ безъ общаго согласія были дѣланы приготовленія; самыя безнравственныя, самыя тяжкія преступленія были задуманы не на общихъ сходкахъ, а на совѣщаніяхъ между нѣсколькими лицами. Шагановъ — сказано дальше въ приговорѣ верховнаго суда — составлялъ проектъ устава «организаціи»; Николаевъ также составилъ проектъ устава; Мотковъ исправлялъ проектъ устава, составленный Ермоловымъ (слѣдовательно, уже третій) и хранилъ проектъ, написанный Шагановымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ мѣры для противодѣйствія насильственному перевороту; Юрасовъ и Загибаловъ были членами общества, имѣвшими полное свѣдѣніе о преступныхъ цѣляхъ его, но невыказавшими никакой особой дѣятельности. Если прибавить къ этому извѣстный намъ уже фактъ, что Малининъ, Ивановы и Лапкинъ старались разстроить организацію, препятствовали ея сходкамъ и образовали кружокъ, ей враждебный, то мы получимъ полную картину неурядицы, царствовавшей въ этомъ обществѣ, безсилія, бывшаго отличительною его чертою.

Такую же, въ главныхъ чертахъ, картину представляетъ намъ и общество 1869-го года. Судебная палата признала принадлежность къ тайному обществу тридцати одного подсудимаго [1]). Изъ нихъ достигли зрѣлаго возраста только двое: Прыжовъ (42 лѣтъ) и Александровская (36 лѣтъ). Средній возрастъ остальныхъ двадцати девяти—23½ года; несовершеннолѣтнихъ между ними только три, но очень много молодыхъ

---

[1]) Всѣхъ осужденныхъ подсудимыхъ 34, но Ткачевъ, Дементьева и Кошкинъ признаны виновными не въ принадлежности къ тайному обществу.

людей двадцати одного года и двадцати двухъ лѣтъ. Шестнадцать членовъ тайнаго общества были слушателями Петровской Земледѣльческой академіи, четверо — студентами Московскаго университета, трое — студентами Медико-Хирургической академіи. Изъ числа остальныхъ восьми, двое были приказчиками въ книжномъ магазинѣ, одинъ занимался изысканіями на желѣзныхъ дорогахъ, одинъ—литературой; одинъ — окончившій курсъ гимназистъ безъ занятій, одинъ — нигдѣ неучившійся мѣщанинъ; изъ числа женщинъ, одна была повивальной бабкой въ провинціи, другая, полу-образованная мѣщанка, занималась переплетнымъ мастерствомъ. Привлечены къ дѣлу, но освобождены отъ слѣдствія обвинительною камерой или оправданы судомъ, были также почти исключительно очень молодые люди, большею частью неокончившіе еще курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ [1]). Когда Нечаевъ и Кузнецовъ, за нѣсколько дней до раскрытія тайнаго общества, пріѣхали основать отдѣленіе его въ Петербургѣ, къ кому они обратились? Опять-таки къ студентамъ, къ слушателямъ Технологическаго и Земледѣльческаго институтовъ. Таковъ былъ личный составъ общества, такова среда, въ которой оно предполагало и на будущее время искать для себя членовъ.

Посмотримъ теперь, какъ оно дѣйствуетъ. Согласно съ старымъ рецептомъ, затасканнымъ въ архивахъ всѣхъ тайныхъ обществъ, оно раздѣляется на кружки изъ пяти-шести человѣкъ; каждый членъ кружка обязанъ образовать вокругъ себя новый кружокъ, но только весьма немногіе приступаютъ къ исполненію этой обязанности. Во главѣ общества стоитъ кружокъ отдѣленія; какъ руководитель всего предпріятія, онъ заслуживаетъ особаго вниманія. Есть ли въ его средѣ хотя одна выдающаяся личность, хоть одинъ человѣкъ, стоящій высоко надъ другими по своему положенію или по своимъ дарованіямъ? Мы видимъ прежде всего двухъ студентовъ Петровской академіи, пользующихся нѣкоторымъ авторитетомъ между своими товарищами, но, конечно, лишенныхъ всякаго вліянія внѣ стѣнъ академіи. Одинъ изъ нихъ, Кузнецовъ— человѣкъ впечатлительный, мягкій, слабый, имѣющій всѣ дан-

[1]) Такъ напримѣръ, изъ числа десяти подсудимыхъ второй группы, оправданныхъ судомъ — пять слушателей Петровской академіи и четыре студента Московскаго университета; между ними — двое несовершеннолѣтнихъ.

ныя для того, чтобы сдѣлаться полезнымъ дѣятелемъ въ какой-нибудь небольшой, скромной сферѣ—напримѣръ, въ земледѣльческой ассоціаціи, о которой онъ мечталъ,—но неспособный ни къ борьбѣ, ни къ управленію рискованнымъ дѣломъ; другой, Ивановъ, знакомъ уже намъ отчасти какъ человѣкъ энергичный, но преданный всего больше академическимъ интересамъ и лишь случайно, по ошибкѣ, взявшій на себя роль агитатора. Рядомъ съ Кузнецовымъ и Ивановымъ стоитъ Прыжовъ, человѣкъ съ пылкимъ воображеніемъ, но разбитый жизнью, болѣзненный, никогда не пробовавшій своихъ силъ на другомъ поприщѣ кромѣ литературнаго, больше кабинетный ученый, чѣмъ практическій дѣятель. Еще менѣе понятно присутствіе въ кружкѣ отдѣленія Бѣляевой, мало развитой, ничѣмъ не замѣчательной дѣвушки, которую самъ обвинитель призналъ заслуживающею полнаго, безграничнаго снисхожденія, которую судебная палата присудила къ низшему изъ всѣхъ наказаній, допускаемыхъ закономъ для членовъ тайнаго общества. Въ Успенскомъ, наконецъ, больше сосредоточенности, больше, можетъ быть, силы воли, чѣмъ въ товарищахъ его по кружку отдѣленія; но вѣдь и онъ человѣкъ очень молодой, не получившій полнаго образованія, занятый съ утра до вечера полумеханическимъ трудомъ, не имѣющій никакихъ связей въ московскомъ обществѣ и въ концѣ концовъ являющійся ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ Нечаева, хранителемъ его тайнъ,—хотя и посвященнымъ въ нихъ только на половину,—и исполнителемъ его приказаній. Эта слабость личнаго состава не выкупается даже единодушіемъ: въ кружкѣ отдѣленія скоро возникаютъ несогласія, съ трудомъ подавляемыя Нечаевымъ посредствомъ ссылки на авторитетъ незримаго и несуществующаго комитета. И эта мѣра, черезъ нѣсколько времени, оказывается недостаточною; для того, чтобы подавить оппозицію, Нечаевъ рѣшается прибѣгнуть къ убійству Иванова.

Чѣмъ же занимается кружокъ отдѣленія, что онъ успѣваетъ сдѣлать въ продолженіе своего полуторамѣсячнаго существованія? На этотъ вопросъ журналы кружка отдѣленія, прочитанные въ засѣданіи судебной палаты 8-го іюля, даютъ намъ отвѣтъ очень точный, но до невѣроятности странный — странный въ томъ отношеніи, что трудно представить себѣ болѣе полный контрастъ между важностью предположенной цѣли и ничтожностью средствъ, употребляемыхъ для ея достиженія.

Мы находимъ здѣсь и свѣдѣнія о мнимыхъ знакомствахъ Кузнецова въ купеческомъ обществѣ Москвы, и предложеніе устроить литературный вечеръ для сбора денегъ, и какой-то неудобопонятный проектъ пріисканія жениховъ и невѣстъ, тоже съ цѣлью сбора денегъ,—но не находимъ никакихъ серьезныхъ указаній на планы и предпріятія общества. Правда, въ засѣданіи 11-го октября кружокъ весьма серьезно *рѣшаетъ возбудить общественное мнѣніе:* но вѣдь это легче сказать, чѣмъ сдѣлать, когда нѣтъ никакихъ къ тому средствъ, кромѣ никуда негодныхъ прокламацій. Изъ протокола засѣданія 4-го ноября оказывается, что даже въ Петровской академіи, давшей столько членовъ тайному обществу, не было достаточнаго оживленія: возбудить его предполагалось все съ помощью тѣхъ же самыхъ листковъ. Одинъ изъ членовъ кружка поступаетъ въ коммерческій клубъ; другой, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, намѣревается вести биржевую игру. Тотъ же членъ кружка, считающійся знатокомъ московской жизни, предлагаетъ поставить человѣка къ Каменному мосту и въ Охотномъ ряду, гдѣ извозчики (!); и это наивное предложеніе остается, впрочемъ, безъ послѣдствій. Дѣятельность Бѣляевой ограничивается тѣмъ, что она записывается на женскіе курсы и вноситъ въ кассу общества одинъ рубль.

Однимъ изъ главныхъ занятій кружка отдѣленія было, повидимому, разсмотрѣніе представляемыхъ подчиненными кружками свѣдѣній о лицахъ, намѣченныхъ для присоединенія къ обществу; да и это было занятіе больше формальное, потому что допускалось принятіе въ общество даже лицъ подозрѣваемыхъ (хотя и безъ всякаго основанія) въ шпіонствѣ или крайней слабости на языкъ. Довольно сильны были руководители общества только по части канцелярской формалистики: въ чемъ другомъ, а въ бланкахъ съ печатями, въ отчетахъ, въ шифрахъ, въ предписаніяхъ, въ именныхъ спискахъ—простыхъ и въ видѣ схемы—у нихъ не было недостатка. Въ іерархіи общества совершались безпрестанныя перемѣны; Кузнецовъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, перебывалъ членомъ простого кружка, членомъ центральнаго кружка академіи, членомъ кружка отдѣленія; Рипманъ былъ переведенъ изъ центральнаго кружка академіи въ кружокъ Прыжова; одинъ изъ подчиненныхъ кружковъ академіи три раза перемѣнилъ своего представителя или президента. Когда кружокъ не могъ образоваться самъ собою,

его образовали искусственно; такъ напримѣръ, Прыжовъ никого не завербовалъ въ члены общества, но при немъ назначено было состоять Николаеву, Рипману, Коведяеву и П. Енкуватову. Скипскій былъ соединенъ такою же внѣшнею связью съ Кузнецовымъ.

Если такимъ образомъ велось дѣло въ центрѣ общества, то не трудно себѣ представить, что происходило внизу, въ кружкахъ первой степени. Члены кружка изрѣдка собирались по вечерамъ, иногда читали прокламаціи, говорили о томъ, кого можно было бы завербовать въ общество, и расходились, для того чтобы черезъ недѣлю или двѣ опять сойтись съ такимъ же точно результатомъ. Изъ числа двадцати девяти членовъ тайнаго общества, жившихъ въ Москвѣ, только семеро образовали около себя кружки; остальные не сдѣлали даже и этого. Прокламаціи они читали только въ своей средѣ, не съ цѣлью пропаганды, а чтобы познакомиться и познакомить другихъ съ курьезами заграничной печати [1]). Это не предположеніе, а фактъ, признанный судомъ и самъ по себѣ вполнѣ достовѣрный. Не говоримъ уже о томъ, что прокламаціи, ходившія по рукамъ въ Москвѣ, противорѣчили одна другой и выражали собою самыя различныя точки зрѣнія; гораздо важнѣе то, что онѣ не могли служить, по содержанію своему, программой той молодежи, изъ среды которой вербовались члены общества. Кто прочелъ или выслушалъ—въ особенности выслушалъ—со вниманіемъ все нечаевское дѣло, тотъ безъ сомнѣнія составилъ себѣ слѣдующее мнѣніе о массѣ участниковъ его. Никто изъ нихъ—никто безъ исключенія—не соединяетъ въ себѣ условій, изъ которыхъ слагается типъ заговорщика. Они не обладаютъ ни суровостью, ни выдержкою, ни беззавѣтною рѣшимостью, свойственными этому типу. Они не сожгли своихъ кораблей, не вышли окончательно на берегъ противуположный тому, съ котораго они отправились. Между ними и идеаломъ революціонера, начертаннымъ въ извѣстномъ «катихизисѣ», нѣтъ ничего общаго [2]). Отличительныя ихъ черты—мягкость, доброта, со-

---

[1]) Пименъ Енкуватовъ, человѣкъ замѣчательно искренній и добросовѣстный, сравнилъ въ своемъ показаніи прокламацію „Народная расправа“ съ тарантуломъ, на котораго смотрятъ съ отвращеніемъ, но съ любопытствомъ.

[2]) Замѣчательно, напримѣръ, что семейныя чувства, отвергаемыя катихизисомъ революціонера, сильно развиты у большинства подсудимыхъ.

чувствіе ко всѣмъ тѣмъ, кто нуждается въ поддержкѣ, уваженіе къ знанію и наукѣ. Дарованій, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, въ средѣ подсудимыхъ мы не замѣтили. Многіе изъ нихъ готовы пожертвовать собою для общаго блага, но какимъ образомъ? Не устремляясь въ отчаянную борьбу, не рискуя своею жизнью ради быстраго, случайнаго успѣха, а напротивъ, посвящая ее всю скромному, мало замѣтному, если можно такъ выразиться — чернорабочему труду на пользу народа. У нѣкоторыхъ это стремленіе доходитъ до аскетизма, до рѣшимости отречься отъ всѣхъ удобствъ, отъ всѣхъ удовольствій общественной жизни, отъ всего того, что̀ проводитъ границу между человѣкомъ образованнаго класса и простымъ рабочимъ. Такіе люди гораздо болѣе способны снизойти на одинъ уровень съ народомъ, для того чтобы постепенно подниматься вмѣстѣ съ нимъ, чѣмъ мечтать о насильственномъ, внезапномъ поднятіи его на одинъ уровень съ собою. Рядомъ съ этими энтузіастами мы видимъ людей, идущихъ по той же дорогѣ, но болѣе спокойнымъ шагомъ, менѣе расположенныхъ къ самоотверженію, но столь же далекихъ отъ насилія: сюда принадлежитъ большинство подсудимыхъ второй группы. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что отъ нихъ рѣзко отдѣляется князь Черкезовъ, что это революціонеръ по натурѣ, непроученный опытомъ 1866-го года, закаленный въ заговорахъ и занимающійся ими какъ искусствомъ, какъ профессіей. Но такой выводъ былъ бы какъ нельзя менѣе вѣренъ. Князь Черкезовъ отличается отъ массы подсудимыхъ только двумя чертами: болѣе развитымъ самолюбіемъ и образованіемъ болѣе литературнымъ, чѣмъ научнымъ. Отсюда особенности его показанія передъ судомъ, болѣе богатаго обобщеніями и болѣе изящнаго по формѣ, но за то и менѣе естественнаго, чѣмъ всѣ другія. Вникая въ сущность этого показанія, нетрудно замѣтить, что кн. Черкезовъ—столь же мало революціонеръ, какъ и остальные подсудимые его группы; оппозиціонное направленіе смѣшано въ немъ съ слишкомъ большой долей добродушнаго юмора, чтобы изъ него могъ выйти второй Нечаевъ. Наконецъ, на послѣднемъ планѣ картины, представляемой политическимъ процессомъ, стоятъ молодые люди, едва начинавшіе жить самостоятельною умственною жизнью и столь же далекіе отъ

Пропорція женатыхъ между ними такъ велика, какъ едва-ли въ другомъ равномъ числѣ молодыхъ людей одного съ ними положенія и возраста.

революціонныхъ идей, какъ и отъ всякаго другого опредѣленнаго убѣжденія [1]).

Какая же изъ указанныхъ нами группъ могла усвоить себѣ тѣ мысли, крайнимъ, безобразнымъ выраженіемъ которыхъ служитъ прокламація «Народная расправа»? Эта прокламація была прочитана при закрытыхъ дверяхъ и не вошла въ составъ стенографическаго отчета; но общій характеръ ея достаточно извѣстенъ изъ показаній подсудимыхъ, изъ рѣчей обвинителя и защитниковъ. Скажемъ только, что она проповѣдуетъ, въ самой рѣзкой и вмѣстѣ съ тѣмъ пошлой формѣ, разрушеніе и убійство, не указывая даже началъ, во имя которыхъ должно быть пролито столько крови [2]). Она можетъ увлечь политическихъ кондоттьери, разсчитывающихъ воспользоваться всеобщимъ смятеніемъ для устройства своихъ личныхъ дѣлъ, или грубыхъ фанатиковъ, одинаково чуждыхъ гуманности и науки; кто не ослѣпленъ невѣжествомъ или корыстнымъ интересомъ, тотъ отвернется отъ нея съ презрѣніемъ или негодованіемъ. Перейти въ нѣсколько недѣль отъ научныхъ занятій, отъ мирныхъ плановъ дѣятельности на пользу народа къ дикимъ тенденціямъ «Народной расправы»—абсолютно, физически невозможно, и мы вполнѣ убѣждены, что этотъ переходъ не совершился. Мы вполнѣ вѣримъ показаніямъ подсудимыхъ, изъ которыхъ видно, что «Народная расправа» была пущена въ ихъ среду Нечаевымъ какъ пробный шаръ, какъ способъ опредѣлить силу революціоннаго пламени, которымъ они объяты,—и что результатъ этой пробы былъ неблагопріятенъ для Нечаева, что никто изъ читавшихъ «Народную расправу» не выразилъ готовности встать подъ ея кровавое знамя. Можетъ быть, Нечаевъ не терялъ надежды измѣнить постепенно это настроеніе умовъ, довести своихъ послѣдователей до уровня «Народной расправы»; но до поры до времени онъ очевидно считалъ нужнымъ скрывать свою игру, чтобы не испортить ее сразу. Это подтверждается и тѣмъ, что онъ никому не сообщалъ своей катихизисъ революціонера — члены общества не были еще достойны познакомиться съ нимъ,—и тѣмъ, что въ

---

[1]) Большинство молодыхъ людей этой категоріи оправданы судебною палатою.

[2]) Во второмъ номерѣ «Народной расправы» есть нѣчто похожее на программу, но онъ напечатанъ, какъ видно по содержанію его, уже послѣ открытія общества и арестованія всѣхъ его членовъ.

правилахъ организаціи предписывалось не убѣждать, а только сплочивать будущихъ ея членовъ, т.-е. соединять ихъ внѣшнею связью, опутывать ихъ сѣтью, изъ которой потомъ трудно было бы вырваться. Но какъ же объяснить, что столь многіе позволили опутать себя этою сѣтью? Что заставляло молодыхъ людей, имѣвшихъ такъ мало общаго съ Нечаевымъ, вступать въ устраиваемую имъ организацію? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ отчасти все сказанное нами выше; но есть еще другая сторона дѣла, не менѣе важная и ярко рисующая способъ образованія тайныхъ обществъ.

До появленія Нечаева въ Москвѣ никто изъ подсудимыхъ не принадлежалъ къ тайному обществу и не думалъ объ образованіи его; но въ атмосферѣ, среди которой они жили, было, какъ мы уже знаемъ, много элементовъ, располагающихъ къ неудовольствію. Какъ воспользовался этими элементами Нечаевъ—это мы также уже видѣли; но вотъ на чемъ останавливается теперь наше вниманіе. Когда передъ молодыми людьми, далекими до тѣхъ поръ отъ всякой политической агитаціи, возникаетъ въ первый разъ вопросъ о тайномъ обществѣ, никто изъ нихъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета ни въ цѣли, съ которою оно основано, ни въ средствахъ, которыми оно должно дѣйствовать. Сомнѣнія, съ которыми они относятся сначала къ предложенному имъ дѣлу, встрѣчаютъ такой отвѣтъ: «дѣло это предпринято на пользу народа—вы всегда хотѣли служить народу — неужели вы откажетесь отъ этого случая исполнить ваше намѣреніе только потому, что, согласясь, вы подвергли бы себя нѣкоторому риску?» Этотъ отвѣтъ, вѣрно разсчитанный на самыя лучшія, какъ и на самыя слабыя стороны молодого ума, дѣйствуетъ почти неотразимо; осторожность откладывается въ сторону, но остается желаніе знать, въ чемъ же собственно заключается рискованное предпріятіе? «Объяснять это всѣмъ и каждому»—таковъ слѣдующій отвѣтъ—«нельзя безъ явной опасности для дѣла; не всѣмъ же быть генералами и командовать, нужно умѣнье безусловно повиноваться, какъ повинуются солдаты; знакомство съ дѣлами общества—награда за дѣятельность въ его пользу и знакъ довѣрія къ тѣмъ, кто доказалъ ему свою преданность на самомъ дѣлѣ. Не даромъ же правила организаціи проповѣдуютъ *довѣріе къ личности*, какъ главное основаніе общества и первую обязанность его членовъ». Но какими же силами располагаетъ общество — спрашиваетъ,

далѣе, неофитъ,— гдѣ ручательство въ томъ, что оно можетъ что-нибудь сдѣлать? Тогда передъ неофитомъ развертывается самая широкая картина. Вся Россія въ нашихъ рукахъ, говорятъ ему; общество распространено вездѣ, въ Москвѣ только центръ одного изъ его отдѣленій, всѣхъ отдѣленій девять или десять; эмиссары общества разъѣзжаютъ по всѣмъ губерніямъ, гдѣ проявляется неудовольствіе противъ правительства; члены организаціи набираются изъ всѣхъ классовъ и сферъ общества; дѣлами организаціи управляетъ центральный комитетъ, состоящій въ свою очередь въ близкой связи съ европейскимъ или международнымъ революціоннымъ комитетомъ. Рядомъ съ этой фантасмагоріей идутъ увѣренія то устрашительнаго, то успокоительнаго свойства. «Кто не съ нами, — говорятъ аффиліаторы, — тотъ противъ насъ; только члены общества могутъ избѣгнуть гибели при первомъ народномъ возстаніи, время котораго уже недалеко. Кто съ нами, тому нечего бояться; его имя будетъ извѣстно только членамъ центральнаго комитета и тѣмъ членамъ общества, черезъ посредство которыхъ онъ принятъ; каждый членъ общества получаетъ другое имя или номеръ, подъ которымъ онъ сносится съ кружками, стоящими непосредственно выше и ниже его; никакихъ поименныхъ списковъ не ведется, для корреспонденціи употребляются особые шифры» [1]).

Устроивъ общество, Нечаевъ принимаетъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы поддержать въ его членахъ вѣру въ его могущество и многочисленность. Члены общества получаютъ предписанія на бланкахъ комитета, съ печатью, надписью: «великорусскій отдѣлъ» и исходящимъ номеромъ; въ собранія кружковъ является то мнимый депутатъ отъ Женевскаго комитета (Лихутинъ), то мнимый уполномоченный центральнаго комитета (Николаевъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ Нечаевъ заботится и о томъ, чтобы окружить обаяніемъ свое собственное имя; какія онъ для того употребляетъ средства—это извѣстно изъ блестящей характеристики Нечаева, начертанной В. Д. Спасовичемъ въ его рѣчи

[1]) Замѣтимъ, мимоходомъ, что всѣ эти увѣренія оказались несправедливыми: поименный списокъ членовъ общества былъ веденъ и найденъ при обыскѣ; отмѣтки, написанныя шифромъ или состоявшія изъ условныхъ знаковъ, были разобраны при помощи самого Успенскаго — да, наконецъ, и нѣтъ такого шифра, который рано или поздно не могъ бы быть угаданъ или разобранъ.

за Кузнецова. Несмотря на всѣ эти искусственныя подпорки, общество колеблется и близится къ распаденію, едва просуществовавъ нѣсколько недѣль, — колеблется именно потому, что многимъ изъ его членовъ становится въ тягость неловкое и фальшивое положеніе, въ которое они себя необдуманно поставили. Въ эту критическую минуту совершается убійство Иванова, за которымъ почти непосредственно слѣдуетъ арестованіе Успенскаго и раскрытіе тайнаго общества.

Всѣ эти факты, почерпнутые нами изъ дѣла, показываютъ съ поразительною ясностью, какая громадная роль принадлежала въ образованіи тайнаго общества 1869-го года съ одной стороны обману, съ другой стороны—довѣрчивости и самообольщенію. Это и не могло быть иначе. Самый увлекающійся и пылкій юноша сознаетъ, хотя и смутно, что преобразованіе общества и государства не по силамъ горсти людей безъ вліянія, безъ опытности, безъ матеріальныхъ средствъ, горсти людей, взятыхъ изъ одной только малочисленной и слабой общественной сферы. Готовый примкнуть къ рискованному дѣлу, онъ предполагаетъ, однако, что оно задумано и предпринято съ достаточнымъ запасомъ силъ и достаточными шансами успѣха: онъ не сдѣлалъ бы рѣшительнаго шага, если бы зналъ, что всѣ участники въ дѣлѣ похожи на него самого и что оно не имѣетъ другой, болѣе реальной поддержки. Одна изъ нашихъ газетъ, обсуждая нечаевское дѣло, обратила вниманіе на то, что въ Западной Европѣ учащаяся молодежь ограничивается участіемъ въ политическихъ движеніяхъ, начавшихся помимо нея, и только у насъ беретъ на себя ихъ иниціативу. Замѣчаніе это совершенно вѣрно; необходимо только прибавить, что, начиная агитацію, наша учащаяся молодежь дѣйствуетъ подъ вліяніемъ недоразумѣнія; она воображаетъ, что впереди ея стоитъ другая, мощная, руководящая сила—а на самомъ дѣлѣ оказывается, что роль этой силы разыгрываетъ какой-нибудь Нечаевъ. Между тѣмъ, никакихъ гарантій противъ такой ошибки или такого обмана при образованіи тайнаго общества нѣтъ и быть не можетъ. По самому своему свойству, оно всегда обращается къ довѣрію своихъ членовъ, всегда раскрываетъ передъ ними только небольшую часть своей тайны. Съ другой стороны, оно всегда заинтересовано выставлять себя въ свѣтѣ какъ можно болѣе выгоднымъ и грознымъ. Руководители его скрываютъ или преувеличиваютъ истину не только въ сношеніяхъ съ своими под-

чиненными, но и въ сношеніяхъ между собою; мало того—они расположены обманывать самихъ себя. Мы приведемъ этому только одно доказательство. Въ одной изъ посмертныхъ статей Герцена приведенъ разговоръ его съ Огаревымъ, Б. (Бакунинымъ?) и уполномоченнымъ общества «Земли и воли» (въ 1862-мъ году). На вопросъ, сдѣланный послѣднему: много ли васъ? онъ отвѣчалъ: «Это трудно сказать: нѣсколько сотъ человѣкъ въ Петербургѣ и тысячи три въ провинціяхъ». — «Ты вѣришь»? спросилъ потомъ Герценъ Огарева. Тотъ промолчалъ.—«Ты вѣришь?» спросилъ онъ Б.—«Конечно; *ну нѣтъ теперь столько, такъ будетъ потомъ*», и Б. расхохотался.—«Это другое дѣло».—«Въ томъ-то все и состоитъ, чтобы поддержать слабыя начинанія: если бы они были крѣпки, они и не нуждались бы въ насъ», замѣтилъ Огаревъ, въ этихъ случаяхъ всегда недовольный скептицизмомъ Герцена.—Вотъ процессъ образованія тенденціозно-невѣрныхъ свѣдѣній о силахъ тайнаго общества, скопированный прямо съ жизни. Удивляться ли, послѣ того, что Нечаевъ, обманывая своихъ сообщниковъ въ Россіи, хотѣлъ обмануть и женевскихъ друзей своихъ вѣстью о небывалыхъ успѣхахъ своей пропаганды?

Другая, еще болѣе серьезная опасность, коренящаяся въ самой природѣ тайнаго общества, заключается въ томъ, что оно можетъ завлечь своихъ членовъ совсѣмъ не туда, куда они предполагали идти, поступая въ его среду. Нечаевскій процессъ служитъ самымъ яркимъ примѣромъ того, какое разстояніе можетъ отдѣлять руководителя организаціи отъ второстепенныхъ членовъ, едва посвященныхъ въ ея тайны. Послѣдніе могутъ мечтать о мирной соціальной пропагандѣ въ то самое время, когда первый пріискиваетъ средства къ осуществленію на дѣлѣ принциповъ «Катихизиса революціонера» и «Народной расправы». Подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, однако, разстояніе между тѣмъ и другими можетъ уменьшиться, уничтожиться съ страшною быстротою. Настоящая цѣль общества можетъ внезапно раскрыться передъ тѣмъ, кто еще наканунѣ не подозрѣвалъ о ея существованіи; неожиданность, необходимость немедленнаго рѣшенія, ложно понятое чувство долга, ложный стыдъ, наконецъ, страхъ таинственной и неизбѣжной кары—все это можетъ сдѣлать человѣка, виновнаго только въ необдуманности, человѣкомъ глубоко-преступнымъ. Предполагалъ ли Кузнецовъ, вступая въ общество въ концѣ сентября,

что меньше чѣмъ черезъ два мѣсяца онъ сдѣлается сообщникомъ убійства, жертвой котораго будетъ его товарищъ, участникъ его великодушныхъ плановъ, человѣкъ въ сущности гораздо болѣе ему дорогой и близкій, чѣмъ распорядитель убійства, Нечаевъ? Покатость, по которой такъ быстро, такъ незамѣтно для самого себя спустился Кузнецовъ, лежитъ во мракѣ передъ ногами каждаго вступающаго въ тайное общество, безъ точнаго знанія его средствъ и его цѣли—а такое знаніе, какъ мы уже видѣли, въ огромномъ большинствѣ случаевъ невозможно. Ни въ одномъ изъ четырехъ второстепенныхъ участниковъ убійства Иванова не заглохло гуманное чувство, заставляющее насъ уважать личность, жизнь человѣка; надъ каждымъ изъ нихъ — не исключая и того, который на судѣ старался оправдать свой поступокъ — воспоминаніе о 21-мъ ноября тяготѣетъ съ неуменьшающеюся силой; но не въ этомъ ли именно контрастѣ между преступниками, заслуживающими сожалѣнія, и преступленіемъ, возбуждающимъ ужасъ, заключается поучительный смыслъ катастрофы 21-го ноября? Чѣмъ честнѣе натура преступника, тѣмъ ненавистнѣе условія, которыя довели его до преступленія; а кто изъ вступающихъ въ тайное общество можетъ быть увѣренъ въ томъ, что эти условія для него не повторятся, что за потерю нравственной свободы, за отдачу себя во власть незримаго авторитета, ему не придется заплатить такою же дорогою цѣною, какую заплатили и платятъ Кузнецовъ, Прыжовъ, Николаевъ, Успенскій? Не говоримъ объ участи Иванова; для тѣхъ, къ кому мы обращаемся теперь, она конечно менѣе страшна, чѣмъ участь названныхъ нами подсудимыхъ.

Но если тайныя общества послѣдняго десятилѣтія были лишены всякой внутренней силы, если для образованія ихъ необходимо было употреблять самый грубый обманъ, если они составлялись почти исключительно изъ лицъ умственно несозрѣвшихъ и находились подъ властью людей нечаевскаго типа, то нельзя ли объяснить это случайностью, которая можетъ и не повториться? Нѣтъ ли основанія предполагать, что въ русскомъ обществѣ могутъ найтись матеріалы для болѣе серьезной, болѣе обширной тайной организаціи съ политическою цѣлью? И на эти вопросы нельзя, по нашему глубокому убѣжденію, отвѣчать иначе какъ отрицательно. Тайныя общества могутъ достигать извѣстной степени развитія и силы только

тогда, когда элементы для самостоятельной дѣятельности частныхъ лицъ въ сферѣ государственной жизни уже существуютъ, а возможности для открытаго проявленія этой дѣятельности еще рѣшительно нѣтъ. Въ концѣ царствованія Александра I-го передовые русскіе люди усвоили себѣ нѣкоторыя изъ западноевропейскихъ идей, ознакомились съ свободными учрежденіями Франціи и Англіи и воспитали себя настолько, что это знакомство не могло оставаться въ нихъ мертвою буквой, какъ въ поверхностно-просвѣщенныхъ вельможахъ временъ Екатерины. Между тѣмъ, для примѣненія ихъ образа мыслей къ дѣйствительной жизни не было никакихъ законныхъ путей: печать была въ младенчествѣ, отправленіе суда зависѣло отъ канцелярій, крѣпостное право было въ полной силѣ, единственными органами самоуправленія (какими — это слишкомъ извѣстно) были дворянскія собранія. Мы знаемъ, что нѣкоторые изъ декабристовъ пытались быть полезными, не сходя съ почвы закона (припомнимъ, напримѣръ, поступленіе Пущина въ члены надворнаго суда, Рылѣева — въ уголовную палату), но такія попытки, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, заранѣе были обречены на неудачу. Какъ ни тяжелъ для русской мысли послѣдующій періодъ нашей исторіи, онъ создалъ одно убѣжище для умовъ, опередившихъ развитіе общества: литературу, въ особенности періодическую. Уже въ сороковыхъ годахъ, несмотря на всѣ цензурныя стѣсненія, она вырабатываетъ нѣчто похожее на легальную оппозицію—а параллельно съ развитіемъ легальной оппозиціи всегда и вездѣ идетъ обратное движеніе въ области тайныхъ политическихъ организацій. Реформы послѣднихъ десяти лѣтъ произвели въ этомъ отношеніи перемѣну еще болѣе рѣшительную. Многіе изъ тѣхъ элементовъ, для которыхъ пятьдесятъ, даже двадцать лѣтъ тому назадъ было мѣсто только въ тайномъ обществѣ, находятъ теперь хоть нѣкоторый просторъ въ различныхъ сферахъ дѣятельности, признаваемой закономъ и постоянно распространяемой все дальше и дальше. Съ другой стороны, историческій опытъ доказываетъ все съ большею и большею ясностью невозможность или по крайней мѣрѣ безцѣльность крутыхъ переворотовъ, если они не вытекаютъ сами собою изъ измѣнившагося состоянія умовъ или изъ измѣнившагося соотношенія общественныхъ силъ. Въ примѣненіи къ Россіи, тотъ же опытъ свидѣтельствуетъ о полномъ отсутствіи матеріаловъ и условій

для насильственнаго переворота. При такомъ положеніи вещей, членами тайныхъ обществъ у насъ могутъ быть только люди незнакомые съ жизнью, съ Россіей. Неужели та часть молодежи, которая до сихъ поръ почти одна поставляла изъ своихъ рядовъ рекрутъ въ тайныя общества, не убѣдится наконецъ въ безплодности жертвъ, которыхъ они ей стоютъ? Среда, въ которой столько любви къ труду, къ наукѣ, столько искренней готовности служить народу, сближаться съ нимъ, изучать его потребности и чувства, способна на нѣчто лучшее, чѣмъ на повтореніе безнадежныхъ политическихъ экспериментовъ. Работы серьезной ей предстоитъ много; нѣтъ ни одной отрасли общественной дѣятельности, которая не нуждалась бы настоятельно въ честныхъ, свѣжихъ силахъ. Пускай же ни одна изъ этихъ силъ не отвлекается отъ своего настоящаго призванія ни недовѣріемъ, ни увлеченіемъ, слишкомъ часто зависящими одно отъ другого.

Тайное общество есть отрицаніе закона; лучшій оплотъ противъ тайныхъ обществъ—безусловное господство закона, всестороннее уваженіе къ нему, искреннее и послѣдовательное примѣненіе его ко всѣмъ областямъ общественной жизни, въ особенности къ больнымъ мѣстамъ, къ слабымъ сторонамъ ея. Нападеніе на государство, какъ и на всякій другой живой организмъ, всегда вызываетъ съ его стороны реакцію противъ нападающаго; и съ этой точки зрѣнія крутой поворотъ назадъ, вездѣ и всегда слѣдующій за крупнымъ политическимъ преступленіемъ, представляется явленіемъ совершенно естественнымъ, хотя и прискорбнымъ. Но, по минованіи первыхъ тревожныхъ минутъ, движеніе впередъ, прерванное преступной попыткой, опять вступаетъ въ свои права и успокоиваетъ умы гораздо вѣрнѣе, чѣмъ продолжительное напряженіе всѣхъ карательныхъ и предупредительныхъ силъ государственной власти.

По поводу этой статьи «Вѣстнику Европы» было объявлено министромъ внутреннихъ дѣлъ (А. Е. Тимашевымъ), 26-го ноября 1871 года, первое предостереженіе, мотивированное проведеніемъ въ ней мысли, «что участіе молодыхъ людей въ тайномъ обществѣ съ преступными цѣлями было, будто бы, вызвано стѣснительными со стороны правительства мѣрами». По словамъ предостереженія, «такое превратное истолкованіе дѣйствій правительства, возбуждая къ нему недовѣріе, обнаруживаетъ вредное направленіе журнала».

III.

Послѣ 1-го марта [1]).

Когда, двадцать шесть лѣтъ тому назадъ, начиналось новое царствованіе, оно имѣло передъ собою порядокъ вещей одряхлѣвшій, насквозь проникнутый внутренней порчей, безсильный даже для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, къ которой онъ преимущественно былъ приноровленъ. Необходимость коренныхъ всесторонних реформъ бросалась въ глаза—но для осуществленія ихъ нужно было все создать вновь: конечныя цѣли, планы, обстановку, орудія и средства. Заключившаяся тогда эпоха не завѣщала новой ни программы преобразованій, ни государственныхъ людей, способныхъ немедленно приступить къ преобразовательной работѣ. Общественная жизнь почти не существовала; политическій элементъ не находилъ себѣ мѣста даже въ журналистикѣ и литературѣ. Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, періодъ преобразованій открылся вслѣдъ за окончаніемъ войны, истощившей и разорившей Россію. Правда, лучшая его пора продолжалась недолго; правда, во время реакціи, то усиливавшейся, то ослабѣвавшей, но никогда не прекращавшейся вполнѣ съ 1862-го по 1880-й годъ, часть достигнутаго утрачена вновь, часть исправленнаго—вновь испорчена; тѣмъ не менѣе многое, весьма многое пріобрѣтено безповоротно—и, благодаря этимъ пріобрѣтеніямъ, задачи, теперь стоящія на очереди, при всей своей громадности и сложности, легче тѣхъ, разрѣшеніемъ которыхъ обусловливался первоначальный переходъ отъ застоя къ движенію

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1881 г., апрѣль, внутреннее обозрѣніе.

Существенное значеніе имѣетъ въ нашихъ глазахъ, прежде всего, тотъ фактъ, что вопросъ о возобновленіи преобразовательной работы былъ рѣшенъ утвердительно еще въ предъидущее царствованіе, въ тотъ послѣдній, короткій его періодъ, который обѣщалъ сдѣлаться наиболѣе сходнымъ съ блестящимъ его началомъ. Традиція реформъ передается новому царствованію не затемненною продолжительнымъ перерывомъ, а обновленною, живою. Дѣло, за которое слѣдуетъ взяться, въ главныхъ чертахъ уже намѣчено; требуется только расширеніе, дополненіе составленнаго плана и ускореніе мѣръ, направленныхъ къ его осуществленію. Въ разрывѣ съ прошедшимъ не предстоитъ надобности; онъ совершился уже въ минувшемъ году, когда обстоятельства, грозившія усиленіемъ реакціи, привели, наоборотъ, къ ея прекращенію. Опытъ искорененія зла однѣми репрессивными мѣрами сдѣланъ былъ, въ 1879 г., въ такихъ размѣрахъ, дальше которыхъ идти нельзя; его исходъ устраняетъ всякую мысль о его повтореніи. Повороту назадъ, даже остановкѣ на одномъ мѣстѣ противодѣйствуетъ, такимъ образомъ, весь смыслъ недавнихъ событій, все значеніе историческаго момента, переживаемаго Россіей. Непрочнымъ можетъ быть только то движеніе впередъ, которое предпринимается случайно, подъ вліяніемъ мимолетнаго порыва, въ направленіи, еще неизвѣданномъ и потому заманчивомъ—но не то, которое является возвращеніемъ на знакомую дорогу, послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ отъ нея уклоненій. Заключая въ себѣ сознаніе сдѣланной ошибки, такое возвращеніе нелегко и рѣдко бываетъ произвольно; въ основаніи его лежитъ почти всегда настоятельная необходимость. Понятая въ февралѣ 1880-го года, вслѣдъ за взрывомъ въ Зимнемъ дворцѣ, эта необходимость остается очевидной, несмотря на несчастный день 1-го марта. Всего труднѣе, въ подобныхъ случаяхъ, первый шагъ; новая эпоха застаетъ его уже сдѣланнымъ—и въ этомъ несомнѣнное преимущество ея, сравнительно съ обстановкой, при которой открывался предшествовавшій періодъ.

Еще болѣе важнымъ преимуществомъ начинающейся эпохи слѣдуетъ признать количество силъ, которыми она можетъ располагать, на которыя она можетъ разсчитывать при всякой преобразовательной работѣ. Русское общество не представляется больше той безсловесной, безформенной массой, какою оно было или, по крайней мѣрѣ, казалось въ половинѣ пятидесятыхъ

годовъ. Въ его средѣ нѣтъ больше людей и сословій совершенно безправныхъ; крѣпостное право не стоитъ болѣе поперекъ всякаго движенія, всякой разумной и справедливой мѣры. Міръ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ пересталъ быть запретнымъ для русскаго образованнаго человѣка; полу-освобожденная печать, полу-организованное самоуправленіе, почти вполнѣ организованный новый судъ пріучили его мыслить и даже говорить объ общественныхъ интересахъ, позволили ему заботиться о нихъ на самомъ дѣлѣ, хотя и въ узкихъ рамкахъ, при крайне стѣснительныхъ условіяхъ. Число образованныхъ людей значительно возросло, благодаря широкому развитію высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній; въ глубь народа проникли первые лучи не только грамотности, но и просвѣщенія. Отсюда возможность, съ одной стороны, такихъ пріемовъ разработки и подготовки реформъ, съ другой стороны—такихъ размѣровъ самаго преобразованія, о которыхъ трудно было даже мечтать четверть вѣка тому назадъ. Не лишено, наконецъ, значенія и то, что послѣдняя восточная война уничтожила слѣды неудачи, понесенной нами въ 1854-56 гг., и надолго,—нужно надѣяться,—устранила всякій поводъ къ новому вмѣшательству Россіи въ турецко-славянскій вопросъ. «Внѣшняя политика Его Величества»,—сказано въ циркулярной депешѣ нашего правительства отъ 4-го марта,—«будетъ вполнѣ миролюбивою... На Россіи лежитъ прежде всего забота о самой себѣ; только долгъ защищать честь свою или безопасность можетъ отвлечь ее отъ внутренней работы».

Не перевѣшиваетъ ли, однако, всѣхъ указанныхъ нами выгодъ настоящаго положенія одна капитальная его невыгода—существованіе небольшой, но ни передъ чѣмъ не останавливающейся горсти людей, виновниковъ катастрофы 1-го марта? Возможно ли правильное, непрерывное движеніе впередъ, пока не побѣждены окончательно эти враги всякаго мирнаго прогресса? Отвѣтъ на этотъ вопросъ содержится уже отчасти во всемъ сказанномъ нами выше. Соціально-революціонная агитація, въ той формѣ, какую она съ нѣкоторыхъ поръ приняла у насъ въ Россіи, затрудняетъ ходъ преобразовательнаго процесса—это несомнѣнно: но въ самыхъ затрудненіяхъ заключается иногда стимулъ къ настойчивости—и мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ случаевъ этого рода. Силою можно подавить возстаніе, можно положить конецъ открытому сопроти-

вленію,—но нельзя предупредить преступленій, готовящихся въ тайнѣ и совершаемыхъ немногими отдѣльными лицами. *Одной* полиціи, *одному* суду эта задача не по силамъ, какъ бы бдительна ни была первая, какъ бы строгъ ни былъ послѣдній. Прочный результатъ можетъ быть достигнутъ только измѣненіемъ условій, при которыхъ появилась и развилась болѣзнь, не уступающая леченью огнемъ и желѣзомъ. Старинная медицинская поговорка: quod medicamentum non sanat, ferrum sanat: quod ferrum non sanat, ignis sanat—настолько же непримѣнима къ данному случаю, насколько устарѣла воплотившаяся въ ней научная или, вѣрнѣе, мнимо-научная теорія. Усилить зло, увеличить его интенсивность реформы не могутъ уже потому, что оно безъ того достигло крайняго своего выраженія; распространить его, увеличить его экстенсивность онѣ не могутъ потому, что съ умноженіемъ и расширеніемъ законныхъ путей развитія остается все меньше и меньше мѣста для подпольной работы. Лучшій противовѣсъ разрушенію—созиданіе. Скажемъ болѣе: если бы надежда на устраненіе зла путемъ реформъ и была лишена всякаго основанія, это не было бы аргументомъ противъ реформъ, разъ что доказана ихъ необходимость. Безумие ничтожнаго меньшинства не можетъ и не должно останавливать поступательное движеніе цѣлаго народа. Весь вопросъ, такимъ образомъ, сводится къ тому, существуетъ ли потребность въ преобразованіяхъ, и есть ли на-лицо нужныя для нихъ условія и силы? Отвѣтить утвердительно на этотъ вопросъ—значитъ признать неотложность преобразованій, какъ бы удушлива ни была атмосфера, среди которой имъ суждено совершаться.

Первой задачей движенія, слѣдующаго за продолжительною реакціею, всегда бываетъ возстановленіе уничтоженнаго, исправленіе поврежденнаго, довершеніе недодѣланнаго. Кое-что въ этомъ направленіи сдѣлано уже въ прошедшемъ году, но остается сдѣлать еще чрезвычайно много. Изъ массы вопросовъ, требующихъ разрѣшенія, выдѣляется, прежде всего, вопросъ крестьянскій, сохраняющій до сихъ поръ то господствующее значеніе, которое онъ имѣлъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Слабыя стороны системы, восторжествовавшей вслѣдъ за изданіемъ Положеній 19-го февраля 1861 г., нигдѣ не чувствуются такъ сильно, наслѣдство ея нигдѣ не оказывается столь тяжелымъ. Составляя одинъ изъ самыхъ лучшихъ

законодательныхъ памятниковъ прошедшаго царствованія. Положеніе 19-го февраля не было, однако, чуждо недостатковъ, зависѣвшихъ отчасти отъ новизны и громадности дѣла, отчасти отъ тѣхъ препятствій, которыя оно встрѣтило съ самаго начала, отъ того упорнаго, отчаяннаго сопротивленія, которое ему пришлось преодолѣть. Если бы примѣненіе Положенія осталось въ тѣхъ же рукахъ, которыми оно было выработано, недостатки его были бы замѣчены, сознаны и по возможности устранены, прежде чѣмъ вредъ, вызываемый ими, успѣлъ бы достигнуть большихъ размѣровъ Къ сожалѣнію, между составителями и исполнителями Положенія было слишкомъ мало общаго. Необходимыхъ поправокъ сдѣлано не было; заявленія о недостаточности надѣловъ, объ обременительности платежей были систематически игнорируемы или даже преслѣдуемы, какъ признакъ политической неблагонадежности; къ поддержанію экономическаго благосостоянія крестьянъ не было принято никакихъ мѣръ; вліяніямъ, ему враждебнымъ, былъ предоставленъ полный просторъ или даже оказано, безъ намѣренія, нѣкоторое покровительство. Институтъ мировыхъ посредниковъ, созданный для разумнаго охраненія крестьянскихъ интересовъ и сначала, въ короткій медовый мѣсяцъ реформы, хорошо достигавшій своей цѣли, былъ сбитъ съ дороги, обезсиленъ, низведенъ на степень полицейскаго учрежденія. Когда несостоятельность его стала очевидной, онъ былъ замѣненъ мертворожденнымъ учрежденіемъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій—учрежденіемъ, единственнымъ властнымъ дѣятелемъ котораго является исправникъ, единственной реальной функціей—взысканіе недоимокъ. Къ этой послѣдней задачѣ пріурочивалось все больше и больше крестьянское самоуправленіе, пріурочивался даже крестьянскій судъ, цѣною постоянно возраставшихъ уклоненій отъ первоначальнаго ихъ призванія. Таково положеніе дѣлъ, изъ котораго требуется какъ можно скорѣе найти выходъ—какъ можно скорѣе потому, что къ основнымъ, давнишнимъ причинамъ обѣднѣнія крестьянъ послѣдніе неурожайные годы присоединили цѣлый рядъ другихъ, чрезвычайныхъ. Устраненіе малоземелья, облегченіе выкупныхъ платежей, очищеніе крестьянскаго самоуправленія отъ всѣхъ вредныхъ примѣсей и наростовъ, правильная организація крестьянскаго суда, передѣлка закона 27 іюня 1874 г.—все это можетъ быть выражено однимъ словомъ: возвращеніе къ По-

ложеніямъ 19-го февраля, т.-е. не къ буквѣ ихъ, а къ духу и внутреннему смыслу. Этимъ не исчерпывается еще, однако, все содержаніе крестьянскаго вопроса, какимъ его ставитъ настоящая минута. Настало время опредѣлить, должно ли крестьянское населеніе оставаться *сословіемъ*, управляющимся и управляемымъ отдѣльно отъ другихъ слоевъ общества, должна ли сохраниться или пасть, вполнѣ или отчасти, окружающая его теперь перегородка? Настало время уменьшить не только выкупные платежи, но и вообще податную тягость, лежащую на крестьянствѣ. Настало время оградить крестьянъ отъ развивающагося въ ихъ собственной средѣ и тяготѣющаго надъ ними извнѣ кулачества, отъ эксплоатаціи ихъ труда, облеченной въ законную форму. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, крестьянскій вопросъ касается общаго экономическаго положенія Россіи, затрогиваетъ всю дѣйствующую систему налоговъ и кредита, напоминаетъ о несовершенствахъ нашего гражданскаго законодательства, сливается, однимъ словомъ, съ вопросомъ о будущемъ Россіи.

Судебная реформа пострадала въ эпоху реакціи меньше, чѣмъ крестьянская—можетъ быть потому, что она сразу вылилась въ болѣе совершенную форму и меньше требовала поправокъ и дополненій. Возможно скорое примѣненіе ея къ окраинамъ Россіи, возстановленіе тѣхъ, сравнительно немногихъ ея положеній, которыя подверглись существенному нарушенію, призывъ къ жизни тѣхъ, также немногихъ, но крайне важныхъ ея сторонъ, которыя съ самаго начала оставались мертвою буквой—вотъ desiderata, сами собою приходящія на мысль при взглядѣ на судебные уставы 1864-го года. Всего важнѣе, конечно, реализація великаго принципа, въ силу котораго лишеніе свободы или, вообще, ограниченіе правъ немыслимо безъ приговора, произнесеннаго компетентнымъ судомъ, съ соблюденіемъ гарантирующихъ личность подсудимаго формъ и обрядовъ; но нетрудно замѣтить, что препятствія къ достиженію этой цѣли лежатъ внѣ круга дѣйствія судебныхъ уставовъ, что устранить ихъ можетъ реформа не въ области суда, а въ области администраціи или, лучше сказать, въ области коренныхъ основъ государственнаго управленія. Радикальной перемѣны судебные уставы требуютъ только въ одномъ направленіи: правосудіе должно быть сдѣлано болѣе доступнымъ для массы населенія, путемъ прибли-

женія къ ней суда и въ особенности путемъ упрощенія формъ судопроизводства.

Земскому дѣлу во всѣхъ отношеніяхъ посчастливилось у насъ гораздо меньше, чѣмъ судебному. Крайне несовершенное само по себѣ, Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ потерпѣло чрезвычайно сильно отъ законовъ 1866 и 1867 г., изъ которыхъ первый положилъ предѣлъ нормальному возрастанію земскаго бюджета, а второй отдалъ гласность земской дѣятельности — въ руки губернатора, ея свободу — въ руки предсѣдателя, не избираемаго собраніемъ и часто даже не принадлежащаго къ его составу. Многолѣтній тяжелый опытъ доказалъ земству тщету его ходатайствъ, непрочность его самостоятельныхъ начинаній. И здѣсь, какъ въ крестьянскомъ вопросѣ, первымъ шагомъ впередъ должно быть возвращеніе къ первоначально изданному закону; но остановиться на этомъ — значило бы сдѣлать очень мало. Пересмотра и передѣлки требуетъ больше всего избирательная система, лежащая въ основаніи земскихъ учрежденій и устраняющая отъ участія въ нихъ цѣлые классы населенія, сравнительно богатые умственною силой; необходимо, затѣмъ, расширеніе круга дѣятельности земства и обезпеченіе этой дѣятельности, устраненіе препятствій, которыя она до сихъ поръ на каждомъ шагу встрѣчала. Въ городахъ избирательная система еще менѣе удовлетворительна, чѣмъ въ уѣздахъ; она парализуетъ всѣ хорошія стороны Городового Положенія, ею объясняется тотъ прискорбный, но несомнѣнный фактъ, что городское самоуправленіе принесло многимъ городамъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Съ вопросомъ о земскомъ и городскомъ самоуправленіи тѣсно связанъ вопросъ о народной школѣ. Можно сказать безъ преувеличенія, что она создана минувшимъ царствованіемъ,— такъ ничтожны были до тѣхъ поръ ея зачатки; но какими тормозами задерживалось ея развитіе въ продолженіе цѣлыхъ четырнадцати лѣтъ—это слишкомъ хорошо извѣстно. Устраненіе этихъ тормозовъ уже началось, но едва-ли оно приведетъ къ желанной цѣли, пока основой для существованія народной школы будетъ служить Положеніе 1874-го года, вызванное недовѣріемъ къ земству, т.-е. къ той силѣ, которая одна только потрудилась серьезно и плодотворно для дѣла начальнаго обученія. И здѣсь, слѣдовательно, рѣчь идетъ о чемъ-то гораздо большемъ, чѣмъ простое возстановленіе дѣйствія закона, за-

темненнаго и извращеннаго административными инструкціями и «мѣропріятіями». То же самое слѣдуетъ сказать и о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—о гимназіяхъ, мужскихъ и женскихъ, и о реальныхъ училищахъ. Менѣе настоятельна реформа въ положеніи университетовъ; уставъ 1863 г., опять получившій полную силу, представляетъ такую почву, на которой легко могутъ быть возведены всѣ дополнительныя постройки, требуемыя временемъ и отчасти уже предпринятыя въ продолженіе истекшаго года.

Изъ всѣхъ преобразовательныхъ мѣръ послѣдняго двадцатипятилѣтія ни одна, можетъ быть, не подвергалась столь частымъ и глубоко идущимъ ограниченіямъ и урѣзкамъ, какъ законъ 1865-го года о печати. Minimum необходимыхъ реформъ и здѣсь идетъ гораздо дальше возвращенія къ тексту закона. Узаконеніе произвола, въ формѣ административныхъ взысканій, очевидно отжило свой вѣкъ, и мы не теряемъ надежды, что предостереженія и запрещенія, на которыя слишкомъ щедръ былъ истекшій мѣсяцъ, заключатъ собою длинный мартирологъ подневольной русской печати. Весьма знаменательно, въ этомъ отношеніи, возбужденіе судебнаго преслѣдованія противъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», т.-е. обращеніе къ суду въ такомъ дѣлѣ, для котораго цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ не существовало другого исхода, кромѣ административной расправы.

Итакъ, всѣ главные вопросы, надъ которыми трудилось, по которымъ многаго достигло минувшее царствованіе, опять стоятъ на очереди, опять требуютъ безотлагательнаго разрѣшенія. Не менѣе настоятельными представляются тѣ вопросы, которые намѣчены уже давно, но все еще не вышли изъ фазиса предварительной разработки. Сюда относятся реформы административная и податная, слишкомъ двадцать лѣтъ не двигающіяся съ мѣста; пересмотръ уголовнаго законодательства, остановившійся на крайне неполныхъ и неопредѣленныхъ основныхъ положеніяхъ 1879-го года; пересмотръ узаконеній о расколѣ, до сихъ поръ не имѣющихъ ничего общаго даже съ вѣротерпимостью. Если прибавить къ этому вопросы, еще не поднятые оффиціально, но ежедневно поднимаемые жизнью (наприм. вопросъ о пересмотрѣ гражданскихъ законовъ); второстепенные, но далеко не маловажные вопросы внутренняго управленія (напр. вопросъ питейный, теперь, какъ и до отмѣны откуповъ, составляющій больное мѣсто въ нашемъ

государственномъ и народномъ организмѣ); вопросъ объ окончательномъ устройствѣ нашихъ окраинъ, отодвинутый на второй планъ событіями послѣднихъ лѣтъ, но сохранившій свое глубокое жизненное значеніе.—то мы получимъ такую массу работы, которая съ перваго взгляда можетъ показаться непосильной для самаго энергическаго правительства. Затруднительность положенія увеличивается тѣмъ, что многіе—и притомъ важнѣйшіе—вопросы, тѣсно связанные между собою, требуютъ совокупнаго, одновременнаго рѣшенія. Таковы, напримѣръ, вопросы крестьянскій, земскій и административный. Нельзя организовать крестьянское управленіе и самоуправленіе, пока не будетъ извѣстно, какъ размежуются между собою — или въ какой степени сольются — администрація и земство, пока не будетъ установленъ новый или обновленный типъ наиболѣе мелкой территоріальной единицы. Стоитъ, однако, только присмотрѣться поближе къ условіямъ задачи, чтобы убѣдиться въ возможности исполнить ее вполнѣ, и притомъ въ короткое, сравнительно, время.

Успѣхъ законодательной работы зависитъ отъ достаточно полнаго и хорошо провѣреннаго запаса матеріаловъ,—отъ наличности силъ, способныхъ творчески отнестись къ этимъ матеріаламъ, создать изъ нихъ нѣчто цѣльное, живое,—отъ умѣнья устранить искусственныя преграды, задерживающія свободное движеніе предпринятаго дѣла. Надъ первымъ изъ этихъ условій трудилась, можно сказать, вся предшествовавшая эпоха; одна изъ главныхъ заслугъ ея—накопленіе и разработка фактическихъ данныхъ, прежде остававшихся неизвѣстными или попадавшихъ случайно и кое-какъ въ одни оффиціальные отчеты. Наука, литература, періодическая печать, судебныя рѣчи, пренія земскихъ собраній, работы земскихъ управъ и комиссій — все способствовало изученію дѣйствительности, дѣйствительности будничной, реальной, ничѣмъ не прикрашенной и не прикрытой. По тому же пути шли—конечно, не всегда, но довольно часто,—правительственные органы; къ той же цѣли направлены неоконченныя еще, но близкія къ окончанію сенаторскія ревизіи. Если онѣ и не раскроютъ ничего новаго, то непремѣнно подтвердятъ и закрѣпятъ многое, раскрытое прежде, дадутъ оффиціальную санкцію выводамъ частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій, и тѣмъ самымъ сильно подвинутъ впередъ пониманіе настоящаго, составляющее первый шагъ къ

лучшему будущему. Въ силахъ для подготовки преобразованій также не можетъ оказаться недостатка, если только эта работа не будетъ предоставлена однѣмъ канцеляріямъ, если къ участію въ ней будетъ призвано общество. Двадцать лѣтъ тому назадъ изъ среды общества, только что пробужденнаго къ жизни и не испытавшаго еще своихъ силъ на новой дорогѣ, вышли главные дѣятели крестьянской реформы; теперь, послѣ долгаго, тяжелаго искуса, отъ него можно и должно ожидать гораздо бо́льшаго. Многое, конечно, будетъ зависѣть отъ способа обращенія къ обществу. Мѣсяца два тому назадъ министерство внутреннихъ дѣлъ, поставивъ на очередь вопросъ о пересмотрѣ закона 27 іюня 1874 г., предложило его на обсужденіе земскихъ собраній; прецедентомъ для такого образа дѣйствій послужило, по всей вѣроятности, разсмотрѣніе земскими собраніями, въ 1870 или 1871 г., вопроса о податной реформѣ. Цѣлесообразнымъ этотъ способъ назвать никакъ нельзя. Не говоря уже о медленности, которую онъ неизбѣжно вноситъ въ движеніе вопроса, онъ влечетъ за собою напрасную трату силъ, ведетъ къ неполнотѣ, односторонности, раздробленности высказываемыхъ мнѣній, дѣлаетъ необходимымъ кропотливый трудъ группировки и классификаціи этихъ мнѣній, трудъ, совершаемый за кулисами и заглушающій собою живое слово общества. Дѣйствуя отдѣльно другъ отъ друга, земскія собранія могутъ или придти къ одностороннимъ заключеніямъ, непроизводительно повторивъ нѣсколько десятковъ разъ, съ начала до конца, одну и ту же работу, или—что́ гораздо вѣроятнѣе—впасть въ разнорѣчіе между собою, обусловливаемое преимущественно невозможностью взаимной повѣрки взглядовъ и взаимнаго ихъ согла шенія. Можно сказать утвердительно, что мнѣніе, высказанное отдѣльнымъ земскимъ собраніемъ, не есть его окончательное мнѣніе: оно существенно измѣнилось бы при соприкосновеніи съ другими, въ свою очередь существенно повліявъ на нихъ. Все сказанное нами въ особенности примѣнимо къ тѣмъ случаямъ, когда вопросъ предлагается на обсужденіе не однихъ только губернскихъ, но и уѣздныхъ земскихъ собраній: нѣсколько сотенъ мнѣній, очевидно, образуютъ лабиринтъ еще менѣе удобообозримый, чѣмъ нѣсколько десятковъ. А между тѣмъ, обратиться съ вопросомъ къ однимъ губернскимъ земскимъ собраніямъ—значило бы отказаться отъ возможности узнать взглядъ крестьянства, почти вовсе, какъ извѣстно, не имѣющаго

представителей въ губернскихъ собраніяхъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что совѣщаніе съ земствомъ должно быть облечено въ другую форму, болѣе удобную и простую, въ такую форму, которая допускала бы свободный обмѣнъ мыслей и замѣняла бы массу безконечно разнообразныхъ заключеній мнѣніями большинства и меньшинства, основанными на всестороннемъ обсужденіи предмета. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ голосомъ земства долженъ быть выслушанъ голосъ тѣхъ мѣстностей Россіи, въ которыхъ еще не введены въ дѣйствіе земскія учрежденія. Гласность совѣщаній должна привлечь къ участію въ нихъ, черезъ посредство печати, все образованное общество, всѣхъ мыслящихъ людей, способныхъ имѣть и высказать свой взглядъ на дебатируемые вопросы. При такой постановкѣ дѣла, при такомъ способѣ работы, достаточно было бы устранить нѣкоторые техническіе недостатки нашего законодательнаго механизма, чтобы достигнуть скораго и возможно удовлетворительнаго результата.

Преобразовательная работа, совершенная съ участіемъ общества—если только участіе это перестанетъ быть чѣмъ-то экстраординарнымъ, случайнымъ,—представляетъ еще одно, существенно важное преимущество: преимущество прочности, устойчивости Мы видѣли уже, что въ минувшемъ періодѣ нашей исторіи каждому шагу впередъ соотвѣтствуетъ шагъ назадъ, что ни одна реформа (за исключеніемъ развѣ военной) не была доведена послѣдовательно до конца, ни одна не уцѣлѣла даже въ первоначальномъ ея видѣ. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что опасеніе такой же участи для новыхъ реформъ парализуетъ, въ значительной степени, возлагаемыя на нихъ надежды и мѣшаетъ общему подъему духа, столь важному въ переживаемыя нами критическія минуты. Параллельно съ потребностью въ реформахъ растетъ потребность въ гарантіяхъ, въ гарантіяхъ для лицъ и для учрежденій. Гарантія—это увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, необходимая въ общественной жизни не меньше, чѣмъ въ частной; это залогъ правильнаго, безповоротнаго развитія, это ручательство въ томъ, что обществу не придется, какъ Сизифу, постоянно повторять одну и ту же работу, и какъ Танталу—никогда не пользоваться ея плодами.

Въ циркулярной депешѣ 4-го марта, на которую мы уже одинъ разъ ссылались, выражено намѣреніе Государя Импера-

тора «посвятить себя прежде всего дѣлу внутренняго государственнаго развитія, тѣсно связаннаго съ успѣхами гражданственности и съ вопросами *экономическими* и *соціальными*, составляющими нынѣ предметъ особой заботы всѣхъ правительствъ». Эти знаменательныя слова обѣщаютъ чрезвычайно много. Признавать существованіе соціальныхъ вопросовъ, заниматься ими не только для того, чтобы отрицать ихъ—значило, по господствовавшему до сихъ поръ или, по крайней мѣрѣ, сильно распространенному взгляду, приближаться или примыкать къ соціализму и, слѣдовательно, рисковать причисленіемъ къ врагамъ общественнаго строя. Въ основаніи недоразумѣній, иногда сознательныхъ, иногда невольныхъ, лежала эластичность самаго понятія о соціализмѣ, примѣнимаго къ взглядамъ, имѣющимъ весьма мало общаго между собою. Попытки насильственной ломки всего существующаго смѣшивались, подъ прикрытіемъ неопредѣленнаго слова, съ стремленіями къ мирному, постепенному измѣненію тѣхъ или другихъ общественныхъ отношеній. Такому смѣшенію долженъ наступить конецъ, разъ что провозглашена оффиціально неотложность соціальныхъ вопросовъ, неотложность ихъ у насъ, какъ и во всей Западной Европѣ. Естественный выводъ отсюда—свобода изслѣдованія соціальныхъ вопросовъ, въ широкихъ предѣлахъ, установленныхъ закономъ. Этой свободой не пользовалась у насъ даже наука, указанія которой—единственное надежное руководство для дѣятельности правительства и общества. Пора перенести борьбу на ту почву, которая до сихъ поръ почти всецѣло была предоставлена подпольной агитаціи; пора извлечь изъ ея рукъ и обратить противъ нея одно изъ главныхъ ея орудій. Ея утопическимъ планамъ и преступнымъ средствамъ должна быть противупоставлена широкая практическая программа, исполнимая путемъ реформъ, безъ замѣшательствъ и потрясеній.

IV.

Уходъ гр. Лорисъ-Меликова.—Манифестъ 29-го апрѣля. — Возможенъ ли въ Россіи клерикализмъ [1])?

Въ западно-европейскихъ государствахъ перемѣна системы всегда влечетъ за собою перемѣну въ личномъ составѣ высшаго государственнаго управленія—и, наоборотъ, новый составъ управленія всегда свидѣтельствуетъ о происшедшей или готовящейся перемѣнѣ системы. Въ Россіи такой параллелизмъ былъ до сихъ поръ скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ. У нашихъ сосѣдей мѣняются министерства; у насъ мѣнялись только отдѣльные министры. Увольненіе и назначеніе ихъ иногда проходило совершенно безслѣдно, иногда отражалось на данной отрасли управленія, нисколько не затрогивая всѣхъ остальныхъ. Ожидать отъ министра строго опредѣленнаго, неизмѣннаго направленія мы не привыкли; намъ слишкомъ часто случалось видѣть одно и то же лицо на одномъ и томъ же мѣстѣ въ существенно различные моменты нашей внутренней жизни. Измѣненіе системы безъ соотвѣтствующей перемѣны лицъ было для насъ явленіемъ столь же обычнымъ, какъ и перемѣна лицъ безъ измѣненія системы. Примѣромъ послѣдней можетъ служить назначеніе А. Е. Тимашева на мѣсто П. А. Валуева, Л. С. Макова—на мѣсто А. Е. Тимашева; самый яркій примѣръ перваго мы видѣли въ 1866 г. Никто не станетъ отвергать, что этотъ годъ былъ однимъ изъ поворотныхъ пунктовъ въ исторіи прошедшаго царствованія;

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1881 г., іюнь и сентябрь, внутр. обозрѣніе.

новыхъ назначеній онъ принесъ съ собою, однако, всего два: назначеніе гр. Д. А. Толстого министромъ народнаго просвѣщенія и гр. П. А. Шувалова главнымъ начальникомъ третьяго отдѣленія. Не говоря уже о министерствахъ второстепенныхъ, не политическихъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ остался П. А. Валуевъ, только два года спустя удалившійся на время съ административной сцены. Намъ могутъ замѣтить, что П. А. Валуевъ былъ предвѣстникомъ, піонеромъ того направленія, которое окончательно побѣдило въ 1866 г., но проявлялось наружу гораздо раньше, съ самаго 1861 года; сохраненіе въ тѣхъ же рукахъ портфеля внутреннихъ дѣлъ было, слѣдовательно, вполнѣ совмѣстно съ торжествомъ новой политики. Это замѣчаніе совершенно справедливо; но оно подтверждаетъ нашу мысль, напоминая, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ П. А. Валуевъ могъ дѣйствовать рядомъ съ А. В. Головнинымъ, увольненіе котораго было самымъ знаменательнымъ — въ области личныхъ административныхъ перемѣнъ — событіемъ 1866-го года. Эта аномалія становится еще болѣе рѣзкой, если принять въ соображеніе, что А. В. Головнинъ былъ назначенъ министромъ не прежде, а *послѣ* П. А. Валуева. На судьбу крестьянскаго дѣла замѣна С. С. Ланского (или, правильнѣе, Н. А. Милютина) П. А. Валуевымъ повліяла, безъ сомнѣнія, весьма сильно; въ отношеніи къ судебной реформѣ то же самое можно сказать о замѣнѣ Д. Н. Замятнина гр. Паленомъ. Съ именами этихъ лицъ нельзя, однако, связать представленія объ *общемъ*, рѣшительномъ поворотѣ во внутренней политикѣ правительства. Первымъ, со временъ Сперанскаго, именемъ, возбуждающимъ такое представленіе, останется въ нашей исторіи имя гр. Лорисъ-Меликова — и въ этомъ заключается главная причина впечатлѣнія, произведеннаго, въ началѣ минувшаго мѣсяца, вѣстью объ увольненіи его отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Призывъ гр. Лорисъ-Меликова къ власти былъ началомъ новой эпохи; въ удаленіи его отъ управленія можно видѣть какъ бы окончаніе этой эпохи.

Въ промежутокъ времени, истекшій съ февраля 1880-го по маій 1881 го года, сдѣлано, закончено сравнительно немногое; но это и не могло быть иначе, въ виду обстоятельствъ, при которыхъ началась и продолжалась новая эра. Предшествующій періодъ не завѣщалъ ей никакихъ подготовительныхъ трудовъ, никакихъ реформъ, близкихъ къ осуществленію; единственнымъ

его наслѣдствомъ была масса затрудненій, которыя необходимо было устранить, прежде чѣмъ приняться за болѣе благодарную работу. Борьба съ революціонной агитаціей, не прекращавшаяся ни на одну минуту, требовала большой затраты силъ и не только косвенно, но и прямо тормозила ходъ преобразованій. Понятно, что при такихъ условіяхъ существенно важную заслугу слѣдуетъ видѣть уже въ одной правильной постановкѣ вопросовъ, въ одномъ вѣрномъ указаніи цѣлей, къ которымъ слѣдуетъ стремиться, и средствъ, съ помощью которыхъ онѣ могутъ быть достигнуты. Реакція, господствовавшая, съ большей или меньшей силой, цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ, привела къ двумъ главнымъ результатамъ: она ухудшила экономическое положеніе народа и извратила умственную жизнь общества, парализовавъ одни проявленія ея, болѣзненно обострившъ другія. Сообразно съ этимъ, поправить дѣло можно только одновременной работой въ двухъ направленіяхъ, тѣсно связанныхъ между собою. Принять мѣры къ поднятію народнаго благосостоянія, оставляя общество—безгласнымъ, мысль—зависимою отъ произвола, земство — безсильнымъ и забитымъ. значило бы обречь эти мѣры, въ лучшемъ случаѣ, на полууспѣхъ, рисковать длиннымъ рядомъ ошибокъ въ ихъ примѣненіи, въ самомъ выборѣ ихъ. Увеличить свободу мысли и слова, ничего не измѣняя въ матеріальномъ бытѣ народа—значило бы строить на пескѣ, забывая о насущныхъ потребностяхъ, безъ того слишкомъ долго остававшихся неудовлетворенными. Односторонность второго рода въ Россіи менѣе опасна и менѣе вѣроятна, чѣмъ односторонность перваго рода: менѣе опасна—потому что освобожденное слово прежде всего указало бы на необходимость позаботиться о народѣ, менѣе вѣроятна—потому что въ нашемъ прошедшемъ нѣтъ данныхъ для исключительнаго попеченія объ образованномъ меньшинствѣ, и, наоборотъ, много данныхъ для систематическаго игнорированія его стремленій. Какъ бы то ни было, политика, восторжествовавшая въ февралѣ прошедшаго года, не была односторонней ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ. Поставивъ себѣ задачей облегченіе экономическаго гнета, тяготѣющаго надъ массой населенія, она выразила рѣшимость измѣнить къ лучшему и тѣ условія, отъ которыхъ *сознательно* страдаетъ меньшинство, *безсознательно*—большинство русскаго народа. Отмѣна соляного акциза, повышеніе гильдейскихъ сборовъ и акциза на свекло-

вичный сахаръ, установленіе налога на золото, пониженіе выкупныхъ платежей — всѣ эти реформы, отчасти осуществившіяся, отчасти приготовленныя къ осуществленію, имѣли въ виду одну и ту же цѣль: болѣе справедливое распредѣленіе податного бремени. Вопросы, давно погребенные въ комиссіяхъ, вышли на свѣтъ и быстро подвинулись къ разрѣшенію. Сенаторскія ревизіи должны были выяснить, между прочимъ, другія средства къ улучшенію народнаго быта, къ устраненію золъ, отъ которыхъ бѣдствуетъ наше крестьянство — малоземелья, кулачества, административной неурядицы. Параллельно съ этими мѣрами шли другія, которыя можно назвать общимъ именемъ *освободительныхъ*. За фактическимъ расширеніемъ круга дѣйствій земства, общества и печати виднѣлась уже возможность законнаго обезпеченія за ними новыхъ правъ, сравнительно широкихъ. Упраздненіе третьяго отдѣленія и ограниченіе административной расправы предвѣщало побѣду законности надъ произволомъ. Пересмотръ закона о печати позволялъ ожидать уничтоженія главныхъ преградъ, мѣшающихъ развитію общественной мысли. На ревизующихъ сенаторовъ возложено было подробное изученіе земскихъ и городскихъ учрежденій, съ цѣлью очевидно благопріятною для самоуправленія. Декабрьскій циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ призвалъ земство къ обсужденію одной изъ важнѣйшихъ сторонъ мѣстнаго административнаго устройства. Для дальнѣйшаго хода преобразованій, подготовленныхъ сенаторскими ревизіями, постановленіями земскихъ собраній и отзывами печати, выбранъ былъ путь, который уже самъ по себѣ представлялся залогомъ успѣха. Таковы были главныя черты системы, много обѣщавшей въ близкомъ будущемъ, системы обдуманной, послѣдовательной, постоянно пріобрѣтавшей новыхъ приверженцевъ въ сферѣ высшаго управленія и вносившей въ нее столь долго недоставшее ей единство. Въ примѣненіи системы были, конечно, колебанія, но они зависѣли отъ временныхъ обстоятельствъ, отъ давленія чуждыхъ ей элементовъ, отъ неизбѣжныхъ столкновеній не только съ преданіями, но и съ живыми остатками предшествовавшаго порядка. Какъ ни прискорбны были подобныя колебанія, надежду на окончательное торжество системы они не уничтожали, пока руководящая роль оставалась въ рукахъ того, кому принадлежитъ честь созданія системы. Теперь вопросъ формулируется иначе; рѣчь идетъ уже не о томъ,

скоро ли, вполнѣ ли осуществится программа, выяснявшаяся все больше и больше въ продолженіе цѣлаго года, а о томъ, что̀ будетъ поставлено на ея мѣсто, въ какой степени новая система будетъ отличаться отъ прежней, сошедшей со сцены вмѣстѣ съ ея авторомъ. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, матеріаловъ для отвѣта еще немного; попробуемъ разсмотрѣть ихъ, насколько это возможно.

Манифестъ 29-го апрѣля написанъ въ общихъ выраженіяхъ; наиболѣе знаменательное его мѣсто [1]) опредѣляетъ задачу правительства отрицательно, а не положительно. Оно показываетъ намъ, что̀ именно отвергнуто, что̀ не будетъ допущено правительствомъ, но еще не объясняетъ, что̀ будетъ сдѣлано, предпринято имъ. Заключительныя слова манифеста требуютъ оффиціальнаго комментарія, которымъ и служитъ—но только отчасти — первый циркуляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ. Циркуляръ обѣщаетъ дворянству, земству и городскимъ сословіямъ неприкосновенность принадлежащихъ имъ правъ, крестьянству—возможное облегченіе лежащихъ на немъ тягостей и улучшеніе его общественнаго устройства и хозяйственнаго быта, Россіи вообще—осуществленіе на самомъ дѣлѣ всего положеннаго въ основу дарованныхъ монархомъ учрежденій. «Правительство», читаемъ мы въ концѣ циркуляра, «приметъ безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній». Какъ велика была у насъ разница между словомъ и дѣломъ, между буквой закона и его исполненіемъ — это знаетъ всякій. Проведеніе въ жизнь того, что̀ существовало и существуетъ только на бумагѣ—задача несомнѣнно важная, несомнѣнно необходимая; но столь же несомнѣнна, въ нашихъ глазахъ, и ея недостаточность. Земскому, городскому, крестьянскому самоуправленію вредило до сихъ поръ не только неправильное примѣненіе—или непримѣненіе—закона, но и внутреннее его несовершенство. Возстановить дѣйствіе закона—значитъ сдѣлать одинъ лишь первый и далеко

[1]) Мы разумѣемъ здѣсь слѣдующія слова манифеста: «Гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на божественный промыселъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній».

не самый важный шагъ, за которымъ должны послѣдовать многіе другіе. Въ отношеніи къ крестьянскому самоуправленію дальнѣйшее развитіе прямо обѣщано циркуляромъ; въ отношеніи къ земству мы находимъ только намекъ, заключающійся въ послѣднихъ словахъ циркуляра и крайне нуждающійся въ разъясненіи. Что̀ слѣдуетъ понимать подъ именемъ «правильныхъ способовъ, которые обезпечили бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній»? Идетъ ли здѣсь рѣчь исключительно объ устраненіи стѣсненій, тяготѣющихъ теперь надъ дѣятельностью земства — объ ограниченіи предсѣдательской власти и губернаторскаго контроля, о возвращеніи земскимъ собраніямъ права безцензурнаго печатанія своихъ журналовъ и постановленій,—или разумѣется нѣчто большее, т.-е. расширеніе правъ и круга дѣйствій земскихъ учрежденій? Не случайно, повидимому, упомянуто въ циркулярѣ о *мѣстныхъ* дѣятеляхъ; въ этомъ выраженіи лежитъ, если мы не ошибаемся, центръ тяжести всей приведенной нами фразы. *Мѣстные* дѣятели, какъ таковые, пріурочены къ *мѣстнымъ* дѣламъ и не должны ожидать призыва къ участію въ другой, болѣе важной работѣ. Если наша догадка не лишена основанія, различіе между прежней программой и нынѣшней выступаетъ на видъ въ яркомъ свѣтѣ. Мы желали бы ошибаться и не теряемъ надежды, что будущее докажетъ нашу ошибку; но въ ожиданіи такихъ доказательствъ, заключеніе, къ которому мы пришли, напрашивается на мысль само собою, слышится въ унынiи однихъ, въ худо скрытой или вовсе нескрываемой радости другихъ, въ впечатлѣніяхъ биржи, въ отзывахъ иностранной прессы. Подтвержденіе ему можно найти и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ циркуляра. Когда мы читаемъ о бездѣйствіи властей, о безучастномъ отношеніи общества въ крамолѣ, какъ о причинахъ, сдѣлавшихъ возможнымъ успѣхъ преступныхъ замысловъ, намъ невольно приходятъ на память однородныя заявленія извѣстныхъ органовъ нашей печати — и мы спрашиваемъ себя, не скрывается ли за этой аналогіей другая, болѣе важная. Мы знаемъ по опыту, что отъ мысли о бездѣйствіи власти слишкомъ легко перейти къ мысли о необходимости чрезвычайныхъ мѣропріятій, отъ мысли о безучастномъ отношеніи къ крамолѣ—къ мысли о солидарности общества или извѣстной его части съ крамолою.

Недоумѣніе, въ которомъ оставляетъ насъ циркуляръ 6-го мая, не можетъ быть продолжительно. Пробнымъ камнемъ для новой системы послужитъ прежде всего отношеніе ея къ печати, къ свободному слову – отношеніе, всегда соотвѣтствующее общему направленію правительства. Мы скоро узнаемъ, продолжается ли дѣятельность комиссіи, учрежденной съ цѣлью пересмотра закона о печати, узнаемъ сущность фактическаго и юридическаго режима, готовящагося для прессы. Позволительно ожидать, по меньшей мѣрѣ, одного: что между этими двумя режимами не будетъ противорѣчія, къ которому пріучили насъ предшественники Н. С. Абазы и гр. Лорисъ-Меликова. «Осуществить на самомъ дѣлѣ все положенное въ основу дарованныхъ монархомъ учрежденій»—значитъ, въ примѣненіи къ печати, возвратиться къ закону 6-го апрѣля 1865 г., исключить изъ арсенала административныхъ орудій всѣ тѣ, которыя пускаются въ ходъ за кулисами или поражаютъ журналъ, не объясняя мотивовъ взысканія. И на почвѣ закона 6-го апрѣля возможны, однако, весьма различные способы дѣйствій относительно печати; въ выборѣ того или другого несомнѣнно отразятся взгляды и намѣренія правительства. Еще яснѣе обрисуются они мѣсяца черезъ четыре, когда будутъ приведены къ концу сенаторскія ревизіи и представлены сенаторами ревизіонные отчеты. Съ наступленіемъ этого момента неминуемо возникнутъ два вопроса первостепенной важности: въ какомъ порядкѣ должны быть разсмотрѣны матеріалы, собранные ревизіею, и заключенія ревизующихъ сенаторовъ,—и что̀ именно должно быть сдѣлано для устраненія недостатковъ и пополненія пробѣловъ, раскрытыхъ ревизіею. Разрѣшеніе перваго изъ этихъ вопросовъ, проектированное гр. Лорисъ-Меликовымъ, извѣстно русскому обществу, несмотря на отсутствіе оффиціальныхъ о томъ сообщеній; оно послужитъ основаніемъ для сравненія, мѣриломъ для оцѣнки тѣхъ мѣръ, которыя будутъ приняты новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Заранѣе можно сказать только одно: чрезвычайному способу изслѣдованія, какимъ представляются ревизіи, долженъ соотвѣтствовать такой же способъ обсужденія данныхъ, добытыхъ ревизіями,—иначе ревизіи не достигнутъ своей цѣли, и воспоминаніе о нихъ будетъ воспоминаніемъ о крупной неудачѣ. Какимъ бы путемъ ни была совершена преобразовательная работа, содержаніе ея покажетъ, обнимаютъ ли виды правительства объ

стороны движенія, указанныя нами выше, или только одну, касающуюся улучшеній въ матеріальномъ бытѣ народа; оно покажетъ, предполагается ли выйти изъ области палліативныхъ мѣръ на широкую дорогу коренныхъ реформъ.

Манифестъ 29-го апрѣля призываетъ къ утвержденію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, къ искорененію неправды и хищенія. Циркуляръ 6-го мая, комментируя этотъ призывъ, указываетъ на «неразборчивость въ выборѣ средствъ и снисходительное отношеніе общества къ незаконнымъ способамъ наживы», какъ на «обычныя явленія нашего времени». «Нравственная чистота, вѣра въ свое дѣло и преданное служеніе», читаемъ мы дальше въ циркулярѣ, «должны быть святымъ долгомъ для всѣхъ и каждаго, *въ особенности для ближайшихъ слугъ государевыхъ*. Хищеніе должно быть пресѣкаемо и преслѣдуемо вездѣ, *гдѣ бы оно ни обнаружилось*, а виновники его должны нести заслуженную кару». Нельзя не сочувствовать этимъ общимъ положеніямъ, нельзя не быть благодарнымъ за откровенное выраженіе мысли, заключающейся въ подчеркнутыхъ нами словахъ циркуляра; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что нравственный строй цѣлаго общества и даже отдѣльныхъ лицъ не можетъ быть измѣненъ предписаніями свыше, какъ бы они ни были основательны и авторитетны. Въ послѣднее время особенно часто приходится встрѣчаться съ проповѣдниками старой теоріи, отрицающей дѣйствіе учрежденій и вѣрящей только во внутреннее самоусовершенствованіе человѣка. Не повторяя того, что̀ неоднократно говорилось по этому поводу въ нашемъ журналѣ—напримѣръ, въ статьяхъ, вызванныхъ прошлогоднимъ выпускомъ «Дневника» Ѳ. Достоевскаго—замѣтимъ только, что *прямое* вмѣшательство правительства въ дѣло воспитанія или перевоспитанія общества настолько же безсильно (если не вредно), насколько могущественно и благотворно можетъ быть *косвенное* вліяніе его. Укрѣпленіе вѣры и нравственности *непосредственно* правительственными средствами означаетъ, большею частью, искусственную поддержку того или другого вѣроисповѣданія, преслѣдованіе всего несовмѣстнаго съ его исключительнымъ господствомъ, увеличеніе числа уроковъ по закону Божію, усиленіе власти духовенства надъ школой, нѣкоторое ограниченіе общественныхъ увеселеній—другими словами, совокупность мѣръ, *въ лучшемъ случаѣ* не приводящихъ ни къ какому результату.

Насколько болѣе дѣйствительными могутъ быть мѣры, непосредственно направленныя противъ хищенія и неправды; и здѣсь, однако, наказаніе нѣсколькихъ виновныхъ (обыкновенно изъ числа тѣхъ, кого поэтъ называетъ *маленькими воришками*, въ противоположность большимъ) оказывается совершенно недостаточнымъ для поднятія общаго уровня нравственности, хотя бы въ одинѣхъ только административныхъ сферахъ. Доказательствомъ этому можетъ служить вся исторія двухъ послѣднихъ царствованій. Несмотря на строгость императора Николая, несмотря на падавшія, отъ времени до времени, гекатомбы мелкихъ, и даже не совсѣмъ мелкихъ, чиновниковъ, взяточничество процвѣтало въ 1855-мъ году ничуть не меньше, чѣмъ въ 1825-мъ. При Александрѣ II-мъ оно ослабѣло тамъ и въ такой мѣрѣ, гдѣ и въ какой мѣрѣ измѣнились вызывавшія его условія—ослабѣло, напримѣръ, въ судебномъ мірѣ, преобразованномъ уставами 1864 г. и выведенномъ изъ потемокъ канцелярской тайны. Во многихъ другихъ областяхъ оно сохранило всю свою силу, облекшись только иногда въ новую, болѣе современную форму; мало того — оно появилось даже тамъ, куда прежде не проникало. Угроза «заслуженной кары» и самое осуществленіе этой угрозы не исправитъ административныхъ нравовъ, точно такъ же какъ призывъ къ правдѣ и чести не измѣнитъ къ лучшему общественную нравственность. Мы не отрицаемъ силы слова, значенія проповѣди или увѣщанія; намъ кажется только, что, предоставляя имъ полную свободу—и этимъ самымъ всего лучше способствуя ихъ успѣху, — правительство должно дѣйствовать другими средствами, прямо соотвѣтствующими его роли. Оно должно работать надъ созданіемъ такихъ учрежденій, которыя благопріятствовали бы развитію хорошихъ сторонъ человѣческой природы, не давали бы пищи ея дурнымъ инстинктамъ, поднимали бы умственный и нравственный уровень народа; оно должно устранять преграды, лежащія на этомъ пути, и стремиться къ тому, чтобы каждый, безъ исключенія, сознавалъ и чувствовалъ живую связь съ государствомъ, много дающимъ, но за то многаго и требующимъ отъ своихъ гражданъ.

Насколько необходима и неотложна такая работа, это показываютъ всего яснѣе прискорбныя событія на югѣ Россіи. Еврейскій погромъ, начавшійся 15-го апрѣля въ Елизаветградѣ, продолжался около трехъ недѣль, охватилъ семь губерній и

достигъ небывалыхъ прежде размѣровъ. Участіе въ немъ анархистовъ не подлежитъ сомнѣнію, но сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется. Народныя массы, разбивавшія дома и уничтожавшія имущество евреевъ — а въ иныхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Одессѣ, и не однихъ евреевъ — служили дѣлу анархіи, но служили ему безсознательно, увлекаясь совершенно другими чувствами и стремясь къ совершенно другимъ цѣлямъ. Преслѣдованіе анархистовъ не должно, поэтому, отвлекать вниманіе отъ коренныхъ причинъ народныхъ волненій. Вопросъ, съ такой страшной силой заявившій себя на югѣ, долженъ быть названъ, по справедливому замѣчанію одной газеты, не еврейскимъ, а русско-еврейскимъ вопросомъ. Его не разрѣшило бы даже выселеніе евреевъ изъ Россіи, если бы оно и могло переійти изъ области болѣзненныхъ, сумасбродныхъ фантазій въ область дѣйствительности; его не разрѣшитъ уравненіе евреевъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи, хотя цѣлесообразность такой мѣры не подлежитъ никакому сомнѣнію. Для того, чтобы еврей пересталъ быть и казаться чужимъ въ Россіи, необходимо, чтобы онъ почувствовалъ себя русскимъ, на томъ же основаніи, на какомъ онъ чувствуетъ и сознаетъ себя во Франціи или Англіи французомъ или англичаниномъ моисеева закона; но этимъ путемъ можетъ быть искоренена—конечно, не въ близкомъ будущемъ—только національная и религіозная вражда между русскими и евреями. Экономическія причины, роль которыхъ въ недавнихъ безпорядкахъ столь очевидна, требуютъ другого, болѣе сложнаго врачеванія; то же самое слѣдуетъ сказать о невѣжествѣ, о нравственномъ мракѣ, обнаружившемся вездѣ, гдѣ только раздался бранный кличъ противъ евреевъ. Предупредить повтореніе недавнихъ событій можетъ лишь взаимодѣйствіе реформъ, о которомъ мы говорили выше. Необходимо поднять благосостояніе народа, чтобы освободить его отъ эксплоатаціи, главными дѣятелями которой въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ Россіи — и только въ этихъ губерніяхъ—служатъ евреи; но столь же необходимо поднять народное образованіе, чтобы оградить народъ отъ вліянія нелѣпыхъ слуховъ, безумныхъ и преступныхъ подстрекательствъ, столь же необходимо упрочить и утвердить господство закона, равнаго для всѣхъ, широкаго и гуманнаго, чтобы внушить народу уваженіе къ личности и къ праву. Отъ подробнаго, всесторонняго и безпристрастнаго изслѣдованія

южной смуты можно ожидать цѣнныхъ и вѣскихъ указаній на слабыя стороны существующихъ порядковъ. Весьма важно будетъ узнать, участвовали ли въ нападеніи на евреевъ, и если участвовали, то въ какой мѣрѣ, католики, раскольники, штундисты; много ли было между нападающими безземельныхъ крестьянъ и фабричныхъ рабочихъ; въ какомъ отношеніи находилось число грамотныхъ къ числу безграмотныхъ, число учившихся въ какой-нибудь правильно организованной школѣ къ числу выучившихся грамотѣ гдѣ-нибудь и какъ-нибудь, на мѣдные гроши. Громадный вредъ, причиненный Россіи погромами въ Кіевѣ, Одессѣ, Елизаветградѣ, можетъ быть вознагражденъ, до извѣстной степени, только утилизаціей того свѣта, который они бросаютъ на наше прошедшее, настоящее и будущее. Самой большой ошибкой было бы, безъ сомнѣнія, отвѣчать на беззаконіе беззаконіемъ, на грабежъ и буйство—какими-нибудь чрезвычайными, экстра-легальными наказаніями. Мы говоримъ не о мѣрахъ, употребляемыхъ во время безпорядковъ, съ цѣлью подавленія ихъ, а о мѣрахъ, слѣдующихъ за возстановленіемъ спокойствія—напр., о поголовномъ сѣченіи виновныхъ (а иногда, можетъ быть, и правыхъ), въ первый разъ допущенномъ въ Одессѣ, на пасхѣ 1871-го года, и повторившемся, къ сожалѣнію, кое-гдѣ по усмиреніи послѣдней смуты. Въ Херсонской губерніи оно было дѣломъ излишняго усердія отдѣльныхъ начальствующихъ лицъ, немедленно остановленнаго генералъ-губернаторомъ; но въ другомъ мѣстѣ, если вѣрить газетамъ, оно происходило при такихъ условіяхъ, которыя указываютъ на согласіе или приказаніе высшей въ краѣ административной власти. Мы надѣемся, что извѣстіе это будетъ опровергнуто и что единственный упрекъ, заслуженный нѣкоторыми изъ числа южныхъ администраторовъ, будетъ касаться непринятія ими своевременно такихъ мѣръ предосторожности, которыя предупредили бы возможность уличныхъ безпорядковъ или остановили бы ихъ въ самомъ началѣ.

Всякій разъ, когда выступаетъ на видъ необходимость возвысить нравственный и умственный уровень народа, мысль невольно останавливается на положеніи у насъ духовенства и народной школы. Какъ незначителенъ, въ глазахъ народа, нравственный авторитетъ православнаго духовенства—это ни для кого не составляетъ тайны; пассивное, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, отношеніе его къ еврейскимъ погромамъ

служитъ только новымъ напоминаніемъ объ одномъ изъ нашихъ застарѣлыхъ общественныхъ недуговъ. Пути къ исцѣленію его намѣчены давно: это—освобожденіе духовенства отъ всякихъ полицейскихъ функцій, лишеніе его возможности и права дѣйствовать противъ раскольниковъ иначе, какъ проповѣдью, примѣромъ и непринужденною бесѣдой, уничтоженіе послѣднихъ, далеко не малочисленныхъ еще остатковъ кастоваго его устройства, возможно большее сближеніе спеціально-духовныхъ учебныхъ заведеній съ общими, широкое развитіе самоуправленія въ средѣ духовенства, установленіе или возстановленіе живой связи между священникомъ и приходомъ, послѣдствіемъ чего само собою явилось бы лучшее матеріальное обезпеченіе священника. Понятно, какое прискорбное впечатлѣніе должна производить всякая мѣра, ищущая избавленія отъ зла не впереди, а позади, въ давно испытанныхъ и осужденныхъ опытомъ средствахъ. Не успѣло еще выборное начало пустить корни въ средѣ нашего духовенства, не успѣло оно еще получить той организаціи, которая одна только можетъ сдѣлать его истинно-полезнымъ, какъ возстановляется уже, по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи, старый порядокъ, неудовлетворительность котораго была сознана еще въ началѣ управленія гр. Толстого. Указомъ Св. Синода, состоявшимся по предложенію оберъ-прокурора и обнародованнымъ въ началѣ мая, предписывается обязательное назначеніе благочинныхъ архіереями, т.-е. отмѣняется допущенный въ нѣкоторыхъ епархіяхъ выборъ благочинныхъ священниками изъ собственной среды своей. Ожидать отъ этой мѣры какихъ-либо хорошихъ результатовъ невозможно уже потому, что порядокъ, ею установляемый, существовалъ повсемѣстно до конца шестидесятыхъ годовъ, существуетъ кое-гдѣ и теперь, и нигдѣ, никогда не приводилъ даже къ простому улучшенію нравовъ духовенства. Остается только желать, чтобы за первымъ шагомъ назадъ не послѣдовали другіе, чтобы уцѣлѣли, напримѣръ, епархіальные съѣзды, успѣвшіе уже во многомъ измѣнить къ лучшему положеніе духовныхъ училищъ.

Славянофильствующая печать отнеслась недавно съ насмѣшкой къ предположенію о томъ, что въ Россіи есть свой клерикализмъ, свои клерикалы. «Клерикализмъ въ Россіи?» восклицаетъ «Русь». «Но вѣдь это явленіе взято изъ западно-католическаго міра? Вѣдь оно значитъ: вторженіе властолю-

биваго латинскаго духовенства въ сферу жизни государственной и общественной, за предѣлы, подобающіе званію и вліянію духовнаго пастыря. Съ клерикализмомъ боролись и борются Италія, Испанія и Франція. Но въ исторіи русской церкви и государства если и былъ серьезный клерикалъ, такъ развѣ Никонъ, да и тотъ кончилъ свое поприще заточеніемъ. Нашего бѣднаго сельскаго священника нужно чуть не за рясу тащить въ народную школу для исполненія своей прямой обязанности ученія и вообще для «оказанія своего вліянія», а тутъ его вдругъ либералы и бюрократы возмнили наиопаснымъ человѣкомъ, отъ вліянія котораго нужно какъ можно скорѣе уберечь русскій простой народъ»!—Въ этой аргументаціи забыто только одно: забыта возможность самобытнаго возникновенія въ Россіи явленій, конечно не тожественныхъ, но однородныхъ, аналогичныхъ съ явленіями западно-европейской жизни. Что *клерикализмъ не принадлежитъ спеціально и исключительно одному латинскому духовенству, это видно уже изъ того*, что между выдающимися клерикалами Франціи и Бельгіи свѣтскихъ людей чуть ли не больше, чѣмъ духовныхъ (назовемъ для примѣра Фаллу, Фурту, Броли, Бюффе, Шенелона, Вельо, де-Те, Малу, д'Анетана); что клерикализмъ не принадлежитъ исключительно католической церкви—это доказывается процвѣтаніемъ его въ нѣкоторыхъ протестантскихъ государствахъ Германіи. Вёллльнеръ, Генгстенбергъ, Сталь, Мюлеръ - все это клерикалы чистѣйшей воды (и притомъ какъ духовные, такъ и свѣтскіе), выросшіе на лютеранской почвѣ. Опредѣленіе клерикализма, данное «Русью», очевидно требуетъ поправки и дополненія. Клерикализмъ — это вторженіе церковнаго, конфессіональнаго элемента (представляемаго не однимъ только духовенствомъ) въ государственную, общественную и умственную жизнь (или въ одну изъ этихъ областей), съ цѣлью подчинить ее дѣйствію неподвижныхъ, не подлежащихъ критикѣ началъ, заимствуемыхъ изъ спеціальной сферы и только въ ней имѣющихъ право на существованіе. Понимаемый такимъ образомъ, т.-е. понимаемый согласно съ указаніями исторіи, клерикализмъ не только возможенъ, но почти неизбѣженъ вездѣ, гдѣ существуетъ сильно организованная церковь, господствовавшая въ прошедшемъ или господствующая въ настоящемъ. Духовная цензура, не ограничивающаяся произведеніями спеціально-духовнаго содержанія; духовный судъ по дѣламъ не спеціально-церковнымъ;

преслѣдованіе церковью, совмѣстно съ свѣтской властью, ересей, расколовъ и вообще отпаденій или уклоненій отъ церковнаго ученія; преобладающее положеніе духовенства въ народной школѣ—все это или продукты клерикализма, или основы для его развитія. Въ этомъ смыслѣ говорить о русскомъ клерикализмѣ не только можно, но и необходимо, чтобы понять настоящее положеніе вопроса и предвидѣть вѣроятныя усложненія его въ будущемъ. Отрицать существованіе въ Россіи чего бы то ни было похожаго на клерикализмъ — все равно, что отрицать существованіе у насъ рабочаго вопроса. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи различіе между Россіей и остальной Европой, безъ сомнѣнія, весьма существенно; явленія, вполнѣ обрисовавшіяся на Западѣ, только зарождаются у насъ—но это еще не причина игнорировать или замалчивать ихъ. Не слѣдуетъ забывать, что правительство до сихъ поръ почти всегда шло у насъ рука объ руку съ церковью, что со временъ Петра Великаго между ними не было крупныхъ разногласій, что наше духовенство въ огромномъ большинствѣ своемъ до сихъ поръ еще слишкомъ мало развито, чтобы претендовать на какое-нибудь серьезное вліяніе; но кто же рѣшится утверждать, что такое положеніе дѣлъ всегда останется неизмѣннымъ, что на немъ не отразится, напримѣръ, истинная терпимость къ расколу, когда она, наконецъ, у насъ восторжествуетъ? Чтобы найти русскихъ клерикаловъ, и притомъ не только духовныхъ, но и свѣтскихъ, и теперь уже нѣтъ надобности углубляться въ семнадцатое столѣтіе; стоитъ только вспомнить о Фотіи и Серафимѣ, о Магницкомъ, о кн. Ширинскомъ-Шихматовѣ (министрѣ народнаго просвѣщенія послѣ гр. Уварова), о митрополитѣ Филаретѣ (въ послѣднюю, наиболѣе продолжительную эпоху его дѣятельности). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что обѣ категоріи клерикаловъ существуютъ у насъ и въ настоящую минуту. Чему, кромѣ клерикализма, можно приписать нападенія нѣкоторыхъ духовныхъ журналовъ противъ относительной свободы, которою одно время пользовалась проповѣдь г. Пашкова—нападенія, не оставшіяся, къ сожалѣнію, безъ результата? Что, какъ не клерикализмъ, помѣшало успѣху реформы духовнаго суда, о которой давно уже ничего не слышно? Главная опора клерикализма—дисциплина, повиновеніе; ему чужда и антипатична всякая мысль о церковномъ самоуправленіи, тѣмъ болѣе о предоставленіи въ

немъ какой-либо роли свѣтскому, народному элементу. Это одна изъ причинъ, заставляющая насъ радоваться всякому расширенію, жалѣть о всякомъ ограниченіи самоуправленія въ средѣ духовенства.

Мы прочли недавно въ «Церковномъ Вѣстникѣ» возраженіе противъ взгляда на русскій клерикализмъ, выраженнаго въ одномъ изъ послѣднихъ нашихъ обозрѣній. Въ нашихъ словахъ духовный журналъ видитъ доказательство тому, что «передовые свѣтскіе люди» боятся и не желаютъ сильно «организованной церкви», страшатся «серьезнаго вліянія духовенства» и воздѣйствія на умственную жизнь «неподвижныхъ, не подлежащихъ критикѣ началъ», заключающихся въ христіанско-православномъ вѣроученіи. «Нынѣшняя невліятельность духовенства, — говоритъ «Церковный Вѣстникъ», — совершенно на руку нашимъ свѣтскимъ либераламъ, и если они, повидимому, расточаютъ жалобы и проливаютъ незримыя міру слезы по этому случаю, то жалобы эти неискренни, а слезы суть слезы крокодила; въ сущности же какъ относительно духовенства, такъ и церкви, они въ душѣ своей давно рѣшили: чѣмъ хуже идутъ церковныя дѣла, тѣмъ лучше для преуспѣянія Россіи, которая въ такомъ случаѣ не рискуетъ стать твердо на неподвижные устои... Не подлежитъ сомнѣнію, что духовенство наше и церковь именно должны быть тѣмъ, чего не желалъ-бы «Вѣстникъ Европы», что онъ несправедливо называетъ своего рода клерикализмомъ и что вѣрнѣе назвать сильною организаціею церкви и серьезнымъ вліяніемъ духовенства на разныя стороны нашей общественной, умственной и нравственной жизни».

«Церковный Вѣстникъ» благодаритъ насъ за откровенность; мы можемъ отплатить ему тою же монетой. Онъ освобождаетъ насъ отъ труда пріискивать новыя доказательства тому положенію, что въ Россіи существуетъ клерикализмъ или нѣчто близко подходящее къ клерикализму. Дѣло не въ названіи, а въ притязаніяхъ, въ стремленіяхъ, вездѣ и всегда свойственныхъ этому направленію. Мы видимъ въ нихъ опасность, угрожающую нашей церкви; «Церковный Вѣстникъ» видитъ въ нихъ ея задачу, ея призваніе. Болѣе откровеннымъ нельзя и быть; намъ остается только констатировать фактъ и принять его къ свѣдѣнію. «Церковный Вѣстникъ» желаетъ всего того,

что́ мы отвергаемъ, всего того, за что́ стоятъ въ теоріи, чего напрасно домогаются на практикѣ западно европейскіе клерикалы: духовной цензуры для произведеній не спеціально-церковнаго содержанія, духовнаго суда по дѣламъ не спеціально-церковнымъ, преслѣдованія отпаденій и уклоненій отъ церковнаго ученія, преобладающаго положенія духовенства въ народной школѣ, и т. п. Оговоримся насчетъ послѣдняго пункта: подъ именемъ преобладающаго положенія духовенства въ народной школѣ мы понимаемъ не то нравственное вліяніе на учениковъ, которое оно можетъ пріобрѣсти преподаваніемъ закона Божія, силою примѣра, обаяніемъ честной, чистой жизни, а то юридическое, формальное главенство надъ учителемъ, которое нигдѣ и никогда не приводило къ добру, которое вполнѣ совмѣстимо съ полнымъ отсутствіемъ нравственнаго вліянія. То же самое слѣдуетъ сказать и о положеніи духовенства въ обществѣ и государствѣ. И здѣсь вліяніе его можетъ быть благотворнымъ, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы въ немъ не было ничего похожаго на принужденіе. Настоящая невліятельность духовенства «на руку» тѣмъ, кого «Церковный Вѣстникъ» называетъ «свѣтскими либералами», лишь настолько, насколько она обусловливаетъ собою невмѣшательство духовенства, по крайней мѣрѣ непосредственно и прямо, въ дѣла государственнаго управленія; но она вовсе не на руку имъ, какъ причина пробѣла въ нравственномъ воспитаніи народа. Не въ «сильной организаціи» (въ іерархическомъ смыслѣ этого слова) нуждается наше духовенство, а въ освобожденіи его отъ всѣхъ функцій, несовмѣстныхъ съ истинной его ролью (напримѣръ отъ участія въ возбужденіи преслѣдованій противъ раскольниковъ) и въ устраненіи всѣхъ преградъ, мѣшающихъ ему дѣйствовать на сердца народа.

V.

Берлинскій трактатъ и внутренняя политика [1]).

Тяжелый годъ оставляемъ мы позади себя. Онъ начался при хорошихъ предзнаменованіяхъ. Въ правительственныхъ сферахъ готовились и замышлялись широкія преобразовательныя работы; въ обществѣ появлялись признаки возрождающейся жизни. Земскія собранія встрепенулись, какъ послѣ долгаго, искусственнаго сна: печать пользовалась фактически давно небывалымъ просторомъ и имѣла основаніе разсчитывать на скорое узаконеніе своей свободы. Надежды на будущее, слегка только охлажденныя нѣкоторою медленностью въ ходѣ реформъ, были еще очень велики; ожидался цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ не только къ поднятію народнаго благосостоянія—таковы вопросы о пониженіи выкупныхъ платежей, объ облегченіи крестьянскихъ переселеній, объ общей податной реформѣ, которые уже тогда были поставлены на очередь, вслѣдъ за отмѣной соляного акциза,—но и къ организаціи «общественнаго содѣйствія», совокупной дѣятельности правительства и народа. Катастрофа 1-го марта положила конецъ короткому, но свѣтлому періоду нашей новѣйшей исторіи; послѣдствія катастрофы слишкомъ замѣтны еще до сихъ поръ. Настроеніе умовъ остается по-прежнему натянутымъ и тревожнымъ, положеніе дѣлъ—не вполнѣ опредѣленнымъ. Это чувствуется всѣми, признается представителями самыхъ противоположныхъ мнѣній; разногласіе возникаетъ только тогда, когда ставится вопросъ о причинахъ упадка общественнаго пульса и о средствахъ къ новому его повышенію.

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1882 г., январь, внутреннее обозрѣніе.

Крайне опасно, почти безнадежно, было бы положеніе Россіи, если бы туча, нависшая надъ нею, образовалась—какъ увѣряютъ наши «націоналы»—еще въ 1878 г., вслѣдствіе печальнаго дипломатическаго финала восточной войны. Единственнымъ средствомъ къ радикальному исцѣленію была бы тогда новая война, т.-е. величайшее изъ золъ, какія только могутъ постигнуть Россію. Ревнители не по разуму, открывшіе недавно причинную связь между берлинскимъ трактатомъ и нашимъ современнымъ общественнымъ недугомъ, останавливаются, однако, передъ неизбѣжнымъ выводомъ изъ своихъ посылокъ; пустивъ въ оборотъ нѣсколько громкихъ фразъ, они стараются смягчить ихъ смыслъ, говорятъ о необходимости соблюдать однажды заключенный договоръ, о нежелательности ссоры съ Австріей. Но логика неумолимо отстаиваетъ свои права; всякій, умѣющій мыслить до конца, долженъ сказать самому себѣ: если берлинскій трактатъ—«одинъ изъ самыхъ главныхъ виновниковъ той деморализаціи, того приниженнаго состоянія общественнаго духа, которыя обратили *русскаго богатыря въ слабосильнаго больного* и приготовили почву для крамолы, для убійствъ и подкоповъ» (см. «Русь», № 53),—то нужно разорвать мечемъ ненавистную бумагу, какихъ бы жертвъ это ни потребовало отъ Россіи. Ошибочны, къ счастью, самыя основы, на которыхъ строится подобное заключеніе. Какъ ни антипатиченъ самъ по себѣ берлинскій трактатъ, къ нашимъ внутреннимъ болѣзнямъ онъ совершенно непричастенъ; приписывать ему, хотя бы и косвенно, усиленіе преступной агитаціи, инерцію общества, унынie народа—значитъ разсуждать по шаблону: «post hoc, ergo propter hoc». Правда, убійство генерала Мезенцева весьма близко по времени къ заключенію берлинскаго трактата; но «эра политическихъ убійствъ» была открыта еще раньше—покушеніемъ на жизнь генерала Трепова. Оно было совершено въ январѣ 1878-го года, т.-е. въ самый разгаръ нашихъ военныхъ успѣховъ, когда наши войска стояли подъ Константинополемъ и никто, конечно, не могъ предполагать, что за санъ-стефанскимъ трактатомъ послѣдуетъ берлинскій. Къ тому же январю мѣсяцу, если мы не ошибаемся, относится первый случай вооруженнаго сопротивленія при арестованіи политическихъ преступниковъ (Ковальскаго и товарищей его въ Одессѣ). Еще раньше, вслѣдъ за окончаніемъ сербской войны и наканунѣ активнаго вмѣша-

тельства Россіи въ восточный вопросъ, произошелъ (въ декабрѣ 1876 г.) безпорядокъ на Казанской площади, внутренняя связь котораго со всѣми позднѣйшими проявленіями революціонной пропаганды не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Осенью 1877-го года началось слушаніе въ особомъ присутствіи сената такъ-называемаго процесса ста-девяносто-трехъ; стоитъ только припомнить образъ дѣйствій подсудимыхъ во время этого процесса, чтобы окончательно убѣдиться въ томъ, что ни война, ни миръ не играли никакой роли въ ходѣ событій, столь трагически заключившихся 1-го марта прошлаго года. Къ тому же выводу можно придти еще другимъ путемъ. Полнѣйшимъ контрастомъ берлинскому трактату служитъ, конечно, франкфуртскій договоръ 1871-го года, доставившій Германіи Мецъ и Страсбургъ. Никто не рѣшился оспаривать у Германіи плодовъ побѣды надъ Франціей. никто не умалилъ добычи, которую она сама себѣ присудила: дипломатическое торжество ея ничѣмъ не уступало военному. И что же? Предохранило ли оно Германію отъ тѣхъ явленій, которыя составляютъ наше несчастье? Нѣтъ; покушенія на жизнь императора Вильгельма предшествуютъ выстрѣламъ Соловьева и взрывамъ на южной желѣзной дорогѣ и въ Зимнемъ дворцѣ. Прусско-французская война, вмѣстѣ съ кампаніей 1877—78 г., доказываетъ съ полною ясностью, что война перестала быть отвлекающимъ средствомъ—въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ ее Наполеонъ III,—перестала имѣть рѣшающее вліяніе на внутреннюю жизнь народовъ.

Но если берлинскій трактатъ не имѣетъ ничего общаго съ распространеніемъ и обостреніемъ у насъ соціалъ-демократической агитаціи, то не слѣдуетъ ли видѣть въ немъ, по меньшей мѣрѣ, одинъ изъ главныхъ источниковъ уныній, безспорно господствующаго въ русскомъ обществѣ? И на этотъ вопросъ можно отвѣтить только отрицательно, уже потому, что воспоминаніе о берлинскомъ трактатѣ тяготѣло надъ Россіей въ 1880-мъ году не меньше, чѣмъ въ 1881-мъ—а между тѣмъ, значительная часть 1880 г. была временемъ всеобщаго оживленія, всеобщей надежды. Формъ выраженія народнаго чувства у насъ такъ немного, сравнительная достовѣрность ихъ такъ невелика, что въ этомъ отношеніи дальше догадокъ идти чрезвычайно трудно; съ увѣренностью говорить отъ лица народа могутъ только тѣ, кто провозглашаетъ необходимость *идеали-*

заціи его, разумѣя подъ этимъ именемъ приписываніе или навязываніе ему собственныхъ своихъ идеаловъ. Мы видѣли русскую деревню лѣтомъ 1878 г. и очень хорошо знаемъ, что извѣстіе о берлинскомъ трактатѣ не вызвало въ ней ни негодованія, ни стыда: деревня была просто обрадована заключеніемъ мира. Но личныя наши впечатлѣнія по необходимости ограничиваются одной мѣстностью, и мы не станемъ противуполагать ихъ увѣреніямъ «націоналовъ», хотя *фактическія* данныя, которыми располагаетъ каждый изъ нихъ, едвали богаче и обширнѣе нашихъ. Мы спросимъ ихъ только: что̀ собственно въ берлинскомъ трактатѣ могло и можетъ быть воспринято каждымъ крестьяниномъ «въ стыдъ и обиду»? О цѣли, во имя которой была предпринята война, крестьяне, безъ сомнѣнія, имѣли и имѣютъ общее понятіе; они знаютъ, что русскій царь пошелъ освободить православный, родственный намъ народъ отъ турецкаго ига,—но они знаютъ также, что вслѣдствіе войны образовалось новое православное государство, Болгарское княжество. Что оно не имѣетъ тѣхъ размѣровъ, которые предполагалось дать ему сначала—это извѣстно и понятно, безъ сомнѣнія, немногимъ, потому что здѣсь нужны уже нѣкоторыя географическія свѣдѣнія. Для русскихъ, хорошо знакомыхъ съ прошедшимъ и настоящимъ Европы, однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ условій берлинскаго трактата является предоставленіе Босніи и Герцеговины въ руки Австріи; для массы русскаго народа оно должно казаться безразличнымъ, потому что съ понятіемъ объ Австріи не соединено традиціонныхъ представленій, возбуждаемыхъ въ русскомъ человѣкѣ однимъ именемъ турокъ. Самые крайніе славянофилы едва-ли рѣшатся утверждать, что освобожденіе *австрійскихъ* славянъ принадлежитъ къ числу задачъ, инстинктивно сознаваемыхъ или предчувствуемыхъ русскимъ народомъ.

Въ другое время фантазія, разыгранная славянофилами на тему о берлинскомъ трактатѣ, могла бы быть оставлена безъ вниманія, несмотря на сочувственный отголосокъ, встрѣченный ею въ нѣкоторыхъ органахъ печати; но въ переживаемую нами минуту приходится считаться съ каждымъ словомъ, могущимъ затемнить положеніе дѣлъ и отвлечь вниманіе отъ тѣхъ пунктовъ, на которыхъ должна сосредоточиться работа общественной мысли. Для вѣрнаго опредѣленія болѣзни нужно устранить, прежде всего, всѣ произвольныя догадки, мѣшающія добраться

до ея настоящей причины. Не случайно, притомъ, произведенія славянофильствующей печати носятъ на себѣ, съ нѣкоторыхъ поръ, оттѣнокъ торжества; не случайно слышится въ нихъ явное повышеніе тона. Обстоятельства сложились для нихъ настолько же благопріятно, насколько затруднено свободное выраженіе противоположныхъ взглядовъ. При такихъ условіяхъ, необходимость борьбы зависитъ не отъ вѣскости заявленнаго мнѣнія, а отъ самаго факта его заявленія—и необходимость эта тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ важнѣе спорный вопросъ, чѣмъ дальше отъ истины предлагаемое его рѣшеніе. Отвергать всякую связь между берлинскимъ трактатомъ и настоящимъ положеніемъ вещей въ Россіи—не значитъ еще признавать русскій народъ «слабосильнымъ больнымъ» и сажать его на больничную порцію. Русскій народъ—не сказочный богатырь; живой и мертвой воды для залеченія своихъ ранъ онъ не имѣетъ, силы его велики, но все же истощимы. Чтобы оправиться отъ напряженій и потерь послѣдней войны, отъ неурожаевъ и естественныхъ невзгодъ всякаго рода, отъ результатовъ долгаго внутренняго застоя, ему нужно время, много времени,—но столь же нужна укрѣпляющая пища, свѣжій воздухъ, солнечный свѣтъ, энергическое движеніе. Все это можетъ дать ему только мирная работа, предпринятая въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, свободная отъ опасенія новыхъ внѣшнихъ замѣшательствъ. Пускай русская дипломатія понесла бы, три года тому назадъ, пораженіе еще вдвое болѣе чувствительное—не время было бы пока сокрушаться о немъ, какъ не время было думать въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, послѣ парижскаго трактата, о возстановленіи утраченнаго господства Россіи надъ Чернымъ моремъ. Настанетъ, быть можетъ, моментъ, когда положеніе дѣлъ къ югу отъ Дуная измѣнится такъ же легко и безкровно, какъ пали въ 1870-мъ году стѣснительныя для Россіи статьи парижскаго трактата. Такъ или иначе, теперь и на много лѣтъ впередъ, миролюбивая политика—первая потребность для Россіи, первое, но, конечно, не единственное условіе ея благосостоянія.

VI.

Программа русскихъ либераловъ [1]).

Есть французская пословица, о которой часто приходится вспоминать въ послѣднее время: «il n'y a pas de pire sourd que celui qui ne veut entendre» (худшая глухота—нежеланіе слышать). Съ тѣхъ поръ, какъ русская печать получила возможность говорить, хотя бы и съ осторожностью, о вопросахъ русской государственной жизни, она постоянно старалась выяснить отношеніе свое къ нимъ, формулировать, болѣе или менѣе точно, свои пожеланія и взгляды. Стремленіе это усиливалось или ослабѣвало, вмѣстѣ съ обстоятельствами, ему благопріятствовавшими или не благопріятствовавшими—но вполнѣ оно не прекращалось даже въ самыя тяжелыя минуты недавняго прошлаго. Стоитъ только просмотрѣть съ нѣкоторымъ вниманіемъ, съ нѣкоторою добросовѣстностью, нумера газетъ или журналовъ хотя бы за одинъ послѣдній годъ, чтобы составить себѣ ясное понятіе о теченіяхъ, существующихъ въ нашей печати. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что особенно легка эта задача именно въ примѣненіи ко многимъ органамъ такъ-называемой «либеральной» прессы. Кто провозглашаетъ необходимость движенія, тотъ не можетъ не указать, въ какую сторону оно должно быть направлено. Общихъ мѣстъ о реформахъ, о прогрессѣ въ наше время никто не сталъ бы слушать. Они не были достаточны даже тогда, когда въ правительственныхъ сферахъ господствовалъ полный застой; при первомъ нарушеніи его они сдѣлались совершенно немысли-

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1882 г., апрѣль, внутреннее обозрѣніе; іюнь, внутр обозрѣніе и общественная хроника.

мыми. Въ «либеральномъ» лагерѣ, какъ и во всякомъ другомъ, встрѣчаются, конечно, противорѣчія, колебанія; но они составляютъ здѣсь скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило. Представителями «либерализма»—употребляемъ это слово за недостаткомъ другого, столь же общепринятаго—давно уже высказаны цѣлыя программы, съ недомолвками по тѣмъ лишь пунктамъ, свободное обсужденіе которыхъ доступно для однихъ «не-либераловъ». Можно находить эти программы «опасными», неосуществимыми, полными иллюзій и ошибокъ; но игнорировать ихъ существованіе — значитъ намѣренно затыкать себѣ уши. Такою глухотою несомнѣнно, и повидимому неизлечимо, страдаетъ «Русь». «Что написано — спрашиваетъ она (№ 8), — на знамени «либеральной» партіи? Какая ея программа? Какія именно начала, политическія или соціальныя, она проповѣдуетъ, проводитъ въ сознаніи и въ жизни?.. Отвѣчать на эти вопросы ровно нечего. Въ словоизліяніяхъ писателей «либеральной партіи» нельзя уловить, особенно въ настоящую пору, никакого опредѣленнаго содержанія. На знамени ея было что-то написано, да частью выцвѣло, полиняло, частью стерто, переправлено, замѣнено какими-то новыми письменами, но краски не вышли».

Если бы запросъ, сдѣланный «либераламъ», исходилъ только отъ одной «Руси», его можно было бы оставить безъ отвѣта уже потому, что ясностью и точностью программы меньше всего отличается именно органъ г. Аксакова: нигдѣ «словоизліянія» такъ часто не занимаютъ мѣста опредѣленной мысли, нигдѣ фраза не играетъ такой господствующей, всепоглощающей роли. Пойти домой, возвратиться къ утраченной самобытности, пріобщиться народнаго духа — вотъ тѣ формулы, дальше которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, не идетъ московская газета. Недостаточность ихъ она сама, по крайней мѣрѣ иногда, понимаетъ; она предвидитъ требованіе, съ которымъ къ ней могутъ обратиться — но заранѣе отказывается его исполнить. Подтвердить нашу мысль всего лучше можетъ слѣдующая выписка изъ «Руси» (№ 59): «Все это только слова и слова, скажутъ намъ; укажите же, *какъ* стать самими собою, *какъ* возстановить цѣльность жизни?.. *Мы не знаемъ*. Мы не обладаемъ такимъ секретомъ». Оградить себя такимъ образомъ отъ докучныхъ вопросовъ—значитъ лишить себя права предлагать ихъ другимъ. Мудрено толковать съ людьми, умѣющими только закидывать вопросами и зажимающими себѣ уши въ виду

возможныхъ отвѣтовъ. Если мы тѣмъ не менѣе возвращаемся къ «Руси», то только потому, что, кромѣ недоразумѣній намѣренныхъ и слѣдовательно неустранимыхъ, есть недоразумѣнія искреннія, разрѣшимыя путемъ дальнѣйшаго развитія спорныхъ мнѣній. Въ наше смутное время даже избытокъ ясности слѣдуетъ предпочесть ея недостатку; лучше повториться, чѣмъ не договорить. Само собою разумѣется, что все послѣдующее будетъ сказано нами только отъ собственнаго имени. Русская «либеральная партія», *какъ цѣлое*, не только не имѣетъ своего органа—она вовсе не существуетъ: группы, соединяемыя обыкновенно подъ этимъ именемъ, единодушны по нѣкоторымъ вопросамъ, но во многомъ другомъ далеко и рѣзко расходятся между собою.

На «знамени либераловъ» — выражаясь словами нашихъ противниковъ—начертаны совершенно ясно по меньшей мѣрѣ два девиза: «свобода печати», «свобода совѣсти». Этого не отвергаетъ, не можетъ отвергнуть и сама «Русь»; она старается только уничтожить значеніе девизовъ, *какъ программы*, усердно подчеркивая существованіе ихъ на собственномъ своемъ знамени. «Едва-ли, — восклицаетъ она, — кто-либо въ нашей печати ратовалъ за ея свободу сильнѣе редактора «Руси», защищавшаго эту свободу даже передъ лицомъ Правительствующаго Сената». Отрицать прежнія заслуги г. Аксакова мы не станемъ; не станемъ также взвѣшивать ихъ сравнительную цѣну, опредѣленную имъ самимъ съ истинно-авторскою скромностью. Вслѣдствіе колоссальнаго недоразумѣнія, передъ которымъ остановится съ удивленной улыбкой будущій историкъ нашей печати, славянофильскій образъ мыслей долго находился въ опалѣ, доходившей даже до полнаго запрета. Отстаивая права печати, редакторъ «Дня», «Москвы» и «Москвича» боролся вмѣстѣ съ тѣмъ pro domo sua, боролся съ энергіей, стяжавшей ему тогда уваженіе противниковъ и несомнѣнно способствовавшей тому сочувствію, съ которымъ было встрѣчено въ «либеральной» прессѣ извѣстіе объ основаніи «Руси». Этой газетѣ обстоятельства скоро стали благопріятствовать въ такой же мѣрѣ, въ какой страдали отъ нихъ ея предшественницы. Обезпеченный отъ громовыхъ ударовъ, г. Аксаковъ относится къ нимъ уже не такъ, какъ прежде. Онъ продолжаетъ, правда, толковать о свободѣ печати, слегка скорбитъ о невзгодахъ, постигающихъ «либеральныя» изданія; но это не мѣ-

шаетъ ему дѣйствовать заодно съ противниками свободнаго слова. Провозглашать, въ самыя критическія минуты, солидарность либерализма съ нигилизмомъ, называть и тотъ, и другой «разновидностями западничества или европейничанья», обвинять значительную часть печати въ «оплеваніи всего святого для народа», «въ отрицаніи его исторической и духовной органической основы», возводить самое невинное мнѣніе (напр., желаніе мира съ польскою національностью) на степень «преступленія и измѣны» — значитъ стоять за что угодно, только не за свободу печати. Къ «оплеванію народной святыни», къ «преступленію и измѣнѣ», правительство, даже въ эпохи сравнительно спокойныя, не можетъ относиться равнодушно; логическимъ выводомъ изъ обвиненій, расточаемыхъ «Русью» противъ «либерализма», является скорѣе усиленіе, чѣмъ ослабленіе цензурныхъ стѣсненій. Если бы мы посовѣтовали развязать руки узнику и вмѣстѣ съ тѣмъ выразили бы увѣренность, что онъ только и думаетъ о нанесеніи кому-либо смертельнаго удара, то нашъ совѣтъ едва-ли былъ бы исполненъ, едва-ли былъ бы признанъ искреннимъ и серьезнымъ... Настоящими друзьями свободы могутъ считаться только тѣ, которые вѣрятъ въ ея внутреннюю силу, вѣрятъ въ исцѣленіе ею самою ранъ, ею наносимыхъ. Свобода печати, какъ и всякая другая, имѣетъ свои неудобства, допускаетъ злоупотребленія; чтобы отнестись къ ней съ довѣріемъ и безъ страха, необходимо убѣжденіе въ томъ, что хорошими ея сторонами не только уравновѣшиваются, но далеко перевѣшиваются дурныя. Уваженіе къ чужимъ мнѣніямъ, признаніе за ними права на существованіе, умѣнье различать теоретическое отрицаніе отъ реальной борьбы, разногласіе—отъ вражды или измѣны, оспариваніе — отъ оплеванія: вотъ условія, безъ которыхъ нельзя не только защищать, но и понимать свободу печати. Слова эластичны и послушны; написать любую формулу можно на любомъ знамени. Дать ей значеніе и жизнь—это другое дѣло; для этого нужно по меньшей мѣрѣ отсутствіе явнаго противорѣчія между словомъ и образомъ дѣйствій. Съ славянофильскимъ ученіемъ, въ лучшей, наиболѣе чистой его формѣ, свобода печати можетъ быть совмѣстима; но славянофильство «Руси» исключаетъ ея возможность. Можно называться славянофиломъ, безъ того, чтобы быть имъ.

Свобода печати и свобода совѣсти не даромъ стоятъ рядомъ

во многихъ программахъ. Онѣ проистекаютъ изъ одного и того же начала; приверженцу одной изъ нихъ трудно быть противникомъ другой. Не будемъ спорить о томъ, кто раньше началъ говорить за полную терпимость къ расколу и сектантству — славянофилы или «либералы»; замѣтимъ только, что «расположеніе» послѣднихъ къ сектантамъ вовсе не столь *недавняго* происхожденія, какъ полагаетъ, въ припадкѣ самовосхваленія, редакція «Руси». Гораздо интереснѣе, чѣмъ вопросъ о «давности» взгляда, представляется вопросъ о его границахъ. Славянофилы, по словамъ «Руси», стремятся «согласить разумный прогрессъ свободы съ основными историческими началами политической и религіозной жизни русскаго народа». Въ чемъ заключаются условія такого соглашенія, что оно допускаетъ и чего не допускаетъ? Первою, самою характеристическою чертою свободы совѣсти служитъ право переходить изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, по внутреннему убѣжденію, безъ всякихъ внѣшнихъ стѣсненій и безъ невыгодныхъ, съ свѣтской точки зрѣнія, послѣдствій. Для лицъ, принадлежащихъ по рожденію къ господствующей церкви, это право у насъ, какъ извѣстно, не существуетъ; какъ относятся къ нему защитники «соглашенія»? Какъ смотрятъ они на обязательство, которымъ обусловливаются у насъ смѣшанные браки? Признаютъ ли они необходимость духовной цензуры, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она у насъ теперь дѣйствуетъ? Допускаютъ ли они свободу изслѣдованія въ вопросахъ, касающихся исторіи церкви и сущности церковнаго ученія? Пока мы не имѣемъ точнаго отвѣта на всѣ эти вопросы, и потому считаемъ себя въ правѣ утверждать, что славянофильство по меньшей мѣрѣ не благопріятствуетъ свободѣ совѣсти, въ истинномъ, широкомъ значеніи этого слова. Оно установляетъ такую связь между вопросами политическими и религіозными, при которой государственное вмѣшательство въ послѣднюю сферу является почти неизбѣжнымъ. Если истинно-русскимъ можетъ быть только православный, то отказаться отъ искусственнаго, внѣшняго охраненія православной церкви—значило бы потрясти единство и силу русскаго государственнаго организма. Не даромъ же «Русь» пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы выставить на видъ политическое значеніе вѣроисповѣдныхъ различій. Она не отступаетъ при этомъ передъ самымъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ фактами. «Германецъ-

католикъ,—читаемъ мы въ № 9 «Руси»,—представляется въ наше время какою-то аномаліей, какимъ-то изувѣченнымъ нравственно существомъ. Германское объединеніе могло осуществиться только подъ протестантскимъ знаменемъ... Побѣда одержана, но врагъ (т.-е. католицизмъ) еще живъ и продолжаетъ грозить единству новой германской имперіи, включившей въ свой составъ нѣкоторыя нѣмецко-латинскія государства. Баварія, напримѣръ, несомнѣнно продолжаетъ тайно тяготѣть не къ Берлину, а къ Вѣнѣ, какъ и вообще вся южная Германія». Политическія и соціальныя условія, противудѣйствующія внутреннему объединенію германской имперіи, игнорируются здѣсь совершенно; упускается изъ виду даже то обстоятельство, что католиковъ много въ самой Пруссіи, а не въ однихъ только соединенныхъ съ нею «нѣмецко-латинскихъ» (?!) государствахъ. Попробуйте сказать католикамъ Вестфаліи или рейнской провинціи—никогда, ни въ эпоху идеальныхъ стремленій къ германскому единству, ни въ эпоху реальной борьбы за него, не отстававшимъ отъ протестантскихъ своихъ согражданъ,—что они «изувѣченныя нравственно существа»: они не только не согласятся съ вами—они просто не поймутъ васъ, потому что живутъ въ современномъ мірѣ, а не въ XVI-мъ или XVII-мъ вѣкѣ, не въ періодъ религіозныхъ войнъ и исключительнаго господства вѣроисповѣдныхъ вопросовъ... Уклоняясь, повидимому, въ сторону, мы остались въ предѣлахъ нашей задачи: попытки отождествить германца съ протестантомъ—въ сущности не что иное, какъ старая, очень старая пѣсня о тождествѣ русскаго съ православнымъ. Въ основаніи обоихъ положеній лежитъ одинаковая фальшь, одинаковое искаженіе дѣйствительности; разница между ними, съ нашей точки зрѣнія, только та, что первое имѣетъ характеръ невинной теоретической забавы, а второе прямо вторгается въ область русской государственной жизни и составляетъ для нея весьма серьезную опасность. Признавать русскими однихъ православныхъ—значитъ допускать свободу совѣсти только на словахъ, отвергая ея возможность на самомъ дѣлѣ.

Вопросъ о свободѣ и неприкосновенности личности сводится «Русью» къ вопросу объ административной ссылкѣ и признается несвоевременнымъ, въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, переживаемыхъ Россіей. Это мнѣніе было бы понятно только въ такомъ случаѣ, если бы административная

ссылка была единственнымъ видомъ наказанія, налагаемаго безъ суда, и если бы она угрожала исключительно лицамъ, заподозрѣннымъ, безъ ясныхъ доказательствъ, въ политическомъ преступленіи. Но что думаетъ «Русь» о тѣхъ «административныхъ мѣрахъ», которыя не дальше какъ въ прошломъ году были приняты въ Одессѣ, въ Кіевѣ, въ Варшавѣ послѣ прекращенія еврейскихъ погромовъ? Что думаетъ «Русь» о тѣхъ случаяхъ, когда поводомъ къ административной ссылкѣ была, напримѣръ, рѣчь, произнесенная въ земскомъ или иномъ собраніи и не имѣющая ничего общаго съ политическимъ преступленіемъ? Что думаетъ «Русь» о тѣхъ постановленіяхъ, по которымъ участь лица, служащаго по найму въ земскихъ или городскихъ учрежденіяхъ, зависитъ безусловно отъ усмотрѣнія администраціи? Что думаетъ «Русь» о тѣхъ ограниченіяхъ судебной гласности, которыя созданы положеніями 14-го августа и 14-го ноября 1881-го года? Какія изъ числа этихъ мѣръ необходимы для охраненія общественнаго порядка, какія изъ нихъ могутъ идти въ параллель съ пріостановкой дѣйствія «Habeas Corpus Act» въ Ирландіи? Нѣтъ, неприкосновенность личныхъ правъ настоятельно нуждается у насъ въ защитѣ, и разговоръ о ней нельзя откладывать до другой, болѣе спокойной минуты. Если бы все различіе между печатью «либеральной» и нелиберальной ограничилось протестомъ первой противъ явленій, безмолвно созерцаемыхъ послѣднею, то этого одного было бы уже достаточно, чтобы снять съ «либеральной» программы упрекъ въ безцвѣтности, въ неопредѣленности. Есть отрицательныя положенія, равносильныя утвердительнымъ; возставая противъ административнаго произвола, нѣтъ надобности предлагать что-либо въ его замѣну, какъ нѣтъ надобности для отрицающаго тѣлесныя наказанія указывать на то, чѣмъ можно ихъ замѣстить.

Вопросъ о той или другой системѣ средняго образованія не принадлежитъ, вообще говоря, къ числу тѣхъ, которыми неизбѣжно обусловливается раздѣленіе обществъ на партіи или группы. Въ Западной Европѣ есть классики-либералы и классики-консерваторы; нѣмецъ, французъ, англичанинъ можетъ быть охранителемъ въ политикѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ реформаторомъ въ педагогіи, или наоборотъ. Орудіемъ партіи древніе языки сдѣлались только у насъ въ Россіи—и въ этомъ отношеніи весьма знаменателенъ союзъ «Руси» съ «Московскими

Вѣдомостями». Приверженцы «національной самобытности», какъ и сторонники «полицейскаго государства», явились здѣсь подражателями Западной Европы, примѣръ которой не признаютъ для себя обязательнымъ, наоборотъ, наши «либералы». Дѣло въ томъ, что споръ о классицизмѣ или реализмѣ усложнился у насъ съ самаго начала вопросомъ о большей или меньшей доступности средняго и высшаго образованія—вопросомъ безспорно политическаго свойства. Настаивая на открытіи для реалистовъ дверей университета, «либералы» остаются столь же вѣрными своей исходной точкѣ, какъ и въ стремленіяхъ своихъ къ широкому развитію начальнаго образованія. Этотъ послѣдній пунктъ — одинъ изъ краеугольныхъ камней «либеральной» программы. Исторія «либеральной» печати за послѣднія пятнадцать лѣтъ — это исторія неустанной борьбы противъ стѣсненій, замедлявшихъ и затруднявшихъ поступательное движеніе народной школы. Къ требованію свободы дѣйствій для земства, для городовъ, для частныхъ лицъ постоянно присоединялось указаніе на необходимость государственной поддержки дѣлу образованія народа. Положеніе вопроса мало измѣнилось и въ настоящее время; преграды, окружавшія народную школу, устранены еще далеко не всѣ; роль, принадлежащая ей въ государственномъ бюджетѣ, продолжаетъ быть болѣе чѣмъ скромною. Пересмотръ положенія 25 мая 1874 г. могъ бы, повидимому, сдѣлаться общимъ лозунгомъ «либераловъ» и «націоналовъ» — но до союза между ними и здѣсь такъ же далеко, какъ въ области свободы совѣсти и свободы слова.

Народная школа, свободно развивающаяся и для всѣхъ доступная—первое, но далеко не единственное условіе народнаго благосостоянія. На-ряду съ нею необходимо правильное устройство мѣстнаго управленія и самоуправленія, отъ недостатковъ котораго страдаетъ всего больше именно масса народа. «Реорганизація» уѣзда — требованіе общее всѣмъ программамъ, какъ «либеральнымъ», такъ и не-либеральнымъ; но понимается оно тѣми и другими далеко не одинаково. Для «либераловъ» административная реформа—одна изъ многихъ, стоящихъ на очереди и неразрывно связанныхъ между собою; въ глазахъ націоналовъ она имѣетъ господствующее значеніе и можетъ быть предпринята и завершена безъ соотвѣтствующихъ перемѣнъ въ сферѣ высшаго государственнаго управленія. Съ «ли-

беральной» точки зрѣнія, основаніемъ реформы должно быть расширеніе самоуправленія, подъ законнымъ контролемъ, но отнюдь не подъ чьей бы то ни было властью; націоналы желаютъ, наоборотъ, усиленія административной опеки. «Либералы» предлагаютъ всесословную волость, какъ самостоятельное цѣлое, управляемое свободно избранными уполномоченными и чуждое всякаго искусственнаго сосредоточенія власти въ рукахъ одного класса или одной общественной группы; «націоналы» поддерживаютъ мелкую административную единицу, во главѣ которой стоялъ бы, подъ новымъ именемъ, но съ тою же или еще болѣе широкою властью, прежній мировой посредникъ. Переходя отъ волости къ другимъ, высшимъ ступенямъ управленія, «либеральная» программа остается вѣрною сама себѣ; она стоитъ вездѣ и всегда за значительное пониженіе имущественнаго ценза, за совершенное уничтоженіе его для лицъ, получившихъ извѣстное образованіе, за устраненіе всѣхъ тѣхъ условій, въ силу которыхъ земское и городское самоуправленіе слишкомъ часто остается теперь мертвою буквой или служитъ интересамъ немногихъ, въ ущербъ большинству. «Парламентарныя формы», въ которыя облечена дѣятельность городовъ и земства, никогда не ослѣпляли «либераловъ», никогда не мѣшали имъ видѣть и раскрывать ошибки и злоупотребленія городскихъ думъ и земскихъ собраній. Недостатки городового и земскаго положеній, со всѣми ихъ практическими результатами, нигдѣ не были выставлены на видъ такъ опредѣленно и такъ ярко, какъ именно въ органахъ «либеральной» печати. Обвинять ее въ умолчаніи печальныхъ явленій, въ неуказаніи средствъ къ ихъ предупрежденію, значитъ доводить недобросовѣстность до крайнихъ предѣловъ.

«Либеральныя» программы—въ этомъ заключается характеристическая черта русскаго «либерализма»—не ограничиваются, большею частью, вопросами политическаго и административнаго свойства; онѣ обнимаютъ собою и экономическіе вопросы, безъ правильнаго разрѣшенія которыхъ невозможно достигнуть послѣдней цѣли государственнаго управленія—народнаго блага. Съ этой точки зрѣнія, опредѣлительность программъ, въ большинствѣ случаевъ, также оставляетъ желать весьма немногаго. Поддержаніе общиннаго владѣнія, какъ главной гарантіи противъ обезземеленія массы; правительственное и земское содѣйствіе къ переходу земель во владѣніе крестьянъ, въ осо-

бенности тамъ, гдѣ они наиболѣе страдаютъ отъ малоземелья; организація переселеній и мелкаго поземельнаго кредита; освобожденіе крестьянъ отъ стѣсненій, налагаемыхъ на нихъ паспортной системой и круговою порукой; дальнѣйшее пониженіе выкупныхъ платежей тамъ, гдѣ они превышаютъ доходъ съ надѣльной земли; отмѣна подушной подати; увеличеніе налоговъ, платимыхъ болѣе достаточными классами, съ соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ податного бремени, тяготѣющаго надъ народомъ; значительное сокращеніе непроизводительныхъ государственныхъ расходовъ — таковы, между прочимъ, существенно важные пункты «либеральной» программы, тщательно игнорируемые ея противниками, когда идетъ рѣчь о содержательности или безсодержательности ея требованій. Не думаемъ, чтобы «національная» печать могла противупоставить имъ нѣчто болѣе цѣльное и болѣе опредѣленное. Что касается до характера взглядовъ послѣдней, то о немъ можно судить по упорному отрицанію ею крестьянскаго малоземелья.

Мы дошли до того вопроса, который составляетъ главный предметъ разногласія между «либералами» и не-либералами— до вопроса о такъ-называемомъ «правовомъ порядкѣ». Обычная тактика нашихъ консерваторовъ и національновъ заключается въ томъ, чтобы выставлять преграды, окружающія этотъ вопросъ, не помѣхой, а охраною для «либеральной» печати— охраной, за которою она будто бы скрываетъ «нищету своихъ понятій и вожделѣній». Противъ этого козыря въ нашей игрѣ не имѣется равносильной карты. Молчаніе, въ особенности недобровольное, можетъ быть истолковано въ какомъ угодно смыслѣ — даже въ смыслѣ согласія съ противникомъ, если только послѣдній неразборчивъ въ выборѣ полемическихъ орудій. Въ прошедшемъ году мы читали въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ, что приверженцы «европейскаго политическаго строя» прижаты къ стѣнѣ, разбиты и сознаютъ свое пораженіе; теперь мы узнаемъ то же самое отъ «Руси», скромно приписывающей себѣ львиную долю въ мнимой побѣдѣ. Не напоминаетъ ли все это того шотландскаго избирателя, который— до реформы 1832 г.—одинъ явился на выборы, предложилъ себя въ депутаты, поддержалъ свое предложеніе, подалъ за себя голосъ и объявилъ себя правильно избраннымъ? Онъ могъ торжествовать съ такимъ же точно правомъ, съ какимъ торжествуютъ теперь московскіе и петербургскіе націоналы. Мы

знаемъ, что каждая новая недомолвка можетъ быть перетолкована противъ насъ, можетъ дать поводъ къ новымъ ликованіямъ и трубнымъ звукамъ; мы знаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что недомолвки въ занимающемъ насъ вопросѣ неизбѣжны, неизбѣжны на каждомъ шагу и едва оставляютъ мѣсто для откровенной рѣчи. Попробуемъ, однако, сказать нѣсколько словъ, чтобы уменьшить хоть немного сферу вольныхъ и невольныхъ недоразумѣній.

«Съ самаго начала нашего изданія,—говоритъ «Русь»,—мы вступили въ ожесточенную борьбу съ модной идеей—признавать наши земскія собранія настоящимъ народнымъ представительствомъ у себя на мѣстахъ и учинить представительство всей русской земли изъ гласныхъ губернскихъ земскихъ собраній по ихъ выбору». Проявленіе той же *модной идеи* «Русь» видитъ въ извѣстныхъ ходатайствахъ двѣнадцати губернскихъ земскихъ собраній — ходатайствахъ, имѣющихъ предметомъ выборъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ земствъ имперіи. Если бы рѣчь шла только о томъ, чтобы укрѣпить за «Русью» право собственности на мысль о неудовлетворительномъ составѣ земскихъ собраній, о необходимости сдѣлать ихъ *дѣйствительнымъ* представительствомъ всѣхъ классовъ, всѣхъ группъ мѣстнаго населенія, то можно было бы вовсе воздержаться отъ возраженій; мономанія величія, овладѣвшая съ нѣкоторыхъ поръ редакторомъ московской газеты, заставляющая его выставлять себя первымъ и главнымъ глашатаемъ свободы слова, свободы совѣсти, истинно-земскаго представительства—въ сущности болѣзнь довольно невиннаго свойства. Пускай онъ вѣнчаетъ себя самъ лаврами, которыхъ не спѣшитъ надѣть на него неблагодарная Россія; русское общество не такъ забывчиво и не такъ легковѣрно, чтобы признать за «Русью» монополію хорошихъ идей и честныхъ стремленій. Оно отлично знаетъ, что въ моментъ основанія «Руси», да и гораздо раньше, земство вовсе не было *модной идеей*, что его слабыя стороны были давно указаны и раскрыты, что выдвигалось оно на первый планъ лишь за отсутствіемъ другого, лучшаго органа общественнаго мнѣнія. Гораздо опаснѣе попытка извратить смыслъ того движенія, которымъ была ознаменована послѣдняя сессія губернскихъ земскихъ собраній и самымъ яркимъ выраженіемъ котораго служатъ упомянутыя выше ходатайства двѣнадцати губернскихъ земствъ. Центръ тяжести этихъ хо-

датайствъ заключается вовсе не въ расширеніи правъ, принадлежащихъ губернскимъ или вообще земскимъ собраніямъ *настоящаго состава*, а въ *избраніи* уполномоченныхъ отъ *всѣхъ* земствъ имперіи, для обсужденія *всѣхъ* важнѣйшихъ вопросовъ внутренняго управленія. Вотъ почему въ пользу ходатайствъ могли подать голосъ и тѣ гласные, которые вовсе не желаютъ избранія уполномоченныхъ *нынѣшнихъ* губернскими собраніями; вотъ почему сочувственно отнестись къ ходатайствамъ могли, безъ внутренняго противорѣчія, и тѣ органы «либеральной» печати, которые стоятъ за необходимость коренного преобразованія земскихъ учрежденій. Обстоятельства, побудившія правительство обратиться къ содѣйствію «свѣдущихъ людей», поставили на очередь вопросъ о *приглашеніи* или *выборѣ* послѣднихъ; на этотъ собственно вопросъ и отвѣчали губернскія земскія собранія—и отвѣчали совершенно правильно. хотя для полноты отвѣта и лучше было бы присоединить къ нему указаніе на *способъ* выбора. Ожидать осуществленія земской реформы и затѣмъ уже присоединить къ ней другую, еще болѣе важную, значило бы откладывать неотложное, и откладывать, притомъ, на неопредѣленное время. Комиссія, предсѣдательствуемая М. С. Кахановымъ, существуетъ уже пять мѣсяцевъ; между тѣмъ, на сколько можно судить по слухамъ, до сихъ поръ не утверждена даже выработанная ею программа дѣйствій—программа, ничего не предрѣшающая, установляющая только предѣлы и содержаніе задачи. Медленность первыхъ шаговъ устраняетъ надежду на скорое завершеніе дѣла. За безотлагательное разрѣшеніе вопроса о *приглашеніи* или *выборѣ* говоритъ еще другое, весьма важное соображеніе. Работа, возложенная на комиссію М. С. Каханова, должна быть исполнена при участіи свѣдущихъ людей; присоединеніе ихъ къ составу комиссіи состоится, по всей вѣроятности, немедленно по утвержденіи программы ея дѣйствій. Призывъ свѣдущихъ людей въ той формѣ, которая была принята для него въ прошедшемъ году, едва-ли возможенъ; небольшая доля нравственнаго авторитета, которою пользовались сначала приглашенные правительствомъ эксперты, въ настоящую минуту утрачена совершенно и возстановлена быть не можетъ. Въ виду всего этого, желаніе, высказанное двѣнадцатью земскими собраніями, является вполнѣ естественнымъ, положеніе, занятое ими, не представляетъ ничего «страннаго или комическаго»; путь ука-

занъ правильно — остается только найти наилучшій способъ движенія, т.-е. наилучшій способъ выбора уполномоченныхъ. Достигнуть этой цѣли можно и посредствомъ комбинаціи условій, имѣющихся на-лицо въ земскихъ учрежденіяхъ, и посредствомъ дополненія или измѣненія ихъ, лишь бы только оно не потребовало долгой приготовительной работы.

Избраніе уполномоченныхъ — только первый шагъ, рѣшительный и важный. Что послѣдуетъ за нимъ — въ настоящее время опредѣлить трудно; утвердительно можно сказать только одно — что дѣло не обойдется безъ *сочинительства*, противъ котораго такъ громко вопіютъ наши націоналы. «Сочинительство», понимаемое въ смыслѣ пріисканія новыхъ формъ для новаго содержанія, новыхъ средствъ для новыхъ задачъ — необходимый элементъ государственной жизни; оно играетъ въ политикѣ такую же роль, какъ и въ искусствѣ. Матеріалъ и тамъ, и здѣсь черпается изъ жизни, но обработывается творческимъ умомъ, единичнымъ и коллективнымъ. Долю «сочинительства» можно найти не только въ Петровской реформѣ, не только въ преобразованіяхъ прошедшаго царствованія, но и въ созданіяхъ московскаго государства — въ его приказной системѣ, въ его первобытномъ финансовомъ устройствѣ, въ его земскихъ соборахъ. Говорите сколько угодно «о возвращеніи домой», о естественномъ развитіи народнаго духа, о возстановленіи добраго стараго времени — вамъ все-таки придется указать, *какъ* этого достигнуть, придется, слѣдовательно, вступить на осуждаемый вами путь «сочинительства». Въ области общихъ фразъ можно оставаться только до поры до времени; переходъ отъ нихъ къ дѣлу неизбѣженъ — а дѣлать, въ политикѣ, значитъ сочинять или исполнять сочиненное другими. Безспорно, «сочинительство» — понятіе обширное, обнимающее собой явленія весьма различной цѣны и весьма различнаго свойства. Въ политикѣ, какъ и въ искусствѣ, можетъ быть «сочинительство» грубое, насилующее дѣйствительность, идущее въ разрѣзъ съ истиною и жизнью. Защищать *такое* сочинительство мы, конечно, не станемъ, откуда бы оно ни шло — сверху или снизу; мы протестуемъ только противъ смѣшенія части съ цѣлымъ, одного изъ видовъ «сочинительства» съ общимъ представленіемъ о немъ. Въ вопросѣ, занимающемъ насъ теперь, мысль о *сочинительствѣ* пугаетъ насъ столь же мало, какъ и во всякомъ другомъ; все дѣло въ томъ, *что* и

какъ будетъ сочинено—какъ будутъ поняты требованія жизни, какъ будутъ утилизированы представляемыя ею данныя, какъ будетъ согласовано прошедшее съ настоящимъ и будущимъ. Восемьдесятъ процентовъ населенія, о которыхъ съ такимъ удареніемъ говоритъ «Русь», въ нашихъ глазахъ — отнюдь не безусловная преграда для «сочинительства», а только указаніе на то, въ какую сторону и съ соблюденіемъ какихъ условій оно должно быть направлено. Для насъ, какъ и для большинства русскихъ «либераловъ», понятіе о народѣ совпадаетъ съ понятіемъ о Россіи; работа, предстоящая Россіи, должна быть предпринята не только для народа, но и съ участіемъ народа. «Tout pour le peuple, rien par le peuple» — девизъ, не имѣющій ничего общаго съ «либерализмомъ». Безпрестанно напоминая несчастную фразу: «не разнуздывайте звѣря», наши противники не хотятъ принять во вниманіе, что она вовсе не выражаетъ собою мнѣнія всей «либеральной партіи», что даже авторами ея она, конечно, не была сказана въ томъ смыслѣ, какой поспѣшили дать ей націоналы. Всѣ наши желанія, всѣ наши надежды сводятся къ снятію узъ какъ съ общества, такъ и съ народа — и если мы стоимъ за *сочинительство*, то именно потому, что считаемъ его необходимымъ для достиженія этой цѣли. Мы стоимъ за него въ силу тѣхъ же побужденій, которыя заставляютъ насъ отвергать административную опеку и возстановленіе института мировыхъ посредниковъ, отстаивать самоуправляющуюся всесловную волость, съ преобладаніемъ въ ней крестьянскаго элемента, доказывать необходимость усиленія этого элемента въ земскихъ учрежденіяхъ и предоставленія ему широкаго участія въ выборѣ земскихъ свѣдущихъ людей.

Сочинительство въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ это слово, исключаетъ возможность слѣпого подражанія. Перенесеніе къ намъ цѣликомъ англійскихъ или нѣмецкихъ порядковъ немыслимо уже потому, что государственный строй долженъ соотвѣтствовать условіямъ времени и мѣста. Если разумѣть подъ именемъ *народной самобытности* совокупность предопредѣленныхъ свойствъ, навѣки застывшихъ взглядовъ, неподвижныхъ учрежденій, то въ такой самобытности слѣдуетъ отказать русскому народу, какъ и всякому другому; но самобытности въ смыслѣ особенностей, выработанныхъ исторіей, постоянно измѣняющихся, поддающихся дѣйствію са-

мыхъ различныхъ причинъ и въ свою очередь обусловливающихъ собою самыя различныя послѣдствія, не лишенъ ни одинъ народъ, не лишена, безъ сомнѣнія, и Россія. Уважать эту самобытность, единственную истинную и реальную, либералы расположены ничуть не меньше, чѣмъ націоналы, а можетъ быть и больше. Они видятъ въ ней не символъ вѣры, не мистическій залогъ призванія, возносящаго русскій народъ надъ всѣми остальными, а просто фактъ, который ни на минуту не слѣдуетъ упускать изъ виду. Самобытность, исповѣдуемая славянофильствомъ, требуетъ поворота назадъ; самобытность, признаваемая нами, допускаетъ или, лучше сказать, предполагаетъ движеніе впередъ, только не по произвольно выбранной дорогѣ.

Группируя, два мѣсяца тому назадъ, давнишнія пожеланія русскихъ «либераловъ», мы заранѣе ожидали недоразумѣній вольныхъ и невольныхъ,—перетолкованій, заподозриваній всякаго рода; но ожиданія наши были превзойдены статьею «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 118), появившеюся въ отвѣтъ на нашу «программу». Циническая безцеремонность съ печатнымъ словомъ доведена здѣсь до крайнихъ предѣловъ. Допытываться до чувствъ и мыслей противника, приписывать ему невозможныя намѣренія, навязывать ему собственныя воззрѣнія и привычки—вотъ квинтъ-эссенція полемики, какъ ее понимаетъ и трактуетъ органъ г. Каткова. Тяжело, до отвращенія тяжело отражать нападенія, намѣренно пробирающіяся окольными путями, переносящія общій, жизненный вопросъ на почву личностей и полицейскихъ придирокъ; но мы хотимъ установить, разъ навсегда, цѣль нашихъ стремленій, и не отступимъ для этого даже передъ споромъ съ «Московскими Вѣдомостями». Отвѣчать имъ побуждаетъ насъ, кромѣ того, та же причина, по которой мы часто останавливаемся на мнѣніяхъ «Руси». Обѣ московскія газеты выражаютъ собою направленіе, болѣе чѣмъ когда-нибудь сильное въ настоящую минуту. Направленіе это имѣетъ свои оттѣнки; одинъ изъ нихъ представленъ спеціально «Русью», другой — «Московскими Вѣдомостями». Несмотря на всѣ грѣхи нашихъ нео-славянофиловъ, мы, конечно, не можемъ поставить ихъ на одну доску съ фанатиками реакціи; мы констатируемъ только тотъ несомнѣнный фактъ, что между тѣми и другими есть много общаго. Любятъ они не совсѣмъ одно и то же, но въ ненависти сходятся почти всегда.

Ненавидимому ими постоянно угрожаетъ опасность, измѣняющаяся только въ степени. Возражать «Руси» и «Московскимъ Вѣдомостяхъ»—значитъ защищать тѣ начала, отъ мирнаго развитія которыхъ зависитъ, по нашему убѣжденію, ближайшее будущее Россіи.

Русская печать, если вѣрить «Московскимъ Вѣдомостямъ», вполнѣ свободна, даже слишкомъ свободна. «Диктатура сердца» положила начало ея распущенности; съ тѣхъ поръ контроль надъ ней еще болѣе ослабленъ. Избытокъ свободы обратилъ печать въ орудіе интриги и обмана... «Кто желаетъ правды, которая есть цѣль свободы слова, тотъ первымъ пожеланіемъ на либеральномъ знамени помѣстилъ бы твердость правительственной власти». Домогаться, въ настоящее время, еще большей свободы—значитъ требовать, чтобы «правительство запряглось въ колесницу прессы и повезло на себѣ г. Стасюлевича со всею веселой компаніей». Нужно много поработать надъ своей фантазіей, чтобы довести ее до подобныхъ галлюцинацій. До редакціи газеты, во всемъ и вездѣ видящей только свободу и ужасы свободы, не доходятъ, вѣроятно, сообщенія, налагающія запретъ на ту или другую тему, не доходятъ вѣсти о причинахъ, задерживающихъ выходъ той или другой журнальной книжки и непонятнымъ образомъ путающихъ въ ней нумерацію страницъ, не доходятъ даже печатаемыя во всеобщее свѣдѣніе распоряженія по дѣламъ печати. Она, вѣроятно, воображаетъ, что въ Петербургѣ издается все то же число газетъ, что въ московской журналистикѣ нѣтъ въ настоящее время ни одного пробѣла, что «Голосъ» не выходилъ около полугода по болѣзни редактора или по недостатку подписчиковъ. Или, можетъ быть, она предполагаетъ, что освобожденная печать, какъ вольноотпущенный рабъ, потеряетъ всякое чувство приличія и мѣры? Повиноваться или повелѣвать — этими крайними терминами исчерпывается, можетъ быть, жизнь отдѣльнаго лица, эманципировавшаго себя отъ всякихъ нравственныхъ правилъ, поклоняющагося только одной грубой силѣ; но ими не исчерпывается и не можетъ исчерпываться дѣятельность печати. Въ Англіи, во Франціи печать никого не везетъ на себѣ, но ни на комъ и не ѣздитъ. *Господство* печати надъ кѣмъ и надъ чѣмъ бы то ни было немыслимо уже потому, что сила печати не однородная, а составная, сложная, постоянно находящаяся въ состояніи внутренняго броже-

нія. Ея элементы слишкомъ упорно борются между собою, чтобы подчинить себѣ общество или, тѣмъ болѣе, правительство: равнодѣйствующей для столь противуположныхъ силъ не пріищетъ ни одинъ математикъ. Печать, запрягающая правительство въ свою колесницу — метафора фальшивая сама по себѣ, но въ примѣненіи къ Россіи—фальшивая просто до смѣшного. И какой же печати приписывается замыселъ, невозможный даже для «Times» и «Daily News», для гамбеттистскихъ газетъ и журналовъ? Печати, требующей, по образцу Эм. Жирардена, безусловной, ничѣмъ не регулированной свободы, полной безотвѣтственности слова? Нѣтъ: печати, желающей промѣнять отвѣтственность передъ административнымъ усмотрѣніемъ на отвѣтственность передъ судомъ и закономъ,—*русской* печати, имѣющей крайне ограниченное число читателей, вовсе не проникающей въ глубину общества, въ массу народа. Насъ попрекаютъ терпимостью, которою мы будто бы пользовались при «диктатурѣ сердца» и пользуемся до сихъ поръ; но въ томъ-то и дѣло, что терпимость — не право, что предѣлы ея измѣняются чуть не съ каждымъ часомъ, что при ней невозможна увѣренность въ будущемъ, даже въ завтрашнемъ днѣ, что она не для всѣхъ одинакова, что она столь же мало можетъ замѣнить законъ, какъ милостыня — кусокъ трудового хлѣба. Намъ указываютъ на проявленіе въ печати анти-общественныхъ стремленій. Допустимъ, что въ этомъ указаніи есть хоть какая-нибудь доля правды; что же изъ этого слѣдуетъ? Къ какой эпохѣ нашей литературной исторіи за послѣднія тридцать, даже сорокъ лѣтъ, не были обращаемы подобныя обвиненія? Отыскивая корни зла, не останавливаются ли наши противники преимущественно на концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда господствовала во всей силѣ предварительная цензура? Если самая рѣзкая форма гнета не могла достигнуть своей цѣли, то не пора ли отказаться отъ надежды на рестриктивныя мѣры, какъ на единственный якорь спасенія? Не пора ли понять, что обезпеченная закономъ свобода слова вовсе не равносильна преобладанію крайнихъ мнѣній? *Правда*—говорятъ наши противники—есть цѣль свободы слова. Конечно; но правда не дана намъ извнѣ, какъ нѣчто готовое. Ее нужно искать, отдѣлять отъ лжи, постоянно пополнять новыми пріобрѣтеніями; декретировать ее нельзя, и «твердость правительственной власти»—весьма цѣнная во мно-

гихъ другихъ отношеніяхъ—не имѣетъ съ ней ничего общаго. Включать «твердость правительственной власти» въ число «либеральныхъ пожеланій» нѣтъ надобности во-первыхъ потому, что о ней съ чрезмѣрнымъ усиліемъ заботятся не-либералы, во-вторыхъ—потому, что недостаткомъ ея, если понимать *твердость* въ смыслѣ *прочности* и *силы*, Россія никогда не страдала. Въ устахъ «Московскихъ Вѣдомостей» твердость власти означаетъ, впрочемъ, не что другое, какъ подавленіе мнѣній, несовмѣстныхъ съ реакціоннымъ доктринерствомъ.

Поборники «правды» и монополіи на «правду» очень удивлены тѣмъ, что въ «либеральной программѣ» идетъ рѣчь о свободѣ совѣсти. «Развѣ есть какія-либо утѣсненія совѣсти? Мѣшаютъ развѣ друзьямъ г. Стасюлевича въ ихъ молитвенныхъ упражненіяхъ?» Эти два вопроса, по французскому выраженію, «valent leur pesant d'or»; специфическое служеніе специфической «правдѣ» отразилось въ нихъ съ поразительной рельефностью. Меня-молъ самого, моихъ друзей оставляютъ въ покоѣ; чего же лучше, о чемъ же мнѣ заботиться? Вотъ формула эгоизма, которой никакъ нельзя отказать въ откровенности. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ древняя мудрость создала формулу совершенно другого свойства: homo sum, et nihil humani a me alienum puto—но не пора ли сдать ее въ классическій архивъ, замѣнивъ ее произведеніемъ новѣйшей, «самобытной» морали? Не пора ли признать, что не только до людей вообще, но и до нашихъ согражданъ намъ нѣтъ дѣла, если только ихъ страданія или лишенія прямо не касаются нашей кожи? Какъ только мы укрѣпимся на этой точкѣ зрѣнія, «внутренняя политика» тотчасъ же приметъ въ нашихъ глазахъ крайне упрощенный видъ. Пускай крестьяне сами думаютъ объ открытіи народныхъ школъ, объ улучшеніи матеріальнаго своего быта, объ устройствѣ самоуправленія; мы земли не пашемъ, въ волостномъ судѣ не судимся, волостного старшины и станового пристава не боимся, дѣтей въ народную школу не посылаемъ—зачѣмъ же намъ во все это вступаться? Къ расколу мы не принадлежимъ — съ какой же стати мы будемъ домогаться тѣхъ или другихъ льготъ для раскольниковъ? Къ сожалѣнію, большинство простыхъ смертныхъ еще не возвысилось—или не понизилось — до невозмутимаго спокойствія «Московскихъ Вѣдомостей»; отъ дурной привычки думать о чужихъ дѣлахъ оно все еще не можетъ отвыкнуть. Къ еще большему

сожалѣнію, надобно прибавить, что едва-ли оно ее когда-либо и оставитъ. Причиною этому — не только то чувство, которое такъ прекрасно выразилось въ приведенномъ нами латинскомъ изреченіи, но и сознаніе, иногда ясное, иногда смутное, что такъ называемое чужое дѣло въ сущности вовсе намъ не чуждо. Положимъ, что «молитвеннымъ упражненіямъ» того или другого лица и его друзей въ настоящую минуту ничего не мѣшаетъ; но гдѣ ручательство въ томъ, что завтра и для нихъ не явится помѣха? Судьба пашковской проповѣди убѣждаетъ насъ въ томъ, что если не отъ гоненій, то отъ стѣсненій религіозное новшество не обезпечено нигдѣ, въ чемъ бы оно ни проявилось. Принужденіе, въ той или другой формѣ, тяготѣетъ надъ всѣми, уклоняющимися въ сторону отъ торной дороги. «Есть развѣ какія-либо утѣсненія совѣсти?» — вопрошаютъ далѣе «Московскія Вѣдомости». На этотъ послѣдній вопросъ отвѣчаютъ за насъ послѣднія уголовныя дѣла о раскольническихъ моленныхъ, возникающія то въ той, то въ другой мѣстности Россіи. Укажемъ, для примѣра, дѣло о «самовольномъ открытіи моленной» на такъ называемомъ братскомъ дворѣ въ Москвѣ, разсматривавшееся не дальше какъ 1-го мая въ московскомъ окружномъ судѣ. Оно окончилось оправданіемъ подсудимаго (крестьянина Пустынникова); но обвинительные приговоры въ дѣлахъ такого рода встрѣчаются нерѣдко. Возбужденіе ихъ почти всегда совпадаетъ съ отобраніемъ книгъ и иконъ, найденныхъ въ моленной—а оправданіе подсудимыхъ не всегда влечетъ за собою возвращеніе отобраннаго. Лишеніе права собираться на молитву, конфискація (даже истребленіе) предметовъ, почитаемыхъ священными — это ли еще не «утѣсненія совѣсти»?

«Нѣжность и забота», съ которою относится къ расколу «либеральная программа», приписывается «Московскими Вѣдомостями» сочувствію «либераловъ» къ противугосударственному элементу, *предполагаемому* въ расколѣ. Обычныя сыскныя замашки московской газеты сыграли здѣсь надъ нею самую плохую шутку. Въ громадной массѣ раскольниковъ—это едва-ли станутъ отрицать злѣйшіе враги раскола—*противугосударственнаго* элемента нѣтъ и въ поминѣ; но если бы онъ и существовалъ, поддерживать и усиливать его могли бы именно преслѣдованія за вѣру. Если бы «либералы» были врагами государственнаго порядка, политика ихъ относительно раскола должна

была бы быть совершенно другая; въ раскольникахъ, притѣсняемыхъ и гонимыхъ, они видѣли бы союзниковъ несравненно болѣе надежныхъ, чѣмъ въ раскольникахъ-полноправныхъ гражданахъ государства. Неужели стремленіе къ вѣротерпимости столь неестественно, столь ненормально само по себѣ, что въ основаніи его непремѣнно должны лежать какія-то задніи мысли, таинственные планы? Нужно потерять не только нравственное чувство, но и всякую способность понимать его въ другихъ, чтобы встрѣчать самое простое, самое справедливое требованіе старинымъ крикомъ: «слово и дѣло!»

«Московскія Вѣдомости» не хотятъ понять, почему мы ставимъ вопросъ о гарантіяхъ личной свободы, разъ что мы признаемъ за государствомъ широкое право самозащиты. Наша мысль сдѣлается, быть можетъ, яснѣе, если мы напомнимъ нашимъ противникамъ, что въ уголовномъ правѣ существуетъ, рядомъ съ понятіемъ о необходимой оборонѣ, понятіе о «превышеніи необходимой обороны». Оба понятія примѣнимы не только къ частнымъ лицамъ, но и къ государству. Превышеніе необходимой обороны мы видимъ въ положеніи объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, въ недавно обнародованномъ положеніи о полицейскомъ надзорѣ. Полицейскій надзоръ имѣетъ въ виду предупрежденіе преступленій; этимъ предопредѣляются его условія, его границы. Лицо, подвергнутое надзору, можетъ быть лишено права свободнаго передвиженія, права имѣть у себя оружіе, потому что ограниченія эти вытекаютъ изъ самаго свойства надзора (о правѣ полиціи входить во всякое время въ квартиру поднадзорнаго и производить у него обыски мы не говоримъ, потому что этой властью полиція облечена у насъ по отношенію ко всѣмъ безразлично). Другое дѣло—ограниченія въ выборѣ занятій; здѣсь необходимо держаться величайшей осторожности, чтобы не выйти за предѣлы, обусловливаемые самозащитой. Между тѣмъ, лицамъ поднадзорнымъ запрещено участіе въ управленіи частными обществами и компаніями, а также въ конкурсныхъ управленіяхъ, запрещено преподаваніе хотя бы грамоты, хотя бы семи или восьмилѣтнимъ дѣтямъ, запрещено ходатайство по судебнымъ дѣламъ. Врачебная, акушерская или фармацевтическая практика дозволяется имъ лишь съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ; такое же разрѣшеніе требуется даже для допущенія ихъ къ письменнымъ занятіямъ по найму въ общественныхъ учрежденіяхъ. Всѣ

остальныя занятія, дозволенныя закономъ—сказано въ ст. 28-ой Положенія, — разрѣшаются поднадзорнымъ, но съ тѣмъ, что отъ мѣстнаго губернатора зависитъ воспретить поднадзорному избранное имъ занятіе, если оно по мѣстнымъ условіямъ представляется опаснымъ для общественнаго порядка и спокойствія. Польза подобныхъ постановленій болѣе чѣмъ преблематична; значеніе стѣсненій, ими налагаемыхъ, не требуетъ разъясненій. Такова одна сторона вопроса о правахъ личности; остается еще другая, иллюстрированная нами, между прочимъ, ссылкою на административныя мѣры, принятыя противъ еврейскихъ погромовъ въ Кіевѣ, Одессѣ, Варшавѣ. Объ этихъ мѣрахъ «Московскія Вѣдомости» не говорятъ ни слова. Случаи административной высылки земскихъ дѣятелей, неизвѣстные, повидимому, московской газетѣ, извѣстны всему образованному русскому обществу; достаточно напомнить, что театромъ ихъ были Петербургъ, Псковъ, Черниговъ, Самара.

Мы упомянули о пятнадцатилѣтней борьбѣ противъ стѣсненій, замедлявшихъ и затруднявшихъ поступательное движеніе народной школы. «Московскія Вѣдомости» возражаютъ на это, что борьба велась не противъ «небывалыхъ стѣсненій къ распространенію образованія, а противъ стѣсненій революціонной пропаганды въ народѣ». Итакъ, всѣ губернскія и уѣздныя земскія собранія, домогавшіяся бо̀льшаго простора въ завѣдываніи народной школой, протестовавшія противъ системы, основанной на недовѣріи къ земству, были соучастниками революціонной пропаганды! Ходатайствуя, въ продолженіе многихъ лѣтъ, о передачѣ въ руки города начальныхъ городскихъ училищъ, петербургская городская дума имѣла въ виду не увеличеніе ихъ числа (съ 16 въ пять лѣтъ доведеннаго до 128), не улучшеніе учебной части, а созданіе новыхъ театровъ для преступной агитаціи! Нѣкоторое чувство мѣры необходимо даже въ неправдѣ; забывая объ этомъ, московская газета вредитъ своему собственному дѣлу. Министерство гр. Толстого, по словамъ его защитниковъ, «создало въ значительномъ числѣ народныя школы, какихъ прежде вовсе не было». Это число такъ *значительно*, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ оно весьма близко къ нулю. Въ Саратовской губерніи, напримѣръ, не было, полтора года тому назадъ, *ни одного* однокласснаго училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія; двухклассныхъ училищъ было шесть, т.-е. меньше чѣмъ по одному на уѣздъ. Если бы

можно было сравнить число народныхъ школъ, основанныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія съ 1866-го по 1880-ый годъ, съ числомъ земскихъ, общественныхъ и частныхъ народныхъ школъ, открытію которыхъ помѣшало Положеніе 25 мая 1874-го года и въ особенности способъ его примѣненія, то *значительнымъ* оказался бы развѣ перевѣсъ послѣдней цифры надъ первою. Чего стоитъ, въ этомъ отношеніи, одно пятнадцатилѣтнее преслѣдованіе школы грамотности, безвредность которой теперь признана оффиціально!

«Двинуться еще впередъ на пути безвластія»—таковъ, если вѣрить «Московскимъ Вѣдомостямъ», смыслъ «либеральной программы» по вопросу о мѣстномъ управленіи и самоуправленіи... «Мировые посредники оказались полезнымъ учрежденіемъ, которое, можетъ быть, и теперь было бы хорошо въ системѣ мѣстнаго управленія. Но что было бы полезно, то, къ сожалѣнію, выходитъ не либерально, и такъ г. Стасюлевичъ со своею компаніей не хочетъ». Болѣе упрощенную аргументацію трудно себѣ представить. Извѣстное учрежденіе, сослужившее, въ свое время, полезную службу, было бы, быть можетъ, полезно и теперь; ergo—кто его не желаетъ, тотъ стремится къ безвластію. Возражать противъ такихъ разсужденій нечего; выше ихъ стоятъ даже громкія фразы «Руси» *о властной заботѣ и показателяхъ пути.*

Послѣдній пунктъ обвинительнаго акта, сочиненнаго «Московскими Вѣдомостями», касается вопроса о «правовомъ порядкѣ». Читатели наши не удивятся, если мы отложимъ дальнѣйшую бесѣду объ этомъ предметѣ до другого времени; замѣтимъ только, что въ глазахъ московской газеты предлагаемый нами путь «до наивности напоминаетъ тотъ, какимъ совершалось революціонное крушеніе Франціи въ концѣ прошлаго вѣка». Тонъ, съ самыхъ первыхъ словъ взятый обвинителемъ, выдержанъ до конца; въ послѣдовательности всепревозмогающаго усердія «Московскимъ Вѣдомостямъ» отказать никакъ нельзя.

«Мнимые либералы»—«правовѣрнымъ бонзой» которыхъ состоитъ «Вѣстникъ Европы»—оказываются, съ нѣкоторыхъ поръ, виновными уже не въ европейничаньѣ, а въ азіятничаньѣ (просимъ извиненія за варварское слово, но оно имѣетъ достоинство выразительности и краткости). Они мыслятъ свободу не иначе,

«какъ подъ условіемъ произвольнаго, даже, если нужно, *насильственнаго* напяливанія на страну какихъ-то европейскихъ учрежденій». «Во имя справедливости и правды», — восклицаютъ наши «справедливые и правдивые» обвинители, — «необходимо разъ навсегда твердо установить, что этотъ мнимый либерализмъ, своими теоріями *насильственнаго облагодѣтельствованія* русскаго народа съ помощью европейскихъ учрежденій, приближается отнюдь не къ Европѣ, а развѣ къ міровоззрѣнію турецкихъ или персидскихъ правителей». Сообщивъ нашимъ читателямъ, какъ курьезъ, эти единственныя въ своемъ родѣ строки, мы не прибавили бы къ нимъ ни одного слова, если бы за ними не слѣдовала попытка поразить «мнимый либерализмъ» фактами изъ настоящаго и прошедшаго Европы. «Въ Европѣ», — говорятъ петербургскіе оруженосцы «Руси», — «нигдѣ либералы не возглашаютъ своей противуположности съ *націоналами*, и даже есть такія страны, гдѣ нѣтъ партіи либераловъ, а есть партія націоналъ-либераловъ. Величайшіе умы современной Европы не только не отрицаютъ самобытности, а прямо и смѣло ставятъ это начало, какъ руководящее начало политической жизни... Публицистамъ «Вѣстника Европы», усвоившимъ себѣ апокрифическій [1]) способъ изложенія своихъ мыслей, не мѣшало бы съ фактами обращаться хоть немного осторожнѣе. Кто же повѣритъ имъ, что жители нынѣшней Франціи или Германіи менѣе французы и германцы, чѣмъ жители тѣхъ же странъ 1000 даже 500 лѣтъ назадъ? Кто повѣритъ имъ, что нынѣшній французъ стремится перестать быть французомъ, или что нынѣшній англичанинъ перерождается въ какого-то безличнаго общечеловѣка?» — Если бы наши противники дали себѣ трудъ познакомиться, хотя бы по Брандесу, съ внутренней жизнью скандинавскихъ народовъ, они не стали бы утверждать, что борьба между націоналами и либералами совершенно чужда Западной Европѣ. Вездѣ, гдѣ ультра-консерватизмъ облекался въ форму ультра-націонализма, гдѣ движеніе впередъ провозглашалось измѣной отцовскимъ обычаямъ и преданіямъ, гдѣ замкнутость возводилась въ принципъ, превосходство «своего» передъ иностраннымъ — въ догматъ, либерализмъ по необходи-

[1]) Мы желали бы знать, въ какомъ смыслѣ наши противники употребляютъ это два раза повторяемое ими слово: *апокрифическій* — противополагается обыкновенно понятію каноническаго. Или, можетъ быть, вмѣсто *апокрифическій* слѣдуетъ читать *апокалипсическій*?

мости принималъ характеръ реакціи противъ псевдо-патріотическихъ увлеченій. Такова была, напримѣръ, борьба «молодой Германіи» противъ романтизма. Если исторія Англіи и Франціи представляетъ мало подобныхъ явленій, то только потому, что націонализмъ рѣдко обращался тамъ въ исключительное орудіе консервативной партіи. Примѣръ нѣмецкихъ націоналъ-либераловъ,—примѣръ, замѣтимъ въ скобкахъ, весьма мало достойный подражанія,—не имѣетъ никакого отношенія къ спорному вопросу. Въ Германіи шестидесятыхъ годовъ самое слово: *націоналъ* означало совсѣмъ не то, что̀ оно означаетъ у насъ въ настоящее время. Наши націоналы проповѣдуютъ самобытность русскаго народа въ смыслѣ совокупности присущихъ ему отъ вѣка свойствъ, не подлежащихъ измѣненію особенностей; нѣмецкіе націоналы, — сначала противники, потомъ союзники Бисмарка, — задавались чисто практическою цѣлью объединенія Германіи, возведенія ея на степень могущественной или могущественнѣйшей державы. Идеалъ нашихъ націоналовъ—въ прошедшемъ; нѣмецкіе націоналы видѣли свой идеалъ въ будущемъ. Они много говорили, правда, о величіи Гогенштауфеновъ или Оттоновъ, но возсоздать обрушившееся зданіе они хотѣли съ помощью совершенно новыхъ средствъ, отнюдь не пренебрегая французскими, англійскими, американскими образцами. Главными противниками ихъ стремленій были консерваторы, феодалы «Крестовой газеты»; удивительно ли, что политическая комбинація получилась въ Пруссіи совершенно другая, чѣмъ въ Россіи? Антагонизмъ націоналовъ и либераловъ, разъ что націонализмъ становится однозначащимъ съ консерватизмомъ, столь же неизбѣженъ, какъ неизбѣженъ, при другихъ условіяхъ, антагонизмъ либераловъ и клерикаловъ. Клерикалы являются въ Бельгіи самымъ сильнымъ изъ всѣхъ консервативныхъ элементовъ; ихъ именемъ называется партія, противъ ихъ стремленій направлены энергичныя усилія либераловъ; на почвѣ вопросовъ, спорныхъ между тѣми и другими, совершается, главнымъ образомъ, политическое развитіе народа. У насъ роль клерикаловъ играютъ, до извѣстной степени, націоналы; отсюда, впредь до измѣненія обстановки, та распря, новый фазисъ которой начался два года тому назадъ. Исходная ея точка лежитъ далеко позади насъ, въ литературной полемикѣ западниковъ и славянофиловъ.

Указавъ, что теорія развитія народныхъ особенностей пред-

полагаетъ постоянно возрастающее различіе между народами, мы замѣтили, что это предположеніе опровергается всѣмъ ходомъ событій; другими словами, мы выразили мысль, что различія между народами, въ наше время, клонятся не къ увеличенію, а къ уменьшенію. Отъ уменьшенія еще далеко до уничтоженія; отвѣчать на вопросъ о томъ, стремится ли современный французъ перестать быть французомъ, или англичанинъ—сдѣлаться общечеловѣкомъ, мы, поэтому, не будемъ. Движеніе, которое мы имѣли въ виду, началось сравнительно недавно; чтобы прослѣдить его фазисы, нѣтъ надобности обращаться за тысячу, за пятьсотъ лѣтъ назадъ, тѣмъ болѣе, что въ IX-мъ столѣтіи французовъ и германцевъ, въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, вовсе не существовало. Въ XIV-мъ столѣтіи процессъ образованія новѣйшихъ націй еще не закончился; понятно, что и особенности ихъ—особенности реальныя, выработанныя различіемъ судебъ, обстановки, племенного состава—выразились къ тому времени не вполнѣ ясно. Мы сравниваемъ современныхъ нѣмцевъ, англичанъ, французовъ не съ отдаленными ихъ предками—средневѣковыми рыцарями или горожанами,—а съ дѣдами и прадѣдами ихъ, жившими въ концѣ прошедшаго, въ первой половинѣ нашего вѣка. Если поставить вопросъ такимъ образомъ,—а это единственная практическая его постановка, единственный способъ извлечь изъ прошедшаго заключеніе относительно будущаго,—то совершившееся и совершающееся сближеніе націй едва-ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію. Удобство путей сообщенія, развитіе торговыхъ сношеній, успѣхи знаній, преобразованіе политическихъ учрежденій—все это уменьшаетъ прежнее разстояніе между народами. Типъ англичанина, презрительно относящійся ко всему континентальному, считающаго Англію единственнымъ отечествомъ свободы, англійскій государственный строй—послѣднимъ словомъ политической мудрости, становится столь же устарѣлымъ, какъ и типъ француза, не знающаго и не желающаго знать ничего, кромѣ Франціи, какъ и типъ нѣмца, зарывшагося въ книжную пыль своего кабинета. Національные предразсудки слабѣютъ вмѣстѣ со всѣми другими; изъ среды враждебныхъ чувствъ и недоразумѣній начинаютъ выдѣляться общія стремленія, общіе интересы. Мы не дѣлаемъ себѣ на этотъ счетъ никакихъ иллюзій; мы очень хорошо знаемъ, что вѣковыя впечатлѣнія не могутъ изгладиться вдругъ, что эру вѣчнаго мира

нашему столѣтію не суждено увидѣть. Между государствам еще много не покончепныхъ счетовъ, ликвидація которыхъ постоянно грозитъ войною и, слѣдовательно, возрожденіемъ старыхъ, возникновеніемъ новыхъ антипатій. Мы видимъ, однако, что эти антипатіи распространяются не такъ широко, проникаютъ не такъ глубоко, какъ прежде; духовному общенію между Франціей и Германіей не положила конецъ даже война 1870—71 г. Возможно ли было, столѣтіе или полстолѣтія тому назадъ, такое явленіе, какъ образованіе международнаго союза рабочихъ — явленіе, совпадающее, притомъ, съ эпохой двухъ ожесточенныхъ европейскихъ войнъ? Конечно, въ этомъ явленіи много болѣзненнаго, патологическаго; тѣмъ не менѣе его нельзя не признать знаменательнымъ признакомъ времени. Въ сферѣ національныхъ различій неподвижность столь же немыслима, какъ и во всякой другой; пока намъ не будетъ доказано ихъ увеличеніе, мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что они уменьшаются и будутъ уменьшаться, параллельно съ развитіемъ идей и условій, пробивающихъ себѣ путь къ господству надъ образованнымъ міромъ.

VII.

Рѣчи генерала Скобелева [1]).

Послѣднее время было особенно богато у насъ на рѣчи; одна рѣчь вылетала за другою, и иностранная печать, чутко прислушиваясь къ нашей словоохотливости, усердно гадала по нимъ о нашихъ дѣлахъ. Такъ, Берлинская оффиціозная газета, на основаніи нашихъ «словъ», даже составила себѣ такое представленіе о современномъ положеніи Россіи: «Одни всѣмъ недовольны и хотятъ внутренняго переворота; другіе ищутъ исцѣленія въ войнѣ. Одно изъ этихъ теченій должно одержать верхъ, привести въ движеніе сѣверный колоссъ; только тогда новыя силы, созрѣвшія въ Россіи, высвободятся изъ-подъ спуда и образуютъ новыя кристаллическія формы въ государствѣ и обществѣ». Если понимать подъ именемъ внутренняго переворота мирное, хотя и рѣшительное движеніе впередъ, то въ словахъ нѣмецкой газеты есть большая доля правды. Само собою разумѣется, что, кромѣ двухъ указанныхъ ею теченій, существуютъ и другія; но общая ихъ черта—желаніе найти выходъ изъ тяжелаго настоящаго. Больной, долго томящійся въ одной и той же комнатѣ, испытываетъ потребность выйти на воздухъ; нѣчто въ родѣ такой потребности испытываетъ теперь и русское общество. До него, какъ и до больного, свѣтъ доходитъ черезъ замазанное окно, звуки долетаютъ не всѣ и значительно смягченные; громкое восклицаніе, рѣзко расцвѣченный образъ заставляютъ его встрепенуться, какъ нѣчто рѣдкое, непредвидѣнное. Въ этихъ двухъ обстоятельствахъ, вмѣстѣ взятыхъ—въ ожиданіи чего-то новаго, чрезвычайнаго и въ непривычкѣ къ

[1]) Общественная хроника въ № 3 «В. Евр.» за 1882 г.

яркому выраженію мысли—заключается разгадка впечатлѣнія, произведеннаго рѣчами Скобелева: сначала петербургскою—на обѣдѣ въ память взятія Геокъ-Тепе, потомъ парижскою, обращенною къ сербскимъ студентамъ.

Популярность генерала Скобелева основана всецѣло на военныхъ подвигахъ его въ Турціи и Средней Азіи. Политической роли онъ никогда не игралъ, и нѣтъ пока причины думать, чтобы она ему предстояла. Его взгляды принадлежатъ лично ему; предположеніе о чьей-либо солидарности съ ними не имѣетъ ни малѣйшей точки опоры. Если бы слово пользовалось у насъ бо̀льшимъ почетомъ и просторомъ, если бы застольные спичи, отвѣты депутаціямъ и вообще всѣ такъ называемые discours de circonstance были у насъ явленіемъ столь же заурядным̀ъ, какъ у нашихъ западныхъ сосѣдей, рѣчи храбраго генерала были бы встрѣчены какъ всякое другое публичное заявленіе мысли. За границей они послужили бы темой для газетной полемики лишь настолько, насколько въ данный моментъ не было бы для нея другого, болѣе интереснаго матеріала; дома онѣ были бы оцѣнены по внутреннему ихъ достоинству, наравнѣ съ любою газетной или журнальной статьей. Короткаго оффиціальнаго сообщенія, слагающаго съ правительства всякую отвѣтственность за мнѣніе одного изъ гражданъ, было бы болѣе чѣмъ достаточно, чтобы успокоить самую тревожную щепетильность. Бросьте въ волнующее море нѣсколько тяжелыхъ камней—всплескъ, ими произведенный, будетъ менѣе замѣтенъ, чѣмъ рябь отъ нѣсколькихъ песчинокъ на гладкой поверхности пруда. Такая гладь—господствующая у насъ «тишина»; такими песчинками оказались слова генерала Скобелева. Мы далеки отъ мысли обвинять его за излишнюю откровенность; мы желали бы только, чтобы въ близкомъ будущемъ всѣ могли быть столь же или еще болѣе откровенными, не возмущая ничьего спокойствія, не возбуждая неосновательныхъ догадокъ. Когда Западная Европа убѣдится въ томъ, что ей не принадлежитъ больше монополія свободнаго слова, она не станетъ искать въ статьяхъ русскихъ газетъ, въ рѣчахъ русскихъ ораторовъ—хотя бы и высокопоставленныхъ, но говорящихъ только отъ своего имени и не о ввѣренномъ имъ дѣлѣ—отголоска намѣреній и взглядовъ русскаго правительства. Если среда, въ которой раздалось слово, имѣетъ свойство усиливать и ничтожный звукъ, сообщать ему искусственную звонкость, то для правильной оцѣнки слова необхо-

димо разсмотрѣть его отдѣльно отъ среды, опредѣлить его внутренній смыслъ, независящій отъ внѣшней обстановки. Что представляютъ собою, съ этой точки зрѣнія, обѣ рѣчи, произнесенныя генераломъ Скобелевымъ? Ничего такого, чего не твердили бы раньше нѣкоторые органы нашей прессы. Военный ораторъ идетъ, въ сущности, даже не такъ далеко, какъ его штатскіе единомышленники; онъ не старается установить причинной связи между берлинскимъ трактатомъ и политическими убійствами, не видитъ въ дипломатической неудачѣ главнаго корня нашей народной или государственной болѣзни. Его ошибка заключается въ томъ, что онъ не отдѣляетъ достаточно ясно возможное отъ желательнаго, не даетъ себѣ точнаго отчета въ сравнительной важности обязанностей, лежащихъ на русскомъ правительствѣ передъ славянскими племенами и передъ русскимъ народомъ, но эта ошибка всего болѣе понятна, всего болѣе извинительна именно со стороны человѣка, воспитаннаго войной, привыкшаго видѣть въ ней естественный способъ рѣшенія международныхъ вопросовъ. Такой человѣкъ можетъ ненавидѣть войну или искренно думать, что онъ ее ненавидитъ—и все-таки, считая ее необходимымъ зломъ, слишкомъ легко допускать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ея необходимость. Въ бесѣдѣ Скобелева съ корреспондентомъ «Daily News» слышится еще другая нота: цѣлью заграничной поѣздки генерала выставляется надежда «возбудить общественное мнѣніе Западной Европы противъ австрійскихъ клерикальныхъ посягательствъ». Можно находить эту надежду наивной, особенно въ виду несоразмѣрности между средствами и цѣлью; но чѣмъ наивнѣе вѣра, тѣмъ сильнѣе должно быть вызвавшее ее чувство. Чувство, увлеченіе—вотъ настоящій источникъ словъ и дѣйствій, къ которымъ нельзя прилагать другую, болѣе строгую мѣрку.

Кто отдалъ себя во власть чувства, отъ того нельзя требовать безпристрастія къ людямъ, сохраняющимъ относительное хладнокровіе. Мы не расположены, поэтому, обвинять генерала Скобелева за нападеніе противъ «интеллигенціи», составляющее кульминаціонный пунктъ петербургской его рѣчи. Противупоставлять интеллигенцію народу, клеймить ея европеизмъ, ея отступничество отъ національныхъ началъ—это повѣтріе, свирѣпствующее съ нѣкоторыхъ поръ въ разныхъ общественныхъ сферахъ; неудивительно, что подъ вліяніе его подпалъ ораторъ,

случайно предпринявшій экскурсію въ мало знакомую ему область. Согласиться съ панегиристами генерала въ томъ, что онъ «мыслитъ по-русски», мы никакъ не можемъ, потому что привыкли различать *мысли* только по ихъ логичности или нелогичности, правильности или неправильности, а не по національному ихъ происхожденію; но если «мыслить по-русски» значитъ мыслить заодно съ «Русью», то эпитетъ для рѣчи г. Скобелева выбранъ весьма удачно. Для лирическаго порыва, нуждающагося въ готовыхъ аргументахъ, передовыя статьи московской газеты—сокровищница неисчерпаемая и незамѣнимая! Боевыхъ словъ — «Schlagwörter», какъ говорятъ нѣмцы — или, лучше сказать, цѣлыхъ «боевыхъ фразъ» здѣсь можно найти сколько угодно. Въ живой рѣчи онѣ звучатъ еще красивѣе, чѣмъ въ журнальной статьѣ; увлечься ими и увлечь слушателей столь же легко, какъ и получить потомъ отъ настоящаго ихъ автора аттестатъ въ «русскомъ образѣ мыслей». На самомъ дѣлѣ, конечно, повторенія не увеличиваютъ авторитета фразы, отъ кого бы она ни исходила; шуму она, благодаря имъ, можетъ надѣлать нѣсколько больше, но въ положеніи вопроса отъ этого не произойдетъ никакой перемѣны. Буря въ стаканѣ воды должна пройти безслѣдно, сколько бы въ водѣ ни заключалось углекислаго шипучаго газа.

VIII.

Смерть Скобелева [1]).

Велика потеря, понесенная Россіей въ лицѣ Скобелева. Его заслуги на Дунаѣ, подъ Ловчей и Плевной, за Балканами, при Геокъ-Тепе — въ свѣжей памяти у всѣхъ; газетные некрологи изобразили ихъ еще разъ, въ полной, оживленной картинѣ. Образъ рыцарски-храбраго воина, заботливаго друга солдатъ, образованнаго генерала, высоко-даровитаго полководца давно уже рисовался передъ обществомъ въ лицѣ Скобелева; народныя массы, до которыхъ доходитъ только военная слава, имѣли въ немъ любимаго героя послѣднихъ войнъ. Біографическій матеріалъ, явившійся по смерти Скобелева, прибавилъ еще нѣсколько очень симпатичныхъ подробностей о его личности. Таковы, напримѣръ, слѣдующія слова, сказанныя Скобелевымъ англичанину Марвину: «Казни генерала Робертса въ Кабулѣ были ошибкой. Каковъ бы ни былъ родъ придуманной вами казни, онъ все-таки уступитъ изобрѣтательности въ этомъ отношеніи восточнаго деспота. Къ этому туземцы привыкли; мало того, казнь мусульманина невѣрнымъ порождаетъ въ туземцахъ ненависть. Я предпочелъ бы бунтъ цѣлой области казни одного туземца. Если вы побѣдите ихъ силой въ бою, они этому подчиняются, какъ волѣ Божіей. Моя система—сразу сильно ударить и наносить затѣмъ ударъ за ударомъ, пока не сломлено сопротивленіе. Съ наступленіемъ этого момента вводится строжайшая дисциплина, кровь перестаетъ литься и съ побѣжденнымъ обходятся мягко и гуманно». Вѣрное пониманіе людей и

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1882 г., августъ, общественная хроника.

нравовъ соединяется здѣсь съ отвращеніемъ къ безполезному кровопролитію; освѣщенный этими словами, образъ дѣйствій Скобелева послѣ взятія Геокъ-Тепе обнаруживаетъ въ немъ административный талантъ, не уступавшій, можетъ быть, его военному искуству. Чрезвычайно драгоцѣнными кажутся намъ, далѣе, тѣ черты, которыя относятся къ обращенію Скобелева съ солдатами. Онъ не только думалъ о ихъ благосостояніи, не только училъ ихъ своимъ «показомъ», воодушевлялъ своимъ примѣромъ: онъ признавалъ ихъ мыслящими людьми и предпочиталъ, вопреки рутинѣ, осмысленное повиновеніе—механическому, слѣпому. По удостовѣренію людей, близко его знавшихъ, онъ любилъ созывать передъ началомъ боя не только офицеровъ, но и унтеръ-офицеровъ, для разъясненія имъ пріемовъ и цѣли предстоящаго дѣла; мало того, онъ самъ ходилъ по рядамъ и истолковывалъ то же самое, поскольку находилъ нужнымъ, простымъ солдатамъ. На дисциплину это нимало не вліяло; въ отрядахъ Скобелева она всегда поддерживалась какъ нельзя лучше. Убѣдившись однажды въ правильности своей системы, онъ требовалъ соблюденія ея и отъ подчиненныхъ ему начальниковъ. «Принятое рѣшеніе, — читаемъ мы въ послѣднемъ передъ смертью приказѣ его по 4-му корпусу,—надлежало сообщить всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, дабы люди знали, что̀ отъ нихъ требуется и что̀ имъ дѣлать, и чтобы, вслѣдствіе такихъ указаній, они могли принять осмысленное участіе въ маневрѣ». Ясный, самостоятельный умъ, свободный отъ традиціонныхъ предразсудковъ, блеститъ въ этихъ словахъ такимъ же своеобразнымъ блескомъ, какъ и въ самыхъ выдающихся военныхъ предпріятіяхъ Скобелева.

Преклоняясь передъ военными талантами, передъ военной славой Скобелева, понимая вполнѣ тѣ надежды, которыя возлагались на него, какъ на полководца, всею русскою арміей или, лучше сказать, всѣми мыслящими русскими людьми, мы должны повторить, и теперь съ еще большею настойчивостью, сказанное нами нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, по поводу извѣстныхъ рѣчей, петербургской и парижской: Скобелевъ не былъ государственнымъ человѣкомъ. Мы не стали бы возвращаться къ этому вопросу, если бы не шумъ, поднятый у едва закрытаго гроба слишкомъ усердными и неловкими друзьями покойнаго, если бы не попытки эксплоатировать громкое имя въ пользу узкой доктрины или напыщеннаго доктринерства.

«Скобелевъ былъ нашъ, онъ раздѣлялъ наши мнѣнія»—спѣшатъ прокричать на всю Россію газеты извѣстнаго направленія, приводя въ подтвержденіе своихъ словъ письма, мемуары, частные разговоры. Да, онъ держался вашихъ взглядовъ—отвѣтимъ мы имъ; но что же изъ этого слѣдуетъ? Что сказали бы вы о живописцѣ или скульпторѣ, который сталъ бы доказывать достоинство своихъ произведеній хвалебнымъ отзывомъ знаменитаго химика или математика, о стратегѣ, который выводилъ бы превосходство своего плана изъ одобренія его публицистомъ? Конечно, вѣрнымъ цѣнителемъ, проницательнымъ судьею можетъ быть и не-спеціалистъ; но въ такомъ случаѣ важны мотивы его сужденія, а не самый фактъ согласія или похвалы. Посмотримъ поближе на содержаніе документовъ, съ такимъ торжествомъ выставляемыхъ на показъ «Русью» и «Московскими Вѣдомостями»—и мы убѣдимся, что къ славѣ Скобелева, какъ и къ вѣсу защищаемыхъ имъ мнѣній, они ровно ничего не прибавляютъ. Письмо Скобелева къ г. И. И. М. («Русь», № 24) составляетъ парафразу той передовой статьи, въ которой «Русь», въ концѣ прошедшаго года, такъ неожиданно и такъ не кстати разразилась громомъ противъ берлинскаго трактата [1]). Скобелевъ усвоиваетъ себѣ даже самую парадоксальную и вредную мысль г. Аксакова—мысль о причинной связи между берлинскимъ трактатомъ и внутренней крамолой. Большею самостоятельностью отличается только историческая параллель, которою заканчивается письмо. «Въ исторіи есть одинъ примѣръ гибельнаго нравственнаго паденія, вызваннаго причинами схожими; это—могущественная тогда Испанія послѣ сраженія при Лепанто. У нея также отшибло память сердца, и люди, ошеломленные свидѣтели отрицательнаго для родины мірового событія, не въ силахъ были передать потомкамъ идею святости и незыблемости государственнаго идеала. Поколѣніе, сражавшееся при Лепанто, оставило исторіи одно лишь имя—автора донъ-Кихота, безрукаго Сервантеса, геніальная сатира котораго потрясла въ основаніи католическую, монархическую и рыцарскую Испанію, уготовивъ вѣковое паденіе этой страны. Сервантесъ—тотъ же нигилизмъ. Caveant consules!» Что именно хотѣлъ сказать авторъ письма, говоря объ отшибленной у Испаніи памяти сердца, объ отрицательномъ для нея міровомъ событіи—это опредѣлить до-

[1]) См. выше, № V.

вольно трудно; ясно только то, что до сраженія при Лепанто у испанцевъ былъ святой и незыблемый государственный идеалъ, а потомъ онъ куда то исчезъ. Упадокъ Испаніи объясняли до сихъ поръ ея религіознымъ фанатизмомъ, свѣтобоязнью инквизиціи, политикой Карла V-го и Филиппа II-го, истощавшей всѣ живыя силы страны въ разорительныхъ и ни для чего ненужныхъ войнахъ; теперь мы должны признать, что настоящія его причины—неблагодарность (вѣроятно къ донъ-Жуану австрійскому, побѣдителю при Лепанто?), ошеломленіе отъ побѣды, оставшейся безплодною, и сатирическій нигилизмъ Сервантеса. Мы думали до сихъ поръ, что Испанія по крайней мѣрѣ два столѣтія послѣ Сервантеса оставалась безусловно католическою и монархическою; теперь намъ говорятъ, что ея католицизмъ и монархичность были потрясены въ основаніи уже «Донъ-Кихотомъ»! И этотъ историческій дилеттантизмъ, эта игра словами рекомендуется намъ какъ нѣчто серьёзное, заслуживающее изученія! Мы далеки отъ мысли обвинять въ этомъ самого Скобелева; въ частномъ письмѣ, написанномъ въ минуту увлеченія, нѣтъ надобности взвѣшивать каждое слово, избѣгать рискованныхъ сближеній. Виноваты тѣ, которые торопятся огласить непредназначавшееся для гласности, но лестное для самолюбія ихъ или повторяющее любимую ихъ ноту.

Въ другомъ письмѣ, напечатанномъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», Скобелевъ прямо говоритъ о своихъ политическихъ идеалахъ. «Смѣю думать,—пишетъ онъ,—что рано или поздно русскимъ государственнымъ людямъ придется сознаться, что Россія *должна* обладать Босфоромъ, что отъ этого зависитъ не только ея величіе, но ея безопасность, въ смыслѣ оборонительномъ, и соотвѣтственное развитіе ея мануфактурныхъ центровъ и торговли. Никто, полагаю, не будетъ оспаривать, что пока польскій и западно-русскій вопросы будутъ тяготѣть надъ нами, всякое правильное развитіе въ лучшемъ народно-историческомъ значеніи этого слова будетъ крайне затруднено. Въ настоящее время, несмотря на всѣ потраченныя кровавыя усилія, всѣ наши границы остались открыты вражьему нашествію, вынуждающему насъ содержать такую громадную армію, а польскій вопросъ, особенно теперь, въ виду неминуемыхъ усложненій, порожденныхъ австро-германскимъ союзомъ, держитъ насъ въ осадномъ положеніи. Только владѣя Босфоромъ, Россія сможетъ сознательно и безповоротно произнести преждевре-

менный *пока* возгласъ разбитаго Костюшко: finis Poloniae». Какимъ образомъ обладаніе Босфоромъ можетъ оградить наши, открытыя теперь, границы, какимъ образомъ Царьградъ можетъ помочь намъ въ защитѣ Варшавы—это загадка, неразрѣшимая, конечно, не для насъ однихъ. Еще важнѣе и опаснѣе, въ нашихъ глазахъ, то заблужденіе, въ силу котораго чисто-внутренніе вопросы связываются съ внѣшнимъ. Безспорно, вопросы польскій и западно-русскій принадлежатъ къ числу тормозовъ нашего развитія; но устранить эти помѣхи можетъ только мирное движеніе впередъ, не нуждающееся въ Босфорахъ и Царьградахъ. Внѣшнее могущество Россіи никогда не было такъ велико, какъ въ первыя 50—60 лѣтъ послѣ восклицанія Костюшко—и однако именно въ это время назрѣвали и росли тѣ затрудненія, передъ которыми внезапно очутилась Россія въ 1863-мъ году. Положимъ, что на пути къ Босфору мы не встрѣтили бы ни одного англійскаго военнаго корабля, ни одного австрійскаго солдата, что занятіе Царьграда было бы встрѣчено единодушнымъ сочувствіемъ Европы; какимъ образомъ это могло бы облегчить для насъ погашеніе домашней вражды, сведеніе домашнихъ счетовъ? Обольщать себя и другихъ такими фантасмагоріями—значитъ отводить глаза отъ путей, дѣйствительно ведущихъ къ желанной цѣли, значитъ способствовать повторенію прежнихъ ошибокъ, растравлять старыя раны. Судя по всему тому, что̀ извѣстно о послѣднемъ пребываніи Скобелева въ Варшавѣ, трудно предположить, чтобы въ его устахъ «конецъ Польшѣ» былъ синонимомъ «конца полякамъ»; но если поляки имѣютъ право на существованіе, то помимо ихъ, безъ ихъ участія польскій вопросъ, очевидно, разрѣшенъ быть не можетъ. Чтобы быть «безповоротными», слова: «finis Poloniae» должны быть произнесены не одной Россіей.

Мы коснулись политическихъ взглядовъ Скобелева лишь настолько, насколько было нужно для объясненія агитаціи, возбужденной надъ его могилой. Болѣе печальное зрѣлище, чѣмъ эта агитація, трудно себѣ представить. Въ ней слышится, съ одной стороны, отголосокъ стараго квасного патріотизма, съ другой—самая безцеремонная претензія говорить отъ имени народа, служить истолкователемъ народной мысли и народнаго чувства. Что сказать, напримѣръ, о подобныхъ фразахъ: «и не гадательнымъ, а уже вполнѣ несомнѣннымъ представлялось

одно, что есть намъ что противопоставить въ защиту Россіи всему сонмищу нашихъ внѣшнихъ враговъ, *какъ бы несмѣтно оно ни было*, что чудная та будетъ защита, какой бы исходъ ея ни былъ, что есть человѣкъ, съ которымъ помѣряться силами нелегко отважиться и врагамъ, *котораго одно имя стоитъ цѣлыхъ стотысячныхъ арміи*, про котораго еще на-дняхъ выразился одинъ изъ присутствовавшихъ при гробѣ генераловъ: *дайте мужикамъ топоры и скажите имъ, что ими командуетъ Скобелевъ—у васъ готовое противъ враговъ войско»!* Если бы таково было настроеніе—не говоримъ: массы, а хотя бы большинства русскаго общества, немного хорошаго можно было бы ожидать въ ближайшемъ будущемъ; къ Россіи можно было бы тогда примѣнить старинное изреченіе: quem Jupiter vult perdere, prius dementat. Считать одного человѣка равнымъ стотысячной арміи, считать командуемыхъ имъ почти безоружныхъ людей готовымъ войскомъ—значило бы идти навстрѣчу такимъ катастрофамъ, какія испытали Пруссія—въ 1806-мъ, Франція—въ 1870-мъ году. Какъ ни велика, даже въ наше время, даже въ военномъ дѣлѣ, сила генія или таланта, она имѣетъ свои границы, забывать которыя нельзя безнаказанно. Полководецъ, могущій справиться съ «несмѣтнымъ числомъ враговъ», полководецъ, одно имя котораго наводитъ страхъ на противника и останавливаетъ поднятую уже руку—это иллюзія, менѣе грубая, но не менѣе опасная, чѣмъ пресловутое «закидываньe шапками». Цѣнить и уважать своихъ великихъ людей—не то же самое, что ставить ихъ на ходули или обращать ихъ въ пугала для непріятеля. Отъ преувеличенныхъ восторговъ только одинъ шагъ до преувеличенной самонадѣянности—а отъ нея только одинъ шагъ до войны, начинаемой съ легкимъ и оканчиваемой съ тяжелымъ сердцемъ. Ошибочно было бы думать, что опасность идолопоклонства прекратилась со смертью Скобелева: на пьедесталъ, однажды возведенный, легко поставить кого-нибудь другого. Нужно указать, каковъ самый пьедесталъ, нужно обнаружить пустоту фразъ, слагаемыхъ для его поддержки. Слава Скобелева не нуждается въ реторическомъ трескѣ; мы убѣждены, что онъ первый отвернулся бы отъ гиперболъ, нагромождаемыхъ одна на другую излишнимъ рвеніемъ его поклонниковъ.

Имя Скобелева было однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ, самыхъ популярныхъ во всей Россіи; это не подлежитъ ника-

кому сомнѣнію и подтвердилось съ необыкновенною наглядностью въ первые дни послѣ его кончины. Удивительнаго въ этомъ нѣтъ ничего; наиболѣе широкой славой вездѣ и всегда пользовались знаменитые полководцы. Мальборо и Нельсонъ—до сихъ поръ любимые герои англійскаго народа; онъ знаетъ ихъ гораздо лучше, чѣмъ Вильгельма III, чѣмъ Питтовъ и Фокса, Каннинга и Грея. Въ Пруссіи не только Фридрихъ II-й—даже Блюхеръ популярнѣе Штейна. Во Франціи побѣды Наполеона I-го сохранились въ памяти массы гораздо дольше, чѣмъ всѣ бѣдствія, навлеченныя имъ на государство. Русскій народъ еще не забылъ Кутузова и Суворова, въ особенности послѣдняго—а многимъ ли знакомы имена Сперанскаго, Николая Милютина? Послѣдняя воїна застала Россію уже не такою темною, какою она была въ концѣ прошедшаго, даже въ половинѣ нынѣшняго вѣка; если слава тогдашнихъ полководцевъ проникала въ самыя отдаленныя деревни, то еще большую извѣстность естественно должны были получить имена, выдвинутыя впередъ событіями 1877 г. Прежде единственнымъ народнымъ глашатаемъ служила молва, передаваемая изъ устъ въ уста—теперь къ ней присоединилось печатное, газетное слово, гораздо быстрѣе и вѣрнѣе достигающее цѣли. Въ виду всѣхъ этихъ простыхъ, общеизвѣстныхъ фактовъ, не странно ли искать источникъ популярности Скобелева въ его политическихъ взглядахъ, въ его славянофильскихъ убѣжденіяхъ? Не значитъ ли это, какъ говорятъ французы, chercher midi à quatorze heures или зажигать копѣечную свѣчку, чтобы лучше видѣть при яркомъ солнечномъ свѣтѣ? «Развѣ это случайность, — восклицаетъ «Русь»,—что колоссальная знаменитость, народное уваженіе, народная любовь достались на долю именно тому человѣку, который плакалъ, какъ ребенокъ, отступая съ русскими войсками отъ стѣнъ Константинополя, который громко, непостыдно исповѣдывалъ свою вѣру въ Россію и въ ея призваніе, какъ православно-славянской державы, который постоянно указывалъ ей на Босфоръ и св. Софію?» Мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ нѣсколькими другими. Полагаетъ ли «Русь», что смерть Скобелева произвела бы меньшее впечатлѣніе, вызвала бы меньшее народное горе, если бы она послѣдовала нѣсколькими мѣсяцами раньше, до января нынѣшняго года? А между тѣмъ, кому былъ извѣстенъ образъ мыслей Скобелева до петербургской его рѣчи, произнесенной въ годовщину взятія Геокъ-Тепе?

Его друзьямъ, можетъ быть его ближайшимъ знакомымъ—и только; никакихъ публичныхъ заявленій по этому поводу онъ до тѣхъ поръ не дѣлалъ. Дошли ли, наконецъ, до народа слова, произнесенныя Скобелевымъ въ Петербургѣ и Парижѣ? Если дошли, то понялъ ли народъ указаніе на борьбу боснійскихъ инсургентовъ противъ Австріи? Кому, за исключеніемъ опять-таки небольшого кружка, былъ извѣстенъ тотъ фактъ, что Скобелевъ плакалъ, отступая съ нашими войсками изъ-подъ стѣнъ Константинополя? Стоитъ только взглянуть на дѣло просто и прямо—и всѣ хитросплетенія славянофильскаго фразерства исчезаютъ сами собою. Чувства русскаго народа къ Скобелеву отличаются отъ чувствъ его къ Радецкому или Гурко только степенью, а не свойствомъ; разница въ степени зависитъ только отъ бо́льшаго блеска подвиговъ, совершенныхъ Скобелевымъ, и отъ молвы, разнесенной по всей Россіи бывшими его соратниками—молвы о добромъ, искреннемъ, братскомъ отношеніи его къ солдату. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что въ памяти и воображеніи народа Скобелевъ занялъ мѣсто рядомъ съ Суворовымъ, не только потому, что они оба слыли непобѣдимыми, но и потому, что оба умѣли проложить себѣ путь къ солдатскому, а, слѣдовательно, и къ народному сердцу. Это умѣнье дается не каждому; можно любить солдатъ не меньше, чѣмъ любилъ ихъ Суворовъ или Скобелевъ, но не обладать искусствомъ выражать эту любовь въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ она пріобрѣтаетъ неотразимо обаятельную силу.

Въ какой степени заслуживаютъ вѣры измышленія «Руси» о причинахъ популярности Скобелева, объ этомъ можно судить всего лучше по двумъ именамъ, сопоставляемымъ ею съ именемъ покойнаго генерала—именамъ Черняева и гр. Игнатьева. Извѣстность генерала Черняева мы не отрицаемъ и признаемъ вполнѣ, что въ основанія ея лежитъ гораздо больше сербскій походъ 1876-го года, чѣмъ взятіе Ташкента; но отъ извѣстности до популярности еще далеко—и если генералъ Черняевъ пользовался послѣднею шесть лѣтъ тому назадъ, то это еще не значитъ, чтобы она сохранилась за нимъ и по настоящее время. Плачевный результатъ сербской кампаніи, дурная слава, оставленная многими изъ числа добровольцевъ—все это не могло не отразиться и на имени генерала Черняева. Что касается до популярности графа Игнатьева, то о ней мы—и, безъ сомнѣнія, не мы одни—никогда до сихъ поръ не слыхали. Чтобы при-

знать ея существованіе, мы подождемъ доказательствъ болѣе сильныхъ, чѣмъ рѣчь купца на нижегородской ярмаркѣ. «Народъ,—увѣряетъ насъ «Русь», — съ зоркимъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ ходомъ прошлой войны, *не исключая и дипломатическихъ переговоровъ;* въ народное вѣдѣніе и ранѣе войны перешло, что есть въ Константинополѣ русскій посолъ, непохожій на прочихъ нашихъ представителей, высоко держащій русское знамя, всегда отстаивающій русскіе интересы». Итакъ, масса народа знакома съ общими свойствами нашихъ дипломатовъ (иначе она не могла бы выдѣлить изъ ихъ среды одного, непохожаго на прочихъ); она знакома съ образомъ дѣйствій нашей дипломатіи не только во время мирныхъ переговоровъ, но и до начала войны! Дальше этого свобода фантазіи не можетъ идти; болѣе сильныхъ доказательствъ тому, что редакторъ «Руси» не знаетъ народа, не могли бы привести и злѣйшіе противники его. «Усилилъ популярность гр. Игнатьева,— читаемъ мы дальше, — санъ-стефанскій договоръ, которымъ Россія все же до извѣстной степени могла гордиться и который мы такъ позорно замѣнили, съ позволенія сказать, берлинскимъ трактатомъ!» Жаль, что нельзя устроить нѣчто въ родѣ всеобщей подачи голосовъ по вопросу о томъ, въ чемъ заключается разница между трактатами санъ-стефанскимъ и берлинскимъ. Съумѣло ли бы разрѣшить его *большинство* крестьянъ— мы сказать не беремся, потому что не привыкли играть словами *народъ, народная мысль, народное чувство;* но что на него не съумѣли бы отвѣтить весьма и весьма многіе крестьяне, даже изъ числа наиболѣе развитыхъ — это мы знаемъ по личному опыту. Въ деревнѣ, гдѣ живетъ пишущій эти строки (деревнѣ довольно глухой, но не слишкомъ отдаленной отъ Петербурга), имя гр. Игнатьева оказалось никому неизвѣстнымъ, между тѣмъ какъ всѣ почти крестьяне хорошо знали имена не только Скобелева и Черняева, но и Радецкаго, Гурко, Лорисъ-Меликова—въ особенности Лорисъ-Меликова. Насчитывая только три популярныхъ въ Россіи имени и восклицая затѣмъ: «больше вѣдь ихъ и нѣтъ, какъ ни напрягай память», «Русь» доказала только слабость своей памяти; она забыла то единственное имя, извѣстность котораго основана не на одной военной славѣ...

«Имя Скобелева невольно связывалось съ представленіемъ о грядущихъ тяжкихъ войнахъ и громадныхъ экономическихъ тратахъ... и однакожъ такая перспектива, ужасающая нашихъ

грошовыхъ благоразумниковъ, не умаляла любви и преданности къ нему народа?.. Говорите же, послѣ того, что русскій народъ равнодушенъ къ чести, достоинству и историческимъ задачамъ созданнаго имъ государства!» Возвести рискованное предположеніе на степень несомнѣннаго факта и потомъ обратить этотъ фактъ въ аргументъ, подтверждающій предвзятую тему—полемическій пріемъ очень удобный, но не особенно сильный. Если имя Скобелева и связывалось съ мыслью о возможной, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, войнѣ, то эту войну громадное большинство представляло себѣ чисто оборонительною, вынужденною—одною изъ тѣхъ войнъ, передъ которыми иногда не можетъ отступить самое миролюбивое государство, съ какими бы затратами, съ какими бы жертвами онѣ ни были сопряжены. Понятно, что съ думою о такой войнѣ соединялось воспоминаніе о вождѣ, наиболѣе способномъ привести ее къ счастливому концу; понятно, что подобное воспоминаніе увеличивало, а не уменьшало популярность Скобелева. Съ представленіемъ о войнѣ наступательной, о войнѣ изъ-за Босфора и Царьграда соединять имя Скобелева могли только тѣ, для которыхъ мрачная сторона войны сводится къ однимъ «экономическимъ тратамъ», которые въ состояніи забывать объ ужасахъ международной рѣзни, непереводимыхъ на звонкую монету. Миролюбіе «грошовыхъ благоразумниковъ» — не что иное, какъ уваженіе къ человѣческой жизни. Время человѣческихъ гекатомбъ, къ несчастію, еще не прошло.— но пускай же онѣ приносятся, по крайней мѣрѣ, изъ-за интересовъ болѣе высокихъ, чѣмъ обладаніе городомъ или проливомъ. Освобожденіе соплеменниковъ и единовѣрцевъ отъ варварскаго ига — такой девизъ можетъ воодушевить массу народа; но мы никогда не согласимся съ тѣмъ, чтобы ее могъ вдохновить крикъ: «къ Босфору, въ Царьградъ, въ Святую Софію». Мы никогда не назовемъ «народными и святыми» слезы, пролитыя при отступленіи отъ Константинополя. Великую отвѣтственность берутъ на себя тѣ, которые пользуются минутой народной скорби, чтобы проповѣдывать политику приключеній и отвлекать вниманіе общества отъ насущныхъ вопросовъ внутренней народной жизни.

IX.

Еврейскій вопросъ [1]).

Временныя правила о евреяхъ, утвержденныя 3-го мая 1882 г., воспрещаютъ евреямъ селиться вновь внѣ городовъ и мѣстечекъ (за исключеніемъ существующихъ уже еврейскихъ земледѣльческихъ колоній) и пріостанавливаютъ совершеніе и засвидѣтельствованіе на имя евреевъ купчихъ крѣпостей, закладныхъ, арендныхъ договоровъ и довѣренностей, относящихся къ лежащимъ внѣ черты городовъ и мѣстечекъ недвижимымъ имуществамъ. Сверхъ того, евреямъ воспрещается производство торговли въ воскресные дни и двунадесятые праздники въ той же мѣрѣ, въ какой оно воспрещено христіанамъ. Хотя изданіе временныхъ правилъ вызвано, повидимому, погромами, происходившими, большею частью, въ городахъ, они почти вовсе не касаются евреевъ-городскихъ жителей. Запрещеніе евреямъ селиться въ деревняхъ, въ связи съ болѣе строгимъ соблюденіемъ закона, закрывающаго имъ доступъ въ центральныя губерніи Россіи, увеличитъ скученность евреевъ въ немногихъ, сравнительно, мѣстахъ, т.-е. усилитъ одну изъ причинъ, обусловливающихъ ненормальное отношеніе евреевъ къ массѣ населенія. Мы думаемъ, что радикальныхъ средствъ леченія слѣдуетъ искать не въ увеличеніи стѣсненій, тяготѣющихъ надъ евреями, а въ общемъ улучшеніи народнаго быта, въ огражденіи народа отъ эксплоатаціи, кто бы ни были эксплоататоры—евреи или не-евреи. О насильственномъ выселеніи

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1882 г., іюнь, и 1883 г., сентябрь, внутр. обозрѣніе.

евреевъ за границу не можетъ быть и рѣчи; свободная эмиграція ихъ, сколько бы ее ни поощряло правительство, едва-ли замѣтно уменьшитъ ихъ число, въ виду плодовитости, свойственной еврейскому племени, вслѣдствіе раннихъ браковъ. Что же дѣлать съ милліонами людей, по необходимости остающихся подданными Россіи? Удерживать ихъ въ предѣлахъ нѣсколькихъ губерній? Но эта мѣра практикуется уже цѣлое столѣтіе, въ продолженіе котораго «еврейскій вопросъ» обострялся все больше и больше. Удерживать ихъ исключительно въ городахъ? И въ этомъ средствѣ нѣтъ ничего новаго: оно не устраняетъ, притомъ, даже симптомовъ болѣзни, главными разсадниками которой являются именно города. Запрещать евреямъ занятіе извѣстными профессіями и ремеслами, какъ то сдѣлано съ поднадзорными? Слишкомъ далеко такія запрещенія идти не могутъ, потому что иначе они оказались бы равносильными изгнанію евреевъ изъ Россіи; чтобы жить въ странѣ, нужно же имѣть возможность добывать въ ней средства къ жизни. Ограниченныя тѣсными предѣлами, запрещенія этого рода—если даже и не найдутся пути для ихъ обхода—едва-ли достигнутъ цѣли. Мы не возражаемъ противъ предположеннаго еще «свѣдущими людьми» запрещенія евреямъ заниматься питейной торговлей, не возразили бы и противъ запрещенія имъ содержать кассы ссудъ, арендовать землю у крестьянъ; но мы вполнѣ убѣждены, что выигрышъ отъ всѣхъ этихъ рестриктивныхъ мѣръ былъ бы весьма незначителенъ. Пока существуетъ право крестьянъ удалять изъ своей среды вредныхъ членовъ общества, такое право, говорятъ, могло бы быть предоставлено сельскимъ обществамъ и по отношенію къ поселеннымъ на ихъ землѣ евреямъ. Но въ такомъ случаѣ нужно прежде установить гарантіи вообще противъ злоупотребленій со стороны обществъ; притомъ желательно было бы знать, насколько право высылки по общественнымъ приговорамъ способствуетъ благосостоянію нашей деревни?... Обезпечить самихъ евреевъ противъ деспотизма еврейскихъ обществъ, безъ сомнѣнія, необходимо; но сломить «самостоятельность еврейскихъ обществъ», насколько она основывается на свободномъ, непринужденномъ согласіи ихъ членовъ, можетъ только время, образованіе, паденіе національныхъ и религіозныхъ предразсудковъ какъ съ ихъ стороны, такъ и съ нашей. Евреи сильны не сами по себѣ; они сильны безправіемъ и невѣжествомъ

окружающаго ихъ общества. Нетрудно понять, какой путь ведетъ всего вѣрнѣе къ огражденію народа отъ вреднаго вліянія мѣстныхъ евреевъ. Мѣстное управленіе должно быть организовано такъ, чтобы всякій одинаково могъ найти въ немъ справедливую помощь и защиту. Гражданскіе законы должны получить простоту, опредѣленность и ясность, недостатокъ которыхъ часто дѣлаетъ ихъ теперь ловушкой для однихъ, орудіемъ въ рукахъ другихъ. Судопроизводство должно быть освобождено отъ формальностей, къ которымъ никакъ не можетъ привыкнуть большинство тяжущихся. Нуждающемуся городскому и сельскому населенію долженъ быть доставленъ дешевый кредитъ, при которомъ не будетъ надобности продавать за безцѣнокъ земледѣльческіе продукты и произведенія кустарной промышленности. Податное бремя должно быть распредѣлено на новыхъ основаніяхъ. Грамотность должна сдѣлаться достояніемъ громаднаго большинства. Когда все это будетъ достигнуто, «еврейскій вопросъ» перестанетъ существовать — или для разрѣшенія его достаточно будетъ признать евреевъ полноправными гражданами имперіи.

Когда, весной 1881-го года, надъ югомъ Россіи разразились первые еврейскіе погромы, можно было утѣшать себя мыслью, что это отдѣльныя, случайныя явленія, ничѣмъ не отличающіяся отъ одесскихъ пасхальныхъ безпорядковъ 1871-го года Повтореніе погромовъ въ такихъ мѣстахъ, куда они прежде не проникали—въ Кіевѣ, въ Варшавѣ и въ Нѣжинѣ—обнаружило хроническій характеръ болѣзни. Балтскія событія прошедшаго года бросили яркій свѣтъ на ея интенсивность. Наружная тишина, продолжавшаяся послѣ того около года, позволяла надѣяться хоть на прекращеніе острыхъ пароксизмовъ недуга; недавній екатеринославскій погромъ доказалъ тщету этой надежды. Нельзя допустить, однако, чтобы нѣсколько милліоновъ нашихъ согражданъ продолжали жить точно на пороховой бочкѣ. Накопленіе горючихъ матеріаловъ опасно не только для самихъ обитателей окруженнаго ими дома, но и для всѣхъ сосѣдей. Одно можно сказать уже теперь съ полной увѣренностью: палліативныя мѣры въ родѣ тѣхъ, которыя установлены закономъ 3 мая 1882-го года, не приведутъ къ желанной цѣли. Главнымъ театромъ еврейскихъ погромовъ служатъ города; ограниченіе правъ, принадлежащихъ евреямъ за город-

скою чертою, можетъ скорѣе обострить, чѣмъ смягчить отношенія между евреями-горожанами и остальнымъ городскимъ населеніемъ. Запрещеніе евреямъ заниматься тѣми или другими городскими промыслами крайне трудно провести въ жизнь, осуществить на самомъ дѣлѣ; слишкомъ далеко, притомъ, оно простираться не можетъ, потому что нужно же оставить евреямъ нѣкоторую свободу въ выборѣ занятій. Отсюда необходимость вступить на болѣе широкую дорогу, отказаться отъ полу-мѣръ, дальше которыхъ давно уже не идетъ наше законодательство о евреяхъ. Выходъ изъ невозможнаго положенія представляется двоякій: или назадъ, или впередъ. Первый сводится, въ сущности, къ эмиграціи евреевъ изъ Россіи, такъ какъ увеличить число и строгость стѣсненій, уже тяготѣющихъ надъ ними, было бы и затруднительно, и безполезно. Наши юдофобы или антисемиты очевидно этого и желаютъ; замѣчательно, однако, что прямо и открыто за насильственное выселеніе евреевъ не высказался пока ни одинъ голосъ. Доказательства тому, что эта мѣра невозможна, легко найти именно въ газетныхъ статьяхъ, наиболѣе враждебныхъ евреямъ. Онѣ выставляютъ на видъ общую непріязнь къ злосчастному племени, подчеркиваютъ каждый фактъ, свидѣтельствующій о повсемѣстно негостепріимномъ отношеніи къ еврейской иммиграціи. «Европа,— читаемъ мы въ одной изъ такихъ статей,—не любитъ евреевъ и была бы очень рада, если бы Россія открыла свою территорію этому племени и избавила бы отъ него Европу разъ навсегда. Вспомнимъ, какъ эта Европа отнеслась къ переселенцамъ-евреямъ, когда они годъ тому назадъ принуждены были двинуться на Западъ. Даже во Франціи, гдѣ евреевъ такъ мало, на нихъ посмотрѣли недружелюбно. Объ Америкѣ и говорить нечего». Итакъ, Европа и Америка одинаково не хотятъ принимать къ себѣ евреевъ, выселяющихся изъ Россіи; куда же, затѣмъ, должна направиться еврейская эмиграція? Чѣмъ значительнѣе былъ бы ея размѣръ, тѣмъ упорнѣе, очевидно, былъ бы и отпоръ, который бы она встрѣтила; гдѣ не находятъ себѣ мѣста тысячи или сотни, тамъ, конечно, не можетъ быть рѣчи о милліонахъ. Противодѣйствія переселенію, двигающемуся сплошными массами, слѣдовало бы ожидать даже со стороны Турціи, если бы обѣтованною страной евреевъ-эмигрантовъ, согласно мечтѣ немногихъ идеалистовъ, сдѣлалась Палестина. Помимо всего этого, наше время не благопріят-

ствуетъ повторенію явленій, ознаменовавшихъ царствованіе Филиппа III-го или Людовика XIV-го; русское правительство, въ концѣ XIX вѣка, не можетъ поступить съ евреями такъ, какъ поступила въ XVII-мъ столѣтіи Испанія съ маврами или Франція—съ гугенотами. Добровольное выселеніе нѣсколькихъ милліоновъ евреевъ немыслимо не только въ виду внѣшнихъ преградъ, которыя остановили бы его въ самомъ началѣ, но и въ виду громадныхъ затратъ, которыхъ бы оно потребовало, въ виду устойчивости и косности, свойственной большинству всякаго осѣдлаго племени. Двинуть съ мѣста всю массу русскихъ евреевъ могли бы лишь такіе жестокіе, безпрестанно повторяющіеся удары, какихъ нельзя себѣ представить въ благоустроенномъ государствѣ.

Если выселеніе евреевъ изъ Россіи, въ сколько-нибудь крупныхъ размѣрахъ, должно быть отнесено къ разряду политическихъ фантазій, если продолженіе status quo угрожаетъ повтореніемъ прискорбныхъ сценъ, пережитыхъ чуть не всѣми главными городами юго-западной Россіи, то единственнымъ возможнымъ исходомъ представляется сближеніе евреевъ съ русскимъ населеніемъ и расширеніе правъ, принадлежащихъ евреямъ. Если бы отсутствіе евреевъ и могло быть разсматриваемо какъ привилегія, данная восточной и сѣверной Россіи передъ западною и южною, то оставалось бы еще спросить себя, справедлива ли эта привилегія, должна ли она существовать неизмѣнно и безсрочно. Мы смотримъ на дѣло не съ этой точки зрѣнія: мы видимъ въ отмѣнѣ закона, ограничивающаго мѣста осѣдлости евреевъ, не возстановленіе равновѣсія между обѣими половинами имперіи, а просто актъ справедливости по отношенію къ евреямъ, носящій въ самомъ себѣ собственную свою награду. Отказъ въ равноправности всегда отзывается не только на тѣхъ, противъ кого онъ направленъ, но и на тѣхъ, отъ кого онъ исходитъ; оставаясь на почвѣ стѣсненій, еврейскій вопросъ служитъ источникомъ затрудненій не только для евреевъ, но и для правительства, для общества, для народа. Легкость, съ которою возникаютъ и распространяются еврейскіе погромы, зависитъ, отчасти, именно отъ того, что русскій человѣкъ привыкъ видѣть въ евреѣ чужака, парію, только терпимаго въ Россіи. Не этимъ ли объясняется, между прочимъ, то странное, съ перваго взгляда, обстоятельство, что въ Екатеринославѣ, какъ и въ Кіевѣ, большую роль между «погром-

щиками» играли пришлые, великорусскіе рабочіе, не испытавшіе непосредственно на себѣ давленія еврейской эксплоатаціи? Такъ ли охотно они подняли бы руку противъ евреевъ, если бы привыкли считать ихъ, наравнѣ съ собою, подданными русскаго царя и свободными жителями русской земли? Конечно, въ народной антипатіи къ евреямъ играетъ нѣкоторую роль и религіозный элементъ; но это только одно изъ условій, значительно усложняемое другими. Перемѣна политики относительно евреевъ измѣнила бы, рано или поздно, и сущность народнаго на нихъ взгляда; различіе религій перестало бы быть признакомъ неполноправности, отъ которой только одинъ шагъ до безправія.

Ошибочно было бы думать, что признаніе евреевъ болѣе или менѣе равноправными съ остальнымъ населеніемъ Россіи предупредило бы, немедленно и разъ навсегда, взрывы народной вражды противъ евреевъ. Радикальныя лекарства не всегда дѣйствуютъ скоро; они составляютъ необходимое, но далеко не единственное условіе исцѣленія. Измѣниться должно не одно только внѣшнее положеніе евреевъ; они должны измѣниться сами, должны сбросить съ себя все то, чѣмъ вызывается и до извѣстной степени оправдывается нерасположеніе къ нимъ. Движеніе въ этомъ смыслѣ началось уже и теперь въ средѣ евреевъ; политическая эманципація ихъ должна сдѣлать его болѣе глубокимъ и болѣе быстрымъ. Очень большой быстроты, однако, нельзя ожидать отъ него даже при самой благопріятной обстановкѣ. Нравы и обычаи совершенствуются не вдругъ; много пройдетъ времени, прежде, чѣмъ завершится или хотя бы станетъ замѣтнымъ внутреннее обновленіе еврейства. Медленно, съ другой стороны, будетъ идти и разселеніе евреевъ по недоступнымъ для нихъ теперь мѣстностямъ имперіи; всюду проникнуть въ большомъ числѣ они не могутъ, въ короткое время, по тѣмъ же причинамъ, которыя мѣшаютъ удаленію ихъ изъ Россіи. Что же дѣлать, пока совокупное дѣйствіе новыхъ условій не вырветъ съ корнемъ причины еврейскихъ погромовъ?

Мы говорили уже, что евреи сильны только безправіемъ и невѣжествомъ окружающаго ихъ общества, что лучшія орудія противъ еврейской, какъ и противъ всякой другой эксплоатаціи—распространеніе грамотности, улучшеніе гражданскихъ законовъ, упрощеніе судопроизводства, преобразованіе мѣстнаго

управленія, облегченіе податного бремени, удешевленіе мелкаго кредита. При этомъ мнѣніи мы, конечно, и остаемся; но настоятельность опасности, болѣе очевидная теперь, чѣмъ полтора года тому назадъ, заставляетъ насъ сдѣлать еще одну оговорку. Задачи, указанныя нами, требуютъ времени, много времени—не только для того, чтобы принести плоды, но и для того, чтобы быть исполненными. Пересмотръ нашихъ гражданскихъ законовъ уже предпринятъ, предпринята и реформа мѣстнаго управленія, и передѣлка финансовой системы; но продолжительность подобныхъ трудовъ измѣряется годами, даже когда все способствуетъ ихъ успѣху. Необходимы, поэтому, такія временныя мѣры, съ помощью которыхъ мѣстности, особенно склонныя къ анти-еврейскимъ вспышкамъ, могли бы терпѣливо ожидать окончанія общей преобразовательной работы. Тамъ, гдѣ раздраженіе противъ евреевъ поддерживается въ особенности безконечнымъ рядомъ формально-правильныхъ, но въ сущности несправедливыхъ исковъ, суду—какъ общему, такъ и мировому — слѣдовало бы предоставить бо́льшую свободу въ толкованіи и оцѣнкѣ договоровъ и обязательствъ, болѣе широкое право устранять преувеличенныя требованія, охранять безпомощнаго отвѣтчика противъ ухищреній истца, противъ кабалы, облеченной въ законную форму. Тамъ, гдѣ евреи являются единственнымъ источникомъ кредита, гдѣ населеніе чуть не поголовно состоитъ у нихъ въ неоплатномъ долгу, слѣдовало бы организовать, мѣрами правительства, дешевый кредитъ, доступный и для земледѣльца, и для ремесленника, и для всякаго другого труженика-бѣдняка. Тамъ, гдѣ крайне низокъ уровень народнаго развитія, слѣдовало бы немедленно увеличить число сельскихъ и городскихъ школъ, устроить воскресныя и праздничныя чтенія для взрослыхъ, направивъ ихъ преимущественно къ тому, чтобы поднять способность борьбы за экономическую самостоятельность. Приведенныхъ примѣровъ достаточно, кажется, для поясненія нашей мысли; прибавимъ только, что одно средство не исключаетъ другого, что параллельно съ расширеніемъ правъ суда могла бы идти—вездѣ, гдѣ это было бы признано необходимымъ — и усиленная забота о народномъ образованіи, и организація народнаго кредита. Свѣдѣніями о томъ, какая именно категорія мѣръ особенно соотвѣтствуетъ положенію каждой данной мѣстности, комиссія, учрежденная для обсужденія

еврейскаго вопроса, располагаетъ, безъ сомнѣнія, уже и теперь; не даромъ же произведенъ, въ послѣднее время, цѣлый рядъ изслѣдованій, оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ. Пополнить эти свѣдѣнія, въ случаѣ надобности, было бы весьма легко, путемъ бесѣдъ и изученій на мѣстѣ, лишь бы только они не перешли, по примѣру нѣкоторыхъ другихъ комиссій, въ поспѣшное нанизываніе поверхностныхъ отвѣтовъ на безконечный рядъ формальныхъ вопросовъ. Мы знаемъ изъ газетъ, что одинъ изъ членовъ комиссіи командированъ за границу для ознакомленія съ западно-европейскимъ законодательствомъ о евреяхъ; еще болѣе цѣлесообразнымъ представлялось бы, въ нашихъ глазахъ, посѣщеніе комиссіею хоть нѣкоторыхъ западно-русскихъ и южно-русскихъ городовъ, какъ изъ числа тѣхъ, которые подверглись еврейскимъ погромамъ, такъ и изъ числа тѣхъ, которые ихъ избѣжали. Интересно было бы узнать, напримѣръ, почему анти-еврейское движеніе сосредоточилось почти исключительно въ юго-западномъ углу Россіи, пощадивъ такія еврейскія твердыни, какъ Вильна, Ковно, Динабургъ? Различіе результатовъ, при большомъ наружномъ сходствѣ условій, заслуживаетъ внимательнаго изученія; отрицательная сторона вопроса можетъ освѣтить неожиданнымъ свѣтомъ положительную его сторону.

X.

Валентинъ Ѳедоровичъ Коршъ [1]).

Неожиданная смерть В. Ѳ. Корша тяжело поразила не только многочисленныхъ друзей, не только бывшихъ сотрудниковъ его, но и всѣхъ тѣхъ, кто близко принимаетъ къ сердцу судьбы русской литературы. Въ исторіи русской печати имя покойнаго не будетъ забыто; онъ принадлежалъ ей вполнѣ, посвятилъ ей всю свою жизнь. Тяжела профессія литератора вообще, русскаго литератора — въ особенности; но всего тяжелѣе положеніе редактора русской ежедневной газеты, когда онъ видитъ въ ея изданіи не ремесло, не источникъ дохода, когда онъ плыветъ не по вѣтру, а къ заранѣе намѣченной, свободно выбранной цѣли. Ко всѣмъ затрудненіямъ хлопотливаго, сложнаго, лихорадочно-спѣшнаго, отвѣтственнаго дѣла присоединяется безконечный рядъ мелкихъ и крупныхъ опасностей и столкновеній, съ которыми вовсе или почти вовсе незнакомы западно-европейскіе журналисты; да и у насъ они понятны вполнѣ только прошедшему черезъ ихъ горнило. Немного найдется родовъ дѣятельности, въ которой такъ часто и такъ болѣзненно раздражались бы нервы, такъ скоро тратилось бы здоровье и спокойствіе духа. Подъ дамокловымъ мечемъ можно было по крайней мѣрѣ сидѣть смирно; здѣсь нужно постоянно двигаться, хотя бы это движеніе и напоминало иногда вращеніе бѣлки въ колесѣ Нужно быть въ одно и то же время осторожнымъ и торопливымъ, сдержаннымъ и рѣшительнымъ; нельзя быть робкимъ, но нельзя быть и смѣлымъ. Нужно обладать гро-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1883 г., августъ.

мадной памятью—или терять много времени на справки съ спискомъ запретныхъ вопросовъ; нужно быть не только внимательнымъ къ настоящему, но и предусмотрительнымъ по отношенію къ будущему, не подчиненному никакимъ законамъ и потому неуловимому. Нужно держаться средняго пути между двумя крайностями—угодливостью передъ публикой и совершеннымъ игнорированіемъ ея потребностей и привычекъ; нужно поднимать массу читателей все выше и выше, не ожидая отъ нея непосильныхъ скачковъ и не спускаясь на ея уровень. Лѣтъ двадцать тому назадъ ко всему этому прибавлялась еще одна трудность, теперь устраненная только отчасти: мало было лицъ, способныхъ и готовыхъ отдать себя всецѣло одной газетной работѣ. Раздѣленіе труда на правильныхъ началахъ было немыслимо; редакторъ — конечно, редакторъ дѣйствительный, а не номинальный—долженъ былъ брать на себя слишкомъ многое, почти разрываться на части. Обѣщанныя статьи запаздывали или не появлялись вовсе; пробѣлы, созданные красными цензорскими чернилами, не всегда легко было пополнить. А между тѣмъ, требованія отъ газеты росли, возвышаемыя именно ея усиліями раздвинуть старинную, тѣсную рамку; редакторъ и ближайшіе его сотрудники должны были въ одно и то же время работать и учиться, вызывать новыя потребности и находить способы къ ихъ удовлетворенію.

Все сказанное нами примѣнимо вполнѣ къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», въ первое время редактированія ихъ В. Ѳ. Коршемъ (съ 1863 г.). До тѣхъ поръ, по справедливому замѣчанію одного изъ бывшихъ сотрудниковъ покойнаго, газетъ въ современномъ, европейскомъ смыслѣ этого слова у насъ не существовало. Изъ числа немногихъ изданій, выходившихъ ежедневно или по нѣскольку разъ въ недѣлю, одни находились какъ бы въ казенномъ управленіи, редактировались должностными лицами; другія, обезпеченныя монополіей объявленій, влачились по пробитой колеѣ, вяло и рутинно, не заботясь объ улучшеніяхъ. Журналы давно уже сдѣлались живою силой; газеты отставали отъ нихъ чуть не на цѣлое поколѣніе. А между тѣмъ, ряды читающей публики раздвигались все шире и шире, интересъ къ текущимъ событіямъ увеличивался быстро и постоянно. Телеграфы и желѣзныя дороги приблизили насъ къ Европѣ; еще важнѣе было то, что сама Россія стала немного больше походить на Европу, жизнь смѣнила въ

ней застой и стала до извѣстной степени доступной для обсужденія. Одни ежемѣсячные журналы не могли удовлетворить вновь нарождавшихся потребностей; появлялся запросъ не только на новости дня, но и на анализъ, идущій рука объ руку съ фактическими сообщеніями. Попытки реформы въ ежедневной журналистикѣ начались вслѣдъ за измѣненіемъ общихъ и спеціально-цензурныхъ условій (назовемъ, для примѣра, «Русскій Дневникъ» Мельникова, преобразованную «Сѣверную Пчелу», «Современное Слово» г. Писаревскаго),—но, по тѣмъ или другимъ причинамъ, онѣ не имѣли прочнаго успѣха, и рѣзкій поворотъ на новый путь совершился не раньше 1863 г., когда «Московскія Вѣдомости» сданы были въ аренду г. Каткову, «С.-Петербургскія Вѣдомости»—В. Ѳ. Коршу, и въ то же время основанъ «Голосъ» г. Краевскаго. Начиная съ формата, все измѣнилось въ газетахъ; это было для нихъ такимъ же критическимъ моментомъ, какимъ было для толстыхъ журналовъ, за четверть вѣка передъ тѣмъ, появленіе обновленныхъ «Отечественныхъ Записокъ». Небывалое прежде обиліе иностранныхъ и въ особенности внутреннихъ корреспонденцій, внимательное отношеніе къ провинціальной жизни, выдающаяся роль передовыхъ статей — всѣ эти наружныя отличительныя черты современной газеты вырабатывались въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», при обстановкѣ сравнительно неблагопріятной, ничуть не меньше, чѣмъ въ органахъ г.г. Краевскаго и Каткова. Новой редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» предстояло изгладить впечатлѣніе, произведенное на читателей намѣренной безсодержательностью и безцвѣтностью газеты за послѣдніе полгода до перехода ея въ руки В. Ѳ. Корша. Ея матеріальное положеніе было стѣснено и высокимъ, относительно, размѣромъ арендной платы, и обязательнымъ печатаніемъ въ казенной типографіи [1]). Хорошимъ администраторомъ и хозяиномъ В. Ѳ. никогда не былъ; ошибки, сдѣланныя имъ, вслѣдствіе этого, въ самомъ началѣ изданія, давали себя чувствовать очень долго. Мы упоминаемъ объ этомъ только для того, чтобы напомнить объ одной изъ заботъ, непрерывно тяготѣвшихъ надъ В. Ѳ. Коршемъ. Борьба за существованіе газеты часто была для него борьбой за личное существованіе—но на способѣ веденія первой горечь второй никогда не отра-

[1]) Монополія частныхъ объявленій прекратилась весьма скоро послѣ того, какъ В. Ѳ. сдѣлался редакторомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

жалась. Въ выборѣ путей В. Ѳ. никогда не руководствовался ихъ выгодностью — ни тою, которая обусловливается безопасностью изданія, ни тою, которая зависитъ отъ степени распространенія его въ публикѣ.

Увеличеніе объема и расширеніе содержанія газетъ, бо́льшая полнота и бо́льшее разнообразіе газетныхъ извѣстій, ускоренное ихъ сообщеніе—все это составляло только часть задачи, поставленной на очередь двадцать лѣтъ тому назадъ. Гораздо важнѣе и гораздо труднѣе было дать газетѣ строго выдержанное направленіе, опредѣленную политическую физіономію. Предварительная цензура не только существовала еще въ полной силѣ, но вступала именно въ то время въ новый фазисъ, неблагопріятный для литературы. 1862-ой годъ былъ ознаменованъ первыми крупными мѣрами строгости противъ журналовъ: «Современникъ» и «Русское Слово» подверглись временному запрещенію. Снисходительные, просвѣщенные цензора конца пятидесятыхъ годовъ сошли или сходили со сцены. Мѣсяцъ спустя послѣ перехода «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» подъ редакцію В. Ѳ. Корша цензурное вѣдомство было подчинено министерству внутреннихъ дѣлъ, т.-е. П. А. Валуеву (вмѣсто А. В. Головнина). Если прибавить къ этому, что необходимость особо бдительнаго наблюденія за газетами успѣла уже тогда сдѣлаться руководящимъ принципомъ цензурнаго управленія, то мы получимъ ясное понятіе о подводныхъ камняхъ, посреди которыхъ сразу очутилась новая редакція. Уже въ концѣ перваго мѣсяца, если не измѣняетъ намъ память [1]), В. Ѳ. получилъ отъ тогдашняго президента академіи наукъ негласное предостереженіе о неудовольствіи, вызываемомъ газетою. Положеніе дѣлъ усложнилось еще больше, когда въ томъ же мѣсяцѣ вспыхнулъ мятежъ въ Царствѣ Польскомъ. Мало того, что для всѣхъ сообщеній и статей, относившихся къ этому предмету, была установлена особая цензура: газетѣ стали вмѣнять въ вину самое ея молчаніе, отъ нея стали ожидать, почти требовать, чтобы она говорила въ извѣстномъ смыслѣ и извѣстномъ тонѣ. Пассивное противодѣйствіе этимъ требованіямъ—объ активномъ вскорѣ нельзя было и думать—заставляло опасаться каждую минуту за существованіе редакціи. Чѣмъ сдер-

[1]) Пишущій эти строки принималъ постоянное участіе въ трудахъ редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» съ 1863 по 1865 г.

жаннѣе она, по необходимости, относилась къ жгучему вопросу минуты, тѣмъ больше овладѣвалъ вниманіемъ читателей громкій, торжествующій голосъ «Московскихъ Вѣдомоетей». Одна часть публики, увлекаясь теченіемъ, начинала упрекать петербургскую газету въ недостаткѣ патріотизма; другая досадовала на ея недомолвки, на ея кажущуюся безцвѣтность, не вникая въ причины, вслѣдствіе которыхъ приходилось дѣйствовать ей именно такъ, а не иначе. Будущему историку этой эпохи предстоитъ сдѣлать сравнительную оцѣнку тѣхъ противоположныхъ направленій, выраженіемъ которыхъ явились, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, органы В. Ѳ. Корша и г. Каткова. Онъ приметъ, конечно, въ соображеніе крайнее неравенство условій, въ которыя они были поставлены; онъ не забудетъ, что на категорическія утвержденія и безцеремонный крикъ одного другой могъ отвѣчать только шопотомъ, намеками, полу-словами. Такіе факты, какъ запрещеніе «Времени» за статью г. Страхова (!), помогутъ ему понять, до чего была доведена тогда свобода мнѣній по «роковому вопросу». Взвѣсивъ все это, онъ найдетъ, быть можетъ, что умѣрять разгорѣвшуюся страсть было дѣломъ болѣе полезнымъ и почтеннымъ, чѣмъ разжигать ее; въ подливаніи масла на огонь не предстояло никакой надобности, положеніе вещей не требовало бранныхъ пѣсенъ Тиртея. Онъ скажетъ, быть можетъ, что образъ дѣйствій В. Ѳ. Корша въ 1863 г.—или, лучше сказать, проглядывающая сквозь искусственный туманъ основная мысль редактора—напоминаетъ, mutatis mutandis и въ сильно уменьшенныхъ размѣрахъ, отношеніе Кобдена и Брайта къ восточной войнѣ въ 1854—55 гг. И ихъ называли измѣнниками, людьми безъ чести и сердца—до тѣхъ поръ, пока не прошла воинственная горячка, пока не была отдана справедливость чистотѣ ихъ побужденій и даже ихъ политическому такту. Роль «Московскихъ Вѣдомостей» представляетъ, наоборотъ—съ тою же оговоркой, какая сдѣлана нами выше—большое сходство съ ролью «Times», какъ глашатая войны противъ Россіи. Газета, подхватившая господствующую ноту и повторяющая ее съ настойчивостью и искусствомъ, часто воображаетъ себя—и довольно легко признается другими—истинною внушительницею тѣхъ чувствъ, которыхъ, въ сущности, она служитъ только отголоскомъ. Происходитъ нѣчто въ родѣ оптическаго обмана, болѣе или менѣе продолжительнаго, смотря по степени ясности атмо-

сферы; слагаются легенды, тѣмъ болѣе прочныя, чѣмъ менѣе удобно критическое отношеніе къ ихъ источникамъ. Ореолъ подобной легенды до сихъ поръ освѣщаетъ еще, хотя и слабо, редактора «Московскихъ Вѣдомостей»; наивные или близорукіе люди до сихъ поръ готовы считать г. Каткова чуть не спасителемъ Россіи. Способствуетъ живучести этого взгляда и то обстоятельство, что онъ какъ будто бы говоритъ за могущество печати, даже русской; русское общественное мнѣніе — такова общепринятая на этотъ счетъ фраза—въ первый разъ высказалось рѣшительно и громко въ 1863 г., и ораторомъ его выступилъ г. Катковъ, создавшій, такимъ образомъ, въ новѣйшей русской исторіи роль народнаго трибуна. Отчего же, спрашивается, никто не заступилъ его въ этой роли, отчего русская печать только одинъ разъ выступила рѣшительницей нашихъ историческихъ судебъ?.. Не ясно ли, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ одной изъ тѣхъ фантасмагорій, которыя такъ легко возникаютъ и такъ упорно держатся въ полу-мракѣ? Не ясно ли, что въ подавленіи возстанія, въ отклоненіи иностраннаго вмѣшательства русская печать, да и русское общественное мнѣніе играли роль немногимъ бо́льшую, чѣмъ муха на рогахъ пашущаго вола? Апрѣльскія депеши кн. Горчакова были продолженіемъ вѣковой политики нашего правительства; заявленія печати и адресовъ не могли придать имъ много вѣса уже потому, что Европа не привыкла вѣрить ни въ самостоятельность подцензурныхъ газетъ и журналовъ, ни во внутреннюю силу демонстрацій, требующихъ предварительнаго разрѣшенія. Если намъ укажутъ на длинный рядъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ въ интересахъ крестьянскаго населенія западныхъ губерній и Царства Польскаго, то мы отвѣтимъ, что за нихъ одинаково стояли, въ мірѣ печати, и приверженцы, и противники крайнихъ репрессій; вся разница заключалась въ томъ, что со стороны «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» защита Н. А. Милютина и его системы была послѣдовательна, со стороны «Московскихъ Вѣдомостей»—явно непослѣдовательна. Первыя стояли за льготы польскимъ крестьянамъ по убѣжденію въ ихъ справедливости, послѣднія—по убѣжденію въ ихъ практической пригодности. Ненадежна та политика, которая держится однихъ началъ на востокѣ, другихъ—на западѣ, однихъ—въ центрѣ, другихъ—въ пограничныхъ областяхъ государства. Если многое, предпринятое въ западныхъ губерніяхъ на пользу массы, не удалось или

не было доведено до конца, то главную причину этого прискорбнаго факта слѣдуетъ искать именно въ побѣдѣ воззрѣній, пользовавшихся поддержкой «Московскихъ Вѣдомостей», надъ взглядами, которымъ никогда не измѣнялъ ихъ менѣе счастливый соперникъ. Противорѣчіе между общимъ политическимъ настроеніемъ и характеромъ управленія въ одной изъ окраинъ было возможно только до тѣхъ поръ, пока продолжалось возстаніе или была свѣжа память о немъ. Въ послѣднемъ счетѣ сдѣланное одной рукой оказалось подточеннымъ другою. Если бы активъ «Московскихъ Вѣдомостей», за время съ 1863 по 1865 г., и былъ настолько великъ, какъ это думаютъ, по старой памяти, слѣпые поклонники ихъ и рутинеры однажды установившейся традиціи, то онъ во всякомъ случаѣ далеко перевѣшивался бы ихъ пассивомъ, уже тогда достигшимъ громадныхъ размѣровъ.

Мы упомянули о взглядахъ, которыхъ неуклонно держался В. Ѳ. Коршъ. Краткая ихъ формула слѣдующая: служеніе принципамъ, лежащимъ въ основаніи «великихъ реформъ», логическое и всестороннее проведеніе ихъ въ жизнь, безостановочное и широкое ихъ развитіе. Чтобы понять, какимъ образомъ подобная программа могла сдѣлаться для газеты источникомъ неисчислимыхъ затрудненій, достаточно припомнить, что реакція противъ реформъ слѣдовала за ними почти непосредственно и продолжалась, съ большей или меньшей силой, въ теченіе всей двѣнадцатилѣтней дѣятельности В. Ѳ. Корша, какъ редактора «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (1863—74). При составленіи новаго закона о печати предполагалось ограничить примѣненіе административныхъ каръ случаями «явно вреднаго направленія» газетъ или журналовъ; не прошло, однако, и мѣсяца со времени введенія въ дѣйствіе закона, какъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» (въ сентябрѣ 1865 г.) получили уже первое предостереженіе—*первое* не только для нихъ, но и для всей русской печати—за статью, обсуждавшую отдѣльный, частный вопросъ (о продажѣ государственныхъ имуществъ) и никакого общаго направленія не обнаруживавшую. Сочувствіе земству сдѣлалось небезопаснымъ уже на второй годъ дѣятельности земскихъ учрежденій, въ особенности послѣ закрытія ихъ въ петербургской губерніи; сочувствіе новому суду могло быть понято какъ признакъ неблагонамѣренности уже послѣ первыхъ приговоровъ петербургскаго окружнаго суда по дѣламъ печати.

Сочувствіе основнымъ началамъ крестьянской реформы вело къ протесту противъ искаженія ихъ въ дѣйствительности, къ указанію пробѣловъ, требовавшихъ пополненія; между тѣмъ, оффиціальнымъ лозунгомъ эпохи было *несуществованіе крестьянскаго вопроса*, по крайней мѣрѣ какъ вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ. Въ этомъ смыслѣ онъ считался навсегда порѣшеннымъ и практикою, и закономъ. Допускалось, зато, и очень охотно, существованіе вопросовъ сельско-хозяйственнаго и сельско-административнаго—другими словами, допускалась возможность и, можетъ быть, даже необходимость наложить руку на крестьянское самоуправленіе, на крестьянскую поземельную общину. Защита реформъ становилась, такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ оппозиціи, даже тогда, когда она стояла на почвѣ совершившихся уже фактовъ. Постоянно оставаться на этой почвѣ она не могла уже потому, что нужно же было дать себѣ отчетъ въ причинахъ реакціи, нужно же было обобщить и объяснить длинный рядъ событій, приведшихъ къ полной перемѣнѣ фронта. Каждый шагъ на этомъ пути былъ обставленъ почти непреодолимыми преградами; газетѣ не удавалась даже ясная и опредѣленная постановка вопроса—но уже самыя попытки его поставить давали поводъ къ обвиненіямъ, подъ тяжестью которыхъ рано или поздно должна была пасть редакція.

Incidit in Scyllam, qui vult vitare Charibdin. Харибду, которой старался избѣжать и въ концѣ концовъ все-таки не избѣжалъ В. Ѳ. Коршъ, мы уже указали; Сциллой для него было осужденіе тѣхъ, кто не понимаетъ лавированія. Мы видѣли уже, что въ самый разгаръ польскаго вопроса нападенія противъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» исходили изъ двухъ источниковъ, совершенно разнородныхъ; то же самое слѣдуетъ сказать и о позднѣйшемъ періодѣ ихъ исторіи—томъ періодѣ, когда сложилась въ нашей сатирѣ знаменитая формула: «должно сознаться, но съ другой стороны нельзя не признаться». Мы не станемъ утверждать, что для появленія этой формулы не было рѣшительно никакихъ основаній. Мягкій, гуманный отъ природы, умѣренный по убѣжденіямъ, В. Ѳ. не былъ и не могъ быть однимъ изъ тѣхъ бойцовъ, въ которыхъ типично выражается духъ эпохи; какъ всѣмъ приверженцамъ середины, ему суждено было возбуждать неудовольствіе и направо, и налѣво. Справедливо ли было рѣзкое выраженіе этого неудовольствія,

доходившее до упрека въ «пѣнкоснимательствѣ»—это другой вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго мы здѣсь не входимъ. Напомнить о спорѣ, давно затихшемъ, мы нашли нужнымъ только для того, чтобы обрисовать всю неприглядность положенія, много лѣтъ сряду тяготѣвшаго надъ В. Ѳ. Коршемъ. Быть обвиняемымъ, въ одно и то же время, въ дерзости и въ трусостн, въ «потрясеніи основъ» и въ бережномъ обращеніи съ рутиной—это судьба почти трагическая, испытаніе, почти превышающее человѣческія силы. Удивляться нужно не тому, что «С.-Петербургскія Вѣдомости», подъ редакціей В. Ѳ. Корша, не всегда держались на одной и той же высотѣ, а тому, что онѣ до самаго конца оставались лучшей русской газетой.

Разсказывать подробности катастрофы, постигшей В. Ѳ. Корша въ концѣ 1874 г., теперь еще не время. Извѣстно, что главной ея причиной было отношеніе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» къ вопросу объ учебной реформѣ; извѣстна также дальнѣйшая судьба газеты, сразу утратившей все то, что было дано ей трудами В. Ѳ. Корша. Характерна для личности покойнаго та любовь, которую онъ сохранилъ, несмотря на всѣ разочарованія, къ газетному дѣлу. Всѣ мечты, всѣ усилія его были направлены къ тому, чтобы возвратиться къ истощающей, неблагодарной, но дорогой его сердцу работѣ. Благопріятный, по видимому, случай представился довольно скоро, въ началѣ 1877 г.; кружокъ литераторовъ и лицъ, интересующихся литературой, далъ средства на преобразованіе спеціально юридическаго «Судебнаго Вѣстника» въ политическую ежедневную газету: «Сѣверный Вѣстникъ» (1877). Во главѣ предпріятія сталъ, неоффиціально, В. Ѳ. Коршъ. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что главнымъ побужденіемъ всѣхъ или по крайней мѣрѣ многихъ вкладчиковъ было желаніе открыть ему вновь доступъ къ прежней дѣятельности и пополнить пробѣлъ, образовавшійся въ нашей журналистикѣ вслѣдствіе разрушенія прежней редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Обстоятельства, при которыхъ началось изданіе «Сѣвернаго Вѣстника», оказались, однако, рѣшительно неблагопріятными для новой газеты—а для того, чтобы поправиться и стать на ноги, ей не хватило существенно-важнаго условія: времени. Восточная война выдвинула на первый планъ телеграммы и корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій; въ развитіи этого отдѣла газета, только-что основанная и бѣдная средствами, не могла соперн-

ничать съ другими, крѣпко ставшими на ноги и богатыми органами ежедневной печати. В. Ѳ. Коршъ, по всему своему умственному складу, былъ по преимуществу журналистомъ мирнаго, нормальнаго времени. Это время не наступило и по окончаніи войны; начало внутренней смуты послужило смертнымъ приговоромъ для «Сѣвернаго Вѣстника», запрещеннаго черезъ нѣсколько дней послѣ оправданія Вѣры Засуличъ. Мѣсто, которое занимали въ печати «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1863—74 г., къ занятію котораго былъ близокъ «Сѣверный Вѣстникъ», остается пустымъ до сихъ поръ; въ попыткахъ замѣстить его не было недостатка, но онѣ постоянно разбивались о внѣшнія преграды. Руководящаго участія въ этихъ попыткахъ В. Ѳ. не принималъ, хотя и стоялъ къ нимъ болѣе или менѣе близко. Послѣднимъ журнальнымъ предпріятіемъ его было редактированіе «Заграничнаго Вѣстника». Журналъ, въ которомъ наукѣ отводилось столько же мѣста, сколько и беллетристикѣ, а выборъ беллетристическихъ произведеній производился съ строгимъ разборомъ, оказался безсильнымъ конкуррировать съ заурядными поставщиками переводныхъ повѣстей и романовъ.

В. Ѳ. Коршъ былъ не только воинствующимъ публицистомъ, но и широко-образованнымъ знатокомъ политическихъ наукъ и литературы. Читателямъ «Вѣстника Европы» безъ сомнѣнія памятны его періодическіе обзоры иностранныхъ книгъ (1876 г.), его критическія статьи о Вольтерѣ, о Мирабо-отцѣ, объ эпохѣ Фридриха-Вильгельма II-го и многія другія, появлявшіяся въ нашемъ журналѣ до 1881 г.—всегда основательныя, изящно изложенныя, полныя мысли и интереса. Тѣми же качествами отличается и все написанное имъ для предпринятой подъ его редакціею, «Всеобщей исторіи литературы». Если бы газетная, редакціонная работа не захватила его съ самаго начала въ свои тиски [1]), изъ него бы могъ выработаться замѣчательный критикъ или историкъ. Его жизнь протекла бы тогда, по всей вѣроятности, болѣе спокойно и счастливо, окончилась бы, быть можетъ, не такъ рано; написанному имъ была бы суждена, быть можетъ, бо̀льшая долговѣчность—но е́два-ли

[1]) Въ помощники редактора «Московскихъ Вѣдомостей» В. Ѳ. поступилъ чуть ли не прямо съ университетской скамьи; затѣмъ онъ сдѣлался редакторомъ ихъ и сохранялъ эту должность до взятія въ аренду «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

увеличилась бы сумма принесенной имъ пользы. Газетныя статьи рѣдко переживаютъ минуту—но это еще не значитъ, что онѣ проходятъ безслѣдно. Впечатлѣніе ихъ неуловимо, но какъ нельзя болѣе реально. Ежедневная бесѣда съ массой читателей, руководимая честною, свободною мыслью—это своего рода проповѣдь, освѣщающая путь, бросающая сѣмена, укрѣпляющая отростки. Для русской печати, какъ и для русскаго общества, далеко не безразлично, что въ ея средѣ много лѣтъ сряду дѣйствовалъ В. Ѳ. Коршъ. Онъ оставилъ преданія, могущія служить точкой опоры—и вмѣстѣ съ тѣмъ масштабомъ для измѣренія уклоненій отъ настоящей дороги. Образъ добросовѣстнаго, глубоко убѣжденнаго человѣка, справедливаго даже къ своимъ противникамъ, разборчиваго въ выборѣ оружій, враждебнаго всему грубому, пошлому, циничному, чуждаго погони за легкой наживой, долго сохранитъ свое обаяніе для всѣхъ тѣхъ, кто видитъ въ печати нѣчто бо̀льшее, чѣмъ средство къ достиженію мелкихъ, личныхъ цѣлей.

XI.

Возвращеніе правительства [1]).—«Русь» и «Вѣстникъ Европы».

...«Господа, встаньте: правительство идетъ, правительство возвращается!. Не вѣрите»?.. Это восклицаніе, благодаря особымъ акустическимъ условіямъ нашей прессы, раздалось чрезвычайно громко и сдѣлалось центральнымъ событіемъ истекшаго мѣсяца. Итакъ, правительство только теперь возвращается изъ продолжительнаго безвѣстнаго отсутствія? Мы прожили чуть не два десятка лѣтъ безъ правительства, сами того не зная и не замѣчая? Открытіе по истивѣ поразительное, стоющее того, которое сдѣлалъ Мольеровскій bourgeois gentilhomme, когда узналъ, что всю жизнь безсознательно говорилъ прозой. Правда, съ словомъ: *правительство* московскіе пророки соединяютъ понятіе совершенно особаго рода, мало сходное съ общепринятымъ. Правительство, въ ихъ глазахъ—это по преимуществу сила пресѣкающая, запрещающая и карающая, сила, сфера дѣйствій которой исчерпывается, если можно такъ выразиться, XIV-мъ и XV-мъ томами свода законовъ, съ прибавкой развѣ заботливости объ интересахъ той или другой излюбленной группы. И съ этой спеціальной точки зрѣнія, однако, представленіе о «возвращающемся правительствѣ» не перестаетъ быть чѣмъ-то крайне фантастичнымъ. Началомъ «системы упраздненія государственной власти» признается университетскій уставъ 1863-го года. Возьмемъ его и мы за исходную точку нашего ретроспективнаго взгляда и спросимъ себя,

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1884 г., ноябрь, общественная хроника.

отсутствовало ли правительство — правительство въ смыслѣ «Московск. Вѣдомостей»—когда, по выраженію поэта, преобразовательныя мѣры, одна за другой, «теряли должные размѣры и съ трескомъ пятились назадъ»? Отсутствовало ли оно, когда измѣнялась подсудность сначала для дѣлъ печати, потомъ для дѣлъ политическихъ, потомъ для дѣлъ о неповиновеніи власти и объ оскорбленіи должностныхъ лицъ, когда административная ссылка принимала все болѣе и болѣе обширные размѣры, когда ограничивалась и de facto, и de jure новорожденная свобода печати, когда упразднялось земство въ петербургской губерніи и принимались общія мѣры противъ гласности и свободы преній въ земскихъ собраніяхъ? Отсутствовало ли оно, когда совершилась, въ семидесятыхъ годахъ, реформа среднихъ учебныхъ заведеній и начальныхъ училищъ? Отсутствовало ли оно, когда каждая изъ такъ-называемыхъ «университетскихъ исторій» влекла за собою рядъ строгихъ взысканій, когда увольнялись безъ прошенія университетскіе профессора и временно закрывались двери того или другого университета? Отсутствовало ли оно — переходимъ къ эпохѣ сравнительно недавней—когда издавалось положеніе о чрезвычайной и усиленной охранѣ, когда вступали въ силу и получали широкое примѣненіе «временныя» правила о печати 1882-го года? Не трудно было бы доказать «присутствіе» правительства даже въ унижаемую, поносимую теперь эпоху «новыхъ вѣяній» или «диктатуры сердца»; достаточно припомнить, что административныя взысканія по дѣламъ печати не прекращались и въ періодъ времени съ августа 1880-го по апрѣль 1881-го года.

Итакъ, не по разуму усердный глашатай ошибся: судъ, передъ обратнымъ шествіемъ котораго насъ приглашаютъ встать, вовсе не удалялся съ своего мѣста. Или, быть можетъ, подъ именемъ «возвращенія правительства» слѣдуетъ понимать возвращеніе къ правительственнымъ порядкамъ давно минувшаго времени—времени, окончившагося за нѣсколько лѣтъ до изданія университетскаго устава 1863 г.? «Новый университетскій уставъ,—говорятъ намъ,—важенъ не для одного учебнаго дѣла; онъ предначинаетъ собою возобновленіе правительства, возвращеніе властей къ ихъ обязанностямъ. Или только въ учебной сферѣ, а не повсюду правительство должно возвратиться къ своимъ обязанностямъ? Зло созданнаго уставомъ 1863 г. положенія университетовъ обнаружило свою природу

лишь при дальнѣйшемъ движеніи законодательства, которое продолжало начатое этимъ уставомъ дѣло. Въ свою очередь, и новый университетскій уставъ не можетъ приносить плоды свои, если все вокругъ будетъ насмѣшкой надъ нимъ и отрицаніемъ его. Законодательство начало свое врачующее дѣйствіе съ учебныхъ заведеній, и поступило мудро; здѣсь начало. Но оно очутилось бы въ противорѣчіи съ самимъ собою, если бы осталось при началѣ ничего не начинающемъ». Другими словами, судьба университетскаго устава 1863 г. должна постигнуть и всѣ послѣдующія преобразованія: независимость судей, судъ присяжныхъ, земское и городское самоуправленіе, безцензурная печать—все это должно исчезнуть или радикально видоизмѣниться, все должно быть приведено къ одному новому знаменателю. Что же, невозможнаго тутъ нѣтъ ничего; весь вопросъ въ томъ, что изъ этого выйдетъ. Въ спискѣ реформъ, обреченныхъ на паденіе, недостаетъ одной, самой важной. Моментъ, къ которому слѣдуетъ возвратиться, не даромъ помѣченъ 1863-мъ годомъ; университетская реформа, очень мало, въ сущности, связанная со всѣми другими, не даромъ поставлена во главу угла. Это позволило обойти настоящую исходную точку преобразовательной работы — Положенія 19 февраля 1861 г. Отъ *нихъ*, а не отъ устава 1863 г., пошло движеніе, предаваемое теперь анаѳемѣ; *ихъ* естественнымъ, неизбѣжнымъ результатомъ было созданіе новаго судебнаго и административнаго устройства, новаго русскаго общества. *Ихъ* нужно было бы поколебать, чтобы воскресить старину—а на это не поднимется рука у самаго смѣлаго изъ нашихъ Геростратовъ. Дореформенные суды, справлявшіеся кое-какъ съ дѣлами высшихъ и среднихъ сословій, сразу оказались бы несостоятельными, если бы поставить ихъ лицомъ къ лицу съ освобожденной массой народа; дореформенная администрація, имѣвшая тысячи добровольныхъ и не оплачиваемыхъ агентовъ въ лицѣ помѣщиковъ, сразу почувствовала бы себя безпомощной и безсильной, если бы возложить на ея плечи наслѣдство земскаго, городского и крестьянскаго самоуправленія. Возстановить учрежденія можно однимъ почеркомъ пера—но чѣмъ и какъ возстановить обстановку, съ которой они были неразрывно связаны?... Насъ пугаютъ «всеобщимъ упадкомъ дисциплины и политической нравственности»; намъ совѣтуютъ заглянуть, чтобы убѣдиться въ этомъ, «въ наши суды, въ нашу литературу, цензурную и без-

цензурную, *въ наши правительственныя* и неправительственныя *учрежденія, отъ низшихъ до высшихъ включительно»*. Положимъ, что мы увидѣли бы тамъ все, что́ насъ хотятъ заставить видѣть; что́ же слѣдовало бы отсюда, какъ не абсолютная невозможность отыскать для старыхъ формъ старое, нигдѣ не существующее болѣе содержаніе? Цѣлый строй жизни рухнулъ, четверть вѣка тому назадъ, въ уготованную имъ самимъ могилу; поднять изъ нея можно только его призракъ. Онъ будетъ, можетъ быть, *казаться* живымъ — но оптическій обманъ разсѣется, рано или поздно, при соприкосновеніи съ дѣйствительностью, и отъ продолжительности его будетъ зависѣть только число вызванныхъ имъ ошибокъ.

Существуетъ англійская поговорка: кто желаетъ убить собаку, тотъ сначала называетъ ее дурнымъ именемъ (т.-е. обвиняетъ ее въ дурномъ дѣлѣ). Этой поговоркой какъ бы руководствуются наши газетные реакціонеры по отношенію къ осуждаемымъ ими на смерть реформамъ. Реформамъ приписываются разные вредные результаты, сплошь и рядомъ зависящіе отъ совершенно другихъ причинъ—и добытый такимъ образомъ матеріалъ обращается въ основу смертнаго приговора. Эта процедура продолжается даже тогда, когда приговоръ исполненъ—отчасти для того, чтобы предупредить попытки оживленія умершаго, отчасти для того, чтобы подготовить осужденіе слѣдующей серіи обвиняемыхъ. На могилѣ только-что почившаго университетскаго устава можно было бы уже теперь соорудить цѣлый памятникъ изъ каменьевъ, набросанныхъ его врагами. Нетрудно себѣ представить, какую службу сослужили, въ этомъ отношеніи, кіевскіе студенческіе безпорядки. Они являются «итогомъ двадцатилѣтняго періода», послѣднимъ словомъ деморализаціи, внесенной этимъ періодомъ въ среду профессоровъ и студентовъ. А студенческія исторіи 1861 г. въ Петербургѣ и Москвѣ—онѣ также были порожденіемъ періода, который тогда еще не наступалъ, послѣдствіемъ устава, который не былъ еще ни изданъ, ни даже написанъ? Между этими «исторіями» и недавними безпорядками проходитъ соединительная нить, не прерывающаяся ни на минуту, и уже по этому одному сотканная не «безконтрольною властью» самоуправлявшихся профессорскихъ коллегій... Уставу 1863 г. ставится въ вину, что онъ не вдохнулъ въ кіевскихъ профессоровъ и студентовъ силу противодѣйствія вреднымъ элементамъ. Но вѣдь

нашлась же такая сила, по словамъ самихъ обвинителей, въ Московскомъ университетѣ, и между студентами, и между профессорами; отчего же октябрьскія событія въ Москвѣ не вносятся въ активъ прежнихъ порядковъ, послѣ того какъ поспѣшно и радостно внесены были въ ихъ пассивъ сентябрьскія событія въ Кіевѣ? Оба университета жили одинаково долго подъ властью одного и того же закона; если отношеніе ихъ къ безпорядкамъ оказалось существенно различнымъ, то не ясно ли, что причину безпорядковъ нельзя видѣть въ тлетворномъ вліяніи похороненнаго устава? И въ самомъ дѣлѣ, старый уставъ оказывается тутъ рѣшительно ни при чемъ. Столь же мало, какъ и новый, онъ благопріятствовалъ развитію между студентами духа товарищеской солидарности. Если авторитетъ профессоровъ не вездѣ достаточно силенъ, общеніе ихъ съ студентами—недостаточно тѣсно, то слишкомъ наивно было бы ожидать въ этомъ отношеніи перемѣны къ лучшему отъ одного только упраздненія выборнаго начала. Не на повѣрочныхъ испытаніяхъ, не путемъ правилъ о зачетѣ полугодій установляется близость между преподавателями и слушателями—та близость, въ которой дѣйствительно заключается лучшая гарантія противъ студенческихъ безпорядковъ. И эта гарантія, однако, не можетъ быть признана безусловной. Въ тысячной массѣ всегда могутъ найтись отдѣльныя единицы, не подчиняющіяся господствующему настроенію. Сойтись между собою такимъ единицамъ тѣмъ легче, чѣмъ слабѣе связь между всѣми членами массы—а собравшись въ десятки, онѣ могутъ уже нарушить правильное теченіе университетской жизни. За нарушенія, идущія изъ этого источника, масса студентовъ отвѣтственна столь же мало, какъ масса народа—за преступленія нѣсколькихъ безумцевъ. Чего можно требовать отъ студентовъ, не желающихъ смуты? Рукопашной расправы съ ея зачинщиками? Такъ далеко не идутъ даже самые рьяные адвокаты круговой отвѣтственности. Протеста противъ намѣреній меньшинства? Но такой протестъ, какъ видно изъ примѣра Москвы, безсиленъ, самъ по себѣ, для предупрежденія безпорядковъ. Да и кто же, наконецъ, уполномоченъ на заявленіе протеста въ такой формѣ, которая могла бы дать ему внушительную силу, сдѣлать его оплотомъ спокойствія и тишины?

Въ прекрасной, во многихъ отношеніяхъ, статьѣ, которую посвятила «Русь» вопросу объ университетскихъ безпорядкахъ, редакція московской газеты не могла, къ сожалѣнію, обойтись безъ обычныхъ «боковыхъ ударовъ» (Seitenhiebe) въ сторону «либерализма». Повторяя, уже далеко не въ первый разъ, но по-прежнему безъ всякихъ доказательствъ (нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать доказательствомъ ссылку на одну изъ недавнихъ повѣстей В. Крестовскаго-псевдонима), побѣдную пѣснь на тэму: «нашего полку прибыло», газета г. Аксакова сѣтуетъ о томъ, что «поворотное движеніе» въ средѣ молодежи встрѣчаетъ такъ мало поддержки въ мірѣ «знанія и науки» (кавычки въ подлинникѣ, долженствующія, вѣроятно, намекнуть на то, что рѣчь идетъ о *лишломъ* знаніи, мнимой наукѣ). «Если всѣ идеалы болѣе или менѣе отрицательнаго или безнароднаго, антинаціональнаго характера—восклицаетъ редакція «Руси»—разсыпались въ прахъ, обличились или обличаются теперь во всей своей ничтожности, кто же подастъ имъ (молодымъ людямъ) идеалы положительные, свои, народные, которые бы творили изъ нихъ мужей русской земли и народа? Увы! некому, или почти некому, ни научить, ни подать! Наши педагоги, за малыми, очень малыми исключеніями, въ лучшемъ своемъ видѣ представляютъ изъ себя... ну, допустимъ, тотъ же типъ, что̀ и «Вѣстникъ Европы», очень вѣдь приличный и благообразный, чопорный, точно съ послѣдней картинки европейскихъ модъ снятый,—такъ что и сравненіе не обидное. Но журналъ сей съ сотрудниками—это своего рода Бурбоны сороковыхъ годовъ или, правильнѣе—легитимисты буржуазнаго обще-европейскаго «либерализма», которые хвалятся тѣмъ, что ничего не забыли и ничему не научились въ послѣдніе полвѣка ни изъ исторіи Европы, ни тѣмъ менѣе изъ исторіи нашего отечества,—у которыхъ шея закостенѣла въ подобострастномъ наклонѣ къ западу и которыхъ существеннѣйшій догматъ символа вѣры—отрицаніе правъ русской народности на бытовую и духовную самобытность, и вожделѣннѣйшая забота—вытравить изъ русской души всякое вѣрованіе кромѣ единаго: въ европейскую цивилизацію. Тутъ какъ ни ныряй, никакой живой силы, пригодной для бодраго служенія своему народу, не выловишь, никакой живой воды, цѣлительной для измученной русской души, не зачерпнешь».

Если бы дѣло шло только о «Вѣстникѣ Европы» и его сотруд-

никахъ, мы ограничились бы простой перепечаткой этого отрывка; у нашихъ читателей есть всѣ данныя для того, чтобы рѣшить, нарисованъ ли «Русью» удачный портретъ нашего журнала или неудачная его каррикатура. Дѣло идетъ, однако, не о насъ однихъ; «Вѣстникъ Европы» выведенъ на сцену какъ типичный представитель нашихъ педагоговъ, нашего «либерализма», нашего міра «знанія и науки». Мы можемъ говорить, такимъ образомъ, не pro domo sua. Итакъ, у насъ—у *насъ* въ обширномъ смыслѣ этого слова—«закостенѣла шея въ подобострастномъ наклонѣ къ Западу». Къ *какому* Западу? Къ тому ли, который во многомъ сходится съ Востокомъ (или даже отстаетъ отъ него, если припомнить недавнія событія въ Японіи), который создаетъ «антисемитское» движеніе, предпочитаетъ Штеккера — Вирхову, замѣняетъ графа Шамбора донъ-Карлосомъ, вдохновляется папскими энцикликами или рѣчами Виндгорста, мѣшаетъ въ Испаніи постройкѣ протестантскихъ церквей, въ Бельгіи—организаціи свѣтскихъ школъ? Къ тому ли, который недавно увлекался «имперскою» политикой Биконсфильда и продолжаетъ идти по стопамъ князя Бисмарка, сегодня исповѣдуя вмѣстѣ съ нимъ доктрину «желѣза и крови», завтра слѣпо вѣруя въ его соціальные эксперименты? Къ тому ли, который дѣйствуетъ динамитомъ и возводитъ въ догматъ анархію?.. Пора, давно пора понять, что упрекъ въ преклоненіи передъ «Западомъ», какъ и самое названіе: «западникъ», не имѣетъ, въ настоящую минуту, ровно никакого смысла. Уже во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, когда только-что успѣли войти въ моду эти выраженія, группа такъ-называемыхъ западниковъ заключала въ себѣ такіе различные, почти противоположные элементы, какъ Грановскій и Герценъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ западникомъ былъ г. Катковъ, былъ и Добролюбовъ. Теперь оттѣнки, которые можно соединить подъ общимъ именемъ западничества, еще многочисленнѣе, разстояніе между ними—еще гораздо больше. Они видоизмѣняются, становятся болѣе или менѣе рѣзкими, сближаются въ одномъ, расходятся въ другомъ—и среди этого броженія едва-ли остается мѣсто для неподвижнаго пьедестала, на которомъ могъ бы быть прочно водворенъ идолъ «западной» или «европейской» цивилизаціи.

Но, можетъ быть, идоловъ нѣсколько, каждый изъ нихъ олицетворяетъ собою одну изъ сторонъ «Запада», вокругъ каждаго группируется, въ слѣпомъ обожаніи, особая группа поклонниковъ?

Это уже сильно измѣняетъ картину «закостенѣлыхъ въ наклонѣ шей», потому что при множествѣ вдоловъ необходимъ выборъ между ними, а выборъ предполагаетъ извѣстную долю критики и свободы. Разсмотримъ, однако, и эту смѣну декорацій, тѣмъ болѣе, что намъ указываютъ, вмѣстѣ съ главнымъ нашимъ богомъ—Западомъ, и нашего спеціальнаго божка: «буржуазный общеевропейскій либерализмъ». Подъ большимъ сомнѣніемъ находится, прежде всего, самое существованіе этого божка. Свѣдѣнія московской газеты немного запоздали: буржуазный общеевропейскій либерализмъ дѣйствительно процвѣталъ на западномъ Олимпѣ лѣтъ пятьдесятъ, сорокъ тому назадъ, дѣйствительно имѣлъ, въ то время и даже позже, почитателей и у насъ въ Россіи (назовемъ, для примѣра, хотя бы редакторовъ «Русскаго Вѣстника»—конечно «Русскаго Вѣстника» *первой манеры*); но онъ давно уже пониженъ въ званіи или, лучше сказать, вынужденъ былъ раздѣлить свою власть между нѣсколькими божками меньшаго калибра. Нѣтъ уже болѣе общеевропейскаго либерализма, въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно было говорить о немъ въ эпоху общаго увлеченія французскимъ конституціонализмомъ или англійскимъ парламентаризмомъ; прусскіе національ-либералы мало похожи на англійскихъ виговъ (если только виги еще существуютъ), французскій лѣвый центръ — далеко не то же, что̀ лѣвый центръ австрійскаго сейма. То общее, что̀ встрѣчается еще въ программахъ западно-европейскихъ либеральныхъ партій, гораздо менѣе важно, чѣмъ особенности каждой отдѣльной программы.

Если одинъ изъ эпитетовъ божка потерялъ свое значеніе, то не остается ли въ силѣ другой: *буржуазный?* Не обладаетъ ли обрывокъ знамени тою притягательною силой, которою прежде пользовалось цѣлое знамя? Безъ сомнѣнія—нѣтъ. Обрывокъ знамени въ свою очередь разорванъ на части. На одной сохранились однѣ буквы, на другихъ—другія, въ разныхъ сочетаніяхъ. Съ интересами буржуазіи, въ собственномъ смыслѣ слова, вездѣ или почти вездѣ переплелись другіе. Есть, пожалуй, послѣдніе могикане, цѣпляющіеся за каждую іоту старой доктрины—но ихъ немного, число ихъ постоянно уменьшается, то тѣ, то другіе изъ нихъ признаютъ необходимость уступокъ. Меньше всего ихъ найдется именно у насъ, въ нашемъ современномъ мірѣ «знанія и науки»—можетъ быть потому, что у насъ теорія, исключительно благопріятная буржуазіи, меньше

всего имѣла подъ ногами реальную почву. Какъ бы то ни было, пускай намъ укажутъ—въ нашемъ ли журналѣ, въ тѣхъ ли сферахъ, которыя признаются къ нему близкими — признаки тѣхъ тенденцій, которыми характеризуется «общеевропейскій буржуазный либерализмъ»; пускай намъ укажутъ статьи или рѣчи, направленныя въ защиту имущественнаго ценза, неограниченныхъ правъ капитала или поземельной собственности, безусловнаго невмѣшательства власти въ экономическіе вопросы, покровительства меньшинству въ сферѣ земледѣлія или фабричнаго производства, въ сферѣ финансовой, въ сферѣ мѣстнаго самоуправленія. Стоять за крестьянскій поземельный банкъ, за налогъ на наслѣдства, за дополнительное обложеніе крупной промышленности и торговли, за скорѣйшее введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога, за радикальную реформу фабричнаго законодательства, въ смыслѣ возможно большей охраны рабочихъ, за такое устройство мѣстнаго самоуправленія, которое не дѣлало бы его монополіей одного класса и не отдавало бы его въ распоряженіе «властной» помѣщичьей руки, за широкій правительственный контроль надъ акціонерными обществами, за право законодательной власти измѣнять банковые и желѣзнодорожные уставы, устанавлять, въ видахъ общественной пользы, ограниченія частной собственности—это значитъ быть «легитимистомъ общеевропейскаго буржуазнаго либерализма»?—Повторяемъ еще разъ, мы говоримъ здѣсь не объ одномъ лишь «Вѣстникѣ Европы». Стоитъ только раскрыть сочиненія или лекціи любого изъ нашихъ молодыхъ профессоровъ, стоитъ только прислушаться къ преніямъ громаднаго большинства нашихъ земскихъ собраній, чтобы убѣдиться въ томъ, что всѣ намѣченные выше вопросы разрѣшаются и здѣсь не въ смыслѣ «бурзуазнаго легитимизма».

Легитимистами называютъ тѣхъ, которые «ничему не научились и ничего не забыли». Научились ли чему-нибудь представители русскаго «либерализма»—объ этомъ можно судить по всему сказанному до сихъ поръ. Что они не забыли многаго, забытаго другими—это правда, и въ этомъ, быть можетъ, главная разгадка взводимыхъ на нихъ обвиненій. Они не забыли, что самыя существенныя черты «либеральной» программы—черты, о которыхъ «Западъ» больше не споритъ, потому что онѣ имъ всѣ осуществлены—виднѣются передъ нами развѣ «въ прекрасномъ далекѣ»; они не забыли, что́ такое свобода

печати, свобода вѣрованія и мысли, свобода личности — и не забыли значенія этихъ благъ для общественной и народной жизни. Если это признаки легитимизма, то «либераловъ» можно, пожалуй, назвать легитимистами—только легитимистами «либерализма» вообще, а не «общеевропейскаго буржуазнаго либерализма». Заключается ли въ мысли о свободѣ, какъ объ орудіи мирной борьбы за общее благо, «живая сила, пригодная для бодраго служенія своему народу»—это вопросъ, не допускающій одного общаго для всѣхъ рѣшенія. Мы не послѣдуемъ примѣру нашихъ противниковъ, не станемъ утверждать—или намекать,—что одни обладаемъ «живой водою, цѣлительною для измученной русской души»; мы допускаемъ вполнѣ возможность честнаго и даже плодотворнаго служенія народу, вдохновляемаго основными началами славянофильства— лишь бы только проведеніе этихъ началъ шло дальше фразъ и не искажалось сдѣлками съ реакціей. Несовмѣстны съ такимъ служеніемъ только тѣ доктрины, которыя не знаютъ или не хотятъ знать ни интересовъ, ни идей и чувствъ народа, которыя или жертвуютъ всѣмъ въ пользу сословія, группы, кружка, или не видятъ деревьевъ изъ-за лѣса, личности—изъ-за массы. Свобода, понимаемая не какъ цѣль, а какъ средство, не какъ фактическая привилегія немногихъ, а какъ одно изъ условій, необходимыхъ для общаго благосостоянія, не потеряла значенія «живой воды» для всѣхъ тѣхъ, кто вѣритъ въ ея цѣлительную силу.

Къ вопросу о «либерализмѣ» «Русь» примѣшиваетъ еще болѣе старый вопросъ о «самобытности» русскаго народа, упорно игнорируя и здѣсь настоящее, такъ часто и, кажется, такъ ясно высказанное мнѣніе своихъ противниковъ. Все дѣло въ томъ, какъ понимать слово «*самобытность*». «Народъ»—восклицаетъ «Русь» въ другой статьѣ, перефразируя извѣстные стихи Тютчева («умомъ Россію не понять, аршиномъ общимъ не измѣрить; въ Россію можно только вѣрить»)—«организмъ особаго рода, *надъленный особымъ мистическимъ, ни для какого анализа неуловимымъ процессомъ умственныхъ и душевныхъ отправленій*, раскрывающимся лишь въ ходѣ самой жизни и въ историческихъ результатахъ». Съ такимъ опредѣленіемъ *самобытности* согласиться, разумѣется, нельзя—нельзя уже потому, что оно содержитъ въ себѣ явное внутреннее противорѣчіе: если народный духъ «раскрывается въ ходѣ жизни и въ исто-

рическихъ результатахъ», то онъ, слѣдовательно, «уловимъ для анализа», распространяющагося на всѣ явленія исторіи и современной жизни. На *мистическую* самобытность, «непонятную для ума и доступную только вѣрѣ», русская народность—*какъ и всякая другая*—дѣйствительно, въ нашихъ глазахъ, «не имѣетъ права»; но такая мнимая самобытность не имѣетъ ничего общаго съ настоящей самобытностью—съ самобытностью, составляющею не догматъ, а просто результатъ своеобразныхъ условій, при которыхъ совершался вѣковой ростъ народа. Мистическая самобытность—это идолъ, допускающій только поклоненіе, это нѣчто данное разъ навсегда и не подлежащее измѣненію; реальная самобытность—это сложный, видоизмѣняющійся фактъ, имѣющій свои сильныя и свои слабыя стороны. Сильною стороной русской самобытности является, напримѣръ, поземельная община. Было время, когда противъ нея шла походомъ одна часть русскаго «либеральнаго» лагеря, руководившаяся ученіемъ «буржуазной» политической экономіи и не хотѣвшая вѣрить, чтобы община могла уцѣлѣть у насъ, послѣ того какъ она исчезла въ Западной Европѣ; но это время давно прошло, и достаточно было бы самой небольшой дозы литературной добросовѣстности, чтобы замѣтить, откуда идутъ—и въ печати, и въ земствѣ—*современныя* нападенія противъ общиннаго землевладѣнія. Но литературная добросовѣстность требуетъ нѣкотораго вниманія къ мнѣніямъ противника; гораздо легче и удобнѣе повторять зады, настаивать на старыхъ обвиненіяхъ, какъ бы они ни были неумѣстны при данныхъ условіяхъ. Неужели «Русь» не видитъ, съ кѣмъ она становится солидарной, обвиняя «либераловъ» въ «вытравливаніи изъ русской души всякаго вѣрованія, кромѣ единаго—въ европейскую цивилизацію»?..

Наша хроника была уже окончена, когда появилась вторая статья «Московскихъ Вѣдомостей» на тему о «возвращеніи правительства». Мы не ошиблись, прочитавъ въ этихъ словахъ угрозу полнѣйшей реакціи во всѣхъ сферахъ, преобразованныхъ реформами прошедшаго царствованія. Особенной заботливости газета г. Каткова удостоиваетъ, какъ и слѣдовало ожидать, новые суды, земское и городское самоуправленіе и печать, не отступая, въ своемъ усердіи, даже передъ полнѣйшимъ извращеніемъ истины. Можно ли назвать иначе увѣреніе, что «су-

дебная корпорація, такъ же какъ доселѣ университетскія коллегіи, *сама себя пополняетъ*»? Неужели «Московскимъ Вѣдомостямъ» неизвѣстно, что судебнымъ мѣстамъ дано только право представлять кандидатовъ, и то далеко не на всѣ должности, а назначеніе судей зависитъ, de facto, отъ высшей судебной администраціи, столь же часто, по меньшей мѣрѣ, не принимающей, какъ и принимающей во вниманіе представленія суда? Какая доктрина утверждаетъ, что «суды не должны стѣсняться законами въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся собственности, чести, свободы, жизни людей»? Мы всегда думали, что допускаетъ нѣчто подобное только та теорія—или, лучше сказать, та практика,—въ силу которой вопросы о собственности и свободѣ людей рѣшаются вовсе безъ участія суда. «Рѣшенія судебной корпораціи безапелляціонны, въ дѣйствіяхъ своихъ она безотвѣтственна, на ея произволъ кромѣ Бога жаловаться некому». Въ основаніи всѣхъ этихъ чудовищныхъ положеній лежитъ, очевидно, нѣчто выдуманное—лежитъ выдуманная «судебная корпорація», обнимающая собою, будто бы, всѣ суды, начиная съ мировыхъ учрежденій и до кассаціоннаго сената. Ничего подобнаго, конечно, на самомъ дѣлѣ не существуетъ; соединительною нитью между сенаторами и судьями разныхъ степеней служитъ только общность занятій. И ни для кого понятіе объ «отвѣтственности» не является болѣе жизненнымъ и реальнымъ, чѣмъ именно для лицъ судебнаго вѣдомства. Допустить жалобы или протесты на рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ—значило бы, de facto, создать, подъ тѣмъ или другимъ именемъ, еще одну судебную инстанцію, перемѣстить на одинъ шагъ дальше предѣльную точку судебнаго производства; достаточнымъ доказательствомъ этому служитъ въ прошедшемъ—департаментъ гражданскихъ дѣлъ государственнаго совѣта, въ настоящемъ—только-что учрежденное временное присутствіе при государственномъ совѣтѣ.

Самоуправленіе, въ глазахъ московскихъ мудрецовъ—это отдача одной части населенія въ управленіе другой. Не ясно ли, что здѣсь смѣшивается одинъ изъ возможныхъ результатовъ самоуправленія—самоуправленія, дурно устроеннаго, основаннаго на фальшивой избирательной системѣ—съ самой идеей, выражающейся въ словѣ: self-government? «Всякому законному интересу предоставить голосъ, сообразить его труды съ другими законными интересами и каждому дать возможное удо-

влетвореніе, это можетъ быть дѣломъ только государственной власти... Предоставить каждому въ своемъ дѣлѣ свободу, это хорошо, это должно; совсѣмъ иное—предоставить частному интересу власть надъ другими». Трудно представить себѣ бо́льшую путаницу понятій; здѣсь и знаменитое опредѣленіе свободы, какъ возможности для каждаго заниматься своимъ особымъ, личнымъ дѣломъ, и смѣшеніе борьбы партій съ борьбою «частныхъ интересовъ», и игнорированіе того, что органами «государственной власти» могутъ быть и выборныя учрежденія. Ограничимся однимъ, послѣднимъ замѣчаніемъ. Если каждому «законному интересу» долженъ быть «предоставленъ голосъ», безъ обращенія къ выборному началу, то способъ для подачи голоса остается только одинъ: свобода печати. Что́ же дѣлаютъ «Московскія Вѣдомости» съ этою свободой? Онѣ признаютъ ее только за «честными мнѣніями», не установляя никакихъ признаковъ, по которымъ можно было бы отличить честное мнѣніе отъ нечестнаго. Или нѣтъ, мы ошиблись: одинъ признакъ ими косвенно указанъ: это *извѣстность говорящаго правительству* (извѣстность, вѣроятно, «съ хорошей стороны»). «Ежедневно,—читаемъ мы въ концѣ статьи,—раздаются по всей странѣ голоса неизвѣстныхъ правительству людей, которымъ, однакоже, дается отъ правительства полномочіе заставлять (!?) весь читающій міръ (значитъ, всѣ читаютъ одно и то же?), въ одинъ и тотъ же моментъ, думать такъ или иначе о томъ или другомъ предметѣ». Итакъ, изгнаніе изъ печати «неизвѣстныхъ правительству людей»—вотъ новый лозунгъ, провозглашенный московскимъ фанатизмомъ. «Сдается мнѣ,—читаемъ мы въ вышедшей на дняхъ новой книгѣ нашего сатирика,—что, не будь этой надежды (надежды на снисходительность начальства), не было бы, пожалуй, и русской литературы, а были бы однѣ «Московскія Вѣдомости». Нѣчто подобное носится, очевидно, передъ умственнымъ взоромъ московской редакціи: пускай-молъ не будетъ русской литературы—«Московскія Вѣдомости» во всякомъ случаѣ останутся, а больше вѣдь ничего и не нужно!

XII.

Сословное прожектерство [1]).

Во время сильнаго отлива выступаютъ на видъ островки, отмели, кампи, при обыкновенныхъ условіяхъ скрывающіеся подъ водою. Нѣчто подобное бываетъ и въ политикѣ; чѣмъ дальше назадъ отступаютъ ея волны, тѣмъ больше выдвигаются изъ-подъ нихъ отжившія учрежденія, забытыя идеи, угасшія надежды. Сначала, пока волна еще близка и возвращеніе ея вѣроятно, на отмель отправляются только немногіе смѣльчаки; потомъ къ нимъ присоединяются другіе, все въ большемъ и большемъ числѣ, а при продолжительности отлива возникаетъ, наконецъ, и мысль о возобновленіи постройки, смытой или поврежденной высокою водою. Въ послѣдній изъ этихъ фазисовъ вступила теперь та политическая отмель, которая называется сословностью. Приверженцы принципа, еще недавно стоявшаго, по нѣмецкому выраженію, auf dem Aussterbeetat, т.-е. предназначеннаго къ оставленію за штатомъ, перешли не только отъ обороны къ наступленію, но и отъ общихъ фразъ къ болѣе или менѣе опредѣленнымъ проектамъ. Образцомъ такого прожектерства служитъ статья г. Пазухина, напечатанная въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (№ 1). Правда, и она не договариваетъ до конца, многое—и самое существенное—только намѣчаетъ въ главныхъ чертахъ; но Римъ построенъ не въ одинъ день, и мы доживемъ, быть можетъ, и до той минуты, когда упадутъ послѣдніе покровы. Осторожность и постепенность, съ которою дѣйствуютъ рыцари сословности, представляется, во

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1885 г., мартъ, внутреннее обозрѣніе.

всякомъ случаѣ, весьма характерной. Внѣшнихъ стѣсненій для нихъ не существуетъ; къ недомолвкамъ, намекамъ, подходамъ ихъ ничто не вынуждаетъ—а они все-таки не поднимаютъ вполнѣ своего забрала. Отрицательной сторонѣ вопроса въ статьѣ г. Пазухина отведено гораздо больше мѣста, чѣмъ положительной; мы ясно видимъ, что̀ онъ хочетъ разрушить, но можемъ только догадываться о томъ, что̀ и какъ онъ хочетъ построить. Какъ бы то ни было, среди тьмы не лишены значенія и небольшіе проблески свѣта.

Сословность, въ глазахъ г. Пазухина—это рай, который потеряла Россія и въ который она должна возвратиться. Поэма, какъ у Мильтона, состоитъ, такимъ образомъ, изъ двухъ частей—и послѣдняя часть, какъ у Мильтона, гораздо слабѣе первой. Дѣло въ томъ (и здѣсь, конечно, исчезаетъ сходство съ англійскимъ поэтомъ), что пѣснь о потерянномъ раѣ пропѣта авторомъ проекта по давно извѣстнымъ, въ новой редакціи только слегка измѣненнымъ и дополненнымъ нотамъ Кто не слыхалъ, напримѣръ, гимна въ честь мировыхъ посредниковъ, при которыхъ все шло къ лучшему въ наилучше устроенномъ мірѣ? Что̀ новаго представляютъ всякія варіаціи на тему объ отсутствующемъ правительствѣ, сѣтованія на «поворотъ отъ порядка къ безурядицѣ, отъ законоуваженія къ паденію авторитета власти», совершившійся, будто бы, во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ анархіи, организованной земскимъ положеніемъ и узаконенной судебными уставами? Неотъемлемою собственностью г. Пазухина слѣдуетъ признать только ту прямолинейность, съ которою онъ сводитъ самыя разнообразныя явленія, дѣйствительныя и воображаемыя, къ одной причинѣ—къ упадку сословнаго начала. Отсюда утрата нравственной связи между властью и народомъ, отсюда неустойчивость правительственныхъ системъ, отсюда стремленіе къ наживѣ, отсюда нигилизмъ или, по крайней мѣрѣ, его быстрое развитіе, отсюда враждебное отношеніе интеллигенціи къ народу (!) и къ историческому государственному строю. Нетрудно себѣ представить, насколько вѣрна картина, вся закрашенная, такимъ образомъ, одною краскою. Хотите ли знать, напримѣръ, чѣмъ объясняются слухи о передѣлѣ земель, упорно держащіеся въ средѣ крестьянства? «Противодворянскою политикою» прошлаго царствованія. «Лишеніе служебныхъ привилегій,—говоритъ г. Пазухинъ,—не могло не смутить населеніе,

привыкшее въ дворянахъ видѣть царскихъ слугъ. Правительственная политика была понята крестьянами въ томъ смыслѣ, что царь наказываетъ дворянъ за вражду къ нему и неповиновеніе его волѣ». Итакъ, крестьяне имѣютъ опредѣленное понятіе о свойствѣ и объемѣ дворянскихъ «служебныхъ привилегій» и могутъ дать себѣ ясный отчетъ въ каждой перемѣнѣ, относящейся къ этому предмету? Деревенское населеніе «смущается» изданіемъ новыхъ правилъ о порядкѣ производства въ чины или о пріемѣ дѣтей въ военныя гимназіи? Приходя въ соприкосновеніе съ должностными лицами, оно справляется прежде всего о томъ, записаны ли они въ дворянскую родословную книгу? По-истинѣ изумительное открытіе, достаточное для того, чтобы прославить имя г. Пазухина! Допустимъ, однако, что вопросъ о происхожденіи должностныхъ лицъ имѣетъ для крестьянъ ту важность, которую придаетъ ему нашъ авторъ, и посмотримъ, что̀ изъ этого выйдетъ. Непосредственнымъ начальникомъ крестьянъ является, въ уѣздной администраціи, непремѣнный членъ крестьянскаго присутствія. Кто онъ такой? *Обязательно* дворянинъ. Кого видятъ крестьяне во главѣ крестьянскаго присутствія, воинскаго присутствія, уѣзднаго земскаго собранія? Уѣзднаго предводителя дворянства. Къ какому сословію принадлежитъ, въ девяти случаяхъ изъ десяти, мировой судья? Къ дворянскому. Какимъ же образомъ крестьянину, на каждомъ шагу встрѣчающемуся съ власть имѣющимъ дворяниномъ, можетъ придти въ голову, что дворяне поголовно удалены отъ власти за неповиновеніе царю?.. Съ другой стороны, кому неизвѣстенъ настоящій источникъ слуховъ, упоминаемыхъ г. Пазухинымъ? Кто не помнитъ, что они ходили въ народѣ еще до освобожденія крестьянъ и усилились въ первые годы послѣ 19-го февраля, когда существовала въ полномъ цвѣтѣ власть мировыхъ посредниковъ, и принципу сословности не было еще нанесено ни одного удара?... Еще одинъ примѣръ: «истинное значеніе крестьянъ—по мнѣнію г. Пазухина,—состоитъ въ ихъ сословной организаціи, достаточно крѣпкой для обороны отъ вторженія въ крестьянскую среду элементовъ обезличенной Россіи». Итакъ, ошибались всѣ тѣ, которые видѣли главную особенность нашего крестьянства въ поземельной общинѣ, въ тѣсно связанныхъ съ этой формой землевладѣнія обычаяхъ и взглядахъ; сельскіе старосты и волостныя правленія—вотъ истинные носители и коренные устои народной жизни.

Не вполнѣ яснымъ остается только одно: причисляетъ ли г. Пазухинъ кулаковъ и міроѣдовъ къ «элементамъ обезличенной Россіи»? Если да, то непроницаемость «сословной организаціи» оказывается мечтою; если нѣтъ, то можно ли дорожить организаціею, на почвѣ которой вырастаютъ сами собою такіе ядовитые цвѣты?

Выводя все хорошее изъ сословности и все дурное изъ отступленій отъ этой панацеи, г. Пазухинъ ищетъ доказательствъ своей теоріи не только въ ближайшемъ, но и въ отдаленномъ прошедшемъ. Маленькій и узенькій масштабъ, служащій ему мѣриломъ для реформъ минувшаго царствованія, прикидывается имъ и къ другой великой эпохѣ нашей исторіи — къ преобразованіямъ Петра. Ларчикъ и здѣсь открывается съ необыкновенною легкостью. «Петръ, — читаемъ мы у г. Пазухина, — совершилъ важныя преобразованія сословій. Реформы шестидесятыхъ годовъ были построены на отрицаніи сословій. Петръ усилилъ дѣятельность общественныхъ союзовъ, обновилъ сословную жизнь притокомъ въ нее новыхъ силъ. Реформы шестидесятыхъ годовъ внесли въ эту жизнь начало разложенія. Петръ организовалъ народныя силы. Реформы шестидесятыхъ годовъ ихъ разрушили (!). Петръ обновилъ наши историческіе устои. Реформы прошлаго царствованія сдвинули насъ съ этихъ устоевъ». Этими немногими антитезами объясняется, въ глазахъ автора, тотъ фактъ, что политическій организмъ Россіи, вышедшій изъ Петровскихъ преобразованій, «поражаетъ стальною крѣпостью, между тѣмъ какъ политическій организмъ современной Россіи расшатанъ и разслабленъ». *Стальная крѣпость* русскаго политическаго тѣла въ XVIII вѣкѣ подлежитъ большому сомнѣнію (припомнимъ, напримѣръ, хорошо ли она выдержала испытаніе пугачевщины) — но если и признать ее безспорною, то остается еще доказать причинную ея связь съ табелью о рангахъ, духовнымъ регламентомъ, первою ревизіею и учрежденіемъ ратушъ, гильдій и цеховъ (таковы, въ перечнѣ г. Пазухина, самыя существенныя изъ Петровскихъ сословныхъ нововведеній). Между реформами Петра и Александра II прошло слишкомъ полтора вѣка — и какіе полтора вѣка! Дополненнымъ и исправленнымъ изданіемъ первыхъ послѣднія не могли быть уже потому, что Европа второй половины XIX столѣтія имѣетъ очень мало общаго съ Европой Людовика XIV, Карла XII и Фридриха-Вильгельма I. Другого госу-

дарственнаго устройства, кромѣ сословнаго, Петръ Великій по ту сторону своей западной границы не видѣлъ; теперь сословія тамъ не существуютъ или не играютъ больше никакой серьезной роли. Не въ этомъ, впрочемъ, главная разгадка поворота къ безсословности, совершившагося при Александрѣ II; она лежитъ въ несостоятельности русскихъ сословныхъ учрежденій, обнаружившейся такъ ярко въ критическія минуты восточной войны 1853—56 гг.

Паладины сословности любятъ рисовать мрачныя картины русской жизни послѣ изгнанія изъ рая; но для того, чтобы правильно оцѣнить значеніе потери, нужно быть хорошо знакомымъ съ достоинствами потеряннаго. Положимъ, что земскія собранія дѣйствуютъ плохо—но какъ дѣйствовали дореформенныя дворянскія собранія? Положимъ, что новые суды оставляютъ желать весьма многаго—но какую память оставили по себѣ выборные уѣздные судьи и члены гражданскихъ и уголовныхъ палатъ? Сравненій этого рода мы не найдемъ ни у г. Пазухина, ни у другихъ поборниковъ старины — а между тѣмъ, матеріалъ для нихъ встрѣчается на каждомъ шагу, встрѣчается даже въ настоящемъ, потому что рядомъ съ безсословными учрежденіями у насъ и теперь существуетъ немало сословныхъ. «Отличительная черта нашего земства,— говоритъ г. Пазухинъ,— есть случайность его состава и направленія. Съѣздъ частныхъ землевладѣльцевъ есть сборъ отдѣльныхъ единицъ, разъединенныхъ общественнымъ положеніемъ, образомъ жизни, воспитаніемъ и уровнемъ нравственныхъ понятій. Самая численность съѣзда можетъ колебаться отъ крайне низкой нормы до громадной цифры нѣсколькихъ сотенъ, если какому-нибудь земцу вздумается устроить избирательную агитацію... Земство можетъ быть хорошо въ одномъ уѣздѣ и очень плохо въ другомъ, съ нимъ смежномъ. Въ теченіе одного трехлѣтія оно можетъ дѣятельно и добросовѣстно вести дѣла своего управленія, а въ слѣдующее трехлѣтіе въ этомъ же самомъ земствѣ могутъ водвориться порядки самаго безсовѣстнаго хищенія и возмутительныхъ злоупотребленій». Которое изъ этихъ положеній, спрашивается, непримѣнимо къ сословнымъ — напр., дворянскимъ — собраніямъ и учрежденіямъ? Кто станетъ отрицать, что ихъ составъ сплошь и рядомъ зависитъ отъ случая, въ одномъ году бываетъ одинъ, въ другомъ—другой, иногда удачный, иногда крайне слабый? Кому неизвѣстны контрасты между

двумя сосѣдними уѣздами, изъ которыхъ въ одномъ предводитель дворянства — почти все, въ другомъ—ничто? Если кто-нибудь забылъ древнюю исторію дворянскихъ собраній, съ ихъ скандалами, съ ихъ интригами, съ предводительскими обѣдами, съ арміями мелкопомѣстныхъ, привозимыхъ и содержимыхъ на счетъ магнатовъ, тотъ можетъ найти повтореніе тѣхъ же явленій—въ нѣсколько меньшихъ развѣ размѣрахъ—въ весьма недавнемъ прошломъ: ссылаемся на «достовѣрное свидѣтельство» обновленныхъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» [1]). «Общественное положеніе» теперь менѣе чѣмъ когда-либо опредѣляется происхожденіемъ; между дворянами можетъ существовать такая же разница въ образѣ жизни, въ воспитаніи, въ уровнѣ нравственныхъ понятій, какъ и между личными землевладѣльцами, встрѣчающимися на земскомъ избирательномъ съѣздѣ. Убѣдиться въ томъ, что сословный характеръ собранія не даетъ ему никакихъ преимуществъ передъ безсословнымъ, можно еще другимъ путемъ: сравненіемъ губернскихъ земскихъ собраній—тамъ, гдѣ они составлены исключительно или почти исключительно изъ дворянъ (т.-е. въ большинствѣ такъ называемыхъ дворянскихъ губерній)—съ уѣздными, всегда и вездѣ соединяющими въ себѣ представителей всѣхъ сословій. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что значительно бо̀льшая часть плодотворной земской работы сдѣлана руками уѣздныхъ земскихъ собраній. Объясняется это отчасти, безъ сомнѣнія, самымъ кругомъ дѣйствій тѣхъ и другихъ; но развѣ такой результатъ былъ бы возможенъ, если бы сословность, an und für sich, была столь неоцѣненнымъ, ничѣмъ не замѣнимымъ благомъ? Развѣ возможно было бы, при томъ же условіи, успѣшное соперничество въ земскомъ дѣлѣ губерній не-дворянскихъ (напр. вятской) съ дворянскими?... Есть, наконецъ, пробный камень, еще болѣе надежный, чѣмъ всѣ остальные: сравненіе того, что̀ сдѣлало дворянство въ восемьдесятъ лѣтъ своей корпоративной жизни (т.-е. со времени обнародованія дворянской граматы до введенія въ дѣйствіе положенія о земскихъ учре-

[1]) «Снова во многихъ мѣстахъ Россіи, — говорила, годъ тому назадъ, консервативная газета, — увидѣли мы погоню за званіемъ предводителя, увидѣли, какъ люди, ставшіе предводителями, начали, какъ то бывало прежде, тратить свои состоянія на представительство, на обѣды и ужины, какъ, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, начинаютъ возить на выборы, конечно на свой счетъ, цѣлые вагоны голосовъ».

жденіяхъ), съ тѣмъ, что̀ сдѣлало всесословное земство въ четвертую часть этого времени. Правда, условія, при которыхъ работало—или, лучше сказать, не работало—дворянство, были крайне неблагопріятны; но кто же скажетъ, что земство постоянно пользовалось попутнымъ вѣтромъ? Менѣе всего это могутъ утверждать именно проповѣдники сословности, потому что вся эпоха дѣятельности земства представляется въ ихъ глазахъ непрерывнымъ рядомъ смутъ и замѣшательствъ всякаго рода.

Съ полемической стороной разбираемой нами статьи мы познакомились достаточно; натянутыя историческія параллели, вкривь и вкось истолкованные факты, аргументы по меньшей мѣрѣ обоюдоострые—вотъ орудія, съ помощью которыхъ авторъ усиливается сокрушить безсословность вообще и безсословное земство въ особенности. Великодушно отказываясь отъ безусловнаго возвращенія къ прошлому, онъ полагаетъ, однако, что «вѣрная и ясно сознанная идея не должна дѣлать уступокъ заблужденію, не должна входить въ сдѣлки съ ложью». Реформа земскихъ и городскихъ учрежденій должна состоять, по его мнѣнію, «въ замѣнѣ безсословнаго начала сословнымъ, въ установленіи *представительства отъ сословій, вмѣсто представительства отъ случайныхъ группъ разнаго рода имущественниковъ*» (курсивъ автора). Этого мало; необходимо еще искоренить «фикцію о политическомъ равенствѣ сословій, объ одинаковой ихъ политической правоспособности»—фикцію, мѣшающую «установленію правильныхъ, нормальныхъ отношеній между сословіями». «*Эти нормальныя отношенія явятся только тогда, когда дворянство станетъ снова служилымъ и вмѣстѣ высшимъ земскимъ сословіемъ*» (также курсивъ автора). Таковы положительныя требованія, предъявляемыя г. Пазухинымъ. Опредѣленными ихъ можно назвать только сравнительно съ общими мѣстами и намеками романтиковъ сословности. Что̀ такое дворянство, какъ «высшее земское сословіе»? Какую степень вліянія и власти нужно ему предоставить, чтобы упрочить за нимъ перевѣсъ надъ другими сословіями? Имѣется ли при этомъ въ виду одно только мѣстное или также общее государственное управленіе? Какъ далеко должны идти преимущества дворянства по отношенію къ государственной службѣ? Какими обязанностями должны уравновѣшиваться его права? Всѣ эти вопросы остаются безъ разрѣшенія. Не совсѣмъ ясно даже и то,

предполагается ли сохранить земскія учрежденія, измѣнивъ только ихъ составъ, или замѣнить ихъ учрежденіями сословными, вполнѣ отдѣльными другъ отъ друга. Остановимся на первомъ предположеніи, болѣе благопріятномъ для автора проекта, и посмотримъ, чего можно ожидать отъ его осуществленія.

«Являясь представительствомъ всѣхъ, — говоритъ г. Пазухинъ, — земскія учрежденія не могутъ быть серьезнымъ представительствомъ какихъ-либо опредѣленныхъ интересовъ: не имѣя никакой связи съ бытовыми союзами, не находясь подъ ихъ нравственнымъ контролемъ, гласные земскихъ собраній могутъ безнаказанно примѣнять на практикѣ свои личныя, случайныя воззрѣнія, идущія въ разрѣзъ съ интересами и взглядами этихъ бытовыхъ союзовъ, которые собственно и составляютъ русскій народъ». Итакъ, «серьезнымъ представительствомъ» земскія учрежденія сдѣлаются только тогда, когда будутъ состоять изъ уполномоченныхъ отъ «бытовыхъ союзовъ», т.-е. отъ сословій, имѣющихъ свои «опредѣленные интересы». Неужели авторъ проекта не замѣчаетъ, къ чему логически ведетъ это общее положеніе? «Опредѣленные интересы» сословій не могутъ совпадать между собою — иначе незачѣмъ было бы и заботиться объ отдѣльномъ представительствѣ сословій. Уполномоченные сословій, отстаивая ихъ интересы, неизбѣжно будутъ сталкиваться между собою; разногласіе между ними будетъ непримиримымъ, потому что исходныя ихъ точки сплошь и рядомъ будутъ противоположны. Преданность сословнымъ интересамъ можетъ быть умѣстна и полезна въ собраніи односословномъ по своему составу, вѣдающемъ дѣла одного только сословія; въ собраніи смѣшанномъ, вѣдающемъ дѣла общія всему населенію, она можетъ привести либо къ анархіи, либо къ пренебреженію одними интересами въ пользу другихъ, сильнѣе представленныхъ. Система г. Пазухина, прямо провозглашающая первенство одного сословія, оставляетъ мѣсто только для послѣдняго исхода. Она не даетъ свободы «личнымъ воззрѣніямъ», могущимъ идти въ разрѣзъ съ сословными интересами; она вводитъ нѣчто въ родѣ повелительныхъ полномочій (mandat impératif), заранѣе предрѣшая образъ дѣйствій каждаго гласнаго, обусловливая его исключительно взглядами сословнаго избирательнаго собранія. «Нравственный контроль бытового союза» — это не что иное, какъ

постоянная угроза тому, кто рѣшился бы возвыситься надъ узко-сословной точкой зрѣнія. Сословіе — въ особенности господствующее сословіе — можетъ все простить, все забыть, кромѣ такъ называемой измѣны сословнымъ традиціямъ или интересамъ. Подобно тому, какъ до освобожденія крестьянъ злоупотребленія помѣщичьей власти находили, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, охрану и потворство среди дворянъ,— терпимымъ, иногда даже поощряемымъ окажется и теперь образъ дѣйствій вредный для массы, но окрашенный, хотя бы поверхностно, преданностью корпоративнымъ интересамъ. Доказательствъ этому можно было бы привести не мало; ограничимся однимъ, случайно попавшимся намъ подъ руку и относящимся къ самому послѣднему времени. «Второго февраля, — читаемъ мы въ «Новомъ Времени» (№ 3218) со словъ кіевской «Зари»,— выѣхалъ изъ Роменъ въ Петербургъ графъ Ламздорфъ, командированный по Высочайшему повелѣнію въ роменскій уѣздъ по дѣлу объ одномъ крупномъ землевладѣльцѣ-дворянинѣ роменскаго уѣзда, высланномъ изъ полтавской губерніи, по распоряженію кіевскаго генералъ-губернатора, за эксплоатацію крестьянъ при дачѣ имъ въ займы денегъ. Графъ Ламздорфъ пробылъ въ Ромнахъ около двухъ недѣль и открылъ массу злоупотребленій этого господина, буквально державшаго въ кабалѣ крестьянъ пяти волостей, въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ. *Интересно, что когда ростовщикъ былъ высланъ изъ полтавской губерніи, многіе дворяне роменскаго уѣзда выдали ему одобрительное свидѣтельство, въ которомъ перечисляли заслуги, оказанныя имъ обществу*». «Нравственный контроль бытового союза» оказался, такимъ образомъ, на сторонѣ лица, имѣющаго, по видимому, весьма мало правъ на одобреніе общества; но дѣятельность этого лица никогда, по всей вѣроятности, не была направлена противъ дворянъ или дворянства, по отношенію къ нимъ въ его прошедшемъ нашлись даже кое-какія заслуги — и больше ничего не было нужно, чтобы упрочить за нимъ сочувствіе и защиту его товарищей по сословію. Удивительнаго здѣсь нѣтъ ничего — удивительно было бы скорѣе противоположное явленіе. Снисходительность къ вѣрнымъ сочленамъ, строгость къ отщепенцамъ, позволяющимъ себѣ руководствоваться «личными воззрѣніями» — это характеристическія черты всякаго привилеги-

рованнаго сословія, растущія въ прямой пропорціи съ объемомъ и прочностью его привилегій.

Въ чемъ заключаются, далѣе, реальные, «опредѣленные» интересы дворянства по отношенію къ управленію уѣздомъ? Гдѣ основаніе для обособленія этихъ интересовъ отъ другихъ, иносословныхъ? Задача мѣстнаго управленія — благосостояніе *всего* мѣстнаго населенія, всѣхъ его классовъ и разрядовъ. Для всѣхъ живущихъ въ уѣздѣ должно быть одинаково важнымъ все способствующее поднятію его матеріальнаго и нравственнаго уровня. «Представительство всѣхъ» является, поэтому, единственнымъ «серьезнымъ представительствомъ»; именно ему, и ему одному, свойственно попеченіе объ «опредѣленныхъ интересахъ» мѣстности, а не объ «опредѣленныхъ интересахъ» той или другой группы мѣстныхъ жителей. Разбить представительство по сословіямъ — значитъ пожертвовать общимъ въ пользу частнаго, искусственно создать партикуляризмъ, разнуздать эгоистическія чувства. Возьмемъ, для примѣра, ту часть земской работы, которая всего успѣшнѣе подвигалась впередъ въ рукахъ всесословнаго земства: земскую народную школу. Сознавая и чувствуя себя представителями *населенія*, гласные всѣхъ категорій и всѣхъ сословій могли одинаково принимать къ сердцу распространеніе начальнаго обученія, хотя его плодами *непосредственно* пользовалось почти одно только крестьянство. Совершенно инымъ будетъ положеніе сословныхъ представителей, обязанныхъ отчетомъ передъ своимъ «бытовымъ союзомъ». Гласные отъ дворянъ невольно спросятъ самихъ себя, соотвѣтствуютъ ли значительные расходы на начальную школу «опредѣленнымъ интересамъ» дворянства — и непремѣнно разрѣшатъ этотъ вопросъ отрицательно, развѣ если кто-нибудь изъ нихъ увлечется «личными воззрѣніями» и забудетъ объ ожидающемъ его судѣ сословныхъ избирателей. И въ самомъ дѣлѣ, для дворянства начальная школа — въ особенности школа правильно организованная, развивающая и развивающаяся — по меньшей мѣрѣ совершенно безразлична; нетрудно придти и къ такому заключенію, что она прямо противорѣчитъ «опредѣленнымъ дворянскимъ интересамъ»... При сословномъ устройствѣ земства не могъ бы даже и возникнуть вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, не могло бы быть рѣчи о томъ длинномъ рядѣ земскихъ ходатайствъ, проектовъ, попытокъ, результатомъ которыхъ явился

крестьянскій поземельный банкъ. Переходъ отъ натуральныхъ повинностей къ денежнымъ, единодушное осужденіе податныхъ привилегій, созданіе земской статистики, широкая организація земской медицины — всѣ эти свѣтлыя страницы въ исторіи земства были бы немыслимы, если бы оно было построено на сословной почвѣ, съ преобладаніемъ «высшаго земскаго сословія», т.-е. дворянства.

Намъ могутъ замѣтить, что для антагонизма интересовъ есть мѣсто и при нынѣшнемъ устройствѣ земства, что интересы личныхъ землевладѣльцевъ не тождественны съ интересами крестьянъ-общниковъ, интересы города—съ интересами деревни, что de facto преобладающая роль въ земскихъ собраніяхъ почти вездѣ принадлежала и принадлежитъ дворянамъ— и тѣмъ не менѣе земскія учрежденія оказались способными къ дѣятельности на *общую* пользу. Все это такъ — но именно потому существующіе земскіе порядки и не удовлетворяютъ приверженцевъ сословности. Дворяне, избираемые въ гласные не дворянствомъ, являются въ земскомъ собраніи не повѣренными своего сословія, обязанными оберегать его спеціальныя выгоды, а просто мѣстными жителями, свободными въ выборѣ того или другого образа дѣйствій. Личные землевладѣльцы не соединены ни между собою, ни съ своими избирателями, такою тѣсною связью, которая вынуждала бы ихъ стоять, во что бы то ни стало, за интересы своей группы; то же самое можно сказать и о представителяхъ городовъ и сельскихъ обществъ. Бываютъ, безъ сомнѣнія, случаи, въ которыхъ большинство гласныхъ отъ личныхъ землевладѣльцевъ расходится съ большинствомъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, расходится именно потому, что желательное для однихъ ненужно или непріятно для другихъ; но разногласіе этого рода не можетъ сдѣлаться хроническимъ, неустранимымъ, потому что ни на той, ни на другой сторонѣ нѣтъ сплоченной фаланги, дѣйствующей по навязанной извнѣ программѣ, по обязательному для всѣхъ паролю. Ни одной группѣ не дано, притомъ, рѣшительнаго преобладанія надъ остальными; какъ ни искусственна система, принятая земскимъ положеніемъ при распредѣленіи гласныхъ между различными разрядами избирателей, она имѣетъ во всякомъ случаѣ то достоинство, что исключаетъ возможность численнаго перевѣса гласныхъ отъ личныхъ землевладѣльцевъ. Проектъ г. Пазухина не только вводитъ въ земство представительство

по сословіямъ—онъ отрицаетъ въ принципѣ равенство сословій, т.-е. предрѣшаетъ вопросъ о составѣ земскихъ собраній въ смыслѣ обезпеченія большинства за уполномоченными дворянства. Дворянству предназначается роль полновластнаго распорядителя, остальнымъ сословіямъ—роль скромныхъ совѣтниковъ, мнѣніе которыхъ, въ случаѣ разномыслія, всегда должно стушеваться передъ голосомъ «высшаго земскаго сословія». Каково бы ни было отношеніе между долями земскихъ налоговъ, упадающими на каждое сословіе, опредѣлять размѣръ этихъ налоговъ и способъ ихъ употребленія будетъ, de facto, одно дворянство; оно же будетъ выбирать должностныхъ лицъ, облеченныхъ властью надъ всѣми сословіями. *Самоуправленіе* сословій обратится, такимъ образомъ, въ *управленіе* одного изъ нихъ—управленіе, направленное прежде всего къ охраненію «опредѣленныхъ интересовъ» правящаго сословія.

Во имя чего же, однако, должна быть совершена такая крутая перемѣна въ нашей государственной жизни? Во имя особыхъ административныхъ способностей дворянства, доказанныхъ исторіею? Доказано ею, наоборотъ, полнѣйшіе отсутствіе такихъ способностей, полнѣйшее безсиліе дворянства — какъ сословія—совладать даже съ задачами болѣе скромными, чѣмъ та, которую теперь предлагаютъ возложить на него. Во имя образованности, больше распространенной въ средѣ дворянства, чѣмъ въ средѣ другихъ общественныхъ классовъ? Но отчего же, въ такомъ случаѣ, не обратиться прямо къ рѣшающему признаку, отчего же не сдѣлать образованіе—независимо отъ происхожденія — источникомъ извѣстныхъ правъ, условіемъ занятія извѣстныхъ должностей? Во имя высшаго нравственнаго развитія, служащаго гарантіей добросовѣстности и честности? Но эти качества не составляютъ монополіи одного сословія; взяточничеству въ дореформенной полиціи, въ дореформенныхъ судахъ ничуть не мѣшало избраніе полицейскихъ чиновниковъ и судей дворянствомъ и изъ среды дворянства; примѣры «хищенія» встрѣчались и въ сословныхъ дворянскихъ учрежденіяхъ (припомнимъ процессъ владимірскаго губернскаго предводителя дворянства, рѣшенный сенатомъ лѣтъ тринадцать тому назадъ). Во имя политической благонадежности дворянства? Но благонадежнымъ, съ этой точки зрѣнія, оказалось и земство, потому что нельзя же считать проявленіемъ неблагонадежности столкновенія земскихъ учрежденій съ мѣстной адми-

нистраціей, весьма часто ничѣмъ существенно не отличающіяся отъ дореформенныхъ пререканій между губернаторами и губернскими предводителями дворянства. Г. Пазухинъ напоминаетъ, какъ «правительство, по поводу злодѣяній подпольной крамолы, дѣлало воззваніе къ безсословной Россіи и получало въ отвѣтъ холодное выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ и полное равнодушіе къ затрудненіямъ, въ которыхъ оно находилось». Не станемъ спорить о вѣрности указываемыхъ здѣсь фактовъ и спросимъ только одно: что̀ и какъ отвѣчали правительству *сословныя* учрежденія, напримѣръ дворянскія собранія? Нашло ли оно въ нихъ ту поддержку, которой, будто бы, тщетно искало въ «безсословной Россіи»? А воззваніе несомнѣнно было обращено ко всѣмъ и каждому, касалось дворянства и дворянскихъ собраній въ такой же точно мѣрѣ, какъ и всѣхъ другихъ органовъ и классовъ общества. Отступивъ назадъ еще лѣтъ на десять-пятнадцать, мы нашли бы, можетъ быть, въ исторіи дворянскихъ собраній эпизоды совсѣмъ особеннаго свойства, напрасно игнорируемые г. Пазухинымъ. Мы не ставимъ эти эпизоды въ вину дворянству—мы находимъ только, что они необходимы для полноты картины, которую взялся нарисовать панегиристъ «высшаго земскаго сословія».

Если ограниченія сословности—главная, почти единственная причина всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Россію въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій, то возстановленіе сословнаго принципа, въ полной его силѣ, должно сдѣлаться источникомъ неисчислимыхъ благъ, основой народнаго счастья. И дѣйствительно, чего, чего только не ожидаетъ г. Пазухинъ отъ торжества своей идеи! Оно «повліяетъ на весь общественный организмъ самымъ благотворнымъ, оздоравливающимъ образомъ. Вымышленные интересы сбродной толпы уступятъ мѣсто жизненнымъ интересамъ народныхъ сословій. Будутъ крѣпнуть нравственныя связи, и явится должная оцѣнка людей. Интрига и корысть перестанутъ быть единственными двигателями общественной жизни... Возвращеніе дворянству его правъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и обязанностей по государственной и земской службамъ, скрѣпитъ связи между правительствомъ и дворянствомъ, между дворянствомъ и землей. Прекратятся всѣ недоразумѣнія между дворянствомъ и крестьянствомъ, а на элементы безсословной Россіи будетъ наложена узда, которая остановитъ дальнѣйшее

развитіе въ нашемъ отечествѣ смуты, хищничества и властолюбивыхъ домогательствъ... Съ преобразованіемъ земства на сословномъ началѣ значительно упростится задача реформы мѣстныхъ учрежденій. Вопросъ о замѣщеніи должностей по правительственному назначенію или по земскимъ выборамъ потеряетъ свой острый характеръ. Вопросъ о началахъ нашего государственнаго строя, съ возстановленіемъ земско-сословной организаціи, будетъ стоять внѣ всякихъ сомнѣній, а самое примѣненіе началъ не можетъ раздѣлять людей на два враждебные лагеря». Не напоминаетъ ли эта тирада тѣхъ странствующихъ итальянскихъ «докторовъ», которые восхваляютъ, на площадяхъ и перекресткахъ, свой чудотворный элексиръ, исцѣляющій отъ всѣхъ болѣзней? Проектъ, весь проникнутый властолюбіемъ, долженъ положить конецъ «властолюбивымъ домогательствамъ»! Возвышеніе сословія, въ корпоративной дѣятельности котораго на первомъ планѣ всегда стояла интрига, должно положить конецъ интригѣ! Не слишкомъ ли это напоминаетъ гомеопатическій принципъ: similia similibus curantur? Какимъ образомъ будутъ крѣпнуть «нравственныя связи», когда все пойдетъ въ разбродъ, когда каждому сословію будетъ сказано: не заботься о другихъ, охраняй твои собственные «опредѣленные интересы»? Какимъ образомъ явится «должная оцѣнка людей», когда, прежде чѣмъ отвести человѣку заслуженное имъ мѣсто, нужно будетъ наводить справку о его происхожденіи? Въ какой степени привилегіи дворянства сблизятъ его съ землею, прекратятъ недоразумѣнія между нимъ и крестьянствомъ— объ этомъ можно судить по примѣру прибалтійскаго края. Подчиненіе крестьянства *власти* дворянъ—наименѣе цѣлесообразный путь къ установленію правильныхъ отношеній между сословіями. Недовѣріе къ бывшимъ помѣщикамъ до сихъ поръ еще держится въ средѣ крестьянъ; сосредоточеніе мѣстнаго управленія въ дворянскихъ рукахъ — вѣрное средство усилить и обострить это недовѣріе. Мы убѣждены въ этомъ такъ глубоко, что предпочли бы избранію мѣстныхъ дѣятелей дворянствомъ назначеніе ихъ правительствомъ, какъ представляющее больше гарантій безпристрастія и справедливости. Нужно ли опровергать, наконецъ, мнѣніе автора о томъ, что *примѣненіе* началъ не можетъ раздѣлять людей на два враждебные лагеря? Если бы это было справедливо, то въ странахъ, гдѣ нѣтъ спора объ основахъ государственнаго строя (напр., Англія, Швеція),

не было бы и борьбы партій — а она тамъ постоянно существовала и существуетъ. Сомнѣніе въ правильности тѣхъ или другихъ началъ зависитъ не отъ полноты или неполноты ихъ осуществленія, а отъ внутренней ихъ цѣны, отъ степени развитія народа, въ жизни котораго они играютъ преобладающую роль.

Авторъ разбираемаго нами проекта упоминаетъ о какихъ-то *обязанностяхъ* дворянства по государственной и земской службѣ. Ужъ не хочетъ ли онъ возвратиться къ тому времени, когда каждый дворянинъ долженъ былъ, волей или неволей, становиться либо чиновникомъ, либо офицеромъ? Едва-ли; слишкомъ мало общаго между условіями того времени и нынѣшними, слишкомъ многочисленны и разнообразны новые пути, открытые развитіемъ гражданственности и образованія, чтобы могла быть рѣчь объ искусственномъ направленіи цѣлаго сословія въ одно русло, къ одному роду дѣятельности. Весьма вѣроятно, что г. Пазухинъ имѣетъ въ виду другую мысль, уже появлявшуюся въ печати—мысль о службѣ по выборамъ, на мѣстахъ, какъ о необходимомъ условіи для полученія должности въ центральномъ или губернскомъ управленіи. Подробный разборъ этой мысли отдалилъ бы насъ отъ нашей главной тэмы; замѣтимъ только, что послѣдовательное проведеніе ея стѣснило бы свободу избирателей и привело бы, въ концѣ концовъ, къ замѣщенію должностей по очереди или по жребію, т.-е. къ наименѣе удовлетворительному изъ всѣхъ служебныхъ порядковъ. Въ какихъ бы размѣрахъ и на какихъ бы основаніяхъ ни была, впрочемъ, введена обязательность службы для дворянства, она не уравновѣсила бы тѣхъ привилегій, которыхъ требуетъ для него г. Пазухинъ, не вознаградила бы того вреда, съ которымъ было бы сопряжено ограниченіе служебныхъ правъ другихъ сословій.

Наименьшею опредѣленностью отличается та часть проекта, которая касается новыхъ способовъ пріобрѣтенія дворянскихъ правъ. «Есть поводы опасаться»,—говоритъ г. Пазухинъ,—«что дворянство, предоставленное своимъ собственнымъ силамъ, не въ состояніи будетъ занять то положеніе въ странѣ, которое требуется государственными потребностями. Помѣстное дворянство въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такъ обѣднѣло численно, что безъ притока въ его среду новыхъ, сильныхъ элементовъ

оно не будетъ въ состояніи удержать свое положеніе и исполнять свои обязанности... Рядомъ съ путемъ, указаннымъ Петромъ Великимъ, быть можетъ, полезно указать для полученія дворянства иной путь, болѣе соотвѣтствующій современному положенію. Притокъ новыхъ хорошихъ элементовъ разбудитъ сословную жизнь помѣстнаго дворянства, атрофированную реформами шестидесятыхъ годовъ. Эти элементы, въ настоящее время враждебные дворянству, сдѣлаются союзными въ общей службѣ. Это усилило бы дворянство матеріально и нравственно и помогло бы ему поднять свое политическое значеніе». Въ чемъ заключается настоящій смыслъ этой загадочной рѣчи? Что это за «хорошіе элементы», готовые по первому призыву промѣнять вражду къ дворянству на союзную съ нимъ службу? Не напоминаетъ ли политика, рекомендуемая г. Пазухинымъ, то стихотвореніе гр. А. К. Толстого, герой котораго предлагаетъ обратить нигилистовъ на путь истинный, «повѣсивъ имъ на шею Станислава»? Что слѣдуетъ понимать подъ именемъ пути, «болѣе соотвѣтствующаго современному положенію»? Причисленіе къ дворянству всѣхъ тѣхъ, у кого имѣется столько-то тысячъ десятинъ земли или столько-то десятковъ тысячъ рублей дохода? *Матеріально* это, можетъ быть, и усилило бы дворянство, но *нравственную* его силу, конечно, не увеличило бы. Дарованіе дворянскаго достоинства всѣмъ получившимъ высшее образованіе? Это, безъ сомнѣнія, не входитъ въ планы нашихъ «преобразователей на оборотъ», да и гораздо проще было бы связать съ образованіемъ *служебныя* права, не касаясь *сословныхъ*. Предоставленіе дворянскимъ обществамъ права кооптаціи или самопополненія? Это самое вѣроятное изъ всѣхъ возможныхъ толкованій—но совмѣстимо ли такое право съ историческимъ значеніемъ дворянства, съ установившимися отношеніями его къ правительственной власти?.. Для насъ, впрочемъ, интересны не столько сокровенныя мысли г. Пазухина, сколько признанія, заключающіяся въ его полу-словахъ и недосказанныхъ положеніяхъ; для насъ важно то, что самъ авторъ проекта констатируетъ *атрофію* сословной жизни, необходимость *пробудить* ее отъ сна, невозможность *предоставить дворянство его собственнымъ силамъ*. Гдѣ наступила атрофія, тамъ самый сильный электрическій токъ можетъ вызвать лишь временныя сокращенія мышцъ, а не способность къ правильному движе-

нію. Гдѣ недостаетъ собственныхъ силъ, тамъ нельзя обойтись безъ внѣшней, искусственной поддержки—а средства для этой поддержки можетъ дать только масса; другими словами, меньшинство можетъ быть усилено только на счетъ большинства и въ ущербъ его интересамъ.

Экспедиція, въ авангардѣ которой стоитъ г. Пазухинъ, не можетъ быть названа чѣмъ-то новымъ, еще небывалымъ въ нашей современной исторіи. Она представляетъ много общаго съ тѣмъ походомъ въ пользу сословности, который былъ предпринятъ въ половинѣ семидесятыхъ годовъ—предпринятъ и въ литературѣ («Чѣмъ намъ быть» Р. Ѳаддѣева; «Русскій Міръ» подъ редакціей г. Черняева), и въ дворянскихъ собраніяхъ (проекты дворянской всесословной волости, сочиненные гр. Орловымъ-Давыдовымъ и др.), и въ административныхъ сферахъ. Въ дѣйствующей теперь арміи «сословниковъ» попадаются, рядомъ съ новыми именами, и такіе, около которыхъ уже полтора десятилѣтія тому назадъ группировались защитники дворянскихъ привилегій. Тогда усилія нашихъ псевдо-аристократовъ не увѣнчались успѣхомъ; теперь они выступаютъ на сцену съ большею увѣренностью въ побѣдѣ. Если вѣрить слухамъ, имъ удалось занять нѣсколько передовыхъ позицій, удалось измѣнить въ сословномъ смыслѣ нѣкоторыя предположенія Кахановской комиссіи. Первоначальный проектъ комиссіи отводилъ первое мѣсто въ уѣздѣ предсѣдателю присутствія уѣзднаго управленія, избираемому земскимъ собраніемъ. Право быть избраннымъ на эту должность предполагалось поставить въ зависимость отъ ценза имущественнаго и образовательнаго, но не сословнаго. Этому же лицу—или другому, но также выбранному земствомъ—большинство такъ-называемаго совѣщанія предоставляло предсѣдательство въ уѣздномъ земскомъ собраніи; за обязательное предсѣдательство предводителя дворянства поданъ былъ въ средѣ совѣщанія одинъ только голосъ. Въ усиленномъ составѣ комиссіи, наоборотъ, значительное большинство голосовъ высказалось за первенство предводителя, за сохраненіе и расширеніе правъ, теперь ему принадлежащихъ. Поставлены въ комиссіи, но, кажется, еще не разрѣшены и новый вопросъ о сословномъ составѣ земства, и старый вопросъ о предоставленіи крупнымъ землевладѣльцамъ права участія, безъ выбора, въ земскомъ

собраніи. Рѣшающаго значенія всѣ эти факты еще не имѣютъ, но нельзя не видѣть въ нихъ «признаковъ времени», нельзя отрицать, что реформамъ прошлаго царствованія угрожаетъ такая туча, какая ни разу еще не висѣла надъ ними во время грозъ, благополучно выдержанныхъ ими.

XIII.

Дворянскія притязанія [1]).

Исполняется сто лѣтъ со времени обнародованія дворянской граматы и городового положенія. Давно уже возникъ и довольно упорно держится слухъ, что первое изъ этихъ «событій» будетъ ознаменовано предоставленіемъ дворянству новыхъ льготъ и привилегій, или, по крайней мѣрѣ, измѣненіемъ условій, открывающихъ доступъ къ дворянскому званію. Достовѣрность такого слуха кажется намъ по меньшей мѣрѣ крайне сомнительною. Мы не видимъ, прежде всего, причины, по которой можно бы было установить различіе между обѣими годовщинами, наступающими 21-го апрѣля. Если юбилей дворянства долженъ быть отпразднованъ такъ или иначе, то почему же не отпраздновать такимъ же образомъ и юбилей городского самоуправленія? Ничего подобнаго, однако, никто не предлагаетъ и не ожидаетъ. Юбилей сословія или учрежденія не имѣетъ ничего общаго съ юбилеемъ отдѣльнаго лица. Съ понятіемъ о продолжительной дѣятельности, въ особенности если она была вся посвящена одному и тому же предмету, вся сосредоточена на одномъ и томъ же поприщѣ, соединяется—разъ что идетъ рѣчь о личномъ юбилеѣ—понятіе о заслугѣ лица, требующей признанія и благодарности; является предположеніе, что двадцатипятилѣтній или пятидесятилѣтній трудъ юбиляра не былъ безплоднымъ, что онъ заслуживаетъ награды. Само собою разумѣется, что это предположеніе—какъ и всякое другое, выводимое a priori—можетъ въ томъ или дру-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1885, апрѣль, внутреннее обозрѣніе.

гомъ отдѣльномъ случаѣ оказаться совершенно ошибочнымъ; но въ основаніи обычая всегда лежитъ правило, а не исключеніе—и въ этомъ смыслѣ чествованіе личныхъ юбиляровъ не лишено нѣкоторой raison d'être. Совсѣмъ другое дѣло—юбилей сословія или учрежденія; давность, сама по себѣ взятая, здѣсь ровно ничего не значитъ, никакой рѣшительной «презумпціи» въ пользу учрежденія или сословія она не устанавливаетъ. Все зависитъ не отъ того, сколько лѣтъ существуетъ корпорація или юридическое лицо, а отъ того, какую роль они играли въ прошедшемъ, какое мѣсто принадлежитъ имъ въ настоящемъ, въ какой мѣрѣ они соотвѣтствуютъ своему назначенію, въ какой степени необходимы функціи, ими выполняемыя. Пойдемъ далѣе: допустимъ, что на всѣ эти вопросы можно дать, по отношенію къ извѣстному учрежденію, самые удовлетворительные отвѣты. Отсюда еще не вытекаетъ право учрежденія на *награду*, въ особенности если она заключается въ расширеніи его правъ и привилегій. Что сказали бы мы о такомъ способѣ чествованія юбиляра—общественнаго дѣятеля или должностного лица,—при которомъ данное ему отнималось бы у кого-нибудь другого, и обогащеніе или возвышеніе одного совершалось бы въ ущербъ многимъ? Какъ бы велики ни были заслуги чествуемаго, оправдать ими явную несправедливость мы, безъ сомнѣнія, не рѣшились бы, находя, что лучше вовсе не праздновать юбилея, чѣмъ праздновать его на чужой счетъ. Привилегія, предоставляемая учрежденію или сословію—если только она не ограничивается внѣшними знаками почета, формальными отличіями—почти всегда равносильна ограниченію чьихъ-либо правъ, увеличенію чьихъ-либо повинностей или обязанностей. Намъ могутъ возразить, что такое ограниченіе правъ, такое увеличеніе обязанностей оправдывается иногда необходимостью или государственной пользой; но это было бы перенесеніемъ спора на совершенно другую почву. Мы говоримъ пока не о томъ, слѣдуетъ ли вообще предоставить дворянству новыя права и привилегіи, а только о томъ, есть ли основаніе связывать этотъ вопросъ съ вопросомъ о празднованіи юбилея дворянской грамоты.

Чтобы повѣрить правильность нашей основной мысли, посмотримъ, какія именно желанія и домогательства предъявляются въ печати, въ виду 21-го апрѣля, уполномоченными и неуполномоченными представителями дворянскаго сословія. Ру-

ководствуясь указаніями одной изъ петербургскихъ газетъ, наиболѣе близкой къ рыцарямъ сословности, а также проектомъ г. Пазухина [1]), мы едва-ли ошибемся, если сведемъ всѣ эти домогательства къ слѣдующимъ главнымъ пунктамъ: 1) предоставленіе дворянству господствующаго положенія въ земскихъ собраніяхъ; 2) предоставленіе дворянамъ исключительнаго или по крайней мѣрѣ преимущественнаго права на занятіе извѣстныхъ должностей въ мѣстномъ и центральномъ управленіи; 3) освобожденіе дворянъ отъ обязательной воинской повинности; 4) «избавленіе» дворянъ отъ суда присяжныхъ, съ признаніемъ ихъ подсудными коронному суду, усиленному дворянскими представителями; 5) устройство для помѣщиковъ «дешеваго» краткосрочнаго и долгосрочнаго кредита; 6) устройство для дворянскихъ дѣтей особыхъ, при гимназіяхъ, пансіоновъ; 7) принятіе въ кадетскіе корпуса исключительно однихъ дворянскихъ дѣтей; 8) предоставленіе дворянству большей свободы въ учрежденіи маіоратовъ; 9) учрежденіе въ средѣ дворянскихъ корпорацій суда чести для разбора поступковъ, «предосудительныхъ для благороднаго человѣка», съ правомъ исключать виновнаго изъ родословной книги; 10) отмѣна того порядка, въ силу котораго права дворянства пріобрѣтаются извѣстнымъ орденомъ или чиномъ, или пріуроченіе дворянства къ чинамъ и орденамъ высшимъ въ сравненіи съ тѣми, которые даютъ его въ настоящее время, и 11) разрѣшеніе дворянскимъ корпораціямъ ходатайствовать о пожалованіи дворянства «лучшимъ людямъ изъ другихъ сословій» или «лицамъ, оказавшимъ выдающіяся заслуги» [2]). Изъ числа этихъ одиннадцати пунктовъ первые семь несомнѣнно направлены къ стѣсненію или нарушенію правъ другихъ сословій. Образуя большинство въ земскомъ собраніи, поставляя изъ своей среды кандидатовъ на всѣ вліятельныя должности, дворянство неизбѣжно будетъ охранять прежде всего и больше всего свои «опредѣленные интересы», далеко не всегда совпадающіе съ интересами мѣстности и даже цѣлаго государства. Недостающее, вслѣдствіе возстановленія дворянской «привилегіи», число новобранцевъ будетъ пополняться лицами непривилегированными,

[1]) См. выше, № XII.

[2]) Мы считаемъ лишнимъ останавливаться на такихъ безобидныхъ, наивно-забавныхъ ходатайствахъ, какъ предоставленіе дворянамъ-нижнимъ чинамъ особаго знака отличія.

которыя иначе оказались бы свободными отъ военной службы. Повинность присяжныхъ засѣдателей сдѣлается тяжелѣе, умственный уровень ихъ понизится, разъ что въ ихъ ряды не будутъ больше призываться дворяне. Подсудимые дворянскаго сословія сплошь и рядомъ будутъ находить въ «дворянскихъ представителяхъ», присоединенныхъ къ коронному суду, не столько судей, сколько защитниковъ; шансы оправданія—въ особенности, если объектомъ преступленія былъ не дворянинъ—сдѣлаются для дворянъ гораздо большими, чѣмъ для остальныхъ обвиняемыхъ. *Дешевый* кредитъ немыслимъ безъ пожертвованій, упадающихъ на массу народа. Той же массѣ придется приплачивать и на содержаніе корпусовъ и пансіоновъ, въ которыхъ будутъ воспитываться исключительно дворяне. Отсутствіе хорошо устроенныхъ и правильно организованныхъ ученическихъ квартиръ составляетъ, безспорно, слабую сторону нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній: но мы желали бы знать, почему устройство такихъ квартиръ — разъ что оно провозглашается правительственной задачей—должно быть предпринято въ интересахъ одного только сословія? Пускай дворянство открываетъ дворянскіе гимназическіе пансіоны на свой собственный счетъ—мѣшать ему въ этомъ, безъ сомнѣнія, не слѣдуетъ; но зачѣмъ же привлекать казну, т.-е. народъ, къ участію въ дѣлѣ, не имѣющемъ ни общегосударственнаго, ни общенароднаго значенія?.. Менѣе очевиденъ, но не менѣе реаленъ вредъ, сопряженный съ увеличеніемъ числа маіоратовъ. Чѣмъ больше неотчуждаемыхъ владѣній, тѣмъ меньше запасъ земель, могущихъ перейти, сплою вещей, въ руки земледѣльцевъ и увеличить области общиннаго землевладѣнія. Поощрять и облегчать учрежденіе маіоратовъ—значило бы охранять интересы немногихъ отдѣльныхъ лицъ въ ущербъ интересамъ грядущихъ поколѣній, въ ущербъ дѣйствію естественныхъ причинъ, способствующихъ болѣе равномѣрному и правильному распредѣленію земельной собственности.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что способъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства, а также устройство въ средѣ дворянскихъ корпорацій суда чести для самихъ дворянъ, не принадлежитъ къ числу тѣхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ въ смыслѣ дворянскихъ ходатайствъ было бы сопряжено съ нарушеніемъ правъ и интересовъ другихъ сословій. Остановиться на такомъ заключеніи было бы, однако, крупной ошиб-

кой. Если бы званіе дворянина было почетнымъ титуломъ—и больше ничѣмъ, если бы оно не давало никакихъ политическихъ правъ и преимуществъ, тогда все касающееся полученія его или потери дѣйствительно могло бы считаться безразличнымъ для народа, важнымъ только для однихъ любителей внѣшняго, заимствованнаго блеска. Не то мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Формой безъ содержанія дворянское достоинство не можетъ быть названо даже теперь; еще меньше это названіе будетъ примѣнимо къ нему въ случаѣ рѣшительнаго поворота къ сословности, въ случаѣ возведенія дворянства на степень преобладающей земской силы и высшаго служилаго сословія. Отъ состава сословія, отъ способовъ пополненія и очищенія его будетъ зависѣть тогда весьма, весьма многое. Возьмемъ хотя бы судъ чести, это невиннѣйшее, повидимому, изобрѣтеніе новѣйшихъ рыцарей и паладиновъ. Судъ чести умѣстенъ и понятенъ только въ тѣсной корпораціи (адвокатской, офицерской и т. п.), всѣ члены которой связаны единствомъ профессіональныхъ занятій, общностью профессіональныхъ взглядовъ. И здѣсь, конечно, дѣятельность суда чести далеко не всегда свободна отъ существенно важныхъ недостатковъ — но она, по крайней мѣрѣ, можетъ имѣть и свои хорошія стороны, можетъ способствовать выработкѣ обычаевъ и преданій, руководящихъ неопытнымъ, поддерживающихъ слабаго. Между членами дворянской корпораціи, хотя бы уѣздной, нѣтъ и не можетъ быть внутренней, нравственной связи, нѣтъ и не можетъ быть общепризнаннаго идеала; они слишкомъ далеки другъ отъ друга по воспитанію, положенію, характеру дѣятельности, образу жизни. Практика можетъ выработать совокупность правилъ, обязательныхъ для офицера, для доктора, для адвоката, потому что лицамъ одной и той же профессіи сплошь и рядомъ приходится бывать въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, переживать одни и тѣ же испытанія, исполнять одно и то же дѣло. Ничего подобнаго нельзя сказать о дворянахъ одной и той же губерніи или одного и того же уѣзда. Понятіе о «благородномъ человѣкѣ»—въ особенности разсматриваемое съ сословной точки зрѣнія—слишкомъ неопредѣленно и эластично, чтобы сдѣлаться твердой, надежной почвой для суда чести. «Предосудительною» для «благороднаго» человѣка легко можетъ быть признана слишкомъ энергичная дѣятельность въ пользу людей «не благородныхъ», т.-е. не принадлежащихъ къ «бла-

городному сословію». Поводомъ къ вызову на судъ чести»— прямо высказаннымъ или облеченнымъ въ другую, болѣе благовидную форму—легко можетъ стать образъ мыслей, свободный отъ сословныхъ предразсудковъ, образъ дѣйствій, направленный не къ огражденію «опредѣленныхъ интересовъ» дворянства. Здѣсь-то именно и выступаетъ на видъ значеніе дворянскаго суда чести для другихъ сословій, для массы населенія. Представимъ себѣ, что къ численному перевѣсу гласныхъ отъ дворянства, къ монополизаціи важнѣйшихъ должностей въ рукахъ дворянъ, присоединится еще безконтрольное право дворянскихъ предводителей и депутатовъ исключать изъ родословной книги—т.-е. лишать активнаго и пассивнаго избирательнаго права—всѣхъ дворянъ, заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ сословнымъ интересамъ. Подборъ представителей, безъ того уже возможный путемъ избирательной агитаціи и интриги, дойдетъ, такимъ образомъ, до крайнихъ предѣловъ; систематическая односторонность, систематическое пристрастіе получатъ полное господство въ средѣ избирателей и избираемыхъ. Чтобы достигнуть такого результата, не нужно будетъ даже слишкомъ часто прибѣгать къ приговорамъ суда чести; достаточно будетъ, по извѣстному нѣмецкому выраженію, нѣсколькихъ «устрашительныхъ примѣровъ» (abschreckende Beispiele), чтобы смирить непокорныхъ и водворить въ рядахъ «правящаго класса» строгую сословную дисциплину. Какъ отразится подобная дисциплина на «управляемыхъ»—это не требуетъ объясненій.

XIV.

Сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ [1]).

Проектъ закона о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, по всей вѣроятности, уже утвержденъ или близокъ къ утвержденію. Газетные слухи о противодѣйствіи, встрѣченномъ имъ въ соединенныхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта, къ счастію не оправдались. Съ нашей точки зрѣнія обложеніе дохода съ денежныхъ капиталовъ представляется особенно важнымъ, особенно желательнымъ, какъ новый шагъ къ коренной реформѣ податной системы, къ устраненію или уменьшенію льготъ, которыми пользовались и пользуются до сихъ поръ наиболѣе достаточные классы нашего общества. Никого не разоряя и не отягощая, проектируемый налогъ ускоритъ дальнѣйшее пониженіе подушной подати, привлечетъ къ участію въ податномъ бремени массу лицъ, освобожденныхъ отъ него безъ всякаго справедливаго и разумнаго основанія, расчиститъ, вмѣстѣ съ другими мѣрами того же рода, путь къ установленію общаго подоходнаго налога.

Большимъ достоинствомъ проекта слѣдуетъ признать распространеніе дѣйствія его не только на частныя и общественныя, но и на государственныя процентныя бумаги, все равно, въ чьихъ бы рукахъ онѣ ни находились. Что намѣреніе русскаго правительства распространить дѣйствіе налога на иностранныхъ держателей государственныхъ процентныхъ бумагъ не понравилось за границей — это понятно, хотя, въ виду примѣра другихъ государствъ (Австріи, Италіи), ничего непредвидѣннаго и поразительнаго въ такомъ рѣшеніи вопроса быть не могло.

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1885 г., май, внутр. обозрѣніе.

Гораздо менѣе понятно раздраженіе, съ которымъ, почти мѣсяцъ спустя послѣ обнародованія законопроекта, заговорили объ этомъ «Московскія Вѣдомости» (№ 101). Раздраженіе это такъ сильно, что помѣшало даже газетѣ высказать свою мысль съ надлежащею точностью и опредѣленностью. Возражать противъ распространенія налога на иностранныхъ держателей государственныхъ процентныхъ бумагъ можно съ двухъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія права и съ точки зрѣнія благоразумной финансовой политики. Заграничныя газеты, громящія законопроектъ, держатся одновременно обѣихъ точекъ зрѣнія, всего сильнѣе, однако, подчеркивая первую. «Русское финансовое управленіе — говоритъ «Frankfurter Zeitung» — всегда считалось столько *честнымъ* и прежде всего столько практичнымъ, что не допускалось и мысли о томъ, чтобы оно могло прибѣгнуть къ задержкамъ платежей или тѣмъ болѣе къ *нарушенію правъ своихъ кредиторовъ*. Иностранные кредиторы были убѣждены, что они имѣютъ дѣло съ правительствомъ, *наличенія котораго честны*». Итакъ, установленіе налога есть нечестное нарушеніе правъ иностранныхъ кредиторовъ. Это мнѣніе нелѣпо, но въ ясности ему отказать нельзя. Раздѣляютъ ли его «Московскія Вѣдомости»? Сначала можетъ показаться, что не раздѣляютъ. Указавъ на существованіе проектируемаго у насъ налога въ другихъ государствахъ, безъ всякаго изъятія въ пользу иностранцевъ, московская газета выставляетъ на видъ особенности нашего финансоваго положенія, требующія величайшей осторожности относительно иностранныхъ кредиторовъ; другими словами, обложеніе послѣднихъ какъ будто признается ею юридически возможнымъ, *но несвоевременнымъ* и *непрактичнымъ*. На этой, сравнительно твердой почвѣ редакція московской газеты остается недолго и совершаетъ внезапный переходъ, avec armes et bagages, въ лагерь заграничныхъ противниковъ законопроекта. «Иностранные капиталисты — читаемъ мы въ концѣ статьи — пріобрѣтали наши фонды, надѣясь получать опредѣленный доходъ, и вдругъ появляется законопроектъ, дающій поводъ дѣлать предположенія, что доходъ этотъ урѣзывается. Это, понятно, возбуждаетъ сильное неудовольствіе среди иностранныхъ капиталистовъ, предполагающихъ, что вновь вводимый налогъ коснется и иностранныхъ владѣльцевъ русскихъ процентныхъ бумагъ. Но такія предположенія едва-ли имѣютъ основаніе, ибо Россія всегда аккуратно исполняла свои обязательства и,

конечно, не нарушитъ ихъ и теперь, оставивъ иностраннымъ владѣльцамъ русскихъ фондовъ ихъ прежній доходъ и освободивъ ихъ отъ всякаго налога, что, вѣроятно, имѣлось въ виду. Но такъ какъ этотъ пунктъ не былъ оговоренъ въ законопроектѣ, то это и послужило поводомъ къ распространенію ложныхъ слуховъ на биржахъ, способствовавшихъ пониженію нашихъ цѣнностей». Въ послѣднихъ словахъ статьи нельзя видѣть ничего другого, кромѣ полемическаго пріема, кромѣ риторической фигуры «игнорированія» того, что въ сущности очень хорошо извѣстно. «Московскія Вѣдомости», мы въ этомъ не сомнѣваемся, отлично знали и знаютъ, что свѣдѣнія, распространившіяся на иностранныхъ биржахъ, не были «ложными слухами», что умолчаніе въ законопроектѣ объ изъятіи въ пользу иностранныхъ кредиторовъ было *налгъренныльъ*, а не случайнымъ. Мнимое незнаніе — только маска, подъ которою удобнѣе требовать искаженія основной мысли законопроекта.

Итакъ, обложеніе налогомъ иностранныхъ держателей государственныхъ процентныхъ бумагъ представляется, въ глазахъ «Московскихъ Вѣдомостей», *нарушеніемъ обязательствъ*, принятыхъ на себя Россіей. Изъ чего же это слѣдуетъ, чѣмъ это доказывается? Въ статьѣ московской газеты нѣтъ ничего похожаго на мотивированіе заключительной ея темы; отъ аргументовъ, относящихся къ практической сторонѣ вопроса, редакція прямо переходитъ къ теоретическому положенію, висящему въ воздухѣ, рѣшительно ничѣмъ не подтвержденному—потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, искать для него подтвержденій въ рѣзкихъ, но совершенно голословныхъ выходкахъ иностранной печати. Пока противники задуманной мѣры не выходятъ изъ сферы жалкихъ или «страшныхъ» словъ: *нарушеніе довѣрія*, *нарушеніе обязательства* и т. п., основное начало законопроекта можетъ считаться безспорнымъ, и всякое отступленіе отъ него было бы какъ нельзя болѣе прискорбно.

«Московскимъ Вѣдомостямъ» нужно доказать, что обложеніе государственныхъ бумагъ, находящихся въ рукахъ иностранныхъ держателей, будетъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія для нашего государственнаго кредита. Чтобы достигнуть этой цѣли, онѣ указываютъ, прежде всего, на громадную массу русскихъ процентныхъ бумагъ, находящуюся во владѣніи иностранцевъ. Допустимъ, что эта масса дѣйствительно до край-

ности велика, что она обнимаетъ собою *три четверти* русскаго государственнаго долга; но вѣдь и итальянская рента, въ моментъ обложенія ея налогомъ, находилась, большею частью (до двухъ третей), въ рукахъ иностранцевъ—и все-таки итальянское правительство, также, особенно въ то время (въ 1868 г.), далеко несвободное отъ вліянія иностранныхъ денежныхъ рынковъ, не остановилось передъ введеніемъ купоннаго налога, безъ всякихъ изъятій въ пользу иностранцевъ. Въ протестахъ противъ этой мѣры не было недостатка—но итальянская рента, упавъ съ 58 до 55, уже къ концу того же года поднялась до 60, два года спустя до 75, а къ концу семидесятыхъ годовъ, несмотря на состоявшееся между тѣмъ повышеніе налога, дошла до 82. Въ Австріи вліяніе налога, несмотря на его высокій размѣръ и на принадлежность иностранцамъ по меньшей мѣрѣ половины обложенныхъ бумагъ, также оказалось весьма мало чувствительнымъ, и нѣкоторые займы позднѣйшаго времени были заключены на условіяхъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ займы, предшествовавшіе введенію налога. Все это приводитъ къ убѣжденію, что сравнительно съ другими условіями, опредѣляющими цѣнность государственныхъ процентныхъ бумагъ, умѣренный налогъ на эти бумаги отнюдь не можетъ быть признанъ существенно важнымъ. Въ особенности это примѣнимо къ русскимъ бумагамъ, такъ какъ приносимый ими процентъ останется и за вычетомъ налога весьма высокимъ въ сравненіи съ тѣмъ, который уплачивается по займамъ другихъ европейскихъ государствъ. Паденіе курса бумагъ и цѣнности кредитнаго рубля, вызванное обнародованіемъ законопроекта, не можетъ и не должно служить аргументомъ противъ утвержденія его законодательной властью: это явленіе временное, преходящее, не внушающее само по себѣ никакихъ опасеній относительно будущаго. Такъ ли, притомъ, было сильно это паденіе, какъ утверждаютъ «Московскія Вѣдомости»? «16 марта», говоритъ газета, «вексельный курсъ въ Берлинѣ на Петербургъ былъ 204,10, а 18 марта, тотчасъ за опубликованіемъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» законопроекта, только 203,50. Когда же законопроектъ подвергся обсужденію иностранныхъ газетъ, то нашъ вексельный курсъ упалъ до 201,25, что было 27-го марта, а 28-го марта до 193,25». Всѣ эти цифры доказываютъ прямо противоположное тому, что хотятъ доказать ими «Московскія Вѣдомости». Неужели иностраннымъ капиталистамъ нужны

были газетные комментаріи, чтобы понять значеніе законопроекта? Неужели пониманіе его распространялось сначала такъ медленно, что для паденія курса на три марки понадобилось цѣлыхъ девять дней, а потомъ такъ быстро, что въ одинъ день курсъ упалъ еще на цѣлыхъ восемь марокъ? Не ясно ли для всякаго непредубѣжденнаго глаза, что такое паденіе зависѣло отъ чего-то иного и болѣе важнаго—а именно, отъ извѣстій съ афганской границы и въ особенности съ береговъ Кушки? 28 марта телеграмма генерала Комарова была напечатана въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»; болѣе чѣмъ вѣроятно, что содержаніе ея было извѣстно въ Берлинѣ уже наканунѣ — а ко времени открытія берлинской биржи 28-го числа легко могло придти изъ Петербурга, по телеграфу, и сообщеніе, основанное на оффиціальныхъ данныхъ. Московская газета забываетъ упомянуть о дальнѣйшихъ, между 29-мъ марта и 13-мъ апрѣля (днемъ написанія статьи), колебаніяхъ курса, то повышавшагося до 200, то опять падавшаго до 194; что же, и эти колебанія зависѣли отъ газетныхъ толковъ о новомъ налогѣ?... Прочитавъ статью «Московскихъ Вѣдомостей», не знаешь чему болѣе удивляться—произвольности теоретическихъ выводовъ или безцеремонности обращенія съ фактами. Желательно, очень желательно, чтобы о ней не забылъ будущій историкъ газеты.

Возвращаемся къ оцѣнкѣ законопроекта. Само собою разумѣется, что наравнѣ съ государственными должны быть облагаемы и другія, однородныя съ ними процентныя бумаги; въ противномъ случаѣ обложеніе государственныхъ бумагъ дѣйствительно могло бы имѣть характеръ пониженія платимыхъ по нимъ процентовъ. Этому условію законопроектъ удовлетворяетъ вполнѣ; распространяясь на процентныя бумаги государственныя, *общественныя и частныя всѣхъ наименованій*, онъ привлекаетъ, сверхъ того, къ обложенію доходы, доставляемые вкладами на текущій счетъ и другими процентными вкладами, внесенными въ банки государственные, общественные и частные, а равно въ частныя банкирскія конторы. Размѣръ сбора для всѣхъ этихъ случаевъ одинъ и тотъ же—пять процентовъ. Доходовъ по акціямъ и паямъ торгово-промышленныхъ обществъ проектъ не касается, на томъ, вѣроятно, основаніи, что они уже привлечены къ обложенію недавнимъ закономъ о процентномъ и раскладочномъ сборѣ. Освобожденіе отъ налога процентовъ по вкладамъ, внесеннымъ въ сберегательныя кассы,

ссудо-сберегательныя товарищества и сельскіе банки, вполнѣ понятно и справедливо, въ виду незначительности вкладовъ и принадлежности ихъ, большею частью, лицамъ изъ среды недостаточныхъ классовъ общества. По способу взиманія новый налогъ принадлежитъ къ числу самыхъ удобныхъ; въ огромномъ большинствѣ случаевъ налогъ просто удерживается изъ суммъ, слѣдующихъ къ уплатѣ владѣльцамъ бумагъ или предъявителямъ купоновъ. Недоимки, а также пререканія о цифрѣ налога возможны лишь относительно процентовъ по вкладамъ и текущимъ счетамъ, выплачиваемыхъ частными банками и частными банкирскими конторами; но эти проценты составляютъ наименьшую часть тѣхъ суммъ, которыя будутъ подлежать обложенію на основаніи новаго закона. По дошедшимъ до насъ слухамъ, проектируемый налогъ можетъ доставить казнѣ около одиннадцати милліоновъ рублей, изъ которыхъ на долю процентовъ по вкладамъ и текущимъ счетамъ едва-ли придется болѣе двухъ милліоновъ.

Разобранный нами законопроектъ привлекаетъ къ обложенію тѣ капиталы, которые помѣщены въ процентныхъ бумагахъ или положены въ банки или банкирскія конторы; законъ о процентномъ и раскладочномъ сборѣ привлекъ къ сбложенію капиталы, помѣщенные въ акціонерныхъ обществахъ или обращенные на торговыя или промышленныя предпріятія. Свободными отъ обложенія остаются, затѣмъ, капиталы, отдаваемые частными лицами въ ссуду подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ или по векселямъ и другимъ заемнымъ обязательствамъ. Нѣтъ надобности доказывать, что для такой льготы не существуетъ никакого разумнаго основанія—но устранить ее, при настоящихъ условіяхъ, до крайности трудно. Можно было бы, конечно, установить, чтобы уплата процентовъ по частному займу совершалась каждый разъ съ вѣдома того или другого присутственнаго мѣста или должностного лица, которому должникъ и вносилъ бы при этомъ опредѣленную закономъ сумму, засчитывая ее въ счетъ процентовъ; но какъ обезпечить исполненіе такого правила? Санкціей его могла бы служить, по видимому, недѣйствительность уплаты, сдѣланной безъ его соблюденія, т.-е. признаніе такой уплаты какъ бы несостоявшеюся, и предоставленіе кредитору возможности вторично требовать процентовъ; но это значило бы поощрять безнравственность и наказывать одну изъ сторонъ за обходъ закона, допущенный

обѣими. Можно было бы, съ другой стороны, взимать налогъ съ процентовъ, взыскиваемыхъ по суду—но при такомъ порядкѣ уплата или неуплата налога зависѣла бы отъ случайнаго обстоятельства, т.-е. отъ неисправности должника, и необложенными остались бы, притомъ, тѣ проценты, которые вычитаются изъ капитальной суммы при самой ссудѣ ея должнику. Положить конецъ привилегіи, явно анормальной, и вмѣстѣ съ тѣмъ привлечь къ обложенію всѣ другіе доходы, остающіеся пока свободными отъ налога (напр., доходъ профессіональный—литературный, адвокатскій, докторскій и т. п.), можно только однимъ путемъ: установленіемъ подоходнаго налога. Чѣмъ ближе къ нему подходитъ законодатель, тѣмъ живѣе чувствуется и сознается его необходимость. Частными мѣрами можно ограничиться на время, но на нихъ, очевидно, нельзя остановиться. Вполнѣ справедливымъ подоходный налогъ можетъ быть только подъ условіемъ прогрессивности—а это начало не можетъ быть осуществлено, пока предметомъ обложенія служатъ *только* нѣкоторые отдѣльные виды доходовъ. Возьмемъ, для примѣра, вновь проектированный сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ. Взимаемый съ процентныхъ бумагъ независимо отъ того, кому онѣ принадлежатъ [1]), онъ не можетъ быть согласованъ съ степенью состоятельности владѣльцевъ; сторублевый билетъ, составляющій все состояніе бѣдняка, облагается тѣми же пятью процентами, какъ и масса различныхъ бумагъ, образующая только часть одного милліоннаго богатства. Мы не утверждаемъ, впрочемъ, чтобы введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога сдѣлало излишнимъ установляемый теперь сборъ съ процентныхъ бумагъ; онъ долженъ остаться въ силѣ уже потому, что только съ его помощью можно привлечь къ обложенію иностранцевъ, владѣющихъ нашими процентными бумагами. По отношенію къ русскимъ подданнымъ сборъ съ процентныхъ бумагъ долженъ сдѣлаться, при существованіи подоходнаго налога, составною его частью, принимаемою въ разсчетъ при опредѣленіи цифры платежа, падающаго на каждаго плательщика.

---

[1]) Проценты съ капиталовъ, составляющихъ собственность ученыхъ, учебныхъ, богоугодныхъ и благотворительныхъ учрежденій, а также эмеритальныхъ кассъ, подлежатъ сбору на общемъ основаніи, но всѣмъ этимъ учрежденіямъ предоставлено получать обратно взысканный сборъ.

XV.

Дворянскій Банкъ [1]).

Мѣсяца три тому назадъ министерство финансовъ внесло на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта проектъ положенія о государственномъ земельномъ банкѣ. На основаніи этого проекта, государственный земельный банкъ долженъ былъ замѣнить собой крестьянскій поземельный банкъ, присоединивъ къ кругу дѣйствій послѣдняго выдачу долгосрочныхъ ссудъ землевладѣльцамъ, безъ различія состояній, подъ залогъ ихъ земельной собственности. Теперь, въ виду Высочайшаго рескрипта 21 апрѣля, постановка вопроса существенно измѣнилась: рѣшено создать особый *дворянскій* земельный банкъ, т.-е., съ одной стороны, не соединять новаго учрежденія съ существующимъ уже крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ, съ другой—сдѣлать его источникомъ кредита исключительно для землевладѣльцевъ, принадлежащихъ къ дворянскому сословію. Отсюда не слѣдуетъ еще, однако, чтобы законопроектъ, опредѣлявшій устройство и дѣятельность государственнаго земельнаго банка, потерялъ всякое значеніе и силу; весьма вѣроятно, что главныя основанія его перейдутъ цѣликомъ въ положеніе о дворянскомъ земельномъ банкѣ. Сущность этихъ основаній, насколько намъ извѣстно, заключается въ слѣдующемъ. Учреждая земельный банкъ, правительство имѣетъ цѣлью придти на помощь поземельной собственности удешевленіемъ необходимаго для нея долгосрочнаго кредита. Удешевленіе это ста-

[1]) Вѣстникъ Европы» 1885 г., іюнь, внутр. обозрѣніе.

новится возможнымъ уже въ силу того, что кредиторомъ является государство, пользующееся бо́льшимъ довѣріемъ, чѣмъ частныя общества; цѣна закладныхъ листовъ, выпускаемыхъ государственнымъ учрежденіемъ, непремѣнно должна быть выше цѣны закладныхъ листовъ, выпускаемыхъ акціонерными банками и обществами взаимнаго кредита. Сравнительно съ кредитомъ, оказываемымъ акціонерными банками, кредитъ, исходящій отъ государства, долженъ быть дешевле и потому, что государство не нуждается въ барышахъ отъ предпріятія и соразмѣряетъ платежи своихъ должниковъ единственно съ цифрой процентовъ и погашенія по закладнымъ листамъ, плюсъ издержки управленія. Удешевлять государственный кредитъ *дальше этой нормы* нѣтъ никакого разумнаго и справедливаго основанія, такъ какъ это было бы равносильно обремененію, въ пользу землевладѣльцевъ, другихъ классовъ населенія. Процентъ, взимаемый по ссудамъ (независимо отъ погашенія и издержекъ управленія), долженъ быть, слѣдовательно, не выше, но и не ниже того, который уплачивается по государственнымъ займамъ. Размѣръ выдаваемыхъ ссудъ долженъ быть опредѣленъ такимъ образомъ, чтобы предупредить, по возможности, всякій ущербъ для казны въ случаѣ неисправности должника; этому же условію долженъ удовлетворять и порядокъ взысканія просроченныхъ ссудъ, а также порядокъ перезалога въ государственномъ земельномъ банкѣ имѣній, заложенныхъ въ частныхъ кредитныхъ установленіяхъ.

Согласно съ этими основными началами, проектъ положенія о государственномъ земельномъ банкѣ установляетъ выпускъ пятипроцентныхъ закладныхъ листовъ, либо реализуемыхъ самимъ банкомъ, либо, съ разрѣшенія министра финансовъ, выдаваемыхъ на руки заемщикамъ. Ссуды выдаются на 48 лѣтъ и восемь мѣсяцевъ; заемщики уплачиваютъ единовременно 1% съ общей суммы ссуды, а затѣмъ каждые шесть мѣсяцевъ $2^1/_2$ роста, $^1/_4$% погашенія и $^1/_4$% на составленіе запаснаго капитала и на расходы по управленію банкомъ. Послѣдній платежъ понижается по мѣрѣ погашенія долга и вовсе прекращается по истеченіи сорока лѣтъ со времени выдачи ссуды. Для уплаты недоимки назначается полугодичный льготный срокъ, при чемъ съ неуплаченной суммы взыскивается пеня въ 1% въ мѣсяцъ. Въ случаѣ чрезвычайныхъ бѣдствій, значительно сократившихъ доходъ съ заложеннаго имѣнія, можетъ

быть допущена отсрочка платежей, не болѣе какъ на два года. Допускается, при извѣстныхъ условіяхъ, и разсрочка въ уплатѣ отсроченной недоимки. По истеченіи льготнаго срока или отсрочки, имѣніе неисправнаго должника назначается въ продажу съ публичнаго торга. Размѣръ ссудъ не долженъ превышать 60% оцѣночной стоимости закладываемаго имѣнія. Исключеніе изъ этого правила *можетъ* быть допущено только въ тѣхъ случаяхъ, когда перезалогу въ государственномъ банкѣ имѣнія, заложеннаго въ частномъ кредитномъ установленіи, препятствуетъ отсутствіе источника на покрытіе разницы между суммою, необходимою для погашенія прежняго долга, и суммою, выдаваемою государственнымъ банкомъ. При такихъ условіяхъ размѣръ ссуды можетъ быть доведенъ до 70% оцѣночной стоимости имѣнія, но не иначе, какъ по постановленію совѣта банка, принятому большинствомъ двухъ третей голосовъ и утвержденному министромъ финансовъ. Фабрики, заводы и горные промыслы, находящіеся въ закладываемыхъ имѣніяхъ, не должны быть включаемы въ оцѣнку, а лѣса могутъ быть включаемы въ нее лишь въ томъ случаѣ, если эксплоатація ихъ производится и будетъ производиться, въ продолженіе всего срока заіма, по раціональному хозяйственному плану. Стоимость закладываемыхъ имѣній опредѣляется либо по нормальной, либо по спеціальной оцѣнкѣ; послѣдняя можетъ быть производима какъ по просьбѣ владѣльца, въ видахъ увеличенія ссуды, такъ и по усмотрѣнію отдѣленія банка, если нормальная оцѣнка въ примѣненіи къ данному случаю покажется ему слишкомъ высокою.

Указавъ существенныя черты положенія о государственномъ земельномъ банкѣ, мы намѣтили этимъ самымъ и тѣ пункты, по которымъ происходила и происходитъ, быть можетъ, до сихъ поръ борьба между двумя противоположными теченіями или взглядами: общимъ, государственнымъ—и частнымъ, сословнымъ. Положеніе о государственномъ земельномъ банкѣ нанесло тяжелый ударъ преувеличеннымъ надеждамъ, возбужденнымъ въ землевладѣльческихъ, а тѣмъ болѣе въ дворянско-помѣщичьихъ сферахъ, обѣщаніемъ государственнаго поземельнаго кредита. Значительное пониженіе ежегодныхъ платежей (болѣе чѣмъ на два процента противъ взимаемыхъ частными кредитными установленіями), выгоды, ожидаемыя отъ высокаго, сравнительно, курса государственныхъ закладныхъ листовъ,

льготный срокъ для уплаты недоимокъ, возможность отсрочки и разсрочки—все это не удовлетворило массу чаявшихъ «воспособленія» отъ неистощимой, по ихъ понятіямъ, государственной казны. Въ особенности недовольными оказались тѣ, имѣнія которыхъ уже заложены въ частныхъ кредитныхъ установленіяхъ. Изъ ихъ среды—или отъ лица усердныхъ ихъ защитниковъ—идутъ самыя разнообразныя предложенія, несогласимыя, большею частью, съ основною мыслью законопроекта, а иногда и прямо ей противоположныя. Предлагается, напримѣръ, погасить всѣ долги поземельной собственности частнымъ банкамъ посредствомъ выпуска кредитныхъ билетовъ на соотвѣтствующую сумму (до 500 милліоновъ рублей). Имѣнія, освобожденныя такимъ образомъ отъ залога въ частныхъ банкахъ, признавались бы заложенными въ государственномъ банкѣ, а владѣльцы ихъ платили бы въ казну 5%, *считая въ томъ числѣ и ростъ, и погашеніе, и расходы на управленіе банкомъ*. Въ суммѣ выпуска кредитныхъ билетовъ могла бы быть открыта подписка на государственныя бумаги, приносящія процентъ, равный взимаемому съ владѣльцевъ заложенныхъ имѣній или *даже нѣсколько большій*, если бы часть кредитныхъ билетовъ, поступающихъ въ обмѣнъ на новыя процентныя бумаги, была обращена на постройку желѣзныхъ дорогъ. Доходомъ съ этихъ дорогъ покрывалась бы разница между платежами съ заложенныхъ имѣній и процентами по новымъ займамъ. Указываются и другія мѣры, менѣе рѣшительныя, напр. принятіе въ залогъ государственнымъ банкомъ, по желанію владѣльца, *каждаго* имѣнія, заложеннаго въ частномъ кредитномъ установленіи, въ той суммѣ, въ какой оно здѣсь заложено, *безъ производства новой оцѣнки* и съ полнымъ удовлетвореніемъ прежняго долга за счетъ государственнаго банка.

Вторая категорія предложеній имѣетъ въ виду не однихъ только владѣльцевъ имѣній, уже заложенныхъ въ частныхъ кредитныхъ установленіяхъ, а *всѣхъ* будущихъ заемщиковъ государственнаго банка. Главная цѣль этихъ предложеній заключается въ томъ, чтобы гарантировать заемщиковъ противъ потерь, сопряженныхъ съ реализаціей закладныхъ листовъ ниже номинальной ихъ стоимости (обусловливающей собою размѣръ платежей заемщиковъ). Одни хотѣли бы присвоить государственнымъ закладнымъ листамъ свободное обращеніе внутри имперіи, по примѣру прежнихъ билетовъ опекунскаго совѣта,

т.-е. допустить ихъ пріемъ при платежахъ казнѣ наравнѣ съ кредитными билетами; другіе требуютъ *просто* выдачи ссудъ кредитными билетами, въ суммѣ, равной нарицательной цифрѣ долга; третьи, также настаивая на такомъ способѣ выдачи ссудъ, предлагаютъ записывать курсовую разницу особымъ долгомъ на заемщикѣ и погашать этотъ долгъ изъ прибылей банка. Другой предметъ желаній — уменьшеніе цифры ежегодныхъ платежей, обязательныхъ для заемщиковъ. Мы видѣли уже, что въ одномъ изъ контръ-проектовъ эта цифра ограничивается пятью процентами, tout compris; той же цѣли предполагается достигнуть инымъ путемъ—*безсрочностью* ссудъ, т.-е. отсутствіемъ погашенія, при чемъ вмѣсто закладныхъ листовъ пришлось бы выпускать свидѣтельства непрерывнаго дохода. Въ связи съ послѣднимъ предположеніемъ является мысль о взиманіи съ не-дворянина, покупающаго заложенное дворянское имѣніе, пяти-или десяти-процентной доплаты къ суммѣ, въ которой имѣніе заложено, съ тѣмъ, чтобы эти доплаты обращались на погашеніе съ преміей—не обязательно, а по усмотрѣнію банка—выпущенныхъ банкомъ свидѣтельствъ. Третья категорія предложеній касается, наконецъ, способовъ взысканія просроченныхъ ссудъ. По мнѣнію однихъ, имѣнія неисправныхъ владѣльцевъ должны поступать въ опеку или попечительство, по мнѣнію другихъ—они должны становиться собственностью министерства государственныхъ имуществъ или департамента удѣловъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть либо оставить ихъ за собою, либо продать по вольной цѣнѣ въ дворянскій родъ, съ переводомъ долга.

Соединительнымъ звеномъ всѣхъ перечисленныхъ нами предложеній — и вмѣстѣ съ тѣмъ демаркаціонной чертой, отдѣляющей ихъ отъ первоначальнаго правительственнаго проекта—является, очевидно, служеніе частному интересу, стремленіе доставить ему перевѣсъ надъ интересомъ общимъ, государственнымъ. Проектъ министерства финансовъ обезпечиваетъ землевладѣльцевъ настолько, насколько это возможно безъ потерь для казны, т.-е. для плательщиковъ податей, для массы народа; авторы контръ-предложеній заботятся только о наибольшей выгодности государственнаго кредита для землевладѣльцевъ, хотя бы такая выгодность достигалась въ ущербъ другимъ сословіямъ и классамъ общества. Чѣмъ инымъ, какъ не этой односторонней заботой, можно объяснить, напримѣръ,

достопамятную мысль о погашеніи всѣхъ долговъ землевладѣльцевъ частнымъ кредитнымъ установленіямъ, путемъ выпуска кредитныхъ билетовъ на сумму 500 милліоновъ рублей? Не удивительно ли, что такая мысль могла быть заявлена именно въ то время, когда дѣйствуетъ указъ 1 января 1881 г., когда усилія правительства направлены къ изъятію изъ обращенія части кредитныхъ билетовъ? Какъ страстно, какъ слѣпо нужно быть преданнымъ одной общественной группѣ, чтобы поддерживать, съ надеждой не успѣхъ, мѣру, радикально противоположную господствующей финансовой системѣ, мѣру, изъза выгоды немногихъ ставящую на карту правильный ходъ всего государственнаго и народнаго хозяйства! Немногимъ лучше было бы и присвоеніе закладнымъ листамъ такой свободы обращенія, которая почти уравняла бы ихъ съ кредитными билетами. Менѣе крупными по своимъ возможнымъ результатамъ, но столь же несогласными съ справедливостью, представляются всѣ тѣ предложенія, цѣль которыхъ—возложить потери, сопряженныя съ реализаціей закладныхъ листовъ или съ перезалогомъ имѣній, не на заемщиковъ, а на казну, т.-е. опять-таки на тѣ же все выносящія плечи плательщиковъ податей... Выражается ли эта цѣль рѣшительно и прямо, или скрывается за фантастическимъ проектомъ постройки желѣзныхъ дорогъ, доходъ съ которыхъ (а если дохода не будетъ?) покрывалъ бы разницу между платежами заемщиковъ и платежами казны—это совершенно все равно; безразлично также, будутъ ли потери казны зависѣть отъ слишкомъ высокой оцѣнки заложенныхъ имѣній, или отъ выдачи въ ссуду слишкомъ большой части оцѣночной ихъ стоимости, или отъ выдачи ссуды полностью, при курсѣ закладныхъ листовъ ниже pari, или отъ недостаточной энергіи въ взиманіи просроченныхъ ссудъ. Важно то, что во всѣхъ этихъ случаяхъ помощь достаточному классу общества оказывалась бы на счетъ недостаточной массы, и кредитъ, законный только при безубыточности его для государства, получилъ бы характеръ благотворительности, ничѣмъ не вызываемой и не оправдываемой. Мы не утверждаемъ, чтобы къ министерскому проекту нельзя было прибавить ни одной статьи, благопріятной для заемщиковъ; мы настаиваемъ только на необходимости сохранить неприкосновеннымъ основное начало законопроекта — *преобладаніе государственнаго интереса надъ интересомъ заемщиковъ*. По-

яснимъ нашу мысль двумя примѣрами. Одно изъ предложеній, приведенныхъ нами выше, направлено къ тому, чтобы разница между номинальною и курсовою, въ моментъ выдачи ссуды, стоимостью закладныхъ листовъ записывалась особымъ долгомъ на заемщикѣ и погашалась изъ прибылей банка. Ничего противорѣчащаго основному принципу законопроекта въ этомъ предложеніи нѣтъ, потому что государство вовсе не думаетъ обращать въ свою пользу прибыли банка; но если такихъ прибылей не будетъ вовсе, или онѣ будутъ поглощаться всецѣло убытками отъ банковыхъ операцій? Чѣмъ и какъ будетъ тогда погашаемъ «особый долгъ» заемщика? Не преждевременно ли, поэтому, включать теперь въ уставъ банка такое правило, которое, быть можетъ, окажется неисполнимымъ? Не лучше ли предоставить разрѣшеніе этого вопроса будущему, или, по крайней мѣрѣ, указать способъ погашенія «особаго долга», при невозможности покрыть его изъ прибылей банка? Безъ такого указанія «особые долги» легко могутъ обратиться въ источникъ невознаградимыхъ потерь для новаго учрежденія. Другой примѣръ: взамѣнъ публичной продажи, какъ послѣдствія просрочки, предлагается брать имѣніе въ опеку или попечительство Эту мысль нельзя отвергнуть безусловно, такъ какъ интересы банка или казны вовсе не требуютъ продажи имѣнія всегда, во что бы то ни стало; но столь же невозможно и принять ее безъ всякой оговорки, т.-е. сдѣлать учрежденіе опеки (или попечительства) *общимъ правиломъ*, продолжительность ея—безсрочной. Необходимо опредѣлить, въ какихъ случаяхъ и на сколько времени можетъ быть учреждаема опека надъ имѣніемъ неисправнаго должника, при какихъ условіяхъ банкъ можетъ приступить къ продажѣ имѣнія, состоящаго въ опекѣ и т. п. Вполнѣ неудовлетворительными кажутся намъ всѣ комбинаціи, при которыхъ нельзя было бы приводить въ ясность убытки, понесенные банкомъ. Сюда относится, напримѣръ, оставленіе имѣній, въ случаѣ просрочки платежа, за министерствомъ государственныхъ имуществъ или департаментомъ удѣловъ. Само собою разумѣется, что эти учрежденія не должны быть лишены права покупать съ публичнаго торга имѣнія, продаваемыя за долгъ банку—но при такой покупкѣ, какъ и при всякой другой, должна и можетъ быть выяснена потеря банка (или отсутствіе потери), между тѣмъ какъ удержаніе имѣнія казною безъ предшествующихъ торговъ оста-

вляло бы этотъ вопросъ вовсе неразрѣшеннымъ. Помириться съ этимъ было бы легко, если бы имѣнія, удержанныя казною, становились ея неотъемлемою собственностью и раздавались ею въ долгосрочную аренду малоземельнымъ или безземельнымъ крестьянамъ; но въ томъ проектѣ, противъ котораго мы возражаемъ, казнѣ предназначается роль передаточной инстанціи, устраивающей переходъ имѣнія отъ одного дворянскаго рода къ другому.

Намъ могутъ замѣтить, что соображенія, приводимыя нами въ защиту основныхъ началъ законопроекта *о государственномъ* земельномъ банкѣ, не имѣютъ примѣненія къ *дворянскому* земельному банку, поставленному, рескриптомъ 21-го апрѣля, на мѣсто государственнаго. Дворянскій банкъ учреждается съ цѣлью «привлеченія дворянъ къ постоянному пребыванію въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ предстоитъ имъ преимущественно приложить свои силы къ дѣятельности, требуемой отъ нихъ долгомъ ихъ званія». Стремленіемъ къ этой цѣли не оправдываются ли нѣкоторыя жертвы со стороны государства, не оправдывается ли удешевленіе дворянско-помѣщичьяго кредита за счетъ казны, т.-е. за счетъ народа? Мы думаемъ, что нѣтъ. Все различіе между положеніемъ дѣлъ до и послѣ обнародованія рескрипта заключается въ томъ, что прежде шла рѣчь о государственной помощи *землевладѣнію вообще*, а теперь право на помощь признано за однимъ только *дворянскимъ* землевладѣніемъ. Помощь, оказываемая самымъ фактомъ открытія государственнаго кредита, весьма значительна—такъ значительна, что нѣтъ ни надобности, ни основанія усиливать ее невыгодными для государства условіями кредита. Привилегія, созданная для дворянъ, усиливаетъ для нихъ уже сама по себѣ шансы успѣха въ соперничествѣ съ землевладѣльцами другихъ сословій. Въ *государственномъ* земельномъ банкѣ могли бы кредитоваться, на равныхъ правахъ, всѣ землевладѣльцы; дешевый кредитъ не могъ бы сдѣлаться, въ рукахъ одной категоріи землевладѣльцевъ, орудіемъ борьбы противъ всѣхъ остальныхъ. Теперь онъ становится именно такимъ орудіемъ, орудіемъ сильнымъ и безъ дальнѣйшаго обостренія, т.-е. безъ дальнѣйшихъ льготъ въ пользу заемщиковъ дворянскаго банка. Представимъ себѣ, что изъ двухъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ двумя смежными, одинаково цѣнными участками земли, одинъ принадлежитъ, другой — не принадлежитъ къ дворянскому со-

словію. Первый получаетъ ссуду въ суммѣ почти равной номинальному долгу, за 6%, съ постепеннымъ уменьшеніемъ этого платежа до 5½, и съ перспективой весьма серьезныхъ льготъ въ случаѣ неисправности: второй по-прежнему долженъ платить 8—9 процентовъ за ссуду, реализованную при сравнительно невыгодныхъ условіяхъ—тѣмъ болѣе невыгодныхъ. чѣмъ сильнѣе отразится на частныхъ банкахъ учрежденіе дворянскаго банка,—и съ постояннымъ рискомъ продажи имѣнія, хотя бы просрочка въ платежѣ была вызвана пожаромъ, наводненіемъ или неурожаемъ. Неужели различіе между обоими землевладѣльцами еще недостаточно велико, неужели необходимо расширять и углублять его еще больше, въ ущербъ плательщикамъ податей?.. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ основаніи поощренія, оказываемаго дворянскому землевладѣнію, лежитъ не что иное, какъ цѣлый рядъ предположеній: *предположеніе*, что «оскудѣніе» землевладѣльца-дворянина зависитъ не отъ его собственной небрежности, неумѣлости или нерасчетливости, а отъ непреодолимыхъ и неотвратимыхъ обстоятельствъ; *предположеніе*, что полученная на льготныхъ условіяхъ ссуда пойдетъ на улучшеніе хозяйства, а не на что-либо другое, менѣе производительное; *предположеніе*, что, улучшивъ свое хозяйство и поправивъ свое состояніе, дворянинъ-землевладѣлецъ поселится въ своей усадьбѣ и приметъ дѣятельное участіе въ мѣстномъ управленіи; *предположеніе*, что это участіе будетъ полезно для населенія; *предположеніе*, что дворянинъ-землевладѣлецъ окажется лучшимъ сосѣдомъ, работодателемъ, совѣтникомъ и помощникомъ для крестьянъ, чѣмъ землевладѣлецъ недворянскаго происхожденія, и т. д. Чѣмъ больше подобныхъ предположеній, тѣмъ легче можетъ не оправдаться одно изъ нихъ—или многія. Кредитъ, ими обусловливаемый, подлежитъ, поэтому, удешевленію лишь въ такихъ предѣлахъ, въ какихъ снисхожденіе къ однимъ, немногимъ, не служитъ отягощеніемъ для другихъ, для массы народа.

Газетамъ и журналамъ, домогающимся все бо́льшихъ и бо́льшихъ льготъ для дворянъ-землевладѣльцевъ. не мѣшало бы вспомнить одинъ фактъ изъ своего недавняго прошлаго. Когда, три года тому назадъ, въ высшихъ законодательныхъ учрежденіяхъ разсматривался законопроектъ о крестьянскомъ земельномъ банкѣ, органы печати, въ настоящее время столь усердно ратующіе за интересы одного сословія, являлись сторон-

никами совсѣмъ другого начала; они утверждали, что мелкій поземельный кредитъ не долженъ быть *исключительно крестьянскимъ*, что пользованіе имъ въ извѣстныхъ размѣрахъ (до 10 — 15 тысячъ рублей) должно быть доступно для *всѣхъ* классовъ общества. Оставаясь послѣдовательными, они должны были бы стоять и теперь за безсословный кредитъ или, по крайней мѣрѣ, за умѣренность сословныхъ кредитныхъ привилегій. Нельзя не замѣтить, однако, что противорѣчіе коренится здѣсь лишь въ выборѣ аргументовъ, а не въ основной мысли. Въ 1882 г. имѣлось въ виду затормозить развитіе крестьянскаго землевладѣнія, затруднить переходъ земель изъ рукъ дворянства въ руки крестьянъ; теперь имѣется въ виду та же цѣль, только достигаемая инымъ путемъ, иными средствами. Главная ошибка журналовъ, о которыхъ мы говоримъ, заключается въ томъ, что они не принимаютъ въ расчетъ одного существенно важнаго различія между крестьянствомъ и дворянствомъ. Крестьянство—это масса, вся жизнь которой связана съ землею. Способствуя сосредоточенію въ рукахъ этой массы необходимаго для нея количества земли, государство покровительствуетъ не *сословію*: оно покровительствуетъ землевладѣльцамъ, *лично обрабатывающимъ землю*. Отсюда ограниченіе ссудъ, выдаваемыхъ крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ, извѣстными минимальными нормами, сообразно съ числомъ дворовъ или душъ. И все-таки, основанія, на которыхъ дѣйствуетъ крестьянскій банкъ, исключаютъ возможность убытковъ для казны или, по крайней мѣрѣ, доводятъ ея рискъ до наименьшихъ размѣровъ. Мыслимо ли, затѣмъ, такое устройство «дворянскаго» кредита, при которомъ потери со стороны казны были бы не только возможны, не только вѣроятны, но и неизбѣжны?

Параллель между банками крестьянскимъ и дворянскимъ наводитъ еще на другія мысли. Мы только-что упомянули объ ограниченіяхъ, которымъ подчинены ссуды изъ крестьянскаго поземельнаго банка. Управленіемъ банка эти ограниченія понимаются и примѣняются весьма серьезно; мы знаемъ, напримѣръ, что оно отказываетъ въ ссудѣ, если покупщики владѣютъ уже такимъ количествомъ земли, больше котораго они не могутъ обработать силами своей семьи. Отсюда возможность предполагать, что ссуды, производимыя крестьянскимъ банкомъ, приводятъ, въ большинствѣ случаевъ, къ своей настоящей

цѣли, и средства, получаемыя крестьянами отъ государства, не становятся орудіемъ эксплоатаціи или наживы. Нѣчто подобное можетъ и, какъ намъ кажется, должно быть достигнуто и по отношенію къ дворянскому банку. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что однимъ изъ мотивовъ замѣны безсословнаго поземельнаго банка сословнымъ, дворянскимъ, послужило недовѣріе къ способности и готовности землевладѣльцевъ не-дворянъ пользоваться *какъ слѣдуетъ* благодѣяніемъ государственнаго кредита. Высказывалось опасеніе, что открытіе дешеваго кредита каждому землевладѣльцу будетъ равносильно поощренію хозяйственныхъ или экономическихъ безобразій, спекуляціи землями, скупки ихъ для хищнической разработки или для раздачи въ аренду по ростовщическимъ цѣнамъ. Положимъ, что это опасеніе не было лишено основаній; но развѣ для его устраненія достаточно простой замѣны безсословнаго кредита кредитомъ дворянскимъ? Развѣ кулаки, истощающіе землю и эксплоатирующіе народъ, встрѣчаются только между разночинцами? Само собою разумѣется, что управленію банкомъ не можетъ быть предоставлена повѣрка нравственныхъ качествъ землевладѣльца, ходатайствующаго о ссудѣ; но и помимо такой повѣрки, есть возможность убѣдиться, до извѣстной степени, въ томъ, что ссуда будетъ употреблена согласно съ цѣлью учрежденія дворянскаго банка. Такъ напримѣръ, условіемъ для выдачи ссуды могло бы служить постоянное пребываніе въ усадьбѣ въ продолженіе нѣсколькихъ предшествовавшихъ лѣтъ, или производство въ имѣніи извѣстныхъ хозяйственныхъ улучшеній, или обязательство произвести ихъ въ теченіе опредѣленнаго срока. Исключеніе изъ общаго правила могло бы быть допущено только для перезалога имѣній, уже заложенныхъ въ частныхъ кредитныхъ установленіяхъ, такъ какъ здѣсь достаточнымъ мотивомъ къ выдачѣ ссуды является замѣна однихъ, чрезмѣрно обременительныхъ условій кредита другими, болѣе легкими.

XVI.

Регламентація студенческихъ занятій и профессорскихъ лекцій [1]).

Ни одинъ изъ новѣйшихъ законовъ не оставлялъ столько простора для инструкцій или дополнительныхъ правилъ, издаваемыхъ административною властью, сколько оставилъ его университетскій уставъ 23 августа 1884 г. Многіе—и притомъ существенно-важные — вопросы были разрѣшены этимъ уставомъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ или не разрѣшены вовсе, а только намѣчены для дальнѣйшей разработки. Къ послѣдней категоріи принадлежитъ все касающееся зачета полугодій, повѣрочныхъ испытаній въ стѣнахъ университета, государственныхъ испытаній въ особыхъ комиссіяхъ—т.-е. самыхъ капитальныхъ сторонъ университетской жизни. Правила, ихъ регулирующія, утверждены министромъ народнаго просвѣщенія и распубликованы во всеобщее свѣдѣніе передъ самымъ началомъ текущаго учебнаго года; не опредѣленнымъ до сихъ поръ остается только составъ особыхъ экзаменаціонныхъ комиссій—вѣроятно потому, что онѣ будутъ призваны къ дѣятельности еще не скоро. Если правила объ экзаменныхъ требованіяхъ, которымъ должны удовлетворять испытуемые въ особыхъ комиссіяхъ, обнародованы задолго до открытія самыхъ комиссій, то это объясняется тѣсною связью этихъ правилъ съ свойствомъ и объемомъ университетскаго преподаванія. И для учащихъ, и для учащихся одинаково необходимо знать уже те-

[1]) «Вѣстникъ Европы». 1885 г., октябрь, общественная хроника.

перь, какъ будутъ организованы небывалые до сихъ поръ у насъ государственные экзамены. Что касается до правилъ о зачетѣ полугодій и о повѣрочныхъ испытаніяхъ, то они немедленно вступаютъ въ силу и должны оказать еще болѣе непосредственное вліяніе на занятія профессоровъ и студентовъ.

Отличительная черта правилъ о зачетѣ полугодій — стремленіе регламентировать, регламентировать даже то, что́ всего меньше поддается регламентаціи—напримѣръ, взглядъ студента на профессора, характеръ ихъ взаимныхъ отношеній. Студенту вмѣняется въ обязанность «видѣть въ преподавателѣ не судью, который допытывается его недостатковъ и недочетовъ, чтобы по нимъ постановить приговоръ, а наставника и руководителя, призваннаго способствовать ему въ усвоеніи необходимыхъ познаній». Характеристическимъ признакомъ каждаго студента, имѣющаго право на зачетъ семестра, признается «охотное обращеніе въ серьезныхъ затрудненіяхъ къ преподавателямъ, готовность выслушивать ихъ замѣчанія и указанія и пользоваться ими, довѣрчивая откровенность въ отвѣтахъ на вопросы по предметамъ преподаванія на повѣрочныхъ испытаніяхъ и въ другихъ случаяхъ». Конечно, весь этотъ параграфъ легко можетъ сдѣлаться мертвой буквой, какъ то бываетъ съ постановленіями нашихъ гражданскихъ законовъ о любви мужа къ женѣ и о повиновеніи жены мужу — или онъ можетъ ввести въ обычай такіе «вещественные знаки невещественныхъ отношеній», подъ покровомъ которыхъ можетъ процвѣсти и лицемѣріе. «Довѣрчивость», старающаяся обнаружить себя во что бы то ни стало, «готовность», тщательно подчеркивающая свое существованіе, обращеніе, нарочито заявляющее себя «охотнымъ»—для всего этого въ нѣмецкомъ языкѣ есть непереводимое, но весьма выразительное слово: Augendienerei. Не думаемъ, чтобы понятіе, соотвѣтствующее этому слову, нашло для себя благодарную почву въ русской университетской жизни—но если что-нибудь можетъ благопріятствовать его сѣменамъ и росткамъ, то именно чрезмѣрное расширеніе области формальныхъ предписаній, стремленіе основать на нихъ не только порядки, но и чувства.

Болѣе опредѣленны, но едва-ли болѣе цѣлесообразны требованія, имѣющія предметомъ прилежаніе студентовъ. «Для зачета полугодій», говоритъ параграфъ 5-ый, «принимаются въ основаніе данныя студентомъ доказательства своего приле-

жанія въ изученіи предметовъ факультета: оцѣнка же результата его занятій принадлежитъ правительственнымъ комиссіямъ». Съ этимъ абсолютнымъ принципомъ не вполнѣ согласуется параграфъ 11 ый, рекомендующій преподавателю, при контролѣ практическихъ упражненій и домашнихъ работъ, имѣть въ виду «не столько оцѣнку удовлетворительности результата, сколько качество положеннаго труда и способовъ, какими студентъ старался исполнить свою задачу». Судить о результатахъ студенческихъ занятій разрѣшается, слѣдовательно, и профессору, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Такое разрѣшеніе было неизбѣжно. Оцѣнить прилежаніе помимо его результатовъ можно только при самомъ близкомъ знакомствѣ съ учащимся, при постоянномъ наблюденіи за каждымъ его шагомъ, т-е. при условіяхъ, едва осуществимыхъ даже въ закрытомъ учебномъ заведеніи и вовсе немыслимыхъ въ университетѣ. Положимъ, что мало способный студентъ проводитъ дни и ночи надъ работой, которая въ концѣ-концовъ все-таки ему не удается; какъ онъ докажетъ профессору, что въ основаніи неудачи лежитъ нѣчто другое, чѣмъ недостатокъ прилежанія? Вѣдь не станетъ же профессоръ производить разслѣдованіе о томъ, сколько часовъ студентъ сидѣлъ надъ книгой и тетрадью. Прилежаніемъ обусловливается въ особенности количество труда, не подлежащее точной повѣркѣ; приглашая профессоровъ обращать вниманіе на качество труда, правила существенно отступаютъ отъ своей исходной точки, стушевываютъ демаркаціонную черту, проведенную ими первоначально между функціями университетовъ и правительственныхъ комиссій.

Ошибочно было бы думать, однако, что этимъ уничтожаются и всѣ невыгодныя послѣдствія искусственнаго дѣленія. Настаивая больше всего на прилежаніи, возводя его на степень мѣрила, обязательнаго и для профессоровъ, и для студентовъ, правила о зачетѣ полугодій широко открываютъ дверь для формализма, мало совмѣстнаго съ успѣшнымъ ходомъ научныхъ занятій. «Прилежный студентъ», на основаніи параграфа 8-го, «не ограничивается пассивнымъ слушаніемъ лекціи, но, внимательно слѣдя за нею, записываетъ по крайней мѣрѣ наиболѣе существенные моменты ея содержанія и составляетъ послѣдовательно, изо дня въ день, конспекты слушаемыхъ лекцій. Предъявленіе такихъ записей или конспектовъ, въ сомни-

тельныхъ случаяхъ, можетъ служить однимъ изъ доказательствъ прилежанія студента». Если сопоставить это правило съ параграфомъ 14-мъ, возлагающимъ на инспекцію наблюденіе за исправнымъ посѣщеніемъ, а на преподавателей—наблюденіе за исправнымъ слушаніемъ лекцій, то нельзя не придти къ заключенію, что чисто внѣшнимъ признакамъ вниманія и усердія отводится весьма видное мѣсто въ мотивахъ, обусловливающихъ аттестацію студента. Разъ что записываніе лекцій и составленіе конспектовъ является не совѣтомъ, а требованіемъ, въ студентахъ, какъ и въ профессорахъ, весьма легко можетъ развиться привычка преувеличивать значеніе этого требованія, считать исполненіе его лучшимъ доказательствомъ «прилежанія», столь важнаго для судьбы студента. Усидчивость, аккуратность, точность—качества безспорно желательныя, но все же второстепенныя — могутъ получить рѣшительное преобладаніе надъ другими, менѣе бросающимися въ глаза, но болѣе серьезными. Профессоръ, отдающій предпочтеніе знанію передъ шаблоннымъ трудолюбіемъ, снисходительный къ внѣшнимъ пробѣламъ въ записяхъ или конспектахъ, если только имъ не соотвѣтствуютъ внутренніе пробѣлы въ свѣдѣніяхъ, можетъ показаться придирчивымъ, несправедливымъ; студенты могутъ взвести на него обвиненіе въ нарушеніи правилъ, въ присвоеніи себѣ той роли, которая предоставлена исключительно правительственнымъ комиссіямъ. Вмѣсто взаимнаго довѣрія можетъ, такимъ образомъ, получиться цѣлый рядъ недоразумѣній, для предупрежденія которыхъ стоило бы только дать профессорамъ нѣсколько большую свободу дѣйствій, студентамъ—нѣсколько меньше поводовъ злоупотреблять девизомъ: «усердіе все превозмогаетъ».

Передача окончательныхъ испытаній изъ рукъ университетовъ въ руки особыхъ правительственныхъ комиссій влечетъ за собою, ipso facto, нѣкоторое приспособленіе университетскаго преподаванія къ программамъ, пріемамъ и взглядамъ комиссій. Это явленіе естественное и неизбѣжное; вреднымъ и ненормальнымъ оно становится только тогда, когда переступаетъ извѣстныя границы, когда идетъ въ разрѣзъ съ такъ-называемой академической свободой, внося въ занятія учащихъ и учащихся элементъ узкой практичности, усиленную заботу о предстоящемъ государственномъ экзаменѣ. «Неустойчивому равновѣсію» между научными и житейскими требованіями безъ

того уже угрожаетъ у насъ постоянная опасность рѣшительнаго торжества послѣднихъ надъ первыми; задачей ближайшаго будущаго слѣдовало бы признать охраненіе той чашки вѣсовъ, которая ежеминутно рискуетъ взлетѣть на воздухъ. Правила о зачетѣ полугодій ложатся всей своей тяжестью на противоположную чашку; они усиливаютъ тяготѣніе къ «практичности», и безъ того слишкомъ сильное. Чрезвычайно характерна, съ этой точки зрѣнія, оговорка, сдѣланная въ извѣстномъ уже намъ опредѣленіи отношеній студента къ профессору; первому предлагается видѣть въ послѣднемъ лицо, призванное способствовать ему «въ усвоеніи тѣхъ необходимыхъ познаній, въ которыхъ придется ему отдать отчетъ на предстоящемъ по окончаніи университетскаго ученья рѣшающемъ судѣ правительственныхъ испытаній». Итакъ, профессоръ долженъ быть для студентовъ не истолкователемъ чистой науки, не проводникомъ на пути, ведущемъ къ знанію, а помощникомъ въ пріобрѣтеніи диплома, служащаго ключемъ къ той или другой карьерѣ. Въ этомъ взглядѣ нѣтъ ничего новаго, онъ всегда пользовался у насъ большою, слишкомъ большою популярностью—но тѣмъ менѣе нужно было оффиціальное его закрѣпленіе, тѣмъ желательнѣе было, наоборотъ, встрѣтиться съ авторитетнымъ противодѣйствіемъ ему. Въ другихъ параграфахъ правилъ та же самая мысль выражается еще яснѣе. Студенту,—читаемъ мы въ § 16,—«предоставляется, въ извѣстной мѣрѣ, свобода избирать себѣ для слушанія предметы, сверхъ поставляемыхъ ему въ обязанность экзаменными требованіями; но занятія его этими предметами въ соображеніе при зачетѣ не принимаются. Понужденія къ сверхъ-обязательнымъ занятіямъ со стороны факультета быть не должно; напротивъ, деканамъ и преподавателямъ рекомендуется предостерегать студентовъ отъ обманчивыхъ увлеченій незрѣлою любознательностью, могущихъ безплодно разсѣять ихъ силы и погубить ихъ время». Параграфъ 17-й опять возвращается къ тому же предмету, установляя, что слушаніе курсовъ по научнымъ спеціальностямъ, сверхъ нормы экзаменныхъ требованій, не принимается въ соображеніе при зачетѣ полугодій. Этого мало: косвенный запретъ кладется не только на цѣлые курсы или предметы, но и на части курсовъ, если онѣ не имѣютъ прямого соотношенія съ «нормой экзаменныхъ требованій». «Если преподаватель обязательной для студента науки,—гово-

рится въ ст. 17-й, — не ограничивается въ преподаваніи оной установленною нормой, но идетъ далѣе, студенты обязываются предъявить доказательства своего прилежанія только въ предѣлахъ, установленныхъ экзаменными требованіями относительно даннаго предмета. Такъ напримѣръ, профессоръ философіи, сверхъ изученія Платона и Аристотеля, поставляемаго въ обязанность студенту филологическаго факультета, можетъ излагать системы другихъ мыслителей и свою, *буде таковую имѣетъ*, но слушаніе сверхъ-обязательной части преподаванія предоставляется любознательности студентовъ и имъ не вмѣняется въ обязанность доказывать по оной свое прилежаніе». Не слышится ли въ этихъ *послѣднихъ словахъ нѣкоторая* иронія, несвойственная, *вообще говоря, оффиціальнымъ документамъ*? Не означаютъ ли они, *въ вольномъ переводѣ*, что профессору, усердствующему свыше «нормы», предоставляется читать передъ пустыми скамьями?.. Мы не стоимъ за принужденіе и понужденіе въ дѣлѣ высшаго образованія — но ужъ если признано нужнымъ регулировать исправное посѣщеніе и даже исправное слушаніе лекцій, то не странно ли ставить эту исправность въ зависимость отъ того, о чемъ говоритъ преподаватель? Выходъ изъ нормы—понятіе относительное, не всегда достаточно опредѣленное; нѣтъ такихъ признаковъ, по которымъ можно было бы безошибочно констатировать переходъ профессора изъ области обязательнаго въ область «сверхъ-обязательнаго». «Отчего вы не были сегодня на лекціи такого-то профессора»? — спроситъ инспекторъ у студента. — Оттого. — отвѣтитъ послѣдній, — что профессоръ вышелъ изъ нормы, а я не любознателенъ. «Отчего, — спроситъ профессоръ—вы не написали заданнаго вамъ упражненія?» — Оттого— отвѣтитъ студентъ, — что заданная тема относится къ сферѣ «сверхъ-обязательнаго» и выступаетъ за предѣлы, въ которыхъ я долженъ «доказывать свое прилежаніе». Удобны ли, желательны ли такіе разговоры? Нужно ли усиленно напоминать студентамъ, что они должны изучать только необходимое для полученія диплома? Большинство учащихся не слишкомъ ли и безъ того уже расположено смотрѣть на свои занятія именно съ этой утилитарной точки зрѣнія?.. Нужно ли, съ другой стороны, отбивать у профессоровъ охоту расширять кругъ своего преподаванія, присоединять къ общимъ курсамъ, согласованнымъ, въ главныхъ чертахъ, съ требованіями государствен-

ныхъ экзаменовъ, частные, подробные курсы по той или другой части предмета, не пріуроченные ни къ какой извнѣ данной цѣли? Судя по первымъ словамъ ст. 17-ой, слушателями такихъ курсовъ предполагаются преимущественно лица, выдержавшія уже испытаніе въ правительственныхъ комиссіяхъ. Не споримъ, можетъ быть оно такъ и будетъ на самомъ дѣлѣ— но только вслѣдствіе правилъ, стѣсняющихъ и затрудняющихъ приливъ студентовъ къ «сверхъ-обязательнымъ курсамъ». Въ Германіи курсы, посвященные спеціальнымъ научнымъ вопросамъ, сплошь и рядомъ привлекаютъ слушателей изъ числа студентовъ, безъ всякаго ущерба для главныхъ задачъ преподаванія Какъ согласить, притомъ, ограниченіе частныхъ курсовъ съ поощреніемъ приватъ-доцентуры, о которомъ такъ много говорили составители и защитники новаго университетскаго устава? Читать общій курсъ, уже объявленный однимъ изъ профессоровъ, приватъ-доцентъ, въ большинствѣ случаевъ, не рѣшится; самымъ удобнымъ поприщемъ дѣятельности для начинающихъ преподавателей было бы именно изученіе, вмѣстѣ съ студентами, тѣхъ или другихъ спеціальныхъ научныхъ вопросовъ. Свободу ученья, провозглашенную уставомъ, правила о зачетѣ сводятъ къ размѣрамъ еще болѣе ничтожнымъ, чѣмъ свободу преподаванія; они ограничиваютъ ее, въ сущности, правомъ выбора между нѣсколькими преподавателями, читающими одинъ и тотъ же предметъ (§ 3). Часто ли будетъ встрѣчаться такая комбинація? Много ли найдется университетовъ, располагающихъ избыткомъ личнаго состава, много ли преподавателей, склонныхъ къ конкурренціи другъ съ другомъ? Если и допустить, что одинъ и тотъ же курсъ—въ однихъ и тѣхъ же размѣрахъ, продиктованныхъ экзаменными требованіями — будетъ читаться нѣсколькими преподавателями, то не приведетъ ли это къ напрасной тратѣ силъ, къ застою и односторонности въ научныхъ занятіяхъ профессоровъ?

Необходимой основѣ научныхъ занятій — достаточному досугу отъ обязательной работы,—угрожаетъ, впрочемъ, другая, еще болѣе серьезная опасность. Повѣрочныя испытанія, просмотръ и поправка домашнихъ студенческихъ работъ, потребуютъ отъ профессоровъ большой затраты времени, отвлекая ихъ отъ кабинетнаго труда, отъ дальнѣйшей разработки своего предмета. Безспорно, практическія упражненія, самостоятельныя работы составляютъ существенно-важную часть университет-

скаго курса, и противъ обязательности ихъ, пока они остаются въ извѣстныхъ границахъ, нельзя сказать ни слова. Въ какой степени это послѣднее условіе будетъ соблюдено при примѣненіи новаго устава — объ этомъ, покамѣстъ, судить еще не время; но для серьезныхъ опасеній уже теперь есть поводъ, въ особенности если сопоставить правила о зачетѣ съ распубликованнымъ одновременно съ ними циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія (отъ 23 августа). Въ общихъ правилахъ о зачетѣ ничего не говорится о времени производства повѣрочныхъ испытаній; распредѣленіе ихъ предоставлено факультетамъ, съ тѣмъ, чтобы они не нарушали общаго хода преподаванія (§ 19). Болѣе опредѣлительны, въ этомъ отношеніи, частныя правила о зачетѣ полугодій для студентовъ юридическаго факультета, повторяемыя и развиваемыя еще дальше въ министерскомъ циркулярѣ. «Повѣрочныя испытанія, — читаемъ мы въ этой послѣдней бумагѣ,—будутъ тѣмъ полезнѣе, чѣмъ чаще производятся, служа побужденіемъ для студентовъ внимательно слѣдить за ходомъ преподаванія. По усмотрѣнію преподавателя, такія испытанія или репетиціи могутъ быть дѣлаемы имъ послѣ каждаго пройденнаго отдѣла». Если на мѣсто усмотрѣнія будетъ поставлено приказаніе, то повѣрочныя испытанія займутъ громадное число часовъ, отнятыхъ либо у преподаванія, либо у досуга преподавателя, и сдѣлаются чѣмъ-то въ родѣ гимназическихъ репетицій, т.-е. не столько бесѣдой о пройденномъ, съ цѣлью разъясненія и дополненія его, сколько внѣшней, механической повѣркой вниманія и прилежанія слушателей. Что касается до домашнихъ работъ, то для того, чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о ихъ значеніи и объемѣ, мы должны перейти отъ общихъ правилъ о зачетѣ къ спеціальнымъ правиламъ для отдѣльныхъ факультетовъ, а также къ правиламъ объ экзаменныхъ требованіяхъ правительственныхъ комиссій. Особенно интереснымъ и важнымъ представляется здѣсь все то, что относится къ факультетамъ историко-филологическому и юридическому.

Классическая филологія составляла у насъ до сихъ поръ только одну изъ отраслей историко-филологическаго образованія; на первомъ планѣ изученіе ея стояло только для тѣхъ, кто посвящалъ себя ей спеціально. Теперь она занимаетъ въ историко-филологическомъ факультетѣ то самое мѣсто, которое принадлежитъ древнимъ языкамъ въ классическихъ гимназіяхъ;

она становится средоточіемъ и основаніемъ требованій, предъявляемыхъ ко всѣмъ безъ исключенія слушателямъ факультета. *Каждый* изъ нихъ, въ *каждое* изъ восьми полугодій, долженъ изучить на дому по меньшей мѣрѣ одну книгу (въ древнемъ смыслѣ этого слова) или одну трагедію, одну комедію, одинъ обширный діалогъ, одну обширную рѣчь или два небольшихъ діалога и двѣ небольшія рѣчи греческаго и римскаго авторовъ, изъ числа читаемыхъ въ старшихъ классахъ гимназій или объясняемыхъ въ университетѣ. Тѣ книги авторовъ, которыя въ данное полугодіе объясняются съ каѳедры или толкуются при научно-практическихъ занятіяхъ, не могутъ быть избираемы студентами для домашняго чтенія. Помимо этого чтенія, для каждаго студента историко-филологическаго факультета обязательно исполненіе, въ каждомъ полугодіи, домашнихъ письменныхъ работъ, къ числу которыхъ принадлежатъ переводы и упражненія въ древнихъ языкахъ. Работы, задаваемыя по русской исторіи и по русской литературѣ, не должны препятствовать успѣшному занятію студентовъ основными общеобязательными предметами (т.-е. древними языками). Къ этимъ же предметамъ должны относиться *четырнадцать* изъ числа *восемнадцати* лекцій, слушаніе которыхъ обязательно для студентовъ. Сообразно съ этимъ, общеобязательными для всѣхъ испытуемыхъ въ историко-филологической комиссіи являются *только* свѣдѣнія, относящіяся, прямо или косвенно, къ области классической филологіи. Главнымъ основаніемъ всего историко-филологическаго испытанія служитъ интерпретація греческихъ и римскихъ авторовъ; затѣмъ требуются знанія по греческимъ и римскимъ древностямъ, по исторіи греческой и римской литературы, по древне-классической метрикѣ, по миѳологіи, по исторіи Греціи и Рима, по исторіи древняго пластическаго искусства, по философіи Платона и Аристотеля. «Твердость въ формахъ и синтаксическихъ оборотахъ, а для латинскаго языка—и въ стилистикѣ», испытуемые должны обнаружить посредствомъ «клаузурныхъ работъ». Другими словами, испытаніе въ историко-филологической комиссіи — это, отчасти, повтореніе или продолженіе экзамена на аттестатъ зрѣлости. Студентъ историко-филологическаго факультета, чѣмъ бы онъ ни намѣревался заняться послѣ окончанія курса, какой бы спеціальности ни желалъ посвятить себя, *долженъ* отдавать почти все свое время изученію классической филологіи—и притомъ отдавать

его не только чтенію авторовъ, не только знакомству съ умственною и политическою жизнью древности, но и чисто грамматическимъ упражненіямъ: тѣмъ же переводамъ съ русскаго языка на греческій и латинскій, надъ которыми онъ трудился въ продолженіе восьми лѣтъ гимназическаго курса. Обременение профессоровъ классической филологіи громадною массой домашнихъ студенческихъ работъ — это еще далеко не самый неблагопріятный результатъ новой системы. Гораздо важнѣе обусловливаемое ею ограниченіе занятій другими предметами, входящими въ область историко-филологическаго факультета. Четыре лекціи изъ восемнадцати, домашнія работы, исполняемыя въ немногіе свободные промежутки между переводами и упражненіями по древнимъ языкамъ — вотъ все, что̀ остается на долю такихъ предметовъ, какъ философія, сравнительное языкознаніе. русская литература, исторія всеобщая и русская, географія и этнографія, исторія западно-европейскихъ и славянскихъ литературъ! Философія (за исключеніемъ древне-греческой) и географія не играютъ *никакой* роли въ экзаменныхъ требованіяхъ; изученіе ихъ предоставляется исключительно «любознательности» студентовъ, т.-е. относится къ числу тѣхъ занятій, которыя не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на зачетъ полугодій, и отъ «увлеченія» которыми деканъ и профессора должны предостерегать студентовъ. Историко-филологическій факультетъ и при дѣйствіи прежняго устава не принадлежалъ, какъ извѣстно, къ числу тѣхъ, къ которымъ особенно охотно стремятся студенты — а между тѣмъ, съ точки зрѣнія общаго образованія онъ имѣетъ (вмѣстѣ съ естественнымъ отдѣленіемъ физико-математическаго факультета) безспорныя преимущества передъ всѣми остальными. Изученіе математики, медицины, юриспруденціи даетъ спеціалистовъ—изученіе философіи, исторіи, естественныхъ наукъ даетъ широкое образованныхъ людей, въ которыхъ такъ сильно нуждается наше общество. Привлеченіе студентовъ къ историко-филологическому факультету было бы задачей въ высшей степени важной и благодарной; правила о зачетѣ и объ экзаменныхъ требованіяхъ какъ бы стремятся— или по крайней мѣрѣ могутъ привести — къ цѣли прямо противоположной. Кто не чувствуетъ особаго расположенія къ классическимъ языкамъ, кого они утомили и оттолкнули уже въ гимназіи, тотъ отступитъ передъ перспективой новаго, четырехлѣтняго погруженія въ эту пучину и пройдетъ мимо историко-

филологическаго факультета, какъ бы сильно ни было въ немъ желаніе посвятить себя изученію философіи, исторіи, литературы. Найдутся, однако, лица, которыя рѣшатся на тяжкій искусъ и поступятъ на историко-филологическій факультетъ, не имѣя намѣренія сдѣлаться классиками по профессіи. Трудно ожидать, чтобы они вынесли изъ университета основательныя, всесторонніе знанія по избранному ими предмету. Положимъ, напримѣръ, что мы имѣемъ дѣло съ будущимъ учителемъ русской исторіи. Изъ двухъ группъ «дополнительныхъ требованій» (т.-е. дополнительныхъ къ обязательнымъ предметамъ) онъ избираетъ, конечно, вторую, въ которую включена его спеціальность. И что же? Въ этой группѣ нѣтъ мѣста для *русской литературы!* Другими словами, можно сдѣлаться учителемъ русской исторіи, вовсе не занимавшись русской литературой—или наоборотъ, учителемъ русской литературы, вовсе не занимавшись русской исторіей. Отъ будущаго учителя всеобщей исторіи не требуется, въ силу тѣхъ же правилъ, знанія исторіи западно-европейскихъ литературъ. Въ основаніи всѣхъ этихъ несообразностей лежитъ одна и та же причина—преувеличенная роль, отведенная классической филологіи и оттѣсняющая на второй планъ все остальное. Можно подумать, что студенты историко-филологическаго факультета готовятся всѣ поголовно въ учителя древнихъ языковъ. И дѣйствительно, отъ тѣхъ изъ нихъ, которые избрали эту дорогу, не требуется на экзаменѣ ни на волосъ больше свѣдѣній по классической филологіи, чѣмъ отъ всѣхъ другихъ.

Обратимся теперь къ юридическому факультету. Здѣсь господствующая роль принадлежитъ римскому праву, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ древнимъ языкамъ на историко-филологическомъ факультетѣ. Для того, чтобы юристы не слишкомъ отстали отъ филологовъ, основаніемъ устнаго и письменнаго испытанія по римскому праву имѣетъ служить подлинный текстъ институцій Гая и Юстиніана. Ниже римскаго гражданскаго права, но все же на весьма видномъ мѣстѣ стоитъ римское государственное право, съ тѣми отличительными особенностями, которыми оно характеризуется въ восточной половинѣ имперіи, т.-е. въ Византіи. По исторіи философіи права требуется только знаніе главныхъ ученій древне-классическаго міра, въ особенности ученій Платона, Аристотеля и Цицерона. Между студентами, посвятившими себя юриспруденціи въ тѣсномъ смыслѣ

этого слова, и такъ называемыми камералистами, не дѣлается никакого различія; уровень знаній по римскому праву и еще по *тринадцати* главнымъ предметамъ установленъ одинаковый для тѣхъ и другихъ. Выборъ спеціальности можетъ выразиться лишь по отношенію къ такъ называемымъ особымъ, дополнительнымъ требованіямъ, изъ числа которыхъ для каждаго студента обязательны только два (а всѣхъ ихъ—десять). Кто предполагаетъ, напримѣръ, сосредоточиться на изученіи политической экономіи или финансоваго права, тотъ можетъ не держать экзамена по восьми другимъ «особымъ требованіямъ», но долженъ знать права римское, церковное, государственное, международное, уголовное, гражданское и торговое, энциклопедію правовѣдѣнія, исторію философіи права въ такой же мѣрѣ, какъ и будущій юристъ. Слабыя стороны этой системы менѣе важны, чѣмъ указанныя нами неудобства единовластія древнихъ языковъ на историко-филологическомъ факультетѣ,—но во всякомъ случаѣ она далеко не гармонируетъ съ девизомъ, рекомендуемымъ какъ руководство для испытательныхъ комиссій: non multa, sed multum.

Особенность правилъ, относящихся къ юридической испытательной комиссіи, заключается въ томъ, что они не ограничиваются установленіемъ минимальнаго размѣра и внѣшнихъ нормъ университетскаго преподаванія, а имѣютъ въ виду регулированіе его по существу, по содержанію. Отсюда полемическій характеръ правилъ, сообщающій имъ, мѣстами, большое сходство съ публицистикой. Мы встрѣчаемъ здѣсь и насмѣшки надъ Блунчли, «преподающимъ уроки мудрости правительствамъ»,—и наставленіе по адресу «позитивныхъ философовъ», съ указаніемъ на то, что они забываютъ и чѣмъ «плѣняются»,—и порицаніе исторіи философіи, по которой будто бы имѣются большею частью только «лишенные научнаго характера пересказы содержанія, нерѣдко вовсе непонятнаго или извращеннаго, въ смыслѣ доктрины, по личному вкусу излагателей». Если кому-нибудь изъ профессоровъ вздумается объявить курсъ по исторіи философіи права, то слушаніе этого курса будетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, актомъ гражданскаго мужества, потому что съ точки зрѣнія правилъ оно явится доказательствомъ мало похвальнаго «желанія пріобрѣсти запасъ именъ, разныхъ курьезовъ и готовыхъ сужденій безъ понятій».

«Вмѣсто разныхъ доктринъ и теорій, претендующихъ на

всеобщее значеніе и именующихъ себя философскими», предисловіе, предпосланное правиламъ, признаетъ «дѣйствительнымъ условіемъ всѣхъ наукъ общую всѣмъ людямъ логику здраваго смысла, рѣшенія которой столь же обязательны, какъ и очевидность факта. Что не выдерживаетъ ея окончательнаго суда, то не можетъ быть не только принимаемо, но и терпимо ни въ какомъ дѣлѣ». Итакъ, надъ наукой ставится высшая апелляціонная инстанція, повѣряющая и контролирующая ея выводы; здравый смыслъ возносится надъ знаніемъ, дѣлается окончательнымъ его судьею. Но развѣ рѣшенія, постановляемыя здравымъ смысломъ, всегда бываютъ единогласны? Развѣ онъ всегда и всѣмъ подсказываетъ одно и то же? Развѣ, отправляясь отъ него и оставаясь—или думая, что остаешься — на его почвѣ, нельзя придти къ самымъ противоположнымъ заключеніямъ? Развѣ непогрѣшима самая *очевидность факта*, съ обязательностью которой сравнивается обязательность внушеній здраваго смысла? Вѣдь «логику здраваго смысла» и «очевидность факта» имѣлъ на своей сторонѣ и приговоръ надъ Коперникомъ или Галилеемъ... И логика здраваго смысла, и очевидность факта—понятія относительныя, неустойчивыя, измѣняющіяся, между прочимъ, именно подъ вліяніемъ развитія науки. «Очевидное» для дикаря или для ребенка можетъ быть сомнительнымъ или немыслимымъ въ глазахъ взрослаго, образованнаго человѣка; здравый смыслъ большинства сегодня признаетъ безспорнымъ одно, завтра—другое. Составители правилъ хотѣли создать что-то неподвижное среди движенія, постоянно одинаковое среди перемѣнъ—и, конечно, не достигли своей цѣли. Мы увидимъ сейчасъ, что они даже не остались вѣрными своей исходной точкѣ.

«Преподаватели юридическихъ дисциплинъ, слѣдуя главному и единственно плодотворному методу познающей науки, окажутъ истинную пользу учащимся заботами не о томъ, чтобы снабжать ихъ готовыми обобщеніями, а о томъ, чтобы давать имъ тщательно провѣренный матеріалъ, изъ котораго могли бы они сами, продолжая свои изученія или находясь при дѣлахъ, вырабатывать свои понятія и воззрѣнія. *Иные думаютъ, что теоріями можно предохранить молодые умы отъ увлеченій. Большая ошибка! Обобщенія навязанныя, и притомъ преждевременно, оставляютъ въ умѣ легковѣсныя представленія*, которыя безъ труда приводятся въ произвольныя сочетанія. Уни-

верситетъ долженъ давать государству не верхоглядовъ, не фанатиковъ чужой мысли, но умы дѣльные, зрячіе, дѣйствительно знающіе и проникнутые чувствомъ реальности властвующихъ въ нравственномъ мірѣ силъ». Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ много справедливаго; особенно замѣчательны подчеркнутыя нами фразы — но чѣмъ сильнѣе онѣ врѣзываются въ память, тѣмъ больше бросаются въ глаза отступленія отъ только-что установленнаго начала. Протестуя, и совершенно основательно, противъ снабженія студентовъ готовыми обобщеніями, противъ навязыванія имъ теорій, хотя бы съ самою благонамѣренною цѣлью, составители правилъ сами не избѣжали ни того, ни другого. У нихъ также есть готовыя обобщенія, предвзятыя теоріи, которыми они хотятъ «снабдить» не только студентовъ, но и профессоровъ. «Наказаніе,—читаемъ мы нѣсколькими строками ниже приведеннаго нами мѣста правилъ, — есть прямое послѣдствіе, естественная развязка преступнаго дѣла. Безъ соотвѣтственнаго наказанія преступное дѣло остается безъ исхода. Нормальный человѣкъ, мучимый совѣстью, самъ чувствуетъ потребность кары, которая есть не что иное какъ post factum являющееся нравственное начало, не оказавшееся въ силѣ въ моментъ преступнаго рѣшенія». Что это такое, какъ не «готовое обобщеніе», какъ не «теорія», и притомъ не новая, а прямо заимствованная изъ той исторіи философіи права, о которой съ такимъ пренебреженіемъ отзываются составители правилъ? Не помнимъ, кто именно изъ нѣмецкихъ философовъ-криминалистовъ провозгласилъ *право преступника на наказаніе;* цитированное нами разсужденіе—парафраза этого принципа. Основателенъ ли онъ или неоснователенъ—это вопросъ, въ настоящую минуту для насъ безразличный; намъ нужно было только доказать, что составители правилъ черпаютъ изъ осужденнаго ими источника, что у нихъ есть своя доктрина, совершенно однородная съ другими. Имъ кажется, можетъ быть, что единственнымъ ея основаніемъ служитъ «логика здраваго смысла»,— но вѣдь то же самое думаетъ каждый мыслитель о своемъ излюбленномъ ученіи. Теоріей, доктриной слѣдуетъ признать, далѣе, и тѣ взгляды, проводникомъ которыхъ должна служить, за силою «экзаменныхъ требованій», наука государственнаго права. По мѣткому выраженію г. П. Б. Д.—автора замѣчательной статьи, недавно появившейся въ «Руси» (№ 11)—правила о юридическихъ испытаніяхъ заключаютъ въ себѣ цѣлую «го-

сударственную философію», обязательную и для учащихъ, и для учащихся. Свободно созданная преподавателемъ, столь же свободно усваиваемая слушателями, эта философія могла бы имѣть то или другое значеніе; преподаваемая и повторяемая par ordre, она приведетъ именно къ тѣмъ результатамъ, о которыхъ такъ предусмотрительно говорятъ, въ другомъ мѣстѣ, составители правилъ. Въ лучшемъ случаѣ явятся «фанатики чужой мысли», «легковѣсныя представленія» которыхъ окажутся плохой почвой для плодотворной работы; въ худшемъ случаѣ «преждевременно навязанное обобщеніе» вызоветъ реакцію, уступитъ мѣсто прямо противоположному взгляду... Стремясь опредѣлить не только рамки, но и духъ университетскаго преподаванія, «экзаменныя требованія» превысили, если можно такъ выразиться, свою законную власть, выступили за предѣлы своего законнаго назначенія. Наука, искусственно подводимая подъ заранѣе опредѣленный уровень, обязательно приспособляемая къ заранѣе опредѣленной практической цѣли, либо продолжаетъ идти своимъ путемъ, вопреки стѣсненіямъ и преградамъ, либо перестаетъ быть наукой.

XVII.

Русская печать о Финляндіи.—Представленія, возстающія изъ могилы.—„Русь“ и берлинскій трактатъ.—„Хорошіе“ и „дурные“ учебники [1]).

Въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Петербурга начинается обширная, мало-населенная страна, природныя красоты которой извѣстны петербургскимъ жителямъ гораздо больше, чѣмъ внутреннее ея устройство. Чтобы привлечь къ ней на время вниманіе русскаго общества и русской печати, нужно что-нибудь экстренное, въ родѣ послѣдней сессіи финлядскаго сейма или недавняго посѣщенія Государемъ Императоромъ Выборга, Вильманстранда и Гельсингфорса. Съ замѣчательнымъ постоянствомъ повторяется, въ такихъ случаяхъ, одно и то же явленіе: рѣзкое противорѣчіе во взглядахъ и чувствахъ, возбуждаемыхъ ближайшимъ знакомствомъ съ финляндскими порядками. Въ однихъ глубокое сочувствіе къ Финляндіи смѣшивается съ тяжелымъ раздумьемъ о судьбѣ ея сосѣда, съ невольнымъ сожалѣніемъ о томъ, что многое, издавна осуществленное по ту сторону рѣки Сестры, до сихъ поръ остается недоступнымъ для Россіи; въ другихъ мѣсто сожалѣнія заступаетъ досада, мѣсто сочувствія—едва скрываемая антипатія. Никогда, кажется, это различіе впечатлѣній не выражалось такъ ярко, какъ именно въ послѣднее время. Въ корреспонденціяхъ, описывавшихъ поѣздку царской семьи по Финляндіи, преобладало настроеніе, благопріятное для финляндцевъ;

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1885 г., сентябрь, общественная хроника.

но не успѣли еще замолкнуть отголоски торжества, какъ послышались уже новыя варіаціи на старую, злобную тему. «Каждому финноману,—читаемъ мы въ одной изъ петербургскихъ газетъ,—слѣдуетъ и на утренней, и на вечерней молитвѣ вспоминать, что онъ сынъ страны самой бѣдной, самой непроизводительной въ Европѣ, и гражданинъ народа, въ расовомъ отношеніи одареннаго весьма малою, скудною интеллигенціей... Территоріи Финляндіи принадлежатъ Россіи, народъ же финскій, въ виду его простоты, честности и политической безпритязательности, *оставленъ нами жить на этой территоріи, въ качествѣ ея безсрочнаго арендатора.* Если Финляндія пользуется теперь правами, которыми дорожитъ, то этимъ она обязана всего менѣе своей силѣ, также и не богатству страны,—но прямо обязана нашему великодушію и шведскому пришлому дворянству, имѣвшему возможность за щитомъ Россіи не только сохранить свою оригинальность и свою шведскую культуру, но и передать ее нѣкоторымъ изъ финляндцевъ; поэтому финляндцы существуютъ только потому, что существуетъ громадная, сильная и великодушная Россія. Благоразумные патріоты финскаго народа должны были бы каждаго ребенка своего заставлять заучивать извѣстную басенку: «Какъ я великъ,—дитя на столикѣ вскричалъ,—а няня говоритъ: сниму и будешь малъ». Финляндія—въ сущности только великодушный капризъ Россіи, поставившей ее на нѣкоторую культурную высоту. Какъ только возникаетъ тѣнь какого-нибудь поползновенія со стороны ребенка схватить свою добрую няню за волосы — эта колоссальная няня, безъ всякаго особаго усилія, можетъ поставить капризную малютку со стола подъ столъ».

Изъ-за чего, спрашивается, написана эта діатриба, могущая служить образцомъ—выражаясь мягко—политической безтактности? Изъ-за того, что корреспонденту одной англійской газеты вздумалось приписать финляндцамъ мысль о нейтралитетѣ, въ случаѣ войны между Англіей и Россіей. Итакъ, достаточно самаго вздорнаго слуха, чтобы вылить цѣлый потокъ оскорбленій на народъ, намъ дружественный и близкій? Нѣтъ болѣе низкопробнаго, грубаго хвастовства, чѣмъ хвастовство грубой силой. Угрозы, расточаемыя газетой по адресу финляндцевъ, могутъ быть сведены къ двумъ словамъ, часто раздающимся на площади, въ толпѣ, при встрѣчѣ самонадѣяннаго силача съ неопаснымъ, смирнымъ прохожимъ: *берегись*,

расшибу! Въ чьихъ-нибудь глазахъ эти слова и служатъ, можетъ быть, доказательствомъ молодечества и удали, но никому еще не приходило въ голову считать ихъ убѣдительнымъ аргументомъ, дѣлать ихъ краеугольнымъ камнемъ полемики. Хороша, зато, и полемика, вращающаяся около такого центра! Смѣшивая начало XIX-го вѣка съ эпохой великаго переселенія народовъ, она признаетъ за завоевателемъ право согнать завоеванный народъ съ территоріи, издавна имъ обитаемой; она обращаетъ коренныхъ жителей страны въ «безсрочныхъ арендаторовъ» ея, терпимыхъ только въ виду ихъ «простоты, честности и безпритязательности». Даже англичане, во времена Елизаветы, Кромвелля и Вильгельма III-го, не выгнали ирландцевъ изъ Ирландіи, — а русскіе, при Александрѣ I-мъ, могли переселить финляндцевъ въ Россію или приказать имъ удалиться въ Швецію? Что не было сдѣлано тогда, то можетъ быть сдѣлано теперь, при малѣйшемъ «капризѣ ребенка»? Цѣлый народъ можетъ быть низведенъ на степень англійскихъ tenants at will, сохраняющихъ за собою свои земельные участки лишь on sufferance, пока это угодно землевладѣльцу?.. «Великодушіе», одно только великодушіе создало Финляндію, однимъ только великодушіемъ она держится до настоящей минуты? Ничего подобнаго не представляетъ вся всемірная исторія. Допустимъ, что въ жизни государствъ или народовъ бываютъ *великодушные порывы* (хотя, при ближайшемъ разсмотрѣніи, явленія, обыкновенно подводимыя подъ эту рублику, всегда или почти всегда оказываются болѣе сложными, побужденія, ихъ вызвавшія — менѣе безкорыстными, чѣмъ кажется съ перваго взгляда); отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы великодушіе могло быть, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, единственнымъ или главнымъ регуляторомъ международныхъ и междугосударственныхъ отношеній. Чѣмъ бы ни объяснялось установленіе порядковъ, данныхъ Финляндіи вслѣдъ за завоеваніемъ ея Россіей, *сохраненіе* этихъ порядковъ и дальнѣйшее ихъ развитіе во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что они не заключали и не заключаютъ въ себѣ ничего несовмѣстнаго съ интересами завоевателя. И дѣйствительно, изъ всѣхъ нашихъ окраинъ Финляндія безспорно причинила и причиняетъ Россіи всего меньше тревогъ и затрудненій. Не даромъ же покойный императоръ, бывшій свидѣтелемъ образа дѣйствій финляндцевъ во время войны 1854—56 гг., призвалъ къ жизни,

нѣсколько лѣтъ спустя, учрежденія, не отмѣненныя формально, но бездѣйствовавшія при Николаѣ I-мъ. Этого мало: задачи внутренняго управленія, до сихъ поръ не разрѣшенныя въ западныхъ губерніяхъ, едва поставленныя въ губерніяхъ прибалтійскихъ, въ Финляндіи разрѣшаются сами собою, почти безъ вмѣшательства русской правительственной власти. Финны—въ Финляндіи, эсты—въ остзейскомъ краѣ принадлежатъ къ одной и той же «скудно одаренной» расѣ—а между тѣмъ положеніе тѣхъ и другихъ совершенно различно. Равноправность между шведами и финнами — почти совершившійся фактъ; равноправность между нѣмецкимъ и эстонскимъ населеніемъ прибалтійскихъ губерній—мечта, все еще далекая отъ осуществленія.

Кому обязана Финляндія быстрымъ движеніемъ своимъ впередъ, умственнымъ и матеріальнымъ—шведскому ли «пришлому дворянству» или совокупности всѣхъ сословій, — это вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго мы теперь не входимъ; несомнѣнно одно — элементы движенія были только мѣстные, и охрана, данная ему Россіей, имѣла преимущественно пассивный характеръ. «Нѣкоторой культурной высоты» Финляндія достигла сама, собственными силами; первые шаги ея въ этомъ направленіи были сдѣланы ею задолго до завоеванія ея Россіей. Чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить Финляндію со странами, ей сосѣдними и отчасти родственными. Путешественники, изучающіе Швецію и Норвегію, встрѣчаются тамъ со многими чертами, свойственными Финляндіи — съ грамотностью, трезвостью, относительною развитостью сельскаго населенія, съ интенсивностью умственной жизни въ городахъ, съ общей заботливостью о народной школѣ, съ умѣньемъ извлекать многое изъ условій, данныхъ суровымъ климатомъ и неблагодарною почвой. По своей природѣ Финляндія — страна безспорно бѣдная, наравнѣ съ сѣверной полосой Скандинавскаго полуострова; но это еще не значитъ, чтобы финскій крестьянинъ, въ среднемъ выводѣ, нуждался больше, чѣмъ русскій, и чтобы «бѣдной Финляндіи» можно было, кичась, противопоставлять «богатую Россію». Финское племя, разсматриваемое какъ одно цѣлое, безспорно менѣе даровито, чѣмъ славянское; но къ чему напоминать объ этомъ финляндцамъ, когда обсуждается только государственная связь ихъ съ Россіей? Русская литература несравненно богаче

и выше финской, передъ русскимъ искусствомъ раскрывается горизонтъ несравненно болѣе широкій; но вѣдь рѣчь идетъ не о томъ, чтобы сдѣлать финновъ причастными къ русской литературѣ и русскому искусству. Для потребностей ежедневной жизни, для устройства хорошей администраціи, правильнаго государственнаго хозяйства, финская интеллигенція, въ союзѣ и взаимодѣйствіи съ шведской, оказывается достаточно сильной и умѣлой. Примѣръ мадьяръ, одноплеменныхъ съ финнами, позволяетъ предполагать, что политическая способность не чужда финской расѣ даже тогда, когда въ культурномъ ея слоѣ не преобладаетъ посторонняя примѣсь.

Статья, изъ которой мы привели нѣсколько цитатъ — далеко не единственная въ своемъ родѣ. Та же петербургская газета, полемизируя съ «Helsingfors Dagblat», ставитъ въ вину финляндской прессѣ ея самозащиту противъ нападеній, задѣвающихъ самыя чувствительныя струны національнаго самолюбія. О характерѣ этой самозащиты можно составить себѣ понятіе по одному примѣру. Возражая противъ увѣренія, что Финляндія не можетъ пропитывать своего населенія и можетъ, въ этомъ отношеніи, ожидать помощи только отъ Россіи», Гельсингфорсская газета восклицаетъ: «какъ будто Финляндія и ея населеніе получили въ подарокъ хоть одинъ изъ тѣхъ кулей русской муки, которые здѣсь потребляются! Всѣ они честно оплачены, совершенно такъ же, какъ и та рожь, которую ежегодно и остальная Западная Европа вывозитъ изъ Россіи». Прочитавъ эти слова, можно только пожалѣть о томъ, что безтактность нѣкоторыхъ русскихъ газетъ заставляетъ нашихъ финляндскихъ собратій повторять такія азбучныя истины, ссылаться на такіе очевидные и безспорные факты. Что же дѣлаютъ петербургскіе антагонисты Финляндіи? Они подчеркиваютъ слова: «*остальная* Западная Европа», усматривая въ нихъ дерзновенное поползновеніе финляндцевъ отшатнуться отъ Востока, т.-е. отъ Россіи, и примкнуть, хотя бы мысленно, къ западнымъ нашимъ сосѣдямъ!.. «Хотя военныя силы Финляндіи,—говоритъ другая петербургская газета,—имѣютъ цѣлью защищать престолъ и отечество и тѣмъ содѣйствовать также и защитѣ имперіи, но — timeo Danaos et dona ferentes... Вооруженныя силы Финляндіи въ видѣ обособленной арміи являются такимъ же анормальнымъ явленіемъ въ общемъ строѣ политической жизни Россіи, какъ если бы предположить существо-

ваніе особыхъ армій Бѣлоруссіи, Малоруссіи, Кавказа, Сибири. Финская армія, не имѣющая своего raison d'être, является лишь, съ нашей стороны, уступкой гордости и самолюбію финскаго народа». Итакъ, нюландская и улеоборгская губернія ничѣмъ не отличаются отъ губерній витебской или полтавской? Куда же дѣвалось великое княжество финляндское, съ своимъ великимъ княземъ и своимъ сеймомъ? Что анормальнаго въ томъ, что въ государствѣ, связь котораго съ Россіей имѣетъ почти исключительно *личный* характеръ, существуютъ свои мѣстныя войска? Почему «обособленность» финскихъ батальоновъ—нѣчто болѣе удивительное, чѣмъ обособленность, напримѣръ, норвежскаго войска отъ шведскаго?.. О «великодушіи» Россіи по отношенію къ Финляндіи говорится (по поводу невыгоднаго для насъ курса финскихъ марокъ) и въ недавней корреспонденціи «Московскихъ Вѣдомостей», прямо провозглашающей Финляндію «провинціею Россіи». Оригинальна въ этой корреспонденціи ссылка на какого-то «стокгольмскаго академика», ведущаго, будто бы, рѣчи, вполнѣ достойныя нашихъ доморощенныхъ «финнофобовъ». Финляндія, по мнѣнію этого академика — «паразитъ на здоровомъ, могучемъ тѣлѣ Россіи; захочетъ Россія—и паразиту не придется питаться ея соками». Если академикъ, выводимый на сцену корреспондентомъ—не миѳъ, то мы готовы заподозрить его въ намѣреніи перенести ненужнаго и вреднаго намъ «паразита» на свое собственное, шведское тѣло.

То, что̀ дѣлается и говорится теперь кругомъ насъ, напоминаетъ иногда сцену на кладбищѣ въ мейерберовскомъ «Робертѣ». Мертвецы встаютъ изъ могилъ, подъ аккомпаниментъ плохо забытыхъ мотивовъ; начинается длинный танецъ привидѣній, какъ бы старающихся припомнить прежнія позы и аттитюды. Къ числу такихъ привидѣній принадлежитъ колоссальная фигура, раскинувшаяся «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды»—фигура все превозмогающая и преодолѣвающая одною своей колоссальностью. Она является то въ образѣ благодѣтельной волшебницы, то въ образѣ богатыря, однимъ своимъ видомъ наводящаго ужасъ на супостатовъ, то въ образѣ няни, окруженной малолѣтками, балующей или карающей ихъ по «уѣмотрѣнію». Подъ вліяніемъ этихъ фантасмагорій слабѣетъ чувство дѣйствительности, теряется умѣнье понимать самыя простыя вещи. *Личная связь* между двумя го-

сударствами—форма, давно выработанная исторіей и признанная политикой и правомъ—представляется чѣмъ-то чудовищнымъ, нелѣпымъ; естественные, неизбѣжные ея результаты разсматриваются какъ аномалія, какъ капризъ, устранимый въ каждую данную минуту. Зрѣлость государственнаго организма измѣряется его величиной; небольшая страна—*только потому*, что она небольшая — приравнивается къ ребенку, которому можно и должно отъ времени до времени и пригрозить, чтобы онъ не забывался передъ взрослыми. Презрительное, высокомѣрное отношеніе къ Финляндіи—только одна изъ формъ той «мономаніи величія», признаки которой опять начинаютъ обнаруживаться въ нашемъ обществѣ. Распространенію этой болѣзни всегда благопріятствуетъ остановка или поворотъ назадъ во внутренней жизни государства. Характернымъ ея симптомомъ служитъ съ нѣкоторыхъ поръ, между прочимъ, періодически повторяющійся плачъ надъ берлинскимъ трактатомъ—плачъ, отъ котораго одинъ лишь шагъ до мысли о «реваншѣ». «Въ Петербургѣ, — восклицаетъ «Русь», — и до сихъ поръ не умѣютъ понять всей силы деморализующаго воздѣйствія берлинскаго трактата на русскую жизнь... Берлинскій трактатъ—это нравственное паденіе Россіи, какъ государства; непосредственнымъ его результатомъ было совершенное ослабленіе довѣрія къ административному Петербургу». Исходя изъ этой основной мысли, «Русь» усматриваетъ одну свѣтлую точку въ полутьмѣ истекшаго полугодія: «подъемъ духа», вызванный образомъ дѣйствій правительства по англо-афганскому вопросу. «Даже перспектива войны,—утверждаетъ газета г. Аксакова — никого не смутила. Охотно, повидимому, приняла бы Россія даже самую войну, если ужъ невозможно ей иначе, какъ именно такою цѣною, обрѣсти себѣ нравственное здоровье, почувствовать себя вновь мощнымъ, единымъ цѣлымъ, вновь исполниться вѣры въ единство духа съ высшей властью». Эта тирада напомнила намъ знаменитый вопросъ, поставленный въ концѣ «Нови»: «кто будетъ чародѣй, который всѣ наши раны заживитъ, выдернетъ всѣ наши недуги, какъ больной зубъ? Дарвинизмъ? Деревня? *Заграничная война?*». Комментаріемъ къ этому наклинскому вопросу могутъ служить теперь письма Тургенева, совпадающія, по времени, съ появленіемъ его послѣдняго романа. «У насъ на Руси,—читаемъ мы въ письмѣ отъ 9 декабря 1876 г.,—снова проявилась столь часто замѣченная черта: ото

всѣхъ нашихъ болѣзней—лѣни, вялости, пустоты, скуки—мы ищемъ излѣчиться разомъ, какъ зубъ заговорить... Вотъ мы теперь за войну ухватились. Все это признакъ слабаго развитія умственнаго—и, говоря прямо, необразованія». Не знаменательно ли, въ самомъ дѣлѣ, самое повтореніе явленія, подмѣченнаго Тургеневымъ? Въ 1876 г. не было еще берлинскаго трактата, не было еще этого козла очищенія, къ которому пріурочивается теперь болѣзнетворное начало въ русскомъ государственномъ организмѣ,—а болѣзнь все-таки существовала (или, по крайней мѣрѣ, на нее жаловались), и лѣкарство рекомендовалось то же, что̀ и нынче. О значеніи—или, лучше сказать, о незначительности—берлинскаго трактата для внутренней жизни Россіи мы говорили уже не разъ [1]); ограничимся теперь указаніемъ на противорѣчіе, въ которое впадаютъ наши шовинисты. Они желали бы, по видимому, обойтись безъ войны—но какъ же обойтись безъ нея, если главнымъ источникомъ зла, главной помѣхой на пути къ лучшему будущему служитъ берлинскій трактатъ? Развѣ есть какое-нибудь средство добиться его отмѣны, не обнажая меча, не прибѣгая къ силѣ? Развѣ достаточно для этого повышенія тона въ дипломатическихъ переговорахъ или бряцанія оружіемъ въ газетныхъ статьяхъ, въ застольныхъ спичахъ? Допустимъ, что семь лѣтъ тому назадъ можно было добиться, безъ новой войны, другихъ результатовъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ привелъ берлинскій конгрессъ; слѣдуетъ ли отсюда, что ошибка, сдѣланная тогда, безъ труда можетъ быть исправлена теперь, что Австрія добровольно очиститъ Боснію и Герцоговину?... Одно изъ двухъ: или необходимо положить конецъ «нравственному паденію» Россіи, вызванному берлинскимъ трактатомъ—въ такомъ случаѣ незачѣмъ обольщать себя и другихъ надеждой на миролюбивое достиженіе этой цѣли; или нужно признать, что для заботы о поднятіи «престижа» нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній—и въ такомъ случаѣ рѣшительно отбросить мысль о войнѣ, какъ о чемъ-то нетерпѣливо ожидаемомъ или хотя бы «охотно принимаемомъ» Россіей.

Другой выходецъ изъ могилы, также расхаживающій, съ нѣкоторыхъ поръ, по нашей печати—это представленіе о наукѣ, какъ о чемъ-то второстепенномъ и ничтожномъ въ сравненіи съ благонадежностью. Знаменитое изреченіе дѣдушки Крылова

[1]) См. выше, № V.

о музыкантахъ, «немножко дерущихъ», повторяется теперь, въ разныхъ варіаціяхъ, совершенно серьезно, какъ великая истина и важное руководящее начало. Наука, съ этой точки зрѣнія, представляетъ собою «мало опредѣленнаго и извѣстнаго въ безконечномъ морѣ неопредѣленнаго и неизвѣстнаго»; изъ-за нея не стоитъ быть требовательнымъ и строгимъ. Пускай ученикъ не знаетъ «тонкостей новѣйшей науки» (напр., не имѣетъ никакого понятія объ удѣльной системѣ), на это можно «наплевать»; важно только, чтобы онъ «понималъ исторію Россіи, какъ понималъ ее Карамзинъ и имѣлъ въ душѣ тѣ же чувства»... «Не надо быть фанатикомъ науки, какъ вещи относительной, сухой, холодной и бездушной. Надо уважать ее, но ставя въ школѣ выше всего любовь и заботу о душѣ». Противъ послѣдняго положенія нельзя было бы возразить ни слова, если бы за нимъ не скрывалось нѣчто мало похожее на истинную любовь, на разумную заботу. Въ сущности рѣчь идетъ ни о чемъ другомъ, какъ о культивированіи любви къ отечеству посредствомъ благонамѣренныхъ учебниковъ, объ искусственномъ насажденіи «карамзинскихъ» чувствъ, съ помощью классныхъ отмѣтокъ и дисциплинарныхъ взысканій. Никакой учебникъ не можетъ научить патріотизму; единственная его задача—дать положительныя, точныя, систематическія знанія. Настроеніе духа, характеръ, нравственныя правила вырабатываются семьей и жизнью; школа принимаетъ большое участіе въ этой работѣ, но не столько путемъ предписаній, не столько преподаваніемъ ex cathedra частной и общественной морали, сколько совокупностью незримыхъ и неуловимыхъ вліяній, не поддающихся регламентаціи и не являющихся par ordre. Попытки создать, учебниками и лекціями, обязательный для всѣхъ, форменный, такъ сказать, образъ мыслей, могутъ привести только къ обратному результату, приготовить почву для другихъ, противоположныхъ мнѣній. Идеаломъ учебника съ точки зрѣнія новѣйшихъ—т.-е. въ сущности одряхлѣвшихъ и давно отжившихъ—взглядовъ, можно считать учебникъ русской исторіи Устрялова. Достигъ ли онъ своей цѣли—объ этомъ судить нетрудно, если припомнить, что на немъ воспиталось поколѣніе конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ... Мы вовсе не хотимъ защищать безусловно устройство и дѣятельность тѣхъ учрежденій, отъ которыхъ зависитъ теперь одобреніе или неодобреніе учебниковъ и книгъ для школьнаго чтенія;

но въ тысячу разъ лучше оставить ихъ такъ, какъ они есть, чѣмъ реформировать ихъ по программѣ модныхъ проповѣдниковъ моднаго просвѣщенія. «Знакомство съ авторами учебниковъ, поощреніе хорошихъ, удаленіе дурныхъ, бесѣда съ хорошими директорами училищъ о дѣйствіи того или другого учебника на молодежь, наблюденіе за вліяніемъ учебниковъ въ школѣ, немедленное изъятіе изъ употребленія дурныхъ учебниковъ»—таковы главныя черты этой программы, содержащей въ себѣ всѣ задатки для созданія чего-то въ родѣ высшей школьной инквизиціи. Лицемѣріе учителей и учениковъ—вотъ единственное возможное послѣдствіе системы, при дѣйствіи которой *хорошимъ* признавалось бы все согласованное, *дурнымъ*—все несогласованное съ требованіями минуты.

Судя по нѣкоторымъ признакамъ, агитація противъ «дурныхъ» учебниковъ не остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Если вѣрить статьѣ, появившейся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», книга Ушинскаго: «Родное Слово», по которой училось столько школьныхъ поколѣній, признана недавно «неудобной для употребленія въ училищахъ». Авторъ статьи совершенно правъ, называя это рѣшеніе «событіемъ большой важности», «свидѣтельствомъ о наступившемъ переворотѣ въ дѣлѣ начальнаго обученія русской грамотѣ». Онъ правъ и тогда, когда говоритъ, что ради «логической послѣдовательности» судьбу книги Ушинскаго должны раздѣлить и другія, написанныя въ томъ же духѣ. «Иначе,—восклицаетъ онъ въ избыткѣ усердія,—изъятіе изъ школы «Родного Слова» будетъ похоже на отсѣченіе лишь одной главы у многоглавой гидры. Ушинскій и гидра — это сопоставленіе единственное въ своемъ родѣ, отлично характеризующее «духъ времени». Что поставить на мѣсто «Родного Слова», «Нашего Друга» и другихъ книгъ той же категоріи—объ этомъ наши модные педагоги не заботятся; ихъ конечная цѣль—возвращеніе къ часословной школѣ, не нуждающейся ни въ какихъ «свѣтскихъ» учебникахъ и руководствахъ. Въ церковно-приходскихъ школахъ роль свѣтскихъ книгъ доведена или доводится до минимума: почему бы не поступить точно также и по отношенію къ земскимъ школамъ? Путемъ «послѣдовательныхъ» запрещеній можно поставить ихъ на одинъ уровень съ церковно-приходскими—а отсюда уже недалеко будетъ и до установленія одного школьнаго типа, до подчиненія духовенству *всѣхъ* начальныхъ школъ.

XVIII.

Еще о Финляндіи [1]).

Одно изъ самыхъ печальныхъ явленій настоящей минуты—ожесточенная травля финляндскихъ учрежденій, до сихъ поръ не прекращающаяся въ нѣкоторыхъ органахъ нашей періодической печати. Все становится поводомъ или предлогомъ къ угрозамъ, къ подозрѣніямъ, къ грубой похвальбѣ сильнаго передъ слабымъ; самостоятельность Финляндіи выставляется чѣмъ-то случайнымъ, висящимъ на волоскѣ—на волоскѣ, надъ которымъ уже занесено или во всякую данную минуту можетъ быть занесено остріе ножа. Откуда идетъ, чѣмъ вызывается эта агитація, разсчитанная на что угодно, только не на сближеніе между финляндцами и русскими? Усиливается ли, торжествуетъ ли въ Финляндіи партія или группа, враждебно настроенная по отношенію къ Россіи, подкапывающаяся подъ существующіе порядки, ищущая поддержки по ту сторону западной финляндской границы? Ничего подобнаго мы не видимъ: шведскій элементъ, менѣе финскаго расположенный къ Россіи, не играетъ больше господствующей роли; газета, служащая главнымъ органомъ его (Helsingfors Dagblad), теряетъ свое прежнее значеніе, преобладаніе на сеймѣ и въ странѣ переходитъ къ такъ называемымъ финноманамъ. О нейтралитетѣ Финляндіи въ случаѣ войны между Россіей и западными державами никто, повидимому, не думаетъ серьезно. Остается только постановка памятниковъ на мѣстѣ битвъ,

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1885 г., ноябрь, общественная хроника.

происходившихъ въ 1808 г. между русскими и шведскими войсками, и этотъ обвинительный пунктъ, за отсутствіемъ другихъ, особенно сильно эксплоатируется нашей воинствующей печатью. Кто повѣрилъ бы лѣтъ 20—25 тому назадъ, что между русскими публицистами найдутся добровольцы репрессіи, найдутся люди болѣе проникнутые полицейскими взглядами, чѣмъ сама полиція? Празднества въ Виртѣ и Ютасѣ состоялись открыто, гласно, съ вѣдома и согласія администраціи—а насъ хотятъ увѣрить, что они имѣли возмутительный, измѣнническій характеръ, что настоящею ихъ цѣлью было возбужденіе населенія противъ русскаго правительства и противъ Россіи! Въ продолженіе цѣлыхъ трехъ четвертей вѣка исторія Финляндіи не представляетъ ни одного факта, которымъ можно было бы подтвердить это заключеніе. Мятежный духъ не является сразу, не является безъ причины, среди глубокой тишины, при правильномъ движеніи народной жизни. Населеніе Финляндіи имѣетъ законные пути для выраженія своихъ потребностей и желаній; оно отличается спокойствіемъ и благоразуміемъ, исключающимъ возможность безцѣльныхъ и опасныхъ демонстрацій. Предполагать, что въ торжественномъ воспоминаніи о прошедшемъ скрывается протестъ противъ настоящаго, попытка подготовить другое будущее—значитъ примѣнять къ Финляндіи, безъ всякаго на то права, представленія, заимствованныя изъ другихъ условій, изъ другой обстановки. Передъ обвинителями финляндцевъ возстаютъ, очевидно, картины варшавскихъ событій, предшествовавшихъ возстанію 1863 г.; но что же общаго между тогдашнимъ настроеніемъ царства польскаго и теперешнимъ настроеніемъ Финляндіи? Положеніе обѣихъ странъ, ихъ исторія, характеръ національностей—все совершенно различно; достаточно указать на то, что масса населенія въ царствѣ польскомъ принадлежитъ къ одному и тому же племени, что польское крестьянство до 1863 г. было совершенно безсильно и пассивно — а въ Финляндіи стоятъ лицомъ къ лицу двѣ равноправныя народности, и высшія сословія, шведскія по происхожденію или по культурѣ, уравновѣшиваются свободнымъ и политически развитымъ крестьянствомъ. При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ мѣста для той подозрительности, которая была неизбѣжна, четверть вѣка тому назадъ, въ Вильнѣ или Варшавѣ, нѣтъ мѣста для преслѣдованій и запрещеній, рекомендуемыхъ нашей реакціонной пе-

чатью. Если бы церемоніямъ виртской и ютасской и не былъ чуждъ демонстративный характеръ, безпрепятственное разрѣшеніе ихъ административной властью было бы лучшимъ средствомъ сломить остріе жала, вложеннаго въ нихъ небольшою горстью агитаторовъ. Довѣріе власти къ народу вызываетъ и укрѣпляетъ довѣріе народа къ власти. Не встрѣчая противодѣйствія, враждебное чувство, если и допустить его существованіе (конечно не въ массѣ, а въ отдѣльныхъ лицахъ), должно исчезнуть само собою.

Если Финляндія до сихъ поръ никогда не была для Россіи источникомъ тревогъ и опасеній, то объясненія этому слѣдуетъ искать всего болѣе въ отсутствіи посягательствъ на самобытное развитіе страны. Даже въ продолженіе того полу-столѣтія, когда не собирался финляндскій сеймъ, Финляндія управлялась по ея обычаямъ и законамъ, пользовалась большою самостоятельностью и нѣкоторой свободой. Послѣдніе 22 года пріучили ее къ участію въ политической жизни. Она не можетъ не дорожить благами, однажды пріобрѣтенными, не можетъ не считать ихъ прочнымъ достояніемъ своимъ, закрѣпленнымъ за нею долгимъ, спокойнымъ владѣніемъ. Для государствъ и народовъ, какъ и для частныхъ лицъ, существуетъ своего рода давность, обращающая фактъ въ право и ограждающая его отъ произвольныхъ нарушеній. Отсюда безплодность и несостоятельность разсужденій, отрицающихъ право именно и исключительно потому, что оно основано *только* на фактѣ. Изъ того, что отношенія Финляндіи къ Россіи построены не на обоюдномъ соглашеніи, не на двухсторонней сдѣлкѣ, нельзя—или, по меньшей мѣрѣ, не слѣдуетъ—выводить полную шаткость этихъ отношеній. Каково бы ни было юридическое, абстрактное значеніе подобныхъ выводовъ, они во всякомъ случаѣ должны быть осуждены во имя политическихъ соображеній. Конечно, можно представить себѣ такую комбинацію данныхъ, которыя оправдывали бы отмѣну финляндскихъ «привилегій»—но опасаться наступленія подобной комбинаціи въ настоящее время нѣтъ ни малѣйшей причины, а слѣдовательно нѣтъ основанія и для угрозъ, ею обусловливаемыхъ. Важно не то, какимъ научнымъ терминомъ опредѣляется связь между Финляндіей и Россіей—важно укрѣпленіе этой связи, достижимое, конечно, не бряцаніемъ ножа въ ножнахъ, не напоминаніями о безсиліи и безпомощности финляндцевъ. Мы никогда не

утверждали, чтобы связь между Финляндіей и Россіей была *персональной уніей* въ тѣсномъ, техническомъ смыслѣ слова— но мы думали и продолжаемъ думать, что ближе всего она подходитъ именно къ этому типу государственнаго устройства. Можно ли говорить о полной реальной связи, о безусловномъ единеніи между политическими тѣлами, которыя отдѣлены одно отъ другого таможенною линіей, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое законодательство, свои финансы, свою монетную систему?

XIX.

Перемѣна въ управленіи министерствомъ юстиціи [1]).

Событіями были, въ свое время, такія перемѣны въ составѣ высшей администраціи, какъ увольненіе въ 1861 г. С. С. Ланского (и Н. А. Милютина), въ 1866 г.—А. В. Головнина, въ 1867 г.—Д. Н. Замятнина, въ 1880 г.—гр. Д. А. Толстого, въ 1881 г.—гр. Лорисъ-Меликова, гр. Д. А. Милютина и А. А. Абазы, въ 1882 г.—гр. Н. П. Игнатьева и барона Николаи. Къ такимъ событіямъ прибавилось еще одно: увольненіе Д. Н. Набокова отъ управленія министерствомъ юстиціи.

Д. Н. Набоковъ былъ назначенъ министромъ юстиціи лѣтомъ 1878 г., черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ оправданія Вѣры Засуличъ и черезъ нѣсколько недѣль послѣ изданія закона 9-го мая, ограничившаго кругъ дѣйствій суда присяжныхъ (изъяты изъ его вѣдѣнія дѣла о сопротивленіи распоряженіямъ правительства, о неповиновеніи властямъ, объ оскорбленіи начальниковъ подчиненными, о насильственныхъ дѣйствіяхъ и угрозахъ противъ должностныхъ лицъ и т. п.). Уже отсюда можно заключить, что бывшій министръ былъ облеченъ этимъ званіемъ не какъ «ревностный, фанатически усердный борецъ за идею неприкосновенности новыхъ судебныхъ учрежденій» (этими словами характеризуетъ его одна изъ газетъ, ликующихъ по поводу его увольненія). И дѣйствительно, семилѣтнее управленіе его министерствомъ юстиціи ознаменовано нѣсколькими крупными шагами назадъ, по той дорогѣ,

[1]) «Вѣстникъ Европы». 1885 г., декабрь, внутреннее обозрѣніе.

на которую вступилъ его предшественникъ. Многое зависѣло здѣсь, безъ сомнѣнія, отъ условій исключительно тяжелаго времени, пережитаго Россіей послѣ 1878 г. Если политическія дѣла отошли почти всецѣло въ сферу дѣйствій военнаго суда, если законъ 4 сентября 1881 г. предоставилъ генералъ-губернаторамъ и министру внутреннихъ дѣлъ право устранять гласный разборъ всякаго судебнаго дѣла, «публичное разсмотрѣніе котораго можетъ послужить поводомъ къ возбужденію умовъ и нарушенію порядка», если министръ юстиціи, на основаніи «временныхъ» правилъ 1882 г., сдѣлался однимъ изъ четырехъ членовъ коллегіи, безапелляціонному рѣшенію которой предоставлена участь газетъ и журналовъ, то несправедливо было бы упускать изъ виду, что иниціатива всѣхъ этихъ мѣръ принадлежала не министерству юстиціи, что онѣ были трудно отвратимымъ результатомъ общаго положенія дѣлъ, общаго направленія государственной жизни. Несравненно болѣе характернымъ, съ занимающей насъ теперь точки зрѣнія, слѣдуетъ признать законъ 20 мая 1885 г., изготовленный и проведенный непосредственно министерствомъ юстиціи. Этимъ закономъ поколеблено одно изъ главныхъ основныхъ началъ судебной реформы: ограничена, и довольно существенно, несмѣняемость судей. Правда, враги новаго суда не удовлетворились сдѣланною имъ уступкой, не прекратили своихъ нападеній на «судебную республику»; правда и то, что въ законѣ 20 мая замѣтно усиліе не идти слишкомъ далеко, замѣтно желаніе удержать нѣкоторыя гарантіи, обезпечивающія положеніе судьи. «Составители закона» — было сказано нами при подробномъ его разборѣ — «поступили такъ, какъ дѣйствуетъ капитанъ корабля во время сильной бури: они выбросили за бортъ часть груза, чтобы спасти остальное». Мы едва-ли ошибемся, если отнесемъ эти слова и ко всей вообще дѣятельности Д. Н. Набокова.

Внѣшняя исторія судебныхъ уставовъ, утвержденныхъ 20 ноября 1864 г., можетъ быть раздѣлена на столько періодовъ, сколько было съ тѣхъ поръ министровъ юстиціи (не считая кн. Урусова, управленіе котораго министерствомъ юстиціи продолжалось очень недолго и прошло, поэтому, совершенно безслѣдно). Д. Н. Замятнинъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Н. И. Стояновскимъ, стремился къ осуществленію уставовъ въ томъ смыслѣ и въ томъ объемѣ, въ какомъ они были заду-

маны. Этой простой, ясной программѣ не было дано условія необходимаго и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточнаго для ея успѣха— не было дано *продолжительнаго* существованія, настолько продолжительнаго, чтобы она могла выразиться вполнѣ и принести всѣ плоды свои. Судебную реформу постигла участь всѣхъ остальныхъ важнѣйшихъ преобразованій прошедшаго царствованія (за исключеніемъ только военнаго): въ исполненіе ея скоро, слишкомъ скоро были внесены тенденціи, чуждыя или даже враждебныя ея духу. Управленіе гр. Палена (1867—78) представляетъ собою рядъ отступленій отъ уставовъ, отчасти фактическихъ, отчасти формальныхъ, т.-е. сопряженныхъ съ измѣненіемъ самаго текста закона. Если измѣненіе уставовъ оставалось въ извѣстныхъ предѣлахъ, если далеко не все проектированное и предпринятое противъ нихъ осуществлялось на самомъ дѣлѣ, то это зависѣло отъ общаго характера эпохи, расположенной къ полу-мѣрамъ, болѣе склонной къ застою, чѣмъ къ рѣшительному регрессу. Многое въ судебныхъ уставахъ сохранило свою силу не благодаря министру юстиціи, а помимо его воли или даже вопреки его желанію, вслѣдствіе условій, неблагопріятныхъ для крутого поворота къ недавно осужденному прошедшему. При Д. Н. Набоковѣ наступаетъ другая, прямо противоположная комбинація обстоятельствъ. Походъ противъ судебныхъ уставовъ идетъ теперь извнѣ, встрѣчая со стороны министерства юстиціи если не твердый отпоръ, то, по крайней мѣрѣ, сдерживающее, умѣряющее воздѣйствіе. Съ «фанатическимъ» или даже просто систематическимъ отставаніемъ новыхъ порядковъ это воздѣйствіе, какъ видно уже изъ сказаннаго нами выше, не имѣетъ ничего общаго; перемѣны допускаются — но именно *допускаются*, а не вызываются, не требуются, и большая заботливость прилагается къ тому, чтобы смягчить ихъ рѣзкость. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается главная заслуга бывшаго министра юстиціи — заслуга условная, болѣе отрицательная, чѣмъ положительная, но тѣмъ не менѣе вполнѣ реальная. Ни разу, кажется, она не проявлялась такъ ярко, какъ въ прошедшемъ году, когда штурмъ противъ суда присяжныхъ, мотивированный оправданіемъ Свиридова, Мельницкихъ, Островлевой, окончился изданіемъ закона 12 іюня 1884 г., оставившаго неприкосновенными всѣ лучшія стороны учрежденія. Рѣчь шла если не объ уничтоженіи самаго института, то по меньшей мѣрѣ объ устраненіи цѣлыхъ

категоріи присяжныхъ, о радикальномъ измѣненіи тѣхъ статей учрежденія судебныхъ установленій, которыми опредѣляются право и обязанность быть присяжнымъ — а въ концѣ-концовъ измѣнился только (и не къ худшему) порядокъ составленія списковъ присяжныхъ, да ограниченъ нѣсколько отводъ присяжныхъ сторонами, въ особенности защитой. О значеніи этой послѣдней мѣры между приверженцами судебныхъ уставовъ существуютъ разныя мнѣнія; одни видятъ въ ней нѣкоторое пониженіе гарантій, представляемыхъ судомъ присяжныхъ, другіе (въ томъ числѣ и мы) считаютъ ее скорѣе полезной, чѣмъ вредной—но во всякомъ случаѣ она не нарушаетъ основныхъ началъ, на которыхъ построенъ судъ присяжныхъ. Ввести реформу въ тѣ границы, въ которыя она заключена закономъ 12 іюня, значило отразить еще разъ принципіальныхъ враговъ учрежденія, занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ между нововведеніями 1864-го года. Если бы этимъ однимъ ограничивался активъ баланса, оставляемаго Д. Н. Набоковымъ въ лѣтописяхъ русскаго суда, онъ имѣлъ бы несомнѣнное право на благодарное воспоминаніе всѣхъ тѣхъ, кому дороги краеугольные камни новаго судоустройства.

Географическое распространеніе круга дѣйствій судебныхъ уставовъ подвигалось впередъ при Д. Н. Набоковѣ такъ же медленно, какъ и при графѣ Паленѣ. Въ продолженіе семи лѣтъ они введены только въ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ, въ которыхъ, притомъ, уже раньше были призваны къ жизни мировыя учрежденія. Число губерній, обладающихъ этою половиной новаго судоустройства, увеличилось двумя или тремя. Закономъ 28 мая 1880 г. разрѣшенъ вопросъ о примѣненіи мировыхъ учрежденій къ остзейскому краю; но этотъ законъ до сихъ поръ остается мертвою буквой. По ту сторону Уральскихъ горъ судебные порядки измѣнены только въ нынѣшнемъ году и только слегка, несмотря на ходатайства, вызванныя годовщиной присоединенія Сибири къ русскому царству. Производство дѣлъ въ старыхъ судебныхъ департаментахъ Сената упрощено и ускорено (законъ 28 мая 1883 г.), но для перваго департамента давно обветшавшій порядокъ сохраняется въ полной силѣ. Не задѣланы вовсе или не вполнѣ задѣланы бреши, пробитыя въ судебныхъ уставахъ практикою 1867—78 гг. Рядомъ съ судебными слѣдователями, утвержденными въ должности на точномъ основаніи закона, мы видимъ

до сихъ поръ «исправляющихъ должность судебныхъ слѣдователей». Всѣ судебные округа, кромѣ петербургскаго, московскаго и харьковскаго, по-прежнему остаются безъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, хотя Д. Н. Набоковъ, въ прошлогодней московской своей рѣчи, и выразилъ сочувствіе къ дѣятельности большинства присяжной адвокатуры. Множество важныхъ вопросовъ, вполнѣ созрѣвшихъ и разработанныхъ, все еще ожидаетъ разрѣшенія; назовемъ, для примѣра, вопросы объ охраненіи имуществъ, о производствѣ безспорныхъ дѣлъ, объ организаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, о преобразованіи слѣдственной части. Всѣ эти пробѣлы и недочеты—зависящіе, конечно, не отъ одного министерства юстиціи, но все же преимущественно упадающіе на его отвѣтственность—уравновѣшиваются, въ нашихъ глазахъ, двумя предпріятіями капитальной важности: пересмотромъ нашихъ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ. Послѣднее изъ этихъ двухъ дѣлъ, гораздо позже начатое и несравненно болѣе обширное, сложное и трудное, не обрисовалось еще въ такой мѣрѣ, чтобы можно было судить о способѣ его веденія, о шансахъ его удачи; многое, очень многое зависитъ здѣсь, притомъ, не отъ юридической — какъ подготовительной, такъ и заключительной, редакціонной—работы, а отъ способа обсужденія и установленія основныхъ началъ новаго гражданскаго кодекса. Большой заслугой, во всякомъ случаѣ, является самый приступъ къ дѣлу первостепенной важности, поставленному на очередь еще въ прошедшемъ вѣкѣ и болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимому въ настоящее время, послѣ всѣхъ перемѣнъ въ нашемъ общественномъ бытѣ, вызванныхъ реформами Александра II-го и новыми условіями жизни. Что касается до работъ по составленію уголовнаго уложенія, то внутреннее ихъ достоинство достаточно выяснилось уже теперь, благодаря гласности, данной, по иниціативѣ Д. Н. Набокова, изготовленнымъ отдѣламъ проекта. Результатомъ этой гласности явилась масса замѣчаній, вызвавшихъ, въ свою очередь, немаловажныя поправки въ первоначальныхъ предположеніяхъ комиссіи. Кому бы ни суждено было довести до конца великое дѣло обновленія нашихъ уголовныхъ законовъ, имя Д. Н. Набокова навсегда останется связаннымъ съ этимъ дѣломъ, не только начатымъ *при немъ*, но имъ поставленнымъ на ту дорогу, которою обусловливается возможность успѣха.

Не стараясь заглядывать въ будущее, попробуемъ опредѣлить, на основаніи данныхъ ближайшаго прошлаго и настоящей минуты, въ чемъ именно заключается опасность, могущая угрожать судебнымъ уставамъ. Предметомъ нападеній служила и служитъ, прежде всего, несмѣняемость судей, хотя послѣ закона 20 мая 1885 г. о ней, собственно говоря, не можетъ уже быть и рѣчи. Повторять теперь старую пѣсню о безотвѣтственныхъ и полновластныхъ судьяхъ, значитъ требовать не чего иного, какъ *полнаго уравненія судей съ административными чиновниками*, т.-е. предоставленія министру юстиціи безотчетной и безконтрольной власти перемѣщать судей съ одной должности на другую, увольнять ихъ отъ должности и отъ службы. Такое право—говоря словами Государственнаго Совѣта, сказанными не дальше какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, при обсужденіи закона 20-го мая—безъ сомнѣнія «отвратило бы отъ трудной, отвѣтственной и сравнительно скудно вознаграждаемой службы многихъ полезныхъ дѣятелей, *которые нынѣ дорожатъ ею, главнымъ образомъ, въ виду прочности принадлежащаго ей положенія*». Различіе между судьями и административными чиновниками, существующее, въ той или другой формѣ, во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ—не случайность, не капризъ, не привилегія, созданная пристрастіемъ и поддерживаемая рутиной, а естественный результатъ судебныхъ функцій и необходимое условіе правосудія. Въ административныхъ вѣдомствахъ (за нѣкоторыми исключеніями, на которыхъ мы не останавливаемся, чтобы не отвлекаться отъ нашей главной темы) не только возможна, но даже неизбѣжна *дисциплина*, т.-е. строгое подчиненіе низшихъ должностныхъ лицъ высшимъ, проведенное по всѣмъ ступенямъ іерархической лѣстницы. Ограничено это подчиненіе только однимъ: неприкосновенностью закона, прямое нарушеніе котораго со стороны должностного лица не можетъ быть оправдано даже прямымъ начальническимъ приказомъ. Что касается до толкованія, примѣненія, исполненія закона, то въ этой сферѣ воля подчиненнаго-администратора стушевывается передъ волей начальника; распоряженіе послѣдняго безусловно обязательно для перваго, сколько бы ни имѣлось основаній сомнѣваться въ его правильности. Самое бо̀льшее, что̀ можетъ быть предоставлено подчиненному—это право оговорить свое несогласіе съ распоряженіемъ начальника, но отнюдь не право оставить его безъ

исполненія. Начальникъ можетъ во всякое время и во всѣхъ отношеніяхъ замѣнить своего подчиненнаго, можетъ дѣйствовать вмѣсто него и помимо него, именно потому, что подчиненный всегда какъ бы представляетъ собою своего начальника. какъ бы заимствуетъ отъ него свою долю власти. На начальника упадаетъ, зато, и отвѣтственность за дѣйствія подчиненнаго, совершенныя по предписанію начальника и согласно съ этимъ предписаніемъ. Все это вытекаетъ изъ самаго свойства административныхъ функцій, требующихъ, прежде всего. быстраго и точнаго исполненія, которому далеко не всегда должно предшествовать разсужденіе. Мыслимо ли что-либо подобное въ судебномъ мірѣ. возможно ли здѣсь господство «идеи начальства и дисциплины», водвореніе которой реакціонная печать спѣшитъ провозгласить важнѣйшей задачей новаго министра юстиціи? Что сталось бы съ правосудіемъ, если бы судьи начали рѣшать дѣла не по убѣжденію. а по предписанію свыше? Положимъ, что предписаніе являлось бы далеко не по каждому дѣлу; но одной *возможности* его появленія было бы вполнѣ достаточно, чтобы похоронить достоинство суда. Судья. хоть одинъ разъ написавшій рѣшеніе подъ диктовку начальства, теряетъ право на имя судьи. Независимость—не носовой платокъ. который можно то класть въ карманъ, то вынимать оттуда; допустить заранѣе отказъ отъ нея въ извѣстныхъ случаяхъ—значитъ отказаться отъ нея совершенно. Судья—подчиненный, судья—покорный исполнитель чужихъ велѣній, не будетъ самостоятельнымъ и тогда, когда ничто, повидимому, не ограничиваетъ его свободы. Не получивъ инструкцій, онъ будетъ угадывать, въ чемъ онѣ *могли бы* заключаться; за отсутствіемъ прямого приказа, онъ будетъ вспоминать, не было ли аналогичныхъ случаевъ, въ которыхъ выразились бы воззрѣнія начальства, или соображать, какимъ образомъ можно попасть въ тонъ этимъ воззрѣніямъ. Въ вопросахъ нейтральныхъ, въ дѣлахъ, очевидно не интересующихъ начальство, онъ будетъ поддаваться другимъ вліяніямъ, руководствоваться другими мотивами, столь же мало вытекающими изъ самой сущности дѣла. Сегодня онъ будетъ поступать такъ, завтра—иначе, смотря по направленію вѣтра и теченія. Мы говоримъ здѣсь, конечно, только о тѣхъ судьяхъ, которые способны обратиться въ «подчиненныхъ»; остальные не стали бы продолжать службы,

главнымъ условіемъ которой сдѣлалась бы ежеминутная готовность дѣйствовать противъ убѣжденія...

Административное распоряженіе можетъ обнимать собою массу однородныхъ случаевъ; судебное рѣшеніе должно соотвѣтствовать даннымъ обстоятельствамъ, конкретнымъ фактамъ. Первое имѣетъ дѣло съ условіями сравнительно простыми и часто повторяющимися въ одномъ и томъ же видѣ, второе — съ условіями сложными и безконечно разнообразными. Первое можетъ воспослѣдовать еще прежде наступленія данныхъ, къ которымъ оно должно быть примѣнено; второе всегда считается съ совершившимся фактомъ, и притомъ совершившимся такъ, а не иначе. Административное распоряженіе можетъ быть измѣняемо, дополняемо, отмѣняемо, вновь повторяемо неопредѣленное число разъ: пересмотръ и повѣрка судебнаго рѣшенія должны быть регулированы твердыми нормами, и *послѣднее слово* процесса — за рѣдкими, также опредѣленными исключеніями — дѣйствительно должно быть безповоротно послѣднимъ. Исполненіе административной мѣры можетъ быть возложено на любое должностное лицо административнаго вѣдомства; судебное рѣшеніе должно исходить отъ лица или лицъ, заранѣе призванныхъ къ разсмотрѣнію даннаго разряда дѣлъ, въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Высшее должностное лицо судебнаго вѣдомства не можетъ замѣнить собою, по своему усмотрѣнію (т.-е. внѣ случаевъ и условій, закономъ опредѣленныхъ), низшее должностное лицо того же вѣдомства; высшій судъ не можетъ отвѣчать за рѣшенія или дѣйствія низшаго, по той простой причинѣ, что не можетъ ни заранѣе продиктовать, ни заранѣе предупредить ихъ. Нельзя сказать, чтобы полный произволъ начальника по отношенію къ подчиненнымъ былъ неизбѣжною принадлежностью административной службы; въ Германіи, напримѣръ, давно уже замѣтно стремленіе обезпечить положеніе служащихъ, къ какому бы вѣдомству они ни принадлежали, оградить ихъ отъ безпричинныхъ «мѣропріятій» со стороны начальства—но во всякомъ случаѣ самый принципъ отвѣтственности начальника за подчиненныхъ влечетъ за собою большую долю зависимости для послѣднихъ, и этой зависимости не противорѣчитъ слишкомъ рѣзко характеръ обязанностей, на нихъ лежащихъ. Въ судебномъ мірѣ для отвѣтственности высшаго за низшихъ не остается ни повода, ни мѣста: все

говоритъ, напротивъ того, за возможно бо̀льшую самостоятельность каждаго судьи, какое бы положеніе онъ ни занималъ въ судебной іерархіи. Отсюда несмѣняемость судей—или ея суррогаты, въ родѣ того, который установленъ закономъ 20-го мая.

Не ошибаемся ли мы, однако, относительно значенія идеи «начальства и дисциплины», примѣненной къ судебному вѣдомству? Подъ этими словами слѣдуетъ понимать, можетъ быть, не прямое вмѣшательство начальства въ отправленіе правосудія, а только общее наблюденіе за духомъ и характеромъ дѣятельности судовъ и судей? Такое разрѣшеніе вопроса было бы косвеннымъ признаніемъ различія, существующаго между судьями и административными чиновниками — но оно все-таки заключало бы въ себѣ большую фальшь. Въ чемъ выражается «направленіе» судьи? Конечно — въ постановляемыхъ имъ рѣшеніяхъ. Не говоря уже о томъ, что въ судѣ коллегіальномъ трудно, почти невозможно (безъ употребленія средствъ, похожихъ на наушничество) распознавать роль каждаго отдѣльнаго судьи,—повѣрка рѣшеній въ видахъ опредѣленія благонадежности судей была бы сопряжена съ величайшими неудобствами и сводилась бы, въ концѣ-концовъ, къ такому нравственному давленію, которое немногимъ отличалось бы отъ приказа. Чтобы узнать, какимъ путемъ судья пришелъ къ извѣстному заключенію—путемъ ли безпристрастнаго взвѣшиванія обстоятельствъ дѣла и сопоставленія ихъ съ закономъ, или путемъ предвзятой мысли—нужно обладать сердцевѣдѣніемъ, доступнымъ для немногихъ и во всякомъ случаѣ весьма шаткимъ въ своихъ догадкахъ. Чтеніе между строками, примѣненное къ судебнымъ рѣшеніямъ, до крайности рискованно—и вмѣстѣ съ тѣмъ до крайности опасно для судей. Одно ожиданіе такого чтенія можетъ побудить судью къ согласованію своихъ выводовъ не столько съ сущностью дѣла, сколько съ вѣроятной оцѣнкой, которая будетъ имъ дана бдительнымъ начальствомъ. Отсюда только одинъ шагъ до тенденціозности худшаго свойства—до подлаживанья подъ чужую тенденціозность. Противъ дѣйствительныхъ погрѣшностей и злоупотребленія суда или судьи существуетъ и теперь—особенно со времени изданія закона 20-го мая—совершенно достаточный запасъ оружій. Неправильное рѣшеніе—если оно постановлено не высшей инстанціей—всегда можетъ быть отмѣнено въ уста-

новленномъ порядкѣ; за явное нарушеніе закона судья всегда можетъ быть преданъ суду, за важныя служебныя упущенія, а также за внѣ-служебные поступки, несовмѣстные съ достоинствомъ судьи—удаленъ отъ должности безъ суда, по опредѣленію высшаго дисциплинарнаго присутствія; возможно, наконецъ, и перемѣщеніе судьи, противъ его воли, въ другую мѣстность, на равную должность. Идти еще дальше, измѣнить самый порядокъ увольненія судей, поставить ихъ участь въ зависимость не отъ коллегіи, разбирающей дѣло съ соблюденіемъ судебныхъ формъ и пріемовъ, а отъ отдѣльнаго лица, допустить удаленіе судей отъ должности безъ всякой опредѣленной, фактически доказанной причины, вслѣдствіе одного лишь неблагопріятнаго *мнѣнія* о нихъ—значило бы отодвинуться за черту, достигнутую русскимъ судомъ еще до реформы 1864 г. Въ старыхъ судахъ второй инстанціи предсѣдатели и засѣдатели избирались сословіями, на извѣстный срокъ, и, слѣдовательно, были— или по крайней мѣрѣ могли быть — болѣе независимы, чѣмъ судьи, во всякую данную минуту, по всякому данному поводу или безъ повода, подлежащіе отозванію отъ должности.

XX.

Недавнее прошлое, изображенное въ формѣ графической таблицы [1]).

Въ новѣйшихъ статистическихъ изданіяхъ движеніе народонаселенія, заболѣваемости, смертности изображается иногда въ графическихъ таблицахъ, съ помощью клѣтокъ, черточекъ и точекъ. Если бы кому-нибудь пришло на мысль примѣнить этотъ способъ изображенія къ исторіи послѣднихъ 3—4 лѣтъ, то мы увидѣли бы нѣсколько линій, идущихъ въ извѣстномъ направленіи, но съ перерывами, съ остановками, напоминающими работу электрическаго тока. Каждой изъ этихъ линій могло бы соотвѣтствовать продолженіе, намѣченное пунктиромъ и указывающее *будущій* ходъ ея, возможный или вѣроятный. Утолщенія линіи были бы символомъ усиленной работы; зигзаги—символомъ колебаній; кружки—въ родѣ тѣхъ, которыми на картѣ означаются большіе города — символомъ достигнутыхъ результатовъ. Горизонтальными чертами отдѣлялись бы одинъ отъ другого годы, входящіе въ составъ даннаго періода. Магистральныхъ линій на такомъ рисункѣ оказалось бы не менѣе трехъ. Одна изъ нихъ, начинаясь въ самой нижней—т.-е. первой по времени — клѣткѣ, становилась бы болѣе внушительною во второй, и затѣмъ утолщалась бы постепенно, хотя и не постоянно, до самой верхней клѣтки. Ея продолженіе въ будущемъ было бы обозначено такими крупными точками, которыя свидѣтельствовали бы о приближеніи ея къ своему зениту. Другая линія, почти параллельная, возникала

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1886 г., январь, внутреннее обозрѣніе.

бы нѣсколько позже, въ третьей клѣткѣ; дальнѣйшее изображеніе ея отличалось бы тѣми же характеристическими признаками, и «тѣнь грядущихъ событій» падала бы на нее столь же густо, какъ и въ предыдущемъ случаѣ. Третья линія, начало которой находилось бы гдѣ-то внѣ таблицы, составляла бы противоположность двумъ другимъ; сплошная и ярко намѣченная въ началѣ, она становилась бы къ концу и болѣе прерывистой. и болѣе тонкой, а продолженіе ея было бы отмѣчено только большимъ вопросительнымъ знакомъ. Для наименованія первой линіи могли бы быть выбраны различные термины, смотря по точкѣ зрѣнія составителей таблицы; одни могли бы назвать ее путемъ «возвращенія правительства», другіе — путемъ «преобразованій наоборотъ» или обратнымъ путемъ русскаго прогресса. Ея исходнымъ пунктомъ было бы 29-е апрѣля 1881 г., ея главными этапами—тѣми «кружками». о которыхъ мы говорили выше — положеніе объ усиленной охранѣ, временныя правила о печати 1882 г., измѣненія въ военно-уголовномъ процессѣ, index librorum prohibitorum 1884 г., университетскій уставъ, закрытіе Кахановской комиссіи, законъ 20 мая 1885 г.; вдали, въ качествѣ логическаго ея завершенія, виднѣлась бы отмѣна тѣхъ или другихъ главныхъ основаній судебной реформы, земскаго и городского самоуправленія. Вторая линія отправлялась бы отъ закона о вымороченыхъ дворянскихъ имѣніяхъ и нѣсколько времени точно искала бы своей дороги; законъ о ссудахъ подъ соло-векселя землевладѣльцевъ стоялъ бы еще на распутьѣ, положеніе о дворянскомъ земельномъ банкѣ знаменовало бы собою рѣшительный выборъ направленія. Въ дальнѣйшемъ, *предполагаемомъ* продолженіи своемъ, вторая линія приближалась бы къ первой (вопросъ объ административной реформѣ, вопросъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ)—приближалась бы къ ней настолько, что возникалъ бы вопросъ, сольются ли онѣ въ одно цѣлое, или же какая-нибудь изъ нихъ поглотитъ другую. Это—линія перехода къ сословному или, лучше сказать, къ спеціально-дворянскому принципу. Третья линія, появляющаяся на таблицѣ уже готовою, обнимала бы собою прекращеніе раздачи должностнымъ лицамъ казенныхъ земель, пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣну подушной подати, открытіе крестьянскаго поземельнаго банка, измѣненіе правилъ объ арендованіи казенныхъ оброчныхъ статей, регламентацію фабричной работы малолѣт-

нихъ, учрежденіе фабричной инспекціи и податныхъ инспекторовъ, установленіе налога съ наслѣдствъ, дополнительнаго и раскладочнаго сбора съ торговыхъ предпріятій, налога на процентныя бумаги; вопросительный знакъ, стоящій въ ея заключеніи, относился бы къ дальнѣйшему регулированію фабричнаго труда (въ интересахъ рабочихъ) и къ установленію подоходнаго налога. Это—линія, ведущая къ облегченію массы, къ поднятію матеріальнаго благосостоянія народа. Къ тремъ главнымъ линіямъ присоединялось бы нѣсколько другихъ, менѣе важныхъ не по своему абсолютному значенію, а по своей роли въ данное время. Первая изъ нихъ, служащая продолженіемъ освободительной работы прошедшаго царствованія, сводилась бы, собственно говоря, къ одной точкѣ — къ закону 3 мая 1883 г., облегчившему положеніе раскольниковъ. Другая линія выражала бы собою реакцію противъ начала laissez faire, laissez passer, усиленіе государственнаго вмѣшательства въ нѣкоторыя области экономической жизни (законы 1883 г. о частныхъ и городскихъ банкахъ, правила о несовмѣстительствѣ государственной и частной службы, общій желѣзнодорожный уставъ 12 іюня 1885 г., законопроектъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ, объ охраненіи частныхъ лѣсовъ). Третья, скромно начинающаяся съ увеличенія числа дней, въ которые должны быть закрыты театры, и приводящая, затѣмъ, къ цѣлому ряду ограниченій выборнаго начала въ средѣ духовенства, достигала бы, покамѣстъ, своей кульминаціонной точки въ правилахъ о церковно-приходскихъ школахъ, изданныхъ въ 1884 г. Четвертая указывала бы на отношеніе правительственной власти къ иноплеменнымъ элементамъ населенія, къ такъ-называемымъ окраинамъ государства (правила 3 мая 1882 г. о покупкѣ и арендованіи земель евреями, правила 27 декабря 1884 г. о землевладѣніи въ западныхъ губерніяхъ, недавній указъ объ употребленіи русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ прибалтійскаго края, предположенія о дальнѣйшемъ сближеніи этого края съ великорусскими губерніями, и т. п.).

Нашъ проектъ графической таблицы вышелъ нѣсколько длиннымъ, но это было необходимо для его наглядности. Изъ него вытекаетъ, по меньшей мѣрѣ, одно достовѣрное заключеніе: линіи, идущія въ противоположныхъ направленіяхъ и если не исключающія одна другую, то во всякомъ случаѣ плохо ладящія между собою, не могутъ быть ведены, въ одно и то же время,

съ одинаковою настойчивостью и силой. Чѣмъ опредѣленнѣе становятся однѣ, тѣмъ больше должны стушевываться другія. Дисгармонія между ними можетъ быть замѣчена не сразу, но рано или поздно должна обнаружиться со всею ясностью: столкновеніе можетъ быть отсрочено, но не предупреждено—развѣ если бы измѣнилось направленіе или интенсивность самыхъ линій. Близость столкновенія, съ нѣкоторыхъ поръ, особенно замѣтна по отношенію къ двумъ линіямъ изъ числа тѣхъ, которыя мы назвали магистральными. Частное, сплошь и рядомъ, идетъ въ разрѣзъ съ общимъ; покровительство одному сословію всегда, въ послѣднемъ выводѣ и счетѣ, оказывается несовмѣстнымъ съ заботливостью о массѣ. Здѣсь разгадка тѣхъ нападеній, предметомъ которыхъ служитъ, въ послѣднее время, министерство финансовъ. Съ какимъ злорадствомъ подхватываются—а можетъ быть и сочиняются—слухи о противодѣйствіи, встрѣченномъ тою или другой мѣрой этого министерства въ высшихъ правительственныхъ сферахъ! Съ какою стремительностью подчеркиваются его ошибки, дѣйствительныя или мнимыя, съ какою энергіей ведется борьба противъ нѣкоторыхъ, сугубо ненавистныхъ его органовъ или учрежденій, напр. противъ крестьянскаго поземельнаго банка, противъ управляющаго дворянскимъ банкомъ, противъ податной инспекціи! Ограничимся однимъ примѣромъ, характеристичнымъ именно потому, что газета, изъ которой мы его заимствуемъ, не принадлежитъ къ числу ультра-сословныхъ или ультра-реакціонныхъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Руси» (№ 21, стр. 8—9) идетъ рѣчь о «благонадежныхъ во всѣхъ отношеніяхъ элементахъ», на которые должно опираться мѣстное управленіе. Въ подтвержденіе того, что эти элементы должны быть *сословные*, авторъ статьи указываетъ на сосредоточеніе всего неблагонадежнаго внѣ сословныхъ группъ: онъ смѣется надъ «ученымъ мужемъ», предлагавшимъ пристроить въ должности волостеля (проектированной Кахановскою комиссіею) всѣхъ «недовольныхъ—т.-е. нигилистовъ»—и этимъ путемъ содѣйствовать общественному спокойствію. «*Во теченіе настоящаго лѣта*», читаемъ мы непосредственно вслѣдъ за этимъ, «*что-то подобное было даже приведено въ исполненіе по другому вѣдомству*, и наше захолустье диву дается—зачѣмъ это потребовалось прислать еще *такое странное новое начальство*!». Ни къ кому другому эти слова не примѣнимы, какъ только

къ податнымъ инспекторамъ—единственному «новому начальству», появившемуся на мѣстахъ въ теченіе нынѣшняго лѣта. Итакъ, податные инспекторы — это все или почти все *недовольные*, alias — нигилисты? Какъ велико должно быть озлобленіе, доводящее до подобныхъ выходокъ! Чтобы понять его источникъ, необходимо припомнить, съ одной стороны, возраженія, встрѣченныя мыслью объ учрежденіи податной инспекціи въ средѣ «мѣстныхъ дѣятелей» Кахановской комиссіи, съ другой стороны—самыя функціи податныхъ инспекторовъ. Призванные оберегать платежную способность массы населенія, представлять о необходимыхъ для нея снисхожденіяхъ и льготахъ, они обязаны, вмѣстѣ съ тѣмъ, наблюдать за исправнымъ поступленіемъ такихъ сборовъ, какъ налогъ съ наслѣдствъ — а въ близкомъ, быть можетъ, будущемъ имъ должна принадлежать и главная роль въ взиманіи подоходнаго налога. Inde ira; съ мыслью о налогахъ, упадающихъ преимущественно на достаточные, привилегированные классы, у насъ все еще слишкомъ многіе не могутъ примириться. Сколько враговъ надѣлалъ министру финансовъ хотя бы налогъ на процентныя бумаги, несмотря на всю его справедливость — или, лучше сказать, именно вслѣдствіе его справедливости! Какой «скрежетъ зубовный» поднимается каждый разъ, когда заходитъ рѣчь, въ извѣстныхъ сферахъ, о налогѣ на наслѣдства! Къ нежеланію поступиться, въ пользу государства, хотя бы небольшою частью своей собственности или своего дохода присоединяется здѣсь представленіе о какомъ-то нарушенномъ правѣ, о какой-то кровной обидѣ, нанесенной сословному гонору, сословной исключительности. Платить налоги долго было удѣломъ «низшаго и средняго рода людей»; «верхнему слою» общества до сихъ поръ больше свойственна была привычка уклоняться отъ платежа тѣхъ немногихъ пошлинъ (напр. таможенныхъ), которыя выпадали и на его долю. Понятно, что съ каждымъ наклономъ вѣсовъ на сторону этого слоя усиливается, въ его средѣ, не только враждебное чувство противъ нарушителя добрыхъ старыхъ преданій, но и надежда возстановить утраченную ими силу.

Чрезвычайно характерны, съ занимающей насъ точки зрѣнія, два постановленія, ознаменовавшія собою послѣднюю сессію харьковскаго дворянскаго собранія. Первымъ изъ нихъ рѣшено возбудить ходатайство объ отмѣнѣ, *для дворянъ*, закона

о налогѣ на наслѣдства, вторымъ — ходатайство о нераспространеніи на дворянскія имѣнія предполагаемыхъ ограниченій въ правѣ распоряженія частными лѣсами. Итакъ, по прошествіи трехъ лѣтъ со времени установленія государствомъ перваго серьезнаго налога на имущества достаточнаго класса [1]), онъ оказывается уже слишкомъ тяжелымъ, и сословіе, считающее себя передовымъ, охотно напоминающее о своихъ жертвахъ и заслугахъ, вымаливаетъ себѣ полную отъ него свободу! На кого упадетъ снимаемое бремя — объ этомъ харьковское дворянство и не помышляетъ, благо всегда былъ и есть плательщикъ, на все готовый: народная масса. Не менѣе знаменательно второе ходатайство, успѣхъ котораго равнялся бы, de facto, совершенному отказу отъ борьбы противъ обезлѣсенія Россіи. Лѣсовъ, состоящихъ въ частномъ владѣніи, такъ много, что свобода истребленія ихъ парализовала бы всякій планъ, направленный къ разумному сбереженію одного изъ главныхъ факторовъ земельной производительной силы. Сохраненіе лѣса необходимо въ дѣйствительныхъ интересахъ всего государства, а неограниченное распоряженіе имъ необходимо въ ложно понятыхъ интересахъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ частныхъ лицъ; ergo—никакихъ ограниченій въ правѣ распоряженія лѣсомъ не нужно! Впрочемъ, мы ошибаемся: они нужны, но только не по отношенію къ дворянству. Ограждая себя отъ всякихъ стѣсненій, харьковское дворянство рѣшительно ничего не имѣетъ противъ стѣсненія другихъ сословій; оно даже проситъ правительство «обратить вниманіе на вредъ порубокъ и корчеванія лѣсовъ государственными крестьянами». Другая его просьба заключается въ томъ, чтобы «правительство пріобрѣтало покупкой лѣса, необходимые для государственной пользы, *но безъ обязательной для владѣльцевъ продажи*». Это значитъ, иными словами, что, въ видахъ противодѣйствія лѣсоистребленію, казна можетъ пріобрѣтать лѣса частныхъ владѣльцевъ, но лишь тогда, когда это будетъ угодно послѣднимъ, и лишь по той цѣнѣ, которую они благоволятъ назначить. Въ чемъ другомъ, а въ достоинствѣ откровенности харьковскому дворянству отказать нельзя. Да, это достоинство большое; благодаря ему становится ясно, чего можно ожидать отъ торжества со-

---

[1]) Государственный поземельный налогъ составляетъ, въ большинствѣ случаевъ, тягость едва замѣтную для имѣнія.

словнаго принципа. Синонимъ сословности, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи—это *односторонность*, т.-е. односторонняя защита сословнаго интереса, каково бы ни было отношеніе его къ интересамъ общенароднымъ.

Ошибочно было бы думать, что соглашеніе между второю и третьею линіями можетъ быть достигнуто съ помощью первой, что «возвратившемуся правительству»,—т.-е. власти, занявшей всѣ прежнія свои позиціи и надлежащимъ образомъ ихъ расширившей и укрѣпившей—легко будетъ удовлетворить сословныя притязанія, безъ всякаго ущерба для массы или даже съ явной для нея выгодой. Мы готовы допустить, что законодательная дѣятельность можетъ идти еще нѣкоторое время по направленію третьей линіи, не отказываясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ продолженія второй; но такое положеніе дѣлъ слишкомъ ненормально, чтобы быть продолжительнымъ, а главное—исполненіе принятыхъ мѣръ, попадая въ враждебныя имъ руки, не можетъ соотвѣтствовать намѣреніямъ законодателя. Нетрудно себѣ представить, напримѣръ, во что́ обратится податная инспекція въ уѣздѣ, гдѣ всецѣло властвуетъ одно сословіе. Если она и уцѣлѣетъ, то только для того, чтобы сдѣлаться орудіемъ господствующаго класса. Настроившись на общій тонъ, податная инспекція легко можетъ принять за правило, что «на помощь населенію (т.-е. массѣ населенія), въ дѣлѣ платежа податей, слѣдуетъ приходить лишь въ крайнихъ случаяхъ», что «въ существенномъ измѣненіи нынѣ практикуемой системы взысканія недоимокъ не предстоитъ надобности» (все это—изреченія одного изъ «мѣстныхъ дѣятелей» Кахановской комиссіи); она можетъ придти къ убѣжденію, что платежъ налоговъ — не дворянское дѣло, и согласовать съ этимъ убѣжденіемъ способъ исчисленія и взысканія налоговъ, упадающихъ на дворянъ. Въ различныхъ отрасляхъ государственной жизни всегда существуетъ стремленіе къ извѣстному уровню, тяготѣніе въ извѣстную сторону — въ ту сторону, гдѣ находится центръ тяжести политическаго тѣла. Чѣмъ дольше центръ тяжести остается неподвижнымъ, тѣмъ меньше становятся видимы колебанія, явныя уклоненія отъ уровня; противодѣйствующія силы все больше и больше переходятъ въ скрытое состояніе, и на поверхности все полнѣе и полнѣе установляется тишь и гладь. Такъ было, напримѣръ, въ эпоху безмятежнаго процвѣтанія крѣпостного права, налагавшаго свою печать на

всѣ детали государственнаго строя и общественнаго быта; нѣчто подобное повторилось бы и въ случаѣ окончательной побѣды сословнаго принципа. Медленно, но неуклонно охватывая своими кольцами теченіе жизни, онъ устранилъ бы съ своего пути не только все противоположное, но и все чуждое его духу, уничтожая одно, парализуя или обезсиливая другое. Вторая линія, доведенная до конца, не только остановила бы движеніе третьей, но отбросила бы ее далеко назадъ, стирая, по возможности, самые слѣды ея существованія.

Есть еще двѣ линіи, съ которыми почти неизбѣжно должно столкнуться побѣдоносное шествіе сословнаго принципа. Первая изъ нихъ — это линія, ведущая къ усиленію государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь. Столкновеніе можетъ быть здѣсь двоякаго рода: отчасти противодѣйствующее вмѣшательству, отчасти извращающее его характеръ. Примѣръ перваго мы уже видѣли, когда говорили о попыткѣ харьковскаго дворянства предупредить правительственное veto на лѣсоистребленіе. Законъ, регулирующій пользованіе частными лѣсами, имѣлъ бы несомнѣнно характеръ ограниченія права частной собственности, въ видахъ общественной пользы. Съ такимъ ограниченіемъ не можетъ примириться сословный принципъ—принципъ, выше всего ставящій именно отдѣльные интересы... Въ однихъ случаяхъ отвергая вмѣшательство, дворянство въ другихъ случаяхъ будетъ призывать его. Весьма вѣроятно, напримѣръ, что вслѣдъ за торжествомъ дворянскаго принципа—если ему суждено осуществиться—поднимется вопросъ о способахъ борьбы противъ общиннаго землевладѣнія, затрудняющаго и замедляющаго образованіе класса безземельныхъ рабочихъ, и, слѣдовательно, невыгоднаго для крупныхъ землевладѣльцевъ.

Другая линія, по меньшей мѣрѣ не параллельная съ сословной — это та, которая ведетъ къ объединенію государства и его окраинъ. Однимъ изъ самыхъ надежныхъ средствъ къ достиженію этой цѣли представляется распространеніе круга дѣйствій безсословныхъ учрежденій — т.-е. нѣчто прямо противоположное сословному принципу. Въ западныхъ губерніяхъ власть дворянства болѣе поколеблена, чѣмъ гдѣ-либо, и возстановленію ея препятствуютъ политическія соображенія; въ прибалтійскомъ краѣ, наоборотъ, положеніе дворянства вполнѣ господствующее, но тѣ же политическія сообра-

женія требуютъ измѣненія этого положенія. Отсюда слѣдуетъ, что политика, основанная на сословномъ принципѣ, непримѣнима къ двумъ существенно важнымъ областямъ имперіи [1]). Держаться этой политики внутри государства и идти въ разрѣзъ съ нею на его окраинѣ, значило бы установить двѣ мѣры, двое вѣсовъ, создать нѣчто въ родѣ двухголоваго Януса, уничтожить возможность единства, а вмѣстѣ съ нею и возможность успѣха по меньшей мѣрѣ для одной изъ двухъ противоположныхъ системъ. Доказательство этому нетрудно найти въ исторіи нашего недавняго прошлаго. Быстрый переходъ отъ политики Муравьева и Кауфмана къ политикѣ Потапова объясняется именно тѣмъ, что первая не гармонировала съ общимъ характеромъ правительственныхъ мѣропріятій. Какъ только миновала опасность, прекратилось и мѣстное отступленіе отъ господствовавшаго типа — и направленіе, торжествовавшее въ Петербургѣ, одержало верхъ и въ Вильнѣ. Вторая половина шестидесятыхъ годовъ была временемъ реакціи, не чуждой сословнаго, аристократическаго оттѣнка; этому теченію неизбѣжно должна была уступить демократическая волна, возбужденная, par contre-coup, возстаніемъ 1863-го года. Такимъ же точно образомъ политика Н. А. Милютина была замѣнена политикою графа Берга.

Болѣе спорнымъ можетъ показаться вопросъ о возможномъ столкновеніи первыхъ двухъ магистральныхъ линій — просто реакціонной и реакціонно-сословной. До сихъ поръ онѣ идутъ рука объ руку, какъ бы дополняя и поддерживая другъ друга; но это еще не значитъ, чтобы онѣ должны были неизмѣнно и постоянно оставаться параллельными. Проблески разногласія показались уже во время занятій Кахановской комиссіи. Мы знаемъ, что «мѣстные дѣятели» стояли неуклонно за выборное (конечно, сословное) начало, предоставляя избранникамъ дворянства—или дворянскаго земства—и предсѣдательство въ уѣздномъ присутствіи, и замѣстительство предсѣдателя, и численный перевѣсъ между членами присутствія, и судебно-административную власть на мѣстѣ, въ лицѣ участковыхъ начальниковъ; мы знаемъ также, что другая группа высказалась, наоборотъ, за

[1]) Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить, что вслѣдъ за изданіемъ положенія о дворянскомъ земельномъ банкѣ пришлось ограничить примѣненіе его къ западнымъ губерніямъ, изъявъ изъ его дѣйствія всѣхъ польскихъ землевладѣльцевъ этого края.

назначеніе участковыхъ начальниковъ и даже предсѣдателя уѣзднаго присутствія. Весьма можетъ быть, что на этомъ пунктѣ разгорится борьба между союзниками, преслѣдующими однородныя, но не одинаковыя цѣли: возможно и то, что между ними состоится компромиссъ, въ видѣ, напримѣръ, *назначенія* должностныхъ лицъ мѣстнаго управленія изъ числа кандидатовъ, *избранныхъ* дворянствомъ. Едва-ли, однако, подобный компромиссъ могъ бы быть настоящимъ концомъ разногласія, коренящагося довольно глубоко. Правительственная точка зрѣнія, какъ бы близко она, въ данную минуту, ни подошла къ сословной, никогда не можетъ совпасть съ неї безусловно: этому всегда будетъ препятствовать сравнительная широта взгляда, обусловливаемая сравнительною широтою самоїї задачи. Рано или поздно полномочія, данныя сословію, будутъ взяты назадъ или подвергнуты существенному ограниченію; желательно было бы избѣжать этого обратнаго движенія, вовсе не вступая на тотъ путь, который къ нему приводитъ. Сосредоточить власть въ рукахъ сословія—гораздо легче, чѣмъ изъять ее изъ нихъ; слѣды сословнаго ига изгладятся нескоро, подобно тому, какъ не изгладились до сихъ поръ слѣды крѣпостного бремени. Возобновленное преобладаніе одного сословія надъ другими оживитъ, ожесточитъ старую рознь между ними, оставленную въ наслѣдство крѣпостнымъ правомъ. Сословное управленіе, въ силу самаго происхожденія своего, неизбѣжно будетъ реакціоннымъ — реакціоннымъ, если можно такъ выразиться, въ квадратѣ, потому что къ чертамъ, общимъ всякой реакціи, оно прибавитъ еще спеціальныя черты, своїйственныя реставраціи корпоративныхъ привилегій. Вотъ почему мы продолжаемъ думать, что изъ двухъ возможныхъ золъ — преобразованія мѣстнаго управленія въ духѣ бюрократическомъ или въ духѣ сословномъ — *меньшимъ* было бы первое. Повторяемъ еще разъ—оно было бы *меньшимъ зломъ*, но отнюдь не благомъ; повторяемъ это въ виду тѣхъ намековъ, которые идутъ изъ противоположнаго лагеря. «Расположеніе нашихъ яко бы либераловъ къ правительственному назначенію», усмотрѣнное сотрудникомъ «Руси» въ одномъ изъ нашихъ послѣднихъ обозрѣній, есть не что иное, какъ предпочтеніе одного неудовлетворительнаго порядка другому, еще болѣе неудовлетворительному. Наше сочувствіе остается всецѣло на сторонѣ выборнаго управленія, лишь бы только оно было основано не на

сословномъ, а на безсословномъ земствѣ, преобразованномъ въ смыслѣ широкаго развитія лучшихъ началъ дѣйствующаго закона.

Какова бы ни была дальнѣйшая судьба различныхъ линій, нанесенныхъ нами на воображаемую таблицу, въ ясныхъ указаніяхъ на значеніе каждой изъ нихъ уже и теперь нѣтъ недостатка. Судебные процессы, предметомъ которыхъ были недавно хорольскіе и кинешемскіе земскіе выборы, свидѣтельствуютъ о томъ, что дворянскіе элементы земства столь же мало представляютъ безусловную гарантію противъ злоупотребленій, какъ и всѣ остальные. Сословная агитація противъ министерства финансовъ даетъ понять, насколько долговременное пользованіе привилегіями развиваетъ способность и готовность жертвовать своими выгодами для общей пользы. Программа административной реформы, намѣченная «мѣстными дѣятелями» въ Каховской комиссіи и отчасти въ печати, раскрываетъ одну часть плана, другую сторону котораго можно предугадать съ помощью законопроекта о наймѣ сельскихъ рабочихъ, выработаннаго саратовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Постановленія харьковскаго дворянскаго собранія могутъ служить мѣриломъ политической мудрости, свойственной дворянству, какъ сословію [1]). Неужели все это, вмѣстѣ взятое, не предрѣшаетъ судьбу «сословной» линіи, неужели изъ-за нея будутъ поставлены на карту лучшія пріоб-

[1]) Кромѣ вышеупомянутыхъ ходатайствъ относительно лѣсовъ и налога съ наслѣдствъ, харьковское дворянское собраніе постановило, большинствомъ голосовъ, просить о предоставленіи дворянамъ права закладывать въ дворянскомъ земельномъ банкѣ не только земли, но и городскіе дома. Такое право противорѣчило бы, очевидно, самой цѣли учрежденія банка, направленнаго къ тому, чтобы удержать за дворянствомъ принадлежащую ему *поземельную* собственность. Четвертое ходатайство харьковскаго дворянства, примкнувшаго, въ этомъ отношеніи, къ дворянству области войска донского, касается установленія, въ пользу дворянства, налога въ 25 коп. съ десятины земли, переходящей отъ дворянина къ не-дворянину, а также взиманія, при продажѣ дворяниномъ недворянину городской недвижимости, суммы, равняющейся капитализированному изъ 5% дворянскому сбору. Достоинъ вниманія, съ занимающей насъ точки зрѣнія, и составленный комиссіей херсонскаго дворянства проектъ дворянской «Екатерининской казны», цѣль которой—вспомоществованіе бѣднымъ дворянамъ, а средства къ достиженію цѣли — банкирско-торговыя операціи и пожалованіе жертвователямъ «особаго значка для ношенія на груди».

рѣтенія послѣдняго времени, извращены результаты финансовыхъ реформъ, перенесено въ сторону отъ прямого пути остріе государственнаго вмѣшательства, пріостановлено нравственное завоеваніе окраинъ?.. Что касается до линіи такъ называемаго «возвращенія правительства», то весьма интересно было бы опредѣлить соотношеніе ея съ тѣми событіями за Дунаемъ, глубоко опечаленнымъ свидѣтелемъ которыхъ было, въ послѣднее время, русское общество; но исполненіе этой задачи пока еще не представляется возможнымъ. Остановимся на другой сторонѣ вопроса, болѣе доступной для обсужденія.

Окончаніе прошедшаго года было ознаменовано явленіемъ, крайне рѣдкимъ и своеобразнымъ: на разстояніи нѣсколькихъ недѣль получили предостереженіе сначала «Гражданинъ», потомъ «Русь», т.-е. газеты, благонамѣренность и благонадежность которыхъ должна была, повидимому, служить щитомъ противъ всякихъ административныхъ взысканій. Чтобы найти нѣчто подобное въ исторіи нашей прессы, нужно обратиться ко второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, когда были пріостановлены, послѣ трехъ предостереженій, «Московскія Вѣдомости», когда нѣсколько разъ сходила со сцены и наконецъ совершенно исчезла «Москва». До такой печальной участи современныя консервативныя или реакціонныя изданія еще не дошли и, надѣемся, не дойдутъ; но первое предостереженіе—все-таки «начало возможнаго конца». Что же означаетъ эта строгость по отношенію къ собственнымъ союзникамъ («по нашимъ бьютъ»—выразился одинъ изъ нихъ)? Намъ кажется, что это неизбѣжное послѣдствіе угнетенія печати, разъ что оно перешло извѣстную границу. Свободное, прямо сказанное слово становится, при такихъ условіяхъ, чѣмъ-то непріятнымъ для слуха, все равно, откуда бы оно ни шло, чѣмъ бы ни было вызвано. Критика начинаетъ казаться чѣмъ-то непозволительнымъ an und für sich, особенно если въ внѣшней ея формѣ не соблюдена крайняя сдержанность и мягкость. Контроль надъ печатью упускаетъ изъ виду цѣль, съ которою онъ установленъ, и распространяетъ свою дѣятельность далеко за первоначально намѣченные ея предѣлы. Мы видѣли это во Франціи, когда тамъ существовала система административныхъ взысканій, видѣли и видимъ то же самое у насъ въ Россіи. Въ 1852 г. Персиньи, авторъ только-что упомянутой системы, заявилъ публично, что она угрожаетъ только изданіямъ, безусловно враждебнымъ правительству; то же са-

мое заявленіе было повторено имъ въ 1860 г., вслѣдъ за обнародованіемъ извѣстныхъ ноябрьскихъ декретовъ—но на самомъ дѣлѣ и до, и послѣ 1860 г. предостереженіямъ подвергались и чисто-дѣловыя статьи, и даже оффиціозныя газеты. Въ журналѣ комиссіи, подготовившей дѣйствующій у насъ законъ 6 апрѣля 1865 г. (если только его можно еще назвать дѣйствующимъ, въ виду массы измѣняющихъ его дополненій и «временныхъ правилъ»), высказано слѣдующее общее положеніе: «административныя взысканія находятъ для себя *единственное* извиненіе и *почти* единственный случай примѣненія, когда въ періодическомъ изданіи является такъ-называемое вредное направленіе». Какъ далеко разошлась практика съ намѣреніями законодателя! О вредномъ, съ правительственной точки зрѣнія, направленіи «Гражданина» или «Руси» не можетъ быть и рѣчи—но это не спасаетъ ихъ отъ административной кары. «Гражданинъ» получаетъ предостереженіе «за непозволительную по своей рѣзкости статью («Мысли моряка о морскомъ цензѣ»), которая, явно извращая смыслъ закона, стремится подорвать уваженіе къ нему». Если періодическое изданіе «извращаетъ смыслъ закона», то всего правильнѣе возстановить этотъ смыслъ путемъ оффиціальнаго, подробно мотивированнаго сообщенія, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, министерство финансовъ, возражая на замѣчанія «Московскихъ Вѣдомостей» противъ новыхъ питейныхъ правилъ. Еще менѣе соотвѣтствуютъ смыслу закона мотивы предостереженія, даннаго «Руси». Оно основано на томъ, что газета г. Аксакова «обсуждаетъ текущія событія тономъ несовмѣстнымъ съ истиннымъ патріотизмомъ, и стремится возбудить неуваженіе къ правительству». «Что такое *истинный* и *неистинный* патріотизмъ?»—спрашиваетъ по этому поводу г. Аксаковъ («Русь», № 23). «Гдѣ надежные признаки того и другого? Гдѣ критерій для оцѣнки или даже распознаванія? Съ нашей точки зрѣнія, напримѣръ, истинный патріотизмъ для публициста заключается въ томъ, чтобы мужественно, по крайнему разумѣнію, высказывать правительству правду, какъ бы она горька и жестка ни была; по мнѣнію же многихъ, въ такъ-называемыхъ высшихъ сферахъ, наиистиннѣйшій патріотизмъ—въ подобострастномъ молчаніи». Къ этому слѣдуетъ прибавить, что *тона*, несовмѣстнаго съ истиннымъ патріотизмомъ, нѣтъ и быть не можетъ; патріотическими или непатріотическими могутъ быть только дѣйствія

или слова, равносильныя дѣйствіямъ (напр. разоблаченіе того, что должно быть сохраняемо въ таинѣ отъ непріятеля), а отнюдь не формы рѣчи. «Именно въ запальчивости истиннаго патріотизма», по справедливому замѣчанію г. Аксакова, «можетъ порой, особенно при спѣшной работѣ, сорваться съ пера слово слишкомъ живое и рѣзкое».. Въ концѣ пути, приведшаго къ предостереженіямъ «Руси» и «Гражданину», виднѣется полное уничтоженіе свободы слова, мертвая тишина, исчезновеніе самостоятельной мысли. До этого конца еще далеко, и мы надѣемся, что намъ не суждено его увидѣть: но опасенъ уже каждый шагъ, приближающій къ нему — опасенъ, какъ все уменьшающее сумму простора, воздуха и свѣта.

XXI.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ [1]).

Умираетъ человѣкъ, постоянно бывшій борцомъ и раздѣлявшій участь, общую всѣмъ борцамъ—нападавшій и подвергавшійся нападеніямъ, имѣвшій союзниковъ и враговъ, ни къ чему не относившійся индифферентно и ни съ чьей стороны не встрѣчавшій такого отношенія. Какъ должно отразиться извѣстіе о его смерти въ средѣ его противниковъ? Могутъ ли, должны ли они забыть все прошедшее и примкнуть къ хору друзей покойнаго, на всѣ лады восхваляющихъ его заслуги? Нѣтъ, это невозможно, да и не нужно; невозможно—потому что безусловныя похвалы *лицу* неотдѣлимы, въ подобныхъ случаяхъ, отъ сочувствія его *дѣлу*; ненужно—потому что хвалителей и безъ того оказывается довольно. Слѣдуетъ ли, съ другой стороны, молчать, на основаніи стараго правила: de mortuis nil nisi bene? Это правило принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя должны быть понимаемы и примѣняемы cum grano salis. Оно создано, собственно говоря, для одной только частной, домашней жизни. Въ этой области смерть почти всегда производитъ смягчающее, обезоруживающее дѣйствіе, возбуждаетъ примирительное чувство; передъ открытой могилой умолкаетъ осужденіе, и мысль останавливается невольно не на недостаткахъ, а на лучшихъ сторонахъ покойнаго. Другое дѣло—область общественной жизни. Здѣсь, по выраженію Пушкина, для умершаго тотчасъ же «настаетъ потомство», начинается исторія. Окончаніе его дѣятельности даетъ возможность раз-

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1886 г., мартъ; общественная хроника.

смотрѣть ее, какъ одно цѣлое, подвести ея итоги, сдѣлать общую ея оцѣнку. Откладывать эту работу до другого времени незачѣмъ уже потому, что она совершается сама собою въ умѣ каждаго внимательнаго наблюдателя текущихъ событій. Молчаніе печати—т.-е. той части печати, которая не можетъ удовольствоваться однимъ *bene*,—не соотвѣтствовало бы настроенію публики; оно могло бы быть истолковано въ смыслѣ пренебреженія, невниманія къ покойному, въ смыслѣ отношенія гораздо болѣе враждебнаго, чѣмъ то, которое скрывалось бы, можетъ быть, подъ искусственною тишиною. Припомнимъ тяжелое впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ молчаніемъ извѣстной московской газеты послѣ смерти Тургенева, Костомарова, Кавелина... Итакъ, приведенный нами афоризмъ необязателенъ для печати; она *должна* говорить объ умершемъ, со всею тою откровенностью, которая для нея возможна, но и съ тою сдержанностью, которой требуетъ свѣжесть недавней потери. Неприличны и неумѣстны были бы желчные, оскорбительные отзывы о покойномъ, тѣмъ болѣе вторженіе въ его частную жизнь, которое и раньше позволяла себѣ развѣ сплетня; но вполнѣ законной является честная, добросовѣстная попытка опредѣлить, чѣмъ хотѣлъ быть и чѣмъ былъ умершій, къ чему онъ стремился и чего онъ достигъ, *какъ общественный дѣятель*.

Безупречнымъ, съ этой точки зрѣнія, кажется намъ образъ дѣйствій тѣхъ органовъ русской печати, которые не принадлежали, при жизни И. С. Аксакова, къ числу единомышленниковъ или союзниковъ «Руси». Глубокое сожалѣніе объ утратѣ, понесенной русскимъ обществомъ и русской журналистикой, искреннее уваженіе къ личности скончавшагося публициста чувствуются во всѣхъ, безъ исключенія, статьяхъ, написанныхъ подъ первымъ впечатлѣніемъ печальной вѣсти. Если въ дальнѣйшихъ отзывахъ объ И. С. Аксаковѣ начинаетъ раздаваться критическая нота, то она ни разу не звучитъ слишкомъ рѣзко, ни разу не нарушаетъ спокойнаго настроенія, обусловливаемаго близостью гроба. Это настроеніе было нарушено съ другой стороны... Увеличилось ли бы благочиніе похоронъ, если бы самозванные блюстители порядка стали сбивать шляпы съ прохожихъ, не обнажившихъ головы, если бы плакальщики, идущіе за погребальной колесницей, стали громко бранить тѣхъ, кто не заливается слезами? Послѣ смерти Аксакова повторилось, въ меньшихъ лишь размѣрахъ, то самое зрѣлище, котораго мы

были свидѣтелями послѣ смерти Скобелева—зрѣлище людей, не столько изливающихъ свою скорбь, сколько наблюдающихъ за тѣмъ, въ достаточной ли мѣрѣ огорчены другіе. Въ довершеніе всего, это наблюденіе распредѣлялось не одинаково между различными группами мало огорченныхъ. Когда «Московскія Вѣдомости» включили въ некрологъ Аксакова нѣсколько оговорокъ въ родѣ слѣдующихъ: «о характерѣ его политической дѣятельности могутъ быть разныя сужденія... Тогда надъ семействомъ Аксаковыхъ еще не носился духъ исключительнаго кружка»,—никто не упрекалъ ихъ за это (да онѣ и не заслуживали упрека); противъ другихъ газетъ замѣчанія, въ сущности столь же невинныя, вызвали настоящую травлю. Долго ли намъ еще остается ждать, пока уваженіе къ свободѣ и искренности печатнаго слова укоренится по меньшей мѣрѣ въ средѣ самой печати?....

Аксаковъ вступилъ въ жизнь въ то время, когда только-что слагалось и обособлялось славянофильское ученіе. Эта работа происходила на глазахъ Аксакова, въ его семьѣ и между лицами, ей близкими. Неудивительно, что она овладѣла всѣмъ существомъ юноши и предрѣшила его будущую дѣятельность; неудивительно и то, что онъ принялъ ея результаты, какъ нѣчто не подлежащее никакому спору, и не внесъ ничего новаго въ доктрину, созданную его братомъ и Хомяковымъ. По своей натурѣ, по свойствамъ своего таланта, онъ былъ не новаторомъ, а пропагандистомъ, не мыслителемъ, а проповѣдникомъ; въ этомъ заключались и слабость его, и сила. Его дарованіе было по преимуществу риторическое, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Ему дана была способность выражаться красиво, говорить языкомъ звучнымъ, искусственно приподнятымъ, но эффектнымъ; въ немъ было что-то Державинское или Карамзинское, онъ былъ послѣднимъ представителемъ такъ называемаго «высокаго слога», обновленнаго и преобразованнаго настолько, чтобы не казаться слишкомъ яснымъ архаизмомъ. Онъ любилъ употреблять славянскіе термины, любилъ измѣнять общепринятую разстановку словъ; онъ чаще вѣщалъ, нежели говорилъ, чаще повторялъ свою мысль, нежели отстаивалъ ее противъ возраженій или искалъ новыхъ для нея основаній. Кому случилось слышать хоть одинъ разъ его живую рѣчь, тотъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ рожденъ ораторомъ—но ораторомъ ad narrandum, non ad probandum

dum [1]). Его манера говорить напоминала его передовыя статьи: та же торжественность, иногда доходящая почти до тяжеловѣсности, та же увѣренность въ себѣ, невольно дѣйствующая на слушателя, та же тщательная и своеобразная отдѣлка фразы. Въ политическомъ собраніи онъ не могъ бы быть бойцомъ, неистощимо находчивымъ, всегда вооруженнымъ съ головы до ногъ, одинаково готовымъ отразить нападеніе и въ свою очередь напасть на врага—но никто въ его партіи не съумѣлъ бы лучше его изложить основныя начала ея символа вѣры, выразить, отъ имени политическихъ друзей, общія имъ всѣмъ чувства, упованія и надежды. То, что̀ мы сейчасъ скажемъ, похоже на парадоксъ,—но на самомъ дѣлѣ едва-ли далеко отъ истины: какъ ораторъ, Аксаковъ меньше всего соединялъ въ себѣ типическія черты русскаго свѣтскаго краснорѣчія. Мы говоримъ, покамѣстъ, не о содержаніи рѣчи, а только о ея формѣ. Русской натурѣ больше свойственны простота, сжатость, отсутствіе эффектовъ, чѣмъ многорѣчивость, фразистость и обиліе украшеній. Относительно русской изящной литературы въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; съ тѣхъ поръ, какъ она стала на ноги и сдѣлалась сама собою, она не имѣетъ—въ лицѣ лучшихъ представителей своихъ—рѣшительно ничего общаго съ риторикой. Тою же дорогой суждено, повидимому, пойти и русскому ораторскому искусству. Исключенія возможны вездѣ и всегда, и на долю такого искренняго, убѣжденнаго ритора, какимъ былъ бы Аксаковъ на политической каѳедрѣ, могла бы достаться своеобразная ораторская слава; но тѣ качества, которыми онъ былъ бы ей обязанъ, меньше всего могли бы быть названы специфически-русскими.

Активное участіе въ борьбѣ за славянофильскіе принципы Аксаковъ—сначала занятый службой въ судѣ и администраціи—сталъ принимать только въ пятидесятыхъ годахъ, когда процессъ образованія славянофильства уже закончился, и оно замкнулось въ самомъ себѣ, порвавъ всякую связь съ своими противниками. Время изданія «Русской Бесѣды» и «Сельскаго Благоустройства» было временемъ наибольшаго процвѣтанія славяно-

[1]) Пишущій эти строки слышалъ «послѣднее слово», произнесенное Аксаковымъ передъ с.-петербургскою судебною палатою (въ январѣ 1870 г.), какъ подсудимымъ по извѣстному въ свое время процессу печати (о «кусающемся докторѣ»)—и до сихъ поръ не можетъ забыть впечатлѣнія, произведеннаго этою короткою рѣчью на всѣхъ присутствующихъ.

фильства. Всѣ вожди и основатели его были еще на-лицо, окруженные небольшимъ, но блестящимъ кружкомъ молодыхъ послѣдователей; для національной розни еще не было поводовъ; готовившееся освобожденіе крестьянъ давало широкій просторъ лучшимъ стремленіямъ не искаженной пока доктрины. Незаслуженное недовѣріе, такъ долго, съ небольшими промежутками, тяготѣвшее надъ славянофильствомъ, именно въ это время нѣсколько ослабѣло: признаки возобновленія его проявились только тогда, когда Аксаковъ въ первый разъ попробовалъ основать свой самостоятельный органъ. По справедливому замѣчанію профессора Бестужева-Рюмина, онъ положилъ начало популяризаціи славянофильства. Онъ приблизилъ его къ дѣйствительной жизни, снялъ съ него философскія пелены, заговорилъ языкомъ общепонятнымъ—и заговорилъ, притомъ, такъ прямо и такъ откровенно, какъ до него, въ русской подцензурной печати, не говорилъ никто. Въ этомъ заключается главная разгадка невзгодъ, испытанныхъ Аксаковымъ, какъ журналистомъ и дѣятелемъ славянскаго благотворительнаго общества. Всѣмъ извѣстна судьба «Паруса», «Дня», «Москвы», «Москвича»: всѣмъ извѣстны подробности колоссальнаго, безпримѣрнаго въ своемъ родѣ недоразумѣнія, столько разъ налагавшаго молчаніе на Аксакова и удалившаго его, наконецъ, на цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ съ журнальнаго поприща. Извѣстны и причины высылки Аксакова изъ Москвы, лѣтомъ 1878-го года. Продлись его жизнь еще нѣсколько времени—и мы увидѣли бы, можетъ быть, повтореніе давно знакомой исторіи; за два мѣсяца до его смерти «Русь» получила первое предостереженіе, съ упрекомъ въ отсутствіи «истиннаго патріотизма»... Что же навлекало на Аксакова административныя кары? Не что иное, какъ его *тонъ*—рѣшительный, свободный, чуждый тѣхъ оговорокъ и прикрытій, которыя выработались подъ вліяніемъ вѣкового гнета и которыя соединены нашимъ сатирикомъ подъ общимъ именемъ «рабьяго языка». Откровенность, съ непривычки, показалась дерзостью, прямота—чуть не преступленіемъ. Особенно впечатлительными оказались высшіе круги, когда ихъ непосредственно задѣвалъ Аксаковъ. Посягательство на ихъ непогрѣшимость они смѣшивали съ посягательствомъ на «основы»; отождествляя себя съ властью, они относили къ послѣдней наносимыя имъ обиды и прикрывали свое оскорбленное самолюбіе соображеніями «высшаго государственнаго порядка». Способствовало

раздраженію и то, что Аксаковъ нападалъ на бюрократію, сомнѣвался въ ея всевѣдѣніи и всемогуществѣ, провозглашалъ необходимость покончить съ «бюрократическимъ періодомъ русской исторіи». Пока статьи Аксакова просматривались цензурой, онъ могъ еще, хотя и съ большимъ трудомъ, вести свое дѣло, и «День» умеръ естественною смертью; но безцензурная «Москва» должна была погибнуть, потому что некому было насильственно понижать ея тонъ, а добровольно его понизить редакторъ не соглашался, несмотря на цѣлый рядъ предостереженій и временныхъ пріостановокъ. Твердость, ни разу не измѣнявшая Аксакову во все продолженіе долгой и неравной борьбы, составляетъ его безспорную, большую заслугу, и онъ былъ совершенно правъ, когда озирался съ гордостью на эту страницу своего прошедшаго. Несправедливо было бы, однако, упускать изъ виду тѣ условія, благодаря которымъ для Аксакова была возможна самая борьба, благодаря которымъ она продолжалась нѣсколько лѣтъ и не принесла *личнаго* вреда самому борцу. Аксакова могли считать неудобнымъ, непріятнымъ, невыносимымъ, но не могли серьёзно считать неблагонамѣреннымъ или неблагонадежнымъ. Его публицистическое credo не даромъ совпадало съ оффиціальнымъ девизомъ, провозглашеннымъ еще въ сороковыхъ годахъ. Конечно, подъ одними и тѣми же словами разумѣлось, съ обѣихъ сторонъ, далеко не одно и то же—но близость взглядовъ несомнѣнно существовала и не терялась изъ виду даже въ минуты наибольшаго недоумѣнія. Аксакова устраняли съ дороги скорѣе какъ нежеланнаго союзника, чѣмъ какъ опаснаго противника—а это разница весьма большая. Если бы языкомъ Аксакова вздумало заговорить другое лицо, оно было бы прервано на полу-словѣ, и прервано навсегда; его журнальная дѣятельность не насчитывала бы и столькихъ *дней*, сколько *годовъ* продолжалась дѣятельность Аксакова... Испытанія, продолжавшіяся цѣлую четверть вѣка, уравновѣшиваются, до извѣстной степени, послѣдними пятью годами жизни Аксакова. Ему дано было, въ это время, рѣдкое счастье: ему дана была возможность высказаться вполнѣ, договориться до окончательныхъ заключеній. Въ особенности благопріятнымъ былъ для него промежутокъ времени съ основанія «Руси» (въ ноябрѣ 1880 г.) до лѣта 1882-го года. «Диктатура сердца», давшая разрѣшеніе на изданіе «Руси», была эпохой относительной свободы для всей вообще печати;

«народная политика» развязывала руки спеціально «Руси». Не одно и то же, конечно, почувствовать себя на волѣ въ цвѣтѣ лѣтъ—или на склонѣ жизни. Несправедливость, жертвою которой былъ Аксаковъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, была заглажена слишкомъ поздно—но все-таки была заглажена. Въ этомъ отношеніи судьба улыбнулась ему больше, чѣмъ многимъ, очень многимъ другимъ дѣятелямъ русскаго печатнаго слова.

Мы уже сказали—и этого, вѣроятно, не станутъ отрицать самые горячіе поклонники Аксакова,—что онъ былъ преимущественно или исключительно популяризаторомъ идей, не имъ пущенныхъ въ оборотъ, практическимъ истолкователемъ ученія, не имъ созданнаго. Чтобы оцѣнить его дѣятельность, необходимо, поэтому, остановиться не столько на основныхъ предпосылкахъ доктрины, которую онъ исповѣдывалъ и проповѣдывалъ, сколько на выводахъ, которые онъ изъ нея дѣлалъ. Религіозные взгляды Аксакова были заимствованы или, лучше сказать, усвоены имъ отъ Хомякова. Когда разборъ этихъ взглядовъ сдѣлается у насъ возможнымъ, нужно будетъ, конечно, обратиться къ первоисточнику, къ оригиналу; у Аксакова можно будетъ только прослѣдить логическое—а иногда и не-логическое — развитіе данныхъ положеній. Несомнѣнной заслугой Аксакова является здѣсь протестъ противъ церковнаго бюрократизма, проповѣдь терпимости, стремленіе доказать, что церковь должна разсчитывать на собственную силу, дѣйствовать единственно духовнымъ оружіемъ, а не обращеніемъ къ свѣтской власти. «Русь», какъ и «День», какъ и «Москва», стояла за выборное начало въ организаціи прихода, за освобожденіе церкви отъ государственной опеки, за примирительный образъ дѣйствій по отношенію къ раскольникамъ. Оборотною стороною медали было молчаніе по нѣкоторымъ существенно важнымъ пунктамъ церковно-государственной политики, а также смѣшеніе церковнаго вопроса съ національнымъ. Мы спрашивали когда-то «Русь», какъ относится она къ запрещенію выхода изъ господствующей церкви, къ обязательству, обусловливающему, по нашимъ законамъ, заключеніе смѣшаннаго брака, къ существованію духовной цензуры, къ свободѣ изслѣдованія въ области догматическаго богословія и церковной исторіи. Отвѣта мы не дождались—а безъ него нельзя опредѣлить, что̀ значитъ «свобода совѣсти», написанная

на знамени «Руси». Съ широкимъ пониманіемъ этой свободы не гармонировали, во всякомъ случаѣ, попытки установить нераздѣльность понятій: «русскій» и «православный». Чтобы доказать эту нераздѣльность, Аксаковъ не отступалъ передъ самыми невозможными тезисами; онъ утверждалъ, напримѣръ, что «германецъ-католикъ представляется въ наше время какою-то аномаліей, какимъ-то изувѣченнымъ нравственнымъ существомъ». «Изувѣченными» провозглашались, такимъ образомъ, многіе милліоны нѣмцевъ, пользующихся вожделѣннымъ нравственнымъ здоровьемъ—провозглашались только для того, чтобы подчеркнуть лишній разъ, путемъ сравненія, тождество русской національности и православія.

Краеугольный камень политической системы Аксакова, также унаслѣдованный имъ отъ брата и другихъ основателей славянофильства, принадлежитъ въ настоящее время—и принадлежалъ почти постоянно—къ числу предметовъ, на которыхъ написано крупными буквами: noli me tangere! Не касаясь, поэтому, существа славянофильской политической формулы, сдѣлаемъ только одно замѣчаніе о способѣ ея защиты. Противники ея раздѣлялись и раздѣляются на двѣ категоріи: одни не хотятъ о ней и слышать, признавая ее безусловно фальшивою, опасною и вредною; другіе находятъ ее только недостаточною, но отдаютъ ей предпочтеніе передъ тою, на смѣну которой она должна придти. Съ какою изъ этихъ двухъ сторонъ скорѣе могъ вступить въ соглашеніе Аксаковъ? Конечно—со второю; у него была съ нею общая почва, на которой они могли сойтись хотя бы на время, между тѣмъ какъ отъ первой его отдѣляла непроходимая пропасть. На самомъ дѣлѣ, однако, Аксаковъ—по крайней мѣрѣ въ послѣднемъ періодѣ своей дѣятельности—почти непрерывно шелъ рука объ руку съ наиболѣе непримиримыми противниками его формулы. Разрывъ между ними наступалъ только въ тѣ рѣдкія минуты, когда любимый политическій тезисъ славянофильства становился вопросомъ дня—и замѣчательно, что иниціатива разрыва принадлежала не Аксакову. Припомнимъ весну и лѣто 1882-го года, т.-е. моментъ, предшествовавшій паденію «народной политики» и непосредственно слѣдовавшій за нимъ. Аксакова обвиняютъ въ это время въ «благонамѣренной болтовнѣ», въ «наркотизмѣ фразы, приводящемъ въ омерзительныя объятія»; онъ отвѣчаетъ сдержанно, сберегая всѣ свои громы для противниковъ другого рода—и черезъ нѣсколько времени

между «Русью» и главнымъ органомъ реакціи опять возстановляется согласіе, приходившееся не по нутру даже нѣкоторымъ друзьямъ и поклонникамъ Аксакова. Иногда это согласіе заходило столь далеко, что на страницахъ «Руси», какъ и на столбцахъ «Берега» или «Московскихъ Вѣдомостей», «либерализмъ» отождествлялся съ «нигилизмомъ», и нигилистамъ отдавалось «преимущество послѣдовательности» передъ «либералами».

По другимъ, менѣе важнымъ вопросамъ государственной жизни, Аксаковъ часто шелъ своей дорогой, оставляя далеко позади себя своихъ печальныхъ союзниковъ или даже прямо противодѣйствуя ихъ ретроградной похоти. Авторъ «Утра въ уголовной палатѣ», свидѣтель безобразій, творившихся въ нашихъ дореформенныхъ судахъ, участникъ движенія, внесеннаго въ эту затхлую и гнилую сферу правовѣдами первыхъ выпусковъ [1]), не могъ стать въ ряды враговъ новаго судебнаго устройства. Статьи «Руси», написанныя въ защиту судебныхъ уставовъ, были по истинѣ добрымъ дѣломъ; онѣ внесли разладъ въ лагерь реакціонеровъ и укрѣпили учрежденіе, висящее на волоскѣ, авторитетомъ слова, безпристрастіе котораго никто не могъ заподозрить. Гораздо менѣе опредѣленнымъ было положеніе, занятое «Русью» по вопросу объ административной реформѣ. Важность этого вопроса Аксаковъ сознавалъ вполнѣ, можетъ быть даже нѣсколько преувеличивалъ; онъ способствовалъ постановкѣ его на очередь, однимъ изъ первыхъ заговорилъ объ *уѣздѣ*, какъ о почвѣ, съ которой должно начаться преобразованіе—и все-таки въ пять лѣтъ не договорился до послѣдняго слова. Еще недавно, печатая статьи г. Х. о мѣстномъ управленіи, онъ сдѣлалъ къ нимъ оговорку, заставлявшую ожидать окончательной profession de foi—но, къ несчастію, дни писателя были уже сочтены. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что нерѣшительность Аксакова обусловливалась здѣсь борьбою между традиціями славянофильства и новыми вѣяніями, проникшими въ сферу дѣятельности «Руси». Славянофильство, по своему принципу, не исключаетъ сословности, но и не выдвигаетъ ее на первый планъ: не исключаетъ ее потому, что видитъ въ ней завѣтъ прошедшаго—не

[1]) Аксаковъ былъ правовѣдомъ третьяго выпуска (1842 г.) и служилъ нѣсколько лѣтъ товарищемъ предсѣдателя калужской уголовной палаты.

выдвигаетъ ее на первый планъ, потому что это было бы несовмѣстно съ преклоненіемъ передъ народомъ, какъ хранителемъ традицій, утраченныхъ высшимъ классомъ общества. Въ критическую минуту нашей новѣйшей исторіи—въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ—пораженіе сословнаго начала совершилось при дѣятельномъ участіи славянофиловъ, связавшихъ свое имя съ освобожденіемъ крестьянъ. Правда, въ это время былъ созданъ институтъ мировыхъ посредниковъ—но основатели его едва-ли считали его чѣмъ-то вѣчнымъ, безусловно совершеннымъ. Двадцать пять лѣтъ, да еще такихъ лѣтъ, какія протекли послѣ 19 февраля 1861 г.—grande aevi spatium въ народной жизни; Самаринъ, Константинъ Аксаковъ, князь Черкасскій усомнились бы, можетъ быть, въ цѣлесообразности возвращенія къ порядку, установленному при иной, не существующей болѣе обстановкѣ. Какъ бы то ни было, учрежденіе мировыхъ посредниковъ было отчасти дѣломъ славянофиловъ—и Аксаковъ могъ высказаться, въ принципѣ, за его возстановленіе, не впадая въ явное противорѣчіе съ преданіями своей школы. Другое дѣло—подробности возстановленія. Здѣсь нужно было выбирать между притязаніями одного сословія и интересами народнаго самоуправленія, между «властной рукой», давно отрѣшившейся отъ «мудрости предковъ», и народной массой, непоколебимо ей вѣрной. Легкимъ этотъ выборъ для Аксакова быть не могъ—и онъ до самаго конца его не сдѣлалъ. Онъ склонялся все больше и больше на сторону «властной руки», но не примкнулъ безповоротно къ ея систематическимъ приверженцамъ. Его могло удержать отъ послѣдняго шага и давнишнее нерасположеніе его къ бюрократіи. Ему стоило только освѣжить воспоминанія молодости, чтобы убѣдиться въ возможности существованія *сословной бюрократіи*; вѣдь капитанъ-исправники прежнихъ временъ служили не по назначенію правительства, а по выборамъ дворянства... Для исторіи славянофильства второй формаціи во всякомъ случаѣ останется характеристичнымъ тотъ фактъ, что по воскресшему изъ мертвыхъ сословному вопросу «Русь» стояла, по крайней мѣрѣ одною ногою, въ лагерѣ регресса. Не менѣе знаменательно и отношеніе ея къ нѣкоторымъ реформамъ, имѣвшимъ цѣлью облегченіе народной массы. Отрицая малоземелье, она высказывалась сначала противъ учрежденія крестьянскаго поземельнаго банка и перешла на его сторону лишь въ послѣдствіи

времени, съ оговорками, не вполнѣ соотвѣтствовавшими призванію банка. Преобразованіемъ податной системы, въ смыслѣ болѣе уравнительнаго распредѣленія податного бремени, она занималась мало и служила иногда отголоскомъ жалобъ, направленныхъ противъ новыхъ, справедливыхъ налоговъ—напр., противъ раскладочнаго сбора [1]). По вопросу о формахъ владѣнія «Русь» сохраняла вѣрность лучшимъ завѣтамъ славянофильства. Она стояла неизмѣнно за поземельную общину, за неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ, за отмѣну ст. 165 Положенія о выкупѣ, никогда не допуская, въ этомъ отношеніи, никакихъ уступокъ и колебаній.

Не высказаннымъ осталось послѣднее слово «Руси» о народномъ образованіи. Что Аксаковъ ставилъ выше всего старый типъ начальнаго обученія и радостно привѣтствовалъ правила о церковно-приходскихъ школахъ—это вполнѣ понятно, и обвинять его за это мы, конечно, не станемъ; но допускалъ ли онъ существованіе свѣтской, земской школы, на-ряду и на равныхъ правахъ съ церковною? Опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы у него не находимъ—но иногда, повидимому, онъ былъ близокъ къ отрицательному его рѣшенію. Мы встрѣчали въ «Руси» глумленіе надъ такими двигателями начальнаго обученія, какъ покойный баронъ Н. А. Корфъ, встрѣчали косвенныя указанія на возможное и желательное приведеніе народной школы къ одному знаменателю; не предъявлялось въ «Руси» только требованія немедленныхъ и крутыхъ мѣропріятій по этому предмету. Въ области средняго образованія Аксаковъ стоялъ за классицизмъ, но безъ крайностей, свойственныхъ фанатикамъ этой системы; незадолго до смерти онъ напечаталъ въ своей газетѣ, съ сочувственнымъ отзывомъ, статью молодого педагога, направленную именно противъ этихъ крайностей. Къ университетскому вопросу онъ относился довольно индифферентно и не всегда одинаково; иногда онъ примыкалъ къ тенденціямъ «Московскихъ Вѣдомостей»—громя, напримѣръ, стремленіе молодежи къ *даровому* высшему образованію,— иногда, наоборотъ, далеко расходился съ ними, полемизируя, напримѣръ, противъ правилъ о повѣрочныхъ и государственныхъ испытаніяхъ, изданныхъ въ дополненіе къ новому университетскому уставу.

[1]) Спѣшимъ замѣтить, что статьи о крестьянскомъ банкѣ и по финансовымъ вопросамъ принадлежали не самому Аксакову.

Взгляды Аксакова по національному вопросу—какъ во внутренней, такъ и въ внѣшней политикѣ,—слишкомъ извѣстны, чтобы нужно было говорить о нихъ подробно; они стоятъ у него во главѣ угла, занимаютъ господствующее мѣсто въ его системѣ. И здѣсь Аксаковъ часто соприкасался съ нашими реакціонерами, никогда не присоединяясь къ нимъ всецѣло. Онъ былъ вполнѣ правъ, когда защищалъ эстовъ и латышей отъ самовластія и произвола остзейскихъ бароновъ, когда отстаивалъ, въ смутное время, западно-русское и польское крестьянство противъ эксплоатаціи пановъ и шляхты. Послѣ Ю. Ѳ. Самарина никто, можетъ быть, не способствовалъ столь много правильному освѣщенію остзейскихъ порядковъ, никто не поддерживалъ съ большей энергіей вниманіе русскаго общества къ «униженнымъ и оскорбленнымъ» балтійской «окраины Россіи». По отношенію къ другой западной окраинѣ дѣятельность его была менѣе полезна уже потому, что всѣ необходимыя преобразованія совершились тамъ еще въ шестидесятыхъ годахъ, и дѣло «обрусенія» нуждалось, затѣмъ, скорѣе въ сдерживаніи, чѣмъ въ поощреніи. Спѣшимъ прибавить, что разстояніе между Аксаковымъ и правымъ флангомъ нашихъ «націоналовъ» всегда оставалось довольно значительнымъ; по справедливому замѣчанію О. Ѳ. Миллера, анти-польская полемика «Руси» и даже «Дня» всегда существенно отличалась отъ такой же полемики «Московскихъ Вѣдомостей». Печальной ошибкой Аксакова—ошибкой даже съ точки зрѣнія его партіи—было враждебное отношеніе его къ украинофильству. Другою ошибкой было смѣшеніе вопросовъ національнаго и вѣроисповѣднаго,—смѣшеніе, всего ярче выразившееся въ извѣстномъ письмѣ Аксакова къ Ригеру... Роль Аксакова въ 1876—78 гг. всегда будетъ предметомъ разнообразной оцѣнки, смотря по различію взглядовъ на самыя событія этой эпохи. Безусловно слабою стороной дѣятельности «Руси» кажется намъ агитація противъ берлинскаго трактата, начатая въ 1881 г. и не прекращавшаяся до самаго послѣдняго времени. Главный недостатокъ этой агитаціи—двойственность положенія, занятаго Аксаковымъ. Онъ увѣралъ (и, безъ сомнѣнія, совершенно искренно), что не желаетъ войны—и вмѣстѣ съ тѣмъ страстно проводилъ такія мнѣнія, изъ которыхъ логически слѣдовала ея необходимость. Если берлинскій трактатъ—«одинъ изъ самыхъ главныхъ виновниковъ той деморализаціи, того приниженнаго состоянія обще-

ственнаго духа, которыя обратили русскаго богатыря въ слабосильнаго больного и приготовили почву для крамолы, для убійствъ и подкоповъ» (подлинныя выраженія Аксакова), то простое чувство самосохраненія требовало немедленной и непримиримой борьбы противъ корня зла, съ какими трудностями и какимъ рискомъ она бы ни была сопряжена; другими словами, требовался немедленный разрывъ съ Австріей, а можетъ быть и съ Германіей. Аксаковъ уклонялся отъ этого заключенія, утверждалъ, что оно вовсе не вытекаетъ изъ его словъ—и продолжалъ твердить свое ceterum censeo, либо излишнее, либо опасное.

Наше мнѣніе объ Аксаковѣ можетъ показаться тенденціознымъ, продиктованнымъ чувствами и взглядами извѣстной «партіи»; но Аксаковъ былъ политическимъ дѣятелемъ—а политическій дѣятель не можетъ быть одинаково цѣнимъ противниками и друзьями. Единогласіе мыслимо только по отношенію къ *личнымъ* качествамъ покойнаго—къ его искренности, твердости, политической честности,—и *этимъ* единогласіемъ отличаются всѣ отзывы объ Аксаковѣ. Другое дѣло —его цѣли, стремленія и идеалы, его вліяніе и результаты, имъ достигнутые: разномыслію является здѣсь неизбѣжнымъ и неустранимымъ, и различію убѣжденій естественно соотвѣтствуетъ различіе заключительныхъ выводовъ. Сильныхъ сторонъ дѣятельности Аксакова мы не скрывали; мы только не могли забыть изъ-за нихъ о всемъ остальномъ, не могли раздуть ихъ до колоссальныхъ, баснословныхъ размѣровъ, какъ это дѣлаютъ необузданные поклонники умершаго писателя. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, оставаясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, согласиться съ слѣдующими невѣроятными словами, произнесенными въ день погребенія Аксакова: «онъ готовился грудью стать на защиту дорогой родины. *И знала вся русская земля, что эта грудь стоитъ арміи и полководцевъ. Знали это и трепетали враги*». Нѣчто подобное было сказано надъ гробомъ Скобелева—но тамъ похвальба имѣла хоть какой-нибудь смыслъ, потому что рѣчь шла о полководцѣ, а полководецъ дѣйствительно иногда стоитъ арміи. Въ примѣненіи къ Аксакову она является безсмысленнымъ и смѣшнымъ плагіатомъ.

Еще одно, послѣднее замѣчаніе. Существуетъ мнѣніе, по которому народничество представляется видоизмѣненіемъ славянофильства—а такъ какъ народничество проникаетъ даже

въ сферы, прежде заботившіяся только объ «обществѣ» и забывавшія о народѣ, то побѣдителемъ, въ концѣ-концовъ, слѣдуетъ признать славянофильство. Вторую часть этого тезиса мы оставляемъ въ сторонѣ, потому что разборъ ея увлекъ бы насъ слишкомъ далеко; для насъ достаточно напомнить, что народничество не имѣетъ никакой преемственной связи съ славянофильствомъ. Сходство между ними—чисто внѣшнее. Въ основаніи славянофильства лежитъ «національнизмъ», котораго народничество совершенно чуждо. Народничество сводится къ служенію *массѣ*, интересы которой далеко не всегда совпадаютъ съ односторонне понятыми интересами *націи*.

XXII.

Ябедники въ Москвѣ [1]).

Лѣтомъ прошлаго года одинъ изъ нашихъ историческихъ журналовъ напечаталъ записку московскаго генералъ-губернатора, графа Закревскаго, «о разныхъ неблагонамѣренныхъ толкахъ и неблагонамѣренныхъ людяхъ», представленную куда слѣдуетъ, въ 1858 или 1859 г., вмѣстѣ съ «спискомъ подозрительныхъ людей въ Москвѣ». Познакомившись съ этими любопытными документами, мы тогда же замѣтили, что тенденція, въ нихъ выразившаяся, жива до сихъ поръ; измѣнились или усложнились только способы и формы ея проявленія. Мѣсто регулярной бюрократической арміи заняли добровольцы; продолженіе труда, брошеннаго, быть можетъ, канцеляріями, взяли на себя нѣкоторые органы печати. Фактами, подтверждающими нашу мысль, истекшее полугодіе было чрезвычайно богато; но яркостью окраски ни одинъ изъ нихъ не превосходитъ статьи «Московскихъ Вѣдомостей», направленной, въ началѣ февраля, противъ январьской книжки нашего журнала, вышедшей за мѣсяцъ передъ тѣмъ, и слѣдовательно—статьи, написанной неторопливо.

Когда, въ 50-хъ годахъ, московскій «паша», цѣпляясь за власть, начинавшую ускользать изъ его рукъ, и пытаясь укрѣпить ее за собой возбужденіемъ ложныхъ страховъ, причислялъ къ «подозрительнымъ людямъ» гг. Аксаковыхъ и Каткова, и объявлялъ Ю. Ѳ. Самарина, вмѣстѣ съ Погодинымъ и г. Кокоревымъ, «желающимъ безпорядковъ и на все готовымъ», онъ

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1886 г., мартъ, редакціонная замѣтка.

высказывалъ сужденія, лишенныя всякаго разумнаго основанія, но не сочинялъ для нихъ мнимо-фактическихъ доказательствъ. Его преемники въ печати менѣе деликатны; если выводы обвинительнаго акта, составленнаго ими противъ «Вѣстника Европы», представляютъ большое сходство съ «обличеніями» графа Закревскаго, то орудіемъ обвиненія является на каждомъ шагу то подтасовка цитатъ, то искаженіе мысли противника. Разбирая два несимпатичныхъ намъ типа административной реформы—*бюрократическій и сословный*, — мы выразили мнѣніе, что первый изъ нихъ, т.-е. бюрократическій, былъ бы *меньшимъ зломъ*, сравнительно съ послѣднимъ. Подъ рукой «Московскихъ Вѣдомостей» это мнѣніе превращается въ анархическую формулу: «*правительство есть несомнѣнное зло*». Итакъ, правительство и бюрократическій строй мѣстнаго управленія — это одно и то же? Не одобрять всевластія губернаторовъ и исправниковъ — значитъ проповѣдывать безвластіе и безначаліе?.. Линія «возвращенія правительства», или «линія преобразованій наоборотъ», отождествляется московской газетой съ линіей правительственной schlechthin, послѣ чего намъ приписывается мысль о противоположности этой линіи съ «линіей благосостоянія народа». Съ помощью такихъ передержекъ мы оказываемся виновными въ провозглашеніи слѣдующаго тезиса: «чѣмъ лучше правительство исполняетъ свои обязанности, тѣмъ хуже для благосостоянія народа». Отсюда только одинъ шагъ до причисленія нашего журнала къ органамъ *партіи упраздненія правительства*—и «Московскія Вѣдомости» дѣлаютъ этотъ шагъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ не было такихъ мудреныхъ словечекъ, какъ *упраздненіе правительства*; тогда мнимые упразднители, въ родѣ Погодина, назывались «людьми, желающими безпорядковъ и на все готовыми». По отношенію къ терминологіи — но только по отношенію къ ней — между графомъ Закревскимъ и редакціею «Московскихъ Вѣдомостей» существуетъ безспорное различіе. Мы ошибаемся, впрочемъ; между ними есть еще одна разница, не особенно выгодная для продолжателей «обличеній». Въ спискѣ «подозрительныхъ людей» у графа Закревскаго не было намековъ, не было попытокъ «чтенія мыслей»; «Московскія Вѣдомости», цитируя сказанное нами объ утолщеніи правительственной линіи [1]), прибавляютъ

[1]) Теченія, борющіяся между собою, были представлены нами въ видѣ

отъ себя, въ скобкахъ: «Ужъ это не игра ли словъ?» Со стороны «Московскихъ Вѣдомостей» подобные полемическіе пріемы насъ не удивляютъ; но, признаемся, мы были непріятно изумлены, встрѣтивъ перепечатку указаннаго нами мѣста—съ сочувственнымъ отзывомъ—въ одной изъ петербургскихъ газетъ, именно въ послѣднее время начинавшей, повидимому, освобождаться изъ-подъ власти «Московскихъ Вѣдомостей». Съ гораздо бо́льшимъ тактомъ поступила другая петербургская газета, также далеко не расположенная въ нашу пользу; она не только не воспроизвела у себя низменной инсинуаціи, украшающей столбцы московской газеты, но прямо констатировала искаженіе ею нашей основной мысли.

Въ доброе старое время, когда все благопріятствовало процвѣтанію ябеды, она выработала для себя двѣ формы или ступени. Одни ябедники, болѣе умѣренные, упражнялись въ крючкотворствѣ надъ дѣйствительными фактами, примѣняя къ нимъ вкривь и вкось существующіе законы—законы сбивчивые, противорѣчивые, не разъясненные ни наукой, ни судебной доктриной. Другіе, не пренебрегая и этимъ искусствомъ, смѣшивали вымыселъ съ дѣйствительностью, выдумывали факты и затѣмъ уже разсматривали ихъ сквозь призму подъяческаго кляузничества. Ябедники современной печати принадлежатъ къ послѣднему разряду. Достаточно широкимъ поприщемъ дѣятельности могло бы служить для нихъ уже одно *освѣщеніе* взглядовъ, проводимыхъ литературными ихъ врагами; переворачивая эти взгляды во всѣ стороны, подвергая ихъ строгой полицейской повѣркѣ, доводя ихъ до абсурда, извлекая изъ нихъ вовсе не обусловливаемые ими выводы, можно было бы удовлетворить самымъ рьянымъ обвинительнымъ инстинктамъ, сплести изрядную сѣть для уловленія, при случаѣ, преслѣдуемой добычи. Но нѣтъ, ябедникамъ этого мало: торопясь и усердствуя черезъ мѣру, они добавляютъ къ сказанному несказанное, замѣняютъ реальное небывалымъ, или соединяютъ то и другое въ такую амальгаму, разложеніе которой на составныя части не всякому по силамъ. Объясняется этотъ избытокъ рвенія, какъ намъ кажется, тѣмъ, что остріе новѣйшей ябеднической полемики обра-

---

линій на воображаемой графической таблицѣ, а потому никакихъ «экивоковъ» не могло тамъ быть: они родились уже въ головѣ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей».

щено не противъ *мнѣній*, а противъ *лицъ*, физическихъ или юридическихъ, единичныхъ или коллективныхъ. Ея главная цѣль—не обнаружить несостоятельность ученія, а повредить его приверженцамъ, упразднить созданное имъ учрежденіе, уничтожить защищающій его журналъ. Отсюда ожесточенность натиска, отсюда неразборчивость въ выборѣ средствъ, отсюда argumenta ad hominem, инсинуаціи и выдумки... Полемика противъ «Вѣстника Европы»—только одна изъ многихъ, отличающихся этими свойствами; припомнимъ послѣднія выходки «Московскихъ Вѣдомостей» противъ сибирской журналистики, припомнимъ давнишнюю и упорную ихъ борьбу противъ одного административнаго вѣдомства—борьбу, отголоски которой слышатся и въ нападеніяхъ на нашъ журналъ. Къ длинному ряду однородныхъ явленій присоединилось на дняхъ еще одно, весьма характеристичное. Года два тому назадъ, когда въ Государственномъ Совѣтѣ обсуждался университетскій уставъ, и эта работа подвигалась впередъ не такъ легко и быстро, какъ хотѣли бы «Московскія Вѣдомости», газета г. Каткова предприняла кампанію противъ «игры въ парламентъ, въ большинство или меньшинство»; она возстала противъ «соглашеній, которыя иногда портятъ законъ», и признала нужнымъ объявить, что Государственный Совѣтъ не составляетъ «политической индивидуальности, организованнаго собранія», что народу нѣтъ дѣла до «изволенія неизвѣстныхъ ему генераловъ». Теперь эта кампанія возобновляется. Поводомъ къ тому служитъ «взятіе назадъ закона о семейныхъ раздѣлахъ, который два раза восходилъ до Государственнаго Совѣта и все-таки не удостоился утвержденія». «Остается надѣяться,—продолжаетъ петербургскій корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей»,—что къ вопросамъ, предстоящимъ на ближайшей очереди, высшее государственное учрежденіе отнесется милостивѣе» (а на очереди стоятъ, какъ мы узнаемъ изъ той же корреспонденціи, правила о наймѣ сельскихъ рабочихъ). Затѣмъ идетъ длинная іереміада противъ «печальныхъ пріемовъ нашей законодательной техники». Оставляя подробный ея разборъ до другого случая, замѣтимъ только, что и здѣсь «Московскія Вѣдомости» не обошлись безъ искаженія фактовъ. Онѣ увѣряютъ, что за десятилѣтній періодъ времени, совпадающій съ министерствомъ генерала Тимашева (1868—78), «не припомнятъ случая, гдѣ бы не было утверждено мнѣніе большинства» (Государственнаго Совѣта). А уставъ

классическихъ гимназій, относящійся именно къ началу семидесятыхъ годовъ? Развѣ за него высказалось большинство Государственнаго Совѣта? Не странно ли, что *ошибка* допущена относительно такого факта, который лучше всѣхъ другихъ долженъ быть памятенъ «Московскимъ Вѣдомостямъ»?...

XXIII.

Агитація противъ министра Финансовъ (Н. Х. Бунге) и Государственнаго Совѣта [1]).

Агитація противъ финансоваго управленія принимаетъ всевозможныя формы, сыплетъ то насмѣшками, то комплиментами, пользуется то записками, покрытыми глубокой тайной, то корреспонденціями иностранныхъ газетъ, происхожденіе которыхъ никому неизвѣстно—и не отступаетъ иногда даже передъ предложеніемъ мира, обусловленнаго обезоруженіемъ противника. Для большей внушительности этого предложенія, ему предпосылается обвиненіе чуть не въ государственномъ преступленіи. «Есть партія», читаемъ мы въ обвинительномъ актѣ, «которая имѣетъ свои виды на нынѣшняго министра финансовъ. Это партія, или точнѣе, коалиція партій и разныхъ честолюбій, потерпѣвшая пораженіе въ день 29 апрѣля 1881 г. Судя по заявленіямъ ея органовъ, по ея корреспонденціямъ въ иностранной печати, наконецъ, по ходу дѣлъ, ясному для всѣхъ имѣющихъ очи, она вовсе не считаетъ себя побитой. Она только посторонилась, но не оставила поля; она только уступила *на время*, какъ она полагаетъ, нѣкоторыя позиціи, но удержала другія, дающія ей возможность не только наблюдать за дѣлами, но и дѣятельно вмѣшиваться въ нихъ. Она видитъ себя въ силахъ не только препятствовать посредствомъ *обструкціонизма* въ принятіи [2]) полезныхъ мѣръ во имя принципа

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1886 г., апрѣль и май, внутр. обозрѣніе.

[2]) «Препятствовать въ *принятіи*»? Представителямъ «русской партіи» слѣдовало бы правильнѣе писать по-русски.

29 апрѣля, но и принимать свои мѣры, чтобъ его дискредитировать. Она увѣрена, что имѣетъ своихъ ревнителей и вождей въ высшихъ учрежденіяхъ. Она противъ всякаго улучшенія въ нашихъ дѣлахъ, не потому, чтобы у ней не было людей, которые не могли бы отличить бѣлаго отъ чернаго, но потому, что она не желаетъ никакого шага къ лучшему на почвѣ 29 апрѣля. Ея заправилы и глашатаи не могутъ не видѣть безобразій, созданныхъ фальшивою постановкой многихъ нашихъ учрежденій, старыхъ и новыхъ, и издѣваются надъ ними, но не дозволяютъ касаться ихъ или предлагаютъ развивать ихъ далѣе въ томъ же фальшивомъ направленіи, конечно, для того, чтобы привести въ тупикъ режимъ 29-го апрѣля... И вотъ эта-то партія, прежде возлагавшая свои надежды на народное просвѣщеніе, юстицію и финансовое управленіе, потомъ только на два послѣднія, теперь же главнымъ образомъ возлагаетъ ихъ только на послѣднее, имѣющее въ своемъ вѣдѣніи жизненныя силы страны». Для вящшей иллюстраціи всѣхъ этихъ ужасовъ московская газета дѣлаетъ выписку изъ петербургской корреспонденціи «Allgemeine Zeitung», усматривая въ ней, не знаемъ на какомъ основаніи, *аспираціи* вышереченной партіи, «разсчитывающей на финансовое разстройство Россіи». «Ото всей души желаемъ—таково неожиданное заключеніе нашего accusateur public,—чтобы Н. Х. Бунге самымъ рѣшительнымъ образомъ отнялъ у этой партіи всякій поводъ разсчитывать на финансовое управленіе для достиженія ея цѣлей. *Пусть со всею энергіей оттолкнетъ онъ отъ себя эту партію, и онъ найдетъ въ насъ искреннихъ и усердныхъ во всемъ пособниковъ*». Итакъ, проектъ мирнаго договора готовъ; опредѣлена требуемая уступка, опредѣлено и соотвѣтствующее вознагражденіе. Министру финансовъ обѣщана, условно, неоцѣнимая помощь «Московскихъ Вѣдомостей»; «что другія всѣ награды предъ сокровищемъ такимъ?»... Жаль только, что до полной ясности московская газетная держава, въ своихъ дипломатическихъ переговорахъ, все-таки не договорилась.

Неяснымъ, прежде всего, остается положеніе той зловредной партіи, «энергическое» отреченіе отъ которой является условіемъ мира. Гдѣ она, изъ кого она состоитъ, какимъ путемъ выражаетъ свои стремленія? Она *увѣрена*, — говорятъ намъ, — что имѣетъ своихъ ревнителей и вождей въ высшихъ учрежденіяхъ; но основательна ли эта увѣренность, и если основа-

тельна, то кто же въ средѣ высшихъ учрежденій держится формулы: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше»? Величайшему сомнѣнію подлежитъ самое существованіе этой формулы, какъ руководящаго начала какой бы то ни было «партіи»; мы знаемъ, съ помощью какихъ пріемовъ «Московскія Вѣдомости» разыскиваютъ слѣды ея въ литературѣ—но теперь рѣчь идетъ уже не о литературныхъ, а о совершенно другихъ сферахъ. Чѣмъ объясняются, далѣе, надежды, возлагаемыя *партіею* на министерство финансовъ? Основываются ли онѣ на мѣрахъ, уже принятыхъ, или на мѣрахъ, еще ожидаемыхъ? Если основаніемъ разсчета служатъ мѣры, уже принятыя, то въ чемъ же онѣ заключаются, къ какой отрасли финансоваго управленія онѣ относятся? Быть можетъ, рѣчь идетъ объ указѣ 1 января 1881 г., этой delenda Carthago «Московскихъ Вѣдомостей»? Но вѣдь этотъ указъ былъ изданъ въ такое время, когда «партія», даже съ точки зрѣнія московской газеты, не имѣла еще причинъ исповѣдывать начала: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Тарифная политика послѣднихъ годовъ приближается все больше и больше къ протекціонизму, защищаемому «Московскими Вѣдомостями»; поземельный кредитъ устраивается въ сословномъ духѣ, и заемщики Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита скоро, повидимому, дождутся желанныхъ льготъ, конечно не безъ пожертвованій со стороны казны. Не этимъ, значитъ, обусловливается сочувствіе «партіи» къ финансовому управленію. Остается, затѣмъ, цѣлый рядъ законовъ, направленныхъ къ облегченію народа и къ болѣе справедливому распредѣленію податного бремени. Здѣсь, слѣдовательно, и нужно искать точку соприкосновенія «партіи» съ министерствомъ финансовъ? Но если это такъ—а другого разрѣшенія загадки мы не видимъ,— то не улетучивается ли всецѣло іезуитизмъ, приписываемый «партіи», не исчезаетъ ли всякій разумный поводъ обвинять ее въ злорадствѣ, желающемъ всего худшаго и на исполненіи этого желанія основывающемъ всѣ свои разсчеты? Не ясно ли, что между формулой: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», и защитой преобразованій, направленныхъ къ поднятію народнаго благосостоянія, нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго?... Усиливаясь доказать какую-то солидарность между «партіей» и министромъ финансовъ, «Московскія Вѣдомости» доказываютъ, собственно говоря, только одно: непримиримую вражду свою къ финансовой политикѣ, ставящей интересы массы выше инте-

ресовъ того или другого сословія и протежируемыхъ частныхъ лицъ (напр. вкладчиковъ скопинскаго банка). Не даромъ же другіе, болѣе откровенные составители записокъ и газетныхъ статей прямо ставятъ въ вину министерству финансовъ пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣну соляного налога и подушной подати [1]); не даромъ же была ведена съ такимъ ожесточеніемъ война противъ крестьянскаго поземельнаго банка, затихшая только недавно, и то, по всей вѣроятности, не надолго.

Одно изъ главныхъ обвиненій, взводимыхъ на «партію», заключается въ томъ, что она противодѣйствуетъ, посредствомъ «обструкціонизма», полезнымъ законодательнымъ мѣрамъ, проектируемымъ во имя «принципа 29-го апрѣля». Медленность движенія дѣлъ въ высшемъ законодательномъ учрежденіи, обычай возвращенія законопроектовъ, для новой переработки, въ министерства, ихъ составившія, ненормальное распредѣленіе труда между департаментами и общимъ собраніемъ Государственнаго Совѣта—все это, съ точки зрѣнія московской газеты, является чѣмъ-то намѣреннымъ, тенденціознымъ, направленнымъ къ *обструкціонизму*, т.-е. къ подкидыванью палокъ подъ колеса законодательной машины. Для непредубѣжденнаго глаза можетъ быть ясно только одно — необходимость обновить устройство, освѣжить составъ Государственнаго Совѣта, увеличить его рабочую силу, облегчить исполненіе задачъ, на немъ лежащихъ; изъ аргументаціи «Московскихъ Вѣдомостей» вытекаетъ нѣчто совершенно другое. «Весьма затруднительно,—говоритъ петербургское ихъ эхо,—было бы припомнить какой-либо законопроектъ, который бы что-либо выигралъ вслѣдствіе своего законодательнаго разсмотрѣнія; напротивъ, *весьма нетрудно привести очень многіе, которые испорчены въ этомъ фазисѣ;* это отнюдь не можетъ быть признано случайностью... Общее собраніе Государственнаго Совѣта утратило практическое значеніе; здѣсь почти никогда не производится измѣненій, а большею частью не бываетъ и преній». Что касается до департаментовъ, въ которыхъ сосредоточилась вся работа, то «большинство членовъ не принимаетъ дѣятельнаго участія въ преніяхъ; при первоначальномъ разсмотрѣніи дѣла оно нерѣдко, поэтому, сводится на единоборство одного или двухъ членовъ департамента съ

[1]) См. въ № 17 «Гражданина» статью, озаглавленную: «По поводу финансовыхъ записокъ».

министромъ, внесшимъ представленіе. Такимъ образомъ, *одинъ или два сановника, не чувствующіе на себѣ никакой отвѣтственности по текущему управленію, являются, въ существѣ, болѣе сильными въ рѣшеніи дѣлъ, чѣмъ министръ.* Такъ какъ между членами департамента большею частью встрѣчается единодушіе, то разсмотрѣніе дѣла сводится въ существѣ къ уступкамъ со стороны министра, которыя считаются неизбѣжными для того, чтобъ онъ не былъ вынужденъ взять назадъ самый законопроектъ или даже не получилъ бы его обратно безъ собственнаго желанія. *Всѣ подобныя уступки совершаются во вредъ дѣлу, такъ какъ возраженія основаны по большей части на отвлеченныхъ доктринерскихъ сужденіяхъ, не имѣющихъ никакой прямой связи съ дѣйствительными потребностями Россіи».*

Не станемъ спорить о фактической точности данныхъ, приводимыхъ корреспондентомъ «Московскихъ Вѣдомостей»; допустимъ, что достовѣрность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній соотвѣтствуетъ авторитетному, рѣшительному тону сообщенія, что большинство, въ департаментахъ Государственнаго Совѣта, не принимаетъ дѣятельнаго участія въ преніяхъ, что тѣ немногіе члены, которые составляютъ исключеніе изъ общаго правила, всегда побѣждаютъ министра и увлекаютъ за собою всѣхъ своихъ товарищей. Допустимъ все это, несмотря на множество поводовъ къ сомнѣнію—и посмотримъ, къ чему клонитъ корреспондентъ, въ чемъ заключается короткій смыслъ его длинной рѣчи. Центръ тяжести ея лежитъ, очевидно, въ подчеркнутыхъ нами фразахъ. Требуется доказать, что высшее совѣщательное учрежденіе, участвуя въ законодательной работѣ, только «портитъ» ея результаты—портитъ ихъ, во-первыхъ, потому, что члены этого учрежденія «не чувствуютъ на себѣ никакой отвѣтственности по текущему управленію», во-вторыхъ, потому, что они руководствуются, большею частью, «отвлеченными доктринерскими сужденіями, не имѣющими никакой прямой связи съ дѣйствительными потребностями Россіи». Гдѣ же искать знакомства съ этими потребностями, свободы отъ «доктринерскихъ сужденій»? Очевидно—на сторонѣ тѣхъ, мнѣнія которыхъ не могутъ быть ни въ чемъ измѣнены безъ вреда для дѣла. Эти непогрѣшимые судьи—министры, которые, вдобавокъ, «чувствуютъ на себѣ отвѣтственность по текущему управленію». Логическій выводъ отсюда — упраздненіе, за не-

надобностью, Государственнаго Совѣта и передача его функцій комитету министровъ. Въ прецедентахъ для этого нѣтъ недостатка; многія мѣры чисто законодательнаго свойства (назовемъ, для примѣра, хотя бы «временныя» правила о печати 1882 г.) проходили, прежде утвержденія и обнародованія, только черезъ комитетъ министровъ. Если бы соединеніе въ лицѣ министровъ законодательной работы съ административной оказалось слишкомъ обременительнымъ, то первая изъ нихъ—съ точки зрѣнія разсматриваемой нами теоріи—могла бы быть съ удобствомъ предоставлена небольшому числу лицъ, назначенныхъ министрами и во всемъ слѣдующихъ ихъ указаніямъ. Вѣдь доказывала же московская газета, года полтора тому назадъ, необходимость полнаго, систематическаго единодушія между высшей администраціей и высшимъ административнымъ судомъ (первымъ департаментомъ Сената). Если идеаломъ государственной организаціи представляется нравственная зависимость суда отъ лицъ и учрежденій, дѣйствія которыхъ онъ повѣряетъ, то почему бы не подчинить администраціи и ту коллегію, на которой лежало бы разсмотрѣніе законопроектовъ? Исходя изъ убѣжденія, что «дѣйствительныя потребности» Россіи извѣстны только министрамъ, и что отвѣтственность за законъ неотдѣлима отъ отвѣтственности «за текущее управленіе», не только можно, но и должно положить конецъ самостоятельной дѣятельности Государственнаго Совѣта. Подумавъ хорошенько, слѣдуетъ, пожалуй, пойти еще дальше и признать излишнимъ всякое вообще коллегіальное обсужденіе законопроектовъ. Что, если между министрами окажется разногласіе относительно «дѣйствительныхъ потребностей» Россіи? Не проще ли принять за правило, что каждый министръ непогрѣшимъ въ пониманіи тѣхъ только «дѣйствительныхъ потребностей», которыя входятъ въ кругъ его вѣдомства? При такомъ взглядѣ на дѣло, «законодательная техника» была бы доведена до высшей степени простоты и совершенства; законопроектъ, составленный компетентнымъ министромъ, не требовалъ бы никакой дальнѣйшей повѣрки и прямо могъ бы подлежать обращенію въ дѣйствующій законъ.

Мы довели московскія мечты до абсурда, но едва-ли можно утверждать, что мы ихъ въ чемъ-нибудь извратили. Изъ положеній, явно нелѣпыхъ, не могутъ не вытекать нелѣпыя заключенія. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли какая-нибудь разумная воз-

можность допустить, что всѣ уступки, дѣлаемыя министрами— т.-е. всѣ измѣненія, вносимыя въ законопроектъ Государственнымъ Совѣтомъ—совершаются во вредъ дѣлу? Дорога, ведущая въ Государственный Совѣтъ и къ министерскому портфелю, одна и та же; члены Совѣта—часто бывшіе министры. Источники, изъ которыхъ обѣ стороны черпаютъ свою опытность, свое знакомство съ Россіей, ничѣмъ существенно не отличаются другъ отъ друга. Гдѣ же основаніе полагать, что въ случаѣ разногласія правъ всегда министръ, не правы—всегда его оппоненты изъ среды Государственнаго Совѣта? Чувство «отвѣтственности по текущему управленію» можетъ, иногда, подсказать правильный выходъ изъ затрудненія—но столь же легко или даже еще легче можетъ повредить спокойствію духа, необходимому для безпристрастнаго и всесторонне обдуманнаго рѣшенія. Въ существованіе какой-то особой внутренней силы, вселяющейся въ министра въ день его назначенія и покидающей его въ моментъ оставленія имъ министерскаго поста, корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» и самъ едва-ли вѣритъ,— а между тѣмъ только ею можно было бы объяснить всегда одинаковую и неизмѣнную непогрѣшимость министра. Не очевидно ли, притомъ, что вся филиппика корреспондента, всѣ возгласы самой редакціи объ «обструкціонизмѣ» стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ настоящей минутой? Что̀ сказала бы московская газета, если бы стороны помѣнялись ролями, если бы активное проведеніе законопроектовъ выпало на долю теперешнихъ «оппозиціонныхъ» (по терминологіи «Московскихъ Вѣдомостей») членовъ Государственнаго Совѣта», а въ «оппозицію» перешли бы тѣ, противъ которыхъ (опять-таки по мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей») она теперь ведется? Само собою разумѣется, что «оппозиція» сразу превратилась бы въ законную защиту «дѣйствительныхъ потребностей Россіи»... Весь походъ противъ недостатковъ «законодательной техники», противъ «обструкціонизма», противъ «игры въ парламентъ», сводится, такимъ образомъ, къ двумъ вопросамъ: къ вопросу личному и къ вопросу системы. Первая его цѣль — удаленіе лицъ, выставляемыхъ прямыми или косвенными сообщниками «партіи»; вторая цѣль — возвращеніе, по возможности рѣшительное, скорое и полное, къ до-реформеннымъ порядкамъ, устраненіе, подъ предлогомъ «фальшивой постановки», разныхъ «новыхъ» и даже «старыхъ» учрежденій. Непосредственный

поводъ къ агитаціи также извѣстенъ: онъ лежитъ въ законопроектѣ о семейныхъ раздѣлахъ, подобно тому, какъ два года тому назадъ онъ лежалъ въ проектѣ университетскаго устава.

Замѣчательно, съ какою стремительностью и быстротой поднимается, въ извѣстныхъ газетныхъ сферахъ, волна реакціи, не желающей оставить камня на камнѣ во всѣхъ пріобрѣтеніяхъ послѣдняго тридцатилѣтія. Никогда, кажется, поползновенія ея не выражались съ такой беззастѣнчивою грубостью. Къ числу аксіомъ, установленныхъ одинаково прочно и практикой, и наукой, принадлежала, повидимому, необходимость такого устройства законодательнаго механизма, при которомъ каждый законопроектъ подвергался бы разсмотрѣнію со всѣхъ сторонъ, выдерживалъ бы критику, исходящую изъ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Въ учрежденіи совѣщательномъ такая критика важнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было; ничего не предрѣшая, она увеличиваетъ лишь количество свѣта, падающаго на предметъ, и облегчаетъ произнесеніе рѣшительнаго слова. Свобода обсужденія высоко цѣнилась вездѣ, гдѣ только существовало нѣчто похожее на нашъ Государственный Совѣтъ: ее допускалъ и поощрялъ, въ своемъ Conseil d'Etat, даже Наполеонъ I-й, она процвѣтала въ прусскомъ Staatsrath даже въ эпоху Карлсбадскихъ постановленій, въ періодъ наибольшаго затишья политической жизни. Только въ средѣ, спеціально предназначенной для критики, могъ раздаваться у насъ, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, голосъ Мордвинова—и традиція, имъ созданная, развѣ только на самое короткое время исчезала безслѣдно... Nous avons changé tout cela—хотятъ сказать теперь наши газетные ультра-реакціонеры. Имъ ненавистно самостоятельное, здравое разсужденіе, гдѣ бы оно ни встрѣчалось, хотя бы въ административныхъ сферахъ, если онѣ не согласны съ реакціоннымъ credo. Та самая мономанія, которая заставляетъ видѣть въ независимомъ судѣ — «судебную республику», въ земствѣ—олицетвореніе «самоуправства», въ печати, сохраняющей хотя бы малѣйшую долю независимости,—«орудіе упраздненія правительства», — та самая мономанія побуждаетъ домогаться безпрекословнаго принятія всѣхъ законопроектовъ, одобренныхъ на Страстномъ бульварѣ, а въ случаѣ противодѣйствія — тотчасъ же заводитъ рѣчь объ «изволеніи неизвѣстныхъ народу генераловъ»...

Для подкапыванія учрежденій, давно уже составляющихъ

бѣльмо на глазу этихъ газетныхъ реакціонеровъ, изобрѣтенъ или усовершенствованъ, въ послѣднее время, слѣдующій пріемъ. Изъ «либеральныхъ» изданій тщательно заимствуются сужденія и факты, неблагопріятные для того или другого земства, для той или другой городской думы, для того или другого органа судебной власти — и затѣмъ торжественно провозглашается абсолютная негодность ненавистныхъ учрежденій, признанная, будто бы, самими ихъ друзьями. При этомъ упускается изъ виду только одно: что «въ «либеральную» программу не входитъ и никогда не входила *безусловная неприкосновенность* судебныхъ уставовъ, городового положенія и положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Спорный вопросъ заключается не въ томъ, слѣдуетъ ли приступить къ пересмотру всѣхъ этихъ законовъ, а въ томъ, чего именно долженъ коснуться пересмотръ и съ какою цѣлью онъ долженъ быть предпринятъ. Другой предметъ разногласія — самое значеніе закона. Все больше и больше распространяется у насъ мысль, что пробѣлъ, обнаружившійся въ законѣ, можетъ быть пополненъ и безъ измѣненія текста закона, отдѣльнымъ распоряженіемъ, относящимся къ данному только случаю. Намъ кажется, наоборотъ, что такое отношеніе къ закону не соотвѣтствуетъ правильному теченію государственной жизни. *Общее* дополненіе къ закону можетъ быть достигнуто у насъ такъ легко и такъ скоро, что въ *частныхъ* отступленіяхъ отъ закона, при нормальныхъ условіяхъ, никогда не предстоитъ дѣйствительной надобности. Пояснимъ это примѣромъ. Ни городовое положеніе, ни положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не предусматриваетъ распущенія земскаго собранія или городской думы раньше окончанія срока ихъ полномочій. Могутъ, однако, встрѣтиться обстоятельства, громко говорящія въ пользу досрочнаго обновленія состава собранія. Ничто не мѣшаетъ установленію, а затѣмъ и примѣненію правилъ, которыми регулировалось бы, разъ навсегда, распущеніе собраній; но едва-ли можно вообразить себѣ такое положеніе дѣлъ, при которомъ такая мѣра представлялась бы необходимой безъ малѣйшаго промедленія, безъ предварительнаго разрѣшенія вопроса въ законодательномъ порядкѣ. Частный, небольшой выигрышъ, получаемый, можетъ быть, отъ быстраго удаленія со сцены неправильно дѣйствующаго собранія, не уравновѣшиваетъ потери, обусловливаемой отступленіемъ отъ закона. Какъ бы

справедлива ни была сама по себѣ исключительная мѣра, она всегда вызываетъ сомнѣнія, именно вслѣдствіе своей исключительности; невольно возникаетъ вопросъ, оказалась ли бы она неизбѣжной, если бы ей предшествовало соблюденіе твердо установленнаго порядка, выслушаніе обѣихъ сторонъ, точная повѣрка фактовъ. Еще важнѣе то, что каждая исключительная мѣра становится прецедентомъ, открываетъ путь къ новымъ уклоненіямъ отъ закона. Сдѣланное сегодня по весьма уважительнымъ причинамъ можетъ быть повторено завтра на основаніи иныхъ, явно недостаточныхъ или ошибочныхъ соображеній... Практика исключеній, впрочемъ, не такъ еще опасна, какъ ихъ теорія, т. е. возведеніе ихъ въ принципъ, въ систему. Именно этимъ занимаются, въ послѣднее время, наши *реакціонныя* газеты. Если бы до сихъ поръ и могло существовать какое-либо сомнѣніе относительно примѣнимости къ нимъ этого эпитета, теперь оно сдѣлалось бы немыслимымъ: истинный *консерватизмъ* несовмѣстимъ съ отрицаніемъ безусловной силы закона.

Какой судьбы заслуживаетъ учрежденіе, созданное для предварительнаго обсужденія законопроектовъ, если «*весьма затруднительно припомнить законопроектъ, который бы что-либо выигралъ вслѣдствіе такого обсужденія и, наоборотъ, весьма не трудно привести очень многіе, которые испорчены въ этомъ фазисѣ*»? Что сказать о коллегіи, большинство членовъ которой не принимаетъ никакого активнаго участія въ ея дѣятельности, а меньшинство ограничивается предъявленіемъ «*возраженій, основанныхъ на доктринерскихъ сужденіяхъ и не имѣющихъ никакой прямой связи съ дѣйствительными потребностями государства*»—возраженій, принятіе которыхъ «*всегда служитъ во вредъ дѣлу*»? Не ясно ли, что отвѣтъ на эти вопросы можетъ быть только одинъ: учрежденіе, о которомъ идетъ рѣчь, не достигаетъ своей цѣли, противорѣчитъ своему назначенію и подлежитъ, слѣдовательно, упраздненію или радикальной передѣлкѣ. Предрѣшеннымъ, до извѣстной степени, является и самый способъ передѣлки, если коллегіальному учрежденію, не стоящему на высотѣ своего призванія, противополагаются единоличные составители законопроектовъ, министры, столь непогрѣшимые, что *каждая* перемѣна въ ихъ работѣ равносильна перемѣнѣ къ худшему... Выраженія, нами подчеркнутыя, при-

надлежатъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» и относятся къ Государственному Совѣту. Нужно ли доказывать, послѣ того, неосновательность упрековъ, съ которыми обратилась къ намъ недавно московская газета—упрековъ въ «грубомъ обманѣ», въ «безцеремонной передѣлкѣ» («Москов. Вѣдом.» № 123)? Мы ничего не извратили въ мнѣніяхъ нашего противника; мы привели буквально его слова и сдѣлали изъ нихъ тотъ логическій выводъ, который вытекаетъ изъ нихъ самъ собою. Признавая *теперь* Государственный Совѣтъ учрежденіемъ «существеннымъ и въ высшей степени полезнымъ», московская газета отвѣчаетъ, въ сущности, не намъ, а самой себѣ; она беретъ назадъ обвиненіе, формулированное ею съ непростительнымъ легкомысліемъ. Что же—лучше поздно, чѣмъ никогда; хотя Государственный Совѣтъ столь же мало нуждается въ сочувствіи «Московскихъ Вѣдомостей», какъ министерство финансовъ—въ ихъ «пособіи», но все-таки пріятно видѣть отступленіе ретроградной газетной рати, слишкомъ далеко зашедшей въ своемъ набѣгѣ.

Сломавъ остріе оружія, московская газета не вовсе, однако, отказалась отъ его употребленія. Она продолжаетъ размахивать своимъ картоннымъ мечомъ, намѣреваясь поразить кого-то или что-то, но что именно — опредѣлить довольно трудно. Ссылаясь на авторитетъ кіевскаго профессора Романовича-Славатинскаго, въ свою очередь преклоняющагося передъ авторитетомъ «доблестнѣйшаго публициста» съ Страстного бульвара,— «Московскія Вѣдомости» торжественно провозглашаютъ Государственный Совѣтъ учрежденіемъ не *законодательнымъ*, *а законосовѣщательнымъ*, миссія котораго «просто-на-просто ограничивается подачей совѣта монарху, вольному принять его или отвергнуть, поступая по собственному благоусмотрѣнію». Кто же противъ этого спорилъ? Когда и гдѣ было заявлено хоть какое-либо сомнѣніе по этому предмету? Къ чему ссылка на «ученое» сочиненіе, когда вопросъ разрѣшается буквальнымъ смысломъ закона? Она понадобилась московской газетѣ только какъ прелюдія къ новому обвинительному акту, направленному уже не противъ Государственнаго Совѣта, какъ учрежденія, а противъ отдѣльныхъ его членовъ. «Правильно ли желать», — говорится вслѣдъ за цитатой изъ книги г. Славатинскаго, — «чтобы въ нашъ Государственный Совѣтъ проникла игра въ парламентъ, въ большинство и меньшинство? Чтобы члены Государственнаго Совѣта, призванные довѣріемъ монарха слу-

жить ему совѣтомъ, промѣнивали это свое высокое назначеніе на роль членовъ *партій*, *группъ* и коалицій, подчиняющихся не разуму своему, а командѣ вожаковъ, чтобы министры вносили выработанные ими законопроекты не только на *обсужденіе* Государственнаго Совѣта, но и на *соизволеніе* большинства его членовъ, чтобы министръ былъ озабоченъ не интересомъ ввѣреннаго ему дѣла, а составленіемъ большинства въ свою пользу, и для этого жертвовалъ бы иной разъ самыми существенными сторонами проекта»? Судя по формѣ этихъ фразъ, можно было бы подумать, что газета заботится только о предотвращеніи *будущей* опасности, о предупрежденіи не начавшейся еще, но могущей начаться «игры въ парламентъ»; на самомъ дѣлѣ, однако, умыселъ здѣсь совершенно иной, и рѣчь идетъ не о будущемъ, а о настоящемъ. Это видно изъ слѣдующаго мѣста той же статьи: «если бы нашъ Государственный Совѣтъ совершенно отрѣшился отъ всякихъ парламентскихъ пріемовъ, онъ пріобрѣлъ бы важное преимущество надъ западно-европейскими законодательными палатами, гдѣ члены партій обязаны сообразоваться не съ совѣстью и разумѣніемъ, а съ интересами партіи или ея вожаковъ». Итакъ, «парламентскіе» пріемы въ средѣ Государственнаго Совѣта — нѣчто дѣйствительно существующее, отъ чего ему слѣдуетъ освободиться. «Его членамъ» — читаемъ мы дальше — «нечего группироваться въ партіи, а слѣдовательно, нечего и подчиняться чьей бы то ни было командѣ. Тѣмъ же самымъ правомъ свободнаго мнѣнія долженъ, конечно, пользоваться и министръ, вносящій законопроектъ. Онъ обязанъ внести въ свой проектъ поправку, если, по его разумѣнію, отъ этого выиграетъ дѣло, за которое онъ несетъ отвѣтственность передъ государемъ, но онъ не имѣетъ права дѣлать кому бы то ни было уступки, коль скоро онѣ, по его убѣжденію, портятъ законъ и вредятъ дѣлу. Лишь при такомъ условіи верховный законодатель можетъ быть увѣренъ, что совѣты, представленные на его усмотрѣніе лицами, облеченными его довѣріемъ, дѣйствительно достойны довѣрія».

Прочитавъ всѣ эти тирады, невольно спрашиваешь себя: съ какою цѣлью онѣ написаны? Онѣ были бы понятны, если бы многолѣтній обычай укрѣпилъ за мнѣніями большинства членовъ Государственнаго Совѣта особую нравственную силу, если бы согласіе верховной власти съ меньшинствомъ, а не съ большинствомъ, представлялось чѣмъ-то неслыханнымъ, небыва-

лымъ, если бы распредѣленіе голосовъ заранѣе предрѣшало, de facto, судьбу законопроекта. При такомъ положеніи дѣлъ приверженцы стремленій, не встрѣчающихъ сочувствія въ большинствѣ Государственнаго Совѣта, могли бы задаться цѣлью подорвать во что бы то ни стало авторитетъ большинства, доказать, per fas et nefas, предвзятость и тенденціозность его взглядовъ, заподозрить его въ сочувствіи къ «парламентаризму» и другимъ вреднымъ «*измамъ*». Это было бы не особенно добросовѣстно, но цѣлесообразно, какъ средство къ устраненію докучной преграды. Но если такой преграды вовсе не существуетъ, если дверь, которую усиливаются отпереть, безъ того уже открыта? Какой смыслъ имѣютъ тогда самыя усилія? Предпочтеніе мнѣнія, поданнаго меньшинствомъ, мы видѣли еще недавно, при утвержденіи новаго университетскаго устава; оно можетъ повториться въ каждую данную минуту, по каждому данному предмету, и прокладывать для него пути—по меньшей мѣрѣ совершенно безполезно. Возьмемъ другую сторону вопроса: право министра не соглашаться съ мнѣніемъ большинства, поддерживать до конца первоначальную редакцію законопроекта. И это право, никѣмъ не оспариваемое въ теоріи, безпрепятственно примѣняется на практикѣ (припомнимъ хотя бы тотъ же университетскій уставъ); и о немъ, слѣдовательно, незачѣмъ напоминать и хлопотать. Имъ пользовались, пользуются и будутъ пользоваться, и со стороны составителей законопроектовъ гораздо скорѣе можно ожидать излишней настойчивости, чѣмъ излишнихъ уступокъ. Что же остается, если отбросить изъ филиппики, нами приведенной, все излишнее и ненужное, все разумѣющееся само собою? Остается только попытка набросить тѣнь на безпристрастіе и самостоятельность лицъ, обыкновенно образующихъ большинство, другими словами—попытка создать предубѣжденіе противъ большинства, существующаго въ данную минуту. Какъ бы несомнѣнна ни была правильность извѣстной формулы: «голоса должны быть не считаемы, а взвѣшиваемы», въ пользу большинства говоритъ, вездѣ и всегда, нѣкоторая презумпція, которую нужно побороть, чтобы склониться на сторону меньшинства. Предполагается, что большее число лицъ не такъ легко можетъ впасть въ ошибку, чѣмъ меньшее—и сила этого предположенія увеличивается прямо пропорціонально степени перевѣса большинства надъ меньшинствомъ. Какъ и всякая презумпція, оно мо-

жетъ быть опровергнуто; но самая необходимость опроверженія является лишнимъ шансомъ въ пользу большинства. Наши газетные реакціонеры хотятъ замѣнить одну презумпцію другою, противоположною: они хотятъ представить дѣло въ такомъ свѣтѣ, какъ будто бы большинство образуется, вообще говоря, искусственнымъ путемъ—путемъ интригъ и происковъ со стороны руководителей, путемъ слабодушнаго подчиненія со стороны руководимыхъ. Если это такъ, то большинство, очевидно, заслуживаетъ меньше довѣрія, чѣмъ меньшинство; уже одинъ тотъ фактъ, что извѣстное мнѣніе считаетъ своихъ приверженцевъ не десятками, а единицами, свидѣтельствуетъ объ искренности мнѣнія, о независимости его отъ какихъ бы то ни было побочныхъ вліяній. Выходитъ, однимъ словомъ, нѣчто въ родѣ новой варіаціи на старую тему: «la vertu fut toujours en minorité sur la terre».

Таковъ походъ противъ большинства, изобрѣтенный хитроумной московской газетой. Чтобы быть удачнымъ, ему не достаетъ только одного, но самаго существеннаго условія: достовѣрности фактовъ, служащихъ его исходной точкой. Конечно, большинство, слѣпо слушающееся какихъ-то «вожаковъ», образующее по ихъ велѣнію какія-то коалиціи, занимающееся не дѣломъ, а какою-то «игрою», заслуживаетъ меньше довѣрія, чѣмъ меньшинство, олицетворяющее собою политическую добродѣтель; но вѣдь нужно же *доказать*, что большинству дѣйствительно присущи всѣ исчисленныя выше свойства. Въ послѣдней статьѣ «Московскихъ Вѣдомостей», какъ и во всѣхъ предыдущихъ, написанныхъ на ту же тему, мы не находимъ даже того, что̀ на французскомъ юридическомъ языкѣ называется «un commencement de preuve». О «вожакахъ», «партіяхъ», «коалиціяхъ» говорится, какъ о чемъ-то неподлежащемъ спору, безъ всякихъ точныхъ фактическихъ указаній. На чемъ основываются увѣренія газеты, что мнѣнія большинства подчиняются не «разуму», а «командѣ вожаковъ» или «интересамъ партіи»? Опровергать подобныя увѣренія немыслимо уже въ виду ихъ полнѣйшей неопредѣленности; принимать ихъ на вѣру могутъ развѣ тѣ, которые привыкли jurare in verba magistri. Намъ слышится въ нихъ одно только раздраженіе человѣка, потерявшаго всякое уваженіе къ чужому мнѣнію, всякую способность понимать его возможность и законность. Это мономанія особаго рода, для которой несогласіе равносильно съ

неразумѣемъ. противодѣйствіе—съ преступленіемъ, случайное совпаденіе взглядовъ—съ заговоромъ или стачкой. Нѣсколько лицъ, позволяющихъ себѣ имѣть «свое сужденіе»—это цѣлая «партія». зараженная всѣми недостатками западно-европейскаго парламентаризма; нѣсколько такихъ «партій», одинаково относящихся къ какому-нибудь одному вопросу—это цѣлая «коалиція», требующая усиленнаго отпора. Всѣ эти созданія больной фантазіи, тщательно старающейся и другихъ заразить своимъ недугомъ, коренятся въ одномъ: въ систематическомъ непониманіи или игнорированіи самыхъ простыхъ условій общественной жизни. Гдѣ бы ни собралось нѣсколько человѣкъ для занятія однимъ и тѣмъ же—не исключительно механическимъ—дѣломъ, между ними непремѣнно появляются разныя мнѣнія, и сообразно съ этимъ происходитъ группировка лицъ, болѣе или менѣе измѣнчивая, болѣе или менѣе прочная, но во всякомъ случаѣ неизбѣжная. Отъ группы до *партіи*, въ техническомъ смыслѣ слова. еще далеко, но причины образованія той и другой въ сущности однѣ и тѣ же. Свобода мнѣній и дѣйствій можетъ существовать въ средѣ группы или партіи. можетъ не существовать при полнѣйшемъ ихъ отсутствіи; все зависитъ отъ обстоятельствъ. до безконечности разнообразныхъ Кто расположенъ слѣдовать чужимъ указаніямъ, тотъ подчинится имъ и не принадлежа къ партіи или группѣ—и наоборотъ. Въ учрежденіи политическомъ, хотя бы ему принадлежалъ только совѣщательный голосъ, менѣе чѣмъ гдѣ-либо возможна полная изолированность каждаго отдѣльнаго члена, болѣе чѣмъ гдѣ-либо вѣроятно повторяющееся согласіе однихъ и тѣхъ же лицъ, основанное единственно на тождествѣ мнѣній. Рядомъ съ мѣрами нейтральнаго характера. въ политическомъ мірѣ всегда идутъ мѣры, окрашенныя въ извѣстную краску — и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что люди, одинаково относящіеся къ краскѣ, одинаково относятся и къ тому, что̀ отъ нея заимствуетъ свое значеніе. Если *группой* или *партіей* можно считать всякое большинство, то отчего же не назвать тѣмъ же именемъ и всякое меньшинство? Процессъ образованія большинства и меньшинства — одинъ и тотъ же, и мы не видимъ причины, по которой обвиненіе въ слушаніи «команды» могло бы касаться только перваго, не касаясь второго. Общій нашъ выводъ таковъ: «отрѣшеніе» Государственнаго Совѣта отъ усвоенныхъ имъ пріемовъ не представляется ни желательнымъ, ни

даже возможнымъ, потому что эти пріемы коренятся въ самомъ свойствѣ коллегіальнаго обсужденія. Необходимо только измѣненіе порядка разсмотрѣнія дѣлъ (въ смыслѣ замѣны департаментовъ спеціальными комиссіями для каждаго законопроекта или каждой группы однородныхъ законопроектовъ), съ значительнымъ увеличеніемъ и освѣженіемъ силъ, призываемыхъ къ активной работѣ. Значеніе мнѣній большинства и меньшинства, разъ что они не имѣютъ рѣшающей силы, зависитъ и всегда будетъ зависѣть не отъ того, какимъ путемъ эти мнѣнія образовались, а отъ самой сущности ихъ и отъ основаній, на которыхъ они построены.

Поистинѣ замѣчательна развязность, съ которой говорятъ или вѣщаютъ въ послѣднее время лже-пророки реакціонной прессы. Они все знаютъ, все предусмотрѣли, все рѣшили; съ будущимъ они обращаются столь же безцеремонно, какъ съ настоящимъ и прошедшимъ. Имъ извѣстно, что̀ исчезнетъ и что̀ уцѣлѣетъ, что̀ обречено на гибель и что̀—на дальнѣйшее развитіе. «Останется»—восклицаютъ они—«вынесенная нами изъ минувшаго царствованія гражданская свобода, дарованная народнымъ массамъ, но не затѣмъ, чтобы порабощать ихъ проходимцамъ, міроѣдамъ и кабатчикамъ. Останутся крѣпко положенныя основы ученія, ведущаго къ высшему образованію. Останется благотворная мысль преобразователя—даровать освобожденному народу правый, скорый и милостивый судъ; но, дабы служить ко благу, наша новосозданная судебная организація требуетъ сверху донизу очищенія отъ посторонней примѣси, внесенной въ нее слѣпымъ подражаніемъ. Поверхностныя поправки, не доходя до основаній, отнюдь не поправятъ дѣла, и мы ни въ чемъ не придемъ въ состояніе вполнѣ здоровое, пока правосудіе не освободится отъ чужихъ и въ своемъ обобщеніи лживыхъ и нелѣпыхъ доктринъ, во всякомъ случаѣ не имѣющихъ смысла на нашей почвѣ. Сохранится, дастъ Богъ, и во всѣхъ другихъ вопросахъ все истинно полезное и способное къ жизни». О самоуправленіи здѣсь умалчивается; но для того, чтобы устранить всякую попытку и въ немъ найти нѣчто «истинно полезное и способное къ жизни», вслѣдъ за передовой статьей помѣщается письмо съ Дона, призывающее громы и молніи противъ *самостоятельныхъ* (курсивъ въ подлинникѣ) общественныхъ учрежденій, т.-е. противъ земскихъ собраній и городскихъ думъ. «Такія заявленія»—замѣчаетъ отъ себя ре-

данція — «мы получаемъ теперь со всѣхъ сторонъ». Очень можетъ быть: въ охотникахъ плыть по теченію и прицѣпляться къ судну, пользующемуся попутнымъ вѣтромъ, никогда не бываетъ недостатка. Въ содержаніи всѣхъ этихъ выкликаній, московскихъ и провинціальныхъ, нѣтъ ничего новаго; насъ поражаетъ только ихъ тонъ, доходящій до самыхъ рѣзкихъ, самыхъ пронзительныхъ нотъ реакціонной клавіатуры,—поражаетъ въ особенности та смѣлость, съ которой походъ противъ преобразованій ставится подъ эгиду преобразователя. «Все фальшивое, извратившее основную мысль законодателя»,—читаемъ мы въ той же передовой статьѣ,—«все, чуждое ей и внесенное въ нее ошибками и увлеченіями ея организаторовъ и исполнителей, должно быть исторгнуто съ корнемъ, да оправдается преобразователь, да исполнятся по истинѣ его благія намѣренія». Итакъ, добраться до самыхъ «основаній» судебной реформы, «очистить новосозданную судебную организацію, сверху донизу, отъ посторонней примѣси, внесенной въ нее слѣпымъ подражаніемъ»,—т.-е., отъ всего того, что̀ въ ней есть общаго съ западно-европейскими судебными порядками,—это значитъ «исполнить благое намѣреніе преобразователя»? Съ помощью какого критерія эти своеобразные защитники реформъ станутъ различать истинную волю законодателя отъ «увлеченій», ее исказившихъ? На какомъ основаніи, напримѣръ, они рѣшатся утверждать, что гласность, судъ присяжныхъ, свобода защиты, независимость суда проникли въ судебные уставы лишь по ошибкѣ, вопреки желанію монарха? Не говоритъ ли противъ такой колоссальной натяжки не только текстъ основныхъ положеній реформы, не только текстъ судебныхъ уставовъ, но и пятнадцатилѣтняя практика новаго суда, при жизни его великаго основателя? Пятнадцать лѣтъ продолжалось-молъ систематическое искаженіе намѣреній законодателя—и этого пятнадцать лѣтъ не замѣчалъ и не зналъ самъ законодатель?... Не возмутительна ли претензія говорить отъ его имени и какъ бы въ защиту его стремленій, прикрывающая собою подкопъ подъ все созданное этими стремленіями? Въ тысячу разъ правдивѣе и достойнѣе было бы назвать вещь ея настоящимъ именемъ и прямо объявить войну всѣмъ реформамъ прошлаго царствованія—за исключеніемъ учебной. Тогда незачѣмъ было бы толковать объ избавленіи народа отъ поработившихъ его «проходимцевъ, міроѣдовъ и кабатчиковъ», объ

«огражденіи гражданской свободы твердою, правильно поставленной властью»; можно было бы прямо требовать освобожденія отъ самоуправленія и предоставленія массѣ управляемыхъ одного права—права повиноваться волостелямъ и участковымъ.

XXIV.

Судъ присяжныхъ и рабочій вопросъ [1]).

Изъ всѣхъ многочисленныхъ нападеній на судъ присяжныхъ не было, кажется, ни одного болѣе рѣзкаго и болѣе несправедливаго, чѣмъ то, поводомъ къ которому послужилъ оправдательный приговоръ владимірскаго окружнаго суда по дѣлу о безпорядкахъ на Морозовской мануфактурѣ. Эффектная фраза о «сто-одномъ салютаціонномъ выстрѣлѣ въ честь показавшагося на Руси рабочаго вопроса», ироническое восклицаніе: «да здравствуетъ «droit au travail», сопоставленіе этого права, какъ послѣдствія, съ «jury» и съ арлекинадой судебныхъ преній», какъ причиной — вотъ образчики той фальшивой монеты, которую поспѣшила отчеканить и пустить въ оборотъ, при первой вѣсти объ оправданіи рабочихъ, московская реакціонная пресса. Признаніе подсудимыхъ невиновными возводится ею на степень признанія «бунта—законнымъ бунтомъ, грабежа—законнымъ грабежомъ». Все это говорится сплеча, прежде полученія стенографическаго отчета, прежде и помимо основательнаго знакомства со всѣми обстоятельствами дѣла. Наши газетные реакціонеры потеряли всякое чувство мѣры, скажемъ болѣе—всякое чувство стыда. Прежде чѣмъ бросать камень въ двѣнадцать человѣкъ, присягнувшихъ разрѣшить дѣло по совѣсти и крайнему разумѣнію, нужно же, по крайней мѣрѣ, постараться дать себѣ отчетъ въ побужденіяхъ, ими руководившихъ, поискать основаній для того, что съ перваго взгляда можетъ показаться непонятнымъ или произвольнымъ. Это ра-

[1])«Вѣстникъ Европы» 1886 г. іюль, внутр. обозрѣніе.

бота не легкая, исполнимая развѣ для того, кто лично присутствовалъ при разборѣ дѣла и слѣдилъ за нимъ непрерывно, съ такимъ же напряженнымъ вниманіемъ, какъ и сами присяжные; безъ нея возможны только выкликанія противъ вердикта, а не разумная его оцѣнка. Въ настоящемъ случаѣ обвиненія, съ легкимъ сердцемъ взводимыя на присяжныхъ, представляются тѣмъ болѣе непростительными, что даже при бѣгломъ чтеніи стенографическаго отчета нельзя не замѣтить множества фактовъ, *объясняющихъ* оправданіе подсудимыхъ.

Обвинительный актъ, составленный противъ тридцати трехъ обвиняемыхъ въ безпорядкахъ на Морозовской фабрикѣ, отличался большой строгостью. Двое изъ подсудимыхъ (Мосеенокъ и Яковлевъ) обвинялись въ подстрекательствѣ толпы къ нападенію на военный караулъ; одинъ (Лифановъ)—въ нападеніи на караулъ, вмѣстѣ съ другими лицами; противъ остальныхъ было взведено обвиненіе въ грабежѣ и въ разрушеніи зданій. Судебное слѣдствіе обнаружило невозможность поддерживать обвиненіе въ первоначальномъ его видѣ. Отъ обвиненія Яковлева въ подстрекательствѣ къ нападенію на караулъ прокуроръ вовсе отказался; обвиненіе Лифанова въ нападеніи на караулъ было замѣнено обвиненіемъ въ оскорбленіи одного изъ караульныхъ; обвиненіе въ разрушеніи зданій уступило мѣсто обвиненію въ буйствѣ (т-е. въ проступкѣ, подсудномъ мировой юстиціи), обвиненіе въ грабежѣ—обвиненію въ кражѣ во время общественнаго бѣдствія. Понятно, что всѣ эти перемѣны не могли остаться безъ вліянія на присяжныхъ. Онѣ доказали имъ, во-первыхъ, какъ шатки и неопредѣленны данныя, на основаніи которыхъ были привлечены къ суду именно тѣ, а не другія лица (нѣсколько десятковъ изъ нѣсколькихъ тысячъ); онѣ навели ихъ, во-вторыхъ, на мысль, что обвиненіемъ въ буйствѣ и даже въ кражѣ не оправдывается предварительное заключеніе подъ стражей, для большинства подсудимыхъ продолжавшееся болѣе года (съ января 1885 г.). Не менѣе сильно, по всей вѣроятности, подѣйствовало на присяжныхъ все то, что́ было раскрыто судебнымъ слѣдствіемъ по отношенію къ источникамъ раздраженія, господствовавшаго среди рабочихъ и вызвавшаго печальныя январьскія событія. «Я не являюсь защитникомъ фабрики Морозова», —сказалъ самъ прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи;—«я не буду утверждать, что жизнь обвиняемыхъ и всѣхъ другихъ рабочихъ была настолько удовлетворительна, что ра-

бочіе безпричинно учинили стачку и начали безпорядки. Напротивъ, на фабрикѣ была почва, которая дала возможность и толчекъ возникновенію безпорядковъ». Эта почва — пониженіе задѣльной платы, сильные штрафы, «которыми распоряжался самъ хозяинъ фабрики», и грубость мастера Шорина. Дополнимъ слова прокурора нѣсколькими выписками изъ свидѣтельскихъ показаній. «Штрафы все учащались и возвышались», говоритъ свидѣтель Шоринъ (всего больше пострадавшій во время безпорядковъ); «при этомъ рабочихъ часто переводили съ одного станка на другой, мѣняли матеріи и смѣны, переводя денныхъ рабочихъ въ ночные, и наоборотъ; все это ухудшало положеніе рабочихъ. Штрафы были непомѣрно высоки, но уменьшать ихъ было трудно; браковщики дѣйствовали по прямому указанію хозяина фабрики, и за слабое штрафованіе имъ грозила потеря мѣста. Отъ владѣльца браковщикамъ часто приходилось слышать: *мало*, *прогоню*. Доброта пряжи была передъ безпорядками хуже прежней, а чистота требовалась та же». «У Морозова», показываетъ свидѣтель Ивановъ, «былъ такой произволъ: штрафуетъ, напримѣръ, браковщикъ ткача двадцатью копѣйками, штрафуетъ заочно; тотъ проситъ показать сданный кусокъ, чтобы видѣть, за что оштрафовали. Покажемъ, отвѣчаютъ ему, но тогда запишемъ не двадцать, а тридцать копѣекъ». Осмотръ разсчетныхъ книжекъ, произведенный судебнымъ слѣдователемъ, обнаружилъ, что въ 1884 г. штрафы, вмѣстѣ съ вычетами (за освѣщеніе, баню, уголь, истопника), составляли отъ 20 до 23% заработка рабочихъ.

Само собою разумѣется, что оправданіемъ насилія противъ лицъ и имуществъ система штрафовъ, какъ бы она ни была тяжела и несправедлива, служить не можетъ; но столь же очевидно и то, что за насиліе, за поврежденіе или похищеніе чужой собственности могутъ отвѣчать только дѣйствительные его виновники, достаточно изобличенные въ преступленіи. Для суда не существуетъ козловъ очищенія; его задача состоитъ не въ томъ, чтобы застращать, отбить охоту къ протесту, а въ томъ, чтобы воздать каждому должное. Такъ называемое «наказаніе десятаго» отжило свое время; правильно устроенной власти — а тѣмъ болѣе власти судебной—не подобаетъ выхватывать изъ толпы нѣсколькихъ, на удачу взятыхъ, человѣкъ и чинить надъ ними расправу «въ примѣръ прочимъ». Въ дѣлѣ Моро-

зовской мануфактуры судебное слѣдствіе, какъ мы уже говорили, не провело достаточно яркой черты между бушевавшей толпой и отдѣльными лицами, выдѣлившимися изъ ея среды, въ смыслѣ большей или болѣе доказанной виновности ихъ сравнительно съ остальными. Оказалось, сверхъ того, что насиліе не было умышленнымъ, что поднявшаяся однажды волна была унесена гораздо дальше предположенной цѣли. На сходкахъ 5-го и 6-го января (безпорядки произошли 7-го) руководители рабочихъ внушали имъ «безобразій не дѣлать, не грабить, а оставить работы, чтобы явилось начальство». Утромъ 7-го января Волковъ (вмѣстѣ съ Мосеенкомъ пользовавшійся наибольшимъ вліяніемъ на рабочихъ) кричалъ толпѣ: «товаръ не брать, стеколъ не бить, а только гнать народъ съ работы». Въ дѣйствіяхъ толпы, по показанію директора красильнаго отдѣленія, Назарова, видно было сначала только *озорство*, такъ какъ изъ имущества Назарова ничего не тронули. Расхищеніе чужой собственности, очевидно, не входило въ намѣренія огромнаго большинства рабочихъ. Въ квартирѣ директора прядильной Лотарева, по словамъ самого Лотарева, ничего не похищено, кромѣ нѣсколькихъ рюмокъ; даже въ самый разгаръ безпорядковъ больше проявлялось стремленіе портить вещи (ихъ выбрасывали изъ оконъ, рѣзали на куски), чѣмъ стремленіе ихъ себѣ присвоить. Отсюда полная возможность допустить, что вещи, найденныя у нѣкоторыхъ подсудимыхъ, дѣйствительно попали къ нимъ случайно, а не были унесены ими съ цѣлью похищенія. Позже, когда на фабрику явились власти и пришли войска, въ дѣйствіяхъ рабочихъ — не исключая ихъ руководителей — также незамѣтно сознательнаго стремленія къ насилію. По показанію нѣсколькихъ свидѣтелей, Мосеенокъ и Волковъ совѣтовали слушаться начальства; одинъ изъ ораторовъ выражался такъ: «начальству грубить и надъ нимъ смѣяться нельзя, слушаться начальства нужно и дѣлать все, что̀ скажутъ». Мосеенокъ говорилъ, что надо ѣхать скорѣе къ Государю Императору и просить его защиты. Прибавимъ ко всему этому, что далеко неразъясненной осталась роль, которую играли въ безпорядкахъ такъ называемые *коты*, — т.-е. фабричные, переставшіе работать и ведущіе бродяжническую жизнь, — и мы поймемъ, что присяжные могли оправдать подсудимыхъ, не признавая «бунта—законнымъ бунтомъ и грабежа—справедливымъ грабежомъ».

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ о томъ подсудимомъ, котораго «Московскія Вѣдомости» сравниваютъ съ самимъ Іоганномъ Мостомъ. Мосеенокъ сознался, на предварительномъ слѣдствіи, въ подстрекательствѣ къ нападенію на военный караулъ (съ цѣлью освобожденія арестованныхъ) — и все-таки вышелъ изъ суда оправданнымъ. Чтобы объяснить себѣ вполнѣ эту часть приговора, намъ нужно было бы имѣть въ виду самый текстъ сознанія Мосеенка; теперь мы можемъ лишь выразить предположеніе, что оправданію его способствовало—помимо приведенныхъ нами выше свидѣтельскихъ показаній о характерѣ дѣятельности Мосеенка — излишнее усердіе обвиненія, всячески старавшагося очернить подсудимаго. Мосеенокъ выставлялся въ обвинительной рѣчи какимъ-то львомъ, ищущимъ кого поглотить, какимъ-то страстнымъ любителемъ безпорядковъ, избирающимъ для поступленія на работу именно фабрику съ наиболѣе «дурною славой», какъ самую удобную почву для агитаціи. Съ большою тщательностью выставляется на видъ увертливость, уклончивость Мосеенка, разжигающаго другихъ исподтишка, скрывающагося во время безпорядковъ и подставляющаго на первое мѣсто другое лицо (Волкова), съ безупречнымъ прошедшимъ [1]). «Мосеенокъ» — такъ заканчивается рѣчь прокурора — «опасенъ для каждаго общества; онъ опасенъ повсюду, такъ какъ въ натурѣ его лежитъ возмущеніе порядка, соединенное съ хвастливостью. Уроки, какіе дала ему жизнь, его не исправили. Избавивъ общество отъ этого вреднаго человѣка, вы, гг. присяжные, заступитесь за всѣхъ тѣхъ несчастныхъ рабочихъ, которымъ Мосеенокъ можетъ принести много бѣдствій и вреда». Такое обращеніе къ присяжнымъ — палка о двухъ концахъ; оно можетъ весьма легко привести къ противоположной цѣли, особенно когда въ дѣлѣ нѣтъ для него достаточно твердыхъ фактическихъ основаній.

Судебными процессами вопросы государственной важности не создаются, а развѣ освѣщаются, подчеркиваются, рекомендуются вниманію правительства и общества. Между «арлекинадой судебныхъ преній», съ одной стороны, и рабочимъ вопросомъ — съ другой, нѣтъ и не можетъ быть никакой причинной связи. Судъ присяжныхъ существовалъ въ Англіи цѣлыя

[1]) Мосеенокъ нѣсколько разъ подвергался административнымъ карамъ за участіе въ стачкѣ съ политической цѣлью.

столѣтія, прежде чѣмъ появился въ ней—совершенно независимо отъ судебныхъ процессовъ—рабочій вопросъ. Въ Германіи, во Франціи онъ также родился на свѣтъ не въ камерѣ суда. У насъ онъ уже давно вышелъ изъ колыбели, и соединять его рожденіе съ владимірскимъ процессомъ можетъ только крайняя близорукость или добровольное ослѣпленіе. Наличность рабочаго вопроса опредѣляется двумя условіями, необходимой предпосылкой которыхъ служитъ достаточно широкое развитіе фабричной промышленности. Эти условія—сознательное отношеніе самихъ рабочихъ къ ненормальнымъ сторонамъ своего положенія и созрѣвшая или созрѣвающая мысль о необходимости правительственнаго вмѣшательства, направленнаго къ улучшенію этого положенія. И съ тѣмъ, и съ другимъ условіемъ мы встрѣчаемся у насъ гораздо раньше безпорядковъ на Морозовской мануфактурѣ. Неудовольствіе рабочихъ выражается, между прочимъ, стачками—а первое дѣло о стачкѣ производилось въ петербургскомъ окружномъ судѣ, если мы не ошибаемся, еще въ 1871 г. Если съ тѣхъ поръ мало было слышно о стачкахъ, то это объясняется распоряженіемъ, устранившимъ ихъ изъ вѣдѣнія суда и предоставившимъ ихъ исключительно административной расправѣ. Что касается до правительственнаго вмѣшательства въ фабричное дѣло, то ему положено твердое начало закономъ I іюня 1882 г. (о фабричной работѣ малолѣтнихъ) и учрежденіемъ фабричной инспекціи; дальнѣйшаго усиленія и развитія его слѣдуетъ ожидать со дня на день. Владимірскій процессъ, каковъ бы ни былъ его исходъ, служитъ новымъ напоминаніемъ о неотложности мѣръ, справедливость и цѣлесообразность которыхъ почти перестала быть предметомъ спора.

Старшиною присяжныхъ по дѣлу о безпорядкахъ на Морозовской мануфактурѣ былъ чиновникъ министерства финансовъ, и вдобавокъ податной инспекторъ. Эту черту не преминула выставить на видъ московская реакціонная газета, извѣстная своимъ «доброжелательствомъ» къ финансовому управленію. Когда подобный пріемъ вызвалъ неодобреніе даже въ средѣ хвалителей г. Каткова, другая реакціонная газета поспѣшила взять его подъ свою защиту. Подъ перомъ петербургскаго обскуранта бѣглый намекъ разрастается въ цѣлую картину. Насъ приглашаютъ представить себѣ податныхъ инспекторовъ, проповѣдующихъ народу, что платить и слушаться совсѣмъ не

нужно, фабричныхъ инспекторовъ, разыгрывающихъ роль Луизы Мишель; усиліями ихъ устраивается бунтъ, изъ бунта возникаетъ судебное дѣло, а къ разрѣшенію дѣла призываются чиновники того же вѣдомства,—благо они попадаютъ, *когда это нужно* (курсивъ въ подлинникѣ), въ составъ присутствія присяжныхъ». Не объяснено только одно: кто же и какимъ образомъ подтасовываетъ списки присяжныхъ засѣдателей?.. Мораль басни совершенно ясна: бѣдная русская провинція вся подточена вулканическими силами, принявшими образъ судей и финансовыхъ агентовъ. Нужно уничтожить эти силы, прежде чѣмъ онѣ успѣютъ уничтожить все остальное. Другими словами—нужна перемѣна въ высшемъ финансовомъ управленіи, да пожалуй и въ судебномъ, если оно не поспѣшитъ оправдать возлагаемыхъ на него ожиданій.

XXV.

Назначеніе И. А. Вышнеградскаго членомъ Государственнаго Совѣта [1]).

Наша ежедневная печать, въ противоположность устной молвѣ и салоннымъ толкамъ, очень рѣдко обсуждаетъ новыя назначенія по службѣ. Исключеніемъ изъ этого правила явилось недавно назначеніе г. Вышнеградскаго членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту государственной экономіи, быть можетъ—потому, что до сихъ поръ внѣ обыкновеннаго служебнаго порядка, т.-е. безъ предварительнаго занятія должности сенатора, генералъ-губернатора, товарища министра, государственнаго секретаря, были призваны въ Государственный Совѣтъ только два лица: г. Галаганъ и графъ Бобринскій. Эти два призыва обратили на себя, въ свое время, вниманіе общества, но никто не затруднялся въ ихъ объясненіи. Назначеніе г. Галагана приписывалось—помимо личныхъ заслугъ его на поприщѣ земской и педагогической дѣятельности—тому теченію, которымъ созданы были у насъ, на короткое время, собранія «свѣдущихъ людей»; въ назначеніи графа Бобринскаго видѣли желаніе оказать особый почетъ дворянству. По отношенію къ г. Вышнеградскому разрѣшить вопросъ было не такъ просто; отсюда крайне различныя толкованія, образцомъ которыхъ могутъ служить слѣдующіе два отзыва въ нашей печати. «Ученая и административная репутація г. Вышнеградскаго,—говоритъ одна газета,—пріобрѣтена имъ какъ въ званіи профессора и директора технологическаго института, такъ и въ качествѣ члена многихъ

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1886 г. май, обществ. хроника.

ученыхъ, техническихъ и промышленныхъ обществъ и учрежденій. Отличное знаніе дѣла и громадная практическая опытность и дѣловитость, при обширномъ умѣ и энергіи, выдвигали его постоянно на первый планъ. Въ послѣдніе годы его дѣятельность принадлежала, главнымъ образомъ, обществу юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, дѣла котораго онъ привелъ въ блестящее положеніе, а затѣмъ, по выходѣ оттуда, министерству народнаго просвѣщенія. Близкое, благополучное разрѣшеніе (чѣмъ?) новаго у насъ и весьма важнаго вопроса о профессіональномъ образованіи всецѣло относится къ заслугамъ И. А. Вышнеградскаго». Это отзывъ, написанный слогомъ дѣловой бумаги; а вотъ другой, болѣе близкій къ житейскому тону. «Г. Вышнеградскій пріобрѣлъ широкую извѣстность не столько какими-нибудь выдающимися учеными или административными трудами, сколько своими блестящими дарованіями по части коммерческихъ *конъюнктуръ въ области техники*. Уже первые шаги его въ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ, совмѣстно съ г. Бліохомъ [1]), отмѣчены именно даровитостью и ея спутникомъ—удачей. Затѣмъ руководящая роль въ обществахъ рыбинско-бологовской и юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, а также въ обществѣ здѣшнихъ водопроводовъ, закрѣпили за нимъ репутацію весьма искуснаго, энергичнаго и счастливаго практика. Ученая дѣятельность г. Вышнеградскаго осталась какъ бы позади его извѣстности, административная же дѣятельность, по вѣдомству просвѣщенія, получила нѣкоторое развитіе лишь въ самое послѣднее время, когда онъ вышелъ изъ правленія юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ». Оба эти отзыва, собственно, ничего не разъясняютъ. Съ полной несомнѣнностью они устанавливаютъ только одинъ фактъ: незначительность *административной* дѣятельности г. Вышнеградскаго. Какъ ни старается преувеличить эту дѣятельность первая газета, на которую мы ссылались, для всякаго понятно, что подготовительная разработка вопроса, еще не разрѣшеннаго (въ данномъ случаѣ—вопроса о профессіональномъ образованіи), не можетъ имѣть какого-нибудь особаго значенія, или служить объясненіемъ чего бы то ни было. До окончательнаго утвер-

[1]) Здѣсь имѣется въ виду, вѣроятно, знаменитая борьба—съ помощью подставныхъ подписчиковъ и акціонеровъ—изъ-за привислянской желѣзной дороги (1874 г.), въ которой г. Вышнеградскій и Бліохъ были разбиты г. Кронебергомъ.

жденія законопроекта невозможно даже судить о томъ, насколько онъ удовлетворяетъ потребности, его вызвавшей, и насколько, слѣдовательно, велика заслуга его автора. Обѣ газеты, притомъ, признаютъ единогласно, что трудиться для вѣдомства народнаго просвѣщенія г. Вышнеградскій началъ лишь по выходѣ изъ общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ,—а это событіе воспослѣдовало, кажется, лишь лѣтомъ прошлаго года... Вторымъ титуломъ г. Вышнеградскаго являются, по отзыву обѣихъ газетъ, его ученыя занятія—но они сосредоточиваются на поприщѣ техники, имѣющемъ крайне мало общаго съ областью государственнаго управленія. Остается, затѣмъ, дѣятельность въ желѣзнодорожныхъ и другихъ акціонерныхъ обществахъ; но кто же не знаетъ, что эта дѣятельность, особенно у насъ въ Россіи, меньше всего развиваетъ и вырабатываетъ именно тѣ условія, которыя больше всего необходимы для государственной службы? Начиная съ состава общихъ собраній и оканчивая отношеніями акціонерныхъ правленій къ казнѣ, съ одной стороны, къ публикѣ—съ другой, все организовано и устроено въ акціонерномъ мірѣ иначе, чѣмъ въ служебномъ. Вліяніе и сила распорядителя акціонернымъ дѣломъ, какъ бы онъ ни былъ опытенъ и талантливъ, зависятъ, прежде всего, отъ общаго собранія акціонеровъ; а изъ кого, за рѣдкими исключеніями, составляется большинство этихъ собраній, какъ подготовляются и получаются ихъ рѣшенія—это слишкомъ хорошо извѣстно. Источникъ власти не можетъ не отражаться на способѣ пользованія ею, тѣмъ болѣе, что самая власть дана на срокъ, по истеченіи котораго она опять должна обновиться путемъ той же процедуры... Хозяинъ частнаго промышленнаго или торговаго предпріятія заботится прежде всего о своей личной выгодѣ, хотя бы она и была равносильна чужой невыгодѣ. Къ акціонерному обществу, которое также не что иное, какъ хозяинъ частнаго предпріятія, это правило примѣняется съ особенною силой, потому что распорядители акціонернаго дѣла, отвѣтственные за него лишь коллективно, заинтересованы въ его успѣхѣ не только какъ акціонеры, но и какъ широко вознаграждаемые члены правленія. Неудивительно, что образъ дѣйствій нашихъ желѣзнодорожныхъ, газовыхъ, водопроводныхъ и иныхъ обществъ вошелъ въ пословицу, какъ типъ безучастія къ потребностямъ публики и даже систематическаго нарушенія ея интересовъ. Еще менѣе благопріятно, если воз-

можно, сложилось отношеніе нашихъ акціонерныхъ обществъ къ казнѣ, другими словами — къ массѣ плательщиковъ, къ народу. Болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь уцѣлѣло здѣсь старорусское представленіе о казнѣ, какъ объ источникѣ кормленія, какъ о постоянномъ и неизмѣнномъ объектѣ эксплоатаціи. Преобладаніе частнаго надъ общимъ, принесеніе послѣдняго въ жертву первому—вотъ девизъ акціонерныхъ обществъ, прямо противоположный девизу государственной службы, государственнаго управленія. Отсюда явная ошибочность газетныхъ попытокъ объяснить назначеніе г. Вышнеградскаго его дѣятельностью въ акціонерныхъ обществахъ. Въ чемъ заключаются настоящія причины этого назначенія—мы не знаемъ и судить не беремся; мы хотѣли только доказать неосновательность догадокъ, высказываемыхъ по этому поводу въ обществѣ и въ печати. Догадки, какъ извѣстно, не останавливаются на настоящемъ, но касаются и будущаго: новому члену Государственнаго Совѣта пророчатъ постъ, еще болѣе важный и высокій—тотъ самый постъ, на который г. Вышнеградскій давно уже выставлялся кандидатомъ со стороны извѣстнаго рода прессы. Но всѣ эти догадки, надобно думать, крайне рискованны...

XXVI.

Опасное положеніе высшихъ женскихъ курсовъ [1]).

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появилось оффиціальное сообщеніе слѣдующаго содержанія: «въ виду производящагося въ особой комиссіи, учрежденной при министерствѣ народнаго просвѣщенія, разсмотрѣнія вопроса о высшемъ женскомъ образованіи, министерство народнаго просвѣщенія признало нужнымъ сдѣлать распоряженіе о прекращеніи нынѣ же пріема слушательницъ въ существующіе высшіе курсы вѣдомства означеннаго министерства». Прочитавъ это сообщеніе, нельзя было не пожалѣть о неожиданномъ перерывѣ въ дѣятельности высшихъ курсовъ; нельзя было не припомнить, что во время составленія и обсужденія новаго университетскаго устава, пріемъ въ университеты продолжался на прежнихъ основаніяхъ, да и въ другихъ сферахъ подготовляющаяся перемѣна никогда не мѣшаетъ движенію и развитію однажды начатаго дѣла. Прекращенъ, правда, уже съ 1882 г. пріемъ на женскіе врачебные курсы. Женскіе врачебные курсы, по исключеніи ихъ изъ вѣдомства военнаго министерства, остались какъ бы безхозяйными; нужно было отыскать учрежденіе, которое согласилось бы принять ихъ въ свое завѣдываніе; нужно было, сверхъ того, покончить такъ или иначе съ вопросомъ о размѣрахъ врачебной практики, разрѣшаемой бывшимъ слушательницамъ курсовъ. Въ виду этихъ соображеній, временное прекращеніе пріема на женскіе врачебные курсы представля-

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1886 г., іюнь, общественная хроника.

лось хотя и не неизбѣжнымъ, но, до извѣстной степени, объяснимымъ. По отношенію къ высшимъ курсамъ подобныхъ соображеній не существовало и не существуетъ. Какъ бы то ни было, распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія было понято нами и, конечно, не нами одними, въ смыслѣ временной мѣры, ничего не предрѣшающей въ судьбѣ высшихъ курсовъ Не такъ посмотрѣла на него ретроградная печать, поспѣшившая посвятить ему восторженный хвалебный гимнъ. Подчеркивая слово *прекращеніе*, она надѣется, очевидно, что министерское распоряженіе равносильно закрытію курсовъ, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ ихъ видѣ. «Гробовымъ молчаніемъ»—восклицаетъ петербургскій органъ ультра-реакціонеровъ—«будетъ привѣтствована эта важная мѣра, вѣроятно, во всей нашей печати. Никто не осмѣлится сказать спасибо министру народнаго просвѣщенія за то, что презрѣлъ популярность въ этомъ дѣлѣ и взглянулъ на него только съ высокой точки зрѣнія нравственно-государственныхъ интересовъ. А между тѣмъ именно этого прочувственнаго *спасибо* онъ заслуживаетъ, и получитъ его если не сегодня, то завтра изъ тысячи уголковъ нашей обширной Россіи, отъ тысячи отцовъ и матерей, у которыхъ не отнимутъ обольщеніе и чары высшихъ курсовъ—дочерей, какъ отнимали они доселѣ, *навсегда!* Это была не шутка, этотъ процессъ вырыванія изъ благочестивыхъ семействъ внутри Россіи взрослыхъ дочерей, для полученія какого-то теоретическаго высшаго образованія, которое не могло, увы, гарантировать женщинѣ ни научной подготовки, ни почетнаго положенія въ научномъ мірѣ, ни матеріальнаго достатка, и всегда ставило жертвъ этого высшаго образованія въ зависимость только отъ случайностей фальшиваго, заброшеннаго въ чужую среду и оторваннаго отъ правильнаго и подлиннаго строя жизни положенія. Всѣ это знали, всѣ это видѣли, но никто не смѣлъ, изъ дутаго и ложнаго предразсудка либеральнаго запаха, заинтересоваться душевною и правдивою стороной этихъ несчастныхъ женщинъ».

Замѣтимъ, прежде всего, что выписанная нами тирада принадлежитъ газетѣ, не дальше, какъ года полтора тому назадъ, провозглашавшей высшіе женскіе курсы разсадникомъ безнравственности и политической неблагонадежности. Не рѣшившись теперь, при столь удобномъ случаѣ, повторить свои прежнія обвиненія, она признала этимъ самымъ ихъ полнѣйшую

несостоятельность. Оружіе, ею брошенное, едва-ли будетъ подхвачено кѣмъ-либо другимъ; въ безцеремонности обращенія съ противниками ее никто, кажется, не превосходитъ Элементъ политическій, такимъ образомъ, можетъ быть совершенно устраненъ изъ обсужденія дальнѣйшей судьбы высшихъ женскихъ курсовъ. Не нужно, кажется, доказывать и того, что существованіе ихъ вполнѣ возможно даже при господствующей теперь системѣ; не даромъ же основаніе ихъ было разрѣшено графомъ Д. А. Толстымъ (въ бытность его министромъ народнаго просвѣщенія), не даромъ же первымъ ихъ распорядителемъ былъ профессоръ Бестужевъ-Рюминъ. Споръ можетъ идти лишь о томъ, достигаютъ ли курсы своей цѣли, приносятъ ли они пользу или вредъ учащимся и всему обществу; отъ этого принципіальнаго вопроса зависятъ всѣ другіе, касающіеся организаціи и устройства курсовъ.

Тенденціозной болтовнѣ о недостижимости, для слушательницъ высшихъ курсовъ, «научной подготовки», «почетнаго положенія въ научномъ мірѣ» могутъ быть противопоставлены, благодаря короткому, но тѣмъ не менѣе рѣшительному опыту, безспорные факты. Мы узнаемъ изъ отчета о дѣятельности курсовъ, что «въ ученыхъ журналахъ, нашихъ и заграничныхъ, почти каждый годъ появляются труды кончившихъ курсъ слушательницъ, и нѣкоторыя изъ этихъ работъ принимаются во вниманіе при рѣшеніи того или другого научнаго вопроса. Такъ, въ послѣднемъ отчетномъ году слушательницей Лидіей Погожевой сдѣлано изслѣдованіе объ окончаніи нервовъ въ концахъ портняжной мышцы у лягушки; оно представлено къ напечатанію въ бюллетеняхъ академіи наукъ, какъ имѣющее значеніе по вопросу о самостоятельной мышечной возбудимости. Другое, выдающееся въ томъ же смыслѣ, изслѣдованіе, сдѣланное госпожею Е. Соломко: «Кристаллическія породы села Исачки», напечатано, по удостоенію петербургскаго общества естествоиспытателей, въ берлинскомъ журналѣ «Neues Jahrbuch für Mineralogie» за 1885 г. По мнѣнію компетентныхъ лицъ, работа госпожи Соломко должна имѣть рѣшающее значеніе относительно одного изъ спорныхъ вопросовъ геологіи. Въ журналѣ русскаго физико-химическаго общества напечатана работа госпожи Рудинской о дѣйствіи амміака на парабановую кислоту. Четыре изъ бывшихъ слушательницъ оставлены при курсахъ въ качествѣ ассистентокъ: г-жа Сердобинская—по ка-

ѳедрѣ физики, г-жа Шиффъ—по математикѣ, г-жа Давыдова—по химіи, г-жа Россійская—по зоологіи. Нѣкоторыя слушательницы продолжаютъ работать, подъ руководствомъ того или другого профессора, и по окончаніи курса. Темами для работъ, представленныхъ на этомъ основаніи, служили. между прочимъ: «природа растворовъ», «исторія простого эѳира», «диропаргилъ и бензолъ», «Ѳеодосій Печерскій». Достаточно привести эти заглавія, чтобы убѣдиться въ томъ, что самыя работы исполнены не для препровожденія времени и носятъ на себѣ не дилеттантскій характеръ. Итакъ, научная подготовка курсами дается, и «почетное положеніе въ научномъ мірѣ» для бывшихъ слушательницъ вполнѣ доступно.

Намъ могутъ возразить, что изъ исключеній нельзя выводить общее правило, что достиженіе нѣсколькими слушательницами довольно высокой степени научнаго знанія ничего не доказываетъ по отношенію къ остальнымъ, къ громадному большинству. Но развѣ изъ университета выходятъ только ученые? Развѣ всѣ бывшіе студенты занимаютъ «почетное положеніе въ научномъ мірѣ?» На какомъ основаніи къ высшимъ женскимъ курсамъ можетъ и должно быть прилагаемо такое мѣрило, котораго никто не думаетъ примѣнять къ университетамъ? Задача, общая университетамъ и высшимъ женскимъ курсамъ, заключается въ широкомъ, основательномъ образованіи слушателей и слушательницъ; научная дѣятельность является однимъ изъ возможныхъ результатовъ такого образованія, но является имъ только у немногихъ, только у тѣхъ, кто спеціально къ ней расположенъ и призванъ. Если эти немногіе почерпнули въ выслушанныхъ ими курсахъ способность и желаніе идти дальше, отдаться вполнѣ научнымъ занятіямъ, то бо́льшаго требовать нельзя; курсы по отношенію къ нимъ сдѣлали свое дѣло. Съ этой точки зрѣнія число лицъ, подготовленныхъ высшими женскими курсами, въ столь короткое время, къ научной дѣятельности, отнюдь не можетъ быть признано ничтожнымъ. Гораздо труднѣе опредѣлить, на сколько курсы принесли пользы той массѣ слушательницъ, которая—наравнѣ съ массой студентовъ—не посвящаетъ себя всецѣло научнымъ занятіямъ; но изъ меньшей осязательности результатовъ нельзя заключать о ихъ отсутствіи. По справедливому замѣчанію отчета, значеніе высшихъ женскихъ курсовъ не утратилось бы и тогда, если бы имъ не было суждено дать

міру ни одного знаменитаго ученаго имени; несомнѣнную ихъ заслугу составляетъ уже то, что они сообщаютъ молодымъ женщинамъ привычку къ труду, умѣнье работать, интересъ къ умственнымъ занятіямъ. «Ближайшая задача высшихъ женскихъ курсовъ»—продолжаетъ отчетъ—«не состоитъ въ созданіи ученыхъ женщинъ; главная цѣль ихъ—увеличивать число женщинъ просвѣщенныхъ, гуманныхъ, вносящихъ эти великія начала какъ въ самыя высокія, такъ и въ самыя обыденныя сферы жизни, въ домашній бытъ, въ отношенія къ окружающимъ, въ воспитаніе дѣтей, всюду, куда проникаетъ вліяніе женщины». Вліянія этого рода не подлежатъ точному взвѣшиванію и измѣренію, но они, тѣмъ не менѣе, реальны и несомнѣнны; исторія ихъ сдѣлалась бы возможной только по прошествіи многихъ лѣтъ, когда во всѣхъ уголкахъ и сферахъ русской жизни явились бы признаки перемѣны, произведенной новымъ уровнемъ женскаго образованія. Каковъ бы ни былъ послѣдній выводъ изъ опыта, опытъ, во всякомъ случаѣ, еще далеко не оконченъ; закрытіе высшихъ женскихъ курсовъ, такъ быстро слѣдуя за ихъ основаніемъ, оставило бы неразрѣшеннымъ одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, завѣщанныхъ намъ эпохой преобразованій.

Окончаніе ученья на высшихъ женскихъ курсахъ—говорятъ, дальше, ихъ противники—не обезпечивало за слушательницами матеріальнаго достатка. А безъ вступленія на курсы онъ развѣ былъ бы за ними обезпеченъ? Тѣ немногія дороги, которыя теперь открыты для женскаго труда, до такой степени загромождены, что не всегда даютъ даже кусокъ хлѣба, въ буквальномъ смыслѣ слова. Образованіе, болѣе широкое и разностороннее, увеличиваетъ число этихъ дорогъ, а слѣдовательно и возможность заработка для женщинъ. Изъ того, что въ настоящую минуту бывшимъ слушательницамъ высшихъ курсовъ нелегко найти занятія, соотвѣтствующія ихъ подготовкѣ, еще не слѣдуетъ, чтобы эта трудность была безусловно неустранима. Однажды пустивъ корни и завоевавъ себѣ право гражданства, высшіе курсы непремѣнно раздвинули бы рамки, которыми ограничивается, по преданію и обычаю, общественная дѣятельность женщинъ. Что мѣшало бы, напримѣръ, замѣстить постепенно бывшими слушательницами курсовъ всѣ преподавательскія мѣста въ высшихъ классахъ женскихъ гимназій, пансіоновъ и институтовъ, а затѣмъ и на самыхъ курсахъ? До-

пустимъ, однако, что это случилось бы не скоро и что съ успѣшнымъ окончаніемъ ученья на высшихъ курсахъ долго еще не было бы сопряжено ни юридическихъ правъ, ни фактическихъ преимуществъ. Это имѣло бы одну хорошую сторону, чрезвычайно важную именно у насъ въ Россіи. Высшее образованіе, пока оно было доступно для однихъ мужчинъ, всегда служило у насъ предметомъ правительственнаго поощренія. Отсюда возможность разсматривать его какъ тепличное растеніе, произвольно перенесенное на нашу почву, преуспѣвающее на ней лишь подъ условіемъ усиленнаго искусственнаго ухода. Такого взгляда на высшее образованіе держался, напримѣръ, покойный Аксаковъ—и, конечно, не онъ одинъ; практическій отголосокъ аналогичныхъ мнѣній нетрудно найти во многихъ мѣропріятіяхъ послѣдняго времени. Тѣмъ важнѣе было доказать,—доказать не словами, а фактами,—что высшее образованіе можетъ стоять у насъ и на собственныхъ ногахъ, развиваться и распространяться безъ правительственной поддержки, безъ приманокъ и привилегій. Такое доказательство теперь есть налицо: это—исторія высшихъ женскихъ курсовъ. Основная ихъ мысль, усилія, предшествовавшія ихъ открытію, организація ихъ, веденіе однажды начатаго дѣла, собраніе необходимыхъ для него денежныхъ средствъ—все принадлежитъ частному почину, частной дѣятельности. При годовомъ бюджетѣ въ пятьдесятъ тысячъ правительственное пособіе курсамъ ограничивалось ежегодно тремя тысячами рублей; къ нему присоединилась, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такая же субсидія отъ города Петербурга. Главный источникъ дохода (около 40 тысячъ руб.)—взносы самихъ слушательницъ [1]). Съ прошлаго года курсы помѣщаются въ собственномъ домѣ, построенномъ спеціально съ этой цѣлью, отчасти на пожертвованія частныхъ лицъ, отчасти на суммы, занятыя также у частныхъ лицъ на продолжительные сроки и на условіяхъ весьма льготныхъ. Всѣхъ слушательницъ перебывало на курсахъ, въ теченіе семи лѣтъ, около 2.500 (считая и тѣхъ, которыя находились на курсахъ въ началѣ 1885—86 г.). Окончило курсъ около 400. «Всѣ наши слушательницы»,—говоритъ профессоръ Бекетовъ—«заранѣе снабжены дипломами на званіе домашнихъ учительницъ;

[1]) Съ 1878 г. по 1885 г. содержаніе курсовъ обошлось въ 336.000 р., а взносы слушательницъ дали 267.000 рублей.

безъ такихъ дипломовъ мы ихъ не принимаемъ на курсы. Лишнихъ правъ мы имъ не даемъ. *Слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ поступаютъ на нихъ исключительно для пополненія своихъ познаній, для развитія своего ума*». Въ этихъ словахъ указана главная отличительная черта высшихъ женскихъ курсовъ—та черта, которая даетъ имъ, въ нашихъ глазахъ, совершенно особенное значеніе. Не характерно ли, въ самомъ дѣлѣ, это стремленіе къ высшему образованію, вызываемое и обусловливаемое одною только жаждою знанія? Не служитъ ли оно побѣдоноснымъ опроверженіемъ того взгляда, по которому русскій человѣкъ ищетъ въ образованіи только права на чинъ, на мѣсто, на выгодное занятіе? Или, можетъ быть, успѣху курсовъ способствовала *мода*? Если бы это было такъ, то число слушательницъ было бы велико только въ первые годы послѣ открытія курсовъ, пока они были новинкой, пока они пользовались попутнымъ вѣтромъ; громадное большинство оставляло бы курсы задолго до окончанія ученья. Ни того, ни другого мы не видимъ. Въ отчетномъ 1884—85 г. на курсахъ было 851 слушательница; число выбывшихъ было довольно значительно только на первомъ курсѣ (103), сильно опускаясь для второго (37) и еще болѣе для третьяго (19). О вліяніи моды не можетъ быть рѣчи и потому, что постоянныя слушательницы курсовъ (а онѣ составляютъ болѣе 92% общаго числа слушательницъ; вольнослушающихъ въ 1884—85 г. было только 58) подчинены весьма строгимъ требованіямъ; онѣ обязаны слушать всѣ обязательные предметы избраннаго отдѣленія, участвовать въ назначаемыхъ практическихъ занятіяхъ, писать задаваемыя сочиненія, отвѣчать на репетиціяхъ и держать ежегодно переходные экзамены (переэкзаменовки вовсе не допускаются). Регламентація работы введена на женскихъ курсахъ раньше, чѣмъ въ университетахъ. Послѣднимъ и самымъ рѣшительнымъ аргументомъ противъ ссылки на «моду» служитъ распредѣленіе слушательницъ между отдѣленіями курсовъ: на долю словеснаго отдѣленія приходилось, въ 1884—85 г., 289 слушательницъ (34%), на долю физико-математическаго—562 слушательницы (66%). Всего, по 20 сентября 1885 г., окончило полный курсъ ученья: по словесному отдѣленію 130 слушательницъ (34 1/2%), по физико-математическому—247 (65 1/2%). Если бы вступленіе на курсы было дѣломъ моды, то большинство избрало бы, безъ сомнѣнія, болѣе легкое отдѣленіе, а не бо-

лѣе трудное. Лѣтъ двадцать тому назадъ переполненіе физико-математическаго отдѣленія могло бы быть объяснено, пожалуй, тогдашнимъ всеобщимъ увлеченіемъ естественными науками; но въ настоящее время ни о чемъ подобномъ не можетъ быть и рѣчи, и выборъ отдѣленія зависитъ, очевидно, не отъ чего иного, какъ отъ сознательнаго интереса къ тому или иному роду занятій.

Положеніе слушательницъ, во время бытности ихъ на курсахъ, противники курсовъ считаютъ «фальшивымъ, оторваннымъ отъ правильнаго и нормальнаго строя жизни». Мы желали бы знать, что значатъ эти слова. Если здѣсь имѣется въ виду удаленіе отъ семьи, то оно вовсе не представляется необходимымъ условіемъ вступленія на курсы. Около трети слушательницъ получили начальное образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ петербургскаго округа; между остальными многія имѣютъ родственниковъ въ Петербургѣ, многія, наоборотъ, не оставляютъ никого близкаго на мѣстѣ своего прежняго воспитанія. Съ другой стороны, разлука съ семьей—удѣлъ цѣлой массы дѣвушекъ, вовсе не помышляющихъ о высшемъ образованіи, но вынужденныхъ искать, внѣ дома, работы, которая давала бы имъ средства къ жизни. Шансовъ замужества вступленіе на курсы нисколько не уменьшаетъ уже потому, что между окончаніемъ ученья въ гимназіи и пріемомъ въ постоянныя слушательницы курсовъ можетъ пройти не болѣе года и, слѣдовательно, большинство слушательницъ оставляютъ курсы въ возрастѣ отъ 21 года до 24 лѣтъ; а много ли найдется въ наше время дѣвицъ, выходящихъ замужъ (въ городахъ) раньше этого возраста?.. О матеріальныхъ средствахъ слушательницъ у насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, но мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что значительно большая часть ихъ не терпитъ нужды и находится въ положеніи гораздо лучшемъ, чѣмъ большинство студентовъ, а также слушательницъ женскихъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ. Къ этому выводу мы приходимъ, прежде всего, на томъ основаніи, что общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ вовсе не заботится о пособіяхъ слушательницамъ, объ уплатѣ вмѣсто нихъ взноса за право слушанія лекцій, между тѣмъ какъ при университетахъ и при женскихъ врачебныхъ и педагогическихъ курсахъ существуютъ общества, исключительно посвящающія себя этой заботѣ. Не лишено значенія, съ зани-

мающей насъ точки зрѣнія, и распредѣленіе слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ по сословіямъ: мѣщанокъ, крестьянокъ и солдатскихъ дочерей между ними только 138 (16¹/₄%), къ духовному званію принадлежатъ только 56 (6¹/₂%), а къ купеческому сословію — 155 (18¹/₂%), къ дворянскому — 498 (58¹/₂%). Конечно, между дворянками могутъ быть и дѣвушки совершенно недостаточныя — но, во всякомъ случаѣ, принадлежность трехъ четвертей слушательницъ къ двумъ наиболѣе состоятельнымъ сословіямъ представляется фактомъ весьма характернымъ. И дѣйствительно, о крайней нуждѣ между слушательницами высшихъ женскихъ курсовъ приходится слышать весьма рѣдко — гораздо рѣже, чѣмъ по отношенію къ слушательницамъ женскихъ врачебныхъ курсовъ. Еще меньше основаній предполагать, что слушательницы высшихъ курсовъ живутъ въ какомъ-то отчужденіи отъ общества, образуютъ какую-то особую среду, «оторванную отъ правильнаго и нормальнаго строя жизни». Утверждать что-нибудь подобное — значило бы сочинять нѣчто въ родѣ той сказки о «безнравственности» и «неблагонадежности», отъ которой отказался самъ ея авторъ. Допустимъ, однако, что нѣкоторыя курсистки подпадаютъ въ условія, дѣйствующія на нихъ неблагопріятно; неужели это достаточный доводъ противъ существованія курсовъ? Требовалъ ли кто-либо закрытія университетовъ въ виду того, что часть студентовъ сбивалась съ настоящей дороги? Въ шестидесятыхъ годахъ у насъ не было никакихъ женскихъ курсовъ, а между тѣмъ именно въ это время народился типъ «нигилистки», теперь исчезнувшій совершенно. Исчезновенію его способствовало, отчасти, именно учрежденіе курсовъ; ясно сознанная цѣль положила конецъ смутнымъ порывамъ и неопредѣленнымъ стремленіямъ.

Наше общее заключеніе прямо противоположно тому, къ которому приходитъ реакціонная печать. Мы надѣемся, что перерывъ въ дѣятельности высшихъ женскихъ курсовъ будетъ продолжаться недолго и окончится безповоротнымъ утвержденіемъ ихъ на тѣхъ же главныхъ началахъ, на которыхъ они до сихъ поръ существовали. Само собою разумѣется, что съ той же надеждой мы относимся и къ будущности женскихъ врачебныхъ курсовъ, судьба которыхъ оказывается теперь болѣе или менѣе связанною съ судьбою высшихъ курсовъ. Мы

рѣшительно отказываемся вѣрить, чтобы два учрежденія, созданныя самой жизнью и въ короткое время успѣвшія сдѣлать очень многое, могли быть осуждены на смерть въ силу однихъ предубѣжденій, построенныхъ на догадкахъ, слухахъ или невѣрномъ пониманіи самыхъ простыхъ фактовъ. Мало вѣроятнымъ кажется намъ и существенное измѣненіе устройства и программы высшихъ женскихъ курсовъ. Сфера высшаго образованія не можетъ быть съуживаема произвольно. Преподаваніе на высшихъ женскихъ курсахъ отнюдь не грѣшитъ ни излишнимъ обиліемъ предметовъ, ни излишнимъ объемомъ курсовъ, ни излишнею ихъ продолжительностью. Обрѣзать его въ томъ или другомъ отношеніи—значило бы отнять у него высшій образовательный характеръ. Пріемы преподаванія на курсахъ совпадаютъ съ установленными для университетовъ и представляютъ вполнѣ достаточную гарантію серьезности занятій. Весьма можетъ быть, что результатомъ предпринятыхъ преобразованій будетъ увеличеніе требованій отъ вступающихъ на курсы, приближеніе ихъ къ программѣ экзаменовъ зрѣлости въ мужскихъ гимназіяхъ. Здѣсь, какъ намъ кажется, многое должно зависѣть отъ размѣра правъ, которыя будутъ предоставлены высшимъ женскимъ курсамъ. Если бывшія ихъ слушательницы будутъ уравнены, въ какой-либо отрасли дѣятельности, съ бывшими студентами университета, то вполнѣ справедливымъ будетъ и равенство требованій, обусловливающихъ вступленіе на курсы и въ университетъ; но если окончаніе ученья на высшихъ женскихъ курсахъ по-прежнему не будетъ давать никакихъ или почти никакихъ правъ, то странно было бы затруднять черезъ мѣру вступленіе на курсы. Во всякомъ случаѣ новыя условія вступленія, если они будутъ значительно строже прежнихъ, не должны быть вводимы въ дѣйствіе немедленно, и самое исполненіе этихъ условій должно быть облегчено расширеніемъ, для желающихъ, программы женскихъ средне-учебныхъ заведеній, сообразно съ требованіями курсовъ. Къ открытію при женскихъ гимназіяхъ вечернихъ курсовъ латинскаго и греческаго языка не представилось бы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, никакихъ затрудненій: рядомъ съ женскими гимназіями почти вездѣ существуютъ мужскія, преподаватели которыхъ, вѣроятно, не отказались бы взять на себя дополнительную работу. Если бы это почему-нибудь оказалось неудоб-

нымъ, то одна, по меньшей мѣрѣ, женская гимназія въ каждомъ учебномъ округѣ, могла бы быть преобразована въ классическую. Возможность изученія древнихъ языковъ дѣвочками наравнѣ съ мальчиками доказана на самомъ дѣлѣ московской женской гимназіей госпожи Фишеръ.

XXVII.

Награжденіе М. Н. Каткова [1]).

Мѣсяцъ тому назадъ въ обществѣ, а отчасти и въ печати, было немало толковъ о Высочайшей наградѣ, пожалованной г-ну Каткову не только въ качествѣ директора лицея Цесаревича Николая, но и въ качествѣ писателя. Чѣмъ-то новымъ такое отличіе, выпадающее на долю редактора повременнаго изданія, могло представиться только у насъ; за границей оно никого бы не удивило и не поразило. Во Франціи, напримѣръ, и вовсе не такъ давно, оффиціальные, оффиціозные и просто консервативные публицисты награждались не только орденомъ почетнаго легіона, но и государственными должностями, иногда весьма высокими. Полэнъ Лимейракъ, редакторъ «Constitutionnel», былъ назначенъ префектомъ, Лагеронньеръ, редакторъ «France» — сенаторомъ, Клеманъ Дювернуа, редакторъ «Peuple Français»—даже министромъ. Только новизною явленія можно объяснить нѣкоторые изъ странныхъ комментаріевъ, вызванныхъ имъ въ нашей прессѣ. По мнѣнію одной петербургской газеты, награда, пожалованная редактору «Московскихъ Вѣдомостей», служитъ какъ бы признаніемъ того, что «журналистика заслуживаетъ вниманія не только съ точки зрѣнія заботъ о пресѣченіи и предупрежденіи зла, но и какъ полезное поприще общественной дѣятельности, какъ *просвѣтительная сила*». Это значеніе журналистики признано у насъ, въ правительственныхъ сферахъ, уже давно, или, лучше сказать, признавалось каждый разъ, когда журналистика, сна-

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1886 г., октябрь, общественная хроника.

чала фактически, потомъ юридически, получала нѣкоторый просторъ, нѣкоторую свободу дѣйствій. Оно признавалось слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, когда, при Екатеринѣ II-ой, появились первые журналы, и сотрудничествомъ въ нихъ не пренебрегала сама императрица; оно признавалось въ началѣ нынѣшняго вѣка, когда основывался современный нашему журналъ, и во главѣ періодической печати стоялъ лучшій прозаикъ эпохи; оно признавалось вполнѣ въ первой половинѣ царствованія Александра II-го, когда за снисходительностью цензоровъ слѣдовала, для цѣлой категоріи изданій, совершенная отмѣна цензуры. Неужели все это не было выраженіемъ взгляда, допускающаго не только вредъ, но и пользу печатнаго слова?.. Скажемъ болѣе: единственнымъ логическимъ выводомъ изъ такого взгляда является именно свобода печати, ограниченная только закономъ и только въ безусловно-необходимой, въ данную минуту, мѣрѣ. Но «просвѣтительною силой» можетъ служить не одинъ какой-либо органъ печати, въ отдѣльности взятый, а вся печать въ совокупности, съ свойственнымъ ей взаимнымъ восполненіемъ односторонностей и пробѣловъ, взаимнымъ сдерживаніемъ увлеченій и исправленіемъ ошибокъ.

Еще меньше можно согласиться съ комментаріемъ, предлагаемымъ самими «Московскими Вѣдомостями». Въ милости, оказанной ихъ редактору, онѣ видятъ признаніе извѣстнаго образа мыслей, который принадлежитъ и *«долженъ принадлежать всѣмъ русскимъ людямъ»*. «Такъ это понято всѣми»— прибавляетъ газета, основываясь, вѣроятно, на отсутствіи возраженій. Нѣтъ, не всѣми; молчаніе далеко не всегда равносильно согласію. *Образъ мыслей* не измѣняется въ одну минуту и вообще не создается извнѣ, путемъ требованія или принужденія. *Мысль*, свойственная рѣшительно всѣмъ—это contradictio in adjecto; общее и постоянное единогласіе всѣхъ относительно всего — или хотя бы относительно многаго — возможно лишь подъ условіемъ отказа отъ самостоятельнаго мышленія. Попытка газеты установить *обязательный для всѣхъ* образъ мыслей напоминаетъ намъ знаменитый проектъ истребленія всѣхъ «несогласно мыслящихъ», записанный въ Щедринскомъ «Дневникѣ провинціала»... Мы вполнѣ убѣждены, что мнѣніе «Московскихъ Вѣдомостей» не находитъ и не можетъ найти, въ данномъ случаѣ, никакого отголоска въ правительственныхъ сферахъ — убѣждены въ этомъ уже потому,

что иначе не существовало бы теперь ни одной газеты, ни одного журнала, расходящихся въ чемъ-либо съ «Московскими Вѣдомостями». Если извѣстный образъ мыслей *долженъ* принадлежать всѣмъ русскимъ людямъ, то право говорить, очевидно, должно быть оставлено исключительно за тѣми, кто раздѣляетъ или, по крайней мѣрѣ, выражаетъ этотъ образъ мыслей. Одинъ или два журнала, двѣ или три газеты — вотъ все, что̀ *должно* уцѣлѣть отъ русской періодической печати. До такого положенія вещей мы еще не дожили и, надѣемся, не доживемъ... У насъ подъ рукою есть, впрочемъ, доказательство еще болѣе сильное. Никто, конечно не станетъ утверждать, что стремленія Аксаковской «Руси» во всемъ и всегда совпадали съ стремленіями «Московскихъ Вѣдомостей». Сходясь кое въ чемъ, обѣ газеты смотрѣли совершенно различно на нѣкоторыя изъ основныхъ началъ русской государственной жизни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить мнѣніе Аксакова о новомъ судѣ или тотъ фазисъ полемики его съ г. Катковымъ, въ которомъ со стороны послѣдняго шла рѣчь о «фразѣ, ведущей въ омерзительныя объятія». И что же? Когда скончался И. С. Аксаковъ, память его была почтена такимъ же одобрительнымъ словомъ, какое досталось теперь на долю редактора «Московскихъ Вѣдомостей». Не ясно ли, что ларчикъ, въ который московская газета хотѣла бы запереть всю русскую печать и даже всю русскую мысль, составляетъ всецѣло изобрѣтеніе этой газеты?

Истина раскрывается путемъ спора, путемъ всесторонняго освѣщенія каждаго вопроса съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Этого одного уже достаточно, чтобы отвергнуть всякую монополію въ области мысли. Если бы въ борьбѣ мнѣній право и правда были даже вполнѣ и постоянно на сторонѣ одного изъ нихъ, то этимъ не устранялась бы необходимость свободнаго выраженія другихъ мнѣній; дѣйствительное торжество перваго возможно только въ борьбѣ съ послѣдними. Не что иное, какъ борьба, привело г. Каткова къ тому отличію, котораго онъ недавно удостоенъ. Непогрѣшимыхъ мнѣній или, по крайней мѣрѣ, непогрѣшимой ихъ защиты вовсе не существуетъ. За правое дѣло можно стоять неправыми способами; въ пользу безспорнаго тезиса можно приводить болѣе чѣмъ спорные доводы. Отсюда — неизбѣжность и законность критики и возраженій, встрѣчающихся вездѣ, гдѣ только не замерло всякое движеніе,

не угасла всякая жизнь. Замолкнетъ критика — померкнетъ свѣтъ, необходимый не для нея одной. Господствующему мнѣнію всегда свойственна извѣстная доля оптимизма; несправедливость къ прошедшему, насколько оно не подходитъ подъ новый «обязательный» масштабъ, идетъ рука объ руку съ отсутствіемъ или недостаткомъ критики по отношенію къ настоящему, т.-е. къ тѣмъ сторонамъ настоящаго, которыя носятъ на себѣ его специфическій отпечатокъ. Большой бѣды въ этомъ нѣтъ, пока поле битвы не принадлежитъ нераздѣльно торжествующему направленію; но лишь только это направленіе останется на сценѣ одно, ничѣмъ не сдерживаемое, никѣмъ не оспариваемое—ослѣпленіе сдѣлается почти неотвратимымъ. Наполненная однимъ ѳиміамомъ, атмосфера перестаетъ пропускать лучи свѣта. Уже теперь высоко поднимается волна похвалы, трудно отличимой отъ лести; чего же можно было бы ожидать въ случаѣ закрытія доступа къ публичной дѣятельности для всѣхъ «несогласно мыслящихъ»? «Московскія Вѣдомости», очевидно, впали въ самообожаніе, утверждая, что «ихъ образъ мыслей долженъ принадлежать всѣмъ русскимъ людямъ».

XXVIII.

Николай Христіановичъ Бунге [1].

Немного было у насъ такихъ перемѣнъ въ личномъ составѣ высшаго государственнаго управленія, которыя произвели бы впечатлѣніе болѣе сильное, чѣмъ замѣна Н. Х. Бунге — И. А. Вышнеградскимъ. О ней говорилось въ обществѣ и въ печати задолго до ея осуществленія — и все-таки она вызвала массу толковъ, споровъ и предположеній. Противники бывшаго министра финансовъ не сложили оружія, не прекратили привычной агитаціи, не измѣнили даже ея пріемовъ; ретроспективная ихъ критика отличается тѣмъ же ожесточеніемъ, тѣмъ же пристрастіемъ, какъ и кампанія, имѣвшая цѣлью паденіе лица и системы. Порицанія ближайшему прошлому слышатся, впрочемъ, и съ другихъ сторонъ, заглушая собой немногіе голоса, напоминающіе о заслугахъ.

Посмотримъ, прежде всего, какъ «пишется исторія» на страницахъ извѣстныхъ газетъ. Статьи «Московскихъ Вѣдомостей», посвященныя общей оцѣнкѣ истекшаго финансоваго періода, представляютъ собою послѣднее слово озлобленія, не отступающаго ни передъ какими средствами. Назначеніе Н. Х. Бунге объясняется тѣмъ, что «нуженъ былъ человѣкъ науки, который не иначе какъ съ полнымъ отрицаніемъ относился бы къ обозначившимся въ Россіи послѣ войны благопріятнымъ фактамъ». Другими словами, нуженъ былъ (кому?) министръ финансовъ, недовольный растущимъ благосостояніемъ страны, готовый противодѣйствовать ему, въ угоду «доктринѣ». Оставимъ въ сторонѣ *толкова-*

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1887 г. февраль. внутреннее обозрѣніе.

ніе, чудовищность котораго слишкомъ очевидна; остановимся только на *фактѣ*, служащемъ исходной его точкой. Этотъ фактъ — увеличеніе государственныхъ доходовъ, продолжавшееся, будто бы, вплоть до вступленія Н. Х. Бунге въ министерство финансовъ и вслѣдъ затѣмъ уступившее мѣсто противоположному явленію. Въ дѣйствительности поворотъ къ худшему наступилъ уже въ 1880-мъ и окончательно обрисовался въ 1881-мъ году, т.-е. въ такое время, когда еще не произошло перемѣны въ финансовомъ управленіи или не могли еще обнаружиться ея результаты. Увеличеніе питейнаго дохода, начавшееся, по закону реакціи, вслѣдъ за окончаніемъ уронившей его войны, продолжалось только два года (1878—1879); въ 1880 г. общая цифра питейнаго сбора сразу упала почти на шесть милліоновъ. Таможенный доходъ опустился въ 1881-мъ году слишкомъ на десять милліоновъ рублей, доходы табачный и сахарный достигли въ томъ же году своей минимальной цифры, послѣ чего началось быстрое ихъ повышеніе. Этихъ немногихъ данныхъ вполнѣ достаточно, чтобы доказать отсутствіе совпаденія. подчеркиваемаго московской газетой... Началу «историческаго» обозрѣнія соотвѣтствуетъ вполнѣ и продолженіе: 1882-ый годъ характеризуется, напримѣръ, какъ годъ «пріостановки преобразовательной дѣятельности финансоваго вѣдомства», благодаря чему, по ироническому замѣчанію обозрѣвателей, дефицитъ этого года и не превысилъ 10 милліоновъ рублей. На самомъ дѣлѣ 1882-ой годъ былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ финансовыми нововведеніями. Кромѣ измѣненія таможеннаго тарифа—единственной мѣры, упоминаемой «Московскими Вѣдомостями»,—онъ ознаменованъ рѣшеніемъ вопроса о постепенной замѣнѣ подушной подати, измѣненіемъ и дополненіемъ устава о гербовомъ сборѣ, изданіемъ новаго устава о табачномъ сборѣ, установленіемъ налога на имущества, переходящія безмездными способами; прибавимъ къ этому учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка и законъ 1-го іюня, какъ первый шагъ на пути регламентаціи фабричной работы. Въ пассивъ 1883 г. обозрѣватель тщательно заноситъ правила о нарушеніяхъ питейнаго устава, имѣющія весьма второстепенное значеніе, и столь же тщательно умалчиваетъ о томъ, что составляетъ существенно-важный активъ этого года: о законахъ, положившихъ начало болѣе правильному устройству городскихъ и частныхъ банковъ. Въ обозрѣніи 1885-го года пропущена

сущая бездѣлица—пропущенъ законъ объ обложеніи процентныхъ бумагъ, возбудившій, въ свое время, сильнѣйшую оппозицію московскихъ реакціонныхъ финансистовъ... Въ вину финансоваго вѣдомства ставится и пониженіе цѣнъ на хлѣбъ, и сокращеніе оборотовъ внѣшней торговли, и расширеніе промышленности въ царствѣ польскомъ (въ ущербъ фабрикамъ центральной Россіи), какъ будто бы все это не имѣло своихъ особыхъ причинъ, до крайности сложныхъ и разнообразныхъ; ему ставится въ вину паденіе курса до 235 сантимовъ, какъ будто бы оно нимало не обусловливалось ходомъ внѣшней политики, болгарскими и другими усложненіями... Въ виду всего этого мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что настоящимъ объектомъ атаки является не дѣятельность министерства, а личность бывшаго министра. Система болѣе не существуетъ; выставлять ее въ искусственно-черномъ свѣтѣ не было бы надобности, если бы вмѣстѣ съ нею сошелъ со сцены ея представитель. Этого не случилось; Н. Х. Бунге пересталъ быть министромъ финансовъ, но занялъ одно изъ высшихъ мѣстъ государственной іерархіи. Inde ira! Всѣ орудія, когда-либо дѣйствовавшія противъ него, соединяются въ одну батарею; пальба производится уже не отдѣльными выстрѣлами, а залпами. Одинъ оскорбительный намекъ слѣдуетъ за другимъ; указывается, напримѣръ, на «преждевременное разглашеніе» предположеній, клонившихся къ измѣненію таможеннаго тарифа, на отстаиваніе интересовъ иностранныхъ предпринимателей», на «безпримѣрную щедрость къ иностраннымъ банкирамъ», на «проведеніе домогательствъ» полу-иностранной компаніи, намѣревавшейся монополизировать нашу хлѣбную торговлю, на «странную случайность, способствовавшую установленію столь близкихъ отношеній между финансовымъ вѣдомствомъ и сахарозаводчиками, что всѣ требованія и *затѣи* послѣднихъ исполнялись безпрекословно». Букетомъ фейерверка служитъ обвиненіе въ противодѣйствіи или неохотномъ подчиненіи Высочайшей волѣ, пріурочиваемое къ вопросамъ о закавказскомъ транзитѣ, объ элеваторахъ, о нормировкѣ сахарнаго производства, о дворянскомъ земельномъ банкѣ. Сопоставимъ съ этимъ обвиненіе въ «истинно-революціонной нетерпимости ко всему существующему», взводимое на систему Н. Х. Бунге петербургскимъ корреспондентомъ «Московскихъ Вѣдомостей» — и мы получимъ полную картину одного изъ самыхъ печальныхъ, но

вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ характерныхъ явленій современной дѣйствительности.

Отъ измышленій вражды, потерявшей всякое чувство мѣры, перейдемъ къ упрекамъ болѣе объективнымъ, чуждымъ личнаго характера и заслуживающимъ серьезнаго разбора. Они могутъ быть сведены къ слѣдующимъ главнымъ пунктамъ, заимствуемымъ нами не изъ одной какой-либо газетной статьи, а изъ разныхъ источниковъ: 1) министерство Н. Х. Бунге не только не выдвинуло *принципіальныхъ* вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ экономическое развитіе страны, но скорѣе затемнило и усложнило истинныя причины экономическаго кризиса и финансовыхъ затрудненій; 2) вмѣсто коренныхъ преобразованій оно ограничилось установленіемъ множества разнообразныхъ, дробныхъ, мелкихъ и частныхъ налоговъ, торопливо сочиненныхъ и «съ легкимъ сердцемъ» пущенныхъ въ дѣло; 3) въ связи съ этимъ понадобилось чрезмѣрное увеличеніе числа агентовъ финансоваго вѣдомства; какъ кабинетный мыслитель, Н. Х. Бунге придавалъ слишкомъ большое значеніе теоретической разработкѣ своихъ проектовъ и недостаточно считался съ экономическими и другими противорѣчіями, которыми столь богата русская жизнь; 4) въ ближайшіе сотрудники свои онъ не всегда избиралъ такихъ людей, которые могли бы быть названы выдающимися дѣятелями по ввѣренной имъ отрасли управленія... Разсмотримъ каждый изъ этихъ пунктовъ отдѣльно.

Главнымъ *принципіальнымъ* вопросомъ, находившимся на очереди въ моментъ призыва Н. Х. Бунге къ управленію министерствомъ финансовъ, было уничтоженіе стариннаго различія между податными и не податными сословіями, внесеніе въ нашу финансовую систему начала равенства передъ закономъ (принимаемаго, конечно, не въ смыслѣ строго-математической пропорціональности обложенія). Этотъ вопросъ былъ выдвинутъ на сцену еще въ началѣ прошлаго царствованія, приближенъ къ зрѣлости земскимъ опросомъ 1871 г., опять оттѣсненъ назадъ и, наконецъ, поставленъ ребромъ въ эпоху «новыхъ вѣяній». Иниціатива въ его разрѣшеніи не была, слѣдовательно, заслугой Н. Х. Бунге — но бывшій министръ перешелъ, наконецъ, отъ проектовъ и предположеній къ дѣйствительному исполненію. «Преобразованіе прямыхъ податей»—читаемъ мы въ послѣднемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ Н. Х. Бунге,—вмѣстѣ съ отмѣной подушной подати и съ обращеніемъ оброчной подати

въ выкупные платежи, въ настоящее время можно считать законченнымъ. Платежи крестьянъ, какъ бывшихъ помѣщичьихъ, такъ и государственныхъ, приведены въ возможное соотвѣтствіе и ограничены сорокачетырехлѣтнимъ срокомъ. Этимъ устраняется и финансовый поводъ къ сословной розни въ будущемъ». Въ этихъ словахъ много справедливаго: въ одномъ отношеніи, по меньшей мѣрѣ, Н. Х. Бунге оставляетъ наши финансы не такими, какими онъ принялъ — не такими именно съ точки зрѣнія «принципіальной». Этого мало: бывшему министру финансовъ принадлежитъ честь постановки другого принципіальнаго вопроса—честь указанія пути, котораго должно держаться, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, наше финансовое законодательство. Этотъ путь—установленіе *подоходнаго налога*, т.-е. именно того способа обложенія, на которомъ настаиваютъ теперь лучшіе изъ числа противниковъ Н. Х. Бунге. «Если министерство финансовъ, — сказано въ всеподданнѣйшемъ докладѣ, при которомъ была представлена роспись на 1884 г., — не рѣшалось сразу проектировать общій подоходный налогъ, то это потому, что та же цѣль въ нѣкоторой степени могла быть достигнута съ меньшимъ потрясеніемъ существующихъ хозяйственныхъ отношеній, и притомъ не откладывая преобразованія податей до учрежденія уѣзднаго податного управленія». Въ свое время мы возражали противъ излишней медлительности, излишней осмотрительности министерства финансовъ; разбирая всеподданнѣйшіе доклады по росписямъ на 1885 и 1886 г., мы сожалѣли о томъ, что въ нихъ не упоминается болѣе о подоходномъ налогѣ, — но вопросъ не разрѣшенный остается все-таки вопросомъ поставленнымъ, и остается имъ благодаря бывшему министру финансовъ. Только въ будущемъ, не слишкомъ еще близкомъ, можно будетъ опредѣлить и взвѣсить силу противодѣйствія, встрѣченнаго у насъ самою мыслью о подоходномъ налогѣ. Она идетъ въ разрѣзъ съ преданіями, имѣющими за собою вѣковую давность, съ интересами, только-что потерявшими свое привилегированное положеніе. Удивляться слѣдуетъ не тому, что въ какія-нибудь пять-шесть лѣтъ русскому министру финансовъ не удалось ввести общій подоходный налогъ, а скорѣе тому, что ему удалось сдѣлать нѣсколько шаговъ къ этой цѣли.

Мы соприкасаемся здѣсь со вторымъ упрекомъ, обращеннымъ къ Н. Х. Бунге. Изъ числа «дробныхъ, мелкихъ, част-

ныхъ» налоговъ, установленныхъ въ 1881—86 г. [1]), нѣкоторые имѣютъ свою raison d'être именно въ качествѣ переходныхъ мѣръ, подготовляющихъ введеніе общаго подоходнаго налога. Сюда относится налогъ на доходъ съ процентныхъ бумагъ, процентный и раскладочный сборъ съ промышленныхъ предпріятій, отчасти и налогъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами. Министерству финансовъ предстояла тогда дилемма: или привлечь къ обложенію часть ускользавшихъ отъ него доходовъ и имуществъ, или оставить все по-старому, впредь до коренной реформы, осуществленіе которой встрѣтитъ не легко и не скоро преодолимыя преграды. Осуждать ли его за то, что оно предпочло первый выходъ второму? Безъ сомнѣнія—нѣтъ. Говорятъ о неудобствахъ, сопряженныхъ съ принятыми у насъ суррогатами подоходнаго налога. Допустимъ, что эти неудобства дѣйствительно существуютъ (хотя по отношенію къ налогу на процентныя бумаги мы ихъ рѣшительно не видимъ); во всякомъ случаѣ они не такъ велики, чтобы перевѣшивать выгоду почина, логическимъ результатомъ котораго является установленіе общаго подоходнаго налога. Способствовать скорѣйшему достиженію этого результата должны самые недостатки частнаго обложенія. Чѣмъ больше отдѣльныхъ видовъ дохода привлечено къ платежу налога, тѣмъ живѣе должна чувствоваться потребность въ единствѣ, какъ съ точки зрѣнія справедливости, нарушаемой произвольнымъ освобожденіемъ однихъ и обремененіемъ другихъ, такъ и съ точки зрѣнія практической пользы, требующей возможно бо́льшаго утилизированія вновь созданныхъ учрежденій. Конечно, если бы намъ было доказано, что министерство финансовъ имѣло полную возможность установить сразу, на правильныхъ основаніяхъ, общій подоходный налогъ, но предпочло удовольствоваться палліативами и полу-мѣрами, мы присоединились бы къ мнѣнію, противъ котораго теперь возражаемъ; но мы убѣждены, что такой возможности не существовало. Припомнимъ, откуда

[1]) Необходимо замѣтить, что критики финансоваго управленія ставятъ иногда на его счетъ такія мѣры, въ которыхъ оно отнюдь неповинно. Такъ, напримѣръ, въ одной газетной статьѣ къ числу мелкихъ налоговъ, установленныхъ при Н. Х. Бунге, отнесены налоги съ страховыхъ полисовъ и на ѣзду по желѣзнымъ дорогамъ, между тѣмъ какъ и тотъ, и другой установлены вслѣдъ за окончаніемъ послѣдней войны, при С. А. Грейгѣ.

шла оппозиція противъ налога на наслѣдства, сколько неудовольствія вызвалъ раскладочный сборъ, кто и какъ ратовалъ противъ налога на процентныя бумаги — и мы поймемъ, что попытка разсѣчь Гордіевъ узелъ, сдѣланная раньше попытокъ развязать его, была бы совершенно неосуществима. Теперь дорога открыта, главныя препятствія устранены; дѣло, начатое бывшимъ министромъ, сравнительно легко можетъ быть окончено его преемникомъ. Это не значитъ еще, чтобы подоходнымъ налогомъ сразу могли быть замѣнены всѣ остальные или хотя бы всѣ косвенные налоги. Безусловное единство налога остается, покамѣсть, мечтой, нигдѣ еще не перешедшей въ дѣйствительность — и несправедливо было бы *требовать*, чтобы первый примѣръ такого перехода былъ поданъ Россіей. На этомъ не настаиваютъ даже столь убѣжденные защитники подоходнаго налога, какъ, напримѣръ, авторъ новѣйшаго изслѣдованія о немъ, г. Свирщевскій. *Геніальный* финансистъ съумѣлъ бы, быть можетъ, обойтись безъ всякихъ переходныхъ мѣръ, прямо доставить торжество единому подоходному налогу — но геніальность ни для кого не обязательна, ея критерій неприложимъ къ громадному большинству государственныхъ людей.

Въ тѣсной связи съ установленіемъ «дробныхъ, частныхъ» налоговъ стоитъ—по словамъ критиковъ, которымъ мы возражаемъ — чрезмѣрное увеличеніе числа агентовъ финансоваго управленія. Перечень новыхъ должностей, приводимый въ доказательство этого тезиса, обнимаетъ собою и фабричныхъ инспекторовъ, и служащихъ въ дворянскомъ и крестьянскомъ земельныхъ банкахъ. Очевидно, что ни тѣ, ни другіе не имѣютъ ничего общаго съ измѣненіями въ податной системѣ. Учрежденіе фабричной инспекціи и обоихъ названныхъ нами банковъ—мѣры совершенно иной категоріи, совершенно иного порядка. Можно возставать противъ нихъ, можно находить ту или другую излишней, непрактичной, даже вредной—но нельзя удивляться тому, что новыя отрасли дѣятельности потребовали и новыхъ должностныхъ лицъ, нельзя смѣшивать чисто фискальныя функціи министерства финансовъ съ обязанностями, возлагаемыми на него государственнымъ вмѣшательствомъ въ экономическую жизнь, правительственною охраной той или другой общественной группы. Единственною новою должностью, созданною вслѣдствіе *фискальныхъ* преобразованій, остается, за-

тѣмъ, должность податного инспектора (податныя присутствія увеличили собою число смѣшанныхъ коллегій, которыхъ безъ того такъ много въ нашемъ уѣздномъ и губернскомъ управленіи, но не потребовали новыхъ штатовъ, никого не прибавили къ существующей арміи чиновниковъ). Эту должность признаютъ ненужной, пріурочивая ее единственно къ одному, «микроскопическому» сбору (процентному и раскладочному). На самомъ дѣлѣ это не такъ; податные инспектора завѣдываютъ теперь уже всѣми торговыми сборами, а также прямыми податями и нѣкоторыми пошлинами. По удостовѣренію всеподданнѣйшаго доклада, всѣ расходы по податной инспекціи, въ первый годъ послѣ ея учрежденія, окупились *слишкомъ въ два раза* однимъ лишь болѣе правильнымъ поступленіемъ торговыхъ сборовъ. Еще важнѣе то, что учрежденіе податной инспекціи служитъ необходимой предпосылкой къ установленію общаго подоходнаго налога, устраняя собою одинъ изъ главныхъ аргументовъ противъ его введенія. Мы видѣли уже, что въ всеподданнѣйшемъ докладѣ, при которомъ представлена была государственная роспись на 1884 г., отсрочка въ установленіи подоходнаго налога мотивировалась именно отсутствіемъ уѣзднаго податного управленія. Теперь управленіе это существуетъ, и ничто не мѣшаетъ возложить на него новую, существенно-важную задачу, послѣ чего немыслимо уже будетъ говорить о его безполезности. Если главная цѣль учрежденія податныхъ инспекторовъ останется недостигнутою, виноватъ въ этомъ будетъ не Н. Х. Бунге, несомнѣнно имѣвшій ее въ виду при созданіи податной инспекціи. Скажемъ болѣе: если въ ближайшемъ будущемъ и не будетъ введенъ общій подоходный налогъ, податные инспектора все-таки могутъ сослужить большую службу, изучая податную платежеспособность народа, раскрывая случаи крайняго ея напряженія и оказывая массѣ, въ средѣ уѣзднаго управленія, ту защиту, въ которой она скоро, можетъ быть, болѣе чѣмъ когда-либо будетъ нуждаться. Само собою разумѣется, что для этого необходима неприкосновенность преданій, завѣщанныхъ новому министру финансовъ его предшественникомъ.

Отличительной чертой «кабинетнаго мыслителя», внезапно перенесеннаго изъ области науки въ область государственнаго управленія и сохраняющаго здѣсь не только прежніе взгляды, но и прежніе пріемы, бываетъ, обыкновенно, нѣкоторая «прямо-

линейность», мало расположенная считаться съ мѣстными и временными условіями. Въ образѣ дѣйствій Н. Х. Бунге мы такой прямолинейности не видимъ; его скорѣе можно упрекнуть въ уступчивости, въ недостаткѣ настойчивости и въ нерѣшительности. Не въ этомъ ли, напримѣръ, слѣдуетъ искать разгадку полу-исполненія, а затѣмъ и неисполненія указа 1 января 1881 г.? Не этимъ ли объясняется остановка на полъ-дорогѣ въ дѣлѣ введенія подоходнаго налога, въ дѣлѣ установленія правительственнаго контроля надъ частными банками? Какъ бы то ни было, доктринерство не было слабой стороной бывшаго министра. Онъ не пренебрегалъ, конечно, указаніями теоріи, науки; но осуждать его за это было бы болѣе чѣмъ странно. Не думаемъ также, чтобы его можно было упрекнуть въ неумѣньи выбирать сотрудниковъ. Не касаясь личныхъ вопросовъ, обсужденіе которыхъ было бы теперь и преждевременно, и неудобно, напомнимъ только выборъ агентовъ фабричной инспекціи, замѣчательно свободный отъ канцелярской рутины. Едва-ли развилась бы столь широко, столь успѣшно и дѣятельность крестьянскаго поземельнаго банка, если бы управленіе имъ было организовано на основаніи заурядныхъ бюрократическихъ традицій... Мы далеки, конечно, отъ мысли отстаивать всѣ назначенія, сдѣланныя Н. Х. Бунге; мы утверждаемъ лишь, что здѣсь, какъ и во всемъ другомъ, дѣятельность бывшаго министра финансовъ стоитъ не ниже, а гораздо выше средняго уровня.

Мы пишемъ не панегирикъ Н. Х. Бунге; мы стараемся только показать его систему въ истинномъ свѣтѣ, ничего не скрывая и ничего не искажая. Какъ прежде, такъ и теперь, мы считаемъ неправильною его таможенную политику, сдѣлавшую столько уступокъ протекціонизму и все-таки не достигшую оживленія русской промышленности; мы считаемъ совершенно неудачной питейную реформу 1885 г., во многомъ, правда, не упадающую на отвѣтственность Н. Х. Бунге, но имъ, во всякомъ случаѣ, подготовленную и отъ него получившую главныя свои черты; мы признаемъ ошибочность мѣръ, проектированныхъ имъ по предмету сахарной нормировки и сліянія общества взаимнаго поземельнаго кредита съ дворянскимъ земельнымъ банкомъ. Всѣ эти частныя погрѣшности выкупаются, въ нашихъ глазахъ, общимъ направленіемъ, котораго держался Н. Х. Бунге. Пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣна подуш-

ной подати, привлеченіе достаточныхъ классовъ къ участію въ податномъ бремени, учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка, регламентація, въ интересахъ рабочихъ, фабричной работы — все это составляетъ одно цѣлое, проникнутое одной мыслью, однимъ духомъ. Такой совокупности мѣръ, внушенныхъ заботливостью о народномъ благѣ, напрасно было бы искать въ дѣятельности другого русскаго министра финансовъ. Не даромъ же Н. Х. Бунге пріобрѣлъ столько враговъ, непримиримыхъ и ожесточенныхъ; они ненавидѣли въ немъ не министра, безсильнаго возстановить бюджетное равновѣсіе и положить конецъ экономическому кризису, а государственнаго человѣка, неспособнаго жертвовать интересами массы въ пользу интересовъ привилегированнаго меньшинства. Въ высшей степени поучительнымъ остается отношеніе Н. Х. Бунге къ тенденціознымъ его противникамъ; подобно двумъ другимъ выдающимся дѣятелямъ послѣдняго времени (гр. Д. А. Милютину и кн. А. М Горчакову), онъ не имѣлъ другого отвѣта на ложь, на оскорбленія, на клевету, кромѣ молчанія или спокойнаго возстановленія истины.

Говорить о преемникѣ Н. Х. Бунге теперь не время; мы можемъ только сослаться на то, что было сказано нами по поводу его назначенія членомъ Государственнаго Совѣта [1]).

---

[1]) См. выше, № XXV.

XXIX.

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ [1]).

Есть люди, всю жизнь остающіеся вѣрными однажды избранному пути, непрерывно служащіе одной и той же идеѣ; есть другіе, много разъ мѣнявшіе свое знамя. Безусловнаго преимущества надъ послѣдними первые не имѣютъ; нѣтъ ничего постыднаго въ сознаніи ошибки, въ постепенномъ или даже внезапномъ переходѣ отъ одного образа мыслей къ другому, лишь бы только въ основаніи перехода лежало убѣжденіе, чуждое разсчета. Между политическими и литературными дѣятелями, сжегшими то, чему поклонялись, и поклонившимися тому, что сжигали, насчитываются такія звѣзды первой величины, какъ Гладстонъ, В. Гюго, какъ нашъ Бѣлинскій. Неудивительно и то, что неофитъ извѣстнаго ученія часто оказывается болѣе ревностнымъ, болѣе пламеннымъ его защитникомъ, чѣмъ давнишній его приверженецъ, никогда не молившійся другимъ богамъ. Кто отрѣшился, bona fide, отъ своихъ прежнихъ идеаловъ, тотъ потерялъ, въ большинствѣ случаевъ, способность относиться къ нимъ спокойно и безпристрастно; доказавъ ихъ несостоятельность самому себѣ, онъ невольно стремится доказать ее другимъ—и чѣмъ тяжелѣе была внутренняя борьба, предшествовавшая разрыву съ старымъ, тѣмъ больше страсти вносится въ защиту новаго. Попытка самооправданія почти неизбѣжно принимаетъ характеръ пропаганды. Одно только, какъ намъ кажется, обязательно для каждаго, перешедшаго справа налѣво или слѣва направо: это—терпимость къ своимъ

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1887 г., сентябрь, общественная хроника.

прежнимъ единомышленникамъ, готовность вѣрить въ ихъ добросовѣстность и честность. Въ самомъ дѣлѣ, кто принадлежалъ однажды, и принадлежалъ всей душой, къ извѣстной партіи или группѣ, кто однажды держался извѣстныхъ мнѣній, тотъ не можетъ настолько забыть свое прошлое, чтобы отрицать возможность искренней вѣры въ эти мнѣнія, искренней преданности цѣлямъ, преслѣдуемымъ этою группой. Онъ долженъ знать, что въ покинутомъ имъ лагерѣ есть правдивые, убѣжденные люди; онъ можетъ считать ихъ заблуждающимися, но не имѣетъ права обвинять ихъ всѣхъ поголовно въ преступномъ упорствѣ, въ сознательномъ игнорированіи истины. Онъ долженъ помнить, при какихъ обстоятельствахъ начался и продолжался процессъ, отдаливший его отъ прежнихъ убѣжденій— и долженъ понимать, что не для всѣхъ наступаетъ, не на всѣхъ одинаково дѣйствуетъ такое стеченіе обстоятельствъ.

Ничего подобнаго не хотѣлъ знать покойный редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей». Исторія его метаморфозы не написана еще никѣмъ, да едва-ли и можетъ быть написана въ ближайшемъ будущемъ: она слишкомъ тѣсно связана съ такимъ моментомъ нашей общественной жизни, который еще недостаточно отошелъ въ прошедшее. Допустимъ, однако, что, переставая быть либераломъ и сторонникомъ западно-европейскихъ порядковъ, Катковъ руководствовался исключительно самыми лучшими побужденіями; тяжелымъ упрекомъ его памяти во всякомъ случаѣ остается та роль, которую онъ игралъ съ тѣхъ поръ по отношенію къ своимъ прежнимъ вѣрованіямъ, къ своимъ прежнимъ союзникамъ. Позади его лежали не юношескія увлеченія, не мимолетныя вспышки. Основывая «Русскій Вѣстникъ», онъ былъ человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ, очень хорошо сознававшимъ, чего онъ желаетъ и къ чему стремится. Этимъ желаніямъ и стремленіямъ онъ былъ вѣренъ болѣе пяти лѣтъ, настойчиво и успѣшно распространяя ихъ въ средѣ русскаго общества. Событія могли переубѣдить его, могли привести его къ заключенію, что онъ ошибался въ выборѣ пути, даже въ выборѣ цѣли; но ему не слѣдовало упускать изъ виду, что на другихъ тѣ же самыя событія могли подѣйствовать совершенно иначе. Онъ измѣнился самъ—и этого было довольно, чтобы *требовать* отъ всѣхъ такой же перемѣны. Уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ врагами отечества и государства оказываются даже тѣ, кто занимаетъ позицію, только-что оставленную Кат-

ковымъ. «С.-Петербургскія Вѣдомости», подъ редакціей В. Ѳ. Корша, не шли ни на одинъ шагъ дальше, чѣмъ «Русскій Вѣстникъ» конца пятидесятыхъ годовъ—а между тѣмъ онѣ сразу навлекаютъ на себя со стороны «Московскихъ Вѣдомостей» [1]) обвиненія самаго рѣзкаго свойства. Подъ ударами московской газеты погибаетъ, весной 1863 г., такой журналъ, какъ «Время», за такую статью, какъ «Роковой вопросъ» г. Страхова. Съ тѣхъ поръ обвинительное усердіе Каткова уже не оскудѣваетъ, постоянно взывая къ репрессіи, постоянно вторгаясь въ сферу дѣйствій полицейской и карательной власти. Нельзя не вспомнить, по этому поводу, о покойномъ редакторѣ «Руси». Никогда не отступавшій отъ своей наслѣдственной доктрины, съ самаго начала до самаго конца безповоротно остававшійся правовѣрнымъ славянофиломъ, Аксаковъ имѣлъ гораздо больше правъ на исключительность и нетерпимость—и далеко не былъ отъ нихъ свободенъ; но онъ весьма рѣдко доводилъ ихъ до крайностей, на каждомъ шагу встрѣчающихся у Каткова. Заподозриваніе противниковъ пускалось въ ходъ и Аксаковымъ, но только въ критическіе моменты, когда онъ терялъ самообладаніе и чувство мѣры; въ рукахъ Каткова оно было орудіемъ будничнымъ, заурядньмъ. Аксаковъ могъ думать, что истина одна для всѣхъ и для всѣхъ очевидна, потому что онъ всегда считалъ за истину одно и то же; для Каткова правда пятидесятыхъ годовъ была неправдой въ шестидесятыхъ—и все-таки онъ хотѣлъ, чтобы *его* новая правда тотчасъ же стала правдой для всѣхъ и каждаго... За главнымъ поворотомъ въ образѣ мыслей Каткова послѣдовалъ цѣлый рядъ второстепенныхъ—второстепенныхъ по важности, но отнюдь не по стремительности и рѣзкости. Изъ рядовъ фритредеровъ онъ переходилъ въ ряды протекціонистовъ, изъ защитниковъ суда присяжныхъ и земскаго самоуправленія становился панегиристомъ старыхъ судейскихъ и административныхъ порядковъ; сегодня онъ отстаивалъ союзъ съ Германіей, завтра—сближеніе съ Франціей. Въ этомъ послѣднемъ фазисѣ внѣшней политики его застигла смерть; отсюда странное зрѣлище французовъ, преклоняющихся передъ памятью Каткова—французовъ, которыхъ еще такъ недавно система-

---

[1]) Переходъ «Московскихъ Вѣдомостей» подъ редакцію Каткова совершился въ одно время съ переходомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» подъ редакцію Корша, т.-е. 1-го января 1863 г.

тически топталъ въ грязь «Русскій Вѣстникъ». Само собою разумѣется, что въ основаніи этого недоразумѣнія лежало просто недостаточное знакомство съ дѣятельностью Каткова. Теперь серьезные органы французской печати—напр. «Journal des Débats»—говорятъ о немъ уже совершенно иначе.

Не будучи дѣломъ убѣжденія, незыблемаго въ своихъ основахъ и неизмѣнно равнаго самому себѣ, нетерпимость Каткова была не чѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ властолюбивой натуры, не выносящей спора и противорѣчій. Стремленіе уничтожить противника было свойственно редактору «Русскаго Вѣстника» даже въ лучшее время его дѣятельности; припомнимъ, напримѣръ, знаменитую въ свое время травлю профессора Крылова или заявленіе о книгѣ Гнейста, пропавшей изъ редакціоннаго кабинета... Параллельно съ вліяніемъ обвинителя возрастало и значеніе обвиняемыхъ. Жертвой обвиненій становились, рядомъ съ отдѣльными лицами, цѣлыя народности, цѣлыя корпораціи, цѣлыя учрежденія. *Прочь съ дороги!*—таковъ былъ, особенно въ послѣднее время, девизъ «Московскихъ Вѣдомостей». Не раздѣляло ихъ программы какое-либо періодическое изданіе — оно провозглашалось опаснымъ и зловреднымъ; не нравился имъ государственный человѣкъ, виновный только въ томъ, что продолжалъ вѣрить кое-чему изъ прежней ихъ доктрины—ему приписывались тенденціи, несогласныя съ намѣреніями правительственной власти; замедлялось разсмотрѣніе одобренныхъ имъ проектовъ—это объяснялось происками *партіи*, стремленіемъ къ парламентаризму. Это была настоящая мономанія, непрерывно выбрасывавшая цѣлый потокъ инсинуацій, подозрѣній, обвинительныхъ пунктовъ. Старинное «слово и дѣло» вышло изъ своей могилы и стало ходить по улицамъ Москвы, выкликаемое газетными листами. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ имя Каткова занимало одно изъ первыхъ мѣстъ въ спискѣ «подозрительныхъ людей», составленномъ по распоряженію графа Закревскаго; четверть вѣка спустя такой же списокъ ведется газетой, во главѣ которой стоитъ Катковъ. Нельзя сказать, чтобы превращеніе изъ преслѣдуемаго въ преслѣдователя было большою рѣдкостью—но почетнымъ для превратившагося оно ни въ какомъ случаѣ названо быть не можетъ.

Во имя чего, однако, Катковъ выступалъ обвинителемъ и

судьею. въ чемъ заключалась *положительная* подкладка его нетерпимости? Въ первое время его журнальной дѣятельности его программа была довольно опредѣленна—опредѣленна и въ томъ, противъ чего онъ боролся, и въ томъ, чего онъ домогался. Позже, начиная съ половины шестидесятыхъ годовъ, разрушительная сторона борьбы явно беретъ верхъ надъ стороною созиданія. Совершенно правы тѣ, кто называетъ Каткова отрицателемъ по преимуществу. А между тѣмъ, единственнымъ возможнымъ извиненіемъ нетерпимости служитъ именно творческая идея. Только она можетъ оправдать, до извѣстной степени, страстное отношеніе къ препятствіямъ, встрѣчаемымъ на ея пути, горячую вражду къ лицамъ, противодѣйствующимъ ея успѣху; только она можетъ примирить, хотя отчасти, съ односторонностью и упорствомъ, возведенными въ систему. Такой творческой идеи у Каткова не было вовсе. Не былъ ею его взглядъ на русскій государственный строй, не только потому, что въ этомъ взглядѣ нѣтъ ничего новаго, но и потому, что его значеніе — чисто формальное. Единство государства, единство и всемогущество управляющей имъ воли, безусловная подчиненность органовъ управленія—все это совмѣстимо съ самымъ разнороднымъ содержаніемъ, съ самыми различными задачами государственной дѣятельности. Одна и та же власть можетъ сосредоточить свою заботливость на внѣшнемъ могуществѣ народа—или на внутреннемъ его ростѣ, на матеріальномъ его благосостояніи—или на умственномъ его развитіи, на интересѣ всѣхъ — или на интересѣ немногихъ. Недостаточно, слѣдовательно, провозгласить извѣстный тезисъ государственнаго права; нужно еще показать отношеніе этого тезиса къ народной жизни, нужно одухотворить мертвую формулу и примѣнить ее къ дѣйствительности, къ данной минутѣ. Здѣсь-то и обнаруживается громадный пробѣлъ, для пополненія котораго напрасно было бы искать матеріала въ передовыхъ статьяхъ «Московскихъ Вѣдомостей». Что̀ подлежитъ устраненію, ломкѣ, изувѣченію—это онѣ намъ скажутъ; что̀ должно быть поставлено на мѣсто уничтожаемаго—это почти всегда остается въ туманѣ. Слѣдуетъ упразднить судъ присяжныхъ—но слѣдуетъ ли возвратиться къ старымъ формамъ судопроизводства? Слѣдуетъ положить конецъ земскому и городскому самоуправленію—но какія функціи его должны быть сохранены и кому онѣ должны быть переданы? Слѣдуетъ усилить мѣстную администрацію —

но какъ это сдѣлать, какое установить отношеніе между властью судебной и административной, какую роль отвести сословному элементу? Особенно замѣтны недомолвки, свойственныя «Московскимъ Вѣдомостямъ» и обусловливаемыя перевѣсомъ отрицанія надъ творчествомъ, именно по вопросу административной реформы. Онъ стоитъ на очереди уже болѣе пяти лѣтъ, его важность признается и даже преувеличивается представителями тѣхъ мнѣній, выраженіемъ которыхъ служили «Московскія Вѣдомости»—и все-таки Катковъ сошелъ въ могилу, не договорившись здѣсь ни до чего опредѣленнаго. Какъ смотрѣлъ Катковъ на будущность общиннаго владѣнія—этого главнаго яблока раздора между нашими экономистами и публицистами? Какъ относился онъ къ крестьянскимъ переселеніямъ, къ участію въ нихъ государственной власти? Такихъ вопросовъ можно было бы сдѣлать еще много—и наоборотъ, весьма мало найдется пунктовъ, по которымъ взгляды покойнаго писателя обрисовались бы такъ рельефно, какъ по организаціи гимназій или университетовъ. И у Аксакова не все освѣщено одинаково яркимъ свѣтомъ, и онъ во многомъ какъ бы не отдавалъ яснаго отчета самому себѣ: но какъ велика, все-таки, и въ этомъ отношеніи разница между Аксаковымъ и Катковымъ! У перваго несомнѣнно былъ запасъ идей, могущихъ служить источникомъ истиннаго воодушевленія. Онъ увлекался самъ и увлекалъ другихъ не однѣми только громкими фразами о самобытности русскаго народа, о его великомъ прошедшемъ и еще болѣе великомъ будущемъ. Онъ стоялъ за бытовыя черты, дѣйствительно составляющія народное богатство; онъ защищалъ свободу совѣсти, свободу печатнаго слова; онъ помнилъ, что̀ такое старый судъ и старая администрація, и не хотѣлъ возврата къ до-реформенной эпохѣ. Онъ обращался не къ одному только страху и меньше всего разсчитывалъ на принужденіе.

Если Катковъ былъ преимущественно отрицателемъ, то это еще не значитъ, чтобы въ отрицаніи заключалась его сила. Отрицаніе могущественно только тогда, когда оно подкапывается подъ самыя основанія отрицаемаго, когда оно раскрываетъ противорѣчіе между идеей и ея осуществленіемъ, между дѣйствительностью и идеаломъ. Не таково было, бо̀льшею частью, отрицаніе Каткова. Онъ исходилъ почти всегда отъ какого-нибудь отдѣльнаго случая, отъ какого-нибудь частнаго недостатка—и строилъ на немъ общій выводъ, заранѣе пред-

взятый. Постановятъ ли присяжные оправдательный приговоръ, когда, по мнѣнію газеты, подсудимый былъ виновенъ и заслуживалъ наказанія—этотъ приговоръ становится орудіемъ противъ цѣлой системы, доказательствомъ нецѣлесообразности и непригодности цѣлаго учрежденія. Обнаружится ли гдѣ-нибудь растрата земскихъ или городскихъ суммъ, отличится ли какое-нибудь земское собраніе или городская дума непониманіемъ своихъ обязанностей, стремленіемъ выйти за предѣлы своего права—по этому поводу пишется обвинительный актъ противъ всего земскаго или городового положенія. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что будущій историкъ «Московскихъ Вѣдомостей» будетъ пораженъ однообразіемъ, скудостью ихъ содержанія. Ему придется встрѣчаться съ безконечнымъ рядомъ однородныхъ, почти тождественныхъ нападеній, въ которыхъ измѣняется только фактическая подкладка, но отнюдь не аргументація. Сегодня—дѣло Пейчъ или Островлевой, завтра—дѣло волчанскаго исправника или Мельницкихъ; сегодня—крушеніе скопинскаго или орловскаго банка, завтра—исторія московскихъ водопроводовъ—но всегда и вездѣ длинная канитель фактиковъ и фактовъ, заключаемая обычнымъ ceterum censeo: да погибнетъ «судебная республика» и «земское самоуправство». Съ помощью такого пріема можно доказать все, что̀ угодно. Нѣтъ учрежденія, которое бы не ошибалось, нѣтъ власти, которая бы не употреблялась во зло—нѣтъ, слѣдовательно, ни учрежденія, ни власти, къ которымъ была бы непримѣнима критика по шаблону «Московскихъ Вѣдомостей». Всякому судебному порядку могутъ быть противопоставлены явно-неправильные приговоры, всякой формѣ общественнаго хозяйства — явныя нарушенія общественнаго интереса. Правда, у Каткова есть еще одинъ критерій для оцѣнки учрежденій: сличеніе ихъ съ основными началами русскаго государственнаго строя. Пользованіе этимъ критеріемъ заключено, однако, въ довольно тѣсныя границы, да и здѣсь онъ служитъ плохой гарантіей противъ ошибокъ. Онъ не обнимаетъ собою всѣхъ сторонъ вопроса — не говоритъ, напримѣръ, ни въ пользу, ни противъ гласности суда или состязательной формы процесса; онъ допускаетъ возможность противоположныхъ рѣшеній, въ подтвержденіе которыхъ не трудно привести и теоретическіе мотивы, и историческія данныя. Такъ напримѣръ, исторія Пруссіи въ XVIII-мъ и первой половинѣ XIX-го вѣка доказываетъ совмѣстимость

самостоятельнаго суда и неограниченной монархіи, мѣстнаго самоуправленія и строгой централизаціи—доказываетъ все это съ убѣдительностью, перевѣшивающею тысячи софизмовъ. Критика Каткова стоитъ, такимъ образомъ, развѣ немногимъ выше его положительнаго ученія; его отрицаніе не только безплодно—оно безсильно. Оно можетъ угрожать фактическому существованію отрицаемаго, но не можетъ поколебать его внутренней raison d'être; оно даетъ только предлогъ, но не разумный поводъ къ разрушительной работѣ, къ «преобразованіямъ наоборотъ».

Какова бы ни была критика, какова бы ни была доктрина проповѣдника, многолѣтняя и безспорно талантливая проповѣдь не можетъ не создать, въ средѣ слушателей, извѣстнаго настроенія, не можетъ не распространить между ними извѣстной суммы чувствъ и взглядовъ. Въ чемъ же заключается настроеніе, вызванное «Московскими Вѣдомостями»? Способствуетъ ли оно уваженію къ закону и законности, столь мало еще свойственному русскимъ людямъ? Наоборотъ; съ точки зрѣнія Каткова, въ Россіи нѣтъ и не должно быть закона, который не могъ бы быть, въ каждую данную минуту, отложенъ въ сторону, нѣтъ общаго правила, изъ котораго не могло бы быть допущено сколько угодно и какихъ угодно исключеній. А уваженіе къ судебному рѣшенію—этотъ respect de la chose jugée, могущій служить мѣриломъ умственной культуры? И его Катковъ подрывалъ въ самомъ корнѣ, когда возставалъ противъ безапелляціонныхъ судебныхъ рѣшеній, противъ безусловной силы послѣдняго судебнаго слова. А уваженіе къ чужому мнѣнію, къ самостоятельной мысли, къ искреннему ея выраженію? Искусственное единодушіе, вынужденное согласіе, организованное лицемѣріе—вотъ чего хотѣлъ Катковъ, подводя подъ эту норму даже высшее совѣщательное учрежденіе имперіи. Неодобреніе проекта, составленнаго министромъ (конечно, если министръ принадлежалъ къ числу сочувственныхъ Каткову), выставлялось тенденціозной оппозиціей, хотя бы оно исходило именно отъ тѣхъ, кто призванъ къ всесторонней повѣркѣ министерскихъ предначертаній. Не трудно представить себѣ, какая доля свободы оставлялась, затѣмъ, на долю обыкновенныхъ смертныхъ... Равенство передъ закономъ отрицалось во всѣхъ его видахъ. Отъ судебной власти требовалось особенное вниманіе къ лицамъ, входящимъ въ составъ «порядочнаго общества»;

финансовое управленіе порицалось за отмѣну подушной подати, за введеніе налога на процентныя бумаги. Вмѣшательство правительства въ экономическую жизнь являлось зломъ, когда оно было направлено въ пользу массы (учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка), благомъ—когда оно имѣло въ виду интересы привилегированнаго меньшинства (учрежденіе дворянскаго земельнаго банка, льготный кредитъ для землевладѣльцевъ и хлѣботорговцевъ). Право на помощь со стороны государства признавалось даже за разорившимися вкладчиками скопинскаго банка — и если бы «Московскимъ Вѣдомостямъ» удалось настоять на своемъ, изъ народной мошны было бы взято нѣсколько милліоновъ на покрытіе убытковъ, понесенныхъ любителями высокаго процента. Вѣнцомъ настроенія является вражда къ реформамъ прошедшаго царствованія—да и къ позднѣйшимъ преобразованіямъ, насколько они были продолженіемъ прежнихъ, а не возвращеніемъ къ до-реформенному времени.

Величайшей заслугой Каткова считается обыкновенно отношеніе его къ вопросу объ окраинахъ. Сложилась цѣлая легенда, приписывающая ему честь удержанія царства польскаго за Россіей, честь расположенія западнаго края и предстоящаго разнѣмеченія прибалтійскихъ губерній. Какъ и всякая другая легенда, она не устоитъ передъ судомъ исторіи. Политика 1863-го года имѣетъ двѣ стороны и два источника. Насколько она была направлена къ охраненію неприкосновенности имперіи, она коренилась въ преданіи, въ совокупности прочно сложившихся воззрѣній, едва-ли испытавшихъ какое-либо колебаніе; насколько она была приспособлена къ интересамъ массы, насколько она имѣла въ виду сломить шляхетство, опираясь на крестьянство,—она находилась въ самой тѣсной связи съ эпохой реформъ, наступившей тогда для Россіи И въ томъ, и въ другомъ она была прежде всего и больше всего продуктомъ обстоятельствъ. Ее никто не внушалъ, никто не диктовалъ: она обусловливалась естественнымъ совпаденіемъ двухъ теченій — стараго и новаго, государственнаго и народнаго. Другое дѣло—подробности ея примѣненія; здѣсь можетъ идти рѣчь о личномъ вліяніи, между прочимъ — и о вліяніи Каткова. Въ чемъ же оно выразилось всего ярче, всего сильнѣе? «Московскія Вѣдомости»—этого мы не отрицаемъ—стояли, вмѣстѣ съ Милютинымъ, Самаринымъ и кн. Черкасскимъ, за возможно

лучшее обезпеченіе массы въ западномъ краѣ и царствѣ польскомъ, за поднятіе и укрѣпленіе мѣстнаго крестьянскаго элемента; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что онѣ держались совершенно иныхъ началъ по отношенію къ коренной Россіи. Двойственность въ политикѣ — явленіе слишкомъ ненормальное, чтобы быть продолжительнымъ. Примѣнять къ окраинамъ систему, признаваемую непригодною для центра, можно только до тѣхъ поръ, пока не закончилась открытая борьба, пока не миновала опасность; когда все вошло въ обычную колею, одно изъ двухъ несовмѣстимыхъ началъ непремѣнно должно восторжествовать надъ другимъ—и шансы побѣды принадлежатъ, безъ сомнѣнія, не тому изъ нихъ, которое было употребляемо лишь какъ оружіе во время боя. Такимъ именно оружіемъ служилъ, для «Московскихъ Вѣдомостей», крестьянскій вопросъ на западѣ Россіи—и если вторая половина шестидесятыхъ годовъ быстро отодвинула его на задній планъ, то доля отвѣтственности за это упадаетъ на газету, постоянно стоявшую за политику двухъ мѣръ и двухъ вѣсовъ. Остается. затѣмъ, проповѣдь обрусѣнія, непрерывно раздававшаяся съ трибуны Страстного бульвара. Считать ли ее заслугой или ошибкой—это вопросъ, каждымъ разрѣшаемый по-своему; нашъ отвѣтъ заранѣе извѣстенъ нашимъ читателямъ. Замѣтимъ только, что въ безчисленныхъ варіаціяхъ на главную тему московская газета обращалась, очевидно, не къ лучшимъ чувствамъ русскаго общества. Она сѣяла недовѣріе, раздраженіе, вражду — и жатва соотвѣтствовала посѣву. Чего стоютъ одни нападенія на украйнофильство, однѣ попытки заподозрить любовь къ родному нарѣчію, къ родному краю! Достаточно припомнить, что свободнымъ отъ этихъ подозрѣній не оставался даже такой человѣкъ, какъ Костомаровъ.

Говорятъ, что Катковъ много сдѣлалъ для русской печати, поднялъ ее на небывалую высоту, далъ ей небывалое значеніе. Болѣе ошибочнаго мнѣнія нельзя себѣ и представить. Поднять значеніе печати можетъ только свобода — свобода для всѣхъ равная, всѣмъ одинаково обезпеченная, а не привилегія откровенности, фактически предоставленная одной газетѣ. Свободѣ печати, даже самой умѣренной, Катковъ былъ безусловно враждебенъ—враждебенъ въ теоріи, признавая, что никакихъ правъ и гарантій для русской печати не нужно, что положеніе ея уже теперь не оставляетъ желать ничего луч-

шаго; враждебенъ на практикѣ, прямо обвиняя ненавистные ему газеты и журналы то въ сочувствіи анархистамъ, то въ потворствѣ иностраннымъ «интригамъ», то въ стремленіи къ «упраздненію правительства». Намъ могутъ указать на вниманіе, которымъ передовыя статьи «Московскихъ Вѣдомостей» часто пользовались за границей; но главнымъ источникомъ этого вниманія служило предположеніе, что «Московскія Вѣдомости» отражаютъ собою настроеніе высшихъ сферъ, бросаютъ, по извѣстному англійскому выраженію, «тѣнь грядущихъ событій». Нѣтъ, независимая русская печать не можетъ помянуть добромъ журналиста, предлагавшаго нѣчто въ родѣ монополіи печатнаго слова, возставшаго противъ порядка, при которомъ «ежедневно раздаются по всей странѣ голоса *неизвѣстныхъ правительству людей*». Логическій выводъ изъ такихъ положеній — обязательная оффиціозность всѣхъ газетъ и журналовъ. Послѣдователи Каткова и не останавливаются передъ этимъ выводомъ. «Мыслимо ли, — восклицаетъ одинъ изъ нихъ, въ виду возраженій, вызванныхъ новыми правилами о пріемѣ въ гимназіи,—мыслимо ли, чтобы въ Россіи были, такъ сказать, признаны нормальными два противоположныя теченія: одно—правительственное, въ видѣ принимаемыхъ мѣръ, а другое—газетное, въ видѣ толкованія и критикованія этихъ мѣръ, нерѣдко въ духѣ, совершенно противоположномъ намѣреніямъ и цѣлямъ правительственныхъ мѣропріятій?» Предлагается, поэтому, слѣдующее: передъ обнародованіемъ извѣстной мѣры сообщать органамъ печати ея мотивы, а затѣмъ *призывать* ихъ къ ея поддержкѣ и разъясненію, «въ ея простой и ясной практической пользѣ». А если ея польза неясна, если ясно, наоборотъ, что она далеко не полезна?.. Говорить противъ убѣжденія органы печати не были обязаны даже въ эпоху ея полнѣйшаго порабощенія. Самая мысль о чемъ-либо подобномъ могла возникнуть только теперь, подъ вліяніемъ идей, пущенныхъ въ ходъ «Московскими Вѣдомостями». И здѣсь, еще разъ, нельзя не вспомнить объ Аксаковѣ, никогда не переставшемъ стоять за истинную свободу слова.

Катковъ, какъ и Аксаковъ, не имѣлъ сотрудниковъ, сколько-нибудь къ нему близкихъ по вліянію и таланту; но если смерть Аксакова положила конецъ изданію «Руси», то это еще не значитъ, чтобы такова должна была быть и судьба «Московскихъ Вѣдомостей». Наслѣдовать Каткову гораздо легче, по двумъ при-

чинамъ. «Русь» имѣла положительные идеалы; она была одушевлена глубокой вѣрой, проникнута горячимъ чувствомъ, составлявшимъ главную ея силу. Продолжать изданіе «Руси» могъ только убѣжденный или, лучше сказать, вѣрующій славянофилъ, способный поддержать пламя, зажженное Аксаковымъ. Замѣнить увлеченіе резонерствомъ, образную рѣчь поэта трезвымъ словомъ критика или публициста—значило бы, можетъ быть, создать новый органъ печати, но не воскресить умершій. Славянофильство, вдобавокъ, сказало, съ Аксаковымъ, свое послѣднее слово; славянофиловъ чистой воды не было больше ни одного — оставались на-лицо только болѣе или менѣе славянофильствующіе эпигоны. Совсѣмъ другое дѣло— «Московскія Вѣдомости» подъ редакціей Каткова. Чуждыя энтузіазма, хладнокровныя даже въ минуты кажущагося восторга или гнѣва, онѣ говорили такимъ тономъ, которому легко подражать, проводили такія мнѣнія, которыя можно повторять usque ad infinitum. Борьба противъ реформъ, восхваленіе старыхъ порядковъ, подогрѣваніе старыхъ подозрѣній—все это не представляетъ никакихъ затрудненій, для всего этого всегда найдутся охотники, особенно въ наше время. Мы касаемся здѣсь второго различія между «Русью» и «Московскими Вѣдомостями». Во многомъ плывшая по теченію, «Русь» расходилась съ нимъ, однако, по нѣсколькимъ существенно важнымъ пунктамъ. Заявлять свое разногласіе и Аксакову не всегда было возможно; положеніе его преемника—если бы послѣдній захотѣлъ принять *все* наслѣдство, усвоить себѣ *всю* программу «Руси»,—было бы еще гораздо болѣе затруднительно. Что̀ сходило съ рукъ Аксакову (въ послѣдніе годы его дѣятельности), то не прошло бы даромъ «новому человѣку», поднявшему его знамя. Даже Аксаковъ, за два мѣсяца до смерти, навлекъ на себя оффиціальное обвиненіе въ недостаткѣ «истиннаго патріотизма»; чего же могъ ожидать «патріотъ» менѣе испытанный и менѣе извѣстный? Преемникамъ Каткова, наоборотъ, все благопріятствуетъ и ровно ничего не угрожаетъ; имъ остается только идти пробитой дорогой, удобной и гладкой, какъ паркетъ. Само собою разумѣется, что подражатели окажутся ниже своего образца; но, судя по началу, они во всякомъ случаѣ останутся вѣрными его духу и даже его пріемамъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить вылазку противъ Т. И. Фи-

липпова («Московскія Вѣдомости», № 209), позволившаго себѣ найти, что и на солнцѣ есть пятна.

Немедленно послѣ смерти Аксакова было предпринято—и теперь уже доведено до конца—изданіе всѣхъ его сочиненій; нужно надѣяться, что то же самое будетъ сдѣлано и по отношенію къ Каткову. Только тогда можно будетъ приступить къ всесторонней оцѣнкѣ дѣятельности, обнимающей собою болѣе трехъ десятилѣтій—и какихъ десятилѣтій! Само собою разумѣется, что для полноты картины статьямъ, помѣщеннымъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», должны быть предпосланы статьи, помѣщенныя въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856—62 г.г.

XXX.

«Кухаркины дѣти» [1]).

Съ весны нынѣшняго года въ обществѣ упорно держались слухи о предстоящемъ ограниченіи доступа въ среднія учебныя заведенія. Газеты извѣстнаго лагеря съ торжествомъ пускали въ оборотъ «радостную» вѣсть о готовящемся сокращеніи числа гимназій и прогимназій; оффиціальное опроверженіе этой вѣсти не мѣшало дальнѣйшимъ варіаціямъ на тему «всякъ сверчокъ знай свой шестокъ» или «не въ свои сани не садись». «Шестокомъ» или «санями», спеціально предназначенными для «низшаго рода людей», выставлялись будущія промышленныя школы; туда, по мысли ревнителей сословной замкнутости, должны были направиться всѣ тѣ, передъ которыми закроются двери гимназій и прогимназій. Промышленныя школы остаются, покамѣстъ, дѣломъ будущаго; проектъ организаціи промышленнаго образованія еще не утвержденъ, но пріемъ въ гимназіи уже регулированъ заново, регулированъ простымъ распоряженіемъ министерства народнаго просвѣщенія. Для насъ не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ вопросъ столь первостепенной важности могъ быть разрѣшенъ не въ законодательномъ порядкѣ. «Въ гимназіи и прогимназіи, — читаемъ мы въ ст. 23-й дѣйствующаго гимназическаго устава, — обучаются дѣти всѣхъ состояній, безъ различія званія и вѣроисповѣданія». Смыслъ этихъ словъ совершенно ясенъ; нельзя было выразить точнѣе, что доступъ въ гимназіи открытъ для всѣхъ и каждаго, лишь бы только имѣлись на-лицо условія, предусмотрѣнныя слѣду-

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1887 г., сентябрь, внутреннее обозрѣніе.

ющими статьями устава (24, 25, 26) — достиженіе извѣстнаго возраста, обладаніе извѣстными знаніями, удовлетворительное состояніе здоровья. Присоединеніе къ этимъ условіямъ новыхъ, коренящихся въ *званіи* и *состояніи*—т.-е. именно въ томъ, чему намѣренно не придаетъ никого значенія уставъ—является существеннымъ измѣненіемъ закона, а измѣненіе закона совершается тѣмъ же путемъ, съ соблюденіемъ тѣхъ же формальностей, какъ и первоначальное его установленіе. Правда, категоріи лицъ, для которыхъ закрывается доступъ въ гимназію, намѣчены министерскимъ распоряженіемъ лишь въ общихъ чертахъ, оставляющихъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, широкій просторъ усмотрѣнію директора гимназіи: но это нисколько не уменьшаетъ значенія перемѣны, произведенной, de facto, въ дѣйствующемъ законѣ. Законъ уполномочиваетъ начальство гимназіи отказать въ пріемѣ только въ трехъ случаяхъ, упомянутыхъ нами выше: министерское распоряженіе расширяетъ это полномочіе далеко за предѣлы устава. Есть еще одна сторона распоряженія, которую трудно согласить съ гимназическимъ уставомъ. Если бы между принятыми уже учениками оказались такіе, которые, «вслѣдствіе домашней обстановки своихъ родителей или родственниковъ, имѣютъ вредное вліяніе на товарищей», то, при дѣйствіи новаго порядка, они могутъ быть увольняемы изъ гимназіи, «не стѣсняясь двухлѣтнимъ срокомъ, указаннымъ въ ст. 34-й устава, или формальными правилами о взысканіяхъ». Правила о взысканіяхъ заимствуютъ свою силу изъ ст. 35-й устава; вмѣстѣ съ ст. 34-й, требующей увольненія ученика, два года сряду пробывшаго въ одномъ и томъ же классѣ (и не перешедшаго затѣмъ въ слѣдующій классъ), они составляютъ единственное законное основаніе къ исключенію учениковъ, однажды внесенныхъ въ гимназическій списокъ. Министерское распоряженіе создастъ новый къ тому поводъ, не предусмотрѣнный закономъ.

Отъ формальной стороны распоряженія переходимъ къ его внутреннему содержанію. Оно направлено къ тому, чтобы «въ гимназіи и прогимназіи допускались только такія дѣти, которыя находятся на попеченіи лицъ, представляющихъ достаточное ручательство въ нравственномъ надъ ними домашнемъ надзорѣ и въ предоставленіи имъ необходимаго для учебныхъ занятій удобства». «При неуклонномъ соблюденіи этого правила,—

говорится дальше въ министерскомъ циркулярѣ, — гимназіи и прогимназіи освободятся отъ поступленія въ нихъ дѣтей кучеровъ, лакеевъ, поваровъ, прачекъ, мелкихъ лавочниковъ и тому подобныхъ людей, дѣтей коихъ, за исключеніемъ развѣ одаренныхъ необыкновенными способностями, вовсе не слѣдуетъ выводить изъ среды, къ коей они принадлежатъ. Допущенію дѣтей къ пріемному испытанію долженъ предшествовать разспросъ родителей или родственниковъ объ условіяхъ ихъ матеріальнаго и семейнаго быта, о томъ, какъ они вели и ведутъ воспитаніе дѣтей; о всемъ этомъ должны быть также наводимы надлежащія справки». Если «житейская обстановка» родителей или родственниковъ окажется неудовлетворяющею вышеприведеннымъ условіямъ, начальство гимназій и прогимназій обязано «рѣшительно отклонять прошенія, указывая на учебныя заведенія съ менѣе продолжительнымъ и болѣе соотвѣтствующимъ данной средѣ курсомъ, въ которыя съ бо́льшею пользою могли бы быть помѣщены дѣти». Увольненіе учениковъ уже принятыхъ, но не подходящихъ подъ новую норму, мотивируется тѣмъ, что «въ прогимназіяхъ и гимназіяхъ, какъ учебныхъ заведеніяхъ, открывающихъ доступъ въ университеты и къ высшимъ поприщамъ государственнаго и общественнаго служенія, должны обучаться лишь такія лица, которыя, при надлежащей успѣшности своего ученія, отличаются благонравіемъ и могутъ стать вполнѣ благовоспитанными молодыми людьми, и за благонадежность которыхъ во всѣхъ отношеніяхъ начальники прогимназій и гимназій могутъ и впослѣдствіи принять на себя отвѣтственность передъ высшимъ начальствомъ и передъ своею совѣстью». Комментаріемъ къ министерскому распоряженію можетъ служить основанный на немъ циркуляръ попечителя одесскаго учебнаго округа—циркуляръ, оглашеніе котораго въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» въ первый разъ довело до всеобщаго свѣдѣнія самый фактъ существованія новыхъ правилъ. «Гимназіи и прогимназіи, — сказано въ этомъ циркулярѣ, — переполнены дѣтьми, явно неспособными ни матеріально, ни нравственно вынести продолжительный и нелегкій путь классическаго образованія. Неизбѣжными послѣдствіями такого порядка вещей являются пониженіе успѣшности, обусловливаемое присутствіемъ многихъ учащихся, встрѣчающихъ въ условіяхъ своей домашней обстановки не поддержку, а всякія препятствія къ правильному теченію обу-

ченія; упадокъ дисциплины, отъ недостаточности или совершеннаго отсутствія надзора въ семьѣ и отъ пагубнаго вліянія такихъ дѣтей на своихъ товарищей въ заведеніи; масса учениковъ, выбывающихъ изъ прогимназій и особенно гимназій до окончанія курса, съ тяжелымъ сознаніемъ потери времени и невознаградимости этого ущерба».

Итакъ, ограниченіемъ пріема въ гимназіи и прогимназіи предполагается, прежде всего, достигнуть устраненія золъ, безспорно свойственныхъ нашей средней школѣ. Доказана ли, однако, причинная связь между ними и дѣйствовавшимъ досихъ поръ порядкомъ пріема? Можно ли считать несомнѣннымъ, что главный источникъ болѣзни коренится во всесословности гимназій и прогимназій, въ разношерстномъ ихъ составѣ, обнимающемъ собою всѣ общественные классы, отъ высшаго до низшаго? Ключъ къ разрѣшенію этихъ вопросовъ могли бы дать только статистическія данныя, относящіяся къ послѣднимъ 10—15 годамъ; но отчеты министерства народнаго просвѣщенія давно уже недоступны для публики и печати. Не имѣя въ виду установленныхъ ими цифръ и фактовъ, нельзя опредѣлить, какой процентъ учениковъ, увольняемыхъ за дурное поведеніе или неуспѣшность въ ученьѣ, приходится на бѣднѣйшіе и наименѣе образованные классы населенія, и каково, съ этой точки зрѣнія, сравнительное отношеніе различныхъ сословно-ученическихъ категорій. Каждому изъ насъ, по всей вѣроятности, извѣстны случаи, въ которыхъ сыновья кучеровъ, прачекъ «и тому подобныхъ людей» становились впереди всѣхъ своихъ товарищей, а сыновья достаточныхъ и «благовоспитанныхъ» родителей попадали въ число худшихъ учениковъ и оставляли гимназію задолго до окончанія гимназическаго курса; но изъ отдѣльныхъ случаевъ нельзя выводить общихъ заключеній—нельзя выводить ихъ ни въ ту сторону, ни въ другую. Произведено ли было систематическое изслѣдованіе причинъ, вызывающихъ неудачи, опредѣлена ли была съ точностью роль, принадлежащая здѣсь происхожденію и состоянію учениковъ—не знаемъ; ни о чемъ подобномъ до сихъ поръ не было слышно. Скажемъ болѣе: если бы даже и можно было признать достовѣрнымъ, что успѣшность гимназическаго ученья прямо пропорціональна обезпеченности учениковъ и удовлетворительности ихъ домашней обстановки, то этимъ однимъ не была бы еще оправдана необходимость радикальныхъ перемѣнъ въ способѣ

пополненія гимназій. Нужно было бы привести въ ясность, насколько констатированный результатъ зависитъ отъ случайныхъ, легко устранимыхъ, обстоятельствъ — отъ излишней требовательности учебныхъ плановъ, отъ ошибочнаго выбора педагогическихъ пріемовъ, отъ неправильной постановки всего учебнаго дѣла. Чѣмъ больше, напримѣръ, ученики обременены внѣ-классными работами, тѣмъ сильнѣе вліяніе «домашней обстановки», тѣмъ чувствительнѣе отсутствіе «удобствъ, необходимыхъ для занятій». Если бы въ нашихъ гимназіяхъ такъ же мало задавалось на домъ, какъ въ нѣмецкихъ, справляться съ заданнымъ было бы одинаково легко и въ полу-темномъ углу прихожей или кухни, и въ образцово-устроенной учебной комнатѣ. Пониженіе числа домашнихъ рабочихъ часовъ было бы благодѣяніемъ не для однихъ бѣдняковъ-гимназистовъ; оно способствовало бы нормальному развитію, физическому и умственному, всей учащейся въ гимназіяхъ молодежи. То же самое слѣдуетъ сказать и о смягченіи требованій, предъявляемыхъ къ ученикамъ въ стѣнахъ гимназіи. Если теперь многіе гимназисты нуждаются, при приготовленіи уроковъ, въ посторонней помощи, легко доступной только въ достаточныхъ семействахъ, то не свидѣтельствуетъ ли это о нѣкоторой несоразмѣрности между силами большинства и трудностями возлагаемой на него задачи? Что́ лучше—удалять изъ гимназіи учениковъ, не имѣющихъ возможности пользоваться услугами репетитора, или поставить дѣло такъ, чтобы никто или почти никто не нуждался въ этихъ услугахъ?.. Намъ говорятъ о массѣ учениковъ, выбывающихъ изъ гимназій съ тяжелымъ сознаніемъ невознаградимо потерянаго времени; но развѣ нельзя уменьшить эту массу, не уменьшая числа поступающихъ въ гимназіи? Неужели бѣдность большинства—единственная или главная причина переполненія низшихъ и опустѣнія высшихъ классовъ гимназій? Неужели потеря времени, сопряженная съ оставленіемъ школы до окончанія курса, представляется чѣмъ-то неизбѣжнымъ, неотвратимымъ? Неужели нельзя организовать гимназическое преподаваніе такъ, чтобы оно было полезно и для останавливающихся на полъдорогѣ? Сто́итъ только сообщить болѣе общій характеръ первымъ годамъ гимназическаго курса, уменьшить, по отношенію къ нимъ, преобладающую роль древнихъ языковъ — и ученики, выходящіе изъ третьяго или четвертаго класса гимназіи, не будутъ больше уносить съ собою сознаніе безплод-

ной, непоправимой утраты... Напрасной потерей времени признается, впрочемъ, не только посѣщеніе гимназіи, не доведенное до конца, но даже прохожденіе полнаго гимназическаго курса, если за нимъ не слѣдуетъ поступленіе въ университетъ. «Классическое образованіе,—читаемъ мы въ упомянутомъ уже циркулярѣ попечителя одесскаго учебнаго округа,— не увѣнчанное университетскимъ курсомъ, не представляетъ достаточной подготовки къ практической дѣятельности»; оно можетъ быть, слѣдовательно, рекомендуемо только тѣмъ, для кого несомнѣнно открыта дорога къ высшему образованію. Защищать такое положеніе—значитъ отречься отъ цѣлой серіи аргументовъ, занимавшихъ видное мѣсто въ апологіяхъ классицизма. Насъ увѣряли много разъ, что классическое образованіе драгоцѣнно само по себѣ, хотя бы оно и не служило преддверіемъ къ дальнѣйшимъ научнымъ занятіямъ; намъ говорили, что нѣтъ дѣятельности, для которой не могло бы пригодиться—если не прямо, то косвенно — основательное знаніе древнихъ языковъ. Одно изъ двухъ: или это справедливо—въ такомъ случаѣ незачѣмъ закрывать двери въ гимназіи передъ тѣми, для кого можетъ оказаться недоступнымъ университетъ; или классическое образованіе дѣйствительно имѣетъ смыслъ *только* какъ ступень къ университету—въ такомъ случаѣ оно страдаетъ существенно важнымъ недостаткомъ, потому что всякая правильно устроенная средняя школа должна имѣть значеніе и цѣнность, независимыя отъ дальнѣйшей судьбы ея учениковъ. Другими словами, организація образованія должна быть такова, чтобы не допускать «сознанія безплодной потери», въ какой бы моментъ ученикомъ ни было прервано ученье.

Подъ именемъ «житейской обстановки», не благопріятствующей правильному ходу гимназическаго ученья, понимается преимущественно бѣдность и невысокое соціальное положеніе семьи, къ которой принадлежитъ гимназистъ или кандидатъ въ гимназисты. Намъ кажется, что здѣсь принята въ соображеніе только одна сторона вопроса. Безспорно, могутъ быть случаи, въ которыхъ бѣдность мѣшаетъ ученью,—но столь же возможно и обратное отношеніе условій. Отдавая своего сына въ гимназію, недостаточные родители приносятъ жертву, самая тяжесть которой является, сплошь и рядомъ, источникомъ усиленной энергіи. Сознаніе лишеній, оплачивающихъ его ученье,

заставляетъ мальчика напрягать всѣ свои силы, трудиться, насколько хватаетъ способностей и умѣнья; родители, съ своей стороны, постоянно заботятся о томъ, чтобы ихъ пожертвованія не пропадали понапрасну. Отсутствіе удовольствій, отвлекающихъ отъ ученья, уравновѣшиваетъ собою неудобства, сопряженныя съ недостаткомъ свѣта, тишины, простора, учебныхъ пособій. Черезъ нѣсколько лѣтъ гимназистъ часто ничего уже не стоитъ своимъ родителямъ или даже становится ихъ помощникомъ. Изъ среды бѣднѣйшихъ гимназистовъ пополняется многочисленный классъ репетиторовъ — и уже это одно даетъ право утверждать, что бѣдность не только не составляетъ абсолютной помѣхи ученью, но позволяетъ даже соединять школьныя занятія съ посторонней работой, облегчающей положеніе семьи. Упорный, добросовѣстный трудъ—лучшая гарантія противъ нравственной порчи, лучшій суррогатъ недостающаго «домашняго надзора»; вотъ почему мы никакъ не можемъ допустить, чтобы худшіе, въ нравственномъ отношеніи, ученики гимназій выходили исключительно изъ семействъ прачекъ, кучеровъ «и тому подобныхъ людей». Если бы это было такъ, то нравственность процвѣтала бы всего больше въ учебныхъ заведеніяхъ, открытыхъ только для высшихъ сословій; а развѣ то мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Развѣ между семьями достаточными и относительно высоко поставленными мало такихъ, въ которыхъ дурныя вліянія преобладаютъ надъ хорошими? Здѣсь меньше грубости, зато больше праздности; меньше разгула, зато больше утонченныхъ пороковъ. Шумъ и безпорядокъ въ тѣсной лакейской или кухнѣ—не болѣе серьезное препятствіе для занятій, чѣмъ безпрестанные выѣзды, масса посѣтителей, карточные столы, танцы, театральныя представленія. Разница здѣсь только та, что первое бросается въ глаза даже при поверхностномъ наблюденіи, а второе легко оставляется безъ вниманія, въ особенности когда оно не идетъ въ разрѣзъ съ привычками самого наблюдателя. Если бы министерское распоряженіе и не указывало цѣлыхъ категорій, устраняемыхъ отъ общенія съ гимназическимъ міромъ, исполнители распоряженія невольно оказались бы наиболѣе строгими именно къ этимъ категоріямъ. Гораздо легче установить—или предположить — недостатокъ «домашняго надзора» въ семьѣ кучера или прачки, чѣмъ въ семьѣ болѣе или менѣе крупнаго чиновника, хотя на самомъ дѣлѣ послѣдняя не имѣетъ, быть мо-

жетъ, никакого преимущества передъ первою. Допустимъ, наконецъ, что «вредное вліяніе» на товарищей возможно всего скорѣе со стороны учениковъ, принадлежащихъ къ одному изъ низшихъ классовъ общества; неужели нельзя противодѣйствовать этому вліянію, неужели нельзя излечить больныхъ, предупредить распространеніе болѣзни? Мы не такого дурного мнѣнія о воспитательномъ значеніи гимназій. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что огромное большинство гимназій—заведенія открытыя, въ которыхъ ученики проводятъ ежедневно менѣе шести часовъ; рекреаціи, въ теченіе которыхъ ученики свободно разговариваютъ другъ съ другомъ, продолжаются не болѣе часу. Уберечь, въ это время, овецъ отъ козлищъ—дѣло вполнѣ осуществимое и даже не особенно трудное. Въ начальной народной школѣ учатся дѣти, изъ которыхъ почти никто не испыталъ на себѣ, до вступленія въ школу, никакихъ цивилизующихъ вліяній; они остаются въ школѣ не болѣе 3-4 лѣтъ — и все-таки выходятъ изъ нея нравственно лучшими, если только учитель или учительница стояли на высотѣ своего призванія. Это справедливо не только по отношенію къ сельской начальной школѣ, но и къ городской, поставленной въ особенно неблагопріятныя условія. Неужели задача, съ которою въ короткое время справляется начальная школа, непосильна для гимназіи, располагающей и вдвое большимъ срокомъ, и несравненно болѣе обширными средствами?

Дѣти кучеровъ, прачекъ и «тому подобныхъ людей» не должны быть «выводимы изъ среды, къ которой они принадлежатъ», развѣ если они «одарены необыкновенными способностями». Какъ же удостовѣриться, однако, въ наличности такихъ способностей, если отказъ, основанный на изслѣдованіи «матеріальнаго быта», долженъ предшествовать допущенію къ пріемнымъ испытаніямъ? «Необыкновенныя способности», притомъ, часто обнаруживаются уже впослѣдствіи, именно благодаря гимназическому обученію. Обусловливать пріемъ въ гимназію принадлежностью къ извѣстному общественному классу или обладаніемъ извѣстными средствами—значитъ закрывать доступъ къ гимназическому, а слѣдовательно и къ университетскому образованію, для цѣлой массы дѣтей, безъ различія между способными и неспособными, даровитыми и безталанными. Пускай родится въ крестьянской средѣ новый Ломоносовъ, въ рядахъ низшаго духовенства — новый Сперанскій; для

нихъ не окажется мѣста въ преобразованныхъ гимназіяхъ и университетахъ. «Собственныхъ Платоновъ и твердыхъ разумомъ Невтоновъ» россійская земля можетъ рождать отнынѣ впредь лишь подъ условіемъ принадлежности ихъ къ привилегированнымъ сословіямъ. Изъ общей суммы умственныхъ богатствъ, составляющихъ лучшее достояніе народа, устраняется цѣлый рядъ вкладовъ, цѣнность которыхъ не подлежитъ даже приблизительному вычисленію [1]). Силы, достаточныя, быть можетъ, для достиженія самыхъ высокихъ цѣлей, прикрѣпляются къ обстановкѣ, не дающей имъ никакого простора; судьба человѣка предрѣшается разъ навсегда его происхожденіемъ. А между тѣмъ «выходъ изъ среды», для предупрежденія котораго принимаются столь крутыя мѣры, остается все-таки возможнымъ. Родителямъ, желающимъ отдать своихъ дѣтей въ гимназію, но не подходящимъ подъ дѣйствіе новыхъ правилъ, будутъ обязательно указываемы другія учебныя заведенія, «съ менѣе продолжительнымъ и болѣе соотвѣтствующимъ ихъ средѣ курсомъ». Какія же это учебныя заведенія? Реальныя училища? Сыновей прачки или кучера они «отдалятъ отъ среды» ничуть не меньше, чѣмъ гимназіи. Городскія училища, организованныя на основаніи устава 1872 г., или старыя уѣздныя училища? Кто окончилъ курсъ въ одномъ изъ этихъ училищъ, тотъ едва-ли пойдетъ въ услуженіе или сядетъ торговать въ мелочной лавочкѣ; въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ окажется не только «оторваннымъ отъ среды», но и расположеннымъ пренебрегать ею. Фальшивая гордость всего чаще идетъ рука объ руку съ полу-образованіемъ. Промышленныхъ или ремесленныхъ школъ у насъ еще почти не существуетъ. На самомъ дѣлѣ, такимъ образомъ, единеніе съ «средой» останется неприкосновеннымъ лишь по отношенію къ тѣмъ, для которыхъ недопущеніе въ гимназію будетъ равносильно совершенному отказу въ образованіи. А подобныхъ случаевъ, по всей вѣроятности, будетъ не мало. Въ Ярославлѣ, напримѣръ, нѣтъ реальнаго училища, нѣтъ частныхъ учебныхъ заведеній; есть, кромѣ гимназіи, только пять или шесть начальныхъ школъ и одно трехклассное городское училище. «Многіе родители, —

---

[1]) Нѣкоторое понятіе о предстоящей потерѣ можно получить по любопытной статьѣ В. В. Стасова («Новости», № 220), перечисляющей массу русскихъ художниковъ, вышедшихъ изъ среды «низшихъ сословій».

пишутъ по этому поводу «Современныя Извѣстія», — и сами понимаютъ, что гимназія — не совсѣмъ подходящее заведеніе для ихъ дѣтей; но кромѣ гимназіи сунуться некуда. Очень многіе отдаютъ сыновей въ гимназію съ тѣмъ, что дальше пятаго класса учить ихъ тамъ не будутъ. Такой полугимназическій курсъ не считаютъ хуже винегретныхъ курсовъ городского училища, гдѣ, при плохомъ надзорѣ, сѣется всякаго жита по одной лопатѣ. Почему не принимать всѣхъ для образованія въ прогимназіи, т.-е. въ первые четыре класса гимназій? Пусть дальше идутъ лишь тѣ, которые окажутъ для продолженія образованія вполнѣ удовлетворительныя способности, прилежаніе, вниманіе и поведеніе. Оказавшемуся въ этихъ отношеніяхъ отличнымъ за что̀ преграждать дорогу къ дальнѣйшему образованію? Неужели всѣ нынѣшніе учителя, инспекторы и директоры вышли изъ аристократическихъ или богатыхъ семей? Бѣдныя дѣти нисколько не виноваты, что въ Ярославлѣ нѣтъ школъ для нихъ». Въ такомъ критическомъ положеніи находится, безъ сомнѣнія, не одинъ Ярославль [1]). Нужно обладать большимъ запасомъ... безцеремонности, чтобы утверждать, — какъ это дѣлаетъ одна петербургская газета,—что новыя правила встрѣчены ликованіемъ «русскихъ отцовъ и матерей», къ которымъ присоединились всѣ «благомыслящіе люди».

Управленіе одесскимъ учебнымъ округомъ идетъ, въ одномъ отношеніи, еще дальше, чѣмъ министерство народнаго просвѣщенія; оно заботится и о томъ, чтобы дѣйствіе новыхъ правилъ не было ослабляемо путемъ благотворительности, общественной или частной». Благотворительность, по словамъ одесскаго циркуляра, «должна имѣть цѣлью устраненіе затрудненій въ полученіи образованія тѣмъ молодымъ людямъ, которымъ, *по положенію ихъ родителей* или по выдающимся личнымъ дарованіямъ, *свойственно достигать извѣстныхъ степеней образованія*. Такъ, умѣстно воспитаніе въ гимназіи на благотворительные источники дѣтей родителей, которые сами получили

---

[1]) Изъ Бердянска пишутъ «Недѣлѣ», что мѣстная городская дума ходатайствуетъ о непримѣненіи къ бердянской гимназіи министерскаго распоряженія 18-го іюня. Ходатайство это вызвано тѣмъ, что при открытіи гимназіи дума, вмѣстѣ съ земствомъ, заботились именно о небогатыхъ семьяхъ какъ городского, такъ и сельскаго населеній; зданіе гимназіи было сооружено на счетъ думы и земства, а на содержаніе ея они расходуютъ ежегодно около 20 тысячъ рублей.

высшее образованіе, но, вслѣдствіе неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ, лишены возможности дать такое же образованіе своимъ дѣтямъ. Но оторвать отъ хорошей крестьянской или мѣщанской семьи мальчика, для того, чтобы воспитаніемъ въ гимназіи дать ему сомнительную возможность карьеры по государственной службѣ, было бы не всегда разумной услугой. Если при заведеніи имѣется общество для пособія учащимся, то должно быть приложено попеченіе, чтобы это общество дѣйствовало въ направленіи, соотвѣтственномъ видамъ учебнаго управленія. *Въ противномъ случаѣ, должно принять указываемыя обстоятельствами мѣры*». Итакъ, регулированію подвергается даже то, что всего больше требуетъ свободы и простора. Представимъ себѣ, что достаточная, высоко образованная семья взяла къ себѣ на воспитаніе крестьянскаго мальчика и намѣрена помѣстить его въ гимназію. Его «житейская обстановка» не оставляетъ желать ничего лучшаго, «домашній надзоръ» за нимъ самый бдительный, онъ имѣетъ всѣ «удобства для занятій» — и все-таки его не принимаютъ въ гимназію, чтобы не отрывать его отъ «среды», къ которой онъ принадлежитъ по рожденію. Благотворительность — одно изъ самыхъ могучихъ средствъ къ сближенію сословій, къ смягченію контрастовъ, проистекающихъ изъ неравенства состояній; чѣмъ больше она достигаетъ этой цѣли, тѣмъ выше ея общественное значеніе. Опредѣлять ея границы, стѣснять ея иниціативу, значитъ идти въ разрѣзъ съ истиннымъ ея призваніемъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ парализовать ея внутреннюю силу. Благотворить согласно съ указаніями начальства способны только тѣ, которые преслѣдуютъ при этомъ свои личные виды. Ошибочно было бы ожидать, что средства, предназначенныя частнымъ лицомъ на обученіе въ гимназіи крестьянскаго сына, пойдутъ — за непринятіемъ послѣдняго въ гимназію — на воспитаніе сына «бѣдныхъ, но благородныхъ родителей»; въ огромномъ большинствѣ случаевъ они получатъ совершенно иное употребленіе, съ соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ общаго, если можно такъ выразиться, учебно-благотворительнаго фонда. Весьма прискорбно было бы уже искусственное ограниченіе дѣятельности благотворительныхъ обществъ, существующихъ при гимназіяхъ — но еще менѣе справедливой, еще болѣе неудобной представляется регламентація частной благотворительности. Отсюда, быть можетъ, нѣкоторая нерѣшительность въ тонѣ разбираe-

маго нами циркуляра. Нежелательнымъ признается здѣсь оторваніе мальчика отъ *хорошей* крестьянской или мѣщанской семьи: отъ семьи дурной или не совсѣмъ хорошей онъ, слѣдовательно, можетъ быть оторванъ? Но кто же будетъ судить о доброкачественности семьи? Неужели свѣдѣніямъ, собраннымъ на скорую руку гимназическимъ начальствомъ, будетъ дано предпочтеніе передъ убѣжденіемъ благотворителя, основаннымъ на многолѣтнемъ опытѣ? Не странно ли, съ другой стороны, обусловливать пріемъ не личными свойствами мальчика, а свойствами его родителей или родственниковъ? Къ числу молодыхъ людей, которымъ «свойственно достиженіе извѣстныхъ степеней образованія», циркуляръ относитъ тѣхъ, которые отличаются «выдающимися личными дарованіями». И здѣсь опять возникаетъ тотъ же вопросъ: кто будетъ судить о наличности такихъ дарованій? Благотворитель, давно знакомый съ способностями мальчика, или гимназическое начальство, въ первый разъ его видящее и затрудняющееся даже допустить его къ пріемному испытанію?

Произволъ въ пріемѣ учениковъ, несмотря на всѣ его неудобства, все-таки менѣе опасенъ, чѣмъ произволъ въ ихъ увольненіи. Убѣдившись въ недоступности гимназіи, родители могутъ своевременно направить своихъ дѣтей на другую, менѣе широкую дорогу; разочарованіе и утрата будутъ при этомъ все же не столь велики, какъ при перерывѣ начатаго уже гимназическаго ученья. Если ученикъ, выходящій изъ гимназіи до окончанія курса, долженъ уносить съ собою «сознаніе безплодно потерянаго времени», то справедливо ли присуждать его къ этой потерѣ только потому, что измѣнились взгляды, господствовавшіе при допущеніи его въ гимназію? Явно дурное поведеніе, безнадежно неуспѣшное ученіе безъ того уже служатъ поводомъ къ увольненію изъ гимназіи; но если нѣтъ налицо ни того, ни другого, гдѣ же основаніе торопиться исключеніемъ ученика? Не ясно ли, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ тѣхъ случаевъ, къ которымъ особенно приложимо правило о неприсвоеніи закону обратнаго дѣйствія, обратной силы?.... Что можетъ выйти на практикѣ изъ примѣненія новыхъ правилъ, объ этомъ можно судить по толкованіямъ, уже теперь появляющимся въ извѣстныхъ органахъ печати. Вопреки тексту министерскаго циркуляра, обусловливающаго увольненіе изъ гимназіи «вреднымъ вліяніемъ на товарищей», достаточ-

нымъ поводомъ къ этой мѣрѣ признается перемѣна къ худшему въ семейномъ положеніи ученика (напримѣръ, смерть его отца), хотя бы дѣйствіе ея на самого ученика и оставалось еще въ области предположеній. И дѣйствительно, для такого пониманія новыхъ правилъ требуется только одно условіе, слишкомъ часто встрѣчающееся въ нашей жизни: избытокъ усердія, готовность пересолить, чтобы не быть обвиненнымъ въ недосолѣ. Опасность пересола усиливается тѣмъ, что на начальство гимназій и прогимназій возлагается отвѣтственность за «благонадежность» учениковъ не только во время бытности ихъ въ заведеніи, но и *впослѣдствіи*. Какимъ бы вліяніямъ ни подвергся, по выходѣ изъ гимназіи, бывшій гимназистъ, его грѣхи всегда могутъ быть поставлены въ пассивъ его бывшаго начальства. Понятно, насколько этимъ затруднено соблюденіе должной мѣры осторожности и предусмотрительности.

Мы упомянули въ началѣ нашихъ замѣтокъ объ оффиціальномъ опроверженіи слуховъ, касавшихся предстоящаго уменьшенія числа гимназій и прогимназій. Не знаемъ, какъ совмѣстить съ этимъ опроверженіемъ слѣдующее мѣсто въ циркулярѣ попечителя одесскаго учебнаго округа: если бы, за точнымъ примѣненіемъ новыхъ правилъ, дѣйствіе коихъ не должно быть ослабляемо даже и въ виду особыхъ условій, въ какихъ находятся нѣкоторыя заведенія, оказалось, что учебное заведеніе не можетъ представлять достаточнаго контингента учащихся, директора должны немедленно представить свои соображенія о закрытіи параллельныхъ отдѣленій и даже *объ упѣстности преобразованія заведенія въ училище иного типа, болѣе отвѣчающее потребностямъ мѣстной жизни*». Итакъ, исполнители министерскаго распоряженія прямо усматриваютъ въ немъ возможный поводъ къ уменьшенію числа гимназій и прогимназій. И въ самомъ дѣлѣ, значительное съуженіе сферы, изъ которой пополнялись до сихъ поръ гимназіи и прогимназіи, не можетъ не привести къ закрытію нѣкоторыхъ изъ нихъ, что, въ свою очередь, еще болѣе затруднитъ доступъ къ гимназическому образованію. Съ какой бы точки зрѣнія, слѣдовательно, мы ни разсматривали министерское распоряженіе, оно представляется такимъ существеннымъ измѣненіемъ прежняго законнаго порядка, которое едва-ли можетъ вступить въ окончательную силу безъ передѣлки гимназическаго устава. Правила 18-го іюня имѣютъ, по всей вѣроятности, только временной ха-

рактеръ; нужно надѣяться, что законодательному ихъ пересмотру будетъ предшествовать повѣрка, основанная на указаніяхъ опыта. Въ противномъ случаѣ придется согласиться съ выводомъ, къ которому министерское распоряженіе привело «Недѣлю»: «существовавшее прежде стремленіе сдѣлать общее образованіе доступнымъ всѣмъ замѣняется стремленіемъ прямо противоположнымъ».

XXXI.

Государственные экзамены [1]).

Въ 1888 г. исполнится четыре года со времени введенія въ дѣйствіе новаго университетскаго устава, и вмѣстѣ съ тѣмъ начнутся непрактиковавшіеся у насъ до сихъ поръ государственные экзамены. Уставомъ 23 августа 1884 г. они были предрѣшены только въ принципѣ; дальнѣйшая ихъ регламентація предоставлена министру народнаго просвѣщенія, которымъ недавно и утверждены подробныя правила по этому предмету. Производство экзаменовъ возложено на особыя испытательныя комиссіи, учреждаемыя при каждомъ университетѣ; сколько въ университетѣ факультетовъ, столько при немъ и комиссій, съ тою только разницей, что физико-математическому факультету соотвѣтствуютъ двѣ комиссіи: одна — по отдѣленію математическихъ наукъ, другая—по отдѣленію наукъ естественныхъ. Предсѣдатель и постоянные члены комиссій назначаются ежегодно министромъ народнаго просвѣщенія. Никакихъ условій назначенія правила не опредѣляютъ; указаны только предметы, которые должны имѣть своихъ представителей въ комиссіи. Припомнимъ, по этому поводу, что первоначально (по проекту 1876 г.) въ предсѣдатели и члены испытательныхъ комиссій предполагалось допускать только магистровъ, докторовъ, академиковъ и лицъ, пріобрѣвшихъ почетную извѣстность учеными трудами по предметамъ испытанія. Въ составъ устава 1884 г. это требованіе не вошло, хотя и могло бы быть включено въ правила объ испытаніяхъ; оно

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1887 г., октябрь, внутр обозрѣніе.

сразу подняло бы авторитетъ испытательныхъ комиссій. Неразъясненнымъ остается еще одно обстоятельство: могутъ ли быть членами комиссіи профессора того университета, при которомъ состоитъ комиссія? Предсѣдателю комиссіи предоставляется приглашать къ участію въ ея трудахъ — по тѣмъ предметамъ, по которымъ въ ея средѣ нѣтъ спеціалистовъ— университетскихъ преподавателей, настоящихъ или бывшихъ (а также другихъ лицъ, обладающихъ спеціальными свѣдѣніями); но это не отвѣчаетъ на поставленный нами вопросъ, относящійся не къ случайнымъ, а къ постояннымъ, полноправнымъ членамъ комиссіи. На практикѣ, думается намъ, едва-ли окажется возможнымъ найти, между не-профессорами, такое число компетентныхъ лицъ, которое было бы достаточно для пополненія основного, если можно такъ выразиться, кадра комиссій; въ особенности велико будетъ затрудненіе по отношенію къ отдаленнымъ университетскимъ городамъ. Невѣроятно также, чтобы профессора одного университета были назначаемы членами испытательной комиссіи при другомъ университетѣ— невѣроятно потому, что испытанія будутъ производиться не во время каникулъ, а въ самый разгаръ университетскихъ занятій и будутъ продолжаться, судя по сложности задачи, довольно долго. При такомъ положеніи дѣлъ приглашенію профессоровъ мѣстнаго университета въ предсѣдатели и постоянные члены комиссій могло бы помѣшать только нѣкоторое недовѣріе къ профессорамъ, какъ къ экзаменаторамъ бывшихъ своихъ слушателей. Существуетъ ли такое недовѣріе на самомъ дѣлѣ— это покажетъ составъ комиссій; покамѣстъ можно лишь предполагать, что оно не было чуждо составителямъ правилъ. Признакомъ его служитъ, въ нашихъ глазахъ, первое условіе, которому должны удовлетворить испытуемые. Каждый изъ нихъ обязанъ представить, при самой просьбѣ о допущеніи къ испытанію, сочиненіе, написанное въ теченіе послѣднихъ трехъ полугодій университетскаго курса, на тему, одобренную факультетомъ. Сочиненіе это разсматривается и оцѣнивается членомъ комиссіи, къ спеціальности котораго оно относится — и къ испытанію въ комиссіи допускаются только тѣ, сочиненія которыхъ будутъ признаны удовлетворительными. При бо́льшемъ довѣріи къ профессорамъ, вся эта процедура представлялась бы излишней. Просить о допущеніи къ испытанію могутъ только тѣ студенты, которымъ зачтено факультетомъ надлежащее

число полугодій — а зачету каждаго полугодія предшествуетъ оцѣнка письменныхъ работъ, исполненныхъ студентомъ. Правда, эта оцѣнка, по буквальному смыслу правилъ о зачетѣ полугодій, должна относиться не столько къ качеству работъ, сколько къ прилежанію, ими обнаруживаемому; но судить о прилежаніи, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, можно лишь по его результату, т.-е. именно по достоинству работы. Ничто не мѣшало бы, повидимому, освободить членовъ испытательной комиссіи отъ первой — и весьма сложной — функціи, возлагаемой на нихъ новыми правилами, и начинать испытаніе прямо съ клаузурныхъ работъ, въ присутствіи комиссіи. Теперь комиссіи придется повторять сдѣланное уже однажды въ стѣнахъ университета, и повѣрять этимъ самымъ не только знанія студентовъ, но и образъ дѣйствій преподавателей. Представленіе въ комиссію письменныхъ работъ, раньше исполненныхъ студентомъ, весьма полезно — но только въ видахъ лучшаго ознакомленія комиссіи съ способностями и занятіями испытуемаго, а отнюдь не въ видахъ удостовѣренія, что онъ можетъ быть допущенъ къ испытанію. Значеніе такого удостовѣренія можно было бы признать, безъ всякихъ дальнѣйшихъ требованій, за выпускнымъ свидѣтельствомъ, выданнымъ отъ университета. Спѣшимъ прибавить, что порядокъ разсмотрѣнія студенческихъ сочиненій, представленныхъ въ комиссію, обезпечиваетъ, насколько это возможно, правильность ея рѣшеній. Мнѣніе члена комиссіи, прочитавшаго сочиненіе, признается окончательнымъ только тогда, когда оно благопріятно для испытуемаго; въ противномъ случаѣ сочиненіе просматривается еще нѣсколькими членами комиссіи, и достоинство его опредѣляется большинствомъ голосовъ.

Кто допущенъ къ испытанію, тотъ исполняетъ сначала, въ присутствіи комиссіи, цѣлый рядъ письменныхъ клаузурныхъ работъ; на каждую изъ нихъ полагается не болѣе пяти часовъ. Экзаменующимся воспрещается пользоваться какими бы то ни было пособіями, подъ опасеніемъ потери права на продолженіе испытанія. Къ устному испытанію допускаются только тѣ, письменныя работы которыхъ будутъ признаны удовлетворительными; оно производится какъ по главнымъ, такъ и по дополнительнымъ предметамъ. Окончательно выдержавшимъ испытаніе признается тотъ, кто получилъ (не по одному изъ главныхъ предметовъ) не болѣе одной неудовлетворительной

отмѣтки, если, притомъ, послѣдняя уравновѣшивается двумя отмѣтками: *весьма удовлетворительно*. У кого такихъ отмѣтокъ не менѣе половины, а неудовлетворительной отмѣтки нѣтъ ни одной, тотъ получаетъ дипломъ первой степени; всѣмъ остальнымъ, выдержавшимъ испытаніе, выдаются дипломы второй степени. Кто не выдержалъ испытанія, тотъ можетъ быть допущенъ къ нему вновь, не болѣе двухъ разъ, съ годовыми промежутками, въ продолженіе которыхъ онъ въ правѣ посѣщать университетъ въ качествѣ посторонняго слушателя. На тѣхъ же основаніяхъ разрѣшается повторительный экзаменъ и тому, кто получилъ дипломъ второй степени, но желаетъ замѣнить его дипломомъ высшаго достоинства.

Разбирая, два года тому назадъ, правила о зачетѣ полугодій и объ экзаменныхъ требованіяхъ, которымъ должны удовлетворять испытуемые въ правительственныхъ комиссіяхъ, мы имѣли уже случай указать на ненормальное положеніе, созданное, въ преобразованныхъ историко-филологическихъ факультетахъ, для древнихъ языковъ. Всѣ студенты историко-филологическаго факультета, къ чему бы они ни готовились, какую бы спеціальность ни избрали, обязаны заниматься прежде всего и больше всего древними языками. Изъ восемнадцати обязательныхъ лекцій на долю древнихъ языковъ отведено четырнадцать; всѣ остальные предметы низведены на степень «дополнительныхъ» и отодвинуты на задній планъ, такъ что можно, напримѣръ, сдѣлаться учителемъ русской литературы, не изучавъ русской исторіи, или, наоборотъ, учителемъ русской исторіи, не изучавъ русской литературы. Тѣмъ же самымъ характеромъ отличаются и правила о производствѣ испытаній, спеціально относящіяся къ комиссіи историко-филологической. Испытуемые въ другихъ комиссіяхъ могутъ представить сочиненіе на любую тему, одобренную факультетомъ, лишь бы она относилась къ одному изъ экзаменныхъ предметовъ или къ отдѣлу, избранному для дополнительнаго испытанія; если представляемое сочиненіе было удостоено факультетомъ медали, почетнаго отзыва или преміи, оно принимается комиссіею безъ дальнѣйшей повѣрки, и авторъ его прямо допускается къ письменнымъ клаузурнымъ работамъ. Другое дѣло — въ комиссіи историко-филологической. Здѣсь сочиненіе непремѣнно должно быть написано на тему изъ области классической филологіи; изъ дѣйствія этого общаго правила не исключаются

даже диссертаціи, удостоенныя награды. При прошеніи о допущеніи къ испытанію въ историко-филологической комиссіи долженъ быть представленъ собственноручно написанный, *на латинскомъ языкѣ*, автобіографическій очеркъ, съ свѣдѣніями о ходѣ воспитанія и образованія просителя и о домашнихъ научныхъ занятіяхъ его во время пребыванія въ университетѣ. Отъ испытуемыхъ въ другихъ комиссіяхъ такой автобіографіи, даже на русскомъ языкѣ, не требуется. Сочиненіе, представляемое въ историко-филологическую комиссію, *можетъ* быть написано на русскомъ языкѣ, но «удовлетворительное латинское сочиненіе даетъ предпочтительное право на дипломъ первой степени». Изъ числа письменныхъ клаузурныхъ работъ *три* посвящаются древнимъ языкамъ (переводъ съ русскаго на латинскій, переводъ съ русскаго на греческій, истолкованіе *на латинскомъ языкѣ*—на русскомъ только для «болѣе слабыхъ»—отрывка изъ классическаго автора), и лишь *одна* русскому языку, при чемъ тема выбирается все-таки изъ области классической филологіи, греческой или римской исторіи, исторіи древняго искусства или древней философіи. Въ переводахъ съ русскаго языка на древній испытуемые должны обнаружить твердость и навыкъ въ синтаксисѣ, а по латинскому языку—и въ *стилистикѣ*. При разсмотрѣніи и оцѣнкѣ письменныхъ работъ *рѣшающее значеніе* придается обнаруженному въ нихъ знанію древнихъ языковъ и начитанности въ авторахъ; обнаруживающіе неудовлетворительное знаніе самыхъ языковъ вовсе не допускаются къ продолженію начатаго испытанія. Устныя испытанія по общеобязательнымъ предметамъ (т.-е. опять-таки по всему относящемуся къ классической древности) производятся въ полномъ собраніи постоянныхъ членовъ комиссіи, испытанія по дополнительнымъ предметамъ — въ особыхъ комитетахъ, на которые раздробляется комиссія. Каждому испытуемому ставится *одиннадцать* отмѣтокъ, изъ которыхъ *семь* относятся, прямо или косвенно, къ знанію древности (*четыре*—къ классическимъ языкамъ, и по одной—къ древней исторіи, древней философіи и исторіи древняго искусства) и только *четыре* — къ дополнительнымъ предметамъ (раздѣленнымъ на двѣ группы, изъ которыхъ каждый экзаменующійся избираетъ одну, по своему усмотрѣнію). Кто получилъ по древнимъ языкамъ хотя бы одну неудовлетворительную отмѣтку, тотъ признается невыдержавшимъ испытанія. Чтобы получить

дипломъ первой степени, нужно имѣть шесть отмѣтокъ: *весьма удовлетворительно*, въ томъ числѣ не менѣе одной по интерпретаціи римскихъ и одной по интерпретаціи греческихъ авторовъ.

Ничего подобнаго, ничего соотвѣтствующаго всѣмъ этимъ постановленіямъ мы не находимъ въ правилахъ, относящихся къ другимъ испытательнымъ комиссіямъ. И на другихъ факультетахъ есть главные предметы, но они не выдвигаются при испытаніяхъ на первый планъ, въ ущербъ всему остальному; самое бо́льшее, чѣмъ они *иногда* отличаются отъ прочихъ—это требованіе двухъ отмѣтокъ: *весьма удовлетворительно*, тогда какъ вообще признается достаточной одна. А между тѣмъ для студентовъ математическаго отдѣленія — чистая математика, для студентовъ-естественниковъ—физика и химія, имѣютъ, безъ сомнѣнія, несравненно большее значеніе, чѣмъ древніе языки — для студентовъ историко-филологическаго факультета, не избравшихъ ихъ своей спеціальностью. Тамъ *главный* предметъ является главнымъ по своему существу, по своей тѣснѣйшей связи съ остальными или, лучше сказать, по своему господству надъ ними; здѣсь главный предметъ *провозглашенъ* главнымъ, вовсе не будучи имъ безусловно. Читая правила объ испытаніяхъ въ историко-филологической комиссіи, можно подумать, что всѣ испытуемые предназначаютъ себя въ учителя древнихъ языковъ. И въ такомъ случаѣ строгость требованій представлялась бы, быть можетъ, чрезмѣрной, но все-таки она имѣла бы raison d'être, которую крайне трудно признать за нею относительно студентовъ неспеціалистовъ по древней филологіи. Однообразная окраска, уже раньше данная занятіямъ студентовъ историко-филологическаго факультета, сдѣлается теперь еще болѣе яркой; всѣ такъ-называемые дополнительные предметы—т.-е. *русская литература*, *русская исторія*, всеобщая исторія, славянская филологія, сравнительное языковѣдѣніе — еще болѣе потеряютъ свою цѣну въ глазахъ студентовъ. Будущій историкъ, будущій спеціалистъ по русскому языку или славянскимъ нарѣчіямъ сосредоточитъ всѣ свои усилія не на томъ предметѣ, которому онъ посвятитъ цѣлую жизнь, а на томъ, который ему позволительно будетъ забыть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ испытанія. Пусть его знанія по избранной спеціальности будутъ только въ обрѣзъ «удовлетворительны» — это не помѣшаетъ ему получить даже дипломъ первой степени, лишь бы только

у него оказалось шесть «весьма удовлетворительныхъ» отмѣтокъ по древнимъ языкамъ и тѣсно связаннымъ съ ними общеобязательнымъ предметамъ. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что при вновь установляемомъ порядкѣ мѣста учителей исторіи, географіи, русскаго языка будутъ замѣщаемы лицами, компетентность которыхъ собственно по этимъ предметамъ ничѣмъ доказана не будетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ путемъ комиссія будетъ удостовѣряться въ томъ, что испытуемый вполнѣ овладѣлъ избранною имъ спеціальностью, если эта спеціальность не входитъ въ область классической филологіи? Сочиненіе, имъ представленное, будетъ написано на тему, не имѣющую ничего общаго съ его будущими занятіями: то же самое слѣдуетъ сказать и о *устныхъ* письменныхъ клаузурныхъ работахъ. Остается только устное испытаніе, произведенное, притомъ,—такъ какъ рѣчь идетъ о «дополнительномъ» предметѣ — не въ полномъ составѣ комиссіи. Очевидно, что по одному случайному отвѣту нельзя составить себѣ точнаго и вѣрнаго понятія о знаніяхъ испытуемаго. Преподавателемъ исторіи или русскаго языка можетъ сдѣлаться, такимъ образомъ, отличный латинистъ или эллинистъ, едва знакомый съ событіями среднихъ вѣковъ или новаго времени, съ отечественной и западно-европейской литературой. Наоборотъ, превосходный знатокъ исторіи, русскаго языка, славянскихъ нарѣчій можетъ потерпѣть неудачу, рѣшительную для всей его будущности—не всякій же имѣетъ возможность продолжать ученье еще годъ или два послѣ выпуска изъ университета, — только потому, что онъ оказался недостаточно твердымъ въ греческомъ синтаксисѣ или въ латинской стилистикѣ. Представимъ себѣ двухъ кандидатовъ, предназначающихъ себя къ одной и той же дорогѣ, напр. къ занятію исторіей. Одинъ изъ нихъ, одаренный памятью словъ, такъ хорошо овладѣлъ лексическимъ и грамматическимъ матеріаломъ, что написалъ сочиненіе на латинскомъ языкѣ, на немъ же исполнилъ третью клаузурную работу (истолкованіе отрывка изъ римскаго или греческаго автора), перевелъ безъ ошибокъ съ русскаго языка на латинскій и греческій и отлично выдержалъ устное испытаніе по древнимъ языкамъ. Другой написалъ сочиненіе по-русски, по-русски же истолковалъ древняго автора, запамятовалъ кое-что изъ синтаксиса и оказался неблестящимъ интерпретаторомъ древнихъ авторовъ. Первый получитъ дипломъ первой степени,

хотя бы свѣдѣнія его по русской исторіи и литературѣ были самыя скромныя; послѣдній получитъ, въ лучшемъ случаѣ, дипломъ второй степени, хотя бы никто изъ товарищей не могъ сравняться съ нимъ въ знаніи исторіи и всѣхъ сопредѣльныхъ съ нею предметовъ. Чѣмъ бы ни предполагалъ заняться студентъ-филологъ, для него—какъ и для всякаго образованнаго русскаго человѣка—больше всего необходимо полное обладаніе русскимъ языкомъ; даже для будущаго преподавателя древнихъ языковъ оно важнѣе, чѣмъ умѣнье *писать* полатыни—а между тѣмъ латинскому сочиненію дается преимущество передъ русскимъ... Въ связи съ правилами о зачетѣ полугодій и объ экзаменныхъ требованіяхъ, правила объ испытаніяхъ въ историко-филологической комиссіи слишкомъ легко могутъ привести къ результату, котораго, конечно, не желаютъ ихъ составители: къ опустѣнію историко-филологическихъ факультетовъ, и безъ того уже мало посѣщаемыхъ сравнительно съ другими (припомнимъ относящуюся сюда цифру отчета за 1884 годъ: 1.340, т.-е. менѣе 10% общаго числа студентовъ), и къ оскудѣнію философскихъ, историческихъ и литературныхъ знаній, особенно важныхъ именно въ наше время.

XXXII.

Административная расправа [1]).

Мѣсяца три тому назадъ въ фельетонѣ «Новаго Времени» (№ 4071) сообщенъ былъ довольно любопытный разговоръ, происходившій, въ присутствіи фельетониста, между нижегородскимъ губернаторомъ и непремѣннымъ членомъ мѣстнаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Рѣчь шла о какихъ-то крестьянскихъ безпорядкахъ въ горбатовскомъ уѣздѣ. Непремѣнный членъ полагалъ, что на горбатовскій уѣздъ слѣдовало бы распространить дѣйствіе правилъ о чрезвычайной охранѣ. «Вы желаете, значитъ,—замѣтилъ губернаторъ,—чтобы я лично имѣлъ право передрать волнующихся крестьянъ. Это право я могу получить и безъ примѣненія ярмарочнаго положенія къ данной мѣстности» [2]). Дальше слѣдовало объясненіе причинъ, по которымъ губернаторъ не рѣшается ходатайствовать объ облеченіи его, по отношенію къ крестьянамъ, такою чрезвычайною властью. Сомнѣваться въ достовѣрности этого разсказа нѣтъ основанія; дѣйствующія лица прямо названы въ немъ по имени или обозначены указаніемъ на занимаемое ими мѣсто, и никакихъ возраженій противъ фельетона въ напечатавшей его газетѣ не появлялось. Все сочувствіе наше, при чтеніи разсказа, было на сторонѣ г. нижегородскаго губернатора; намъ показалось только, что едва-ли справедливо онъ усматриваетъ въ положеніи объ усиленной и чрезвычайной

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1887 г., октябрь, внутр. обозрѣніе.

[2]) На время ярмарки Нижній-Новгородъ подчиняется дѣйствію правилъ объ усиленной охранѣ.

охранѣ право подвергать кого бы то ни было тѣлесному наказанію — и не ошибается ли онъ также, предполагая, что это право можетъ быть дано ему лично по отношенію къ мѣстности, не объявленной въ состояніи усиленной охраны. Не прошло и полутора мѣсяца, какъ въ газетахъ появился приказъ нижегородскаго губернатора, слѣдующаго содержанія: «8-го августа (слѣдовательно, во время ярмарки, т.-е. во время дѣйствія въ Нижнемъ-Новгородѣ положенія объ усиленной охранѣ) отставной унтеръ-офицеръ Скудневъ, неправильно вымогая у евреевъ деньги, сталъ ихъ бить, нанесъ одному изъ нихъ увѣчье и обратился къ собравшейся толпѣ съ предложеніемъ начать поголовное избіеніе евреевъ. Крестьянинъ Масленниковъ сильно способствовалъ возбужденію толпы. Благодаря распорядительности полиціи, преступный безпорядокъ былъ во-время остановленъ; Скудневъ и Масленниковъ были арестованы и, по окончательномъ разборѣ дѣла, наказаны розгами, согласно приказанію губернатора». Во всемъ этомъ представляетъ особый интересъ, прежде всего, юридическая сторона дѣла. Мы перечитали по этому поводу еще разъ, съ величайшимъ вниманіемъ, все «положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія», утвержденное 14-го августа 1881 г. и вошедшее, съ дополненіями, въ составъ продолженія къ своду законовъ (т. XIV, уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій), изданнаго въ 1886 г.; мы познакомились и съ положеніемъ комитета министровъ 11-го іюля нынѣшняго года, которымъ продолжено, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, дѣйствіе правилъ объ охранѣ и кое въ чемъ измѣнена ихъ редакція — и не нашли ни одной статьи, которая, прямо или косвенно, могла бы опровергать наше вышеизложенное предположеніе. Изданіе обязательныхъ постановленій, назначеніе, за ихъ неисполненіе, ареста до трехъ мѣсяцевъ или штрафа до пятисотъ рублей, воспрещеніе общественныхъ собраній, закрытіе торговыхъ и промышленныхъ заведеній, передача извѣстныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе военнаго суда, ограниченіе судебной гласности, распространеніе сферы административнаго контроля надъ должностными лицами, производство полицейскихъ обысковъ, предварительный арестъ подозрительныхъ людей и высылка ихъ изъ мѣстностей, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны — вотъ всѣ права, вытекающія изъ правилъ 14-го августа 1881 г., и ни одно изъ нихъ не

уполномочиваетъ администрацію на примѣненіе тѣлесныхъ наказаній. Даже при существованіи *чрезвычайной* охраны карательная власть администраціи измѣняется только количественно, но не качественно; увеличивается продолжительность личнаго задержанія, повышается максимальная цифра денежнаго штрафа, но къ этимъ двумъ видамъ наказанія не присоединяется никакихъ другихъ. Административнымъ карамъ подлежатъ, притомъ, не всѣ проступки, а только тѣ, которые имѣютъ характеръ нарушенія обязательныхъ постановленій или (при чрезвычайной охранѣ) изъяты, особымъ, заранѣе объявленнымъ распоряженіемъ, изъ вѣдѣнія суда. Проступокъ Скуднева и Масленникова не подходилъ ни подъ одну изъ этихъ категорій и вовсе не подлежалъ разбору губернатора; онъ былъ подсуденъ судебной власти. Если одному изъ потерпѣвшихъ евреевъ дѣйствительно нанесено было *увѣчье*, въ техническомъ смыслѣ этого слова, Скудневъ могъ быть присужденъ къ весьма тяжкому наказанію—болѣе, можетъ быть, тяжкому, чѣмъ то, которому онъ подвергся по распоряженію губернатора; но степень отвѣтственности обоихъ виновниковъ безпорядка и самый размѣръ взысканія во всякомъ случаѣ долженъ былъ опредѣлить компетентный судъ, съ соблюденіемъ установленныхъ процессуальныхъ формъ.

Мы разсматривали до сихъ поръ распоряженіе нижегородскаго губернатора только съ точки зрѣнія положенія объ усиленной охранѣ; но не имѣется ли для него какой-либо другой легальной точки опоры? Случай съ Скудневымъ и Масленниковымъ—не первый въ своемъ родѣ; не говоря уже о разныхъ деревенскихъ экзекуціяхъ, тѣлесныя наказанія были пускаемы въ ходъ и въ городахъ, при усмиреніи — или, лучше сказать, по усмиреніи—анти-еврейскихъ безпорядковъ. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что нѣчто въ родѣ юридической санкціи подобныхъ мѣръ усматривается въ пун. 2 ст. 340 уложенія о наказаніяхъ, въ которомъ сказано: «не почитается превышеніемъ власти, когда чиновникъ или должностное лицо, въ какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, возьметъ на свою отвѣтственность принятіе также чрезвычайной, болѣе или менѣе рѣшительной мѣры, и потомъ докажетъ, что оная, въ видахъ государственной пользы, была необходима, или что по настоятельности дѣла онъ не могъ, безъ видимой опасности или вреда для службы, отложить принятіе сей мѣры до выс-

шаго на то разрѣшенія». Едва-ли, однако, эта статья имѣетъ что-нибудь общее съ обсуждаемымъ нами вопросомъ. Она предполагаетъ, во-первыхъ, *неожиданное*, *непредвидѣнное* стеченіе обстоятельствъ, и уже по этому одному не можетъ относиться къ случаямъ, встрѣчающимся далеко не въ первый разъ, къ безпорядкамъ, способъ предупрежденія или прекращенія которыхъ можетъ и долженъ быть опредѣленъ заранѣе, общимъ или отдѣльнымъ распоряженіемъ компетентной власти. Такимъ общимъ распоряженіемъ служатъ, въ настоящее время, правила 14-го августа 1881 г., достаточно вооружившія администрацію, болѣе чѣмъ достаточно расширившія и усилившія ея власть,—а отдѣльнымъ распоряженіемъ является примѣненіе этихъ правилъ къ данной мѣстности на извѣстный срокъ. Во-вторыхъ, статья 340-ая имѣетъ въ виду наличность *чрезвычайныхъ условій*, *еще длящихся*, *еще неустраненныхъ;* какъ только они миновали, нѣтъ больше надобности въ *чрезвычайныхъ мѣрахъ*— и, слѣдовательно, нѣтъ больше для нихъ и основанія. Тѣлесныя наказанія, по самому своему свойству, всегда *слѣдуютъ* за безпорядкомъ, а потому не могутъ способствовать его *прекращенію*—и, слѣдовательно, никогда не могутъ быть подведены подъ дѣйствіе ст. 340-ой. Въ случаѣ, насъ занимающемъ, чрезвычайныхъ обстоятельствъ не было вовсе; была только *попытка* произвести безпорядокъ, во-время остановленная распорядительностью полиціи. Безспорно, изъ ничтожной искры разгорается иногда большой пожаръ, а въ горючемъ матеріалѣ на нижегородской ярмаркѣ нѣтъ недостатка; это доказали прискорбныя событія 1884-го года. Противъ такихъ подстрекательствъ, какія позволили себѣ Скудневъ и Масленниковъ, несомнѣнно слѣдовало принять энергичныя мѣры; но все же мы не видимъ причины, по которой это не могло бы быть сдѣлано на законной почвѣ, въ законныхъ предѣлахъ. Оба преступника были тотчасъ же арестованы; ничто не мѣшало немедленно возбудить противъ нихъ уголовное преслѣдованіе, которое могло быть приведено къ концу еще до окончанія ярмарочнаго сбора. Мы хорошо помнимъ, какъ лѣтъ двадцать тому назадъ, вскорѣ послѣ осуществленія судебной реформы, въ Петербургѣ совершенъ былъ поджогъ, грозившій большою опасностью (кажется, въ Думской улицѣ, во дворѣ дома, переполненнаго жильцами, и въ двухъ шагахъ отъ гостинаго двора). Въ высшихъ сферахъ возникла мысль о преданіи виновнаго (крестьянина

Щепочкина) военному суду, чтобы быстрой и энергичной карой предупредить повтореніе подобныхъ преступленій; но судебной администраціи удалось доказать, что тотъ же результатъ можетъ быть достигнутъ и безъ нарушенія законовъ о подсудности. Между событіемъ преступленія и судебнымъ разбирательствомъ прошло только двѣ недѣли; Щепочкинъ былъ признанъ виновнымъ и присужденъ къ тяжкому уголовному наказанію. Съ такою же быстротою окончилось, годъ спустя, дѣло объ убійствѣ военнаго австрійскаго агента, князя Аренберга, также возбуждавшее предположенія о необходимости военнаго суда; съ такою же быстротою могло окончиться и судебное дѣло о Скудневѣ и Масленниковѣ. Гласный судебный разборъ не оставилъ бы сомнѣнія въ виновности подсудимыхъ; при негласной полицейской расправѣ оно всегда возможно. Еще менѣе обезпеченнымъ представляется здѣсь соотвѣтствіе между виною и наказаніемъ...

XXXIII.

Честь мундира [1].

Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ вошло въ моду все давнопрошедшее и лозунгомъ, въ разныхъ областяхъ жизни, сдѣлалось возвращеніе къ старымъ привычкамъ и порядкамъ, довольно часто стала появляться на сцену въ печати вышедшая-было изъ обращенія доктрина о «чести военнаго мундира». Въ этомъ не было бы еще большой бѣды, если бы извѣстнаго сорта доктринеры не доходили—здѣсь, какъ и во всемъ остальномъ — до самыхъ крайнихъ выводовъ и если бы за словами не слѣдовали дѣла. Увеличеніе числа процессовъ, вызванныхъ кровавой расплатой за обиду, едва-ли можетъ быть приписано одной случайности. Весной этого года въ курской губерніи разсматривалось дѣло о подпрапорщикѣ Шмидтѣ, убившемъ, въ Обояни, трактирнаго буфетчика Гутовскаго; нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ Тифлисѣ судился поручикъ Рыбачковъ, застрѣлившій штабсъ-капитана Голушенко; на дняхъ въ Харьковѣ слушалось дѣло о корнетѣ Гогелѣ, убившемъ, въ Ромнахъ, купца Мосолова. Поводомъ къ убійству во всѣхъ этихъ случаяхъ было оскорбленіе, нанесенное убійцѣ. Вотъ что́ мы узнаемъ, напримѣръ, изъ газеты, особенно усердствующей въ защитѣ «мундирной чести». Деньщикъ, посланный съ запиской въ глухую, отдаленную часть города (какого — неизвѣстно) и вслѣдствіе того вооруженный кинжаломъ, встрѣчаетъ кучку пьяныхъ мѣщанъ, начинающихъ «издѣваться надъ солдатскимъ мундиромъ». Сначала онъ требуетъ, чтобы его оставили въ

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1887 г., октябрь, общественная хроника.

покоѣ, предупреждаетъ, что иначе «плохо будетъ» оскорбителямъ; когда это не дѣйствуетъ, онъ наноситъ одному изъ глумящихся ударъ по лицу. На него бросаются всѣ остальные; онъ вынимаетъ кинжалъ, размахиваетъ имъ, грозитъ — нападающіе не унимаются; онъ ранитъ кого-то въ плечо—нападеніе прекращается только на минуту и возобновляется съ новою силой; тогда денщикъ опять пускаетъ въ ходъ свое оружіе — и на этотъ разъ одинъ изъ нападающихъ падаетъ мертвымъ. Производится слѣдствіе, оканчивающееся тѣмъ, что деньщикъ признается поступившимъ правильно и неподлежащимъ суду. «Онъ доказалъ,—прибавляетъ отъ себя авторъ газетной статьи,—что уважаетъ свой мундиръ и дорожитъ имъ.. Товарищи его убѣдились въ томъ, что солдатъ не на однихъ словахъ, но и на дѣлѣ можетъ и долженъ защищать честь своего мундира». «На долю современныхъ офицеровъ,—читаемъ мы въ той же статьѣ, — выпала тяжелая задача: приниженный (!), забитый (!) и сбитый съ толку (!) военный мундиръ вновь возвести на ту высокую ступень, на какой долженъ онъ находиться по смыслу, если хотятъ, чтобы войско было дѣйствительно войскомъ, а не сбродомъ, не толпою всякихъ проходимцевъ». Дальше констатируется тотъ фактъ, что хотя офицеры и солдаты, «заступившіеся за свой мундиръ», и до сихъ поръ еще подвергаются иногда наказанію какъ за самоуправство, но это случается все рѣже и рѣже — и скоро, быть можетъ, не будетъ случаться вовсе.

Еще болѣе серьезнымъ симптомомъ, чѣмъ вышеприведенныя газетныя фразы, представляются варіаціи на ту же тему, принадлежащія человѣку науки. Защитникомъ подпрапорщика Шмидта передъ военнымъ судомъ выступилъ профессоръ харьковскаго университета, г. Владиміровъ; его защитительная рѣчь, напечатанная сначала въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», вышла недавно въ свѣтъ отдѣльной брошюрой. «Воинская честь,— говоритъ г. Владиміровъ, оправдывая ею преступленіе своего кліента,—не есть простое литературное выраженіе; воинская честь есть обязанность каждаго военнаго человѣка, безъ нея не можетъ быть хорошей арміи. Честь есть внѣшнее проявленіе извѣстнаго чувства долга, извѣстнаго нравственнаго настроенія. Она различна въ различныхъ сословіяхъ; понятія о чести ученаго, военнаго, духовнаго лица различны, хотя всѣ должны быть честными людьми. Каждому военному должно

быть присуще—кромѣ правилъ нравственности, для всѣхъ обязательныхъ — также и благородство. Ему недостаточно быть честнымъ; отъ него требуется нѣчто бо́льшее — великодушіе, извѣстная возвышенность чувствъ; требуется, чтобы въ каждомъ, самомъ тяжкомъ жизненномъ положеніи, военный человѣкъ поступалъ такъ, какъ диктуютъ высокія чувства, хотя бы онъ рисковалъ своею личностью, своимъ положеніемъ, своею жизнью — чтобы, напримѣръ, ему могла безбоязненно вручить свою честь женщина, при всякихъ условіяхъ. Наконецъ, воинская честь есть *соблюденіе достоинства внѣшняго выраженія чести, которая овеществляется въ мундирѣ.* Честь мундира есть общее достояніе арміи; съ нимъ нельзя обращаться произвольно и небрежно. Если на комъ-нибудь *оскорблено это внѣшнее выраженіе чести*, и если это лицо попадаетъ въ такое положеніе, что воинская честь требуетъ одного, а уголовный законъ — другого, то оно, конечно, очутится между молотомъ и наковальней; но тогда чувство воинской чести должно подсказать ему, какъ поступить». При столкновеніи съ трактирной прислугой у Шмидта былъ разорванъ мундиръ; оторванный кусокъ (съ подпрапорщичьей нашивкой) остался у буфетчика— и послѣдній былъ убитъ именно тогда, когда Шмидтъ, двадцать-четыре часа спустя, потребовалъ возвращенія ему этого «вещественнаго доказательства» нанесенной ему обиды. Прокуроръ (по словамъ защитительной рѣчи) утверждалъ, что оскорбленіе, причиненное Шмидту, было не важно, что онъ могъ «равнодушно смотрѣть на растерзанный мундиръ»; согласиться съ этимъ взглядомъ — значило бы, по мнѣнію защитника, «уничтожить военную особенность настоящаго дѣла, убить его душу».

Нетрудно замѣтить, что аргументація г. Владимірова не представляетъ собою одного гармоническаго, стройнаго цѣлаго. Сначала онъ высказываетъ нѣсколько общихъ положеній, далеко не лишенныхъ основанія—но потомъ замѣняетъ ихъ другими, совершенно противоположнаго свойства. «Воинская честь» внезапно является у него синонимомъ «чести мундира», тогда какъ на самомъ дѣлѣ между той и другой лежитъ цѣлая пропасть. Воинская честь, какъ ее первоначально понимаетъ и опредѣляетъ защитникъ, совпадаетъ съ честью вообще, слегка только подчеркивая или выдвигая на первый планъ одну сторону послѣдней. Есть качества, свойственныя каждому «честному» че-

ловѣку—но преимущественно свойственныя тѣмъ, отъ кого постоянно ожидается проявленіе этихъ качествъ. Если, вопреки ожиданію, данное качество оказывается здѣсь отсутствующимъ или недостаточно развитымъ, это считается *особенно* унизительнымъ, *особенно* постыднымъ. Невоздержный священникъ, пристрастный судья, недобросовѣстный ученый навлекаютъ на себя, съ этой точки зрѣнія, порицаніе болѣе строгое, чѣмъ человѣкъ другого званія, другой профессіи, страдающій тою же слабостью или тѣмъ же порокомъ. Отъ военнаго человѣка прежде всего требуется мужество, храбрость; понятно, что больше всего ему вмѣняется въ вину трусость, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—даже простая осторожность. Въ этомъ только смыслѣ, какъ намъ кажется, и можно говорить о спеціально-воинской чести: иначе придется различать между офицерскою и солдатскою честью, между тѣмъ какъ воинская честь — только одна. По своему внутреннему свойству она не составляетъ чего-то исключительнаго, принадлежащаго единственно однимъ военнымъ; она близко соприкасается, напримѣръ, съ тѣмъ чувствомъ, во имя котораго врачъ или сестра милосердія считаютъ себя не въ правѣ бѣжать изъ зачумленнаго города, отъ постели заразительнаго больного—и во имя котораго они подвергаются осужденію, если не остаются твердыми на своемъ опасномъ посту. Идти дальше едва-ли возможно: едва-ли возможно вводить въ понятіе о воинской чести—какъ это дѣлаетъ г. Владиміровъ—деликатность, великодушіе, возвышенность чувствъ. Желательно, конечно, чтобы всѣмъ этимъ отличались офицеры—но не менѣе законно такое желаніе по отношенію ко всякому нравственно развитому человѣку, кѣмъ бы и чѣмъ бы онъ ни былъ. Не здѣсь, однако, главный пунктъ разногласія нашего съ г. Владиміровымъ. Мы возстаемъ противъ скачка, посредствомъ котораго онъ сразу переходитъ отъ «воинской чести» къ «чести мундира». Ясная мысль уступаетъ мѣсто туманной или напыщенной фразѣ; намъ говорятъ о «соблюденіи достоинства внѣшняго выраженія чести», объ «омраченіи внѣшняго выраженія чести», объ «овеществленіи чести» въ формѣ мундира. Провозглашается, такимъ образомъ, не обязанность быть и оставаться честнымъ, а обязанность оберегать внѣшнимъ образомъ внѣшнюю оболочку, совершенно напрасно возводимую на степень символа. И этой-то оболочкѣ присвоивается преимущество — передъ чѣмъ? Передъ чужою жизнью — передъ жизнью

буфетчика, застрѣленнаго Шмидтомъ, передъ жизнью мѣщанина, заколотаго деньщикомъ. Мы не касаемся самаго существа уголовныхъ дѣлъ, подавшихъ поводъ къ разсужденіямъ г. Владимірова и вышеупомянутой газеты. Весьма можетъ быть, что Шмидтъ убилъ буфетчика, находясь въ состояніи аффекта или необходимой обороны; весьма можетъ быть, что деньщикъ защищался кинжаломъ противъ нападенія, угрожавшаго опасностью его здоровью или его жизни. Для насъ важно только то, что достаточнымъ оправданіемъ *убійства* признается въ одномъ случаѣ «растерзаніе мундира», въ другомъ случаѣ — «издѣвательство надъ мундиромъ». И развѣ мундиръ, офицерскій или солдатскій, въ самомъ дѣлѣ нуждается у насъ въ подобной защитѣ, развѣ онъ въ самомъ дѣлѣ «приниженъ, забитъ и сбитъ съ толку»? Нельзя себѣ представить ничего болѣе далекаго отъ истины. Между войскомъ и народомъ, между войскомъ и обществомъ существуютъ у насъ, вообще говоря, самыя хорошія, самыя нормальныя отношенія; испортить, исказить ихъ могутъ только непрошенные защитники, опасные друзья мундира. Солдатъ, со времени введенія въ дѣйствіе общей воинской повинности, представляетъ собою всѣ классы народа, въ среду котораго онъ и возвращается настолько скоро, что не остается времени для искусственнаго ихъ разобщенія. Офицеры до сихъ поръ пользуются сочувствіемъ, заслуженнымъ ими въ продолженіе послѣдней восточной войны; никому не приходитъ въ голову унижать ихъ, презрительно относиться къ ихъ профессіи, къ ихъ мундиру. Обоянь или Ромны — не завоеванная страна, въ которой войска должны вѣчно быть насторожѣ, вѣчно чувствовать вокругъ себя атмосферу вражды, въ каждую данную минуту готовой перейти отъ косыхъ взглядовъ къ обиднымъ словамъ, отъ обидныхъ словъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Военная форма никому у насъ не противна, ни въ комъ не вызываетъ непріязни; незачѣмъ, слѣдовательно, и заботиться о чрезвычайной ея охранѣ. Пусть только каждый, носящій форму, сохраняетъ уваженіе къ другимъ и къ самому себѣ—и ему будутъ платить тою же монетой. Возможны, конечно, исключительные случаи, въ которыхъ не обережешься отъ незаслуженныхъ оскорбленій—но вѣдь они возможны не для однихъ военныхъ, и мы не видимъ причины, почему одной категоріи гражданъ право самозащиты должно быть предоставлено въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ всѣмъ другимъ.

Оружіе дано офицерамъ и солдатамъ, безъ сомнѣнія, не для того, чтобы они пускали его въ ходъ противъ безоружныхъ. Меньше всего такой образъ дѣйствій соотвѣтствуетъ «великодушію», составляющему, по мнѣнію г. Владимірова, принадлежность воинской чести.

Заговоривъ однажды о защитительной рѣчи г. Владимірова, мы не можемъ умолчать о другой ея чертѣ, столь же мало симпатичной; это — погоня за фразой, вдвойнѣ неумѣстная въ устахъ русскаго профессора и русскаго защитника. Что сказать, напримѣръ, о такомъ приступѣ къ защитѣ: «23 ноября 1886 г., въ темную ночь, на крыльцѣ квартиры командира сѣвскаго полка лежалъ молодой подпрапорщикъ Шмидтъ. Онъ имѣлъ видъ или усталаго путника, котораго еле донесли искалѣченныя ноги, или пловца, котораго послѣ сильной борьбы волны выбросили на берегъ, избивъ предварительно объ острые камни и утесы». Въ рѣчи зауряднаго французскаго адвоката, какъ и въ заурядномъ сенсаціонномъ романѣ, эта риторика насъ бы не удивила: лучшимъ пріемамъ русской адвокатуры, да и русской беллетристики, она рѣшительно противорѣчитъ. «Если бы мы, — продолжаетъ защитникъ, — быстро помчались въ абакумовскій трактиръ, то увидѣли бы тамъ другую картину. Въ билліардной комнатѣ лежалъ убитый буфетчикъ Гутовскій, повернутый къ стѣнѣ, *уткнувшись лицомъ въ соръ, вымететный изъ гостиницы. Онъ окончилъ жизнь въ обстановкѣ, которая какъ бы напоминаетъ собою низкіе поступки его относительно подпрапорщика Шмидта*». Стремленіе къ эффекту доводитъ здѣсь до безцѣльнаго, непростительнаго глумленія надъ убитымъ. Какъ бы несчастный буфетчикъ ни былъ виноватъ передъ Шмидтомъ, онъ искупилъ свою вину смертью, т.-е. наказаніемъ, во всякомъ случаѣ несоразмѣрнымъ преступленію, — и не защитнику Шмидта подобало рисовать картину грязи, среди которой умеръ Гутовскій. «Если бы мы, — продолжаемъ нашу выписку изъ защитительной рѣчи, — отправились въ третье мѣсто, въ квартиру подпрапорщика Шмидта, то въ сундукѣ его нашли бы истерзанный подпрапорщичій мундиръ. Онъ-то и служитъ ключомъ къ разгадкѣ всей этой исторіи». Патетическое близко, очень близко граничило бы здѣсь съ смѣшнымъ, если бы только въ дѣлѣ объ убійствѣ было мѣсто для смѣшного. Придавая такое значеніе «истерзанному» мундиру, защитникъ оказывалъ, въ сущности, плохую услугу своему

кліенту. Мундиръ былъ «истерзанъ» *наканунѣ* убійства, и выдвигать его на первый планъ—значило придавать преступленію оттѣнокъ обдуманности, которой оно на самомъ дѣлѣ было чуждо. Ложная исходная точка отразилась, такимъ образомъ, на всей защитѣ и парализовала, до извѣстной степени, выдающееся дарованіе, которымъ обладаетъ защитникъ.

XXXIV.

Смертная казнь.—Еще о чести мундира [1]).

Когда, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, современное намъ общество, его нравы и идеи сдѣлаются предметомъ всесторонняго изученія, отъ глазъ изслѣдователя не ускользнетъ, по всей вѣроятности, одна черта, довольно характерная для цѣлой эпохи. Его поразитъ контрастъ между просторомъ, предоставленнымъ, повидимому, періодической прессѣ, и тѣми границами, въ которыя она какъ будто сама себя заключаетъ на самомъ дѣлѣ. Широко пользуясь другими источниками, кромѣ газетъ и журналовъ, онъ замѣтитъ, что печать нашего десятилѣтія многаго не затрогивала вовсе, многаго другого касалась только слегка, останавливаясь на полусловѣ. Онъ замѣтитъ, далѣе, что степень вниманія, удѣляемаго каждому событію, далеко не всегда соотвѣтствовала его дѣйствительному значенію; не всегда росла или понижалась вмѣстѣ съ важностью предмета—а иногда бывала ей обратно пропорціональна Уловить общій законъ этихъ колебаній будетъ довольно трудно, да едва-ли они и могутъ быть сведены къ одной причинѣ. Препятствія, раскрытіе которыхъ принадлежитъ исторіи, окажутся, быть можетъ, отчасти реальными, отчасти воображаемыми,—отчасти непобѣдимыми, отчасти только непобѣжденными. Какъ бы то ни было, самый фактъ неравномѣрнаго распредѣленія свѣта и тѣней не подлежитъ никакому сомнѣнію. Существуютъ цѣлыя области, какъ будто закрытыя или едва доступныя для печати; существуютъ цѣлыя серіи

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1887 г., ноябрь, обществ. хроника.

явленій, о которыхъ она не говоритъ вовсе, или говоритъ очень мало, или говоритъ только устами нѣкоторыхъ своихъ органовъ. Есть извѣстія, которыя могутъ быть оглашены только въ видѣ не для всѣхъ понятнаго намека; есть другія, доходящія до всеобщаго свѣдѣнія не иначе какъ въ оффиціальной формѣ. Иногда отдѣльный фактъ изъ категоріи тѣхъ, о которыхъ принято умалчивать, неожиданно проникаетъ въ печать, но подробности или послѣдствія его и тогда остаются только предметомъ догадокъ и слуховъ. При такомъ положеніи дѣлъ можетъ притупиться впечатлительность общества къ самымъ вопіющимъ аномаліямъ. Невѣрно или неполно освѣщенные предметы принимаютъ несвойственные имъ размѣры, кажутся слишкомъ большими или слишкомъ мелкими, легко преувеличиваются и еще легче игнорируются или забываются. Изъятіе уголовныхъ преступленій изъ общей подсудности и передача ихъ на разсмотрѣніе военнаго суда, съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени, сдѣлались у насъ, съ нѣкоторыхъ поръ, явленіемъ довольно обычнымъ—а между тѣмъ обстоятельства дѣлъ, выведенныхъ изъ нормальной колеи, остаются почти всегда мало извѣстными или недостаточно разъясненными. Примѣромъ этому можетъ служитъ дѣло объ убійствѣ управляющаго Станиславскаго, недавно рѣшенное въ Пензѣ казанскимъ военно-окружнымъ судомъ. Во всѣхъ столичныхъ газетахъ была напечатана телеграмма о приговорѣ суда, присудившаго четырнадцать крестьянъ (изъ числа тридцати обвиняемыхъ) къ смертной казни, но подробнаго изложенія процесса мы нигдѣ не нашли; кое-какія свѣдѣнія о немъ попались намъ на глаза только въ «Саратовскомъ Листкѣ». *Мнѣніе* свое о процессѣ выразили, сколько намъ извѣстно, лишь двѣ газеты. Это—именно тѣ газеты, которыя съ самаго начала стояли за рѣшеніе этого дѣла внѣ общаго порядка, съ самаго начала требовали не столько разслѣдованія истины, сколько быстрой и суровой расправы.

Оба изданія—и московское, и его петербургское эхо—говорятъ о дѣлѣ устами своихъ мѣстныхъ корреспондентовъ: но это, очевидно, не что иное, какъ откликъ, повторяющій давно прозвучавшую ноту. Любопытны, однако, и варіаціи на знакомую тему. Одинъ изъ корреспондентовъ приписываетъ изъятіе дѣла изъ вѣдѣнія общихъ судовъ всецѣло «разумному и энергичному вмѣшательству административной власти»; другой

сообщаетъ, что «назначеніе военнаго суда состоялось лишь подъ впечатлѣніемъ *настойчивыхъ мѣстныхъ ходатайствъ*, поддержанныхъ губернаторомъ». «Мѣра эта,—прибавляетъ корреспондентъ отъ себя,—произвела, *конечно*, въ высшей степени благопріятное впечатлѣніе». Послѣднія слова насъ не удивляютъ; газеты извѣстнаго пошиба систематически и постоянно смѣшиваютъ свои собственные взгляды съ мнѣніемъ массы или большинства, постоянно говорятъ отъ имени общества, ничуть не повиннаго въ солидарности съ своими самозванными глашатаями. Иное дѣло — указаніе на «мѣстныя ходатайства», вдобавокъ еще «настойчивыя»; здѣсь идетъ рѣчь уже о фактѣ, подлежащемъ повѣркѣ. При другихъ условіяхъ такая повѣрка явилась бы сама собою; мѣстныя газеты или корреспонденты столичныхъ изданій не замедлили бы подтвердить или опровергнуть слухъ, далеко не безразличный для тѣхъ, кого онъ задѣваетъ. Мы узнали бы, отъ кого именно шли «мѣстныя ходатайства»—если они не принадлежатъ къ области вымысла,—чье мнѣніе они выражали, чѣмъ была мотивирована ихъ «настойчивость». Теперь мы стоимъ лицомъ къ лицу съ недоумѣніемъ, конецъ которому трудно предвидѣть. Слово принадлежитъ только одной сторонѣ, или она одна считаетъ возможнымъ имъ пользоваться; правило: audiatur et altera pars—остается неисполненнымъ или неисполнимымъ.

Корреспондентъ московской газеты жалѣетъ о томъ, что назначеніе военнаго суда состоялось слишкомъ поздно (въ іюлѣ мѣсяцѣ, тогда какъ преступленіе было совершено 14-го апрѣля). Онъ думаетъ, что «своевременное принятіе болѣе простыхъ мѣръ — военный постой и немедленное наказаніе всѣхъ виновныхъ—принесло бы гораздо болѣе пользы, чѣмъ военный судъ чрезъ пять мѣсяцевъ по совершеніи преступленія. Дѣло въ томъ, что преступленіе это совершено; вѣроятно, вслѣдствіе подстрекательства людей, которымъ выгодна была неурядица въ имѣніи двухъ старухъ. Но оно доказало страшное звѣрство толпы и нуждалось въ быстромъ возмездіи. Нужно было предупредить панику въ окружающей мѣстности, а главное, въ самомъ имѣніи настоять на томъ, чтобы преступники не достигли своей цѣли, т.-е. не добились тѣхъ порядковъ, которые были имъ желательны. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ вышло совершенно противоположное. Послѣ убитаго Станиславскаго никто не рѣшился поступить на столь опасное мѣсто, *и убійцы, пови-*

димому, хозяйничали на всей своей волѣ въ теченіе всего лѣта».— Какъ! Развѣ убійцы Станиславскаго оставались на свободѣ во все время предварительнаго слѣдствія? Конечно, нѣтъ; можетъ быть, не всѣ обвиняемые были арестованы въ одно и то же время, но содержаніе ихъ подъ стражей, разъ что на нихъ пало основательное подозрѣніе, не подлежитъ никакому сомнѣнію и удостовѣряется даже одною изъ разбираемыхъ нами корреспонденцій. Что же значатъ, въ такомъ случаѣ, подчеркнутыя нами слова корреспондента? А вотъ что: «на судѣ свидѣтели и обвиняемые держали себя вполнѣ солидарно; *дѣло очевидно шло объ исполненіи мірскою приговора.* Отдѣльные осужденные въ этомъ случаѣ являются случайными жертвами за мірское дѣло». То же самое утверждаетъ и корреспондентъ петербургской газеты. Онъ говоритъ, что «преступленіе было обдумано и совершено *міромъ*, по заранѣе установленному плану», что Станиславскій былъ убитъ и растерзанъ на клочья толпою крестьянъ *«по мірскому приговору»*. Мыслимы ли были бы подобныя увѣренія, если бы на этомъ пунктѣ, какъ и на многихъ другихъ, не происходила борьба тѣни съ свѣтомъ, борьба, въ которой всѣ шансы успѣха на сторонѣ тѣни? Какъ ни скудны данныя о судебномъ слѣдствіи, сообщенныя въ «Саратовскомъ Листкѣ», даже онѣ достаточны для опроверженія клеветы на міръ, съ такимъ апломбомъ выдаваемой за истину. Когда крестьяне пришли за скотомъ, задержаннымъ на помѣщичьемъ полѣ, ихъ было человѣкъ пятнадцать, но они стали расходиться, какъ только вышелъ къ нимъ навстрѣчу Станиславскій, и остановились лишь по уговору одного изъ нихъ, Денисова. Денисовъ вступилъ въ споръ съ Станиславскимъ; Станиславскій схватилъ его за бороду, бросилъ на землю и нанесъ ему нѣсколько ударовъ ружейной ложей. Денисовъ закричалъ крестьянамъ, чтобы бѣжали звонить набатъ; это было исполнено крестьяниномъ Данильцинымъ, кричавшимъ, на пути, что управляющій убилъ двухъ крестьянъ. Колокольный звонъ привлекъ къ барскому двору цѣлую деревню, человѣкъ триста; но рѣшительное нападеніе на Станиславскаго было сдѣлано не тотчасъ же, а послѣ того какъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья одинъ изъ крестьянъ. Не ясно ли, что въ этой картинѣ нѣтъ ни одной черты, которая указывала бы на «обдуманный, заранѣе установленный планъ», на «мірской приговоръ», состоявшійся надъ несчастнымъ Станиславскимъ и исполненный нѣсколькими отъ

лица всѣхъ? И дѣйствительно, подсудимые были преданы суду по обвиненію въ непредумышленномъ убійствѣ, т.-е. въ преступленіи, совершенномъ по внезапному побужденію, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. Другими словами, предварительное слѣдствіе не дало никакихъ матеріаловъ для предположенія, такъ рѣшительно высказываемаго газетными витіями. Правда, на судѣ прокуроръ—если вѣрить «Саратовскому Листку»—сошелъ съ почвы обвинительнаго акта и сталъ обвинять всѣхъ подсудимыхъ въ предумышленномъ убійствѣ; но его мнѣніе не было принято военнымъ судомъ, признавшимъ убійство Станиславскаго умышленнымъ (т.-е. намѣреннымъ), но не заранѣе обдуманнымъ. Если обвиненные подсудимые присуждены, тѣмъ не менѣе, къ смертной казни, то это объясняется строгостью законовъ военнаго времени, карающихъ смертью всякое *умышленное* убійство, все равно, было ли оно предумышленнымъ или непредумышленнымъ. Допустивъ существованіе «плана» или «мірского приговора», судъ не могъ бы *оправдать* четырнадцать подсудимыхъ, присужденія которыхъ къ смертной казни, наравнѣ съ остальными, требовала обвинительная власть; ему слѣдовало бы признать ихъ если не активными участниками, то нравственными виновниками убійства. Не могъ бы онъ также обвинить волостного старшину и сельскаго старосту *только* въ бездѣйствіи власти, безъ намѣренія допустить убійство. Одного разрѣшенія на звонъ набата, даннаго сельскимъ старостой, было бы достаточно для обвиненія его въ подстрекательствѣ къ убійству, если бы судъ нашелъ доказаннымъ хотя что-либо похожее на «мірской приговоръ», заранѣе осудившій Станиславскаго. Не предполагаетъ вѣры въ этотъ приговоръ и та формулировка обвиненія, на которой, въ заключительныхъ преніяхъ, остановился прокуроръ. Чтобы признать предумышленіе или заранѣе обдуманное намѣреніе, достаточно установить, что исполненіе не тотчасъ слѣдовало за умысломъ, что между ними прошелъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго виновный могъ дать себѣ ясный отчетъ въ значеніи замышляемаго дѣйствія. Наличность этого условія прокуроръ могъ усмотрѣть въ обстоятельствахъ даннаго случая, вовсе не увѣровавъ въ «мірской приговоръ» надъ Станиславскимъ онъ могъ найти, что обдуманность преступленія вытекаетъ изъ самой продолжительности нападеній на Станиславскаго, нѣсколько разъ прерывавшихся и возобновлявшихся. Пра-

вилепъ ли такой выводъ — это другой вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго мы не входимъ; намъ нужно только показать, что предположеніе о «мірскомъ приговорѣ» не имѣетъ подъ собой никакой реальной почвы. Откуда же смѣлость, съ которою говорятъ о немъ гг. корреспонденты? Не объясняется ли она увѣренностью въ отсутствіи возраженій—и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніемъ эксплоатировать несчастный случай, извлечь изъ него мораль, выгодную для извѣстныхъ поползновеній? Мы думаемъ, что послѣднее объясненіе всего ближе къ истинѣ; не даромъ же корреспонденція московской газеты заканчивается слѣдующими словами: «отдѣльныя, самыя крутыя мѣры не принесутъ пользы, не положатъ конца нашей сельской неурядицѣ, *пока не будетъ принято болѣе серьезныхъ мѣръ для возстановленія порядка на мѣстахъ*». Корреспондентъ петербургской газеты пользуется случаемъ, чтобы бросить камень въ главную мишень застрѣльщиковъ извѣстнаго рода—въ судебные порядки; онъ утверждаетъ, что до самаго суда существовала между крестьянами полная увѣренность въ безнаказанности преступленія, основанная на томъ, что «всякій судъ, *каковъ бы онъ ни былъ* (значитъ—и военный?!), всегда и во всякомъ случаѣ станетъ на сторону мужика противъ помѣщика». Это убѣжденіе является, въ свою очередь, плодомъ «воспитательной дѣятельности судебной республики», плодомъ «пропаганды безвластія и безправія, пустившей глубокіе корни въ народное сознаніе».

Что же, однако, дѣлать, въ ожиданіи той вожделѣнной минуты, когда «судебная республика» будетъ замѣнена «судебной канцеляріей», а «на мѣстахъ» будетъ возстановленъ дореформенный строй, слегка видоизмѣненный? Корреспондентъ московской газеты не оставляетъ безъ отвѣта и этого вопроса. Мы слышали уже сѣтованія его о томъ, что, вслѣдъ за убійствомъ Станиславскаго, не были приняты *простыя* мѣры: военный постой, немедленное наказаніе всѣхъ виновныхъ и устройство въ имѣніи такихъ порядковъ, которые шли бы прямо въ разрѣзъ съ желаніями крестьянъ. Не слишкомъ ли уже «проста» эта программа? *Наказанію* виновныхъ должно же было, во всякомъ случаѣ, предшествовать приведеніе въ извѣстность, кто именно виновенъ, т.-е. хоть какое-нибудь разслѣдованіе, несовмѣстимое съ *немедленными* мѣропріятіями. Или, можетъ быть, виновность *всѣхъ* долгорукихъ

скихъ крестьянъ нужно было признать за нѣчто данное, не требующее доказательствъ, и прямо приступить къ наказаніямъ? Но гдѣ же найти судъ, который согласился бы постановить приговоръ, не разсматривая дѣла? Развѣ обойтись вовсе безъ суда? Но въ такомъ случаѣ какія же назначить наказанія? Нельзя же казнить смертью триста человѣкъ, взрослое населеніе цѣлой деревни; нельзя и сослать его въ каторгу или на поселеніе, примѣнивъ къ нему обыкновенный законъ о непредумышленномъ убійствѣ. Оставалось бы только прибѣгнуть къ «наказанію десятаго», къ случайному выбору жертвъ, подъ опасеніемъ безнаказанности виновныхъ и гибели невинныхъ. Вотъ къ какимъ логическимъ выводамъ приводитъ слѣпая жажда *немедленной*, жестокой кары. Справедливость, соразмѣрность между преступленіемъ и наказаніемъ, отвѣтственность каждаго только за собственную вину — все это становится пустымъ звукомъ; золотыя слова о «десяти виновныхъ и одномъ невинномъ» ступевываются передъ давно забытой формулой допетровской эпохи: «дабы не повадно было другимъ тако творити». Система устрашенія выступаетъ здѣсь на сцену въ самой грубой, самой беззастѣнчивой своей формѣ; на мѣсто правосудія расходившаяся печать ставитъ ничего не разбирающую, ничѣмъ не стѣсняющуюся расправу. Этого мало: къ мѣрамъ, направленнымъ противъ *возможныхъ* виновниковъ преступленія, предлагается присоединить мѣры, всею тяжестью своей упадающія на завѣдомо-невинныхъ. Рекомендуется «военный постой», т.-е. разореніе семействъ, наказаніе жены за вину—*возможную* вину—мужа, дѣтей—за вину отца. И въ основаніи всѣхъ этихъ предложеній лежитъ—повторяемъ еще разъ—одна только догадка газеты о существованіи «мірского приговора», догадка, ничѣмъ не доказанная и отвергнутая самимъ военнымъ судомъ! Дальше идти, повидимому, нельзя; но корреспонденція петербургской газеты доказываетъ противное. Нарисовавъ самую мрачную картину самовольства крестьянъ и угнетеннаго состоянія помѣщиковъ (въ Пензенской губерніи, послѣ убійства Станиславскаго), корреспондентъ восклицаетъ: «отношенія болѣе чѣмъ странныя, а въ случаѣ *чего Боже сохрани*—оправданія или *помилованія* подсудимыхъ, грозящія стать совершенно невозможными». Прочитавъ эту невѣроятную тираду, мы невольно вспомнили слова нашего великаго поэта, обращенныя къ «лукавому льстецу»:

«Онъ изъ Его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ» [1]).

Всѣ подобныя галлюцинаціи не имѣютъ, конечно, никакого отношенія къ самому факту преданія долгоруковскихъ крестьянъ спеціальному суду и отступленію въ этомъ случаѣ отъ общей подсудности. Но непрошенные газетные комментаторы поняли это такъ, какъ будто отступленіе сдѣлано съ цѣлью неминуемаго осужденія или особенно строгаго наказанія обвиняемыхъ—и тѣмъ, конечно, старались поколебать въ обществѣ самую идею о правосудіи, какъ о воздаяніи каждому по дѣламъ его, не зависящемъ ни отъ какихъ посторонннихъ, случайныхъ обстоятельствъ. Всего менѣе поводовъ къ подобнымъ комментаріямъ представляютъ такія изъятія изъ общаго закона, которыя установляются для цѣлой мѣстности или для цѣлаго рода дѣлъ и не имѣютъ, притомъ, обратной силы. Смыслъ такихъ изъятій заключается въ томъ, что извѣстное преступленіе, совершенное въ извѣстномъ мѣстѣ, *заранѣе* признается особенно опаснымъ для общества или государства. Нарушитель закона, кто бы онъ ни былъ, знаетъ—или, по крайней мѣрѣ, предполагается знающимъ—послѣдствія своего дѣянія; онъ знаетъ, что ему предстоитъ чрезвычайная отвѣтственность, назначаемая въ чрезвычайномъ порядкѣ. Иное дѣло—отдѣльные процессы, направляемые, post factum, на путь исключительнаго порядка. По основному принципу права, наказуемость преступленія опредѣляется закономъ, предусматривавшимъ его въ самый моментъ его совершенія (развѣ если бы законъ былъ измѣненъ, до суда, въ смыслѣ благопріятномъ для обвиняемаго); здѣсь, наоборотъ, приходится примѣнять законъ, въ сферу котораго дѣяніе, когда оно было совершено, не входило вовсе—и законъ несравненно болѣе суровый. Въ первомъ случаѣ, т.-е. при изъятіи общемъ, существуетъ, по крайней мѣрѣ, равенство между однородными преступленіями, совершенными въ данное время, въ данной мѣстности; въ послѣднемъ случаѣ, т.-е. при изъятіяхъ частныхъ, нѣтъ на-лицо и этого вида равенства. Изъ двухъ убійствъ, отдѣленныхъ одно отъ другого нѣсколь-

[1]) Въ примѣчаніи къ стихотворенію Пушкина, изъ котораго мы заимствуемъ эти слова, сказано, что оно было представлено поэтомъ, черезъ гр. Бенкендорфа, государю Николаю Павловичу, который остался «совершенно доволенъ этимъ стихотвореніемъ» (изд. Литературн. Фонда, т. II, стр. 30).

кими днями и нѣсколькими десятками верстъ,одно разсматривается въ одномъ порядкѣ, другое—въ другомъ, одно карается смертью, другое—каторжной работой. И это различіе обусловливается вовсе не тѣмъ, что первое преступленіе безнравственнѣе, отвратительнѣе второго. Какъ ни ужасно убійство Станиславскаго, но есть много другихъ, ничуть не менѣе ужасныхъ, и все-таки судимыхъ общимъ судомъ, на основаніи общихъ законовъ. Обвиняемые несутъ усиленную кару не потому, что они болѣе виновны, а потому, что къ ихъ винѣ признано нужнымъ, по соображеніямъ политическаго свойства, отнестись особенно строго. Гдѣ пріостановлено дѣйствіе общихъ законовъ, тамъ все-таки существуетъ нѣкоторое основаніе предполагать и бо́льшую виновность преступника; отъ него—хотя бы въ силу юридической фикціи—можно требовать пониманія, что при данныхъ условіяхъ задуманное имъ преступленіе представлялось особенно опаснымъ, а слѣдовательно и особенно тяжкимъ. При частныхъ изъятіяхъ, слѣдующихъ за преступленіемъ, а не предшествующихъ ему, нѣтъ мѣста даже для такого предположенія. Квалифицированное наказаніе преступника является здѣсь исключительно и всецѣло результатомъ условій, лежащихъ внѣ его преступной воли. Вотъ почему съ такою легкостью могли явиться тѣ газетныя заключенія, съ которыми мы познакомились выше. Въ обвиняемыхъ, участь которыхъ должна служить не столько возмездіемъ за вину, сколько источникомъ страха и залогомъ порядка, усердіе газетныхъ прокуроровъ перестало видѣть живыхъ людей, имѣющихъ право на справедливость и могущихъ быть предметомъ милосердія; они разсматриваются только какъ anima vilis, какъ объектъ для мѣропріятій, долженствующихъ возбудить спасительный трепетъ... Корреспонденціи, вызванныя пензенскимъ дѣломъ, доказываютъ прямо противоположное тому, что́ хотѣли доказать ихъ авторы. Уваженіе къ закону, къ порядку, къ чужому праву, къ человѣческой жизни воспитывается не тѣми чувствами, къ которымъ апеллируютъ «Московскія Вѣдомости» и петербургскій ихъ оруженосецъ.

По поводу послѣдней нашей хроники въ «Новомъ Времени» появилась статья, которая вынуждаетъ насъ возвратиться еще разъ къ вопросу о различіи между «военною честью» и «честью военнаго мундира». Намъ тѣмъ легче дать отвѣтъ на сдѣлан-

ныя возраженія, что въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», когда наша предыдущая хроника была уже въ печати, появился отчетъ о другомъ однородномъ дѣлѣ, въ Харьковѣ, подтверждающемъ все высказанное нами прежде. Не входя и на этотъ разъ, какъ и по дѣлу Шмидта, въ оцѣнку судебнаго приговора, мы остановимся только на тѣхъ подробностяхъ процесса, которыя прямо относятся къ занимающей насъ темѣ Сценой происшествія былъ городской садъ въ Ромнахъ; время—ночное. Крестьянинъ Мосаловъ (содержатель ломовыхъ извозчикояъ) сидѣлъ за однимъ столомъ съ нѣсколькими офицерами, въ числѣ которыхъ былъ корнетъ Гогель. Между офицерами шелъ разговоръ, прерванный словами Мосалова: «полно вамъ брехать». Гогель обратился къ нему съ просьбой не вмѣшиваться въ чужую бесѣду; но это не остановило Мосалова. На вторичное замѣчаніе Гогеля Мосаловъ отвѣчалъ: «ишь какой, назначили адъютантомъ, такъ и заважничалъ». Гогель приказалъ Мосалову «убираться»; Мосаловъ послалъ ему въ отвѣтъ площадное ругательство, послѣ чего Гогель дважды ударилъ Мосалова хлыстомъ, кажется—по лицу. Во время происшедшей свалки—при чемъ Мосаловъ только порывался къ Гогелю, но не былъ къ нему подпущенъ—Мосаловъ кричалъ, чтобы позвали къ нему на помощь ломовыхъ извозчиковъ. «Будучи въ раздраженіи—читаемъ мы въ отчетѣ—и имѣя въ виду, что если явятся рабочіе Мосалова, то онъ, Гогель, можетъ быть побитымъ, Гогель поѣхалъ взять свой револьверъ, съ которымъ и возвратился въ садъ». Мосаловъ, увидѣвъ Гогеля, сталъ бранить его и другого офицера. Тарновскаго, а также весь ихъ полкъ. Тарновскій ударилъ Мосалова хлыстомъ по лицу; Мосаловъ старался схватить или ударить Тарновскаго. Въ это время Гогель два раза выстрѣлилъ въ Мосалова, при чемъ послѣдній выстрѣлъ попалъ въ него сзади; Мосаловъ упалъ мертвымъ. Совершенно ясными являются, такимъ образомъ, слѣдующія обстоятельства: ссора между Гогелемъ и Мосаловымъ началась при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ всегда можно ожидать скандала. Мосаловъ велъ себя неприлично, но инициатива оскорбленія принадлежала Гогелю. Обиду дѣйствіемъ претерпѣлъ одинъ Мосаловъ; никого изъ офицеровъ онъ не задѣлъ даже пальцемъ, а самъ нѣсколько разъ подвергся побоямъ. Угроза Мосалова осталась неисполненною; изъ отчета не видно, чтобы ломовые извозчики появились на мѣстѣ происшествія или даже

чтобы за ними дѣйствительно было послано. Послѣ того какъ Гогель, вооружившись револьверомъ, возвратился въ городской садъ, Мосаловъ ничѣмъ Гогелю не угрожалъ, да и товарищу Гогеля, только-что ударившему Мосалова, принадлежала скорѣе роль наступающаго, чѣмъ обороняющагося. Не слѣдуетъ ли заключить изъ всего этого, что главной причиной несчастья, разразившагося надъ Мосаловымъ и Гогелемъ—положеніе убившаго мы считаемъ не менѣе несчастнымъ, чѣмъ положеніе убитаго—были невѣрныя представленія о «чести мундира»? Первая ошибка заключалась въ томъ, что словамъ неблаговоспитаннаго, по всей вѣроятности нетрезваго человѣка было дано значеніе, которое имъ ни въ какомъ случаѣ не принадлежало и принадлежать не могло: значеніе обиды для военнаго мундира. Мы слишкомъ высокаго мнѣнія о воинской чести—въ истинномъ смыслѣ этого слова,—чтобы допустить возможность ея униженія путемъ площадныхъ ругательствъ, произносимыхъ въ силу привычки, безъ яснаго сознанія ихъ смысла, безъ настоящаго animus injuriendi. Второй ошибкой кажется намъ продолженіе тяжелой сцены, которая могла быть прервана въ самомъ началѣ, простымъ уходомъ офицеровъ изъ городского сада. Третьей и самой существенной ошибкой было возвращеніе Гогеля въ городской садъ, съ револьверомъ въ рукахъ или въ карманѣ. Оно можетъ быть объяснено только однимъ: убѣжденіемъ, что для защиты «чести мундира» или для ея возстановленія позволительно—если не обязательно—пустить въ ходъ оружіе, даже противъ безоружнаго, даже съ рискомъ убійства. Вотъ противъ этого-то убѣжденія мы и считаемъ долгомъ возставать, нимало не касаясь вопроса о винѣ и отвѣтственности отдѣльныхъ лицъ. Мы никакъ не можемъ примириться съ мыслью, чтобы фикція могла быть дороже человѣческой жизни, чтобы лицамъ одного сословія принадлежало право произносить и исполнять смертные приговоры надъ представителями другихъ сословій, недостаточно усвоившими себѣ условное понятіе о «внѣшнемъ выраженіи» спеціальной чести. Намъ возражаютъ, что убійство, совершенное въ видахъ «защиты мундира», преслѣдуется, какъ преступленіе, передъ военно-окружнымъ судомъ [1]); но для насъ важны вовсе

---

[1]) Газета, изъ которой мы заимствуемъ это возраженіе, утверждаетъ, что мы допускаемъ необходимость усиленной защиты закона для нѣкото-

не строгія кары за дѣйствія уже совершенныя—важно распространеніе здравыхъ понятій, могущихъ предупредить совершеніе преступленій. Безспорно, «овеществленіе чести», соединеніе ея съ извѣстнымъ внѣшнимъ символомъ имѣетъ за собою длинную исторію и не можетъ сразу потерять всякую власть надъ мнѣніемъ общества или корпораціи. На искорененіе вѣковыхъ предразсудковъ или хотя бы на выдѣленіе изъ нихъ того зерна истины, которое они въ себѣ заключаютъ, мы не посягаемъ и не претендуемъ. Наша задача гораздо скромнѣе. Всякій взглядъ, основанный не столько на разсужденіи, сколько на традиціи, на привычкѣ, подвергается періодическимъ колебаніямъ, понижается и повышается, какъ всякая цѣнность. Эту судьбу раздѣляетъ и представленіе о «чести мундира». Его интенсивность не всегда одинакова; на него, если можно такъ выразиться, наступаетъ и проходитъ мода. Въ Пруссіи, напримѣръ, оно играло гораздо бо́льшую роль въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ эпоху «реорганизаціи» войска и вызваннаго ею «конфликта», чѣмъ нѣсколькими годами позже, послѣ побѣдъ надъ Австріей и Франціей. У насъ оно переживаетъ теперь эпоху прилива; умножается число внѣшнихъ его проявленій, учащаются попытки найти для него теоретическое оправданіе. Этому стремленію, безъ сомнѣнія временному, мы и хотѣли дать посильный отпоръ, не накликая ни на кого строгостей закона. Мы продолжаемъ думать, что различіе между «воинскою честью» и «честью мундира» вполнѣ реально и серьезно. Первая коренится въ самомъ назначеніи войска, вторая связана съ нимъ искусственною связью. Первая никогда не можетъ привести къ вооруженному нападенію на безоружныхъ; вторая приводитъ къ нему слишкомъ часто. Подъ вліяніемъ первой никогда не могли бы погибнуть буфетчикъ Гутовскій, крестьянинъ Мосаловъ, уличный крикунъ, заколотый деньщикомъ; они принесены въ жертву второй, безъ всякой пользы для первой. Кумиръ «чести мундира», какъ и всякій другой, можетъ создать своихъ фанатиковъ; наше осужденіе обращено не противъ послѣднихъ, а противъ тѣхъ, кто хладнокровно и спокойно поддерживаетъ обаяніе кумира.

рыхъ видовъ особой чести. Это совершенно невѣрно; мы не сказали ни одного слова, которое могло бы быть истолковано въ этомъ смыслѣ.

XXXV.

Закрытіе курсовъ проф. В. И. Герье [1]).

Прошло уже два года со времени пріостановки пріема на высшіе женскіе курсы—а обѣщанное преобразованіе ихъ все еще не состоялось, и они должны одни за другими исчезнуть со сцены. Для петербургскихъ (бестужевскихъ) курсовъ этотъ моментъ наступитъ черезъ годъ; для московскихъ курсовъ профессора Герье онъ уже наступилъ, и они закрыты въ истекшемъ маѣ мѣсяцѣ. Прощанье слушательницъ съ учредителемъ и профессоромъ курсовъ было самое задушевное; рядомъ съ глубокимъ сожалѣніемъ о прекращеніи прекраснаго, въ высшей степени полезнаго дѣла, слышалась живая благодарность тѣмъ, кто его создалъ и блистательно велъ, не щадя трудовъ и усилій. «Шестнадцать лѣтъ тому назадъ,—сказала одна изъ слушательницъ, обращаясь къ В. И. Герье,—вы открыли это первое въ Россіи учрежденіе, предназначенное служить цѣлямъ высшаго женскаго образованія. Вмѣстѣ съ избраннымъ кружкомъ лицъ, имена которыхъ намъ всегда будутъ дороги, вы отозвались на возникавшую потребность въ высшемъ образованіи, дали ей опредѣленное направленіе и сдѣлали ее для насъ привычной и необходимой. Вы повѣрили въ серьезность и искренность нашихъ стремленій; порукой этого служитъ то, что вы предложили намъ настоящую университетскую науку, ждали и

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1888 г., іюнь, общественная хроника.

требовали отъ насъ серьезной работы. Конечно, послѣ очевиднаго и несомнѣннаго успѣха не трудно сочувствовать дѣлу; но именно за вашу неизмѣнную преданность и служеніе дѣлу, еще не успѣвшему побѣдить въ обществѣ недовѣріе и предразсудки, приносимъ мы вамъ горячую признательность и желали бы, чтобы это чувство признательности могло что-нибудь прибавить къ сознанію принесенной вами пользы. Трудно установить точную мѣрку того, что̀ каждая изъ насъ взяла отъ курсовъ сообразно своимъ силамъ и склонностямъ; но у всѣхъ насъ безъ различія, годы, проведенные на курсахъ, останутся навсегда въ памяти, какъ лучшіе годы жизни. Намъ тяжело видѣть перерывъ дѣла, такъ хорошо и заботливо устроеннаго; еще тяжелѣе было при этомъ думать, что слѣдующія поколѣнія женщинъ будутъ лишены такой поддержки и такого поощренія». Другая бывшая слушательница курсовъ прочла коллективное письмо отъ кружка петербургскихъ женщинъ, изъ котораго мы заимствуемъ слѣдующія слова: «Вы задались простою, но широкою цѣлью общаго просвѣщенія личности и положили въ основу своего учрежденія курсъ общеобразовательный; вы предлагали учащимся посредствомъ систематическаго знакомства съ различными областями творческой дѣятельности человѣческаго ума и развитіемъ критической мысли выйти на свѣтлый путь самообразованія. Много споровъ слышалось вокругъ новаго учрежденія; высказывалось недовѣріе, сталкивались личныя мнѣнія, быстро смѣнялись запросы минуты. Но вы неизмѣнно, съ неослабѣвшей энергіей преслѣдовали все ту же простую цѣль; вы дѣйствовали во имя того, что̀ вѣчно и истинно, что̀ переживаетъ всякія злобы дня, что̀ несомнѣнно и всегда необходимо для блага человѣчества,—во имя науки, просвѣщенія и развивающей критической мысли. Вы создали стройное, независимое учрежденіе, возникновеніе котораго составляетъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи нашего времени. Простыми словами благодарности нельзя цѣнить такое служеніе: оно принадлежитъ исторіи русскаго просвѣщенія, и только исторія въ свое время можетъ измѣрить все его значеніе. Историкъ, на каѳедрѣ посвятившій себя изученію прошлаго, вы въ настоящемъ сами явились дѣятельной исторической силой, отозвавшись на одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ своего времени». Отвѣчая на привѣтствія слушатель-

ницъ и преподавателей (отъ имени которыхъ говорилъ профессоръ Ключевскій), В. И. Герье перенесся мысленно въ то время, когда учреждались курсы. «Никогда, можетъ быть,—сказалъ многоуважаемый профессоръ,—не было эпохи, когда вѣра въ просвѣщеніе была такъ глубока, а потребность образованія такъ сильна, какъ въ русскомъ обществѣ въ 60-хъ годахъ. Потребность подвинуть впередъ дѣло женскаго образованія очень живо ощущалась среди русскихъ женщинъ; но пути, которые должны были вести къ этой цѣли, представлялись всѣмъ различно. Одни желали открытія для женщинъ университета, другіе преимущественно имѣли въ виду научно-практическую дѣятельность на поприщѣ медицины и прикладныхъ наукъ, многіе видѣли въ образованіи лишь средство доставить женщинѣ болѣе самостоятельное положеніе въ обществѣ и болѣе обширный кругъ дѣятельности. То, что мы предлагали—учебное учрежденіе для общаго систематическаго образованія,—не для всѣхъ могло быть заманчиво. Оно требовало много труда и напряженія и не обѣщало никакого соотвѣтствующаго улучшенія внѣшняго быта трудящихся. Въ первые годы курсовъ мнѣ дѣйствительно приходилось испытывать это неудобство. У многихъ лицъ, являвшихся записываться на курсы или справляться о нихъ, первое слово, обращенное ко мнѣ, заключалось въ вопросѣ: а какія права даютъ ваши курсы? Но прошло нѣсколько лѣтъ, и никто уже не задавалъ этого вопроса, а число слушательницъ на курсахъ стало все расти и расти. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось и число слушательницъ, одушевленныхъ самымъ серьезнымъ интересомъ къ наукѣ и прилагавшихъ къ дѣлу своего образованія самый неутомимый и послѣдовательный трудъ. Скоро двухлѣтній курсъ пришлось расширить въ трехлѣтній. Для многихъ и очень многихъ пребываніе на курсахъ было высокимъ подвигомъ самоотверженія и служенія идеалу. На основаніи многихъ наблюденій, я имѣю право сказать, что любовь къ просвѣщенію никогда не горѣла такимъ чистымъ пламенемъ и не проявлялась такъ безкорыстно и съ такимъ самозабвеніемъ, свойственнымъ женской натурѣ, какъ въ дѣлѣ высшаго женскаго образованія. Этотъ фактъ принадлежитъ къ самымъ отраднымъ явленіямъ нашей современной общественной жизни. Несмотря на многія житейскія затрудненія, предубѣжденія и подчасъ недобросовѣстную клевету, слушательницы со всѣхъ концовъ Россіи въ теченіе

16 лѣтъ поддерживали наше учрежденіе и этимъ доказывали его цѣлесообразность и необходимость». Да, профессоръ В. И. Герье совершенно правъ: учрежденіе и процвѣтаніе высшихъ женскихъ курсовъ принадлежитъ къ числу самыхъ отрадныхъ явленій нашего недавняго прошлаго—и тѣмъ прискорбнѣе ихъ закрытіе въ моментъ наибольшаго ихъ успѣха.

XXXVI.

Критическій моментъ въ исторіи женскаго образованія [1]).

Если вѣрить газетнымъ слухамъ, вопросъ о женскомъ образованіи, нѣсколько лѣтъ сряду обсуждавшійся въ особой комиссіи, приближается къ окончательному разрѣшенію. Въ Государственный Совѣтъ внесены или вносятся проекты преобразованія женскихъ гимназій, учрежденія женскихъ профессіональныхъ школъ и открытія, на новыхъ основаніяхъ, высшихъ женскихъ курсовъ. Мы остановимся на нѣкоторыхъ вопросахъ, относящихся къ гимназіямъ и высшимъ курсамъ.

Въ женскія гимназіи — все равно, состоятъ ли онѣ подъ управленіемъ министерства народнаго просвѣщенія или вѣдомства императрицы Маріи—предполагается, какъ говорятъ, принимать на будущее время *преимущественно* дѣвочекъ изъ высшихъ общественныхъ классовъ. Если это правда, то нельзя не спросить себя, прежде всего, будетъ ли умѣстно въ положительномъ законѣ такое слово, какъ *преимущественно*. Постановленія закона не должны оставлять мѣста ни для недоразумѣній, ни для произвола. Дѣйствующій уставъ о женскихъ гимназіяхъ прямо открываетъ къ нимъ доступъ для «ученицъ всѣхъ сословій». Если это правило признается подлежащимъ отмѣнѣ, то на мѣсто его должно быть поставлено другое, столь же опредѣленное и ясное. Нужно установить, во-первыхъ, что̀ слѣдуетъ понимать подъ «высшими общественными классами»: одно лишь дворянство, потомственное и лич-

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1888 г., іюль, общественная хроника.

ное, или также духовенство, хотя у него есть свои (епархіальныя) среднія женскія школы, или еще почетное гражданство (только потомственное, или также и личное) и купечество (только первой гильдіи, или также и второй). Нужно, во-вторыхъ, опредѣлить точнѣе, въ чемъ заключаются *преимущества*, предоставляемыя «высшимъ общественнымъ классамъ»; въ томъ ли, что дѣвочки, принадлежащія къ «низшему роду людей», могутъ поступать только на тѣ вакансіи, которыя останутся свободными за принятіемъ всѣхъ желающихъ изъ среды привилегированныхъ сословій, — или въ томъ, что рѣшающее значеніе признается за происхожденіемъ лишь при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій,—или въ томъ, что пріемъ дѣвочекъ-мѣщанокъ и крестьянокъ подчиняется особенно строгимъ требованіямъ и ставится въ зависимость отъ состоятельности ихъ родителей? Всѣ эти толкованія одинаково возможны, и выборъ одного изъ нихъ едва-ли можетъ быть отданъ на усмотрѣніе учебной администраціи. Въ государствѣ каждый долженъ заранѣе знать объемъ своихъ правъ и сущность условій, которыми обставлено ихъ осуществленіе. Прошлогодній циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія произвелъ такое тягостное впечатлѣніе на общество, между прочимъ, именно потому, что онъ шелъ въ разрѣзъ съ этимъ основнымъ началомъ и вводилъ полную неопредѣленность въ одну изъ самыхъ важныхъ областей общественной жизни.

Каково бы ни было, однако, содержаніе «преимуществъ», проектируемыхъ комиссіей, еще болѣе серьезнымъ представляется вопросъ о ихъ цѣлесообразности и справедливости. Соображенія, приводимыя обыкновенно противъ «всесословности» среднихъ учебныхъ заведеній, сгруппированы довольно тщательно въ недавно вышедшей книгѣ госпожи Пиллеръ: «Итоги женскаго образованія въ Россіи и его задачи». Основываясь на личномъ опытѣ (госпожа Пиллеръ была начальницей одной изъ одесскихъ женскихъ гимназій), авторъ рисуетъ картину неудобствъ, представляемыхъ совмѣстнымъ обученіемъ дѣвочекъ изъ разныхъ общественныхъ классовъ. Здѣсь являются на сцену и неопрятность бѣднѣйшихъ дѣвочекъ, заставляющая избѣгать сосѣдства съ ними, и недостатокъ у нихъ достаточно теплой и достаточно приличной одежды, и развитіе между ними дурныхъ привычекъ, и отсутствіе домашняго надзора за ними, и затрудненія, съ которыми сопряжено для нихъ пра-

вильное ученіе Если вѣрить госпожѣ Пиллеръ, въ провинціальныхъ гимназіяхъ почти нѣтъ дочерей богатыхъ людей или дѣвочекъ изъ высшаго круга общества; ихъ не отдаютъ туда изъ боязни, «чтобы онѣ не попали въ дурную компанію, не очутились въ одномъ классѣ съ дочерью своего дворника, прачки, швеи, не научились вульгарнымъ выраженіямъ и неблагопристойнымъ пріемамъ, наконецъ, не сдѣлались бы нигилистками». Когда попечители учебныхъ округовъ, «идя, можно сказать, навстрѣчу желаніямъ родителей, стали устранять изъ гимназій тотъ элементъ учащихся, который тормозитъ успѣхъ обученія», общество,—утверждаетъ госпожа Пиллеръ,—вдругъ заговорило другимъ языкомъ, языкомъ лицемѣрія и фальши. «Правдивый и незамаскированный тонъ циркуляра (министерства народнаго просвѣщенія) слишкомъ опередилъ эпоху (!) и не совпалъ съ тономъ фарисейскаго настроенія публики, оттого и зазвучалъ такимъ диссонансомъ именно въ той средѣ, гдѣ наиболѣе долженъ былъ бы встрѣтить сочувствія. И это непремѣнно должно было бы случиться, если бы у насъ въ обществѣ не были еще такъ сильно развиты незрѣлые инстинкты и вкусы—рисоваться разными либеральными идеями и тенденціями и драпироваться плащами демократизма, народолюбія, равноправія... на словахъ».

Таковъ, въ главныхъ чертахъ, плохо написанный, но достаточно откровенный обвинительный актъ противъ «всесословныхъ» женскихъ гимназій, неожиданно обращающійся въ обвинительный актъ противъ русскаго общества. Итакъ, родители изъ среды общества, сами, по собственному почину, начали уклоняться отъ отдачи своихъ дочерей въ женскія гимназіи? Этому противорѣчатъ статистическія данныя, удостовѣряющія, что значительное большинство ученицъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ принадлежатъ именно къ «привилегированнымъ классамъ». Не споримъ, въ нѣкоторыхъ «богатыхъ» и «высоко поставленныхъ» семействахъ существуетъ, можетъ быть, предубѣжденіе противъ гимназическаго образованія. Но не для этихъ семействъ и учреждены гимназіи: къ ихъ услугамъ попрежнему остаются институты и частные пансіоны. На массу семействъ средняго положенія и средняго достатка всесословная гимназія не произвела и не производитъ отталкивающаго, устрашающаго дѣйствія; принимать эти семейства подъ оффиціальную защиту и «идти навстрѣчу ихъ желаніямъ» не было

и нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Фарисействомъ, лицемѣріемъ можно объяснять образъ дѣйствій нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, но отнюдь не настроеніе массы. Признавая, что прошлогодніе рестриктивныя мѣры прозвучали диссонансомъ именно въ той средѣ, въ интересѣ которой онѣ, повидимому, были приняты, госпожа Пиллеръ сама произноситъ надъ ними самый рѣшительный приговоръ. Поголовное «либеральничанье» немыслимо само по себѣ, да ему и не благопріятствуютъ обстоятельства. Въ обществѣ, открещивающемся отъ предлагаемой ему привилегіи, заговорило, очевидно, здоровое, хорошее чувство справедливости... Циркуляръ 14-го іюля 1887 г., по мнѣнію госпожи Пиллеръ, «опередилъ эпоху». Другими словами, впереди насъ лежитъ все большее и большее нарушеніе равенства и равноправности, распространеніе всякаго рода «преимуществъ», возстановленіе и возвышеніе сословныхъ и иныхъ перегородокъ! Мы имѣли и имѣемъ наивность думать, что все это осталось, наоборотъ, позади насъ, что реставрація тѣхъ или другихъ обломковъ прошлаго не можетъ быть долговѣчной, и что «опережаютъ» эпоху только тѣ, которые подготовляютъ лучшее будущее.

Обращеніе гимназій изъ «всесословныхъ» учебныхъ заведеній въ училища для привилегированныхъ классовъ представляется, далѣе, совершенно ненужнымъ, въ виду тѣхъ мѣръ, которыя отчасти приняты, отчасти проектированы въ послѣднее время. Одною изъ главныхъ причинъ громаднаго наплыва въ гимназіи дѣтей изъ всѣхъ сословій было до сихъ поръ отсутствіе или недостатокъ школъ другого рода, съ курсомъ менѣе продолжительнымъ и менѣе труднымъ. Съ особенною силой эта причина дѣйствовала именно по отношенію къ женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ. Намъ извѣстенъ небольшой уѣздный городъ, въ которомъ есть женская прогимназія, но нѣтъ ни одного женскаго начальнаго училища. Понятно, что въ такомъ городѣ поступало и поступаетъ въ прогимназію не мало дѣвочекъ, родители которыхъ при иныхъ условіяхъ и не подумали бы никогда объ этой дорогѣ. Двухклассныхъ сельскихъ училищъ для дѣвочекъ у насъ чрезвычайно мало; такихъ женскихъ училищъ, которыя соотвѣтствовали бы мужскимъ уѣзднымъ или городскимъ (образованнымъ по закону 1872 г.), не существуетъ почти вовсе. Такъ называемыя маріинскія училища появились лишь недавно и распространены, покамѣстъ,

весьма слабо. Профессіональное образованіе находится пока въ зачаточномъ состояніи, не только для дѣвочекъ, но и для мальчиковъ. Теперь, по утвержденіи основныхъ положеній о промышленныхъ училищахъ, все это должно измѣниться; за открытіемъ техническихъ и ремесленныхъ школъ для мальчиковъ послѣдуетъ, безъ сомнѣнія, открытіе такихъ же школъ и для дѣвочекъ, и какъ въ тѣ, такъ и въ другія главный контингентъ учащихся будетъ поступать изъ среды рабочихъ классовъ. Не лучше ли подождать осуществленія всѣхъ этихъ нововведеній, и уже потомъ, сообразно съ указаніями опыта, приступить къ пересмотру устава женскихъ гимназій? Весьма можетъ быть, что въ ограничительныхъ мѣрахъ, даже съ точки зрѣнія нынѣшнихъ ихъ защитниковъ, не окажется тогда никакой надобности, и что распредѣленіе учащихся между различными категоріями училищъ произойдетъ само собой, безъ помощи запрещеній и привилегій.

Выражая это предположеніе. мы, конечно, далеки отъ мысли, что *вся масса* дѣтей изъ среды непривилегированныхъ сословій, предоставленная самой себѣ, направится въ промышленныя или профессіональныя школы. Нѣкоторая ихъ часть — при отсутствіи запретительной регламентаціи—непремѣнно будетъ поступать, по-прежнему, въ гимназіи и прогимназіи; но иначе, при правильномъ устройствѣ учебной системы, и быть не можетъ. Способности и призванія не пріурочиваются ни къ «благородству» происхожденія, ни къ извѣстной степени богатства; они проявляются повсюду, и всюду должны находить себѣ дорогу къ дальнѣйшему развитію. Госпожа Пиллеръ подробно обсуждаетъ вопросъ, что̀ больше способствуетъ появленію и росту дарованій—достатокъ или бѣдность. Весьма интересный въ теоріи, этотъ вопросъ не имѣетъ никакого практическаго значенія въ томъ спорѣ, который насъ теперь занимаетъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что даровитые люди *могутъ* рождаться во всѣхъ сословіяхъ и классахъ общества; этого довольно, чтобы не закрывать—и не затруднять—ни для одного изъ нихъ доступъ къ среднему (а слѣдовательно и высшему) образованію. Задача средней школы, по мнѣнію госпожи Пиллеръ, можетъ быть исполнена только тогда, «когда родители солидарны въ своихъ взглядахъ и дѣйствіяхъ съ требованіями школы, а для этого они должны быть образованы и имѣть такой минимумъ матеріальнаго достатка, чтобы дѣти ихъ явля-

лись въ классъ чисто одѣтыми, причесанными и вымытыми и имѣли бы при себѣ всѣ требуемыя книги и учебныя принадлежности. Не говоримъ уже о томъ, что образованіе и принадлежность къ привилегированному классу—далеко не синонимы, точно такъ же, какъ образованіе и матеріальный достатокъ; насъ поражаетъ, въ словахъ госпожи Пиллеръ, въ особенности логическій скачекъ, типичный для опровергаемаго нами взгляда. Безспорно, школа имѣетъ свои требованія, обязательныя и для учащихся, и для ихъ родителей: но зачѣмъ же судить объ исполненіи или неисполненіи этихъ требованій по косвеннымъ. часто обманчивымъ признакамъ, когда есть полная возможность идти другимъ путемъ, болѣе прямымъ и болѣе вѣрнымъ? Этотъ путь — наблюденіе надъ учащимися, вполнѣ осуществимое и въ открытомъ учебномъ заведеніи. Ничто не мѣшаетъ школьному начальству изучить каждаго отдѣльнаго ученика и составить себѣ ясное понятіе о томъ, удовлетворяетъ ли онъ требованіямъ школы. Если да—то не все ли равно, кто его родители, къ какому онъ принадлежитъ общественному классу, съ чьею помощью пріобрѣтаетъ форменную одежду и учебныя пособія? Къ чему догадки, когда легко пріобрѣсти увѣренность? Къ чему *предрѣшать* вопросъ, а priori, когда онъ можетъ быть разрѣшенъ совершенно точно, сообразно съ обстоятельствами каждаго отдѣльнаго случая? Пускай школа удаляетъ тѣхъ, кто не можетъ исполнять ея основныхъ требованій, — противъ этого нельзя сказать ни слова, лишь бы только самыя требованія не были чрезмѣрно строги и нарушеніе ихъ было обнаружено съ достаточной ясностью; но пускай она не закрываетъ своихъ дверей для *цѣлой категоріи* или *цѣлыхъ категорій* лицъ, въ силу одного *предположенія*, что они *окажутся* неподходящими подъ школьныя условія. Дочь прачки, швеи, дворника столь же легко можетъ видѣть дома примѣръ трудолюбія и честности, какъ дочь «образованнаго» и достаточнаго человѣка—примѣръ совершенно противоположный... Изъ числа мелкихъ фактовъ, разсыпанныхъ, въ книгѣ госпожи Пиллеръ, въ качествѣ иллюстрацій къ ея основной мысли, многіе доказываютъ совсѣмъ не то, что̀ хотѣлъ доказать авторъ. Они свидѣтельствуютъ о томъ, что нарушенія школьной дисциплины происходятъ не отъ одной только нищеты, не отъ одного только недостатка образованія. Не къ рабочему классу принадлежала, безъ сомнѣнія, та дѣвочка, ко-

торая «ѣздила съ мамашей на вечеръ, поздно вернулась, проспала» и опоздала въ гимназію, оправдываясь «сочиненной» запиской; не прачки и не дворники водятъ своихъ дѣтей въ кафе-шантаны и оперетки, одѣвая ихъ въ неформенныя платья и снабжая ихъ синими очками, чтобы ихъ не могло узнать начальство. Что̀ сказала бы госпожа Пиллеръ, что̀ сказали бы ея единомышленники, если бы кто-нибудь предложилъ не принимать въ гимназіи дѣтей изъ богатыхъ и свѣтскихъ семействъ, такъ какъ разсѣянный образъ жизни ихъ родителей мѣшаетъ ихъ занятіямъ и заставляетъ ихъ подавать дурной примѣръ товарищамъ? А между тѣмъ въ основаніи такой мѣры лежало бы *предположеніе*, совершенно равносильное тому, какимъ оправдывается гимназическое veto на дѣтей «низшихъ сословій».

Когда мы слышимъ или читаемъ жалобы на заразу, приносимую въ мужскія и женскія гимназіи дѣтьми прачекъ, кухарокъ, дворниковъ и «тому подобныхъ людей», мы невольно вспоминаемъ о начальныхъ училищахъ, сельскихъ и городскихъ, и спрашиваемъ себя: чѣмъ объяснить разницу въ воспитательномъ значеніи средней и низшей школы? Начальныя училища поставлены, повидимому, въ положеніе гораздо менѣе выгодное, чѣмъ гимназіи. Дѣти остаются въ начальной школѣ только три года или еще менѣе; многія изъ нихъ посѣщаютъ школу неаккуратно, въ деревняхъ—не болѣе шести или семи мѣсяцевъ въ году; въ родителяхъ и родственникахъ школа не находитъ, большею частью, никакой поддержки — напротивъ того, она сплошь и рядомъ должна противодѣйствовать ихъ вліянію. И все-таки вездѣ, гдѣ только народный учитель—и въ особенности учительница—стоитъ хотя отчасти на высотѣ своего призванія, начальная школа не только обучаетъ своихъ учениковъ, но и *воспитываетъ* ихъ нравы, укрѣпляетъ въ нихъ хорошія чувства. Они забываютъ иногда пріобрѣтенныя въ школѣ свѣдѣнія, но сохраняютъ данную ею складку, внушенные ею взгляды. Относительно деревни это можно было бы пожалуй—хотя и съ большою натяжкой—приписать свѣжести и неиспорченности матеріала, поступающаго въ распоряженіе школы, позднимъ развитіемъ деревенскаго ребенка, душа котораго составляетъ, въ 7—8 лѣтъ, нѣчто въ родѣ tabula rasa; но къ городу, особенно къ столицѣ, всѣ эти соображенія непримѣнимы—а между тѣмъ, указанное нами явленіе повторяется и здѣсь,

поражая, напримѣръ, всѣхъ изучающихъ петербургскія городскія начальныя училища. Загадка становится еще болѣе сложной, если припомнить, что именно въ лучшихъ начальныхъ школахъ меньше всего въ ходу карательныя мѣры, да и въ болѣе заурядныхъ онѣ употребляются гораздо рѣже, чѣмъ въ гимназіяхъ. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что если гимназіи недостаточно вліяютъ на нравы и привычки учащихся, недостаточно сглаживаютъ различія между дѣтьми, принадлежащими къ болѣе образованнымъ и менѣе образованнымъ общественнымъ классамъ, то это зависитъ, въ значительной степени, отъ неправильной постановки воспитательнаго дѣла? Не слѣдуетъ ли признать, что педагогическій персоналъ гимназій относится къ своей главной задачѣ гораздо формальнѣе и холоднѣе, чѣмъ учителя и учительницы начальныхъ школъ? Вмѣсто того, чтобы объявлять многочисленнымъ разрядамъ дѣтей, что они «indigni intrare», не лучше ли было бы приложить всѣ усилія къ нравственному воспитанію учащихся, безъ различія сословій, и постараться довести каждаго изъ нихъ до того уровня, на которомъ долженъ стоять ученикъ средней школы? Конечно, это гораздо труднѣе, чѣмъ принять ту или иную ограничительную мѣру,—но не гимназіямъ подобаетъ отступать передъ трудностями, съ которыми справляется начальная школа. Найдутся, быть можетъ, отдѣльныя личности, по отношенію къ которымъ окажутся тщетными всѣ усилія воспитателей; ихъ незачѣмъ удерживать въ гимназіи—но незачѣмъ осуждать, изъ-за нихъ, множество другихъ дѣтей, сходныхъ съ ними только по внѣшней обстановкѣ.

XXXVII.

Постепенное оскудѣніе историко-филологическаго факультета. — Программа испытаній въ историко-филологической комиссіи. — Новая теорія «необходимой обороны» [1].

Оффиціальныя данныя, относящіяся къ высшей школѣ, публикуются у насъ во всеобщее свѣдѣніе рѣдко и поздно. И въ министерскихъ отчетахъ (насколько они оглашены въ печати), и въ университетскихъ, можно найти, притомъ, далеко не все то, что̀ необходимо для полнаго изученія предмета. Въ министерскомъ отчетѣ за 1884 г. не означено, напримѣръ, ни число студентовъ въ каждомъ университетѣ (за исключеніемъ двухъ—Варшавскаго и Дерптскаго), ни распредѣленіе ихъ между курсами. Въ однихъ отчетахъ (Петербургскаго университета) число студентовъ показано отдѣльно по каждому курсу каждаго факультета, въ другихъ—по каждому курсу, безъ различія факультетовъ, и по каждому факультету, безъ различія курсовъ; въ третьихъ вовсе нѣтъ свѣдѣній, пріуроченныхъ къ курсамъ (или семестрамъ). Мы хотѣли прослѣдить вліяніе новыхъ порядковъ хотя бы по отношенію къ одному историко-филологическому факультету Петербургскаго университета; но въ виду вышеуказанной системы (или, лучше сказать, отсутствія системы) это оказалось возможнымъ только отчасти. Въ 1882 г. всѣхъ студентовъ въ Петербургскомъ университетѣ было 2.052, и изъ нихъ на долю историко-филологическаго факультета приходилось 227 (11,06%); соотвѣтствующія цифры въ 1883 г.—2.246 и 253 (11,26%), въ

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1888 г., ноябрь, обществ. хроника.

1884 г.—2.282 и 263 (11.56%). въ 1885 г.—2.280 и 252 (11,05%), въ 1886 г.—2.525 и 224 (8.77%), въ 1887 г.—2.053 и 184 (8,96%). Эти цифры уже сами по себѣ весьма характерны. До введенія въ дѣйствіе новаго университетскаго устава число студентовъ на историко-филологическомъ факультетѣ растетъ и абсолютно, и относительно; въ 1885 г.. вслѣдъ за обнародованіемъ правилъ объ экзаменныхъ требованіяхъ, повышеніе уступаетъ мѣсто небольшому пониженію; въ 1886 и 1887 г., когда значеніе нововведеній успѣло уже обнаружиться съ достаточною ясностью, пониженіе становится быстрымъ, и если въ 1887 г. *относительная* цифра студентовъ-филологовъ чуть-чуть больше, чѣмъ въ предшествовавшемъ году, то это зависитъ только отъ громаднаго паденія общей цифры студентовъ. Чрезвычайно важно было бы, конечно, дополнить только-что приведенныя нами данныя свѣдѣніями о распредѣленіи студентовъ-филологовъ по курсамъ или семестрамъ, но этому мѣшаетъ указанная нами неполнота бо́льшей части отчетовъ. Въ 1882 г. изъ 227 студентовъ-филологовъ на первомъ курсѣ были 81, на второмъ—59, на третьемъ—41, на четвертомъ—46; въ 1883 г. изъ 253 студентовъ-филологовъ на первомъ курсѣ было 107, на второмъ—60, на третьемъ—51, на четвертомъ—35. Позднѣйшіе отчеты намъ ничего на этотъ счетъ не сообщаютъ; но если принять во вниманіе, что въ 1886 г. окончило курсъ по историко-филологическому факультету 37 лицъ (изъ 81, бывшихъ за четыре года передъ тѣмъ на первомъ курсѣ), въ 1887 г.—50 (изъ 107), то мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что на высшихъ курсахъ студентовъ-филологовъ по-прежнему вдвое или слишкомъ вдвое меньше, чѣмъ на низшихъ. Между тѣмъ, въ текущемъ 1888-мъ году число студентовъ, вступившихъ на историко-филологическій факультетъ, не превышаетъ, какъ мы слышали, *тридцати одного;* можно предположить, слѣдовательно, что изъ нихъ окончатъ курсъ человѣкъ пятнадцать или еще меньше. Такое положеніе дѣлъ кажется намъ до крайности ненормальнымъ. Въ Петербургскомъ университетѣ училось, въ 1884 г., нѣсколько меньше одной пятой (18,85%) общаго числа студентовъ; такая же, приблизительно, пропорція существовала тогда между студентами-филологами Петербургскаго университета и всѣхъ прочихъ. Если предположить, что отношенія эти не измѣнились, то можно ожидать, что въ 1892 г. во *всѣхъ* русскихъ университетахъ окончатъ курсъ по историко-филоло-

гическому факультету отъ 75 до 80 студентовъ. Цифра эта едва-ли возрастетъ до сотни, если прибавить къ ней оканчивающихъ курсъ въ обоихъ историко-филологическихъ институтахъ (Петербургскомъ и Нѣжинскомъ). На всю Россію сто человѣкъ, оканчивающихъ въ годъ курсъ историко-филологическихъ наукъ—это, можно сказать безъ преувеличенія, страшно мало, въ особенности если принять въ соображеніе, что бо̀льшая часть этой цифры должна пасть на долю разныхъ спеціальностей, и только мѣньшая—на долю общаго образованія. Словесныя науки и прежде обрѣтались у насъ не въ авантажѣ, сравнительно съ точными. Въ германскихъ университетахъ число изучающихъ филологію и исторію значительно превышало и превышаетъ число изучающихъ математику и естественныя науки (хотя съ теченіемъ времени пропорція и становится болѣе благопріятной для послѣднихъ); у насъ число студентовъ физико-математическаго факультета и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ было гораздо больше, чѣмъ число студентовъ историко-филологическаго факультета [1]). А между тѣмъ историко-филологическому факультету слѣдовало бы служить у насъ, какъ въ Германіи, разсадникомъ не однихъ только спеціалистовъ, но и общеобразованныхъ людей, въ которыхъ Россія все еще чувствуетъ большой недостатокъ. Сюда должны были бы по преимуществу стекаться тѣ, кто видитъ въ знаніи не одно только обезпеченіе матеріальнаго существованія, въ университетскомъ курсѣ — не одно только необходимое условіе для выбора профессіи. Теперь молодой человѣкъ, не имѣющій призванія ни къ математикѣ (съ прикладными науками), ни къ естествознанію, ни къ медицинѣ, поступаетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, на юридическій факультетъ. Въ 1882 г. студентовъ-юристовъ въ Петербургскомъ университетѣ числилось 805 (39,23% общаго числа студентовъ); въ 1883 г.—834 (37,13%); въ 1884 г.—906 (39,7%); въ 1885 г.—981 (43,02%); въ 1886 г.—1.170 (46,34%); въ 1887 г.—1.010 (49.19%). Мы видимъ здѣсь нѣчто противоположное тому, что̀ наблюдается въ историко-филологическомъ факультетѣ. До

[1]) Въ 1881 г., когда число студентовъ на историко-филологическомъ факультетѣ достигло высшей точки (263), на физико-математическомъ факультетѣ студентовъ было почти вчетверо больше (1037). Въ 1883 г. на 184 студента первой категоріи приходилось 677 второй, такъ что отношеніе осталось почти то же.

введенія въ дѣйствіе новаго устава число студентовъ-юристовъ, слабо повышаясь абсолютно, уменьшается относительно; въ годъ введенія въ дѣйствіе устава оно начинаетъ повышаться въ обоихъ отношеніяхъ, и это повышеніе становится особенно сильнымъ послѣ обнародованія экзаменныхъ требованій. *Относительно* оно продолжается даже въ 1887 г., при паденіи абсолютной цифры, вслѣдствіе общаго уменьшенія числа вступающихъ въ университетъ. Приписать это явленіе растущей потребности въ юристахъ никакъ нельзя. Въ юридической профессіи замѣтенъ скорѣе перевѣсъ предложенія надъ спросомъ; всѣ дороги загромождены чающими движенія, масса молодыхъ людей подолгу остается безъ должности и безъ занятій. Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что избытокъ учащихся на юридическомъ факультетѣ находится въ прямой связи съ оскудѣніемъ историко-филологическаго факультета. Отталкиваемые отъ послѣдняго молодые люди идутъ на первый, именно вслѣдствіе того, что изученіе юридическихъ наукъ возможно безъ особой къ тому способности и охоты. Ущербъ для общества и государства получается здѣсь двоякій: распространяется механическое отношеніе къ знанію и уменьшается число лицъ, глубоко преданныхъ избранному ими дѣлу. Какъ источникъ общаго образованія, юридическія науки значительно уступаютъ словеснымъ: онѣ меньше расширяютъ умственный горизонтъ, меньше способствуютъ пониманію прошедшаго и настоящаго. Есть основаніе думать, что между молодыми людьми, поступающими *теперь* на историко-филологическій факультетъ, значительно бо̀льшая часть разсчитываетъ на то, что нѣмцы называютъ Brotstudium. Кто стремится къ общему развитію, тотъ предпочитаетъ юридическій факультетъ или, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета [1]).

[1]) Замѣчательно, что со времени введенія въ дѣйствіе новаго университетскаго устава, и въ особенности со времени обнародованія экзаменныхъ требованій, уменьшается не только число студентовъ-филологовъ, но и число студентовъ-естественниковъ. Въ 1882, 1883 и 1884 г.г. естественниковъ было больше, чѣмъ математиковъ; съ 1885 г. наблюдается обратное отношеніе. Математиковъ было въ 1882 г.—448, въ 1883 г.—534, въ 1884 г.—485, въ 1885 г.—531, въ 1886 г.—618, въ 1887 г.—439; естественниковъ, въ тѣ же годы, было 529, 568, 552, 437, 426 и 298. Объясненіе этого факта не входитъ къ составъ задачи, которою мы теперь заняты; замѣтимъ только, что нѣкоторую роль здѣсь, вѣроятно, играетъ желаніе скорѣе по-

Причину указанныхъ нами явленій опредѣлить не трудно. Историко-филологическій факультетъ обращается все больше и больше въ спеціальную школу для изученія древнихъ языковъ; для всѣхъ другихъ предметовъ, составляющихъ главную его силу и главную его прелесть, остается все меньше и меньше мѣста.

Наши читатели припомнятъ, что къ общеобязательнымъ предметамъ историко-филологическаго факультета отнесено *только* все касающееся классическаго міра: классическая филологія, греческія и римскія государственныя древности, исторія греческой и римской литературъ, исторія греческая и римская, греческая философія. Экзаменныя требованія по всѣмъ этимъ предметамъ безусловно одинаковы для всѣхъ испытуемыхъ, какая бы ими ни была избрана спеціальность, чѣмъ бы они ни предполагали заняться по окончаніи курса.

Присмотримся поближе къ содержанію и объему требованій. «*Интерпретація греческихъ и римскихъ авторовъ*—таковы первыя слова программы—*составляетъ главное основаніе всего историко-филологическаго испытанія*». Каждый испытуемый долженъ «обнаружить начитанность» преимущественно въ четырехъ авторахъ—двухъ латинскихъ и двухъ греческихъ, двухъ поэтахъ и двухъ прозаикахъ, заранѣе имъ избранныхъ. Одинъ авторъ, по каждому языку, долженъ принадлежать къ числу тѣхъ, которые читаются въ старшихъ классахъ гимназіи. Въ знаніи этихъ авторовъ установляются различныя степени. Нѣкоторыя ихъ сочиненія (или части сочиненій) должны быть предметомъ «особенно тщательнаго, всесторонняго изученія»; здѣсь испытуемый долженъ доказать, что «ему извѣстны основанія и пріемы филологической критики и экзегетики». Для письменнаго истолкованія избираются отрывки именно изъ этихъ, спеціально разработанныхъ испытуемымъ сочиненій; съ нихъ же начинается и устное испытаніе, но потомъ оно переходитъ къ другимъ сочиненіямъ тѣхъ же авторовъ и заканчивается, по усмотрѣнію комиссіи, «переводомъ и истолкованіемъ текстовъ изъ другихъ авторовъ». Предлагаемые тексты, откуда бы они ни были взяты, испытуемый долженъ объяснять со стороны грамматики (латинскіе, сверхъ того, и со стороны стилистики,

кончить съ университетомъ и избѣжать экзамена въ правительственной комиссіи (многіе математики переходятъ, со второго или третьяго курса, въ институтъ инженеровъ путей сообщенія).

поэтическіе—со стороны метрики), исторіи литературы, древностей и миѳологіи. При объясненіи произведеній Гомера, Геродота и лирическихъ мѣстъ греческихъ трагедій испытуемый долженъ умѣть объяснять особенности древне-греческихъ діалектовъ сравнительно съ аттическимъ. По отношенію ко всѣмъ авторамъ, читаемымъ въ гимназіяхъ, обязательно знаніе лучшихъ ихъ изданій и знакомство съ выдающимися учеными о нихъ трудами. Впечатлѣніе отъ всѣхъ этихъ требованій—если забыть на минуту о ихъ общеобязательности—получается такое, что они установлены исключительно для людей, посвятившихъ себя всецѣло классической филологіи, для будущихъ учителей или профессоровъ древнихъ языковъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не чѣмъ-то безусловно спеціальнымъ отзываются эти концентрическіе круги, къ которымъ пріурочиваются знанія испытуемыхъ: сначала кругъ наименьшій—одно сочиненіе или часть сочиненія, потомъ кругъ съ бо̀льшимъ радіусомъ—всѣ сочиненія одного автора (или значительная ихъ часть, если онъ написалъ очень много); наконецъ, кругъ самый обширный—всѣ вообще классическіе авторы. Именно такими слоями располагаются сами собою, даже безъ всякаго внѣшняго побужденія, знанія спеціалиста. Историкъ, напримѣръ, не можетъ не быть знако̀мъ со всею областью исторіи, но онъ чувствуетъ себя особенно привольно въ одномъ или нѣсколькихъ ея отдѣлахъ, а въ личную свою собственность отмежевываетъ пространство еще болѣе тѣсное. Свѣдѣнія спеціалиста—хотя бы онъ былъ еще спеціалистомъ начинающимъ, спеціалистомъ en herbe,—можно повѣрить съ помощью тѣхъ пріемовъ, которые предписываются программой, но *именно* и *только* свѣдѣнія *спеціалиста*. Какъ только извѣстный предметъ является, для даннаго лица, не главнымъ, не центральнымъ, не сосредоточивающимъ на себѣ его помыслы и усилія, изученіе этого предмета невольно принимаетъ другой характеръ, которому долженъ соотвѣтствовать и другой способъ повѣрки знаній. Нельзя быть спеціалистомъ по двумъ разнороднымъ предметамъ (не говоримъ объ исключеніяхъ, крайне рѣдкихъ и только подтверждающихъ правило); нельзя проникнуть одинаково далеко и глубоко въ двѣ сферы, даже не сопредѣльныя между собой. Будущій спеціалистъ по исторіи, по литературѣ, по языкознанію, по философіи (а подготовка такихъ спеціалистовъ несомнѣнно составляетъ одну изъ задачъ историко-филологическаго фа-

культета) не можетъ быть въ то же время спеціалистомъ по классической филологіи. Одно изъ двухъ: или обязательная спеціальность помѣшаетъ развиться добровольно-избранной, и молодой человѣкъ выйдетъ изъ университета недостаточно подготовленнымъ къ дѣятельности, для которой онъ себя предназначилъ; или добровольно выбранная спеціальность возьметъ верхъ надъ обязательною—и тогда развѣ счастливый случай сдѣлаетъ возможнымъ успѣшное окончаніе испытанія.

Замѣтимъ, что требованія программы весьма высоки и по такъ называемымъ дополнительнымъ предметамъ. Послѣдніе раздѣлены на двѣ группы, выборъ между которыми предоставленъ усмотрѣнію учащагося. Къ первой группѣ принадлежатъ сравнительное языковѣдѣніе, санскритскій языкъ, славянское языкознаніе, русскій языкъ, русская литература, исторія западно-европейскихъ литературъ; ко второй — всеобщая исторія, русская исторія, исторія славянскихъ народовъ, исторія христіанской церкви. Къ избравшему первую группу программа предъявляетъ, между прочимъ, слѣдующія требованія: онъ долженъ хорошо знать одинъ изъ эпизодовъ «Махабхараты» или нѣсколько разсказовъ «Хитопадесы»; онъ долженъ умѣть переводить легкіе отрывки съ одного изъ западно-славянскихъ и съ одного изъ южно-славянскихъ нарѣчій, имъ самимъ избранныхъ; онъ долженъ тщательно изучить какой-либо изъ главныхъ памятниковъ древней русской литературы или русской письменности (со стороны языка); онъ долженъ познакомиться въ подлинникѣ съ однимъ изъ величайшихъ произведеній западно-европейскихъ литературъ. Избравшій вторую группу долженъ доказать, что занимался спеціально или исторіей Востока, или исторіей среднихъ вѣковъ, или новой исторіей. Если онъ избралъ среднюю исторію,—приводимъ этотъ случай въ видѣ примѣра,—онъ долженъ обстоятельно изучить одинъ изъ выдающихся средневѣковыхъ источниковъ, въ связи съ новѣйшей литературой и исторіей эпохи, имѣть хоть общее знакомство съ ходомъ научной разработки средневѣковыхъ источниковъ и съ характеромъ главныхъ по этой части изданій, и знать важнѣйшія мнѣнія, существующія въ наукѣ по тому или другому крупному вопросу средневѣковой исторіи. По русской исторіи требуется «болѣе обстоятельное знаніе одной изъ ея эпохъ, при непосредственномъ знакомствѣ съ главными источниками»; по исторіи славянскихъ народовъ—«болѣе обсто-

ятельное знакомство» съ исторіей одного изъ нихъ; но исторіи христіанской церкви—«болѣе близкое знакомство съ одною изъ эпохъ ея». Итакъ, спеціализація занятій обязательна, до извѣстной степени, въ каждомъ изъ дополнительныхъ предметовъ; тѣмъ труднѣе совмѣстить съ нею еще гораздо бо̀льшую спеціализацію въ области классической филологіи. Не странно ли, что отъ будущаго учителя русской словесности требуется «обстоятельное знаніе» только *одного* памятника древне-русской литературы—и *четырехъ* древнихъ авторовъ? Не странно ли, что будущій учитель исторіи можетъ вовсе не изучать ни русскую, ни западно-европейскія литературы, но долженъ знать Арата, Бобрія и Нонна, Симмаха, Макробія и Пристіана? Еще болѣе бросается въ глаза *внутреннее* различіе между спеціализаціей въ примѣненіи къ классической филологіи и спеціализаціей въ примѣненіи къ другимъ предметамъ. Послѣдняя не идетъ дальше болѣе подробнаго, сравнительно, изученія одного нарѣчія, одной эпохи, одного писателя; она не вдается въ мелочи, не останавливается на пунктахъ наиболѣе трудныхъ, не требуетъ отъ каждаго усилій, возможныхъ только для немногихъ. Совершенно иною является спеціализація въ области классической филологіи. Здѣсь идетъ рѣчь уже не о томъ, чтобы пріобрѣсти, на ограниченномъ и именно потому хорошо изслѣдованномъ опытномъ полѣ, ясное пониманіе извѣстной науки и умѣнье владѣть выработанными ею пріемами; здѣсь требуется *мастерство*, хотя бы впослѣдствіи времени и не пришлось ни разу пустить его въ дѣло. Мы понимаемъ, что будущему руководителю суконной фабрики весьма полезно познакомиться, въ главныхъ чертахъ, съ способами производства, принятыми въ другихъ отрасляхъ мануфактурной промышленности; но мы не думаемъ, чтобы ему необходимо было изучить во всѣхъ деталяхъ приготовленіе мыла или писчей бумаги. Мы понимаемъ, что будущему историку Россіи или западной Европы весьма полезно читать въ подлинникѣ лучшихъ древнихъ авторовъ; но мы не думаемъ, чтобы ему нужно было знать особенности древне-греческихъ діалектовъ, сравнительно съ аттическимъ, или различіе между ферекратеями и дохміями. Уменьшить число лицъ, вступающихъ на историко-филологическій факультетъ, программа испытаній въ историко-филологической комиссіи (въ связи съ экзаменными требованіями и съ правилами о зачетѣ полугодій) неизбѣжно должна по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому,

что она значительно затрудняетъ успѣшное окончаніе курса; во-вторыхъ, потому, что она заставляетъ *всѣхъ* посвящать бо́льшую часть своего времени предмету интересному для *немногихъ*. Положеніе дѣлъ, угрожающее весьма печальными послѣдствіями для русскаго образованія, создано не университетскимъ уставомъ, а дополненіями къ нему, исходящими отъ министерства народнаго просвѣщенія; отъ него, слѣдовательно, зависитъ и перемѣна къ лучшему.

Было время, когда жизнь человѣка цѣнилась различно, смотря по сословію или званію. Къ этому времени очень охотно бы возвратились нѣкоторые органы нашей печати. Одно и то же дѣйствіе выставляется ими то какъ величайшее изъ преступленій, заслуживающее смертной казни, то какъ несчастье, заслуживающее только состраданія. Въ ярославской губерніи произошло недавно, по словамъ «Московскаго Листка», слѣдующее событіе: одинъ изъ рабочихъ въ помѣстьѣ г. К., выпивъ, по случаю деревенскаго праздника, нѣсколько лишнихъ рюмокъ водки, охмелѣлъ, сталъ бушевать и браниться передъ усадьбой помѣщика. Помѣщикъ приказалъ другимъ рабочимъ удалить подгулявшаго, но тотъ, вырвавшись изъ ихъ рукъ, повторилъ передъ окномъ своего хозяина нѣсколько черезъ-чуръ энергическихъ фразъ. Тогда г. К. вышелъ на крыльцо съ револьверомъ и объявилъ во всеуслышаніе, что онъ хорошій стрѣлокъ. «Если не уйдешь отъ меня, негодяй, я застрѣлю тебя!» — Не смѣешь, баринъ! — хвалился пьяненькій рабочій, но упалъ, не договоривъ фразы. Пуля попала ему въ лѣвый глазъ и убила его на-повалъ. Приведя этотъ разсказъ, петербургская реакціонная газета прибавляетъ къ нему такое замѣчаніе: «по всей вѣроятности, несчастному К. придется теперь плохо, а между тѣмъ что́ же ему было дѣлать, какъ оградить себя и свою семью отъ всякихъ наглецовъ у себя же дома?» Мы вовсе не беремся судить о поступкѣ самого К.; у насъ нѣтъ для этого достаточныхъ данныхъ, да и дѣло находится, должно быть, въ судебномъ производствѣ. Насъ интересуетъ только новая теорія необходимой обороны, проводимая реакціонною газетою и по нашему законодательству, и по иностраннымъ, и по здравому смыслу, необходимая оборона предполагаетъ, во-первыхъ, серьезную опасность, угрожающую жизни, здоровью, свободѣ или женской чести. Оказывается, что наравнѣ съ этими высшими благами

слѣдуетъ поставить и спокойствіе дворянина-землевладѣльца, нарушаемое шумомъ и бранью подъ окнами усадьбы. Чести г. К. неприличныя слова, произнесенныя его рабочимъ, очевидно, не затрогивали и затронуть не могли; для кого же могутъ быть обидны ругательства «пьяненькаго» человѣка, выпившаго лишнее по случаю церковнаго праздника? Правда, оскорбленія такого же рода бывали иногда поводомъ къ убійству, но только тогда, когда обиженнымъ былъ офицеръ, считавшій нужнымъ защитить «честь мундира». Въ лицѣ г. К. не было задѣто сословіе, не была «унижена» корпорація, и съ этой стороны, такимъ образомъ, не было повода хвататься за револьверъ. Вторымъ условіемъ необходимой обороны является невозможность избѣжать опасности другимъ путемъ, болѣе мирнымъ и законнымъ. Въ данномъ случаѣ не было на-лицо и этого условія. Въ распоряженіи г. К. находились другіе рабочіе, однажды уже схватившіе буяна; нѣтъ причины думать, что они отказались бы сдѣлать то же самое во второй разъ. Характеръ обороны долженъ, наконецъ, соотвѣтствовать обстоятельствамъ, ее вызвавшимъ. Если бы отвѣтомъ на бранныя слова послужилъ выстрѣлъ изъ ружья, заряженнаго солью, то объ извинительности его могли бы еще, пожалуй, быть разныя мнѣнія; но выстрѣлъ изъ револьвера, направленный прямо въ глазъ! Мы говоримъ: *направленный*, потому что г. К. объявилъ себя хорошимъ стрѣлкомъ, и результатъ выстрѣла былъ, слѣдовательно, не случайный. А между тѣмъ образъ дѣйствій г. К. возводится на степень *примѣра*; насъ увѣряютъ, что *ему больше нечего было дѣлать*! Иными словами — пускай точно такъ же поступаетъ и всякій другой, поставленный въ тѣ же условія (и принадлежащій къ тому же общественному классу). На вѣсахъ реакціонной газеты жизнь простолюдина оказывается не тяжелѣе, чѣмъ самолюбіе помѣщика. Трудно измѣрить количество вреда, вводимаго въ нашу жизнь ежедневною проповѣдью подобныхъ глубоко-безнравственныхъ взглядовъ. Безъ крайняго отвращенія не могутъ относиться къ ней даже тѣ, у которыхъ есть—или по крайней мѣрѣ, недавно были—точки соприкосновенія съ реакціоннымъ лагеремъ. «Какъ это ни странно,—восклицаютъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» въ своемъ отвѣтѣ «Гражданину»,— но черезъ триста слишкомъ лѣтъ (послѣ опричнины Ивана Грознаго) у насъ опять народились своего рода опричники. Имъ, конечно, не позволяютъ гарцовать, съ

собачьими головами и метлами у сѣдла, по мирнымъ улицамъ; но точка зрѣнія у нихъ совершенно такая же, какъ у кромѣшниковъ XVI-го вѣка. Они точно такъ же считаютъ *землщину*, т.-е. всю остальную Россію, чѣмъ-то *опричь себя*, и совершаютъ на нее наѣзды съ гикомъ и посвистомъ. Они покрываютъ все русское общество однимъ всеобъемлющимъ извѣтомъ, выкликаютъ свое ежедневное *слово и дѣло* и воображаютъ, что волочатъ за своимъ конскимъ хвостомъ на расправу всякаго, кто не принадлежитъ къ ихъ братству и не посылаетъ безграмотныхъ корреспонденцій въ ихъ безграмотную газету». Негодованіе противъ возмутительныхъ пріемовъ выразилось здѣсь съ силой, заслуживающей полнаго сочувствія.

XXXVIII.

Двадцатипятилѣтіе земскихъ учрежденій.— Смерть гр. М. Т. Лорисъ-Меликова [1]).

Четверть вѣка въ жизни народа и государства — это, въ одно и то же время, очень мало и очень много. Очень мало, потому что народная жизнь измѣняется медленно и туго; очень много, потому что настроенія и теченія въ верхнихъ слояхъ общества слѣдуютъ одно за другимъ съ большою быстротою. Популярное сегодня становится завтра предметомъ равнодушія, послѣ-завтра—предметомъ ожесточенныхъ нападеній. Земскія учрежденія не избѣжали общей участи. Юбилейному ихъ году суждено, быть можетъ, сдѣлаться поворотнымъ пунктомъ въ ихъ существованіи. Чѣмъ бы ни было преобразованное земство, оно во всякомъ случаѣ будетъ существенно инымъ, нежели земство, призванное къ жизни 1-го января 1864 г. У дверей *того* земства уже стоитъ преемникъ. Прежде, чѣмъ объявить наслѣдство открытымъ, слѣдовало бы, однако, произвести ему точный инвентарь. Двадцатипятилѣтней дѣятельности земства еще не подведены итоги; исторія его еще не написана, и даже матеріалы для нея собраны далеко не вполнѣ. А между тѣмъ, привести въ ясность все сдѣланное и предпринятое земствомъ, сравнить полученное имъ отъ своихъ предшественниковъ съ тѣмъ, что̀ оно могло бы передать теперь своимъ преемникамъ — вовсе не особенно трудно; для этого достаточно было бы установленія одной общей программы

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1889 г. январь, внутреннее обозрѣніе и обществ. хроника.

и нѣсколькихъ мѣсяцевъ усиленныхъ занятій со стороны каждой уѣздной и губернской земской управы. Такимъ путемъ получилось бы нѣчто цѣльное, а не случайный наборъ отдѣльныхъ фактовъ, выхваченныхъ, съ предвзятою цѣлью, изъ массы другихъ, совершенно съ ними несходныхъ или даже прямо имъ противоположныхъ. Мы убѣждены, что въ главныхъ, общихъ чертахъ результаты изслѣдованія были бы благопріятны для земства. Активъ значительно перевѣсилъ бы пассивъ, да и самые источники пассива оказались бы зависящими отъ такихъ причинъ, которыя могутъ быть устранены безъ ломки земскихъ учрежденій. Время для изслѣдованія еще не упущено. Въ продолженіе нынѣшней законодательной сессіи Государственный Совѣтъ едва-ли успѣетъ приступить къ разсмотрѣнію проекта реформы земскихъ учрежденій; оно начнется, вѣроятно, не ранѣе, какъ черезъ годъ, а къ этому времени могла бы быть окончена указанная нами работа. Требуется вѣдь не литературное произведеніе, составленное по всѣмъ правиламъ искусства, а просто дѣловой обзоръ данныхъ, бо́льшею частью не нуждающихся въ комментаріяхъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ борьбѣ изъ-за учрежденія—въ особенности если оно вышло изъ моды и стоитъ поперекъ господствующаго теченія, — отрицательные факты всегда производятъ больше эффекта, чѣмъ положительные. Послѣдніе, по самому своему свойству, мало выступаютъ наружу; о нихъ никто не кричитъ, они не становятся предметомъ подробнаго розыска. Чтобы парализовать впечатлѣніе, производимое худымъ, хорошее должно быть тщательно сгруппировано и правильно освѣщено—а по отношенію къ земству это теперь еще не вполнѣ возможно. Поясникъ нашу мысль нѣсколькими примѣрами. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ содержаніе земскихъ управъ стало расти слишкомъ быстро, несоразмѣрно съ другими расходами и съ средствами земства. Противники земскихъ учрежденій поспѣшили обобщить этотъ фактъ и вывести изъ него заключеніе о необходимости заранѣе опредѣленнаго, вездѣ одинаковаго оклада жалованья предсѣдателей и членовъ управъ. Предполагалось, очевидно, что это должно привести къ крупному сокращенію земскихъ смѣтъ. И что же? По сдѣланному нами разсчету оказалось, наоборотъ, что въ настоящее время общая сумма расходовъ на содержаніе земскихъ управъ значительно меньше той, которая понадобилась бы для покрытія

проектированнаго оклада. Подобныя ошибки неизбѣжны, когда предубѣжденіе идетъ рука объ руку съ недостаточной фактической разработкой спорныхъ вопросовъ... Много говорится о погонѣ за кускомъ «земскаго пирога», но мало слышно о громадномъ количествѣ дарового, безкорыстнаго труда, идущаго на пользу земства. Если бы можно было сосчитать и взвѣсить все сдѣланное для населенія хотя бы однимъ земскими членами училищныхъ и врачебныхъ совѣтовъ, то въ совершенно иномъ свѣтѣ предстали бы и факты противоположнаго свойства — факты безцеремоннаго загребанія земскихъ денегъ или непроизводительной ихъ затраты на разные виды оплачиваемаго тунеядства. Сдѣлалось бы ясно, что въ этомъ загребаніи, въ этой затратѣ отражаются старинные взгляды на службу, какъ на источникъ «кормленья», а готовность жертвовать своимъ временемъ и своими силами, не имѣя въ виду ни вещественныхъ, ни даже невещественныхъ «поощреній», составляетъ всецѣло пріобрѣтеніе новыхъ порядковъ... Потерялъ бы свою силу, при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ, и обычный аргументъ противъ мѣстнаго самоуправленія, заимствуемый изъ неаккуратнаго, будто бы, посѣщенія гласными земскихъ собраній. Оказалось бы, что съ этой точки зрѣнія существуетъ большая разница между губернскими и уѣздными земскими собраніями. Если въ первыхъ присутствуетъ обыкновенно только меньшинство гласныхъ и приходится иногда закрывать засѣданія за отсутствіемъ законнаго комплекта (т.-е. одной трети членовъ), то послѣднія часто собираются въ полномъ или почти полномъ составѣ, при чемъ особенною исправностью отличаются гласные изъ крестьянъ (въ губернскихъ собраніяхъ, какъ извѣстно, не участвующіе почти вовсе). Нетрудно было бы доискаться и объясненія этому различію; стоило бы только вспомнить, какъ затруднительны у насъ, въ концѣ осени или началѣ зимы, сообщенія отдаленныхъ мѣстностей съ губернскимъ городомъ— и въ какой степени самыя дѣла, подвѣдомственныя уѣздному собранію, важнѣе и интереснѣе большинства дѣлъ, разсматриваемыхъ, при нормальныхъ обстоятельствахъ [1]), въ собраніи гу-

[1]) Говоримъ: «при нормальныхъ обстоятельствахъ», чтобы выдѣлить тѣ исключительные случаи, когда губернскія земскія собранія призываются правительствомъ къ участію въ обсужденіи вопросовъ первостепенной важности (напр. податной реформы въ 1871 г., реформы мѣстнаго управленія въ 1880 г.).

бернскомъ... Обнаружилась бы, далѣе, вся односторонность приговоровъ, торопливо произносимыхъ надъ тою или другою отраслью земской дѣятельности. Теперь, напримѣръ, принято утверждать, что въ завѣдываніи народнымъ продовольствіемъ земство не исполнило возложенной на него задачи, допустило оскудѣніе ввѣренныхъ ему капиталовъ и запасовъ. Не говоримъ уже о недостаткѣ мѣстныхъ исполнительныхъ органовъ, затруднявшемъ и затрудняющемъ для земства надзоръ за хлѣбными магазинами; не говоримъ объ истощеніи крестьянской земли, значительно усилившемся за послѣднія двадцать лѣтъ и вызвавшемъ необходимость усиленной помощи крестьянамъ въ неурожайные годы; насъ занимаетъ теперь вопросъ о томъ, такъ ли повсемѣстенъ, такъ ли распространенъ самый фактъ упадка продовольственнаго дѣла, съ тѣхъ поръ какъ оно поступило въ завѣдываніе земства? Въ этомъ позволительно сомнѣваться, въ виду, напримѣръ, тѣхъ данныхъ по московской губерніи, которыя были приведены недавно г. Духовскимъ въ засѣданіи статистическаго отдѣленія московскаго юридическаго общества. Продовольственный капиталъ, переданный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ 1866 г., московскому земству, составлялъ 272 тысячи рублей. Къ 1-му іюля 1888 г. въ долгахъ за крестьянами числилось около 540 тысячъ, но на-лицо все-таки было больше чѣмъ въ 1886 г.—310 тысячъ руб. Хлѣбные запасы по московской губерніи простирались, въ моментъ введенія въ дѣйствіе земскихъ учрежденій, до 284 тысячъ четвертей ржи и 135 тысячъ четвертей овса; но ко времени передачи хлѣбныхъ магазиновъ въ вѣдѣніе земства, въ 1867 г., изъ этого количества оставалось только 180 тысячъ четвертей ржи и 62 тысячи четвертей овса. Теперь овса состоитъ на-лицо нѣсколько больше — 65 тысячъ четвертей, но количество ржи уменьшилось болѣе чѣмъ втрое, до 50 тысячъ четвертей. Съ перваго взгляда этотъ фактъ можетъ показаться весьма печальнымъ; но значеніе его радикально измѣняется въ виду того, что изъ числа 5. 338 селеній губерніи 1.693, т.-е. почти цѣлая треть, обратили свои запасы въ деньги, и такіе мѣстные продовольственные капиталы составляли къ 1-му января 1887 г. болѣе 459 тысячъ рублей. Сколько подобныхъ фактовъ нашли бы мѣсто въ общей картинѣ земскаго дѣла, и какимъ оплотомъ они послужили бы противъ систематическихъ порицателей земства!

Въ послѣднее время пущено въ оборотъ еще одно обвиненіе противъ земскихъ учрежденій, съ которымъ намъ прежде не приходилось встрѣчаться. Построено оно такимъ образомъ: взята статья 2-я положенія о земскихъ учрежденіяхъ, опредѣляющая ихъ кругъ дѣйствій, и затѣмъ отысканы въ ней тѣ пункты, которые остались безъ примѣненія къ практикѣ. Въ числѣ этихъ пунктовъ оказалось, къ великой радости искателей, «попеченіе о постройкѣ церквей». Конечно, оно не отнесено къ обязанностямъ земства; но это не останавливаетъ обвинителей, и они спѣшатъ подчеркнуть равнодушіе земскихъ учрежденій къ увеличенію числа православныхъ храмовъ. Не мѣшало бы, однако, вспомнить, что дѣятельность земскихъ учрежденій совпадаетъ почти вся съ тѣмъ періодомъ времени, когда происходило, по распоряженію высшей власти, усиленное сокращеніе приходовъ — другими словами, когда число существующихъ причтовъ (а много ли пользы можетъ принести храмъ безъ причта?) признавалось безъ того уже слишкомъ высокимъ. Что же удивительнаго въ томъ, что земство въ это время не считало необходимымъ строить новыя церкви? Да и во многихъ ли уѣздахъ земскія смѣты выдержали бы новый громадный расходъ, полезный только для небольшой части населенія— для одного прихода изъ нѣсколькихъ десятковъ, входящихъ въ составъ уѣзда? Много ли, наконецъ, было случаевъ, когда въ земскомъ собраніи возникала рѣчь о построеніи храма на счетъ земства или съ пособіемъ изъ земскихъ суммъ, а собраніе уклонялось отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ? Точный отвѣтъ на этотъ вопросъ могла бы дать только несуществующая, къ несчастію, исторія земскихъ учрежденій; но мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что отвѣтъ былъ бы близокъ къ полному отрицанію... Земству ставится, далѣе, въ вину, что оно не принимало мѣръ къ искорененію нищенства, къ уменьшенію пьянства въ селеніяхъ. О «способахъ прекращенія нищенства» говорится, правда, въ ст. 2-ой земскаго положенія—но неужели кто-нибудь рѣшится утверждать, что нищенство, въ нашихъ деревняхъ, составляетъ такое зло, борьбу съ которымъ слѣдовало выдвигать на первый планъ? Вѣдь не могло же земство ополчиться противъ «собиранія кусочковъ» — этой обычной формы деревенскаго нищенства! Для призрѣнія увѣчныхъ, стариковъ и сиротъ дѣлается мало, за недостаткомъ средствъ, но все же дѣлается больше, чѣмъ въ до-земскую эпоху. А гро-

мадныя затраты земства на медицинскую часть — развѣ онѣ не служатъ, косвенно, къ уменьшенію числа лицъ, неспособныхъ работать? Что касается до мѣръ къ уменьшенію пьянства, то о нихъ статья 2-ая не упоминаетъ ни однимъ словомъ, и мы затрудняемся вообразить себѣ, что̀ могло бы, въ этомъ отношеніи, предпринять земство? Взять на себя инціативу въ учрежденіи обществъ трезвости? Завести сельскіе клубы, въ которыхъ крестьянамъ предлагали бы газету и стаканъ чаю? Распространять въ народѣ брошюры о вредѣ пьянства? На одно земству едва-ли удалось бы получить подлежащее разрѣшеніе, а другое было бы скорѣе забавой, чѣмъ настоящимъ дѣломъ... Если изъ числа различныхъ дорогъ, открытыхъ передъ земствомъ, оно выбрало только нѣкоторыя и на нихъ сосредоточило всѣ свои силы, это объясняется не случаемъ, не капризомъ, не исканіемъ популярности, не какими-либо побочными видами. Не имѣя возможности сдѣлать все, оно рѣшилось сдѣлать именно то, что̀ было всего болѣе неотложно — положить основаніе правильной народной школѣ и правильной охранѣ народнаго здоровья. Не даромъ же по этимъ путямъ пошли, съ большей или меньшей рѣшительностью, съ большимъ или меньшимъ умѣньемъ, всѣ земскія собранія. О соглашеніи ихъ между собою, объ общемъ планѣ дѣйствій не было и рѣчи; вліяніе примѣра также не могло быть велико, въ виду разбросанности и замкнутости земскихъ учрежденій. Сходство путей зависитъ исключительно отъ сходства условій. Вопіющія потребности были вездѣ однѣ и тѣ же; понятно, что ихъ удовлетвореніе вездѣ становилось главною цѣлью земской дѣятельности. Какъ бы ни смотрѣть на ея результаты, одного отрицать ни въ какомъ случаѣ нельзя: сдѣланное земствомъ стало образцомъ, со всѣхъ сторонъ вызывающимъ подражаніе. Организація медицинской части въ западныхъ (не-земскихъ) губерніяхъ, недавно созданная правительственною властью, внушена, очевидно, не чѣмъ другимъ, какъ примѣромъ земской медицины. Если церковно-приходскія школы проснулись послѣ долговременнаго сна, то это произошло подъ вліяніемъ громадныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ земской начальной школой — и новый опытъ все больше и больше отражается на старыхъ педагогическихъ пріемахъ.

Меньше всего земскія учрежденія могутъ быть заподозрѣны въ пристрастіи къ меньшинству, къ наиболѣе достаточной части

населенія. Лучшей ихъ заслугой слѣдуетъ признать именно переворотъ, произведенный ими, незамѣтно и постепенно, во взглядахъ и привычкахъ привилегированнаго класса. Свобода отъ налоговъ и повинностей перестала казаться почетнымъ правомъ; первыя ограниченія ея были проведены въ жизнь именно земствомъ, при дѣятельномъ участіи дворянъ-землевладѣльцевъ. Только на всесословной почвѣ, созданной въ великій день 1 января 1864 г., могли вырости такіе плоды, какъ переходъ отъ натуральныхъ повинностей, лежащихъ на одномъ крестьянствѣ, къ денежнымъ, упадающимъ на всѣ сословія, — какъ земская школа, содержимая всѣми классами населенія въ пользу одного,—какъ земская медицина, больше всего цѣнная также для народной массы. Нужно отворачиваться отъ всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, чтобы утверждать—какъ это дѣлаютъ «Московскія Вѣдомости»,—что «земскіе врачи и акушерки въ дѣйствительности служатъ только лицамъ привилегированныхъ сословій, а не крестьянству, которое ихъ по прежнему чуждается». Возьмемъ, для примѣра, хотя бы нѣкоторые уѣзды петербургской губерніи; данныя, къ ней относящіяся, сгруппировны недавно въ отчетѣ, представленномъ пятому съѣзду петербургскихъ земскихъ врачей. Въ гдовскомъ уѣздѣ за врачебной помощью обращались въ 1886 г. 13.309, въ 1887 г.—17 544 приходящихъ больныхъ. Въ шлиссельбургскомъ уѣздѣ приходящихъ больныхъ было, въ тѣ же періоды времени, 18.255 и 18.468, въ новоладожскомъ—18.733 и 21.056, въ ямбургскомъ уѣздѣ—13.758 и 18.082. Что же, всѣ эти десятки тысячъ приходящихъ больныхъ — помѣщики, купцы и разночинцы? Крестьянъ между ними нѣтъ или очень мало? Органы реакціонной прессы присваиваютъ себѣ монополію знакомства съ деревенскимъ бытомъ; хорошо же это знакомство, если они не видятъ повсемѣстно и быстро растущаго довѣрія крестьянской массы къ докторамъ и медицинѣ.

Съ такимъ прошедшимъ земству нечего бояться самой взыскательной ретроспективной критики, лишь бы только она была свободна отъ предубѣжденій, лишь бы только она не избрала своимъ девизомъ слова Лессинговскаго патріарха: thut nichts, der Jude wird verbrannt. Этимъ и объясняется, быть можетъ, особенная настойчивость нападеній, направляемыхъ противъ самаго принципа земскаго самоуправленія. Подкопъ ведется прямо подъ корни; все растеніе провозглашается вреднымъ,

чужеяднымъ, занесеннымъ на нашу почву отчасти по недоразумѣнію, отчасти вслѣдствіе злого умысла. На эту тэму написаны самыя рѣзкія изъ безчисленныхъ статей, посвященныхъ «Московскими Вѣдомостями» полемикѣ съ «Вѣстникомъ Европы».

12-го (24-го декабря) скончался въ Ниццѣ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ—одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ государственныхъ людей, настоящее значеніе которыхъ можетъ быть оцѣнено вполнѣ только исторіей. Наше мнѣніе о «диктатурѣ сердца», объ «эпохѣ новыхъ вѣяній», мы выражали много разъ, отвѣчая на ретроспективныя нападенія газетъ, въ свое время безмолвствовавшихъ или поклонявшихся тому, что̀ передъ тѣмъ онѣ сожигали. Реакція, господствовавшая, съ бо̀льшей или меньшей силой, цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ (1866—1880), привела къ двумъ главнымъ результатамъ; она ухудшила экономическое положеніе народа и извратила умственную жизнь общества. Сообразно съ этимъ, поправить дѣло можно было только одновременной работой въ двухъ направленіяхъ, тѣсно связанныхъ между собою. Принять мѣры къ поднятію народнаго благосостоянія, оставляя общество — безгласнымъ, мысль—зависимою отъ произвола, земство—безсильнымъ и забитымъ, значило бы обречь эти мѣры, въ лучшемъ случаѣ, на полу-успѣхъ. Увеличить свободу мысли и слова, ничего не измѣняя въ матеріальномъ бытѣ народа, значило бы строить на пескѣ, забыть о насущныхъ потребностяхъ, слишкомъ долго остававшихся неудовлетворенными Политика гр. Лорисъ-Меликова не была односторонней. Поставивъ себѣ задачей облегченіе экономическаго гнета, тяготѣвшаго надъ массой населенія, она выразила рѣшимость измѣнить къ лучшему и тѣ условія, отъ которыхъ сознательно страдаетъ меньшинство, безсознательно — большинство русскаго народа. Параллельно съ мѣрами, направленными къ болѣе справедливому распредѣленію податного бремени, шли другія, которыя можно назвать общимъ именемъ освободительныхъ. Если иное, начавшееся въ министерство гр. Лорисъ-Меликова, сошло со сцены вмѣстѣ съ нимъ самимъ, то многое другое продолжалось еще довольно долго и принесло довольно крупные результаты. Пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣна подушной подати, перенесеніе части податного бремени на болѣе достаточные классы населенія (налогъ

съ наслѣдствъ, налогъ на процентныя бумаги, раскладочный сборъ и т. п.). организація крестьянскаго кредита, охрана фабричныхъ рабочихъ, поземельное устройство тѣхъ группъ населенія, которыя не подошли подъ дѣйствіе положеній 19 февраля—все это было задумано во время «диктатуры сердца», исполнено подъ вліяніемъ даннаго ею импульса. Этого одного было бы уже достаточно, чтобы увѣковѣчить имя гр. Лорисъ-Меликова въ государственной исторіи Россіи, подобно тому, какъ оно увѣковѣчено въ военной ея исторіи сраженіемъ на Аладжинскихъ высотахъ и взятіемъ Карса.

Между болѣе подробными статьями о гр. Лорисъ-Меликовѣ есть, говорятъ, и такія, въ которыхъ «лягаютъ умершаго льва», отрицаютъ даже его храбрость. Мы очень рады, что намъ не пришлось ихъ видѣть. Есть другія, въ которыхъ господствуетъ кисло-сладкій тонъ и превозносятся только военныя заслуги усопшаго. Есть третьи, въ которыхъ похвала преобладаетъ надъ порицаніемъ, но бочка меду, по поговоркѣ, испорчена ложкой — или нѣсколькими ложками — дегтю. Въ одной изъ статей послѣдняго типа насъ хотятъ увѣрить, напримѣръ, что «быстрому возвышенію гр. Лорисъ-Меликова не мало способствовали женщины». Намъ говорятъ, что покойный былъ послѣднимъ «случайнымъ человѣкомъ» въ Россіи, упуская изъ виду, что если его призыву къ власти и содѣйствовали *случайныя обстоятельства*, то въ немъ самомъ не было ни одного изъ характерныхъ признаковъ *случайнаго человѣка*. Лорисъ-Меликовъ— читаемъ мы дальше — «не былъ достаточно подготовленъ къ выпавшей на него задачѣ». Жалобы quasi-либеральной печати, «имѣвшей болѣе цѣлью систематическую оппозицію правительству», онъ принималъ за «дѣйствительныя выраженія народныхъ нуждъ». Онъ считалъ «наше общество болѣе созрѣвшимъ, чѣмъ это было, и болѣе устойчивымъ въ своихъ воззрѣніяхъ». Въ особенности недовольна газета послѣдними мѣсяцами министерства Лорисъ-Меликова. «Поведеніе» его послѣ 1-го марта кажется ей «ниже того, что̀ отъ него слѣдовало ожидать»; «потрясенный нравственно и физически, онъ не хотѣлъ или не могъ понять, что той политикѣ, которую онъ преслѣдовалъ, не было болѣе мѣста». Другими словами, гр. Лорисъ-Меликову ставятся въ вину лучшія черты его натуры — его вѣра въ добро, его стойкость, его вѣрность системѣ, которую онъ однажды призналъ истинной и цѣлесо-

образной. Конечно. для него лично было бы лучше, если бы онъ умѣлъ примѣняться къ обстоятельствамъ,—но тогда онъ не былъ бы тѣмъ Лорисъ-Меликовымъ, имя котораго вышло чистымъ изъ всѣхъ превратностей измѣнчивой судьбы. Если онъ и былъ оптимистомъ, то какое же истинно-великое дѣло возможно безъ вѣры въ людей, для которыхъ и съ помощью которыхъ оно предпринимается?.. Нѣтъ, ужъ лучше откровенная вражда, чѣмъ это балансированье между снисходительностью и строгостью. Лучше прямо называть время управленія Лорисъ-Меликова (какъ это дѣлаютъ «Московскія Вѣдомости») «плачевной эпохой»; лучше увѣрять, что «старый кавказскій боевой генералъ былъ далекъ отъ истиннаго пониманія той роли, которую заставляли его играть петербургскіе сумасбродные доктринеры и *легальные анархисты*»...

XXXIX.

Новая кампанія противъ Финляндіи.—Особый взглядъ на крестьянскую реформу [1]).

...«Въ Финляндіи менѣе двухъ милліоновъ жителей, почва скудна, народъ не слишкомъ одаренъ отъ природы; сравнимъ ее, однако, съ русской губерніей такого же населенія, но въ несравненно болѣе благопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, напримѣръ, хоть съ черниговской губерніей. Гдѣ въ послѣдней университетъ, масса учебныхъ заведеній, газетъ, отличныя дороги, фабрики, производительность которыхъ извѣстна въ цѣломъ мірѣ, гдѣ благоустроенные города, освѣщенные газомъ, порядокъ и уваженіе къ закону? Такъ можно ли серьезно толковать о насильственномъ обращеніи Финляндіи въ русскую область? Это значило бы отодвинуть Финляндію на степень олонецкой, архангельской или вологодской губерній, умирающихъ съ голоду среди гигантскихъ богатствъ, ихъ окружающихъ и лежащихъ мертвымъ капиталомъ»... Какъ думаютъ читатели, гдѣ напечатаны эти слова? Быть можетъ, въ одномъ изъ «лже-либеральныхъ» повременныхъ изданій, или въ книгѣ сенатора Мехелина, или въ курсѣ профессора-«космополита»? Нѣтъ; мы нашли ихъ въ «Современной Россіи», т.-е. въ одномъ изъ самыхъ типичныхъ произведеній новѣйшаго моднаго «патріотизма». Конечно, авторъ спѣшитъ прибавить ложку (или даже бочку) дегтю къ бочкѣ меду; великодушно отказываясь отъ стремленія «отнять или ограничить органическіе законы Финляндіи», онъ присоединяется всецѣло къ обычнымъ напа-

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1889 г., іюнь, общественная хроника.

деніямъ на финляндскій «сепаратизмъ», предлагаетъ взять финляндскія дѣла подъ ближайшій надзоръ одного изъ высшихъ государственныхъ учрежденій Россіи и рекомендуетъ, какъ «руководящую нить» для нашей политики, слѣдующія слова императрицы Екатерины: «хотя Финляндія (т.-е. та часть Финляндіи, которая тогда принадлежала Россіи) правится конфирмованными ей привилегіями и нарушать оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно было бы; однакоже и называть ее чужестранной и обходиться съ ней на такомъ же основаніи есть больше нежели ошибка». Итакъ, не слѣдуетъ только «отрѣшать привилегіи всѣ вдругъ», а по частямъ, незамѣтно и безъ шуму, уничтожать ихъ можно и должно... Важны для насъ, впрочемъ, не противорѣчія, въ которыя впадаетъ авторъ «Современной Россіи»; важно его признаніе, что Финляндія пользуется благами, о которыхъ русскія губерніи знаютъ, къ сожалѣнію, лишь по наслышкѣ, и что она обязана этимъ, по крайней мѣрѣ отчасти, своему, «хотя и устарѣлому, но все-таки недурному государственному устройству». Именно въ этой сторонѣ вопроса и заключается главный источникъ отвратительнаго впечатлѣнія, производимаго газетной травлей финляндскаго «сепаратизма». Нашимъ доморощеннымъ «націоналистамъ» нѣтъ никакого дѣла до населенія Финляндіи; имъ совершенно все равно, во что̀ обойдется ему нивеллировка, составляющая единственную цѣль ихъ усилій. Имъ, повидимому, даже досадно, что наши сосѣди позволяютъ себѣ быть болѣе счастливыми, чѣмъ мы сами—или, во всякомъ случаѣ, счастливыми на свой собственный ладъ, не по излюбленному «патріотами» шаблону. Пародируя, сами того не зная, извѣстное изреченіе: périssent les colonies plutôt qu'un principe, они готовы принести въ жертву, съ легкимъ сердцемъ, благосостояніе Финляндіи, лишь бы только имъ перестали колоть глаза ея порядки.

Постоянныя варіаціи на упразднительную тему, все болѣе и болѣе назойливыя и злобныя, вызвали, наконецъ, оффиціальное опроверженіе: въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появилась всеподданнѣйшая записка генералъ-губернатора Финляндіи, прямо направленная противъ реакціонныхъ измышленій. Само собою разумѣется, что своей непосредственной цѣли она не достигла и не достигнетъ. «Московскія Вѣдомости», которымъ она въ особенности возражаетъ, не думаютъ складывать оружіе; напротивъ того, онѣ эксплоатируютъ записку въ свою

пользу, утверждая, что всѣ нападенія, не встрѣтившія въ ней отпора, этимъ самымъ признаны вполнѣ справедливыми. Итакъ, передовыя статьи и корреспонденціи московской газеты—это нѣчто въ родѣ искового прошенія, каждый доводъ котораго долженъ быть подвергнутъ отдѣльному разбору со стороны отвѣтчика—т.-е. правительственнаго учрежденія? Сравненіе наше, впрочемъ, не совсѣмъ вѣрно: даже въ судѣ молчаніе отвѣтчика по тому или другому пункту не всегда считается равносильнымъ согласію съ истцомъ, и адвокатъ истца, который посмотрѣлъ бы на дѣло съ точки зрѣнія «Московскихъ Вѣдомостей», рисковалъ бы потерпѣть большое разочарованіе со стороны суда. Чтобы отвѣтить на каждое положеніе двухъ передовыхъ статей, четырехъ фельетоновъ и одиннадцати корреспонденцій (такова, по разсчету московской газеты, численная сила ея анти-финляндской артиллеріи), финляндскому генералъ-губернатору пришлось бы значительно усилить составъ своей канцеляріи, и все-таки предпринять настоящую Сизифову работу. На мѣсто одного опровергнутаго факта появился бы десятокъ новыхъ: ничто не мѣшало бы и простому повторенію прежнихъ обвиненій. Документы въ родѣ записки, о которой идетъ рѣчь, пишутся вовсе не для того, чтобы переубѣдить профессіональныхъ обвинителей; они предназначены для той части публики, которую могутъ смутить тенденціозныя выходки, но столь же легко можетъ и успокоить безпристрастное разъясненіе дѣла. Съ этой точки зрѣнія нельзя отрицать пользу правительственныхъ опроверженій, хотя бы они и оставались, повидимому, безъ опредѣленнаго результата. Спѣшимъ оговориться: мы вовсе и не желаемъ, чтобы оффиціальное сообщеніе было послѣднимъ словомъ полемики, занимающей насъ въ настоящую минуту, или какой бы то ни было другой. Учрежденіе можетъ ошибаться, какъ и частное лицо: къ нему нельзя примѣнить изреченіе, полагающее конецъ богословскимъ разногласіямъ въ средѣ католической церкви: Roma locuta est. Споръ, вызвавшій вмѣшательство администраціи, можетъ продолжаться по-прежнему, и московская газета фактически доказываетъ эту возможность—по крайней мѣрѣ для нея и въ этомъ данномъ случаѣ. Менѣе убѣдительнаго аргумента, чѣмъ вынужденное безмолвіе противниковъ администраціи, нельзя себѣ и представить.

Признавая, такимъ образомъ, сообщеніе финляндскаго гене-

ралъ-губернатора только матеріаломъ для рѣшенія спорнаго вопроса, но матеріаломъ, безъ сомнѣнія, весьма важнымъ, мы обращаемъ особенное вниманіе читателей на приложенный къ нему историческій документъ, не безъ причины игнорируемый реакціонной печатью. Этотъ документъ—Высочайшій манифестъ 9-го февраля 1816-го года о преобразованіи финляндскаго правительственнаго совѣта въ финляндскій сенатъ—содержитъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя слова, оставляющія немного мѣста для перетолкованій: «бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы безъ нарушенія оныхъ, Мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи, съ принадлежащими, на основаніи оныхъ, каждому финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но, по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимися земскими края сего чинами, учредили особенное правительство, подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта, составленнаго изъ коренныхъ финляндцевъ и не зависѣвшаго ни отъ какой другой власти, кромѣ власти законовъ, и сообразующейся съ оными Монаршей нашей воли». Дальше говорится, что Совѣтъ переименовывается въ Сенатъ «безъ отмѣны въ настоящемъ его составѣ, а еще менѣе того въ конституціи и законахъ, Нами для Финляндіи утвержденныхъ и силою сего во всѣхъ отношеніяхъ паки утверждаемыхъ». Этотъ документъ вѣситъ одинъ болѣе, несравненно болѣе, чѣмъ масса реакціонныхъ софизмовъ; онъ служитъ достаточнымъ объясненіемъ тому, почему оффиціальное сообщеніе не признаетъ нужнымъ останавливаться на каждомъ словѣ московской газеты или ея гельсингфорскаго корреспондента. Приведемъ, въ видѣ иллюстраціи къ нашей мысли, одинъ примѣръ, какъ нельзя болѣе наглядный. Въ одной изъ гельсингфорскихъ корреспонденцій «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 36) повѣствовалось, между прочимъ, что при вступленіи на престолъ императора Александра II, въ манифестѣ, обращенномъ къ Финляндіи, обычныя слова: «по конституціямъ ихъ» (т.-е. сословій) съ намѣреніемъ были замѣнены словами: «по учрежденіямъ ихъ». Нужно ли было опровергать этотъ фактъ или возстановлять его настоящее

значеніе, разъ что въ составъ правительственнаго сообщенія былъ включенъ документъ, столь опредѣленно говорящій не о конституціяхъ сословій, а о финляндской конституціи? Нужно ли было присоединять къ нему еще какіе либо комментаріи о характерѣ связи, существующей, ко благу Финляндіи и во всякомъ случаѣ не къ ущербу для Россіи, между русскимъ государствомъ и великимъ княжествомъ финляндскимъ?

Авторъ корреспонденцій, направленныхъ противъ самыхъ цѣнныхъ сокровищъ Финляндіи,—корреспонденцій, сѣющихъ между русскими недовѣріе къ финляндцамъ, между финляндцами—страхъ передъ русскими, легко могущій перейти въ ненависть,—выступалъ, отъ времени до времени, какъ бы глашатаемъ и защитникомъ финскаго народа. Онъ позволялъ себѣ говорить о своей «солидарности» со многими изъ среды этого народа, «недовольнаго своимъ чиновничествомъ и прямо клянущаго Сенатъ, высасывающій изъ массы послѣдніе соки». «Не скрою,—читаемъ мы въ одномъ изъ гельсингфорскихъ писемъ («Московскія Вѣдомости» № 63),—въ народѣ винится и русское правительство, но пока еще не въ посягательствахъ на quasi-конституцію, о которой онъ имѣетъ очень смутное понятіе, а, напротивъ, въ послабленіи чиновничеству, угнетающему народъ». И это говорится о народѣ, имѣющемъ свое представительство, свою сравнительно свободную печать! Этому-то народу *не остается, будто бы, ничего другого, какъ изливать* свое горе устами корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей»! Здѣсь, очевидно, совсѣмъ забыто золотое правило о «знаніи мѣры». Не тому, кто хочетъ обречь финскій народъ на безмолвіе и безправіе, подобаетъ выступать въ роли народолюбца, оплакивающаго «угнетеніе» меньшей братіи. Кому неизвѣстно, притомъ, что именно въ послѣднюю четверть вѣка, т.-е. со времени возобновленія дѣятельности финляндскихъ сеймовыхъ учрежденій, низшія сословія въ Финляндіи сдѣлали громадный шагъ впередъ, и партія финномановъ стала по меньшей мѣрѣ равносильной съ старой шведской партіей, поддерживаемой верхушками общества? «Тягость обложенія налогами,—читаемъ мы въ правительственномъ сообщеніи,—въ настоящее время меньше и общее благосостояніе больше, чѣмъ въ какой бы то ни было прежній періодъ времени. Населеніе Финляндіи проникнуто сознаніемъ своихъ законныхъ правъ и обязанностей, и народъ всегда находилъ въ законахъ существенную защиту противъ

возможныхъ злоупотребленій». Московская газета старается уменьшить значеніе этихъ словъ, замѣчая, что «и генералъ-губернаторамъ не разъ приходилось сильно ошибаться». Ошибались, напримѣръ, тѣ балтійскіе генералъ-губернаторы, которые доносили, что въ остзейскомъ краѣ все обстоитъ благополучно и ничего не требуетъ измѣненій, «въ виду полной политической благонадежности какъ господствующей въ краѣ рыцарской корпораціи, такъ и иныхъ мѣстныхъ конституцій». Намекъ, заключающійся въ этихъ послѣднихъ словахъ, совершенно понятенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно безсиленъ. Отъ до-реформеннаго остзейскаго края Финляндія отличается, между прочимъ, именно тѣмъ, что въ ней нѣтъ господствующей рыцарской корпораціи и что ея конституція принадлежитъ къ совершенно иному порядку явленій, чѣмъ «остзейскія конституціи». Чтобы обнаружиться и всплыть наверхъ, финляндскія злоупотребленія власти не нуждаются въ тѣхъ чрезвычайныхъ средствахъ, къ какимъ пришлось прибѣгнуть въ остзейскомъ краѣ... Весьма знаменательно, впрочемъ, что о злоупотребленіяхъ, жертвою которыхъ является, будто бы, финскій народъ, корреспондентъ московской газеты говоритъ только въ общихъ словахъ, ничего и никого не называя; все слѣдовательское его усердіе направлено къ раскрытію того, что̀ онъ считаетъ злоупотребленіями финляндскихъ учрежденій по отношенію къ русской центральной власти. Заголовки правительственныхъ актовъ и разные византійскіе вопросы ejusdem farinae интересуютъ его гораздо больше, чѣмъ «послѣдніе соки» финскаго народа.

Смѣшно и грустно видѣть, какимъ негодованіемъ возгораются наши «патріоты» при созерцаніи порядка вещей, грѣшащаго только несходствомъ съ русскими учрежденіями. Они никакъ не хотятъ понять, что государственный строй, какъ и все существующее, можетъ постепенно видоизмѣняться и развиваться; они отказываются помириться съ мыслью, что основные законы, унаслѣдованные Финляндіей отъ Швеціи, не только сохраняютъ свою силу, но и становятся болѣе совершенными, приспособляются къ потребностямъ времени. Ихъ ужасно обижаетъ мысль, что шведскіе короли могли созывать сеймъ когда угодно, не стѣсняясь никакими сроками, и одни пользовались правомъ иниціативы, т.-е. правомъ возбужденія законодательныхъ вопросовъ—а теперь для созыва сейма установленъ опредѣленный срокъ и право иниціативы принадлежитъ

сейму наравнѣ съ императоромъ-великимъ княземъ. Но развѣ это совершилось помимо воли верховной власти, путемъ насилія или обмана? Періодичность сейма создана закономъ 15-го апрѣля 1869-го года, право инициативны даровано сейму закономъ 16-го іюля 1886-го года. Что изданію обоихъ законовъ предшествовало тщательное взвѣшиваніе ихъ нашимъ правительствомъ, это видно уже изъ того, что первый изъ нихъ изданъ два года, второй—годъ спустя послѣ окончанія сеймовыхъ сессій, на которыхъ они обсуждались. О чемъ же тутъ горевать, чѣмъ тутъ возмущаться? Умѣстно ли говорить о правильномъ, нормальномъ движеніи законодательства въ такихъ выраженіяхъ и такимъ тономъ, какъ будто рѣчь шла о преступномъ захватѣ власти? Не нужно ли, наоборотъ, радоваться согласію, благодаря которому обновляются устарѣлые порядки и поддерживается жизнь въ учрежденіяхъ, созданныхъ вѣками? «Русскій монархъ,—восклицаетъ корреспондентъ по поводу предоставленія сейму права законодательной инициативы,—поставляется въ необходимость разсматривать даже такіе предметы, которыхъ онъ не только разсматривать, но и возбуждать не находилъ бы, быть можетъ, нужнымъ». Но вѣдь это все имѣлось въ виду при изданіи закона 16-го іюля 1886-го года и не помѣшало его утвержденію; о чемъ же теперь хлопочетъ корреспондентъ? Не ясно ли, что для него недоступно пониманіе самыхъ простыхъ политическихъ вопросовъ, разъ что они лежатъ внѣ области—узкой, очень узкой области—свѣта, проходящаго черезъ его окошко?

Когда непримиримые враги законности и права начинаютъ говорить, чуть не со слезами, объ «угнетеніи» народа—все равно, русскаго, финскаго или какого-нибудь иного,—искренность ихъ всегда возбуждаетъ въ насъ невольныя сомнѣнія. Подкладкой для «народолюбія» этого рода служитъ, большею частью, либо ненависть къ интеллигенціи, стремленіямъ которой всего удобнѣе противопоставлять мнимые интересы массы, либо вражда къ реформамъ, опередившимъ, будто бы, потребности и желанія большинства. Яснѣе чѣмъ когда-либо противорѣчіе между словами и чувствами выражается въ реакціонной печати именно теперь, когда она, съ одной стороны, чаще прежняго проявляетъ трогательную заботливость о «младшемъ братѣ», съ другой стороны—меньше прежняго считаетъ нужнымъ скрывать свое

истинное мнѣніе объ отмѣнѣ крѣпостного права. Еще недавно перечень ошибокъ, допущенныхъ эпохой «либеральныхъ реформъ», принято было начинать только съ университетскаго устава 1863-го года. Это было уступкой приличіямъ, съ которыми въ наше время мало-по-малу перестаютъ считаться. Списокъ реформъ—или, по новой терминологіи, «либеральныхъ измышленій»—доводится теперь до своего естественнаго начала; предметомъ нападеній, болѣе или менѣе открытыхъ, становится великій освободительный актъ 19-го февраля 1861-го года. Въ послѣдовательности этому образу дѣйствій отказать нельзя; между освобожденіемъ крестьянъ и всѣми послѣдующими преобразованіями существуетъ, въ самомъ дѣлѣ, тѣсная внутренняя связь. Приверженцы регресса видѣли ее и прежде, но не хотѣли въ этомъ сознаваться; никто не рѣшался зачислить себя въ ряды крѣпостниковъ, поставивъ точку надъ і, т.-е. прямо высказавшись противъ крестьянской реформы. Теперь Рубиконъ перейденъ, и перейденъ не только въ газетѣ, къ выходкамъ которой никто не относится серьезно, но и въ другихъ, болѣе солидныхъ изданіяхъ. Вотъ что мы читаемъ, напримѣръ, въ майской книжкѣ одного изъ петербургскихъ консервативныхъ журналовъ, въ статьѣ: «Герценъ и его корреспонденты»: «крестьянская реформа еще ждетъ своего безпристрастнаго историка, но и теперь уже едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что она строилась на умозрительныхъ началахъ, и что ея строители черпали свои умозрѣнія изъ области идей, прямо враждебныхъ нашему сословно-общественному строю и отношеніямъ, исторически сложившимся между сословіями, а также между ними и государствомъ. Въ угоду радикальнымъ бреднямъ и ими самими измышленному общественному мнѣнію, никакой почвы въ русской жизни не имѣвшему и не имѣющему, строители крестьянской реформы, послужившей исходною точкою для дальнѣйшихъ преобразованій минувшаго царствованія, рвали не только соціальныя, но и естественныя экономическія связи между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ, раззоряя перваго и въ то же время не обезпечивая и не имѣя возможности обезпечить послѣдняго настолько, чтобы онъ не нуждался въ заработкахъ. Даже Герценъ не ожидалъ такого исхода. И развѣ не правъ онъ былъ, считая крестьянскую реформу *переворотомъ*» (курсивъ въ подлинникѣ). Вся эта тирада—да и много изъ ей предшествующаго, прямо направленнаго противъ «тогдаш-

нихъ вдохновителей министерства внутреннихъ дѣлъ», т.-е. противъ Н. А. Милютина и Я. А. Соловьева — чрезвычайно характерна, и насъ очень удивляетъ, что она прошла незамѣченною въ нашей ежедневной печати. Въ самомъ дѣлѣ, противъ крестьянской реформы приводятся здѣсь тѣ же возраженія, даже тѣ же «словечки» (умозрительныя начала», «радикальныя бредни», «измышленное общественное мнѣніе», отсутствіе «почвы», колебаніе «исторически сложившагося строя»), которыя играли и играютъ главную роль въ походѣ противъ независимаго суда, противъ земскаго и городского самоуправленія. Тождество средствъ заставляетъ предполагать тождество цѣлей. Если все «вымышленное», все «радикальное», все «идущее въ разрѣзъ съ исторіей» должно быть вычеркнуто, уничтожено въ областяхъ земской и судебной, то нѣтъ основанія поступать иначе и въ области крестьянскаго быта. И здѣсь, очевидно, должна быть предпринята та же работа очищенія, оздоровленія, возстановленія, съ тѣми лишь ограниченіями, которыхъ требуетъ крайняя необходимость. Нельзя, конечно, возвратиться къ крѣпостному праву, но можно и должно сдѣлать хоть часть того, чему не дали осуществиться «радикальныя бредни» пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Если крестьянская реформа послужила исходной точкой для дальнѣйшихъ преобразованій минувшаго царствованія, то ея не можетъ не коснуться движеніе, направленное къ отмѣнѣ или передѣлкѣ этихъ преобразованій. Таковъ, думается намъ, несомнѣнный смыслъ приведенной нами цитаты, именно потому и составляющей знаменательный признакъ времени. Не даромъ же выдвинута, въ концѣ, тяжелая артиллерія, не даромъ указано на то, что такого исхода крестьянской реформы не ожидалъ даже Герценъ. Развѣ можетъ уцѣлѣть, въ настоящее время, нѣчто превзошедшее ожиданія «Колокола», нѣчто такое, что̀ самъ издатель лондонской газеты назвалъ переворотомъ?.. Положимъ, что слово: переворотъ ничего страшнаго, само по себѣ, не представляетъ. Оно означаетъ, сплошь и рядомъ, самыя мирныя, самыя справедливыя перемѣны, если только онѣ проникли далеко въ глубь и ширь, если онѣ привели къ капитальной перестройкѣ общественныхъ отношеній. Переворотомъ было и крещеніе Руси, переворотомъ была и реформа Петра Великаго; къ переворотамъ примѣнимы, въ большинствѣ случаевъ, слова Аттингаузена въ Шиллеровскомъ «Вильгельмѣ

Теллѣ»: das Alte stürzt, es ändert sich die Zeit, und neues Leben blüht aus den Ruinen. Но вѣдь это все непонятно для тѣхъ, кто вѣритъ въ «мудреныя» или «тяжелыя» слова, кто боится звуковъ «металлъ» или «жупелъ». Для нихъ «переворотъ» (особенно въ устахъ Герцена)—все равно, что «революція»; произнеся или услышавъ одно изъ этихъ словъ, они чувствуютъ непреодолимую потребность закричать: «караулъ». И вотъ, такимъ крикомъ и является названная нами журнальная статья За нимъ послѣдуютъ, безъ сомнѣнія, и другіе, болѣе опредѣленные. Можетъ быть, мы дождемся и того, что въ обращеніе будетъ пущена мысль о чемъ-то въ родѣ «милліарда вознагражденія эмигрантамъ»—т.-е. о дополнительномъ вознагражденіи всѣхъ «разоренныхъ» освобожденіемъ крестьянъ. Нашимъ читателямъ извѣстно, что есть уже наготовѣ и цифра, выражающая это разореніе: 55 милліоновъ ежегодной потери. Она выведена авторомъ «Современной Россіи», на котораго съ особеннымъ удовольствіемъ ссылается авторъ статьи: «Герценъ и его корреспонденты». Рыбакъ рыбака видитъ издалека.

XL.

Финляндскій «сепаратизмъ» [1]).

Походъ противъ Финляндіи, предпринятый извѣстнаго рода прессой, принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Объемистыя передовыя статьи изображаютъ собою регулярную армію; партизанская, наѣздническая война ведется, по-прежнему, путемъ корреспонденцій, писанныхъ, вѣроятно, тѣми изъ нашихъ соотечественниковъ, которые не любятъ, чтобы препятствовали ихъ «ндраву»—а именно въ Финляндіи это съ ними легко можетъ случиться. Оружія и орудія пускаются при этомъ въ ходъ самыя разнообразныя, заимствуются то изъ области исторіи и государственнаго права, то изъ *дачныхъ* наблюденій. По части послѣднихъ отличается, въ особенности, гельсингфорскій корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей». «Господа финляндцы,— восклицаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—завладѣли, для надзора за русской торговлей, уже и русской территоріей, водворивъ съ этою цѣлью, для постояннаго пребыванія на желѣзнодорожной станціи Бѣлоостровѣ, съ русской стороны границы, одного старшаго сторожа. Этого сторожа проѣзжающіе по желѣзной дорогѣ могутъ всегда видѣть и узнать по особенной финляндской формѣ, но на финляндской станціи по ту сторону границы—русскаго сторожа они не видятъ»... (многоточіе въ подлинникѣ). Въ самомъ дѣлѣ, какой ужасный аффронтъ... для дачниковъ, поселяющихся на лѣто за Бѣлоостровомъ, вдоль линіи финляндской желѣзной дороги! Русскій средній человѣкъ, изъ такъ называемыхъ привилегированныхъ классовъ, не лю-

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1889 г. іюль, обществ хроника.

битъ у себя дома платить налоговъ и пошлинъ; онъ не успѣлъ еще къ нимъ привыкнуть, не успѣлъ еще забыть недавнее различіе между податными и неподатными сословіями. Таможенный сборъ, правда, ему приходилось вносить и при прежнихъ порядкахъ, но именно потому онъ и чувствуетъ къ этому сбору сугубое нерасположеніе; именно здѣсь онъ и считаетъ позволительнымъ, почти похвальнымъ обмануть казну—даже свою собственную, русскую казну. Понятно, что тѣмъ меньше ему по-сердцу платежи въ пользу чужой казны, въ особенности если они повторяются—или должны были бы повторяться—чуть не ежедневно, при каждомъ возвращеніи на дачу. Ощущенія дачниковъ и дачницъ, изображенныя Салтыковымъ въ первой главѣ «Мелочей жизни», несомнѣнно списаны съ натуры; сотни русскихъ сердецъ закипаютъ тревогой и досадой, когда петербургскій поѣздъ приближается къ Теріокамъ. Сознаваться въ мелкомъ чувствованьицѣ не очень-то пріятно, хотя бы оно и принадлежало къ числу самыхъ распространенныхъ; гораздо удобнѣе назвать его другимъ именемъ, болѣе благозвучнымъ. И вотъ, на сцену выступаетъ оскорбленный «патріотизмъ»: русская гордость не можетъ-молъ примириться съ данью, платимою маленькой Финляндіи; русскому глазу больно видѣть, на русской почвѣ, финляндскую форму финляндскаго таможеннаго сторожа! Послѣдней каплей, переполняющей чашу, является... отсутствіе русскаго таможеннаго сторожа, въ русской формѣ, на финляндской станціи Теріокахъ! Равенство нарушено: карликъ побѣдилъ великана, двухъ-милліонная страна поставила свою пяту на выю стомилліонной... Все это—чисто водевильные мотивы; съ какой серьезной миной ни распѣвали бы ихъ новые Тиртеи, они никого не побудятъ возстать на защиту угнетенной родины. Соотвѣтственной мѣрой противъ зла, раскрытаго пылкимъ корреспондентомъ-патріотомъ, была бы развѣ подача министру финансовъ, отъ имени теріокскихъ и мустамякскихъ дачниковъ, петиціи о «водвореніи» русскаго таможеннаго сторожа (непремѣнно—старшаго) въ Теріокахъ, въ pendant къ финляндскому въ Бѣлоостровѣ.

«Надо видѣть,—продолжаетъ корреспондентъ московской газеты,—то движеніе, которое разростается въ лѣтніе мѣсяцы изъ Петербурга на финляндской желѣзной дорогѣ вплоть до Выборга и даже далѣе, чтобы оцѣнить, что получаетъ Фин-

ляндія отъ Россіи. Тысячи русскихъ семействъ несутъ тысячи русскихъ рублей *въ эту удивительную по своей неблагодарности страну*. Другія тысячи мызо- и дачевладѣльцевъ кладутъ милліоны въ свои финляндскія имущества, обогащая окрестное населеніе и мѣстныя производства». Устами корреспондента и здѣсь, очевидно, говорятъ дачники патріоты своего отечества. Какъ! они, русскіе, удостоиваютъ Финляндію своимъ присутствіемъ, благоволятъ тратить тамъ свои деньги—а она не спѣшитъ признать ихъ своими благодѣтелями и удивляетъ міръ своею неблагодарностью!... Само собою разумѣется, что, поселяясь въ Финляндіи, они думаютъ только о своихъ собственныхъ выгодахъ и удобствахъ—но финляндцамъ не должно быть никакого дѣла до ихъ побужденій. Для жителей маленькаго государства достаточной честью долженъ считаться уже тотъ фактъ, что къ нимъ пріѣзжаютъ въ гости могущественные сосѣди. Какъ много, однако, съ этой точки зрѣнія наберется у насъ—да и вездѣ—обязанныхъ благодарностью и неблагодарныхъ! Купцы, напримѣръ, должны быть благодарны своимъ покупателямъ; ремесленники должны быть благодарны купцамъ; производители сырья должны быть благодарны ремесленникамъ; неимѣющимъ право ни на чью благодарность окажется, пожалуй, только одинъ «человѣкъ, питающійся лебедою». Конечно, существуетъ и другая точка зрѣнія, отвергающая благодарность, когда рѣчь идетъ только объ обмѣнѣ услугъ; но она, очевидно, выдумана неблагонамѣренными людьми. Права русскихъ дачниковъ на признательность мѣстнаго финскаго населенія такъ же безспорны, какъ и права русскихъ хлѣбныхъ торговцевъ на признательность иностранцевъ, кормящихся привезеннымъ изъ Россіи хлѣбомъ... Какъ ни смѣшны всѣ подобныя претензіи но онѣ имѣютъ и свою печальную сторону. Находятся наивные люди, которые имъ вѣрятъ и увеличиваютъ собою нестройный хоръ слѣпыхъ ненавистниковъ всего инороднаго, иновѣрнаго и иностраннаго. Чѣмъ громче раздается въ послѣднее время побѣдная пѣснь этого хора, тѣмъ антипатичнѣе отдѣльные голоса, подыскивающіе для нея новые мотивы.

Комическое впечатлѣніе производитъ гельсингфорскій корреспондентъ и тогда, когда онъ отказывается признать за финляндскими земскими чинами право на уваженіе «русскихъ людей». Къ этому незваному и непрошенному представительству реакціонная печать насъ уже давно пріучила; всѣмъ очень хо-

рошо извѣстна настоящая цѣнность мнимаго «русскаго» общественнаго мнѣнія, фабрикуемаго въ Москвѣ,—и фабрикуемаго съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ луна дѣлается въ Гамбургѣ. Къ неуваженію тѣхъ «русскихъ людей», отъ имени которыхъ можетъ говорить корреспондентъ московской газеты, финляндскіе земскіе чины могутъ отнестись совершенно равнодушно; гораздо непріятнѣе было бы уваженіе, идущее изъ такого источника. Въ чемъ заключаются, однако, обвинительные пункты противъ финляндскаго сейма? Одинъ изъ его членовъ былъ уличенъ въ уголовномъ преступленіи. Это не бросаетъ ни малѣйшей тѣни на остальныхъ, нисколько не уменьшаетъ уваженія къ *учрежденію*. Мы можемъ легко найти у себя дома примѣры хищенія казны, къ которымъ были прикосновенны, между прочимъ, довольно высокопоставленныя лица; но развѣ отъ этого пострадалъ хоть сколько-нибудь авторитетъ тѣхъ высшихъ учрежденій, которыхъ они были членами?.. «Иныя общины,—продолжаетъ корреспондентъ,—изъ экономіи не посылаютъ (на сеймъ) своего депутата, а приглашаютъ или, попросту, нанимаютъ кого-нибудь изъ гельсингфорскихъ жителей, и онъ является ихъ депутатомъ». Но развѣ всякая община—или совокупность общинъ—обязана избирать депутата непремѣнно изъ своей среды? Если она останавливаетъ свой выборъ на гельсингфорскомъ жителѣ, то гдѣ же основаніе утверждать, что она руководствуется при этомъ именно и только экономіей, а не довѣріемъ къ избираемому? Если избиратели покрываютъ издержки, съ которыми сопряжено участіе въ сеймовой сессіи, то неужели избираемый становится, вслѣдствіе этого, ихъ «наемнымъ человѣкомъ»?... Третье и главное обвиненіе, взводимое корреспондентомъ на *весь* финляндскій сеймъ, переходитъ уже прямо на политическую почву. «Нужно стоять на чисто финляндской, скажу болѣе—на сепаратистической точкѣ зрѣнія, чтобы говорить объ уваженіи къ людямъ, ежеминутно пытающимся захватить то, что имъ никогда не принадлежало, не принадлежитъ и не должно принадлежать—права верховной власти. Нѣтъ, пока финляндскіе земскіе чины не обратились въ истинныхъ вѣрноподданныхъ русскаго самодержавнаго государя, пока они не перестали носиться съ мыслью объ отдѣленіи отъ его коренной россійской державы и о превращеніи страны въ какое-то мнимое государство, враждебное этой державѣ, до тѣхъ поръ

со стороны русскихъ людей къ нимъ не только общаго, но и никакого уваженія быть не можетъ». Изъ среды «русскихъ людей» исключается, такимъ образомъ, и финляндскій генералъ-губернаторъ, прямо заявившій въ своей докладной запискѣ, что *«земскіе чины Финляндіи пользуются общимъ уваженіемъ»*. Уже это одно обстоятельство съ достаточною ясностью свидѣтельствуетъ о томъ, что финляндскій сеймъ вовсе не стремится къ *захвату* правъ, ему не принадлежащихъ. Онъ только пользуется своими правами, другими словами—исполняетъ свою обязанность. Чтобы пріобрѣсти уваженіе «русскихъ людей», представляемыхъ корреспондентомъ московской газеты, ему нужно было бы отказаться отъ своихъ правъ, измѣнить своей обязанности, пожертвовать самостоятельностью страны, къ явному вреду для нея самой и безъ всякой дѣйствительной пользы для Россіи. Пускай русскіе псевдо-патріоты продолжаютъ работать надъ тѣмъ, чтобы Финляндія перестала быть Финляндіей,—но даже имъ слѣдовало бы понять, что участія въ этой работѣ никакъ нельзя ни ожидать, ни требовать отъ самихъ финляндскихъ земскихъ чиновъ.

Познакомивъ читателей съ партизанскимъ отрядомъ, перейдемъ къ регулярной арміи. Финляндскій генералъ-губернаторъ удостовѣрилъ, въ своей докладной запискѣ, что *управленіе въ краѣ ведется въ установленномъ законами порядкѣ*, и что на разсмотрѣніе сейма вносится все относящееся къ *той части законодательства, въ которой, по основнымъ законамъ, участвуетъ сеймъ*. Эти два положенія составляютъ твердыню, всего усерднѣе обстрѣливаемую въ передовыхъ статьяхъ «Московскихъ Вѣдомостей». И въ самомъ дѣлѣ, если признать, что у Финляндіи есть основные законы и что они исполняются администраціей, соблюдаются сеймомъ, то подъ ногами нашихъ «финнофобовъ» не останется не только твердой, но и ровно никакой почвы. Московская газета это очень хорошо понимаетъ, и именно потому усиливается доказать, что въ Финляндіи, со времени завоеванія ея Россіей, никакихъ основныхъ законовъ не было и нѣтъ. Съ этою цѣлью разсказывается исторія присяги, принесенной финляндцами на русское подданство, приводится текстъ манифестовъ 1808 г. и фридрихсгамскаго мирнаго договора 1809 г., отрицается существованіе «боргоскихъ актовъ», установившихъ, будто бы, личную унію между Финляндіей и Россіей. Не входя въ подробную повѣрку этого раз-

сказа, остановимся только на нѣкоторыхъ фактахъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію и спору. Первый изъ нихъ—это формула обѣщанія, даннаго, по соглашенію съ русскимъ правительствомъ, членами боргоскаго сейма (1809 г.): они обязались «сохранять коренные законы и учрежденія этой страны, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ и дѣйствуютъ (telles qu'elles existent et sont en vigueur). «Само собою разумѣется,— замѣчаетъ по этому поводу московская газета,—что шведская конституція не могла существовать и дѣйствовать въ странѣ, еще до окончанія войны порвавшей всякую связь съ Швеціей, въ странѣ, покоренной русскимъ оружіемъ, включенной въ составъ единой русской имперіи и принесшей присягу на вѣрность подданства русскому престолу». Намъ кажется, что «само собою разумѣется» нѣчто совершенно другое. Если шведскіе «коренные законы и учрежденія», въ моментъ созванія боргоскаго сейма, не существовали и не дѣйствовали, то что́ же, спрашивается, обязывались «сохранять» члены сейма? Коренные законы имперіи? Очевидно—нѣтъ, потому что тогда не нужна была бы оговорка: «въ томъ видѣ» и т. п., не нужно было бы и самаго обязательства, въ виду раньше принесенной присяги. Созывая боргоскій сеймъ, на точномъ основаніи прежнихъ законовъ, императоръ Александръ I подтвердилъ тѣмъ самымъ ихъ значеніе и силу. По праву завоевателя онъ могъ бы, конечно, уничтожить ихъ безслѣдно, примѣнить къ Финляндіи всецѣло обще-русскіе порядки и законы; но онъ этого не сдѣлалъ, и шведскіе законы пережили паденіе шведскаго господства. Исчезло только то, что́ было въ нихъ безусловно и рѣшительно несовмѣстнаго съ новыми государственными отношеніями Финляндіи. Понятно, что самый переходъ ея подъ власть православнаго государя отмѣнилъ, ipso facto, прежнія постановленія объ обязательной принадлежности монарха къ лютеранскому исповѣданію; понятно, что съ фактическимъ упраздненіемъ присяги, приносимой самимъ монархомъ, отошелъ въ прошедшее и ея текстъ, о формахъ котораго такъ много и такъ напрасно толкуетъ московская газета [1]). Вотъ

[1]) Этой присягой шведскій король обязывался управлять королевствомъ, «навсегда отвергая ненавистное королевское единодержавіе или такъ-называемый суверенитетъ и почитая для себя за величайшую честь быть первымъ согражданиномъ честнаго и свободнаго народа» (цитируемъ по переводу «Московскихъ Вѣдомостей», не ручаясь за его точность).

къ этимъ-то правиламъ, очевидно обратившимся въ мертвую букву, и относилась, по всей вѣроятности, оговорка о сохраненіи коренныхъ законовъ и учрежденій *въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ и дѣйствуютъ*. Есть, впрочемъ, и другое, еще болѣе сильное, доказательство тому, что основные законы Финляндіи продолжали дѣйствовать, mutatis mutandis, и послѣ перехода ея подъ власть Россіи: это—манифестъ 9 (21) февраля 1816 г., недавно цитированный нами in extenso. Не даромъ же московская газета недовольна тѣмъ, что этотъ государственный актъ «найдено было нужнымъ привести текстуально» въ особомъ примѣчаніи къ запискѣ генералъ-губернатора. Онъ разбиваетъ въ пухъ и прахъ всѣ ея измышленія, прямо провозглашая существованіе «конституціи и законовъ, съ давнихъ временъ положившихъ основаніе гражданской свободѣ финляндскаго народа». Эта конституція и эти законы признаются неограниченными и неотмѣненными, а наоборотъ, «торжественно утвержденными при воспріятіи царствованія» надъ Финляндіей; они утверждаются еще разъ, по поводу переименованія правительствующаго совѣта въ финляндскій сенатъ. Утверждать можно только то, что̀ есть; если бы Финляндія, послѣ завоеванія ея русскими войсками, осталась безъ конституціи и законовъ, рѣчь могла бы идти только о дарованіи ихъ вновь, а отнюдь не объ оставленіи ихъ въ прежней силѣ. Московская газета смѣшиваетъ два совершенно различныя понятія: отсутствіе основныхъ законовъ и неприведеніе ихъ въ стройную систему. Попытки кодификаціи, сдѣланныя въ разное время, она толкуетъ въ такомъ смыслѣ, какъ будто при этомъ имѣлось въ виду создать нѣчто совершенно новое. Съ такимъ же точно правомъ можно было бы увѣрять, что до изданія Свода 1832 г. въ Россіи вовсе не было законовъ. Пока государственный актъ имѣетъ преимущество передъ газетной статьей, до тѣхъ поръ никакимъ реакціоннымъ софизмамъ не удастся затемнить ту безспорную истину, что Финляндія обладаетъ основными законами, «торжественно утвержденными» ея завоевателемъ.

Докладная записка генералъ-губернатора признаетъ, какъ мы уже говорили, что «управленіе краемъ ведется въ установленномъ законами порядкѣ». Оспаривая это положеніе, московская газета указываетъ на формулу, включаемую иногда въ текстъ финляндскихъ узаконеній: *съ согласія земскихъ чи-*

новъ. Обнародованіе законовъ принадлежитъ къ числу обязанностей финляндскаго сената, а сенатъ, за силою ст. 20 регламента 6-го (18-го) августа 1809 г., «не можетъ употреблять другой власти, какъ ту, которая Его Императорскимъ Величествомъ Высочайше оному предоставлена, почему всѣ его акты и рѣшенія издаются Высочайшимъ именемъ». «На какомъ же основаніи, по какому праву,—восклицаютъ «Московскія Вѣдомости»,—финляндскій сенатъ позволяетъ себѣ, въ издаваемыхъ имъ актахъ, ставить на-ряду съ императорскою властью еще другую власть—власть земскихъ чиновъ?» Нужно быть намѣренно слѣпымъ, чтобы не видѣть, что статья 20 регламента 1809 г. вовсе не относится къ постановленіямъ сейма. Это «не акты» и не «рѣшенія» сената, а проекты законовъ—до утвержденія, законы—послѣ утвержденія ихъ верховною властью. Сенатъ ничего къ нимъ не прибавляетъ; онъ только доводитъ ихъ до всеобщаго свѣдѣнія. Формула, возмущающая московскую газету, не содержитъ въ себѣ, слѣдовательно, ровно ничего противозаконнаго. Съ тѣхъ поръ, какъ четверть вѣка тому назадъ созванъ былъ, въ первый разъ послѣ 1809 г., финляндскій сеймъ, законодательная дѣятельность въ Финляндіи покоится именно на согласіи между земскими чинами и верховной властью.

До какой степени раздраженія доводитъ нашихъ газетныхъ реакціонеровъ зрѣлище порядка, подъ сѣнью котораго благоденствуетъ Финляндія, объ этомъ можно судить по рѣзкости языка «Московскихъ Вѣдомостей». Финляндскіе дѣятели 1808 и 1809 г.г. «съ назойливымъ попрошайничествомъ, которому могли бы поучиться у нихъ даже наши цыгане (!), старались выконючивать (!) у милостиваго государя какъ можно больше подачекъ, выгодъ и льготъ, правъ и привилегій». Финляндскіе «сепаратисты» прибѣгаютъ къ помощи «шулерскихъ подтасовокъ и передержекъ»; «сепаратистская интрига извивается ужомъ и жабой (съ которыхъ поръ жаба извивается?), не брезгаетъ никакими пріемами»; «сенатору Мехелину понадобился подмѣнъ словъ, чтобы не сказать—подлогъ»... Къ участію въ походѣ противъ подлежащаго разрушенію Карѳагена призываются и иностранные союзники. Берлинскій корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» ссылается на авторитетъ какого-то берлинскаго «биржевого дѣльца», обозвавшаго Финляндію «паразитомъ, живущимъ на громадномъ русскомъ тѣлѣ». Въ той же

самой корреспонденціи проводится мысль, что финляндцы готовятъ нѣчто въ родѣ государственной измѣны. Задумавъ произвести конверсію своихъ желѣзнодорожныхъ займовъ, они обратились за деньгами въ Берлинъ, «заявляя, что предстоящій заемъ навсегда будетъ освобожденъ отъ налоговъ, и что проценты по займу будутъ выплачиваться аккуратно даже во время войны, къ какой бы національности ни принадлежали владѣльцы облигацій». Одна изъ берлинскихъ оффиціозныхъ газетъ усмотрѣла въ этомъ намекъ на то, что русское финансовое управленіе съ своей стороны пріостановитъ уплату процентовъ германскимъ владѣльцамъ русскихъ бумагъ, тотчасъ же по открытіи военныхъ дѣйствій. «Ваши читатели,—восклицаетъ корреспондентъ,—по достоинству оцѣнятъ поступокъ финляндскихъ сепаратистовъ, которые не только стараются одурачить заграничныхъ дѣятелей увѣреніемъ, что между ними и Россіей нѣтъ иной связи кромѣ какъ въ лицѣ монарха, но не брезгаютъ при этомъ прибѣгать и къ такимъ неблаговиднымъ продѣлкамъ, какъ разсказанная выше». Признаемся, для насъ не совсѣмъ ясно, какимъ образомъ произвольное толкованіе оффиціозной газеты можетъ быть поставлено въ вину финляндскимъ «сепаратистамъ». Одно изъ двухъ: или условія конверсіи, о которыхъ упомянуто выше, были предложены лицами, никѣмъ на то неуполномоченными—въ такомъ случаѣ они были не больше какъ частнымъ мнѣніемъ, къ которому никто изъ берлинскихъ капиталистовъ не могъ отнестись серьезно; или они исходили отъ финляндскаго правительства—и въ такомъ случаѣ они подлежали предварительному утвержденію верховной власти. Гдѣ же тутъ мѣсто для «сепаратистическихъ продѣлокъ»? Не проще ли предположить, что прусская оффиціозная газета воспользовалась первымъ попавшимся предлогомъ, чтобы пустить въ обращеніе слухъ, неблагопріятный для Россіи?

Приведемъ въ заключеніе еще одно мѣсто изъ гельсингфорской корреспонденціи «Московскихъ Вѣдомостей», разрывающее, помимо воли корреспондента, сѣть обвиненій, набрасываемую имъ на Финляндію. «Въ Финляндіи,—говоритъ корреспондентъ,—есть три партіи: одна, небольшая—викинги,—мечтающая о возсоединеніи съ Швеціей; она безсильна. Другая, очень небольшая, довольна настоящими отношеніями къ Россіи; она тоже пропадаетъ безслѣдно. Наконецъ, третья—все

остальное большинство—прямо ставитъ своею цѣлью абсолютное отдѣленіе отъ Россіи». Допустимъ, что это фактически вѣрно, и замѣтимъ, прежде всего, что во всей странѣ, по признанію самого корреспондента, не оказывается никого, кто хотѣлъ бы болѣе тѣснаго, чѣмъ теперь, единенія съ Россіей. Не явствуетъ ли отсюда, что политика, столь настойчиво рекомендуемая реакціонной печатью, имѣла бы противъ себя единодушныя желанія всего населенія?.. Еще важнѣе другой выводъ, вытекающій изъ словъ корреспондента. Если группа или партія, мечтающая о возсоединеніи съ Швеціей, малочисленна и безсильна, то къ чему же или къ кому, по мнѣнію большинства, должна примкнуть Финляндія, «абсолютно отдѣлившаяся» отъ Россіи? Неужели она должна образовать совершенно самостоятельное государство, втиснутое между Скандинавіей и Россіей? Мыслимо ли подобное существованіе для двухъ-милліонной страны—и не суждено ли ей было бы опять сдѣлаться яблокомъ раздора и театромъ войны между болѣе могущественными сосѣдями? А тѣ выгоды, которыя Финляндія, по словамъ реакціонной печати, извлекаетъ изъ своей связи съ Россіей? Чѣмъ она ихъ замѣнила бы, если бы была предоставлена исключительно самой себѣ? Нѣтъ, безсиліе «викинговъ» доказываетъ, какъ намъ кажется, лишь одно: крайнюю слабость финляндскаго сепаратизма (если только онъ вообще существуетъ). То большинство, о которомъ говоритъ корреспондентъ, едва-ли желаетъ чего-либо другого, кромѣ сохраненія и дальнѣйшаго развитія финляндскихъ законовъ и учрежденій. Гарантіей этого развитія—о томъ свидѣтельствуетъ исторія послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ—служитъ именно неприкосновенность порядковъ, подъ которые такъ настойчиво подкапывается извѣстная часть нашей періодической прессы. Насильственная нивеллировка, безъ сомнѣнія, возможна—только она не приведетъ къ добру ни для понижаемыхъ, ни для понижающихъ.

XLI.

Новый заемъ съ выигрышами [1]).

Слухи о льготахъ, проектируемыхъ для неисправныхъ заемщиковъ дворянскаго земельнаго банка, носились въ обществѣ уже давно, находя точку опоры въ необнародованныхъ, но утвержденныхъ еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ правилахъ о взысканіи недоимокъ по ссудамъ дворянскаго банка. Никто, однако, не имѣлъ въ виду того рѣшенія, какое получилъ спорный вопросъ въ Высочайшихъ указахъ 12-го октября. Когда, въ первыхъ числахъ истекшаго мѣсяца, въ одной изъ столичныхъ газетъ появилось неопредѣленное указаніе на возможность новаго выигрышнаго займа, оно было встрѣчено со стороны другихъ газетъ общимъ недовѣріемъ, въ виду того, что къ этому виду кредита правительство не прибѣгало почти четверть вѣка, не прибѣгало даже въ самыя критическія минуты нашей государственной жизни. Можно было думать, что обращеніе къ нему признано безусловно нежелательнымъ— или допустимымъ только въ качествѣ крайней, экстренной мѣры. Меньше всего можно было ожидать выпуска новаго займа вообще и выигрышнаго займа въ особенности въ настоящую минуту, когда контрольный отчетъ за 1888-ой годъ обнаружилъ превышеніе доходовъ надъ расходами въ 34 милліона рублей... Обнародованіе закона 12-го октября положило конецъ недоумѣніямъ и сомнѣніямъ. Замѣчательно, что меньше всего выпускъ новаго выигрышнаго займа встрѣтилъ сочувствія въ нѣкоторой части консервативной печати. Въ то

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1889 г., ноябрь, внутр. обозрѣніе и общественная хроника.

самое время, когда одна изъ столичныхъ газетъ, говорящая всегда отъ имени «либераловъ», протестовала противъ предположенія «Гражданина», что «либералы» будутъ не въ духѣ, читая текстъ постановленія 12-го октября, — на страницахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» появились слѣдующія слова, достойныя особеннаго вниманія: «относительно умѣстности экстраординарной финансовой операціи въ тихое, вполнѣ ординарное время, можно спорить, и не безъ нѣкоторыхъ основаній. Лотерейная операція всегда разсматривалась какъ крайній рессурсъ и какъ нѣкоторое зло, которое принимается только потому, что оно меньше другого зла Какъ ни почтенны задачи новаго выпуска и какъ ни задолжено дворянское землевладѣніе, намъ думается, однако, что положеніе вещей не представляло ничего критическаго, и систематическія, постепенныя финансовыя мѣры могли бы поправить дѣло съ такимъ же успѣхомъ, хотя, можетъ быть, и не такъ быстро и рѣшительно. Зато въ распоряженіи государства, на случай войны или какого-нибудь чрезвычайнаго бѣдствія, всегда имѣлся бы лишній рессурсъ, способный доставить громадныя средства, безъ обращенія къ разорительной формѣ золотыхъ, консолидированныхъ и всякихъ другихъ займовъ». Основная мысль, высказанная въ этихъ строкахъ, кажется намъ вполнѣ справедливой. Если новый заемъ и не увеличитъ ни на одну копейку податного бремени, то косвенное вліяніе его во всякомъ случаѣ не можетъ быть благопріятнымъ для массы населенія. Едва-ли, съ этой точки зрѣнія, безразличенъ и лотерейный характеръ займа. Та изъ петербургскихъ газетъ, которая отличается наибольшимъ усердіемъ и умѣньемъ въ плаваніи по вѣтру, поспѣшила объявить, что прежній, «пуританскій» взглядъ на лотерейные займы оказался предразсудкомъ, отъ котораго отреклись даже наиболѣе осторожные экономисты. Не къ такому заключенію, однако, приводятъ многія явленія нашей повседневной жизни. Погоня за выигрышными билетами, проникая въ бѣдные классы населенія, ведетъ, сплошь и рядомъ, къ потерѣ послѣднихъ сбереженій, къ рискованной покупкѣ въ разсрочку, обогащающей только однѣ банкирскія конторы. Мало хорошаго мы видимъ и въ надеждѣ на внезапное обогащеніе, у многихъ доходящей до увѣренности, иногда смѣшной, но чаще печальной... Напрасно было бы ожидать, что теперь, съ появленіемъ на рынкѣ множества новыхъ выигрышныхъ билетовъ, ими за-

пасутся всѣ желающіе. и стремленіе, вполнѣ удовлетворенное, прекратится само собой. Несмотря на всѣ мѣры, принятыя къ участію возможно большаго числа лицъ въ подпискѣ на новый заемъ, значительная часть билетовъ неизбѣжно попадетъ въ руки спекулянтовъ, и обладателямъ небольшихъ сбереженій придется, какъ и прежде, пріобрѣтать излюбленныя бумаги съ величайшимъ трудомъ, по цѣнѣ гораздо высшей, чѣмъ подписная.

Какимъ именно способомъ средства, добытыя новымъ займомъ, будутъ обращены на облегченіе нынѣшнихъ и будущихъ заемщиковъ дворянскаго банка, это изъ постановленій 12-го октября съ точностью не видно; несомнѣнно лишь одно, что на этотъ предметъ пойдетъ почти вся разница между номинальною стоимостью новыхъ билетовъ и суммою, которая будетъ выручена при подпискѣ, т.-е. болѣе восьмидесяти милліоновъ рублей. Такая громадная помощь достанется не всѣмъ дворянамъ-землевладѣльцамъ, а только тѣмъ, имѣнія которыхъ заложены или будутъ заложены въ дворянскомъ банкѣ; въ этой группѣ дворянъ она достанется богатымъ наравнѣ съ бѣдными, хозяйничающимъ—наравнѣ съ не-хозяйничающими, трудящимся—наравнѣ съ не-трудящимися. Это, очевидно, не помощь нуждающимся, какъ полагаетъ газета, говорящая отъ имени «либераловъ»; это, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не вознагражденіе помѣщиковъ за потери, понесенныя четверть вѣка тому назадъ. Далеко не всѣ заемщики дворянскаго банка владѣли населенными имѣніями въ 1861-мъ году или являются наслѣдниками тогдашнихъ владѣльцевъ—и, наоборотъ, далеко не всѣ тогдашніе владѣльцы или ихъ наслѣдники состоятъ или будутъ состоять заемщиками дворянскаго банка. Совершенно напрасно, слѣдовательно, напоминать, какъ это дѣлаетъ другая петербургская газета, о низкомъ курсѣ выкупныхъ свидѣтельствъ, о промежуткѣ времени, истекшемъ между закрытіемъ долгосрочнаго казеннаго кредита и учрежденіемъ частныхъ земельныхъ банковъ. Все это—дѣла давно минувшихъ дней, имѣющія весьма мало отношенія къ настоящему и, тѣмъ болѣе, къ будущему. Условія, отъ которыхъ страдало, въ послѣднее время, наше сельское хозяйство, уже измѣнились къ лучшему, въ скоромъ времени могутъ измѣниться еще больше,—а между тѣмъ дворяне-землевладѣльцы, вновь закладывающіе свои, можетъ быть только-что пріобрѣтенныя имѣнія, тоже бу-

дутъ пользоваться льготами, установленными указомъ 12-го октября; они будутъ получать ссуды полностью, сто за сто, и оплачивать ихъ только $4^1/_2\%$. Намъ приходятъ на память, по этому поводу, отзывы, которые не разъ слышалъ отъ заемщиковъ-дворянъ бывшій управляющій дворянскимъ банкомъ (см. «Отчетъ» банка за 1886 г.). На вопросъ, какая имъ охота закладывать свободное отъ долговъ имѣніе, они отвѣчали: «гдѣ нынче найдешь деньги за $5^3/_4\%$, съ погашеніемъ: я на ваши деньги процентныхъ бумагъ куплю—и то въ выгодѣ буду, а если оборотъ сдѣлаю—и говорить нечего». Понятно, что къ ссудѣ изъ $5^1/_4\%$ (съ погашеніемъ) это разсужденіе примѣнимо еще въ большей степени.

Дворянинъ-землевладѣлецъ, имѣніе котораго продано за долгъ банку, сохраняетъ, въ большинствѣ случаевъ, возможность безбѣднаго существованія; онъ можетъ вступить на государственную службу или воспользоваться, такъ или иначе, образованіемъ, которымъ онъ почти всегда въ извѣстной мѣрѣ обладаетъ. Гораздо тяжелѣе, говоря вообще, положеніе крестьянъ, купившихъ землю при посредствѣ крестьянскаго банка и теряющихъ ее вслѣдствіе накопленія недоимокъ, для нихъ непосильныхъ. Прежній свой надѣлъ они, большею частью, утратили безвозвратно, вырученныя за него деньги и другія сбереженія употребили на неудавшуюся покупку. Послѣ продажи купленной ими земли съ публичнаго торга они рискуютъ остаться безземельными и безпомощными, увеличивая собою безъ того растущій сельскій пролетаріатъ. Снисхожденіе, оказанное заемщикамъ дворянскаго банка, даетъ право ожидать однородныхъ мѣръ, направленныхъ на пользу должниковъ крестьянскаго банка. Желательнымъ было бы здѣсь какъ общее пониженіе платежей, и до 12-го октября значительно превышавшихъ платежи дворянскому банку, такъ и облегченіе особенно нуждающихся покупщиковъ, сдѣлавшихся неисправными вслѣдствіе чрезмѣрной обремененительности доплатъ, преувеличенности продажныхъ цѣнъ или нѣсколько разъ повторившагося неурожая. Скажемъ болѣе: едва-ли все обстоитъ благополучно и въ положеніи крестьянской массы, не имѣющей никакого отношенія къ крестьянскому банку. Насъ наводитъ на эту мысль тотъ самый контрольный отчетъ, о которомъ мы уже упомянули. Рядомъ съ общимъ повышеніемъ государственныхъ доходовъ мы видимъ здѣсь частный ихъ недоборъ, по тѣмъ статьямъ, которыя

особенно характеристичны для положенія крестьянъ: по статьѣ податей, поземельнаго и лѣсного налога и по статьѣ выкупныхъ платежей. По первой статьѣ поступило, въ 1888-мъ году, на 2.638.000 менѣе противъ смѣтнаго предположенія, по второй—на 4.423.000 рублей.

Новый заемъ съ выигрышами продолжаетъ быть предметомъ обсужденія въ нашей періодической печати. Всего дальше, въ безусловномъ оптимизмѣ, идетъ «Кіевское Слово». «Въ рукахъ государственной власти,—говоритъ эта газета,—правильно устроенная лотерея представляетъ собою не только могучую экономическую силу, капитализирующую суммы, не имѣющія никакого полезнаго значенія, но и прекрасное орудіе въ сферѣ нравственнаго благоустройства... Государство не только не должно индифферентно относиться къ извращеніямъ совершенно естественныхъ свойствъ человѣка, но само должно взять въ свои руки дѣло (?), дать разумный исходъ элементамъ риска и надежды, руководить ими, направляя ихъ къ личному и общественному благосостоянію. Выигрышные займы имѣютъ значеніе страхованія населенія отъ извращенія элементовъ риска и надежды». Разсуждая такимъ образомъ, можно дойти до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости—до заключенія о пользѣ государственнаго тотализатора, регулируемыхъ государствомъ игорныхъ домовъ и т. п. Неужели достаточно запастись нѣсколькими билетами выигрышнаго займа, чтобы быть застрахованнымъ отъ «извращенія элементовъ риска и надежды?» Уменьшилась ли въ нашемъ обществѣ, послѣ появленія въ свѣтъ выигрышныхъ займовъ, страсть къ картежной игрѣ, не только какъ къ средству препровожденія времени, но и какъ къ орудію наживы? Помѣшали ли выигрышные билеты, выпущенные въ 1864 и 1866 г.г., рожденію и быстрому росту «винта», сатурналіямъ биржевой спекуляціи, появленію тотализатора? Не слѣдуетъ ли признать, наоборотъ, что всякій новый путь, открываемый для «элементовъ риска и надежды», увеличиваетъ ихъ сумму и ихъ интенсивность, а слѣдовательно и возможность ихъ «извращенія»?.. Болѣе разсудительными, чѣмъ «Кіевское Слово», оказываются даже «Московскія Вѣдомости». «Нѣтъ сомнѣнія,—говорятъ онѣ,—что лотерейные займы представляютъ собою, изо всѣхъ видовъ займовъ, форму наименѣе одобрительную и могутъ быть оправдываемы лишь

исключительными условіями и соображеніями». Выставивъ этотъ основной, совершенно правильный тезисъ, «Московскія Вѣдомости» спѣшатъ объяснить, что въ данномъ случаѣ «исключительныя соображенія» имѣются на-лицо, и притомъ если не вполнѣ устранены, то по крайней мѣрѣ доведены до минимума всѣ слабыя стороны лотереи. «Во-первыхъ,—такова аргументація московской газеты,—предпринятая финансовая операція отнюдь не служитъ прецедентомъ вступленія Россіи на путь лотерейныхъ займовъ; напротивъ, она прямо признается исключительною и единовременною». Въ подтвержденіе этого вывода «Московскія Вѣдомости» ссылаются на всѣ петербургскія газеты; но онъ былъ бы гораздо сильнѣе, если бы основаніемъ его могли служить подлинныя слова Высочайшихъ указовъ. Между тѣмъ, въ этихъ указахъ новый выигрышный заемъ нигдѣ не названъ мѣрою исключительною; нигдѣ не сказано, что онъ «будетъ послѣднимъ», что «новыхъ выигрышныхъ займовъ рѣшено не производить ни въ какомъ случаѣ». Въ обоихъ указахъ 12-го октября (прав. сенату и министру финансовъ) выпускъ закладныхъ съ выигрышами листовъ дворянскаго банка названъ единовременнымъ—но это выраженіе, очевидно, ничего не предрѣшаетъ въ будущемъ относительно выигрышныхъ займовъ вообще и означаетъ только одно: что не будетъ періодическаго выпуска выигрышныхъ закладныхъ листовъ дворянскаго банка. Эта оговорка признана была необходимой, вѣроятно, потому, что обыкновенные закладные листы дворянскаго банка выпускаются періодически, по мѣрѣ выдачи новыхъ ссудъ. «Во-вторыхъ,—продолжаютъ «Московскія Вѣдомости»,—новая финансовая операція не вноситъ никакого зла ни въ экономическую, ни въ нравственную жизнь народа. Зло поощренія надеждъ на обогащеніе не трудомъ, а внезапно, игрою случая, было внесено въ нашу жизнь въ шестидесятыхъ годахъ и не можетъ быть пресѣчено до 1926-го года. А затѣмъ, будетъ ли обращаться въ народѣ нѣсколько болѣе или нѣсколько менѣе выигрышныхъ билетовъ (хорошо это выраженіе: *нѣсколько*, примѣненное къ разницѣ въ 80 милліоновъ!), будетъ ли ихъ на 170 или на 250 милліоновъ—это не существенно». Нужно ли доказывать всю ошибочность этого вывода? Не очевидно ли, что чѣмъ больше въ обращеніи выигрышныхъ билетовъ, тѣмъ легче пріобрѣсти ихъ, тѣмъ сильнѣе стремленіе къ ихъ пріобрѣтенію, тѣмъ значительнѣе число

лицъ, втянутыхъ ими въ кругъ «надеждъ и разсчетовъ на обогащеніе игрою случая»? Остается, затѣмъ, только одинъ вопросъ—о важности цѣлей, которыхъ имѣлось въ виду достигнуть выпускомъ выигрышнаго займа. Всестороннее обсужденіе этого вопроса сопряжено съ слишкомъ большими трудностями; замѣтимъ только, что, распредѣленная между множествомъ настоящихъ и будущихъ заемщиковъ, государственная помощь едва-ли будетъ особенно чувствительною для большинства дворянъ-землевладѣльцевъ. Получить въ ссуду, напримѣръ, 100.000 рублей вмѣсто 98.000 и платить за нихъ ежегодно 5.250 рублей вмѣсто 5.750—не такая большая разница, чтобы упрочить благосостояніе землевладѣльца, обладающаго обычной, средней дозой бережливости, аккуратности и хозяйственныхъ способностей... Необходимо, наконецъ, имѣть въ виду, что не всѣ дворяне-владѣльцы заложенныхъ имѣній затронуты указами 12-го октября. Одна изъ статей, посвященныхъ этимъ указамъ, оканчивается слѣдующими знаменательными словами: «вопросъ о заемщикахъ и особенно о недоимщикахъ общества взаимнаго поземельнаго кредита остается на очереди до тѣхъ поръ, пока, какъ нынѣ, для перевода въ дворянскій банкъ имѣнія съ долгомъ въ 17.000 рублей надо будетъ платить обществу 27.000 рублей». Итакъ, предстоятъ еще новыя просьбы со стороны дворянъ-землевладѣльцевъ.

XLII.

Двадцатипятилѣтіе закона о печати [1]).

Въ началѣ прошлаго мѣсяца исполнилось двадцать пять лѣтъ со времени рожденія у насъ, въ Россіи, безцензурной печати. Объ этомъ, въ самый день годовщины, вспомнили двѣ газеты—одна въ Петербургѣ, другая въ Москвѣ. Отнеслись онѣ къ ней весьма различно. Московская газета воздержалась отъ всякихъ ликованій и трубныхъ звуковъ; она не нашла для нихъ повода ни въ исторіи изданія закона 6-го апрѣля 1865-го года, ни, тѣмъ менѣе, въ исторіи его примѣненія и видоизмѣненія. Цензурная реформа съ самаго начала отличалась меньшею рѣшительностью и полнотою, чѣмъ другія, ей предшествовавшія (крестьянская, земская, судебная); съ теченіемъ времени она подверглась существеннымъ ограниченіямъ и урѣзкамъ. Въ 1865-мъ году предполагалось, что «временныя» правила о печати—только первый шагъ на пути къ ея освобожденію. На самомъ дѣлѣ этого не случилось. «Положеніе нашей печати,—таковы заключительныя слова «Русскихъ Вѣдомостей»,—оставляетъ желать весьма многаго; мы по-прежнему должны еще идти къ цѣли, намѣченной правительствомъ болѣе четверти вѣка тому назадъ — къ большему простору печатнаго слова, къ тому, чтобы выводился болѣе и болѣе произволъ изъ области цензуры». Въ одной изъ петербургскихъ газетъ юбилей безцензурной печати возбудилъ болѣе радостныя чувства. Она нашла, что «со дня изданія закона 6-го апрѣля 1865-го года явилась возможность серьезно говорить о правахъ

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1890 г., май, общественная хроника.

и обязанностяхъ журналистики, тогда какъ до тѣхъ поръ могла лишь идти рѣчь объ инструкціяхъ и дѣйствіяхъ цензуры». Въ розовомъ свѣтѣ выставляется даже положеніе провинціальной, подцензурной печати, которую «свободная столичная печать легализируетъ, тянетъ за собою, регулируя отношенія къ ней цензуры». Въ настоящее время, по мнѣнію петербургской газеты, «оказались бы просто немыслимыми и физически невозможными тѣ отношенія цензуры къ печати, которыя служатъ нынѣ предметомъ интересныхъ воспоминаній въ историческихъ журналахъ». Конечно, путь русскаго публициста усѣянъ скорѣе терніями, чѣмъ розами, но все-таки русская печать «пользуется авторитетомъ и завоевала себѣ почетное мѣсто среди журналистики образованнѣйшихъ народовъ. Русская литература, русское печатное слово представляетъ теперь такую силу, съ которою считается общественное мнѣніе Европы». Возражая на эту торжествующую статью, другая петербургская газета утверждаетъ, что «вліяніе печати и ея свобода не связаны непосредственно съ тѣми или другими законами о печати. Печать имѣетъ большое вліяніе лишь тамъ, гдѣ она не совсѣмъ свободна, гдѣ число органовъ ея незначительно. Во Франціи, напримѣръ, никогда печать не была такъ вліятельна, какъ во второй половинѣ XVIII вѣка, когда еще жгли книги, а иногда и ихъ авторовъ (желательно было бы знать, какой писатель временъ Людовика XV подвергся этой казни?). Значеніе печати во Франціи въ настоящее время не идетъ ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что она была въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, когда существовали еще сравнительно довольно сильныя стѣсненія. И у насъ наиболѣе замѣтное вліяніе журналистики можетъ быть прослѣжено въ «Современникѣ» и въ «Искрѣ» 1858—61 г. и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1863 г., выходившихъ подъ цензурой. Законъ 6-го апрѣля 1865-го года не предоставилъ, на практикѣ, нашей печати большей свободы и бо́льшаго вліянія, чѣмъ она имѣла до этого закона. Но если, поэтому, курьезно было бы праздновать юбилей перевода графомъ Валуевымъ съ французскаго творенія графа Персиньи, нашедшаго примѣненіе еще въ Турціи, то нельзя не признать, что со времени этого перевода въ нашей періодической печати произошли перемѣны, заслуживающія вниманія». Дальше идетъ сравненіе, съ внѣшней стороны, газетъ 1865-го съ газетами 1890-го года, при чемъ преимущество

объема, разнообразія, числа продаваемыхъ экземпляровъ, оказывается, конечно, на сторонѣ послѣднихъ. Констатируется, также, распространеніе дешевыхъ періодическихъ изданій, въ особенности иллюстрированныхъ. Что касается до направленій, то «славянофильство не имѣетъ болѣе своего органа. Вся вліятельная часть московской журналистики придерживается либерально-доктринерскаго направленія; въ Петербургѣ, наоборотъ, вліятельная часть печати далека отъ всякаго доктринерства, которое ютится преимущественно въ жидовскихъ органахъ» (!). Въ заключеніе отмѣчается тотъ фактъ, что «за двадцать пять лѣтъ не удалось создать для просвѣщенія публики оффиціознаго органа. Было, конечно, не мало охотниковъ доить казну и получать деньги для проведенія извѣстныхъ благонамѣренныхъ мыслей, но ни одна изъ такихъ попытокъ не увѣнчалась успѣхомъ».

Таковы различные взгляды, пущенные въ оборотъ по случаю земскаго совершеннолѣтія, русской безцензурной печати. Сомнѣнію подвергается даже то, что̀, повидимому, разумѣется само собою: оспаривается связь между свободой печати и законами, регулирующими эту свободу. *Напрасной, слѣдовательно*, была вѣковая борьба, предметомъ которой служили права печатнаго слова; напрасно говорили ораторы, напрасно писали публицисты, домогаясь признанія и охраны этихъ правъ со стороны правительственной власти. Ошибался Маколей, когда объяснялъ процвѣтаніе англійской политической прессы отмѣной предварительной цензуры; ошибались наши государственные люди, когда находили, въ эпоху реформъ, что обезпеченная закономъ свобода печати нужна не только для общества, но и для государства. Nous avons changé tout cela: печать можетъ быть свободна и при дѣйствіи правилъ, отрицающихъ или стѣсняющихъ ея свободу. Правда, на мѣсто этого невѣроятнаго положенія тотчасъ же подставляется другое, менѣе удивительное; въ дальнѣйшей аргументаціи идетъ рѣчь уже не о свободѣ печати, а о ея вліяніи, степень котораго, будто бы, обратно пропорціональна степени ея свободы. Итакъ, англійская печать до 1695-го года была вліятельнѣе, чѣмъ послѣ 1695-го года, т.-е. послѣ уничтоженія цензуры? Когда она могла говорить о парламентскихъ преніяхъ только иносказательно, съ помощью разныхъ хитро-придуманныхъ прикрытій, она была вліятельнѣе, чѣмъ потомъ, когда исчезла надобность въ аллегоріяхъ и

въ ширмахъ?.. Чтобы отстоять свою невозможную тему, газета приводитъ въ примѣръ Францію второй половины XVIII вѣка и Францію временъ іюльской монархіи. Въ первомъ случаѣ происходитъ явное смѣшеніе понятій. Вліятельной, при Людовикѣ XV и Людовикѣ XVI, была не періодическая печать, о которой преимущественно идетъ рѣчь въ статьяхъ, посвященныхъ закону 1865-го года, а литература, значительная часть которой ускользала, притомъ, изъ-подъ дѣйствія цензуры. Что касается до тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, то французская пресса пользовалась тогда весьма широкой свободой, ограниченной развѣ въ сравненіи съ тѣмъ полнымъ отсутствіемъ стѣсненій, какое мы видимъ въ современной Франціи. Да и такъ ли несомнѣненъ тотъ фактъ, что французская печать, теперь гораздо менѣе вліятельна, чѣмъ полвѣка тому назадъ? Нужно различать вліяніе отдѣльныхъ газетъ отъ общаго вліянія ежедневной прессы. Быть можетъ, ни одна французская газета не пользуется теперь тѣмъ авторитетомъ, который при Людовикѣ-Филиппѣ принадлежалъ «Journal des Debats»—въ средѣ консервативно-либеральной буржуазіи, «National»—въ средѣ умѣренныхъ республиканцевъ; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы уменьшилось коллективное значеніе періодической печати. То же самое можно сказать и объ Англіи: доля вліянія, потерянная «Times», распредѣлена между другими крупными органами журналистики. Если бы тезисъ объ уменьшеніи вліянія по мѣрѣ увеличенія свободы имѣлъ хоть нѣкоторое основаніе, то не въ Англіи печать заслужила бы, раньше всего, названіе «четвертой власти» въ государствѣ. Что касается до русской печати, то судить о томъ, уменьшается ли ея сила по мѣрѣ увеличенія ея свободы, покамѣстъ еще нельзя, потому что она на самомъ дѣлѣ никогда не переставала быть несвободной. Единичные факты, указываемые газетой, вовсе не подтверждаютъ того, что она изъ нихъ выводитъ. Значеніе «Современника» — на рубежѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, «Московскихъ Вѣдомостей»—въ 1863-мъ году (объ «Искрѣ» мы не говоримъ, потому что вліятельной роли она никогда не играла), обусловливалось не тѣмъ, что русская печать была тогда подчинена цензурѣ, а взаимодѣйствіемъ выдающихся дарованій и благопріятныхъ обстоятельствъ. То же взаимодѣйствіе въ сороковыхъ годахъ выдвинуло на первый планъ «Отечественныя Записки», въ 1856-мъ году—«Русскій Вѣстникъ»,

позже, уже при существованіи новаго закона о печати—опять «Отечественныя Записки». Источникомъ силы законодательство о печати назвать нельзя—но отъ него зависитъ болѣе или менѣе полное проявленіе этой силы, болѣе или менѣе нормальное пользованіе ею. Создать таланты свобода печати не можетъ—но она способствуетъ ихъ развитію, раскрываетъ передъ ними широкую и прямую дорогу, предупреждаетъ ихъ извращеніе или преждевременную гибель. Къ измѣненію законовъ о печати нельзя, поэтому, относиться безразлично или равнодушно. Законъ 6-го апрѣля представляетъ собою крупный фактъ въ исторіи нашей общественной жизни. Конечно, и до него могла быть рѣчь о нравственныхъ правахъ, о нравственныхъ обязанностяхъ журналистики: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, какъ пользовались этими правами, какъ исполняли эти обязанности лучшіе журналы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Весьма важной, однако, была юридическая санкція права—и первой къ тому попыткой явилась реформа 1865 года. Смотрѣть на нее свысока, какъ на «переводъ французскаго творенія графа Персиньи», можно было бы развѣ въ такомъ случаѣ, если бы она осталась далеко позади насъ, превзойденная и затемненная послѣдующимъ движеніемъ законодательства: но мы знаемъ, что ничего подобнаго не было.

Существенными чертами реформы, совершившейся четверть вѣка тому назадъ, слѣдуетъ считать ограниченіе круга дѣйствій предварительной цензуры, установленіе чего-то въ родѣ административнаго суда, какъ послѣдней инстанціи по вопросу о прекращеніи періодическаго изданія, и совершенное изъятіе не-періодической печати (подъ условіемъ извѣстнаго объема) изъ-подъ вѣдѣнія административной власти. Запрещеніе газеты или журнала зависѣло отъ перваго департамента сената, запрещеніе книги (если въ ней больше десяти оригинальныхъ или двадцати переводныхъ листовъ)—исключительно отъ суда. Законы 1872 и 1882 г.г. поставили на мѣсто суда—комитетъ министровъ, на мѣсто сената—совѣщаніе четырехъ министровъ. Кругъ дѣйствій предварительной цензуры расширенъ (въ 1882-мъ году) возможностью подчиненія ей періодическихъ изданій, прежде отъ нея свободныхъ. Оставленіе подъ цензурой нѣкоторой части столичной печати и всей безъ исключенія печати провинціальной имѣло, въ 1865-мъ году, значеніе переходной мѣры, оправдываемой новостью дѣла и неустройствомъ судебной

части; просуществовавъ двадцать пять лѣтъ и переживъ вызвавшія его обстоятельства, оно, очевидно, потеряло свой первоначальный характеръ—и цензура опять заняла видное мѣсто въ русскомъ житейскомъ обиходѣ. Мы не раздѣляемъ, поэтому, оптимитизма газеты, разсматривающей цензурныя увлеченія какъ достояніе невозвратно-минувшаго прошлаго; мы никакъ не можемъ признать, чтобы свободная столичная печать «легализировала», «тянула за собою» подцензурную провинціальную прессу, «регулируя отношенія къ ней цензуры». «Легализировать», «регулировать» можетъ только тотъ, собственное положеніе котораго легализировано и регулировано... Отвергая исходную точку, мы отвергаемъ, этимъ самымъ, и заключеніе, къ которому приходитъ газета. Мы не думаемъ, чтобы русское печатное слово пользовалось такимъ же или почти такимъ же «авторитетомъ», какъ «журналистика образованнѣйшихъ народовъ». Здѣсь опять-таки слѣдуетъ различать между литературой и періодической печатью. Русская литература безспорно представляетъ всѣми признанную силу—но это не имѣетъ никакого отношенія къ закону 6-го апрѣля. Весьма многія изъ великихъ произведеній, оцѣненныхъ по достоинству и въ западной Европѣ, написаны гораздо раньше 1865-го года. Гораздо раньше этого времени закончилось творчество Пушкина, Лермонтова и Гоголя; гораздо раньше изданы въ свѣтъ «Записки Охотника» и «Дворянское гнѣздо», «Записки изъ Мертваго дома», «Обломовъ», «Губернскіе очерки», «Казаки», лучшія комедіи Островскаго. Что касается до повременной политической печати, то едва-ли она, при дѣйствіи закона 6-го апрѣля и многочисленныхъ къ нему «поправокъ», составляетъ «силу, съ которою считается общественное мнѣніе Европы». Если западноевропейская пресса цитируетъ, отъ времени до времени, русскія газеты и даже полемизируетъ съ ними, то это еще не значитъ, чтобы она видѣла въ нихъ противниковъ равноправныхъ, признавала ихъ дѣйствующими при одинаковыхъ съ нею условіяхъ, стоящими на одной съ нею почвѣ. Весьма часто, наоборотъ, мнѣніе русской печати принимается въ разсчетъ только какъ признакъ—признакъ настроенія, господствующаго въ вліятельныхъ сферахъ. Этотъ взглядъ на печать становится, сплошь и рядомъ, источникомъ ошибокъ. Предполагаются «внушенія», тогда какъ на самомъ дѣлѣ не было ничего подобнаго; дозволенію говорить придается смыслъ, котораго оно, въ

сущности, вовсе не имѣло. Какъ бы то ни было, границы свободы, предоставленной русскимъ періодическимъ изданіямъ, извѣстны нашимъ сосѣдямъ очень хорошо — а степенью свободы измѣряется, въ данномъ случаѣ, степень авторитетности. Считаться съ русскимъ печатнымъ словомъ иностранцы будутъ только тогда, когда для этого слова не будетъ ни недоступныхъ сюжетовъ, ни «заказанныхъ» (въ смыслѣ Кольцовской пѣсни) путей, ни запретныхъ мнѣній.

Внѣшнее различіе между газетами 1865 и 1890 г.г. безспорно существуетъ, и весьма большое; но едва-ли можно пріурочивать его къ цензурной реформѣ. Поворотнымъ пунктомъ для нашей ежедневной печати послужилъ, въ этомъ отношеніи, 1863-ій годъ, когда былъ основанъ «Голосъ», «С.-Петербургскія Вѣдомости» перешли подъ редакцію В. Ѳ. Корша, «Московскія Вѣдомости» — подъ редакцію Каткова и Леонтьева. Въ это именно время выработался тотъ типъ большой политической газеты, который мы видимъ теперь; въ это время началась и детальная разработка практическихъ вопросовъ государственной и общественной жизни. Увеличивался объемъ газетъ, увеличивалось разнообразіе предлагаемаго имъ матеріала, увеличивалась ихъ распространенность, но не измѣнялась существенно ихъ роль и скорѣе уменьшалось, чѣмъ возрастало ихъ вліяніе на публику. Пробѣлъ, образовавшійся съ прекращеніемъ «Голоса», до сихъ поръ остается незаполненнымъ; для «Московскихъ Вѣдомостей» не нашлось новаго Каткова; не нашлось и продолжателя для Аксаковской «Руси». Быстрый ростъ дешевой прессы—иллюстрированной и неиллюстрированной—можетъ быть названъ, въ виду ея содержанія и направленія, явленіемъ отчасти безразличнымъ, отчасти печальнымъ. Остается еще одинъ фактъ, вѣрно отмѣченный самодовольной газетой: неудача всѣхъ попытокъ создать у насъ нѣчто въ родѣ оффиціозной прессы. Не объясняется ли онъ, однако, такими обстоятельствами, которыя устраняютъ всякую возможность ликованія? Оффиціозная пресса развивается, обыкновенно, тамъ, гдѣ печать хотя и не вполнѣ свободна, но въ значительной степени независима и, сообразно съ этимъ, располагаетъ немаловажной силой. Дополненіемъ репрессіи, разъ что къ ней нельзя прибѣгать слишкомъ часто, становится воздѣйствіе на общество путемъ самой печати. Оффиціозные органы составляютъ какъ бы противовѣсъ органамъ оппозиціоннымъ; они

должны снабжать публику и фактами, и взглядами, для которыхъ не нашлось бы подходящаго мѣста въ другихъ газетахъ. Иное дѣло, если вся печать находится въ состояніи подчиненности, а значительная часть ея, не будучи оффиціозной въ тѣсномъ смыслѣ слова, соединяетъ въ себѣ главныя условія, свойственныя оффиціозности. Основаніе особыхъ органовъ, съ спеціальною цѣлью популяризаціи правительственныхъ мнѣній, представляется тогда излишней роскошью, непроизводительной затратой. Добровольная поддержка всегда пріятнѣе обязательной; располагая первою, странно было бы обращаться къ послѣдней. Не случайно, въ самомъ дѣлѣ, мысль о необходимости оффиціозной печати возникала у насъ, большею частью, именно тогда, когда готовилось или ожидалось облегченіе стѣсненій, тяготѣющихъ надъ печатью — напримѣръ въ 1863-мъ, въ 1880-мъ г.г. Только этимъ путемъ можно объяснить совпаденіе столь противоположныхъ, съ перваго взгляда, фактовъ, какъ изданіе «Берега»—и «диктатура сердца».

XLIII.

Либерализмъ, какъ источникъ всякихъ золъ [1]).

Когда, въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, правительство іюльской монархіи не имѣло другихъ средствъ борьбы съ враждебными партіями, кромѣ судебнаго преслѣдованія, услужливые юристы создали—или, лучше сказать, усовершенствовали и обновили — понятія о «нравственномъ сообщничествѣ» (complicité morale) и о «процессѣ изъ-за тенденціи» (procès de tendance). Съ точки зрѣнія обвинительнаго усердія, сообщникомъ явнаго преступника могъ оказаться всякій независимый мыслитель, относившійся критически къ той или иной сторонѣ государственнаго или общественнаго строя; изъ множества безразличныхъ фактовъ, извѣстнымъ образомъ сгруппированныхъ и освѣщенныхъ, могъ сложиться объектъ уголовной кары. Широкаго примѣненія эти инквизиторскіе пріемы, на мѣстѣ и въ эпоху ихъ изобрѣтенія, получить не могли; имъ противодѣйствовали преданія французской магистратуры, противодѣйствовали вообще условія правильнаго судебнаго производства. Изъ области формальнаго суда они перешли въ область неформальныхъ обвиненій — обвиненій общихъ и неопредѣленныхъ, не стѣсняющихся въ выборѣ и оцѣнкѣ доказательствъ. Послѣдняя цѣль такихъ обвиненій—не убѣжденіе, а впечатлѣніе; имъ нужно только заподозрить, очернить, набросить тѣнь, затемнить истинный смыслъ событій. Наиболѣе удобное для нихъ настроеніе—регрессивное, наиболѣе удобная

[1]) «Вѣстникъ Европы». 1890 г., сентябрь, общественная хроника.

почва—реакціонная печать. У насъ въ Россіи вопросъ о «нравственномъ сообщничествѣ» ставился «Московскими Вѣдомостями» еще въ шестидесятыхъ годахъ. Въ 1880-мъ году забытая теперь, но въ свое время прогремѣвшая газета («Берегъ») пустила въ ходъ формулу о солидарности надпольной печати съ подпольной. Съ тѣхъ поръ эта формула повторялась много разъ, въ самыхъ различныхъ видахъ, то съуживаясь, то расширяясь, задѣвая то часть литературы, то «либеральную бюрократію», то «интеллигенцію», то цѣлое поколѣніе. Ее подхватывала даже такая газета, какъ «Русь», ей благопріятствовала мода, за ней шли толпой поклонники успѣха. Послѣдней варіаціей на старую тему является брошюра г. Льва Тихомирова: «Начала и концы». Она заслуживаетъ вниманія, какъ одинъ изъ «признаковъ времени».

Основная мысль брошюры г. Тихомирова (появившейся первоначально на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей») подчеркнута въ ея подзаглавіи: «Либералы и террористы». Либералы—это начала, террористы—это концы; движеніе, коренящееся въ либерализмѣ, приводитъ къ террору. Другими словами, либералы—«нравственные сообщники», духовные отцы крайнихъ революціонеровъ. Вліяніе «либеральныхъ точекъ зрѣнія», «царствовавшихъ» (начиная съ шестидесятыхъ годовъ) въ литературѣ и даже въ «школьной наукѣ», со всѣхъ сторонъ подгоняло къ революціи. «Многіе этого не понимаютъ», говоритъ г. Тихомировъ. «Что общаго между смиреннымъ либераломъ и революціонными крайностями. Такъ смотрятъ люди, думающіе только о программѣ либераловъ. Само собою, революціонныя крайности вытекаютъ не изъ положительныхъ требованій либераловъ, а изъ общаго міросозерцанія, которое въ одну сторону создаетъ недодуманныя до конца, половинчатыя, а иногда іезуитскія либеральныя требованія, въ другую же—вполнѣ логичныя и послѣдовательныя стремленія революціонныя. Если бы наши передовые отказались отъ своего общаго міросозерцанія, то подорвали бы одновременно и свои либеральныя стремленія, которыя имъ самимъ показались бы смѣшными, и революціонныя стремленія, которыя въ первый разъ предстали бы предъ ними не какъ крайность, а какъ безуміе. До тѣхъ же поръ, пока передовые остаются при своемъ міросозерцаніи, они непремѣнно будутъ создавать революціонеровъ».

Итакъ, виновато общее міросозерцаніе либераловъ. Что понимаетъ подъ этимъ терминомъ авторъ брошюры — объяснить себѣ довольно трудно. Можно только догадываться, судя по эпиграфу брошюры («Окончательный удѣлъ христіанскаго, отрекшагося отъ Христа общества есть бунтъ или революція») и по нѣкоторымъ отдѣльнымъ мѣстамъ ея, что здѣсь имѣется въ виду отрицательное отношеніе къ религіи, наклонность къ теоретическому матеріализму. Но развѣ между анти-религіознымъ настроеніемъ и либерализмомъ существуетъ неразрывная связь, развѣ послѣдній немыслимъ и невозможенъ безъ перваго? Либеральный образъ мыслей совмѣстимъ съ самыми различными вѣрованіями, съ самыми различными философскими взглядами; онъ исключаетъ только одно—религіозную нетерпимость. Пріурочивать его къ невѣрію столь же ошибочно, какъ и пріурочивать вѣру—къ политическому консерватизму. Атеизмъ и абсолютизмъ — комбинація столь же возможная, какъ и либерализмъ и искренняя религіозность. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только назвать Гоббеса— и Мильтона, слугъ деспотизма въ родѣ Ашлея или Сендерланда—и епископовъ въ родѣ Бернета или Тиллотсона. Въ какой степени набожны были Фридрихъ Великій и Наполеонъ I, это знаетъ всякій; никто, съ другой стороны, не сомнѣвается въ религіозности Вашингтона. На нашихъ глазахъ Давидъ-Фридрихъ Штраусъ выступилъ, въ «Старой и новой вѣрѣ», поклонникомъ Бисмарка, защитникомъ войны и смертной казни. Весьма далекъ отъ политическаго либерализма и французскій авторъ «Жизни Іисуса». Исторія русскаго либерализма, съ этой точки зрѣнія, еще не написана и будетъ написана не скоро: припомнимъ, однако, изъ-за чего произошелъ разрывъ между Грановскимъ и Герценомъ, припомнимъ, не слыхали ли мы и послѣ того, еще весьма недавно, проповѣдь «либеральныхъ» идей въ устахъ искренно вѣрующаго человѣка... Въ Россіи, какъ и въ Западной Европѣ, нѣтъ міросозерцанія, общаго всѣмъ «передовымъ» людямъ — нѣтъ, слѣдовательно, и основанія утверждать, что на почвѣ такого общаго міросозерцанія развились и неизбѣжно должны были развиться крайнія революціонныя ученія. Допустимъ, наконецъ, что общее міросозерцаніе существовало и существуетъ; представимъ себѣ, далѣе, что отъ него отреклись, по приглашенію г. Тихомирова, всѣ «пе-

редовые» русскіе люди [1]). «Либеральнымъ стремленіямъ» и тогда не наступилъ бы конецъ, потому что они вовсе не составляютъ принадлежность одного міросозерцанія.

«Либеральныя точки зрѣнія, подгоняющія къ революціи», усматриваются г. Тихомировымъ не въ одномъ только «общемъ міросозерцаніи передовыхъ людей». Желая того или не желая,— говоритъ г. Тихомировъ,—«они (т.-е. «передовые люди») будутъ вырабатывать молодежь въ наиболѣе пригодномъ для революціи духѣ и даже подсказывать ей способы дѣйствія—своей ложной характеристикой всего окружающаго». Въ чемъ заключается самая характеристика и чѣмъ доказывается ея ложность—этого авторъ брошюры не объясняетъ. А между тѣмъ здѣсь-то именно и лежитъ узелъ вопроса. Подобно тому, какъ у «либераловъ» и «передовыхъ людей» нѣтъ одного «общаго міросозерцанія», нѣтъ и не можетъ быть такой характеристики всего окружающаго, на которой они всѣ единогласно бы сходились. Одобряемое одними сплошь и рядомъ порицается другими; разногласіе существуетъ и относительно того, что̀ желательно сохранить, и относительно того, что̀ слѣдовало бы поставить на мѣсто отмѣняемаго. Меньше всего можетъ быть рѣчь о «подсказываніи способовъ дѣйствія», потому что пріемы либерализма прямо противоположны пріемамъ революціоннымъ. Изъ того, что разрушенію иногда предшествуетъ критика, еще не слѣдуетъ, чтобы критика неминуемо вела къ разрушенію. Никому не приходитъ въ голову утверждать, что спокойное указаніе на несовершенства закона равносильно призыву къ неповиновенію его требованіямъ или къ насильственной его отмѣнѣ. Такъ далеко не идутъ даже рьяные приверженцы «нравственнаго сообщничества»—но именно такое salto mortale совершаетъ г. Тихомировъ, установляя причинную связь между «характеристикой окружающаго» и стремленіемъ къ его ниспроверженію. Движеніе впередъ можетъ быть пріостановлено, задержано, подавлено, но не можетъ быть прекращено вовсе, пока въ народѣ не изсякли источники жизни. Пускай будетъ провозглашено начало: «все устроено наилучшимъ образомъ

[1]) Само собою разумѣется, что коллективный отказъ отъ міросозерцанія, даже по призыву проповѣдника болѣе убѣдительнаго и болѣе авторитетнаго—вещь небывалая и немыслимая. Становясь, на минуту, на точку зрѣнія нашего противника, мы хотимъ только яснѣе показать ея несостоятельность.

въ наилучшемъ изъ міровъ», пускай воспослѣдуетъ, въ его пользу, поголовное отреченіе отъ всякихъ другихъ «міросозерцаній» — дѣйствительность все-таки будетъ давать поводъ къ чувству неудовлетворенности, это чувство все-таки будетъ вызывать мысль о перемѣнѣ къ лучшему, эта мысль все-таки будетъ искать средствъ къ осуществленію. Все дѣло въ томъ, чтобы обезпечить мирный характеръ этихъ средствъ, а не въ томъ, чтобы водворить искусственное и потому обманчивое единодушіе. Три четверти или полвѣка тому назадъ никакіе г.г. Тихомировы не могли бы уловить у насъ въ Россіи что-либо похожее на «общее либеральное міросозерцаніе» — а развѣ въ то время ничто не нарушало тишь и гладь русскаго общества. Если «либералы» пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ воспитывали революціонеровъ послѣдующихъ десятилѣтій, то кто же воспиталъ, что̀ породило самихъ «либераловъ»?..

Въ воспоминаніяхъ г. Тихомирова не мало неточнаго или неправильно освѣщеннаго. «Я пережилъ мальчикомъ и юношей», говоритъ онъ, «эпоху реформъ, которыя *теперь* (курсивъ въ подлинникѣ) превозносятся либералами. Но въ то время я рѣшительно не слыхалъ объ этихъ самыхъ реформахъ добраго слова. Тогда оказывалось, что все дѣлается не такъ, какъ слѣдуетъ... Вмѣсто того, чтобы поддерживать выгодное для нихъ правительство, вмѣсто того, чтобы и намъ (кто эти мы?) внушать, что только одно либеральное правительство можетъ хорошо вести дѣло, либеральная воркотня только готовила враговъ правительства». Какъ! въ концѣ шестидесятыхъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ г. Тихомировъ не слыхалъ отъ «либераловъ» ни одного добраго слова о реформахъ прошлаго царствованія? Кто же хвалилъ, кто поддерживалъ тогда судебную реформу? Не доходила ли эта поддержка даже до крайностей, до нежеланія говорить о недостаткахъ судебныхъ уставовъ? [1]). Кто вѣрилъ въ живучесть земскихъ учрежденій, кто отзывался сочувственно на мысль о всесословной воинской повинности, о податной реформѣ? Кто возлагалъ надежды на

[1]) Откровенныя указанія на эти недостатки (конечно — не тѣ, которые открыло въ судебныхъ уставахъ новое вѣяніе восьмидесятыхъ годовъ) встрѣчались, безъ сомнѣнія, и тогда, но имъ противопоставлялась, сплошь и рядомъ, необходимость беречь каждую букву законодательнаго памятника, который легче испортить, чѣмъ исправить. Такіе же взгляды высказывались и по поводу земства.

законъ о печати, изданный 6-го апрѣля 1865-го года? Правда, тонъ либеральной прессы, въ указанную нами эпоху, былъ, вообще говоря, далеко не восторженный; но почему? Не потому, что она была недовольна совершившимися преобразованіями, а потому, что этимъ преобразованіямъ постоянно угрожала опасность, потому что были проектируемы и даже производимы перемѣны, существенно нарушавшія первоначальный ихъ смыслъ. Правительство, въ семидесятыхъ годахъ, не было «либеральнымъ» ни въ законодательной сферѣ, ни въ административной; отсюда неизбѣжность критики, которую г. Тихомировъ столь любезно называетъ «либеральной воркотнею»... Доказательство тому, что «либералы» не ограничивались одною воркотнею, намъ спѣшитъ доставить—конечно, помимо воли—самъ г. Тихомировъ. Онъ констатируетъ, страницей ниже, что реформы прошлаго царствованія не встрѣтили «защиты и поддержки» отъ людей «старой культуры», «развитыхъ, гуманныхъ, безусловно преданныхъ правительству»; они чувствовали, что «новое время, со всѣми своими улучшеніями, стремится куда-то въ ненадлежащее мѣсто»—и оставались холодными къ его начинаніямъ». Кто же провелъ эти начинанія въ жизнь, кто добился, въ области суда и самоуправленія, такихъ результатовъ, которымъ отдаютъ справедливость даже добросовѣстные противники реформъ? Очевидно—«либералы», т.-е. люди, убѣжденные въ справедливости и цѣлесообразности преобразованій Можно видѣть пробѣлы и недостатки нововведенія—и все-таки служить ему вѣрой и правдой, въ виду огромныхъ его преимуществъ предъ старинною.

Чрезвычайно характеристиченъ для автора брошюры разсказъ о его воспитаніи. «Въ какую-то реакцію старинному: не разсуждать — повиноваться, насъ всѣхъ вели по правилу: не повиноваться, а разсуждать. Наши воспитатели рѣшительно не понимали, что первое качество дѣйствительно развитого разума есть пониманіе предѣловъ своей силы и что насколько разсужденіе обязательно въ этихъ предѣлахъ, настолько оно даже неприлично для умнаго человѣка впѣ ихъ, гдѣ именно разумъ и заставляетъ просто повиноваться, искренно, сознательно подчиняться авторитету». Но чѣмъ же опредѣляетъ разумъ границы своей силы, какъ не разсужденіемъ? Область повиновенія, особенно у насъ въ Россіи, безъ того уже очень велика; къ нему привыкаютъ еще въ семьѣ, его во многомъ требуетъ

школа (дисциплина, что̀ бы ни говорилъ г. Тихомировъ, существовала, конечно, и въ гимназіи шестидесятыхъ годовъ), къ нему на каждомъ шагу понуждаетъ жизнь. Нужно же когда-нибудь пріучиться разсуждать, чтобы не остаться навсегда ходячимъ механизмомъ, пружины котораго держитъ чужая рука — сегодня одна, завтра, быть можетъ, совсѣмъ другая. Неужели, притомъ, гимназія шестидесятыхъ годовъ поощряла разсуждать о предметахъ, вообще признаваемыхъ изъятыми изъ разсужденія? Безъ сомнѣнія—нѣтъ; она стремилась только, и не всегда удачно, къ сознательному усвоенію знаній, прежде принимавшихся исключительно на память... «Наши худшіе учителя», продолжаетъ г. Тихомировъ, «были еще, можетъ быть, менѣе вредны. Они учили по крайней мѣрѣ скучно, безсознательно, заставляя насъ дѣлать надъ собою нѣкоторое усиліе. Хорошіе учителя были насквозь проникнуты манерой заинтересовывать. Мы учились у нихъ не тому, что̀ нужно, и не потому, что это нужно, а тому, что̀ интересно, что̀ само насъ захватывало. Мы были не господами, а рабами предмета. Мы учились не устремлять вниманіе преднамѣренно, а только отдаваться впечатлѣнію». Неужели г. Тихомирову неизвѣстно, что «хорошій» учитель можетъ «заинтересовать» учениковъ даже наименѣе привлекательными сторонами своего предмета? Интересъ къ наукѣ не только вполнѣ совмѣстенъ съ правильнымъ ея изученіемъ—онъ способствуетъ, какъ нельзя больше, такому изученію. Всякому изъ насъ приходилось и постоянно приходится испытывать на себѣ, что степень вниманія прямо пропорціональна степени заинтересованности—а насъ хотятъ увѣрить, что между тѣмъ и другимъ существуетъ обратное отношеніе. Одно изъ двухъ: или учителя, о которыхъ говоритъ г. Тихомировъ, вовсе не были хорошими, или онъ на нихъ клевещетъ, обвиняя ихъ въ небывалыхъ прегрѣшеніяхъ.

Болѣе чѣмъ несправедливый къ гимназіи шестидесятыхъ годовъ, г. Тихомировъ остается нейтральнымъ по отношенію къ университету. Констатируя «карьеризмъ» большинства студентовъ (въ началѣ семидесятыхъ годовъ), онъ ничего не говоритъ о профессорахъ, никакой спеціальной отвѣтственности на нихъ не возлагаетъ. Восполненіе этого пробѣла принялъ на себя единомышленникъ г. Тихомирова, г. Ю. Г., въ фельетонѣ, посвященномъ разбираемой нами брошюрѣ («Московскія Вѣдомости» № 213). «Молодой человѣкъ, еще въ гимназіи зачиты-

вавшійся Писаревымъ, Добролюбовымъ, Чернышевскимъ, совершенно невѣжественный и ничему не желающій научиться, приходилъ въ университетъ. Тутъ онъ ожидалъ найти разрѣшеніе своихъ вопросовъ, вычитанныхъ имъ изъ журнальныхъ фельетоновъ. Профессорскія лекціи услужливо предлагали ему разрѣшеніе этихъ вопросовъ. Въ сущности, здѣсь говорилось все то же, что и въ журнальномъ фельетонѣ, но только умѣреннѣе и притомъ обставленное всѣмъ внѣшнимъ аппаратомъ науки. Здѣсь молодой человѣкъ находилъ ученыхъ самаго послѣдняго фасона. Здѣсь онъ выслушивалъ лекціи, проникнутыя духомъ послѣдняго привоза заграничныхъ книжекъ, явившіяся всего только плохимъ переводомъ съ иностраннаго». И въ этой картинѣ намъ предлагаютъ узнать русскіе университеты шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ! Недавно вышла въ свѣтъ брошюра профессора Модестова, посвященная русской университетской наукѣ за послѣднюю четверть вѣка. Стоитъ только сопоставить факты, приведенные въ этой брошюрѣ, съ сужденіями фельетониста «Московскихъ Вѣдомостей», чтобы понять, до чего въ наше время можетъ доходить тенденціозное извращеніе истины.

Положеніе, если вѣрить г. Тихомирову, представляется совершенно безнадежнымъ. Пока существуетъ «либерализмъ», онъ неминуемо порождаетъ революціонеровъ—а чтобы онъ пересталъ существовать, нужно отказаться отъ вѣры въ свободу, въ разумъ, въ человѣческое достоинство. Такой отказъ самому г. Тихомирову кажется немыслимымъ. Правда, у него есть въ запасѣ какіе-то «законы жизни», но онъ оставляетъ ихъ подъ спудомъ, пока «люди» не отрекутся отъ своего «прогрессивнаго идеала». Что же дѣлать въ ожиданіи такого отреченія? Прямого отвѣта мы у г. Тихомирова не находимъ; но его подсказываетъ вся предъидущая аргументація. Если «міросозерцаніе», чреватое опасностями, не хочетъ добровольно сойти со сцены, если воззрѣнія, заключающія въ себѣ истину, не могутъ ни восторжествовать, ни даже выступить наружу, пока не исчезли «ложные идеалы», то остается только одно: «искорененіе» этихъ идеаловъ путемъ запрещеній, преслѣдованій, наказаній. Нѣсколько яснѣе, чѣмъ у г. Тихомирова, хотя все еще не вполнѣ ясно, этотъ выводъ формулированъ у г. Ю. Г., въ статьѣ, о которой мы уже упоминали. «Необходимо,—говоритъ г. Ю. Г.,—охранить нашъ народъ отъ разлагающаго и растлѣвающаго

уличнаго либерализма, внеся въ жизнь осмысленную дисциплину, которая заставила бы всѣхъ вылѣзшихъ изъ щелей мошекъ и букашекъ, всѣхъ сверчковъ, покинувшихъ свой шестокъ, снова возвратиться на подобающія имъ мѣста». Если принять во вниманіе, что подъ именемъ уличнаго либерализма г. Ю. Г. понимаетъ не какое-нибудь одно либеральное теченіе, а весь современный либерализмъ вообще, то не трудно понять значеніе его совѣта. Шестокъ, подобающій всѣмъ приватнымъ и непривилегированнымъ сверчкамъ—это смиреніе и молчаніе; «осмысленная дисциплина» — это совокупность мѣръ, направленныхъ къ закрѣпленію сверчковъ за подобающими имъ шестками.

XLIV.

Надгробное слово либерализму.—Саратовское дворянское собраніе [1]).

— Madame se meurt, Madame est morte—такъ начинается одно изъ самыхъ извѣстныхъ надгробныхъ словъ Боссюэ. Пародируя, безсознательно, знаменитаго проповѣдника, наши реакціонные критики и публицисты восклицаютъ на всѣ лады: «либерализмъ умираетъ, либерализмъ скоро умретъ». Если онъ кое-гдѣ еще и существуетъ, то это только результатъ «дурной привычки»; если онъ имѣетъ еще нѣкоторый успѣхъ, то исключительно «по инерціи»... Разсуждая такимъ образомъ, наши «цѣнители и судьи» принимаютъ свои желанія за дѣйствительность; плохіе наблюдатели, они окажутся, мы въ этомъ убѣждены, еще худшими пророками. Происходитъ какъ разъ противоположное тому, что̀ имъ мерещится въ созданной ими самими или поддерживаемой ими полутьмѣ. Кто причислялъ себя къ «либеральному лагерю» только по инерціи или въ силу привычки, тотъ, въ настоящее время, уже пересталъ или перестаетъ быть либераломъ. Отсюда кажущееся оскудѣніе «либерализма», которое гораздо правильнѣе было бы назвать его очищеніемъ. Отъ него отдалились или отдаляются всѣ тѣ, которые увлекаются модой, слѣдуютъ за толпой, поклоняются силѣ; отъ него отхлынула волна успѣха, унося все связанное съ нимъ поверхностною, внѣшнею связью. Торжествующимъ и господствующимъ либерализмъ у насъ, въ сущности, никогда не былъ, но онъ *казался* торжествующимъ или близкимъ къ

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1891 г., январь, общественная хроника.

торжеству,—и этого было достаточно, чтобы увеличить число его номинальныхъ послѣдователей. За нимъ бѣжали или даже старались опередить его многіе изъ тѣхъ, которые теперь провозглашаютъ его навсегда отжившимъ и сошедшимъ со сцены. Съ точки зрѣнія этихъ людей, обрѣтаться не въ авантажѣ—значитъ не имѣть права на существованіе. Не отъ нихъ, къ счастью, зависитъ жизненность и живучесть забытаго ими начала. Уменьшеніе числа «либераловъ», какихъ бы размѣровъ оно ни достигало, отнюдь не равносильно пораженію либеральныхъ воззрѣній. Конецъ «либерализма» наступитъ только тогда, когда осуществятся всѣ главныя его desiderata. Мы не можемъ себѣ представить такого момента, когда потеряла бы свою цѣнность, напримѣръ, свобода печатнаго слова. Она всегда будетъ составлять любимую мечту, завѣтную цѣль всѣхъ тѣхъ, кто видитъ въ ней неискоренимую потребность человѣческой мысли и незамѣнимое условіе общественнаго развитія. Мало ли, много ли у нея сторонниковъ—это опредѣляется измѣнчивыми обстоятельствами времени и мѣста; но вовсе остаться безъ приверженцевъ она не можетъ. Однажды пробудившись, разумная и глубокая идея не можетъ исчезнуть изъ оборота. Временно затемненная, она должна выйти на свѣтъ такъ же неизбѣжно, какъ выходитъ изъ-за тучъ солнце. То же самое слѣдуетъ сказать и о свободѣ вѣрованій, и о неприкосновенности личности, и о равенствѣ передъ закономъ, однимъ словомъ—о всемъ томъ, что входитъ въ составъ давно извѣстной, но вѣчно юной «либеральной программы». Благо не перестаетъ быть благомъ, хотя бы его все меньше и меньше понимали и цѣнили. Можно находить духоту бальной залы болѣе пріятной, чѣмъ свѣжій лѣсной воздухъ; но послѣдній не теряетъ отъ того своей укрѣпляющей, животворящей силы...

Насъ хотятъ увѣрить, что въ «либеральныхъ» сферахъ—или въ томъ, что по старой памяти носитъ и присваиваетъ себѣ это имя—нѣтъ ни движенія, ни мысли, ни жизни. Провѣримъ это положеніе на одномъ уголкѣ «либеральнаго» міра: на земствѣ, нынѣшнемъ земствѣ. Его причастность къ «либерализму» наши противники отрицать не станутъ, потому что именно она служила въ ихъ рукахъ главнымъ стѣнобитнымъ орудіемъ противъ закона 1-го января 1864 г., этого созданія «либеральной» эпохи. Земство живетъ, живетъ въ виду наслѣдника, стоящаго уже у дверей и несущаго съ собою, быть мо-

жетъ, совершенно иное отношеніе къ земскимъ задачамъ. Что же дѣлаетъ, въ то же время, другое учрежденіе, пользующееся въ полной мѣрѣ всѣми преимуществами благопріятнаго теченія и попутнаго вѣтра? Въ Саратовѣ происходитъ, за нѣсколько дней до открытія губернскаго земскаго собранія, очередная сессія мѣстнаго дворянства. Губернскій предводитель дворянства, кн. Л. Л. Голицынъ, представляя отчетъ о порученіяхъ, возложенныхъ на него предъидущимъ собраніемъ, заявляетъ, что ходатайство объ измѣненіи устава дворянскаго земельнаго банка, возбужденное въ силу постановленія 1887-го года, осталось безъ послѣдствій. Министръ финансовъ нашелъ, что оно «добивается еще большихъ льготъ для дворянскаго землевладѣнія на счетъ интересовъ казны», и потому уважено быть не можетъ. Сообщая объ этомъ, кн. Голицынъ проситъ на будущее время «солиднѣе обставлять» дворянскія ходатайства по сложнымъ и спеціальнымъ вопросамъ. Это не мѣшаетъ собранію единогласно принять, въ томъ же засѣданіи, предложеніе о ходатайствѣ, направленномъ къ измѣненію закона о пошлинѣ съ наслѣдствъ. Насколько можно судить по краткому газетному сообщенію («Саратовскій Листокъ», № 260), рѣчь идетъ о томъ, чтобы понизить до 1% размѣръ пошлины съ переходящихъ по наслѣдству дворянскихъ имѣній, «такъ какъ пошлину отъ 4 до 8% платить очень тяжело, и это нерѣдко вызываетъ фиктивныя прижизненныя запродажи имѣній». Подобная мотивировка едва-ли можетъ быть названа «солидной» Платить налогъ всегда болѣе или менѣе тяжело — но именно потому это не можетъ служить аргументомъ противъ налога. Неправильнымъ налогъ представляется не тогда, когда онъ субъективно-непріятенъ, а только тогда, когда онъ обременителенъ на самомъ дѣлѣ, обременителенъ чрезъ мѣру, явно непропорціоналенъ платежной силѣ. Отъ 4 до 8% взимается съ имѣнія только тогда, когда оно переходитъ по наслѣдству къ боковымъ родственникамъ или къ постороннимъ, т.-е. къ такимъ лицамъ, для которыхъ наслѣдство является прямымъ приращеніемъ средствъ, иногда неожиданнымъ, иногда случайнымъ. Удѣлить государству небольшую долю этихъ средствъ (отъ одной двадцать-пятой до одной двѣнадцатой) для нихъ не разорительно и не обидно, а развѣ только досадно; но оберегать отъ досады, охранять душевное спокойствіе плательщиковъ государство вовсе не обязано. Иное дѣло — переходъ на-

слѣдства отъ мужа къ женѣ или отъ родителей къ дѣтямъ. Здѣсь иногда имѣетъ мѣсто не увеличеніе, а уменьшеніе средствъ (если семья жила, между прочимъ, личнымъ трудомъ умершаго или умершей); но вѣдь пошлина, въ такихъ случаяхъ, и по дѣйствующему закону взимается только въ размѣрѣ 1%. Что касается до обхода закона путемъ «фиктивныхъ прижизненныхъ запродажъ», то мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ дворянское собраніе можетъ усматривать въ этомъ поводъ къ пониженію пошлины. «Первенствующее» сословіе должно подавать примѣръ уваженія къ закону, а не оправдывать его нарушенія, объясняя ихъ излишнею требовательностью государственной казны. Въ нашемъ обществѣ несомнѣнно существуетъ наклонность къ безцеремонному обращенію съ интересами фиска. Обмануть таможню до сихъ поръ многими не считается за грѣхъ; многіе сердобольные люди тщательно обдумываютъ вопросъ, какъ бы уменьшить для своихъ родственниковъ, per fas et nefas, бремя пошлины съ наслѣдства. Это — завѣтъ той эпохи, когда свобода отъ налоговъ считалась почетной прерогативой, завиднымъ отличіемъ высшихъ сословій. Пора разстаться съ традиціями, идущими изъ столь мутнаго источника. Ходатайства, клонящіяся къ уменьшенію наслѣдственныхъ пошлинъ, уже нѣсколько разъ встрѣчали отпоръ со стороны правительственной власти. Меньше всего понятно возвращеніе къ разрѣшенному уже вопросу со стороны саратовскаго дворянства, только-что передъ тѣмъ выслушавшаго отказъ въ дарованіи льготъ, несовмѣстимыхъ съ государственнымъ интересомъ.

Отличительной чертой саратовскаго дворянства уже давно является усиленная заботливость о регламентаціи отношеній между хозяевами и рабочими — конечно, съ точки зрѣнія хозяевъ. Законъ 12-го іюня 1886 г. не успокоилъ дворянъ и ихъ печальника. На очередномъ собраніи 1887 г. г. Кривскій возбудилъ вопросъ о пересмотрѣ только-что изданнаго закона, находя, что имъ не обезпечены интересы работодателей, не положенъ конецъ «задолженности и разоренію помѣстнаго землевладѣнія». Собраніе согласилось съ г. Кривскимъ и возбудило соотвѣтствующее ходатайство, оказавшееся столь неопредѣленнымъ, что вызвало запросъ министра внутреннихъ дѣлъ, чего же именно желаетъ дворянство. Получивъ этотъ запросъ и имѣя въ виду предстоящее введеніе института зем-

скихъ начальниковъ, собраніе предводителей и депутатовъ дворянства признало наиболѣе правильнымъ отложить дальнѣйшее обсужденіе дѣла до указаній опыта и практики. Въ дворянскомъ собраніи возникли, однако, пренія. П. А. Кривскій утверждалъ, что на почвѣ правилъ 1886 г. ничего не удастся сдѣлать и земскимъ начальникамъ. Совершенно иное мнѣніе, основанное на личномъ опытѣ и на разспросѣ многихъ дворянъ саратовской и пензенской губерній, выразилъ землевладѣлецъ петровскаго уѣзда, Н. С. Ермолаевъ. Онъ заявилъ, что рабочіе вовсе не такъ неисправны, и хозяева терпятъ отъ нихъ вовсе не такъ сильно, какъ утверждаютъ г. Кривскій и его единомышленники. Болѣе двадцати лѣтъ ведя хозяйство, г. Ермолаевъ пострадалъ отъ рабочихъ рублей на 100—200, отъ купцовъ — тысячъ на семь, отъ дворянъ—тысячъ на двѣнадцать; «значитъ, оберегать себя нужно не отъ рабочихъ». Собраніе, по большинству голосовъ, постановило: вновь возбудить ходатайство о пересмотрѣ правилъ по найму рабочихъ и о приведеніи ихъ въ соотвѣтствіе съ дѣйствительной потребностью. Разработку этого ходатайства рѣшено было поручить особой комиссіи, включивъ въ ея составъ по одному представителю отъ каждаго уѣзда. Четыре уѣзда (петровскій, вольскій, балашовскій и сердобскій — т.-е., за исключеніемъ вольскаго, именно тѣ, гдѣ всего больше помѣщичьихъ хозяйствъ) не пожелали выбрать отъ себя уполномоченныхъ въ комиссію и остались при своемъ отказѣ, несмотря на происходившія по этому предмету продолжительныя пренія. Нужно ли доказывать, что правда и справедливость, въ данномъ случаѣ на сторонѣ меньшинства, а не большинства?

Когда саратовское дворянское собраніе покончило съ вопросомъ о сельскихъ рабочихъ, П. А. Кривскій прочелъ записку объ обѣднѣніи, задолженности и тяжеломъ положеніи дворянства. Главною причиной зла выставлялось здѣсь апатичное отношеніе самого дворянства къ своимъ сословнымъ правамъ, преимуществамъ и интересамъ. Содержаніе записки въ мѣстной газетѣ, къ сожалѣнію, не изложено; мы узнаемъ только, что собраніе, по большинству голосовъ, приняло слѣдующія предложенія г. Кривскаго: 1) просить уѣздныхъ предводителей дворянства въ опредѣленные сроки, не менѣе двухъ разъ въ году, съѣзжаться въ губернскій городъ для совмѣстнаго обсужденія интересующихъ дворянство вопросовъ; 2) про-

сить дворянъ представлять своимъ предводителямъ записки по тѣмъ или другимъ вопросамъ, каковыя записки должны обсуждаться предводителями дворянства, совмѣстно съ авторами, и затѣмъ докладываться губернскому собранію дворянъ, и 3) просить губернскаго предводителя дворянства ежегодно созывать экстренныя собранія дворянства губерніи въ тѣ же сроки, какъ созываются очередныя собранія». Намъ кажется, что наплывъ «записокъ», составленныхъ дворянами въ видахъ охраненія «сословныхъ правъ и интересовъ», напомнилъ бы собою, болѣе всего, Щедринскій «Дневникъ провинціала въ Петербургѣ». Ожидать отъ такихъ записокъ свѣжести и оригинальности взглядовъ было бы крайне наивно. Исторія дворянскихъ собраній за послѣднія 5—6 лѣтъ показываетъ съ полною ясностью, что дворянство, въ качествѣ корпораціи, никакъ не можетъ сойти съ однажды избранной позиціи. Дешевый кредитъ, финансовыя и экономическія льготы, заповѣдныя имѣнія, мѣры къ обузданію рабочихъ — вотъ тѣ немногія тэмы, на которыя разыгрываются безчисленныя варіаціи. Въ три-четыре дня, самое большее—въ недѣлю, дворянское собраніе исчерпываетъ всю свою программу, хотя собирается только разъ въ три года. Ежегодныя собранія, которыхъ желаетъ саратовское дворянство, показали бы еще яснѣе, что ограниченности круга дѣйствій вполнѣ соотвѣтствуетъ, въ данномъ случаѣ, ограниченность круга мыслей. И это не можетъ быть иначе. Неисчерпаема и безконечно-обширна только область заботъ объ общемъ благѣ, о народѣ, о всѣхъ классахъ населенія. Вотъ почему земство живетъ полною жизнью, постоянно ставитъ и разрѣшаетъ самые разнообразные вопросы, между тѣмъ какъ дворянство, при условіяхъ гораздо болѣе благопріятныхъ, вращается въ заколдованномъ кругѣ однихъ и тѣхъ же неширокихъ пожеланій.

XLV.

Двадцатипятилѣтіе новаго суда [1]).

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ исполнилось двадцатипятилѣтіе со времени открытія въ Петербургѣ и Москвѣ общихъ судебныхъ установленій, образованныхъ на основаніи судебныхъ уставовъ 1864 г., а въ маѣ мѣсяцѣ—со времени открытія въ столицахъ мирового суда. «Любопытное явленіе,—читаемъ мы въ книгѣ г. Джаншіева: «Основы судебной реформы», вышедшей въ свѣтъ какъ разъ къ судебному юбилею:—вотъ уже минуло двадцать пять лѣтъ, а все еще учрежденія, созданныя 20-го ноября 1864 г., продолжаютъ преимущественно передъ всѣми другими преобразованными учрежденіями носить эпитетъ *новыхъ*. Это не случайность. *Новый* судъ и по пространству интересовъ и явленій, имъ захваченныхъ, и по глубинѣ лежащихъ въ основаніи его *новыхъ* идей, безспорно занимаетъ особое мѣсто въ ряду реформъ прошлаго царствованія». Отнюдь не отвергая этого объясненія, мы думаемъ, что устойчивость эпитета, прилагаемаго къ преобразованному суду, имѣетъ еще и другую, болѣе простую причину Рядомъ съ учрежденіями, призванными къ жизни въ великій день 20-го ноября, стоятъ еще до сихъ поръ учрежденія до-реформеннаго времени; рядомъ съ судебными уставами императора Александра II дѣйствуютъ еще до сихъ поръ процессуальныя правила, изложенныя въ томахъ десятомъ и пятнадцатомъ свода законовъ. Существуютъ еще *старые* судебные департаменты сената, существуютъ еще *ста-*

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1891 г., іюнь, внутреннее обозрѣніе.

рыя палаты уголовнаго и гражданскаго суда и сходные съ ними *старые* губернскіе суды. Понятно, что при такихъ условіяхъ наименованіе: *новый* становится необходимой отличительной чертой позднѣйшихъ учрежденій и уставовъ. Одновременное—и весьма продолжительное—дѣйствіе двухъ существенно-различныхъ порядковъ наблюдалось у насъ, правда, не въ одномъ только судебномъ мірѣ: вотъ уже болѣе четверти вѣка, что у насъ есть, напримѣръ, земскія и неземскія губерніи—но такъ какъ въ послѣднихъ земства нѣтъ вовсе, то нѣтъ и причины говорить о *новыхъ* земскихъ учрежденіяхъ, въ противоположность *старымъ*. Постепенность въ территоріальномъ распространеніи реформъ есть наслѣдіе шестидесятыхъ годовъ; медленность распространенія или даже совершенная его пріостановка была продуктомъ послѣдующаго времени. Въ самомъ дѣлѣ, думали ли составители судебныхъ уставовъ, что столѣтіе будетъ приходить къ концу—а на сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ государства все еще будутъ держаться до-реформенные судебные порядки, только слегка исправленные? Думали ли составители земскаго положенія, что его географическій кругъ дѣйствій, двадцать семь лѣтъ спустя послѣ его изданія, окажется не только не расширеннымъ. но съуженнымъ (земскія учрежденія перестали, какъ извѣстно, существовать въ донской области и въ присоединенномъ къ ней ростовскомъ уѣздѣ)? Думали ли составители закона 6-го апрѣля 1865 г., что безцензурная пресса останется принадлежностью однѣхъ столицъ, да и онѣ будутъ обладать ею въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ?.. Взглядъ, господствовавшій въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, можетъ быть формулированъ такъ: предпринятыя реформы настолько радикальны, что для одновременнаго и повсемѣстнаго ихъ примѣненія не найдется ни средствъ, ни людей; не вездѣ, въ добавокъ, благопріятствуютъ имъ мѣстныя условія. Но пройдетъ нѣсколько лѣтъ—явятся люди, явятся средства, измѣнятся условія, и реформы будутъ введены вездѣ, съ нѣкоторыми лишь, быть можетъ, приспособленіями къ особенностямъ даннаго края или даннаго населенія. Семидесятые годы положили начало другимъ взглядамъ, восьмидесятые годы доставили имъ преобладаніе—и вотъ почему до сихъ поръ еще приходится говорить о *новомъ* судѣ, въ противоположность *старому*. Если бы не эта противоположность, выраженіе: *новый* должно было бы уступить мѣсто другому, болѣе точному; слѣдовало

бы вести рѣчь о судѣ *новѣйшемъ*, потому что ни судебныя учрежденія, ни судебные уставы теперь уже не тѣ, какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Исторія ихъ, какъ она ни коротка, раздѣляется на два періода: періодъ частичныхъ поправокъ и періодъ коренныхъ измѣненій.

Періодъ частичныхъ поправокъ начался для судебныхъ уставовъ почти непосредственно вслѣдъ за введеніемъ ихъ въ дѣйствіе. Они раздѣляютъ эту судьбу съ другими крупными преобразованіями прошлаго царствованія. Чѣмъ реформа была крупнѣе, тѣмъ неизбѣжнѣе было стремленіе кое въ чемъ ее сократить, кое-что взять назадъ, кое-что парализовать или сдѣлать менѣе опредѣленнымъ и замѣтнымъ. Проявлялось это стремленіе обыкновенно въ связи съ какимъ-нибудь частнымъ случаемъ и не выходило за предѣлы возбужденнаго имъ вопроса. Такъ напримѣръ, законъ 21-го ноября 1866 г. ограничилъ право земскихъ учрежденій облагать промышленность и торговлю, но оставилъ компетенцію ихъ во всемъ другомъ совершенно неприкосновенной. Расширеніе власти предсѣдательствующихъ въ земскихъ собраніяхъ, состоявшееся лѣтомъ 1867 г., ни въ чемъ не измѣнило отношенія земства къ органамъ администраціи. Предоставленіе министру внутреннихъ дѣлъ права запрещать розничную продажу періодическихъ изданій было, до 1870 г., единственной перемѣной къ худшему въ положеніи столичной прессы. То же самое мы видимъ и въ области суда. Первый оправдательный приговоръ по дѣлу о проступкѣ печати, произнесенный окружнымъ судомъ (въ Петербургѣ, въ августѣ 1866 г.), влечетъ за собою изъятіе подобныхъ процессовъ изъ вѣдѣнія окружного суда — но на мѣсто одного суда ставится другой (судебная палата), представляющій тѣ же гарантіи независимости и безпристрастія. Призывъ къ допросу, у слѣдователя, какого-то важнаго сановника становится поводомъ къ установленію особаго, льготнаго порядка допроса для всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ (законъ 1-го іюня 1868 г.); но этотъ порядокъ не нарушаетъ существенныхъ правъ обвиненія и защиты. Снисходительный, съ извѣстной точки зрѣнія, приговоръ петербургской судебной палаты по такъ-называемому Нечаевскому дѣлу ведетъ, въ 1872 г., къ измѣненію подсудности политическихъ процессовъ; но особое присутствіе Сената, замѣняющее собою особое присутствіе палаты, отличается отъ послѣдняго не столько организаціей и

степенью власти, сколько способомъ дѣйствій. Болѣе существеннымъ отступленіямъ отъ основныхъ началъ судебной реформы—напр. пріостановкѣ, въ 1874 г., открытія новыхъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, ограниченію, въ 1878 г., компетенціи суда присяжныхъ—приписывается *временной* характеръ; эта традиція сохраняется до начала восьмидесятыхъ годовъ, отражаясь, напримѣръ, на правилахъ о чрезвычайной и усиленной охранѣ (въ той мѣрѣ, въ какой они соприкасаются съ судебнымъ процессомъ).

Само собою разумѣется, что характеръ эпохи, названной нами періодомъ частичныхъ поправокъ, обусловливается не однѣми только законодательными мѣрами; онъ зависитъ, въ значительной степени и отъ того, какъ *соблюдались* и какъ *примѣнялись* опредѣленія судебныхъ уставовъ. И здѣсь, точно также, велика аналогія между реформами судебной и всѣми остальными. Уже въ шестидесятыхъ годахъ у насъ не было такой сферы, въ которой, рядомъ съ новымъ закономъ, не дѣйствовали бы старые обычаи, прямо противоположные закону. Правила 6-го апрѣля 1865 г. установляли извѣстный порядокъ запрещенія газеты или журнала,—но не прошло еще и года со времени ихъ изданія, какъ два журнала были запрещены совершенно внѣ этого порядка. Земское положеніе 1-го января 1864 г. не предусматривало распущенія земскихъ собраній,— а между тѣмъ уже въ 1867 г. въ петербургской губерніи они были не только распущены, но и закрыты, вмѣстѣ съ своими исполнительными органами—управами. Судебными уставами были созданы извѣстныя гарантіи личныхъ правъ и личной свободы— но на самомъ дѣлѣ ограниченіе правъ, лишеніе свободы допускалось чуть не ежедневно, помимо этихъ и всякихъ вообще гарантій; весьма скоро возобновилось и преданіе военному суду за преступленія, подсудныя, по закону, суду гражданскому. Въ *примѣненіи* судебныхъ уставовъ высшая судебная администрація недолго держалась взглядовъ, господствовавшихъ въ моментъ реформы. Съ судебными уставами случилось то же самое, что̀ и съ положеніями 19-го февраля; вдохновителямъ ихъ недолго суждено было оставаться ихъ исполнителями. Участь С. С. Ланского и Н. А. Милютина раздѣлили Д. Н. Замятнинъ и Н. И. Стояновскій. Насколько непродолжительна была дѣятельность Ю. Ѳ. Самарина и Я. А. Соловьева по осуществленію крестьянской реформы, настолько же мало дано было сдѣлать

С. И. Зарудному для осуществленія реформы судебной. Министерство юстиціи, съ осени 1867 г., относилось къ судебнымъ уставамъ приблизительно такъ, какъ преемникъ С. С. Ланского — къ мировымъ посредникамъ перваго призыва, какъ преемникъ П. А. Валуева—къ безцензурной печати. Прямо и рѣшительно измѣнено было немногое, но многое поблекло, многое получило другую окраску; повѣяло другимъ духомъ, перевѣсъ получили другія требованія. Къ этому времени относится, напримѣръ, упадокъ слѣдственной части, не устраненный и послѣдующими мѣрами; къ этому времени относится усложненіе задачъ прокурорскаго надзора, мало гармонирующее съ его первоначальнымъ призваніемъ. Замышлялись, проектировались и болѣе широкія нововведенія—но они такъ и оставались проектами, по той же причинѣ, по которой не удались планы «новодворянской» партіи, образовавшейся въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ и имѣвшей, казалось, серьезные шансы успѣха. Время коренныхъ передѣлокъ еще не настало—и на рубежѣ двухъ десятилѣтій (семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ) фонды судебныхъ уставовъ стояли такъ высоко, какъ ни разу съ 1866-го года. Д. Н. Набоковъ возвратился, повидимому, къ традиціямъ Д. Н. Замятнина—но ему же пришлось открыть, нѣсколькими годами позже, другой періодъ въ исторіи нашего суда.

Въ чемъ заключались *принципы* судебной реформы? Полнѣйшее раздѣленіе властей судебной и административной; независимость суда, обезпеченная по отношенію къ членамъ общихъ судебныхъ мѣстъ ихъ несмѣняемостью, по отношенію къ мировымъ судьямъ—примѣненіемъ выборнаго начала; бессословность суда, какъ въ смыслѣ личнаго состава, такъ и въ смыслѣ компетенціи, одинаково обнимающей собою всѣ сословія; присоединеніе къ суду, по всѣмъ важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, представителей общества, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей; гласность судебныхъ засѣданій; устность судопроизводства; равноправность обвиненія и защиты—вотъ что было предрѣшено основными положеніями 1862 г. и осуществлено судебными уставами. Вполнѣ неприкосновенными, изъ всѣхъ этихъ принциповъ, остались въ наше время только два послѣднія основныя положенія. Раздѣленіе властей отмѣнено, для самой многочисленной категоріи судебныхъ дѣлъ, положеніемъ 12-го іюля 1889 г., возстановившимъ, въ тѣхъ же

границахъ, сословный характеръ суда и подчинившимъ администраціи не только земскихъ начальниковъ, но и городскихъ судей. Несмѣняемость судей ограничена закономъ 20-го мая 1885 г. Судъ присяжныхъ замѣненъ, для множества уголовныхъ дѣлъ, такъ-называемымъ судомъ сословныхъ представителей (законъ 7-го іюля 1889 г.). Гласность процесса значительно стѣснена закономъ 12-го февраля 1887 г. Само собою очевидно, что судъ *новѣйшій*, созданный вышеуказанными постановленіями, существенно отличается отъ суда *новаго*, созданнаго судебными уставами 1864 г. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ новѣйшій судъ не соединяетъ въ себѣ даже такихъ условій, которыя считались необходимыми гораздо раньше судебной реформы. Мы узнаемъ изъ книги г. Джаншіева, что еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ проектахъ графа Д. Н. Блудова—представлявшаго собою, въ тогдашнихъ высшихъ сферахъ, элементъ несомнѣнно консервативный,—имѣлось въ виду отдѣленіе власти судебной отъ административной и уничтоженіе сословныхъ судовъ. Обозрѣвая развитіе русскихъ судебныхъ учрежденій до 1860 г., гр. Блудовъ находилъ, что,«не взирая на случайныя уклоненія, иногда вынуждаемыя обстоятельствами времени, законодательство наше постоянно стремилось къ освобожденію судовъ отъ *всякаго* вмѣшательства властей административныхъ». Смѣшеніе властей—такъ разсуждалъ Государственный Совѣтъ въ 1862 г.—«было отчасти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крѣпостного состоянія» и должно быть устранено «вмѣстѣ съ уничтоженіемъ причины, оправдывавшей прежній порядокъ». Съ взглядами высшей власти вполнѣ совпадали, въ то далекое отъ насъ время, и мнѣнія консервативной печати; противниками новыхъ судебныхъ учрежденій являлись только реакціонеры «Вѣсти». Въ книгѣ г. Джаншіева можно найти массу любопытныхъ цитатъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей» 1866—68 г., представляющихъ собою краснорѣчивую и убѣдительную защиту независимаго, самостоятельнаго суда. «Независимость суда отъ администраціи,—писалъ тогда Катковъ,—есть самое существенное условіе новаго суда. Безъ полной независимости отъ администраціи наше новое судопроизводство было бы учрежденіемъ безъ всякой будущности, учрежденіемъ мертворожденнымъ. Всякое измѣненіе (судебныхъ уставовъ), направленное не къ худшему, а къ лучшему, можетъ клониться лишь къ тому, чтобы судебная власть

была не менѣе, а болѣе независимою. Не было ли бы грустно, если бы изъ начинающагося новаго дѣла была вынута душа его и оставлена шелуха, которая бы давала только сильнѣе чувствовать тщету начинанія? Лучшее пожеланіе русскаго патріота состоитъ въ томъ, чтобы изъ судебной реформы, изъ этого великаго зданія, не было вынимаемо камней, и чтобы измѣненія судебныхъ уставовъ допускались лишь въ случаѣ очевидной необходимости и притомъ согласовались съ *общимъ духомъ* новой системы». Преемники Каткова смотрятъ на дѣло, какъ извѣстно, совершенно иначе.

Но какимъ бы превращеніямъ ни подверглись общіе суды, призванные къ жизни судебными уставами 1864 г., они, во всякомъ случаѣ, существуютъ, и существованію ихъ ничто, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, не угрожаетъ. Не такова судьба мировыхъ судебныхъ установленій. Недалеко уже время, когда выборный мировой судъ сохранится, какъ рѣдкость, только въ столицахъ и немногихъ другихъ особенно многолюдныхъ городахъ. Въ ретроспективныхъ сужденіяхъ о мировомъ судѣ не слѣдуетъ, вообще, упускать изъ виду, что самые ревностные его друзья никогда не считали его безукоризненнымъ и совершеннымъ. Большимъ пробѣломъ въ его устройствѣ признавалось, напримѣръ, отсутствіе всякой связи между мировымъ судьею и волостными судами. И въ печати, и въ земскихъ собраніяхъ, и въ ученыхъ обществахъ, неоднократно проводилась мысль, что надъ волостными судами должна быть учреждена апелляціонная инстанція, функціи которой всего удобнѣе было бы предоставить мировому судьѣ (или одному, или при участіи нѣсколькихъ волостныхъ судей). Въ этомъ смыслѣ высказалось, напримѣръ, петербургское губернское земское собраніе, когда оно, въ январѣ 1882 г., подготовляло отвѣтъ на извѣстный запросъ министерства внутреннихъ дѣлъ о преобразованіи крестьянскихъ учрежденій.

Въ судебномъ процессѣ весьма важно — гораздо важнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда — все то, что способствуетъ успокоенію тяжущихся и подсудимыхъ, возбуждаетъ въ нихъ довѣріе къ суду, поселяетъ въ нихъ увѣренность въ его безпристрастіи, для всѣхъ одинаковомъ. Съ этой точки зрѣнія большое значеніе имѣлъ обычай, съ самаго начала, какъ бы по безмолвному соглашенію, установившійся въ мировомъ судѣ: обычай говорить всѣмъ *вы*, не различая

состояній и сословій. Онъ сразу показывалъ крестьянину или мѣщанину, что передъ судомъ и на судѣ всѣ равны, и что сторонѣ высшей, въ смыслѣ общественной іерархіи, не будетъ дано, въ силу этого одного, преимущества передъ другою. Весьма существенныя удобства однообразіе терминологіи представляло и для самого судьи. Область одного мѣстоименія не можетъ быть съ точностью отдѣлена отъ области другого: есть, такъ сказать, пограничные пункты, на которыхъ судья почти неизбѣжно долженъ колебаться между *вы* и *ты*, или сбиваться съ одного на другое. Какъ, напримѣръ, называть крестьянина-гласнаго, товарища и сосѣда по земскому собранію, много разъ засѣдавшаго рядомъ съ судьей въ земскихъ комиссіяхъ или на скамьѣ присяжныхъ? Какъ называть почтеннаго старика, всѣми уважаемаго въ околоткѣ, нѣсколько трехлѣтій сряду занимавшаго должность волостного старшины?.. Единообразное обращеніе на *вы* устраняетъ всѣ подобныя сомнѣнія—и если, въ первое время, оно могло удивлять самихъ крестьянъ, какъ необычная для нихъ форма рѣчи, то теперь къ нему уже давно всѣ привыкли. Намъ могутъ замѣтить, что гораздо болѣе подходящимъ къ русскимъ нравамъ было бы единообразное ко всѣмъ обращеніе на *ты*—то патріархальное *ты*, которымъ прежде не только помѣщикъ называлъ крестьянина, но и крестьянинъ—помѣщика. Мы ничего не имѣли бы и противъ такого обращенія, если бы оно было *обоюднымъ* и *всеобщимъ*. И то, и другое, однако, на самомъ дѣлѣ одинаково невозможно. Въ наше время менѣе чѣмъ когда-либо можетъ быть рѣчь о мѣстоименіи *ты* въ оффиціальномъ обращеніи крестьянина къ начальнику (кромѣ коллективныхъ благодарственныхъ адресовъ)—и столь же немыслимо это мѣстоименіе въ обращеніи должностного лица къ лицамъ высшихъ сословій. Единственнымъ средствомъ устранить различіе, сразу бросающееся въ глаза и отзывающееся болѣе или менѣе на всемъ тонѣ, а косвенно—и на характерѣ судебнаго разбирательства, было бы сохраненіе добраго обычая, выработаннаго въ первый періодъ дѣятельности новаго суда. Любопытно было бы знать, поэтому, какое мѣстоименіе преобладаетъ въ практикѣ земскихъ начальниковъ и городскихъ судей? Намъ случилось недавно, въ первый разъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, присутствовать при разборѣ дѣлъ однимъ изъ провинціальныхъ мировыхъ съѣздовъ, въ мѣстности, на которую вскорѣ будетъ распространено положеніе

12-го іюля 1889 г. Прежде предсѣдательствующіе на съѣздѣ всѣмъ безразлично говорили *вы*; теперь употребляются оба мѣстоименія, смотря по тому, кто стоитъ передъ судейскимъ столомъ. Не обусловливается ли это нововведеніе ожиданіемъ реформы?

XLVI [1]).

Размноженіе добровольцевъ.

Чаще чѣмъ когда-либо приходится, въ наше время, читать и слышать указанія на до-реформенную эпоху, какъ на утраченный рай—но утраченный не безвозвратно. Сходство между настоящимъ и давнопрошедшимъ несомнѣнно растетъ; воскресаетъ многое, считавшееся умершимъ и похороненнымъ—и мысль невольно останавливается на ретроспективныхъ сравненіяхъ. Кто помнитъ конецъ сороковыхъ или начало пятидесятыхъ годовъ, того не можетъ не поразить одна черта современной умственной жизни: это—появленіе, если можно такъ выразиться, *добровольцевъ* преслѣдованія и угнетенія. Въ крѣпостной Россіи безправіе, въ различныхъ видахъ и формахъ, было оффиціальнымъ фактомъ, имѣвшимъ своихъ оффиціальныхъ охранителей. Выгодное и удобное для небольшой группы, оно пользовалось, конечно, ея полнѣйшими симпатіями—но эта группа не считала нужнымъ открыто принимать на себя его защиту, потому что слишкомъ глубоко вѣрила въ его непоколебимость и неприкосновенность. Едва-ли, притомъ, такая защита была бы возможна; защита предполагаетъ нападеніе—а самая мысль о нападеніи признавалась тогда преступной. Въ свободѣ похвалы усматривался, какъ извѣстно, первый шагъ къ свободѣ порицанія. Рѣдкія попытки идеализировать, оправдать существующее не встрѣчали поддержки въ средѣ общества, смутно сознававшаго ихъ неловкость; припомнимъ, напримѣръ, судьбу «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ дру-

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1891 г., апрѣль, общественная хроника.

зьями». Гоненіе на раскольниковъ было въ полномъ разгарѣ, но участвовали въ немъ только должностныя лица (свѣтскія и духовныя), призванныя къ тому обязанностями службы. Иновѣрцы и иноплеменники, входившіе въ составъ Россіи, были — за немногими исключеніями — пасынками государства, но не общества. Въ Финляндіи, много десятилѣтій сряду, не созывался сеймъ — но, внѣ правительственныхъ сферъ, не было и рѣчи о томъ, что онъ *не долженъ* быть созываемъ. Не то мы видимъ въ настоящее время. Инициативу ограниченій и стѣсненій беретъ на себя, сплошь и рядомъ, значительная часть періодической печати. Она идетъ на этомъ пути гораздо дальше предпринятаго или задуманнаго правительствомъ. Нѣтъ такого теоретическаго вопроса, который не разрѣшался бы ею въ смыслѣ реакціи и обскурантизма; нѣтъ такого способа дѣйствій, который бы она находила несправедливымъ или жестокимъ, если только онъ направленъ противъ ненавистныхъ ей лицъ, племенъ, тенденцій, учрежденій. Въ какой степени сочувствуетъ всему этому та или другая часть нашего общества — трудно опредѣлить съ точностью; но какъ не можетъ быть дыма безъ огня, такъ невозможна и настойчивая, продолжительная проповѣдь взглядовъ, не имѣющихъ точки опоры въ слушателяхъ проповѣдника. Армія добровольцевъ, о которой мы упомянули, состоитъ, конечно, не изъ однихъ только писателей извѣстнаго лагеря—и именно потому появленіе ея составляетъ печальный, но знаменательный «признакъ времени».

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, по которымъ можно составить себѣ понятіе о характерѣ новаго «партизанства». Въ церковныхъ и административныхъ сферахъ юго-западнаго края возникаетъ мысль о необходимости болѣе энергичной борьбы съ штундизмомъ. Мысль эта тотчасъ же подхватывается газетами, подчеркивающими въ особенности свѣтскую, принудительную сторону проектируемыхъ мѣропріятій. Штундистовъ предполагается лишить одного изъ самыхъ существенныхъ гражданскихъ правъ — права свободнаго передвиженія, права пріисканья работы внѣ мѣста постояннаго жительства. Мы позволили себѣ замѣтить, что это значило бы уравнять штундистовъ съ скопцами, низвести ихъ на степень отверженцевъ общества. Намъ возражаютъ, что штундисты примѣшиваютъ къ своей пропагандѣ элементъ политическій и экономическій, «стараясь подорвать въ народѣ довѣріе къ правительству, измѣ-

нить вполнѣ его политическія вѣрованія». «Вотъ что придаетъ штундизму,—читаемъ мы дальше,—зловредный характеръ; вотъ почему въ борьбѣ со штундой нельзя останавливаться даже передъ нѣкоторымъ ограниченіемъ гражданскихъ правъ штундистовъ. Такое ограниченіе существуетъ по отношенію къ нѣкоторымъ сектамъ; оно существуетъ, напримѣръ, въ значительныхъ размѣрахъ по отношенію къ евреямъ». Доказаннымъ признается здѣсь, прежде всего, нѣчто весьма сомнительное и спорное. Штундизмъ—ученіе религіозное; какъ и всякое другое вѣрованіе, онъ совмѣстимъ съ самыми различными настроеніями и убѣжденіями. Тѣсная, причинная связь между штундизмомъ и опредѣленными политическими и экономическими взглядами—только гипотеза, и притомъ гипотеза мало вѣроятная, идущая въ разрѣзъ съ обычнымъ характеромъ религіозной пропаганды. Разсказамъ и толкамъ объ обнѣмеченіи штундистовъ можно противопоставить отнюдь не менѣе достовѣрныя сообщенія объ обрусѣніи нѣмцевъ, обращающихся въ штундизмъ изъ лютеранства или католицизма. Всякій ли штундистъ, въ добавокъ, непремѣнно занимается пропагандой? Неужели появленіе штундиста на фабрикѣ или въ мастерской непремѣнно влечетъ за собою опасность для православныхъ рабочихъ? Не преувеличивается ли, съ одной стороны, сила напора, съ другой — слабость сопротивленія? Достаточно ли однѣхъ неопредѣленныхъ догадокъ, чтобы подвергать тяжелымъ лишеніямъ многочисленную категорію безобидныхъ гражданъ? Намъ указываютъ на положеніе евреевъ; но развѣ однимъ ограниченіемъ можетъ быть оправдываемо другое? Евреи могутъ, притомъ, переходить изъ одного конца западнаго края въ другой: а далеко ли уйдетъ штундистъ съ волчьимъ паспортомъ, вездѣ закрывающимъ или до крайности затрудняющимъ для него доступъ къ работѣ?

Не довольствуясь общими разсужденіями, добровольцы репрессіи усердно собираютъ для нея фактическіе матеріалы. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько сообщеній, дѣлаемыхъ «ревнителемъ православія» (см. статью: «*Унимается ли* южно-русская штунда?» въ № 57 «Московскихъ Вѣдомостей»). Штундистъ села К—и, каневскаго уѣзда, Николай Т—цъ, распространяетъ въ народѣ слухъ о возможности для штундистовъ получить на Кавказѣ, на выгодныхъ условіяхъ, земельные участки. Подъ вліяніемъ этого слуха, въ штундизмъ обращаются, въ селѣ

Ч—кѣ (таращанскаго уѣзда), четыре семейства; самъ Т—цъ ускользаетъ изъ рукъ ищущей его полиціи, благодаря хитрости штундоваго пресвитера К—ка и потворству сельскаго начальства. Убѣжищемъ для Т—ца служитъ сосѣдняя деревня Пот—ка. Дальше выступаютъ на сцену мѣстечко Рус—а, въ которомъ пропагандистками штунды явились двѣ монашки изъ одного женскаго монастыря подольской губерніи, и Ѳ—ая пригородная кіевская пустынь, въ которой старался смутить послушниковъ нѣкій И—ко. «Теперь — прибавляетъ «ревнитель»—И—ко бродитъ по селамъ и, конечно, съ тою же проповѣдью ереси». Очевидно, что для знающихъ мѣстность всѣ эти заглавныя и послѣднія буквы — маска весьма прозрачная, отнюдь не мѣшающая понять, о комъ и о чемъ идетъ рѣчь, и принять соотвѣтствующія мѣры... Иногда, впрочемъ, сообщенія пишутся совершенно открыто, безъ всякой маски. Такова, напримѣръ, корреспонденція изъ зарайскаго уѣзда, напечатанная въ № 72 «Московскихъ Вѣдомостей». Корреспондентъ все и всѣхъ называетъ по имени. Онъ приводитъ сначала разговоръ свой съ извозчикомъ, повѣдавшимъ ему, что въ ихъ мѣстахъ завелись какіе-то *штундисты*, да еще какіе-то павловцы (пашковцы?), не чтущіе св. иконъ и мощей, усопшихъ не поминающіе и вообще не вѣрующіе ни во что православное. «Ихъ судили и окружнымъ судомъ, и то не взяло, опять отпустили, говорятъ, что слово такое знаютъ. Послѣ этого еще хуже стали смѣяться, да подговаривать насъ перейти къ нимъ. Насъ-то имъ сбить съ толку не придется, а молодежь того и гляди. Хоть бы Царь-батюшка ихъ куда-нибудь отъ насъ спровадилъ, ужъ больно-то они намъ надоѣли, потому, значитъ, что живутъ не по Божью, да и молодежь соблазняютъ». «По пріѣздѣ въ село Луховицы»,—продолжаетъ корреспондентъ, — «я провѣрилъ все слышанное мною отъ возницы. Оказалось, что въ Луховицахъ и окружающихъ селеніяхъ: Кунаковѣ, Сушковѣ, Подлѣсной слободѣ и во многихъ другихъ деревняхъ, живутъ сектанты, но трудно узнать, какіе именно: кто говоритъ—молокане, кто—штундисты, пашковцы, зиновьевцы. Молоканами называютъ потому, что эта ересь въ окрестностяхъ существуетъ издавна, а пашковцы и штундисты появились съ 1887-го года. Въ деревню Кунаково пріѣзжалъ нѣсколько разъ нѣкто дворянинъ орловской губерніи, болховскаго уѣзда (гдѣ у него имѣнье), дѣйствительный студентъ Московскаго университета Николай Павловъ Зиновьевъ. Дру-

той кто-то изъ таврической губерніи; узнать, кто именно, не пришлось. Вели они свои бесѣды въ разныхъ деревняхъ между молоканами, подъ тѣмъ видомъ, что они-де интересуются молоканскою сектой. Главные ревнители и послѣдователи ихъ ученія—крестьяне Лопухинъ и Ананьевъ, очень богатые люди. Вѣроученіе ихъ заключается приблизительно въ томъ, что̀ я привелъ выше изъ разсказа извозчика. Въ 1888-мъ году мѣстною полицейскою властью нѣсколько крестьянъ-штундистовъ были привлечены къ отвѣтственности и въ 1889-мъ году судились въ отдѣленіи рязанскаго окружного суда, въ городѣ Зарайскѣ, но, будто бы вслѣдствіе заключенія эксперта, священника Дмитревскаго, судомъ были оправданы... За послѣднее время—таково заключеніе корреспондента (г. Н. Востокова) — разныя секты стали повсемѣстно сильно развиваться, потому что *никто ихъ не преслѣдуетъ и вообще никто на нихъ не обращаетъ вниманія* (курсивъ въ подлинникѣ). Мнѣ, да и всѣмъ извѣстно, что во многихъ селахъ и деревняхъ зарайскаго и михайловскаго уѣздовъ существуютъ сектанты и немало завлекаютъ православныхъ въ свои сѣти».—Поводъ къ начатію слѣдствія имѣется, такимъ образомъ, на-лицо; указаны и обвиняемые, и обвинительные пункты. Готовы и свидѣтели обвиненія—самъ корреспондентъ и везшій его извозчикъ. Не вполнѣ только вяжется выводъ корреспондента съ приводимыми имъ фактами. Вѣдь нѣсколько штундистовъ были же привлечены къ суду въ городѣ Зарайскѣ; какъ же можно утверждать, что сектантовъ, въ этой мѣстности, *никто не преслѣдуетъ?* Не правильнѣе ли было бы сказать, что преслѣдованіе ни къ чему не приводитъ?.. Если бы господа «ревнители» были больше расположены вдумываться въ смыслъ своихъ сообщеній, не столь непомѣрной была бы, быть можетъ, одушевляющая ихъ ревность. Кіевскій гонитель штунды не придаетъ большой цѣны числу обращеній изъ штундизма въ православіе, потому что «благонадежность религіознаго состоянія обратившихся слишкомъ подозрительна; бѣсъ сомнѣнія не перестаетъ мутить и тѣхъ, которые искренно возвратились». Къ чему же хлопотать, въ такомъ случаѣ, о принудительныхъ мѣрахъ, могущихъ вызвать, очевидно, только возвращеніе неискреннее?.. Мы узнаемъ изъ статьи того же автора, что въ кіевской епархіи *нѣтъ на-лицо ни одного епархіальнаго миссіонера* (курсивъ въ подлинникѣ). Не исчерпаны, слѣдовательно—или, лучше сказать, почти не испытаны—мѣры

увѣщанія и вразумленія, и уже потому одному нѣтъ повода къ обостренію мѣръ полицейскихъ и судебныхъ.

Можно было бы думать, что люди, работающіе въ печати, не станутъ, по крайней мѣрѣ, посягать на свободу печатнаго слова, не станутъ призывать на него вниманіе и строгость администраціи. Оказывается, однако, что усердіе ихъ не отступаетъ и передъ этимъ способомъ дѣйствій. Когда походъ противъ «Rigasche Zeitung» привелъ къ желанной цѣли—т.-е. къ запрещенію газеты,—усилія «добровольцевъ» направились къ тому, чтобы не допускать возрожденія ея подъ другимъ именемъ. «Düna-Zeitung», выходившая подъ редакціей г. Пиппирса, переходитъ въ другія руки; рижскій корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» спѣшитъ повѣдать о томъ urbi et orbi, прибавляя, что этотъ переходъ—«дѣйствительная побѣда балтовъ» и что сотрудники нынѣшней «Düna-Zeitung»—тѣ же, что̀ были въ «Rigasche Zeitung», за исключеніемъ одного (Бухгольца), «не рѣшающагося возвратиться изъ бѣговъ». «Балты, — продолжаетъ корреспондентъ, — были увѣрены, что рано или поздно имъ снова разрѣшатъ издавать прекратившуюся «Rigasche Zeitung», и они не щадили усилій, чтобы такъ или иначе добиться этого разрѣшенія. Только когда выяснилось, что нѣтъ надежды на воскрешеніе «Rigasche Zeitung» и что при всей ловкости не удастся обойти Петербурга, балтамъ пришла геніальная мысль: они рѣшили, что убить «Düna-Zeitung» хорошо, а сдѣлать изъ нея прямую наслѣдницу «Rigasche Zeitung» — еще лучше. Съ этой минуты всѣ ихъ стремленія были направлены къ тому, чтобы забрать въ свои руки обреченную ими на смерть газету г. Пиппирса. Стремленія эти увѣнчались, какъ извѣстно, полнымъ успѣхомъ. Между новой «Düna-Zeitung» и прежнею «Rigasche Zeitung» нѣтъ никакой разницы въ направленіи. Даже внѣшній видъ новой «Düna-Zeitung» является, за исключеніемъ заглавія, точною копіей съ «Rigasche Zeitung», и балты не упускаютъ случая, чтобы похвалиться побѣдою, одержанною ихъ тонкимъ дипломатическимъ искусствомъ». Дальше идетъ разоблаченіе новаго плана, будто бы составленнаго «балтами»: основать въ Ригѣ русскую газету, которая издавалась бы въ духѣ балтійскаго «сепаратизма», и убить, этимъ самымъ, ненавистный сепаратистамъ «Рижскій Вѣстникъ». Объясняется подробно способъ исполненія этого плана, указывается и возможный редакторъ новаго изданія (г. Пет-

ровъ—«тотъ самый, который издавалъ скандальный *Прибалтійскій край* и помѣщалъ въ немъ брань на Россію»), и вѣроятное его содержаніе. «Что мы услышимъ» — восклицаетъ корреспондентъ,—«отъ русскаго органа сепаратистовъ, главная задача котораго будетъ состоять въ томъ пресловутомъ *примиреніи* между балтами и русскими, которое во всѣхъ отношеніяхъ сходно съ не менѣе знаменитымъ *примиреніемъ* между русскими и поляками, подъ которымъ всегда разумѣется одураченіе русскихъ посредствомъ поляковъ?» Не ясно ли, что между строками корреспонденціи вездѣ выступаютъ слова: caveant consules, и что она обращена, въ сущности, не столько къ читающей публикѣ, сколько къ подлежащей власти?.. Такой же смыслъ имѣетъ и корреспонденція изъ Гельсингфорса («Московскія Вѣдомости», № 62), сообщающая о запрещеніи куопіоской финской газеты «Savo» и о возрожденіи ея изъ пепла подъ заглавіемъ: «Uusi Savo».

Въ Варшавѣ разсматривается извѣстное дѣло объ убійствѣ польской актрисы Висновской. Нѣкоторые изъ числа свидѣтелей утверждаютъ, что польская публика охладѣла къ Висновской, какъ только она вступила въ связь съ русскимъ офицеромъ. «Московскія Вѣдомости» пользуются этимъ случаемъ, чтобы возбудить вопросъ, въ правѣ ли польскій театръ существовать на казенныя средства. «Вѣдь эти средства, — такова аргументація газеты,—тратятся на развитіе польской драматической и ютящейся около нея всякой иной польской литературы... А зачѣмъ намъ это развитіе? Какую пользу можетъ оно принести государственнымъ интересамъ, въ дѣлѣ, напримѣръ, распространенія знакомства съ Россіей, съ ея языкомъ и литературой? Если бы въ Варшавѣ на русскія деньги содержался русскій театръ, это было бы вполнѣ понятно. Этотъ театръ служилъ бы литературному общенію, знакомилъ бы наглядно польскій кругъ съ Россіей и русскими, служилъ бы мѣстомъ отдыха для тѣхъ русскихъ людей, которыхъ государственная необходимость шлетъ въ эту негостепріимную, враждебную русскому духу окраину. На такой театръ стоило бы тратить не десятки, а пожалуй и сотни тысячъ». Итакъ, все для русскихъ и ничего для поляковъ. Но развѣ поляки привислянскаго края—не русскіе подданные? Развѣ налоги, ими платимые, не входятъ въ составъ «казенныхъ средствъ», изъ которыхъ покрывается субсидія на содержаніе польскаго театра?

Неужели потребность многихъ десятковъ тысячъ коренныхъ обитателей Варшавы—ничто въ сравненіи съ «отдыхомъ» нѣсколькихъ сотъ пріѣзжихъ русскихъ?.. «Польская литература,—читаемъ мы дальше,—служитъ средствомъ поддержанія и развитія стремленій, направленныхъ къ «отбудованію ойчизны отъ моря до моря». Неужели подъ это опредѣленіе подходятъ и пьесы, представляемыя на варшавскомъ театрѣ, съ разрѣшенія драматической цензуры?.. Агитація противъ польскаго театра—это, очевидно, ягода того же поля, съ продуктами котораго мы рѣшили познакомить нашихъ читателей.

Менѣе всего, конечно, наши «добровольцы» церемонятся съ евреями. Вотъ какъ передаетъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ содержаніе разговора, происходившаго въ «кружкѣ» его единомышленниковъ. «Явился прежде всего, какъ это всегда бываетъ, когда загорается бесѣда о евреяхъ, вопросъ: куда дѣвать пять милліоновъ евреевъ? На этотъ вопросъ я позволилъ себѣ замѣтить, что, по-моему, только тогда явится надежда на правильную постановку еврейскаго вопроса, когда, прежде всего, устранится для русскаго правительства всякая забота о вопросѣ: куда дѣвать пять милліоновъ евреевъ? Вопросъ этотъ кажется мнѣ глубокою жизненною фальшею (sic), да и государственною фальшею, и пока онъ будетъ ставиться, еврейскому вопросу для блага Россіи не видать исхода. Россія, то-есть русская жизнь, и государственная, и народная, ставитъ совсѣмъ другой вопросъ: какъ избавить Россію отъ еврейзма? А разъ этотъ вопросъ есть главный для русскихъ интересовъ вопросъ, ясно, что онъ собою исключаетъ возможность ставить рядомъ вопросъ: куда дѣть пять милліоновъ евреевъ? Они дѣнутся куда хотятъ, куда могутъ. Это ихъ дѣло, а не дѣло русскаго правительства. Дѣло русскаго правительства—заботиться о ста милліонахъ русскихъ и объ избавленіи ихъ отъ еврейства». Дальше этого простота рѣшенія идти не можетъ. Судьба пяти милліоновъ русскихъ подданныхъ—не дѣло русскаго правительства! Судьба пяти милліоновъ людей—вопросъ, о которомъ не стоитъ даже и думать!.. Само собою разумѣется, что на полномъ осуществленіи этой формулы не настаиваетъ даже ея авторъ; она нужна ему только какъ исходная точка для выводовъ, о характерѣ которыхъ нетрудно догадаться. «Нужны мѣры (а не полумѣры). Что это за процентъ, напримѣръ, для исчисленія евреевъ-гласныхъ въ городѣ? Никакого еврея не

слѣдовало бы допускать въ гласные. Что это за процентъ для евреевъ присяжныхъ засѣдателей? Ни одинъ еврей не долженъ быть допущенъ въ судьи въ христіанскомъ судѣ. Что это за процентъ для евреевъ присяжныхъ повѣренныхъ? Нуженъ прямой законъ: ни одинъ еврей-адвокатъ не можетъ производить дѣла христіанина». Однимъ словомъ, противъ евреевъ нужно дѣйствовать по-суворовски: *быстрота*, *глазомѣръ*, *натискъ*... Другой добровольцъ прибѣгаетъ къ средствамъ болѣе тонкимъ: онъ перепечатываетъ, одинъ подлѣ другого, два «чрезвычайно интересныхъ» документа: указъ императрицы Екатерины I, отъ 26-го апрѣля 1727 г., о высылкѣ жидовъ изъ Россіи, и письмо Ѳ. М. Достоевскаго отъ 28-го февраля 1878 г., «трактующее о заполненіи русской литературы евреями и объ отношеніи ея къ евреямъ» («Новое Время», № 5406). Въ екатерининскомъ указѣ по сердцу газеты пришлись въ особенности слова: «и впредь ихъ (жидовъ) ни подъ какими образы въ Россію не впускать». «Какой ироніей звучатъ теперь эти слова!» восклицаетъ хроникеръ. «Съ тѣхъ поръ жиды наводнили Россію и *подъ образы*, и безъ образовъ, и учинили въ ней великое безобразіе». Слѣдовало бы прибавить, что это наводненіе произошло по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ евреевъ; главная ихъ масса поступила въ подданство Россіи вмѣстѣ съ провинціями, отторгнутыми отъ Польши. При Екатеринѣ I число евреевъ въ Россіи было сравнительно ничтожно. Если рѣшительная мѣра даже тогда оказалась неисполнимой, то къ чему же напоминать о ней теперь, когда евреевъ числится въ Россіи пять милліоновъ?.. Что касается до письма Ѳ. М. Достоевскаго, то оно, прежде всего, перестало соотвѣтствовать условіямъ времени. Достоевскій говоритъ о «жидѣ торжествующемъ и гнетущемъ русскаго». Вѣрна ли была такая картина тринадцать лѣтъ тому назадъ — это вопросъ по меньшей мѣрѣ спорный; но о вѣрности ея въ настоящемъ не можетъ быть и рѣчи. Все остальное въ письмѣ Достоевскаго отзывается чѣмъ-то давно извѣстнымъ — можетъ быть потому, что въ послѣднее время такъ часто приходилось и приходится слышать варіаціи на ту же тему. «Есть много старыхъ, уже сѣдыхъ либераловъ, никогда не любившихъ Россію, даже ненавидящихъ ее за ея *варварство*, и убѣжденныхъ въ душѣ, что они любятъ и Россію, и народъ. Все это люди отвлеченные, изъ тѣхъ, у которыхъ все образованіе и европейничанье состоитъ въ томъ, чтобъ

«ужасно любить человѣчество», но *лишь вообще*. Если же человѣчество воплотится въ *человѣка*, въ *лицо*, то они не могутъ даже стерпѣть это лицо, стоять подлѣ него не могутъ изъ отвращенія къ нему. Отчасти такъ же у нихъ и съ націями: человѣчество любятъ, но если оно заявляетъ себя въ потребностяхъ, въ нуждахъ и мольбахъ націи, то считаютъ это предразсудкомъ, отсталостью, шовинизмомъ... И замѣтьте: жидъ у нихъ не нація, защищаютъ они его потому только, что въ другихъ къ жиду подозрѣваютъ національное отвращеніе и ненависть. Слѣдовательно, карають другихъ, какъ націю». Во всемъ этомъ есть небольшая доля истины. Защищая евреевъ, «либералы»—старые и молодые, сѣдые и не-сѣдые — сплошь и рядомъ не имѣютъ въ виду ничего другого, кромѣ противодѣйствія «національной ненависти». Не будь этой ненависти («національной», впрочемъ только по имени, а не на самомъ дѣлѣ, т.-е. свойственной лишь отдѣльнымъ лицамъ, а отнюдь не цѣлому народу)—не было бы и надобности въ защитѣ. «Карой для націи» такая защита не можетъ быть уже потому, что ненависть, навязываемая націи или говорящая оть ея имени, унижаетъ ея достоинство, нимало не служа ея дѣйствительнымъ интересамъ. «Потребности и нужды», подъ предлогомъ которыхъ требуется угнетеніе другого племени, не заслуживаютъ названія «національныхъ». Когда въ «мольбахъ націи» заявляетъ себя «человѣчество», онѣ проникнуты не ненавистью, а любовью.

Мы видѣли, до сихъ поръ, образцы «добровольческаго» усердія, направленнаго противъ сектантовъ, противъ «сепаратистовъ», противъ иноплеменниковъ и иновѣрцевъ. Въ крайнемъ напряженіи своемъ оно идетъ еще дальше — и направляется противъ всего народа, противъ *своего*, русскаго народа. Съ трудомъ вѣришь собственнымъ глазамъ, когда читаешь выходки въ родѣ слѣдующихъ (мы сохраняемъ вездѣ курсивъ подлинника): «чтобы русскому народу дѣйствительно пребыть надолго тѣмъ народомъ-богоносцемъ, отъ котораго ждалъ такъ много нашъ пламенный народолюбецъ, Достоевскій, — онъ долженъ быть *ограниченъ*, *привинченъ*, *отечески* и *совѣстливо стѣсненъ*. Не надо лишать его тѣхъ *внѣшнихъ ограниченій* и *узъ*, которыя такъ долго утверждали и воспитывали въ немъ *смиреніе* и *покорность*. Эти качества составляли его душевную красу и дѣлали его истинно великимъ и примѣрнымъ народомъ. Чтобы

продолжать быть съ этой стороны *примѣролиъ*, онъ долженъ быть съизнова и мудро *стѣсненъ* въ своей свободѣ; *удержанъ* свыше на скользкомъ пути эгалитарнаго своеволія. При меньшей свободѣ, при меньшихъ порывахъ къ равенству правъ будетъ больше *серьезности*, а при большей *серьезности* будетъ *гораздо* больше и того истиннаго *достоинства въ смиреніи*, которое его такъ краситъ» («Записки отшельника», К. Леонтьева, въ № 67 «Гражданина»). Опровергать или комментировать подобныя выходки мы, конечно, не станемъ; достаточно замѣтить, что даже газета, во многомъ родственная «Гражданину», усмотрѣла въ нихъ прямой призывъ къ возстановленію крѣпостного права.

XLVII [1]).

Гніеніе Запада.

«Западъ гніетъ, Западъ разлагается»! Такова была, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, одна изъ любимыхъ формулъ только-что зарождавшагося славянофильства. Теперь славянофильство, какъ организованное цѣлое, болѣе не существуетъ. Его основатели давно сошли со сцены; исчезли и непосредственные ихъ преемники, поддерживавшіе, такъ или иначе, первоначальныя традиціи школы; остались только кое-какіе обрывки нѣкогда стройнаго ученія, повторяемые другими людьми, въ другомъ тонѣ и съ другою цѣлью. Уцѣлѣла, въ этомъ смыслѣ, и формула, приведенная нами выше. По-прежнему чувствуется въ ней высокомѣрное отношеніе къ «чужимъ» и «чужому», по-прежнему слышится благодарность судьбѣ, сдѣлавшей насъ иными—лучшими, болѣе сильными и свѣжими, чѣмъ наши «ближніе». Разница состоитъ въ томъ, что теперь въ Европѣ не оказывается уже рѣшительно ничего живого и заслуживающаго жизни. «Почему же непремѣнно думать»,—восклицаетъ одинъ изъ эпигоновъ славянофильства, считающій себя призваннымъ пополнить его пробѣлы и исправить его ошибки,—«почему же непремѣнно думать, что гніеніе Запада выражается только безбожіемъ и раціонализмомъ, а безсословность и равенство гражданскихъ правъ есть безусловное благо? Гніеніе это выражается и тѣмъ, и другимъ: безвѣріемъ и безбожіемъ—въ области философской; безсословнымъ строемъ и спутанностью соціальныхъ типовъ—въ дѣлѣ государственномъ». На Западѣ, однимъ словомъ, гніетъ

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1891 г., іюнь и іюль, общественная хроника.

все, все безъ исключенія, и Востоку остается только радоваться своей неприкосновенности къ этому гніенію, принимая, вмѣстѣ съ тѣмъ, надлежащія мѣры противъ распространенія опасной заразы. На ту же самую тему пишутся цѣлыя брошюры, претендующія на серьезность и научность. У торжествующихъ и ликующихъ враговъ гніющаго Запада есть не только свои публицисты, критики и беллетристы, но и свои «философы». Одинъ изъ нихъ, г. Астафьевъ, спѣшитъ подвести «итоги вѣка», которому остается прожить еще цѣлыхъ десять лѣтъ. «Она не родила, но по разсчету, по-моему, должна родить»,—говоритъ Фамусовъ про докторшу, звавшую его въ крестные отцы; такимъ же «разсчетомъ» руководствуется и г. Астафьевъ, заранѣе, хотя и безъ зова, произнося надгробное слово девятнадцатому столѣтію.

Вѣра въ едино-спасающее учрежденіе—по мнѣнію г. Астафьева—приводитъ къ парламентаризму, а парламентаризмъ приводитъ къ приниженію личности. Здѣсь есть, прежде всего, логическій скачекъ. «Едино-спасающимъ учрежденіемъ» одни считаютъ одно, другіе — другое; объектомъ «вѣры» можетъ служить всякая форма правленія, и въ этомъ смыслѣ къ сонму «вѣрующихъ» долженъ быть причисленъ самъ г. Астафьевъ. Такъ ли распространенъ, притомъ, парламентализмъ въ политической жизни XIX-го вѣка? Вѣдь если не смѣшивать его съ конституціоннымъ, представительнымъ образомъ правленія — чего, повидимому, не дѣлаетъ и г. Астафьевъ,—то побѣдоноснымъ, господствующимъ онъ является только въ двухъ западно-европейскихъ государствахъ: Англіи и Франціи. Въ Англіи, притомъ, онъ созданъ не XIX-мъ вѣкомъ и ужъ, конечно, не «вѣрой въ учрежденія»; во Франціи со времени его торжества не прошло еще и четверти вѣка. Въ Германіи, въ Австріи, въ Италіи, въ Испаніи о парламентаризмѣ не можетъ быть и рѣчи. Тезисъ г. Астафьева не выдерживаетъ, такимъ образомъ, самаго легкаго прикосновенія, самой элементарной пробы. Заключается ли въ самомъ существѣ парламентаризма нѣчто неизбѣжно ведущее къ «приниженію личности» — это вопросъ, котораго мы здѣсь обсуждать не станемъ; намъ достаточно показать, что въ странахъ наиболѣе парламентарныхъ значеніе личности не понесло никакого ущерба. Чему, какъ не парламентаризму, обязана Англія вереницей великихъ государственныхъ людей, идущей съ XVII-го вѣка вплоть до нашего времени? Оказывались ли «неумѣст-

ными» и «вредными», въ парламентарномъ строѣ, такіе люди, какъ Каннингъ, Робертъ Пиль, Кобденъ, лордъ Джонъ Россель? Принадлежитъ ли Гладстонъ къ числу «безъидейныхъ и безстрастныхъ оппортунистовъ»? Кто изъ наличныхъ, гдѣ бы то ни было, политическихъ дѣятелей можетъ быть поставленъ выше его по числу и важности услугъ, оказанныхъ государству и народу? Во Франціи никто не занялъ мѣста Гамбетты — но потому ли, что существующій порядокъ не даетъ хода первостепеннымъ дарованіямъ, или потому, что ихъ въ настоящую минуту нѣтъ на-лицо? Кто эти выдающіеся политическіе дѣятели, которыхъ держитъ вдали отъ дѣлъ завистливая и близорукая всеобщая подача голосовъ? Ихъ нѣтъ, потому что нельзя же считать политическими дѣятелями Ренана или Тэна, вовсе не созданныхъ для борьбы, для активнаго участія въ государственномъ управленіи. Когда явятся крупныя силы, онѣ будутъ выдвинуты впередъ, какъ былъ до самой смерти выдвигаемъ Тьеръ или Гамбетта. Всегда ли, притомъ, условія противоположнаго свойства способствовали и способствуютъ успѣху наиболѣе достойныхъ? Пользовался ли Людовикъ XIV, въ вопросахъ внутренней политики, совѣтами Вобана? Долго ли оставались министрами, при Людовикѣ XVI, Тюрго и Мальзербъ? Много ли успѣли сдѣлать для Пруссіи, при Фридрихѣ-Вильгельмѣ III, Штейнъ и Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ? Есть ли, наконецъ, какая-нибудь существенная разница между Фрейсине, Ферри, Гобле, Констаномъ — и заурядными министрами всѣхъ временъ и всѣхъ порядковъ?

Мы только-что сказали, что въ современной Франціи нѣтъ людей, способныхъ занять мѣсто Гамбетты; нѣтъ, пожалуй, и въ Англіи второго Гладстона или хотя бы второго Дизраели Не служитъ ли это подтвержденіемъ теоріи г. Астафьева? Очевидно — нѣтъ. Великіе люди не рождаются ежедневно; вездѣ, всегда и во всемъ промежутки между ними наполняются посредственностями или такъ называемыми utilités. Во Франціи XVII-го вѣка не оказалось достойныхъ преёмниковъ не только для Кольбера, но даже для Лувуа; въ Пруссіи тридцатыхъ годовъ не оказалось достойныхъ преемниковъ не только для Гарденберга, но даже для Мотца и Маассена [1]). То же самое

[1]) Мотцъ и Маассенъ — прусскіе министры финансовъ, мало извѣстные за предѣлами Пруссіи, но сослужившіе ей весьма полезную службу.

слѣдуетъ сказать и объ искусствѣ. «Великановъ», въ этой области, современная Западная Европа дѣйствительно не представляетъ — но развѣ они до сихъ поръ всегда и вездѣ были на-лицо? Развѣ весь XVIII-ый вѣкъ, до самаго появленія Андрé Шенье, не былъ временемъ затменія поэзіи во Франціи, подвластной старому порядку—и развѣ французская поэзія не возсіяла новымъ свѣтомъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, одновременно съ зарей парламентаризма? Если даже считать послѣднимъ великимъ нѣмецкимъ поэтомъ не Гёте, а Гейне (на что̀ едва-ли согласится г. Астафьевъ), то все-таки нѣмецкая поэзія окажется изсякшей еще тогда, когда въ сѣверо-германскихъ государствахъ сохранились всецѣло старыя учрежденія, а въ южно-германскихъ конституціи существовали больше на бумагѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Въ бисмарковской Пруссіи, конечно, не было ничего похожаго на парламентаризмъ—но не было и ничего похожаго на поэзію. А Россія, которую самъ г. Астафьевъ постоянно противополагаетъ Западной Европѣ? Если у насъ теперь, по его словамъ, «Надсонъ является въ роли Байрона, а Глѣбъ Успенскій—въ роли Гоголя» (въ какой степени это справедливо, предоставляемъ судить читателямъ), если на смѣну уходящихъ людей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ не является другихъ, имъ равныхъ, то не ясно ли, что не въ парламентаризмѣ слѣдуетъ искать причину упадка западно-европейскаго искусства? Или, быть можетъ, вліяніе заразы распространяется далеко за предѣлы главныхъ очаговъ ея? Быть можетъ, довольно небольшого меньшинства, платонически сочувствующаго парламентаризму, чтобы заглохло поэтическое и всякое иное творчество въ цѣломъ народѣ? Русское общество, въ своихъ интеллигентныхъ слояхъ, позаимствовало, по словамъ г. Астафьева, «нѣкоторые отравленные плоды растлившей Западъ школы политической жизни»; но между «позаимствованіемъ» и самостоятельнымъ производствомъ—разница слишкомъ большая, и если въ какой-нибудь области русской жизни повторяется явленіе, наблюдаемое на западѣ Европы, то общую ихъ причину, конечно, слѣдуетъ искать въ чемъ-либо независящемъ отъ политическихъ учрежденій.

Парламентарный строй, какъ и всякій другой, имѣетъ, безспорно, свои недостатки, обнаруживающіеся тѣмъ яснѣе, чѣмъ меньше онъ смѣшанъ съ другими элементами. По мнѣнію г.

Астафьева, отношеніе къ этимъ недостаткамъ можетъ быть только двоякое: можно или осуждать изъ-за нихъ, безусловно и всецѣло, самыя основы парламентаризма и стремиться къ замѣнѣ его чѣмъ-то прямо противоположнымъ—или же отрицать, игнорировать самые недостатки, возводя ихъ въ перлъ созданія. Неужели нѣтъ средины между этими крайностями? Неужели нужно быть или врагомъ «правового порядка», или слѣпымъ и тупымъ его приверженцемъ? Самое поверхностное знакомство съ западно-европейской жизнью и литературой убѣждаетъ въ томъ, что роковая дилемма существуетъ только въ воображеніи г. Астафьева. Давно уже извѣстно, что свобода сама исцѣляетъ раны, которыя наноситъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о парламентаризмѣ. Лишь только стали замѣтны его слабыя стороны, появилась и забота о томъ, какъ отъ нихъ освободиться—и если цѣль еще не достигнута, то это не значитъ, что она недостижима. Нужно ли прибавлять, что самые недостатки парламентаризма и не такъ страшны, и не такъ исключительно свойственны ему одному, какъ увѣряетъ г. Астафьевъ? «Продажность», напримѣръ, въ современной Франціи распространена едва-ли больше, чѣмъ при Наполеонѣ III. О современной французской юстиціи никто не станетъ отзываться такъ, какъ говорилъ Распинъ (въ своихъ «Plaideurs») о судьяхъ временъ «великаго короля», или Бомарше—о судьяхъ временъ Людовика XV-го. Англійской администраціи, англійскому суду понятіе о «взяткѣ» остается чуждымъ, несмотря на торжество парламентаризма.

Вопросъ о *ученіи Запада* имѣетъ для современнаго русскаго общества не одно только отвлеченное, теоретическое значеніе; онъ затрогиваетъ наши насущные, жизненные интересы. «Западничество» сороковыхъ годовъ, какъ и славянофильство, болѣе не существуетъ; но *отношеніе къ Западу* остается во многомъ пробнымъ камнемъ для оцѣнки стремленій и взглядовъ, личныхъ и коллективныхъ. Въ доказательствахъ этому нѣтъ недостатка, потому что никогда еще наши анти-западники или псевдо-славянофилы не были такъ прямолинейны и откровенны, какъ въ настоящую минуту.

Въ одномъ изъ безчисленныхъ споровъ, вызванныхъ обострившимся, въ послѣднее время, еврейскимъ вопросомъ, за-

щитникъ еврейства, обвиняемаго въ отсутствіи «идеализма», указалъ на нѣсколько фактовъ изъ исторіи христіанской Европы, свидѣтельствующихъ о томъ, что и здѣсь идеализмъ далеко не всегда обрѣтался въ авантажѣ. Къ числу такихъ фактовъ было отнесено, между прочимъ, потопленіе Иваномъ Грознымъ въ Волховѣ тридцати-пяти тысячъ новгородцевъ. «Въ жестокомъ истребленіи новгородцевъ»—отвѣчаетъ на это одинъ изъ нашихъ новомодныхъ націоналистовъ (все тотъ же г. Астафьевъ),—«человѣку, понимающему исторію, нельзя видѣть одно звѣрство и не видѣть дурно или хорошо понятой (это здѣсь не важно) идеи государственной необходимости. Если бы національно-государственная, не растлѣнная политиканствующею буржуазіей Москва не сломила въ то время вольный ганзейскій городъ Новгородъ, этотъ почти единственный въ русской исторіи крупный питомникъ могущественной и гордой буржуазіи, то едва-ли существовала бы и нынѣшняя государственная Россія; а если бы она и существовала, то была бы, конечно, нынѣ такимъ же достояніемъ буржуазіи, такимъ же правительствомъ соціальныхъ партій, конституціоннымъ и не-народнымъ, какъ и современныя государства Запада. Во всякомъ случаѣ, въ звѣрскомъ, по формѣ (а не по содержанію?), поступкѣ Грознаго было больше *идеи*, чѣмъ въ безпощадной, неумолимой и неутомимой, ежемгновенной и вѣковой экономической эксплоатаціи труда и богатства многихъ народовъ единственно во имя своего благополучія на чужой счетъ». Когда Иванъ Грозный топилъ новгородцевъ, «вольный городъ» Новгородъ давно уже не существовалъ; его политической роли былъ положенъ конецъ почти за сто лѣтъ передъ тѣмъ, при Иванѣ III. Не было, слѣдовательно, никакой надобности разрушать «питомникъ могущественной и гордой буржуазіи». Не эта натяжка, однако, поражаетъ насъ всего больше въ разсужденіи г. Астафьева. Знаменательно *идолопоклонство*, съ которымъ онъ относится къ идеѣ «національной государственности». Что она для него, говоря словами В. С. Соловьева, именно *идолъ*, а не *идеалъ* — это видно изъ свойства жертвоприношеній, которыя онъ кладетъ на ея алтарь. Во имя идеала не можетъ быть пролита кровь тридцати-пяти тысячъ невинныхъ жертвъ; во имя идеала не можетъ быть ни оправдано, ни даже извинено подобное кровопролитіе. Перенося свое идолопоклонство въ прошедшее, г. Астафьевъ мирится съ человѣческими гекатомбами, какъ съ удобреніемъ,

способствовавшимъ всходу его любимаго растенія и заглушившимъ (будто бы) ненавистные ему плевелы; примѣняя то же самое идолопоклонство къ настоящему, онъ логически долженъ одобрить всѣ современные суррогаты истребленія, лишь бы только они служили ad majorem gloriam «національнзма» и «государственности». Неужели г. Астафьевъ не видитъ, что оружіе, которымъ онъ такъ легкомысленно потрясаетъ воздухъ — мечъ обоюдоострый? Неужели онъ забылъ, что идея государственной необходимости иногда именовалась raison d'état, иногда — salut public, и что ею можно объяснить не только потопленія въ Волховѣ, но и потопленія въ Луарѣ, по приказу комиссара Національнаго Конвента? Неужели одного проблеска этой идеи, хотя бы и *дурно понятой* (припомнимъ слова г. Астафьева: «дурно или хорошо понятая—*это здѣсь не важно*»), достаточно для смягченія историческаго приговора, для установленія, въ водоворотѣ современной жизни, различія между добромъ и зломъ, между правдою и неправдою? Отыскивать *идею* въ новгородскихъ массовыхъ убійствахъ— это все равно, что придавать глубокій смыслъ избіеніямъ плѣнныхъ, сопровождавшимъ походы древнихъ ассиріянъ и египтянъ, или празднествамъ, которыя задаетъ себѣ, послѣ удачной охоты, африканскій левъ или индійскій тигръ... Рядъ умозаключеній, съ помощью которыхъ г. Астафьевъ открылъ въ «звѣрскомъ поступкѣ» присутствіе «идеи», былъ, очевидно, таковъ: мы, русскіе, должны ежедневно благодарить Провидѣніе за то, что живемъ въ другихъ условіяхъ, чѣмъ наши западные сосѣди; наша судьба могла бы быть совершенно иная, болѣе похожая на судьбу Запада, если бы, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, не были вырваны съ корнемъ зачатки другого государственнаго и общественнаго устройства; составною частью этой болѣзненной, но спасительной операціи было потопленіе тридцати-пяти тысячъ новгородцевъ; ergo — не слѣдуетъ слишкомъ строго относиться къ факту, скрашенному и приподнятому великой идеей... Что сказать объ исходной точкѣ, приводящей къ подобнымъ выводамъ?

Нерасположеніемъ къ Западу и убѣжденіемъ въ «отсутствіи тождества между жизненными путями Россіи и Западной Европы» проникнутъ и другой писатель нео-славянофильской школы— г. Ярошъ. Въ длинномъ рядѣ статей, помѣщенныхъ имъ недавно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (подъ общимъ заглавіемъ: «Среди самообличеній»), мы находимъ слѣдующую инте-

ресную тираду, вызванную еврейскимъ вопросомъ. «Евреи хватаются съ жадностью за общія формулы: значеніе человѣка какъ такового,—равноправность,—свобода подъ защитой права, и т. д. Все это — почтенные принципы, но они требуютъ правильнаго пониманія и примѣненія къ жизни. Конечно, признаніе самостоятельнаго достоинства человѣческой личности, внѣ всякихъ внѣшнихъ ея оболочекъ происхожденія, званія и состоянія, составляетъ благородное начало, выработанное долгимъ трудомъ и освященное христіанскимъ ученіемъ. Но это начало—не законъ природы, а идеальное представленіе. Когда мы говоримъ: нѣсть ни эллина, ни іудея, ни варвара, ни скиѳа, ни раба, ни свободнаго,—то мы подразумѣваемъ не вообще человѣка, какъ существо на двухъ ногахъ, а имѣемъ въ умѣ нѣкоторый моральный образъ человѣка, съ извѣстными аттрибутами и свойствами. Званіемъ человѣка нельзя пользоваться какъ естественнымъ фактомъ или даромъ природы; его нужно заслужить. Разумѣется, всякій человѣкъ есть человѣкъ, но онъ можетъ быть и сквернымъ человѣкомъ—и тогда онъ не подойдетъ подъ названную формулу и подъ вытекающія изъ нея послѣдствія. Если кто-нибудь обратится къ своимъ ближнимъ съ настойчивымъ требованіемъ: я человѣкъ, а потому вы должны меня уважать, то ближніе въ полномъ правѣ ему отвѣтить: не спѣши со своими требованіями, докажи прежде, что ты дѣйствительно человѣкъ, что сердце твое—дѣйствительно человѣческое сердце, а не сердце какой-нибудь коварной пантеры или кровожаднаго тигра». Такъ вотъ во что̀ обращаются, подъ руками современныхъ толковниковъ, старые тексты и новыя формулы! Къ великой мысли, устраняющей племенныя и сословныя перегородки, прибавляется оговорка, совершенно искажающая ея значеніе. Признавать человѣкомъ лишь того, кто соотвѣтствуетъ нашему личному представленію о человѣкѣ, кто обладаетъ нами установленною суммою «свойствъ и аттрибутовъ», значитъ замѣнять право—произволомъ, ясное, неизмѣнное начало—колеблющимися и неопредѣленными требованіями, расширяемыми или съуживаемыми смотря по надобности. Кто хочетъ повѣсить свою собаку,—гласитъ англійская поговорка,—тотъ сначала называетъ ее дурнымъ именемъ. Нѣчто подобное предлагаетъ г. Ярошъ. Чтобы признать человѣка—или цѣлую категорію людей—не заслуживающими пользованія человѣческими правами, стоитъ только объявить, что онъ или они

не соотвѣтствуютъ «нѣкоторому моральному образу», «имѣющемуся въ умѣ» объявителей или составленному ad hoc, примѣнительно къ обстоятельствамъ. Званіе человѣка—говоритъ г. Ярошъ—«нужно заслужить»; но такъ какъ судьями заслугъ являются другіе люди, и самое понятіе о заслугѣ не поддается точному опредѣленію, то никто не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что за нимъ будетъ признано желанное званіе. Чувствуя, по всей вѣроятности, безнадежную несостоятельность подобныхъ положеній, г. Ярошъ дѣлаетъ скачокъ въ сторону и подставляетъ на мѣсто одного понятія другое, далеко не тожественное; начавъ съ вопроса о признаніи человѣческихъ правъ, онъ говоритъ, въ концѣ тирады, уже о признаніи личнаго права на *уваженіе*. Безспорно, уваженіе, *насколько оно обусловливается личными качествами и дѣйствіями человѣка*, не можетъ быть, такъ сказать, отпускаемо въ кредитъ; его нужно сначала заслужить—и тогда оно явится само собою, безъ всякаго требованія. Но вѣдь рѣчь идетъ вовсе не объ этомъ уваженіи, а только о томъ *общемъ уваженіи къ личности*, которое составляетъ отличительный признакъ цивилизованнаго общества. Положимъ, что я вовсе не знаю данное лицо или знаю его съ самой невыгодной стороны; уважать его лично я не въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не могу—но я обязанъ признавать въ немъ человѣка, щадить его человѣческую личность. Это—обязанность, общая для всѣхъ и каждаго, не исключая и государства. На уваженіе *въ этомъ смыслѣ* имѣетъ право и преступникъ, и нравственно погибшій человѣкъ. Скажемъ болѣе: въ жизни, какъ и на судѣ, *предположеніе* всегда должно быть *въ пользу* человѣка; все дурное должно быть *доказано*, а не допускаемо заранѣе. Нельзя говорить человѣку, какъ предлагаетъ г. Ярошъ: «докажи, что ты дѣйствительно человѣкъ, что у тебя сердце человѣка, а не тигра или пантеры». Наоборотъ, человѣкъ имѣетъ право сказать: «докажите, что я не человѣкъ, а звѣрь; пока это не доказано, признавайте во мнѣ человѣка». Справедливое по отношенію къ отдѣльному лицу остается, безъ сомнѣнія, справедливымъ и по отношенію къ совокупности людей, каково бы ни было ихъ происхожденіе, вѣроисповѣданіе, общественное положеніе. Сколько бы ни старался г. Ярошъ, ему не удастся доказать, что еврей, только потому, что онъ еврей, можетъ быть признанъ человѣкомъ лишь

по предварительномъ изслѣдованіи и одобреніи его «свойствъ и аттрибутовъ».

Еще болѣе цѣннымъ матеріаломъ для характеристики нашихъ анти-западниковъ могутъ служить «Записки отшельника», печатаемыя въ «Гражданинѣ» г. К. Леонтьевымъ – авторомъ великолѣпной формулы: *русскій народъ долженъ быть ограниченъ, привинченъ, сызнова и мудро стѣсненъ въ своей свободѣ.* Россія,—говоритъ онъ,—«возростала одновременно и въ тѣсной связи съ возростаніемъ неравенства въ русскомъ обществѣ, *съ утвержденіемъ крѣпостного права* и съ развитіемъ наслѣдственнаго чиновничества. Татары не остались у насъ, *къ сожалѣнію* (!), не крестились—и пришлось обходиться домашними естественными средствами, придумывать суррогаты завоеванію, для подчиненія всей этой простодушной, но безпутной и нерѣдко буйной меньшей братіи нашей. И это вошло уже въ кровь нашу: *прошедшее неизгладимо, и прерывать вполнѣ съ его преданіями было бы опасно и ошибочно* (курсивъ въ подлинникѣ). Вѣдь вся исторія Европы въ XIX вѣкѣ есть не что иное, какъ исторія разочарованія въ раціоналистическихъ и эгалитарныхъ идеалахъ XVIII вѣка. Слава Богу, что мы стараемся теперь затормозить хоть немного свою исторію, *въ надеждѣ на то, что можно будетъ позднѣе свернуть на вовсе иной путь.* И пусть тогда бушующій и гремящій поѣздъ Запада промчится мимо насъ къ неизбѣжной безднѣ соціальной анархіи». Идеалъ (т.-е. идолъ) автора—позади, въ давно прошедшемъ, въ «рѣзкомъ разграниченіи сословій», въ сохраненіи за каждымъ изъ нихъ его историческихъ «навыковъ», въ осуществленіи народной поговорки: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ [1]). Поворотъ, уже совершившійся, его не удовлетворяетъ; нужно «свернуть на вовсе иной путь», свободный, по возможности, отъ всякаго сходства съ путями гніющаго и мчащагося въ пропасть Запада [2]). Что это значитъ? Циклъ контръ-реформъ, имѣю-

[1]) Той же поговоркой вдохновляется и одинъ изъ «знакомыхъ незнакомцевъ»—безъименныхъ корреспондентовъ «Гражданина», рисующій такую схему нашего будущаго: «крестьянинъ—паши землю, купецъ—торгуй, воинъ—защищай Россію, духовное сословіе—служи Богу и его церкви, а гг. дворяне—пусть всюду, гдѣ надо управленіе, займутся государственной службой».

[2]) Замѣтимъ, что та же самая мысль высказывается и въ другомъ органѣ реакціонной печати. «Въ нашей исторіи,—читаемъ мы въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»,—начался новый періодъ, который мы позволили бы

щихъ «тормозящій» характеръ, повидимому, законченъ. Преобразовано мѣстное управленіе, преобразованъ судъ, преобразовано земство, со дня на день ожидается преобразованіе городовъ; исчезъ прежній университетскій уставъ, отъ закона 6-го апрѣля 1865 г. уцѣлѣли только небольшіе остатки, коренным образомъ измѣнилось положеніе начальной школы. Если этого мало, если нужно идти еще дальше, то гдѣ послѣдняя цѣль обратнаго движенія? Вѣдь роль сословій и теперь уже разграничена довольно рѣзко; еще немного—и на мѣсто сословій явятся касты, замкнутыя и неподвижныя. Этого, очевидно, и желаютъ наши газетные ультра-реакціонеры. Крестьянство, такъ или иначе прикрѣпленное къ землѣ, безправное, покорное и невѣжественное; купечество, не выходящее изъ фабрики и лавки, пекущееся о неукоснительномъ удовлетвореніи прихотей высшаго сословія: дворянство, командующее и въ качествѣ чиновничества, и въ качествѣ землевладѣльческаго класса—вотъ картина, рисующаяся передъ обожателями «добраго стараго времени». Они не прочь подкрѣпить свои поползновенія кое-какими научными доводами; они говорятъ, напримѣръ, о «психическихъ навыкахъ, которые образуются у людей подъ вліяніемъ долго повторяющихся и, быть можетъ, даже наслѣдственно передающихся впечатлѣній разнороднаго сословнаго воспитанія»; но въ сущности имъ очень мало дѣла до науки, свободное, независимое развитіе которой—смертный приговоръ реакціоннымъ утопіямъ. Исторія, какъ и психологія, какъ и философія, можетъ служить орудіемъ мракобѣсія только тогда, когда она подверглась предварительной обработкѣ—или, говоря проще, надлежащей фальсификаціи.

Въ такія эпохи, какъ наша, научное изслѣдованіе, касающееся жгучихъ вопросовъ дня, должно быть крайне осторожнымъ не только въ своихъ заключеніяхъ, но и въ способѣ выраженій; иначе оно легко можетъ сдѣлаться предметомъ эксплоатаціи, едва-ли желательной для самого изслѣдователя. Насъ поразило сходство между разсужденіями г. Леонтьева объ «уна-

себѣ назвать періодомъ *петербурго-московскимъ*. Петербургская Русь стала постепенно преобразовываться въ Русь московскую». Дальше высказывается желаніе, чтобы «настоящій, петербурго-московскій періодъ нашей исторіи принесъ наиболѣе богатые плоды и *служилъ бы благимъ предвѣстникомъ грядущаго, быть можетъ, новаго чисто-московскаго періода*».

слѣдованныхъ психическихъ навыкахъ» и слѣдующими словами одного недавно изданнаго университетскаго курса: «въ правящемъ классѣ вырабатываются, путемъ наслѣдственной передачи и особо къ тому приспособленнаго воспитанія, особая способность и привычка къ властвованію. Въ членахъ этого класса естественно складывается увѣренность въ успѣхѣ, въ повиновеніи имъ другихъ, и это сообщаетъ ихъ властвованію рѣшительность и энергію, придающія имъ особую силу. Съ другой стороны, и въ самихъ подвластныхъ точно такимъ же путемъ наслѣдственной передачи и соотвѣтственнаго воспитанія вырабатывается наклонность къ добровольному подчиненію, *даже своего рода потребность подчиненія.* Къ тому же, господство, къ которому привыкли издавна, которое унаслѣдовали отъ предковъ, не кажется оскорбительнымъ» (*Н. Коркуновъ,* «Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ». Часть первая. Государство и его элементы. Спб., 1890). Мы не считаемъ г. Коркунова единомышленникомъ г. Леонтьева; мы не увѣрены въ томъ, что послѣдній зналъ о книгѣ перваго и заимствовалъ изъ нея свое предположеніе объ «унаслѣдованныхъ навыкахъ». Несомнѣнно, для насъ, только одно: слова г. Коркунова *могутъ* быть подхвачены г. Леонтьевымъ или другимъ писателемъ того же лагеря—подхвачены съ ликованіемъ и торжествомъ, какъ *научный*, яко бы, аргументъ въ пользу ихъ излюбленной темы (вѣдь эти господа очень любятъ ссылаться на мнѣнія, высказанныя ex cathedra). А между тѣмъ, научное достоинство приведеннаго нами взгляда болѣе нежели сомнительно. Безспорно, *привычка* къ властвованію можетъ породить *способность* повелѣвать—но только тогда, когда, во-первыхъ, властвованіе надъ одними не шло рука объ руку съ безусловнымъ повиновеніемъ другимъ; во-вторыхъ, когда въ правящемъ классѣ постоянно сосредоточивался наибольшій, сравнительно, запасъ знаній, опыта, государственной мудрости. Оба эти условія соединялись, напримѣръ, въ древне-римской аристократіи (временъ республики), самостоятельно управлявшей государствомъ, хранившей и умножавшей сокровище національнаго права; соединялись они, до извѣстной степени, и въ англійской аристократіи, и не вполнѣ утрачены ею даже въ настоящее время. Другое дѣло—когда горизонтъ правящаго класса былъ ограниченъ предѣлами вотчины или присутственной комнаты, когда произволу по направленію внизъ соотвѣтствовала безправность по направленію

вверхъ, когда почетная сторона службы отдѣлялась, сплошь и рядомъ, отъ дѣйствительной служебной работы. Исторія показываетъ, что никакихъ особыхъ способностей и навыковъ въ правящемъ классѣ, при такихъ условіяхъ, не выработывалось; припомнимъ, напримѣръ, чѣмъ было, съ этой точки зрѣнія, до-революціонное французское дворянство. Дополненное такою оговоркой, мнѣніе г. Коркунова не могло бы подлить воды на газетную реакціонную мельницу; совершенно очевидной была бы его непримѣнимость къ нашему, русскому дворянству. И въ самомъ дѣлѣ, ни рѣшительностью, ни энергіей, ни увѣренностью въ успѣхѣ, «властвованіе» нашего помѣщичьяго класса никогда ни отличалось. Крѣпостная почва, рыхлая и податливая, не могла вырастить этихъ качествъ; въ ней было гораздо больше задатковъ для развитія свойствъ прямо противоположныхъ. Не даромъ же оставили по себѣ такую незавидную память выборные дворянскіе чиновники—исправники, засѣдатели, уѣздные судьи. Въ до-реформенныхъ палатахъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ дворяне, выборные и не-выборные, часто ограничивались подписаніемъ бумагъ и внѣшнимъ представительствомъ, а настоящій трудъ выпадалъ на долю чернорабочихъ, изъ среды разночинцевъ... Еще бо́льшихъ оговорокъ требуетъ другая часть положенія г. Коркунова—о наслѣдственной наклонности къ добровольному подчиненію. И для нея нужны особыя условія, кромѣ давности и привычки: нужны или специфическія расовыя свойства, или патріархальность нравовъ, или идеальная мягкость власти, или необыкновенная благодѣтельность управленія. Гдѣ нѣтъ этихъ условій, тамъ повиновеніе, даже вѣковое, остается вынужденнымъ; такимъ оно было со стороны римскихъ плебеевъ, со стороны крѣпостныхъ Франціи, Германіи, Россіи. Что касается до *потребности въ подчиненіи*, то она кажется намъ возможной только въ единичныхъ случаяхъ; доказать присутствіе ея въ массахъ едва-ли удалось бы г. Коркунову. Столь же проблематиченъ и другой результатъ, приписываемый имъ давности господства. Если оно «оскорбительно» само по себѣ, то едва-ли перестаетъ быть оскорбительнымъ съ теченіемъ времени. Таково, напримѣръ, было господство крѣпостного права. Quod initio vitiosum erat, tractu temporis convalescere non potest.

XLVIII.

Крайности націонализма [1]).

Составляетъ ли дощечка съ означеніемъ званія, имени и фамиліи и нумера квартиры, если она прибита къ наружнымъ дверямъ дома, вывѣску, въ техническомъ и юридическомъ значеніи этого слова? Таковъ вопросъ, возникшій недавно въ Ригѣ и составлявшій предметъ судебнаго разбирательства въ тамошнихъ мировыхъ учрежденіяхъ. Дѣло въ томъ, что по распоряженію лифляндскаго губернатора, объявленному въ мартѣ 1889 г., всѣ «торговыя и всякаго иного рода вывѣски, выставляемыя на стѣнахъ домовъ и у магазиновъ», должны быть изготовляемы не только на одномъ нѣмецкомъ или мѣстномъ, но и на русскомъ языкѣ, по предварительномъ разсмотрѣніи и, въ случаѣ надобности, исправленіи полицейскою цензурою.

Осенью 1890 г., т.-е. полтора года спустя послѣ этого распоряженія, въ одномъ изъ околотковъ Риги были сорваны полиціею дощечки съ фамиліями докторовъ, написанными на одномъ нѣмецкомъ языкѣ. Въ числѣ лицъ, по отношенію къ которымъ принята эта мѣра, былъ докторъ медицины Гетшель. Мировой судья I-го участка гор. Риги, находя, что подъ вывѣской слѣдуетъ разумѣть всякое, о чемъ бы то ни было и въ какой бы то ни было формѣ, выставленное снаружи объявленіе, и имѣя въ виду, что доктору, къ которому вынуждено обращаться все населеніе Риги, слѣдовало бы особенно позаботиться о томъ, чтобы не лишать и русское населеніе города возможности пользоваться выставленною вывѣскою,

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1892 г., январь, общественная хроника.

и потому написать ее по-русски, призналъ Гетшеля виновнымъ въ неисполненіи законнаго распоряженія полиціи и приговорилъ его, на основаніи ст. 29 уст. о наказ., налаг. миров. судьями, къ денежному штрафу въ 16 рублей. «Не довольствуясь» этимъ (?),—такъ сказано въ приговорѣ съѣзда,—Гетшель обжаловалъ рѣшеніе судьи рижско-вольмарскому мировому съѣзду. Мировой съѣздъ нашелъ, что лица, занимающіяся вольномедицинскою практикою, не лишены характера оффиціальныхъ дѣятелей. Знаніе ими русскаго языка—настолько существенное требованіе закона, что имъ обусловлено самое право на занятіе медицинскою практикою. Рѣшительная воля закона водворить въ прибалтійскомъ краѣ русскую рѣчь выражена въ Высочайшемъ повелѣніи 3-го января 1850 г. и повторена въ законѣ 1885 г. Законъ этотъ требуетъ, чтобы русская рѣчь сдѣлалась господствующею и исключительною въ присутственныхъ мѣстахъ и у должностныхъ лицъ края. Не подлежитъ сомнѣнію, что изъ смысла этого закона вытекаетъ безспорно и то положеніе, что всякое публичное объявленіе и извѣщеніе въ частной жизни должно быть дѣлаемо на русскомъ языкѣ: требованіе русской рѣчи въ русскомъ государствѣ, и къ тому же отъ лица оффиціальнаго, обязаннаго знать этотъ языкъ—требованіе безспорно законное, внушаемое долгомъ вѣрноподданства. Если же требованіе это законно, то рижскій полиціймейстеръ имѣлъ полное право лично отъ себя, не испрашивая разрѣшенія губернатора, предъявить таковое доктору Гетшелю, и протестъ послѣдняго, притомъ въ такой настойчивой формѣ, въ какой заявляетъ его обвиняемый, не можетъ быть ненаказуемъ. На основаніи этихъ соображеній мировой съѣздъ утвердилъ приговоръ мирового судьи.

Несмотря на кажущуюся маловажность, дѣло доктора Гетшеля заслуживаетъ внимательнаго изученія. Замѣчателенъ, прежде всего, постепенный ростъ обвиненія, не съ специфически-уголовной, а съ политической и общественной точки зрѣнія. Квалификація проступка не измѣнялась, степень отвѣтственности, грозившей доктору Гетшелю, не увеличилась — но раздвигались, если можно такъ выразиться, рамки судейскихъ соображеній и темнѣли краски, въ которыхъ изображался образъ дѣйствій обвиняемаго. Въ первоначальной простотѣ своей обвиненіе является лишь въ полицейскомъ протоколѣ: здѣсь идетъ рѣчь только о томъ, можно ли считать дощечку

вывѣской и подводить ее подъ дѣйствіе губернаторскаго распоряженія о вывѣскахъ. Намъ кажется, что этотъ вопросъ разрѣшается общеупотребительнымъ значеніемъ слова: вывѣска, не противорѣчащимъ, въ данномъ случаѣ, никакому юридическому опредѣленію. Вывѣска—это нѣчто бросающееся въ глаза, прямо имѣющее цѣлью обратить на себя вниманіе; это нѣчто такое, чего трудно не замѣтить, нѣчто «гласящее во всѣ концы», что въ данномъ мѣстѣ работаетъ такой-то ремесленникъ, совершается такая-то торговля, помѣщается такое-то учрежденіе. Понятіе объ «объявленіи, выставленномъ снаружи», гораздо шире; оно обнимаетъ собою и афиши, и оглашаемыя путемъ расклейки оффиціальныя оповѣщенія, и надписи о квартирахъ, отдаваемыхъ внаймы—однимъ словомъ, многое, никогда и нигдѣ не подводимое подъ понятіе о вывѣскѣ. Небольшую дощечку, указывающую мѣстожительство даннаго лица—хотя бы въ ней и было упомянуто его званіе и хотя бы она была прибита къ наружнымъ дверямъ дома,—никто, въ общежитіи, не назоветъ вывѣской, потому что она дѣйствительно не совмѣщаетъ въ себѣ отличительныхъ признаковъ послѣдней. Такъ, по видимому, смотрѣла сначала на докторскія дощечки и рижская полиція; иначе не прошло бы полутора года между объявленіемъ губернаторскаго распоряженія и примѣненіемъ его къ злополучнымъ дощечкамъ. Шаткостью мотива, послужившаго первоначальной основой обвиненія, объясняются, быть можетъ, позднѣйшія его варіаціи. Уже мировой судья, признавъ дощечку вывѣской, не считаетъ возможнымъ ограничиться этимъ соображеніемъ и присоединяетъ къ нему упрекъ Гетшелю, что онъ, какъ докторъ, не позаботился сдѣлать надпись на дощечкѣ, понятной для русскаго населенія гор. Риги. А что, если бы докторъ Гетшель вовсе не выставилъ никакой дощечки? Съ точки зрѣнія, на которую становится мировой судья, это было бы еще болѣе предосудительно, потому что о мѣстѣ жительства доктора труднѣе было бы узнавать не только русскому, но и нѣмецкому населенію, между тѣмъ, никто тогда бы и не подумалъ о возбужденіи противъ Гетшеля уголовнаго преслѣдованія. Выставка какихъ бы то ни было дощечекъ или объявленій для докторовъ не обязательна, и на самомъ дѣлѣ они, сплошь и рядомъ, къ ней не прибѣгаютъ; нельзя, поэтому, ставить имъ въ вину употребленіе на дощечкѣ, которой могло бы и не быть вовсе, одного только языка, по собственному ихъ выбору. Если бы

рѣчь шла о томъ, какъ сдѣлать докторскія квартиры легко находимыми для каждаго, то въ Ригѣ къ нѣмецкому и русскому тексту надписи слѣдовало бы прибавить еще латышскій, а во всѣхъ вообще городахъ—придумать для докторскихъ квартиръ какой-нибудь внѣшній знакъ, понятный и для неграмотныхъ (въ родѣ, напримѣръ, орла, помѣщаемаго надъ аптеками). Мировой съѣздъ уклоняется въ сторону еще гораздо дальше, чѣмъ мировой судья; о томъ, принадлежитъ ли дощечка къ категоріи вывѣсокъ, онъ не разсуждаетъ вовсе, а прямо переноситъ вопросъ на политическую почву. Онъ забываетъ, при этомъ, мудрыя французскія изреченія: qui veut trop prouver, ne prouve rien (кто хочетъ доказать слишкомъ многое, тотъ не доказываетъ ничего), и qui trop embrasse, mal étreint (плохо захватываетъ тотъ, кто слишкомъ многое обнимаетъ). Въ самомъ дѣлѣ, признавая вольнопрактикующихъ врачей «оффиціальными дѣятелями» и установляя, вслѣдъ за тѣмъ, что у «должностныхъ лицъ» прибалтійскаго края русская рѣчь должна быть господствующею и исключительною, мировой съѣздъ возлагаетъ на рижскихъ врачей обязанность употреблять русскій языкъ не только на дощечкахъ, возводимыхъ на степень вывѣсокъ, но и въ бесѣдахъ съ больными. Ничего подобнаго не требуетъ отъ нихъ законъ, да и не можетъ требовать, потому что это было бы неисполнимо. Слишкомъ далеко идетъ мировой съѣздъ и тогда, когда утверждаетъ, что всякое публичное объявленіе и извѣщеніе въ частной жизни (?!) должно быть дѣлаемо на русскомъ языкѣ. Сколько намъ извѣстно, жителямъ Риги не возбраняется печатать не по-русски извѣщенія о рожденіи дѣтей, бракѣ, смерти, пріѣздѣ, отъѣздѣ и вообще всякаго рода газетныя объявленія, несомнѣнно носящія на себѣ характеръ публичности. Нечего даже и думать о воспрещеніи подобныхъ объявленій, пока въ Ригѣ издаются газеты не только на русскомъ, но и на нѣмецкомъ и латышскомъ языкахъ. Всѣ соображенія мирового съѣзда бьютъ, такимъ образомъ, мимо цѣли. Не совсѣмъ понятнымъ, наконецъ, представляется для насъ указаніе мирового съѣзда на «настойчивость», съ которою обвиняемый протестовалъ противъ распоряженія о снятіи дощечки. Никакихъ признаковъ особой настойчивости со стороны обвиняемаго мы въ дѣлѣ не видимъ, если только не считать такимъ признакомъ принесеніе жалобы на рѣшеніе мирового судьи и защиту ея въ засѣданіи съѣзда; но вѣдь въ пользо-

ваніи средствами оправданія, дарованными закономъ, никто до сихъ поръ не усматривалъ чего-либо предосудительнаго. «Не довольствоваться» рѣшеніемъ, на которое допускается жалоба, всякій имѣетъ полное юридическое и нравственное право. Докторъ Гетшель воспользовался этимъ правомъ по отношенію къ приговору мирового съѣзда, который, какъ мы слышали, и отмѣненъ уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ Правительствующаго Сената.

Мы только-что упомянули о неисполнимости требованія, направленнаго къ употребленію русскаго языка въ частныхъ сношеніяхъ между не-русскими по происхожденію. Оказывается, однако, что неисполнимость требованія не всегда препятствуетъ его предъявленію. Въ печати появились недавно свѣдѣнія о циркулярѣ правленія варшавско-тереспольской желѣзной дороги, предписывающемъ совершенное изъятіе польскаго языка изъ употребленія какъ служащими на желѣзной дорогѣ, при сношеніяхъ ихъ съ пассажирами, публикой и между собою, такъ равно и въ буфетахъ желѣзнодорожныхъ станцій, содержателями буфетовъ и буфетною прислугой. Всѣмъ этимъ лицамъ строго внушено отнюдь и ни съ кѣмъ не употреблять польскій языкъ, ни при обращеніи къ публикѣ, ни между собой, въ пассажирскихъ помѣщеніяхъ. Нарушителямъ этого требованія грозитъ отвѣтственность какъ за неисполненіе правительственныхъ распоряженій, а при повтореніи — немедленное удаленіе отъ занимаемой должности. Мы видимъ въ этой мѣрѣ нѣчто похожее на то, что̀ называется въ уголовномъ правѣ превышеніемъ необходимой обороны. Отъ людей, постоянно приходящихъ въ соприкосновеніе съ публикой, можно требовать знанія государственнаго языка; можно настаивать на томъ, чтобы русскій, проѣзжая по желѣзной дорогѣ въ предѣлахъ Россіи, вездѣ и всегда могъ говорить съ поѣздной и станціонной прислугой на русскомъ языкѣ. Идти еще дальше и предписывать употребленіе русскаго языка даже въ разговорѣ служащихъ между собою, даже въ отвѣтахъ на вопросы, сдѣланные по-польски—значитъ создавать, безъ всякой надобности, тяжелое положеніе и для самихъ служащихъ, и для значительной части публики. Легко ли, напримѣръ, поляку-сторожу или кондуктору отвѣчать по-русски поляку-крестьянину или рабочему, вовсе не знающему русскаго языка? Не все ли это равно, что совершенно отказывать въ отвѣтѣ на вопросъ, быть можетъ весьма

важный для спрашивающаго? Легко ли, съ другой стороны, такъ тщательно наблюдать за собою, чтобы не обмолвиться парою польскихъ словъ въ разговорѣ, за приплавкомъ, съ товарищемъ-полякомъ? Желательно ли поощрять соглядатайство, при такихъ условіяхъ возникающее и развивающееся почти неизбѣжно? Да и много ли выиграетъ государственный языкъ отъ того, что на немъ будетъ сказано, по принужденію, нѣсколько лишнихъ словъ или фразъ? Отнюдь не больше, чѣмъ отъ прибавленія на докторскихъ дощечкахъ, въ остзейскомъ краѣ, надписи на русскомъ языкѣ.

XLIX.

Новый взглядъ на земство.—Ретроспективный національнизмъ [1]).

Въ саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи слышались недавно такія рѣчи, которыя еще недавно были бы совершенно немыслимы. Въ собраніи возникъ вопросъ, слѣдуетъ ли обжаловать Сенату опредѣленіе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, которымъ уваженъ протестъ губернатора на одно изъ постановленій очередной сессіи. «Я предлагаю» — сказалъ по этому поводу гласный Шомпулевъ—«вопросъ объ обжалованіи оставить въ покоѣ. Намъ незачѣмъ идти противъ начальства. Теперь земство, по новому закону, есть учрежденіе казенное, подчиненное губернатору. Идти противъ прямого начальства—неудобно и неловко». Прямого возраженія эти удивительныя слова не вызвали; но такъ какъ нѣкоторые гласные продолжали настаивать на принесеніи жалобы, то г. Шомпулевъ счелъ нужнымъ повторить свое заявленіе въ еще болѣе откровенной формѣ. «Вы забываете, господа, — воскликнулъ онъ,—что наше собраніе работаетъ при иныхъ условіяхъ, чѣмъ прежде. Мы теперь чиновники, обязаны подчиняться начальству. Что же вы хотите достичь вашей жалобой? Чтобы намъ наклеили носъ?» Большинство собранія не устрашилось этой перспективы и высказалось за принесеніе жалобы. Слова г. Шомпулева остаются, тѣмъ не менѣе, весьма характерными, какъ простодушное выраженіе взгляда, у котораго мало явныхъ, но много тайныхъ сторонниковъ. Появляться наружу онъ бу-

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1892 г., апрѣль, обществ. хроника.

детъ рѣдко, но незримо витать ему суждено, по видимому, во многихъ земскихъ собраніяхъ новаго состава. Извѣстно, что сознаніе подчиненности часто влечетъ за собою стремленіе въ свою очередь имѣть подчиненныхъ и держать ихъ въ черномъ тѣлѣ, возстановляя хоть этимъ путемъ равновѣсіе между безвластіемъ и властью. Едва-ли случайна, поэтому, исторія съ земскими врачами, разыгравшаяся на томъ же саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. Прежде въ саратовскомъ уѣздѣ существовалъ санитарный совѣтъ, въ которомъ засѣдали, съ правомъ голоса, земскіе врачи. Новое уѣздное собраніе, еще осенью, повело кампанію противъ санитарнаго совѣта, а новый предсѣдатель управы (г. Кропотовъ) присоединилъ къ этому кампанію противъ земскихъ врачей, задѣвая, мимоходомъ, и товарищей своихъ, членовъ управы. Въ одномъ изъ селъ саратовскаго уѣзда открывается вакансія фельдшерицы-акушерки. Г. Кропотовъ назначаетъ на ея мѣсто отставного младшаго военнаго фельдшера, въ неспособности котораго не только къ занятію самостоятельнаго фельдшерскаго пункта, но и вообще къ земской службѣ, очень скоро убѣждается земскій врачъ Амстердамскій [1]). Предсѣдатель управы настаиваетъ, однако, на своемъ прежнемъ распоряженіи и приводитъ его въ исполненіе, хотя противъ него возражаютъ, вмѣстѣ съ врачемъ, оба члены управы. Тогда всѣ одиннадцать врачей саратовскаго уѣзднаго земства подаютъ заявленія объ оставленіи ими земской службы; выходятъ въ отставку и оба члена управы, а бывшіе члены санитарнаго совѣта доводятъ до свѣдѣнія собранія, что вполнѣ одобряютъ образъ дѣйствій врачей, которымъ «никакого другого исхода не оставалось, въ виду надменнаго, вызывающаго обращенія съ ними г. Кропотова и явнаго его вмѣшательства въ сферу чисто лечебную» (онъ требовалъ, напримѣръ, чтобы вмѣсто однихъ лѣкарствъ врачи употребляли другія, болѣе дешевыя). Въ собраніи дѣлается попытка свалить съ больной головы на здоровую, обвинивъ врачей въ бѣгствѣ съ поля битвы, въ самый разгаръ эпидеміи; оказывается, однако, что врачи заявили съ самаго начала о готовности остаться на своихъ мѣстахъ впредь до замѣны ихъ другими. Въ концѣ

[1]) Какъ ничтожны свѣдѣнія военныхъ фельдшеровъ, особенно въ сравненіи съ свѣдѣніями фельдшерицъ-акушерокъ, и въ какой степени послѣднія, вообще говоря, превосходятъ первыхъ въ нравственномъ отношеніи— это слишкомъ хорошо извѣстно.

концовъ подаетъ въ отставку и г. Кропотовъ, но, по просьбѣ нѣкоторыхъ гласныхъ, соглашается остаться до слѣдующей сессіи, «если хватитъ терпѣнія». Торжествуетъ, такимъ образомъ, принципъ: «нраву моему не препятствуй», и за врачами признается роль безгласныхъ исполнителей начальственныхъ распоряженій. Саратовскій уѣздъ, по устройству врачебной части, занималъ, при дѣйствіи прежняго земскаго положенія, одно изъ первыхъ мѣстъ; теперь онъ рискуетъ спуститься на одно изъ послѣднихъ.

По истинѣ удивителенъ выводъ, сдѣланный изъ всей этой исторіи «Московскими Вѣдомостями». Онѣ предполагаютъ, почему-то, что образъ дѣйствій г. Кропотова ничѣмъ не отличается отъ обычной манеры земскихъ дѣятелей, прежнихъ и настоящихъ, и что въ средѣ земства давно уже выработался взглядъ на земскихъ врачей какъ на простыхъ наемниковъ, обязанныхъ служить земцамъ, а не народу. Противъ этого предположенія говоритъ вся исторія земской медицины. Блестящее и быстрое ея развитіе, ея широкая популярность, тѣсная, живая связь, соединяющая, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, земскихъ врачей съ представителями земства (припомнимъ хотя бы сочувственную телеграмму, еще на дняхъ посланную московскимъ съѣздомъ земскихъ врачей предсѣдателю московской губернской земской управы, Д. А. Наумову)—все это свидѣтельствуетъ о томъ, что меньше всего организація земской медицины оставляла мѣста для чиновничьяго формализма. Тяжелая и скудно оплачиваемая земская служба привлекала къ себѣ врачей именно тѣмъ, что давала имъ возможность работать на пользу народа. Бывали, конечно, и прежде столкновенія, вызывавшіяся властолюбіемъ земскихъ дѣятелей или ошибочнымъ пониманіемъ независимости со стороны земскихъ врачей — но это не измѣняло общаго хода дѣла. Все больше и больше входилъ въ жизнь нормальный типъ земско-медицинскаго строя—уѣздный врачебный или санитарный совѣтъ, составленный изъ членовъ управы, нѣсколькихъ гласныхъ и самихъ врачей. Губернскія земскія собранія (напр. петербургское, тверское) рекомендовали повсемѣстное устройство такихъ совѣтовъ въ уѣздахъ и учреждали губернскіе санитарные совѣты или комиссіи, одинаково обезпечивавшіе интересы врачей и интересы земства, т.-е. народа. Вѣнцомъ земско-медицинской организаціи служили съѣзды земскихъ врачей, плодо-

творные именно вслѣдствіе готовности земскихъ собраній слѣдовать, по мѣрѣ средствъ и силъ, указаніямъ и совѣтамъ спеціалистовъ врачебнаго дѣла. И вотъ, въ замѣнъ этихъ порядковъ, создавшихъ новую отрасль попеченія о народномъ благѣ, «Московскія Вѣдомости» предлагаютъ... «зависимость земскихъ врачей отъ органовъ правительственной власти». Насколько она вытекаетъ изъ требованій врачебной іерархіи, эта зависимость существуетъ у насъ и въ настоящее время. Идти дальше и поставить земскихъ врачей на одинъ уровень съ уѣздными—значило бы сдѣлать громадный шагъ назадъ, къ до-реформеннымъ порядкамъ. Прежде чѣмъ налагать руку на земскую медицину, слѣдовало бы вспомнить, что она послужила образцомъ для устройства правительственной медицины въ губерніяхъ неземскихъ.

Чтобы понять вполнѣ «умыселъ» московской газеты, нужно прочесть до конца передовую статью, посвященную саратовскому инциденту. «Извѣстно,—таково заключеніе статьи,—что одною изъ главнѣйшихъ задачъ земскаго режима было подготовленіе почвы для введенія парламентарной системы въ цѣлой Россіи. Очень многіе смотрѣли, и понынѣ смотрятъ, на земства именно какъ на школу для этой цѣли. Предполагалось, что земскія учрежденія заставятъ правительство померкнуть. Послѣ многихъ лѣтъ, въ итогѣ оказался рядъ растратъ, хищеній и скандаловъ, съ постоянными и нескончаемыми обращеніями къ правительственной помощи. И послѣ этого еще находятся люди, рекомендующіе земскую систему въ широкомъ масштабѣ, то-есть въ видѣ конституціи. Но мы думаемъ, что ошибка, во сто разъ увеличенная, дѣла не улучшитъ, а будетъ просто ошибкой же, но во сто разъ большею». Намъ кажется, что эта аргументація по меньшей мѣрѣ неосторожна. Для тенденціозныхъ нападеній на земство меньше всего можетъ служить почвой земская медицина. Ея итогомъ, за двадцать пять лѣтъ, является не рядъ «хищеній» и «скандаловъ», даже не обращеніе къ правительственной помощи, а небывалая прежде сѣть сельскихъ больницъ и пріемныхъ покоевъ, воспитавшая небывалое прежде народное довѣріе къ врачамъ и правильной врачебной помощи.

Усердіе «добровольцевъ», вездѣ разыскивающихъ и вездѣ находящихъ признаки неблагонамѣренности, не знаетъ, въ по-

слѣднее время, ни мѣры, ни предѣловъ. Цѣпляясь за отдѣльныя выраженія, даже относящіяся къ далекому прошлому, даже появляющіяся въ самыхъ благонадежныхъ изданіяхъ, оно возлагаетъ на автора отвѣтственность не только за то, что онъ сказалъ, но и за то, что кому-нибудь вздумается вывести изъ сказаннаго. Обличителемъ являются, на этотъ разъ, «Литовскія Епархіальныя Вѣдомости» [1]), предметомъ обличенія—статья профессора Брикнера въ «Русскомъ Обозрѣніи». Говоря о русскомъ туристѣ конца XVII или начала XVIII в. (князѣ Б. И. Куракинѣ), г. Брикнеръ выразился такъ: «съ особеннымъ любопытствомъ князь осматривалъ въ Польшѣ монастыри, между прочимъ бернардинскій, близъ Витебска, и базиліанскій, близъ Полоцка». Трудно повѣрить, что эти слова могли дать поводъ къ какой-нибудь придиркѣ; но для «добровольцевъ» не только нѣтъ ничего труднаго — для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго. По мнѣнію «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», профессоръ Брикнеръ долженъ былъ назвать край, посѣщенный кн. Куракинымъ, Бѣлоруссіей, а никакъ не Польшей. «Ошибка,—читаемъ мы дальше,—по видимому маловажная. Но найдутся читатели журнала, которые не замѣтятъ ошибки и додумаются до того, что Витебскъ, Полоцкъ, виленская губернія — все это Польша; что поляки, мечтающіе о Польшѣ отъ моря до моря, правы; что III-й томъ «Живописной Россіи» изданъ безукоризненно; что графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ явился въ Вильну въ концѣ мятежа и былъ только палачемъ, а не усмирителемъ бунта (взглядъ «Вѣстника Европы»), и что, слѣдовательно, не стоитъ жертвовать на его памятникъ въ Вильнѣ. Тогда промахъ автора статьи будетъ уже не простою ошибкой неточности выраженія, не словомъ только, но и дѣломъ, вреднымъ для западной Россіи. Да не будетъ». Каковъ размахъ, каковъ полетъ мысли! Къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ можетъ привести маленькая ошибка!.. Жаль только, что ошибки-то вовсе нѣтъ. Вѣдь дѣло идетъ объ эпохѣ Петра Великаго, при которомъ Витебскъ и Полоцкъ безспорно входили въ составъ тогдашняго польскаго королевства. Ничто не обязывало г. Брикнера опредѣлять мѣстонахо-

---

[1]) Эта газета имѣетъ, конечно, очень мало читателей — но созданный ею обличительный перлъ поспѣшили подхватить и повѣдать болѣе многочисленной публикѣ «Московскія Вѣдомости».

жденіе ихъ этнографическимъ признакомъ, а не политическимъ, тѣмъ болѣе, что вовсе не въ вопросѣ о принадлежности ихъ къ тому или иному племени заключался центръ тяжести разсказа. Представимъ себѣ, что нѣмецкій авторъ, говоря о пребываніи Гёте въ Страсбургѣ, выразится такъ: «когда Гёте жилъ во Франціи». Мы вполнѣ убѣждены, что ему не поставитъ этого въ вину ни одинъ германскій шовинистъ, даже изъ самыхъ завзятыхъ; никто не подумаетъ, что изъ такой фразы простодушный нѣмецкій читатель выведетъ заключеніе о правѣ Франціи на обладаніе Страсбургомъ. Отрицать, что Страсбургъ въ свое время принадлежалъ Франціи, а Витебскъ и Полоцкъ въ прежнее время — Польшѣ, нельзя; къ чему же замалчивать или обходить этотъ фактъ, извѣстный даже и «не учившимся въ семинаріи»? Щепетильность нашихъ ультраобрусителей, усматривающихъ опасность даже въ невинномъ, безразличномъ словѣ, свидѣтельствуетъ, какъ намъ кажется, только о томъ, что они страдаютъ недостаткомъ вѣры въ правоту собственнаго дѣла.

L.

Новыи видъ откровеннаго направленія [1]).

Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ существуетъ нѣчто похожее на политическую печать, различные органы ея естественно группировались по направленіямъ, т.-е. по главнымъ теченіямъ общественной мысли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ направленіямъ въ старомъ, нормальномъ смыслѣ этого слова присоединилось—по крайней мѣрѣ, въ условномъ языкѣ самой прессы — новое, такъ-называемое откровенное направленіе. Здѣсь, очевидно, contradictio in adjecto; всякое направленіе заявляетъ себя съ тою откровенностью, которую допускаютъ внѣшнія условія, и ни одно изъ нихъ не можетъ, слѣдовательно, именоваться «откровеннымъ» въ отличіе отъ другихъ. Въ сущности, подъ «откровеннымъ направленіемъ» разумѣлось не что иное, какъ отсутствіе направленія, едва скрываемое или даже беззастѣнчиво афишируемое. Встрѣчались попытки возвести это отсутствіе направленія въ систему; еще больше было случаевъ, когда оно водворялось потихоньку, безъ трубныхъ звуковъ, какъ простѣйшій и наилучшій способъ приспособленія къ житейскимъ требованіямъ. Мы присутствуемъ теперь при торжествѣ «откровеннаго направленія» иного рода. Не отрѣшаясь отъ одного изъ «направленскихъ» знаменъ, оно отрѣшается отъ всякой мѣры въ своемъ усердіи и признается, не обинуясь, въ томъ, что обыкновенно прикрашиваютъ, умалчиваютъ или отрицаютъ. Наиболѣе типичнымъ представителемъ этого направленія считается обыкновенно «Гражданинъ»; но въ послѣднее время

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1892 г., май, обществ. хроника.

петербургской «откровенности» не уступаетъ и московская. Крайнимъ ея выраженіемъ является недавняя передовая статья «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 103), вызванная извѣстнымъ инцидентомъ въ саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. Нашимъ читателямъ, вѣроятно, памятны еще слова гласнаго Шомпулева, приведенныя нами въ предъидущей хроникѣ. «Земство,—воскликнулъ этотъ «откровенный» земецъ,—теперь учрежденіе казенное, подчиненное губернатору. Идти противъ прямого начальства — неудобно и неловко. Мы теперь чиновники, обязаны подчиняться начальству». Мы назвали эти слова «простодушнымъ выраженіемъ взгляда, у котораго мало явныхъ, но много тайныхъ сторонниковъ»,—взгляда, которому суждено, по видимому, «витать незримо во многихъ земскихъ собраніяхъ новаго состава». Московская газета спѣшитъ занять выдающееся мѣсто между явными сторонниками моднаго ученія. Если оно возбуждаетъ наше «негодованіе», то это, въ глазахъ «Московскихъ Вѣдомостей» — лучшій признакъ его правильности. Слова, выставляемыя нами «на позоръ» и возмущающія нашу «либеральную душу», наполняютъ радостью сердца московскихъ реакціонеровъ. Отъ правильнаго развитія «духа», усвоеннаго г. Шомпулевымъ, «зависятъ будущіе успѣхи нашего мѣстнаго управленія» (хорошо, по крайней мѣрѣ, что здѣсь не употреблено всуе слово: самоуправленіе). «Земство (земство и г. Шомпулевъ — это, значитъ, одно и то же?) понимаетъ, что оно имѣетъ смыслъ только какъ органъ правительственной дѣятельности, какъ учрежденіе не менѣе казенное, чѣмъ прочіе органы императорскаго правительства».

Посмотримъ поближе, что̀ означаютъ всѣ эти по истинѣ откровенныя заявленія. Напоминая о «казенномъ» характерѣ преобразованнаго земства, о подчиненности «чиновниковъ»-гласныхъ, г. Шомпулевъ хотѣлъ доказать безполезность и неприличіе жалобы на губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, равносильной, въ сущности, жалобѣ на губернатора [1]). Съ точки зрѣнія саратовскаго гласнаго, одобряемой и раздѣляемой «Московскими Вѣдомостями», губернаторъ является, слѣдовательно, чѣмъ-то въ родѣ папы, непогрѣшимаго въ своей

---

[1]) Губернское присутствіе уважило протестъ губернатора на постановленіе земскаго собранія; жаловаться на присутствіе—значило доказывать неправильность губернаторскаго протеста.

оффиціальной дѣятельности. Roma locuta est—остается только молчать, повиноваться и преклоняться. Такимъ ли, однако, должно быть даже отношеніе несомнѣнныхъ чиновниковъ къ несомнѣнному ихъ начальству? Вотъ что̀ предписывалъ Петръ Великій, слишкомъ полтора вѣка тому назадъ (20-го января 1724 г.), «всѣмъ подчиненнымъ, какъ въ сенатѣ и синодѣ, такъ и во всѣхъ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и во всѣхъ мѣстахъ государства»: «ежели что противно указу, того отнюдь не дѣлать, но долженъ командиру своему тайно объявить, что то противно указамъ, и если не послушаетъ, то протестовать и доносить высшему надъ тѣмъ командиромъ, а ежели и въ томъ такожъ увидитъ противность, то генералъ-прокурору, или, въ небытность его, оберъ-прокурору; а ежели въ нихъ усмотритъ противность, то доносить его величеству, но чтобъ была самая истина». Этотъ Петровскій взглядъ не остался безъ вліянія на все позднѣйшее законодательство. И въ основныхъ законахъ, и въ учрежденіи министерствъ, и въ губернскихъ учрежденіяхъ до сихъ поръ есть статьи, запрещающія исполненіе противозаконныхъ указовъ и предписаній. Въ старомъ Сенатѣ оберъ-секретарь имѣлъ и имѣетъ право отказаться отъ скрѣпы опредѣленія, признаваемаго имъ незаконнымъ, и представить о томъ оберъ-прокурору или министру юстиціи (учр. Прав. Сен. ст. 367). Аналогичное право принадлежитъ, на основаніи учрежденія министерствъ (ст. 307), начальнику отдѣленія. Конечно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ всѣ эти постановленія оставались и остаются мертвой буквой, потому что они шли и идутъ въ разрѣзъ съ общимъ складомъ нашей государственной жизни и нашихъ бюрократическихъ нравовъ; но если не велико ихъ практическое значеніе, то тѣмъ выше ихъ внутренняя цѣнность. Они хранятъ въ себѣ отпечатокъ идеала, носившагося передъ глазами величайшаго изъ нашихъ законодателей; они показываютъ, что въ теоріи даже нашъ русскій чиновникъ никогда не считался слѣпымъ, безгласнымъ исполнителемъ начальственныхъ произволеній. Когда вице-мундиръ оказывался, случайно, на плечахъ такого человѣка, какъ И. С. Аксаковъ, онъ не мѣшалъ ему сохранять извѣстную долю самостоятельности не только въ Сенатѣ (извѣстенъ случай протеста, заявленнаго будущимъ редакторомъ «Руси» противъ одного вопіющаго сенатскаго рѣшенія), но и при исполненіи административныхъ

порученій. Правда, И. С. Аксаковъ недолго и несъ на себѣ тяжесть государственной службы; но вѣдь нужно вспомнить, какое тогда было время! Когда обстоятельства сдѣлались нѣсколько болѣе благопріятными больше стало и число лицъ, умѣвшихъ соединить вѣрность служебному долгу съ вѣрностью убѣжденіямъ, съ уваженіемъ къ собственному достоинству. Теорія безпрекословнаго повиновенія (perinde ac cadaver), наивно провозглашаемая саратовскимъ земцемъ и уже вовсе не наивно поддерживаемая московской газетой, угрожаетъ нашему чиновничеству такимъ нравственнымъ паденіемъ, какого не видѣли даже самыя печальныя времена нашей исторіи. Но тогда раболѣпство носилось въ воздухѣ и сохраняло, до нѣкоторой степени, патріархальный, простодушный характеръ; теперь оно представлялось бы, сплошь и рядомъ, сознательной сдѣлкой съ совѣстью, продажей своего права за усовершенствованную чечевичную похлебку.

Мы говорили, до сихъ поръ, о чиновникахъ; но чиновниками ли являются, даже при дѣйствіи новаго земскаго положенія, гласные земскихъ собраній? Безъ сомнѣнія—нѣтъ. Измышленіе г. Шомпулева, восторженно подхваченное «Московскими Вѣдомостями», не имѣетъ никакихъ корней ни въ текстѣ, ни въ духѣ закона. Состоящими на государственной службѣ считаются только предсѣдатели и члены земскихъ управъ. Положеніе земскихъ собраній, какъ бы глубока ни была происшедшая въ немъ перемѣна, все таки отнюдь нельзя считать подчиненнымъ. Никто не даетъ земскимъ собраніямъ предписаній, обязательныхъ къ исполненію; никто не мѣшаетъ имъ постановлять то или другое рѣшеніе, руководствуясь только собственнымъ убѣжденіемъ. Изъ того, что судебная палата въ правѣ отмѣнить приговоръ окружного суда, никогда еще не выводилось заключеніе, что она въ правѣ диктовать суду, навязывать ему свои взгляды и предрѣшать его образъ дѣйствій. Между тѣмъ, полномочія губернатора—или даже министра—по отношенію къ земскимъ собраніямъ гораздо болѣе ограничены, чѣмъ полномочія палаты по отношенію къ окружному суду. Отмѣнить постановленіе земскаго собранія (не принадлежащее къ числу тѣхъ, которыя требуютъ предварительнаго административнаго утвержденія) можетъ только губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе—если постановленіе признается несогласнымъ съ закономъ, и государственный совѣтъ или комитетъ министровъ—если оно

признается несогласнымъ съ общегосударственными или мѣстными интересами. На опредѣленіе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія земское собраніе можетъ принести жалобу Прав. Сенату. Не ясно ли, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ отношеніями совершенно особаго рода, исключающими всякую мысль о пассивномъ повиновеніи, объ обязательной покорности, о «начальствѣ» и «подчиненныхъ»? Что это за начальство, которое ничего не въ правѣ приказать, что это за подчиненные, которые могутъ настаивать на своемъ, путемъ жалобы въ высшее, независимое учрежденіе? Признавъ себя «казеннымъ» и «подчиненнымъ», земство перестало бы быть земствомъ; оно сдѣлалось бы заурядным «присутственнымъ мѣстомъ», отличаясь отъ другихъ только тѣмъ, что оно добровольно отказалось бы отъ своихъ полномочій и выдало бы самому себѣ безнадежнѣйшее testimonium paupertatis. Именно этого требовалъ отъ саратовскихъ гласныхъ г. Шомпулевъ. Громадное большинство саратовскаго уѣзднаго земскаго собранія не достигло еще, къ счастью, той степени «пониманія», за которую «Московскія Вѣдомости» черезчуръ спѣшатъ похвалить реформированное земство; оно не убоялось «наклейки носа», которою грозилъ ему г. Шомпулевъ — и высказалось за подачу жалобы на постановленіе губернскаго присутствія.

Толкуя законъ вопреки его ясному, несомнѣнному смыслу, расширяя, «наперекоръ уму, наперекоръ стихіямъ», сферу казенныхъ и подчиненныхъ учрежденій, проповѣдуя подчиненнымъ такую податливость и безсловесность, какой, въ принципѣ, никогда не знало наше законодательство, «Московскія Вѣдомости» остаются вѣрными своимъ симпатіямъ и вкусамъ, влекущимъ ихъ въ сторону обезличенія и обезцвѣченія. Имъ ненавистны всѣ, осмѣливающіеся думать и дѣйствовать не по предписанному шаблону; имъ противно все разнородное и разноцвѣтное, все неподдающееся приведенію къ одному знаменателю, все по-своему вѣрующее, чувствующее и говорящее, все мѣшающее полному—и мертвенному—однообразію картины. Иновѣрцы и инородцы, приверженцы самоуправленія и противники самоуправства, защитники законности и враги произвола, убѣжденные земцы и независимые судьи, либералы и народники, короче – всѣ «несогласно мыслящіе»: вотъ тѣ «роды людей», которымъ московской реакціонной печати хотѣлось бы отказать въ самомъ правѣ на существованіе. Ей мало внѣш-

нихъ стѣсненій и ограниченій; ей хотѣлось бы, чтобы всякій самъ себя ограничивалъ и стѣснялъ, самъ налагалъ на себя спасительныя путы. Чрезвычайно рельефное выраженіе этого стремленія мы нашли на-дняхъ въ одномъ разсказѣ, напечатанномъ въ фельетонѣ «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 98). Самъ по себѣ разсказъ совершенно ничтоженъ, но авторъ его обмолвился слѣдующими знаменательными словами: «отказать женѣ въ ея желаніи — это для нормальнаго современнаго мужа такъ же естественно, какъ не заплатить долга, не обезпеченнаго закладной, или прочесть гектографированную книгу, запрещенную къ печати цензурой». Итакъ, кто прочелъ «Крейцерову сонату» раньше допущенія ея къ печати или ознакомился съ однимъ изъ запрещенныхъ и теперь сочиненій гр. Л. Толстого, тотъ уподобился недобросовѣстному должнику, уклоняющемуся отъ уплаты безспорнаго долга... Сравненіе поистинѣ удивительное—и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма характерное. Взрослые люди, съ точки зрѣнія «Московскихъ Вѣдомостей», должны быть пай-мальчиками, чурающимися нецензурной книжки, какъ благовоспитанныя дѣти не трогаютъ, даже въ отсутствіи родителей и воспитателей, запретныхъ лакомствъ.

LI.

Холерные безпорядки [1]).

Изъ числа уголовныхъ дѣлъ, вызванныхъ такъ называемыми холерными безпорядками, разсмотрѣно недавно, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, одно, сравнительно менѣе важное: дѣло крестьянъ дер. Абакумовки и Михайловки (тамбовскаго уѣзда). Оно было направлено въ общемъ, законами установленномъ порядкѣ, въ противоположность другимъ, болѣе серьезнымъ—о безпорядкахъ въ Астрахани, Саратовѣ, Хвалынскѣ,—изъятымъ изъ вѣдомства общихъ судовъ и переданнымъ суду военному. Нельзя не пожелать, чтобы всѣ эти дѣла слушались при открытыхъ дверяхъ и подробные о нихъ отчеты были напечатаны во всеобщее свѣдѣніе. Трагическія событія въ родѣ тѣхъ, театромъ которыхъ была недавно юго-восточная Россія, перестанутъ быть возможными лишь тогда, когда будутъ раскрыты ихъ причины—раскрыты не для одного только правительства, но и для общества, безъ содѣйствія котораго немыслимо окончательное и полное ихъ устраненіе. Многое обнаружено уже теперь тамбовскимъ дѣломъ.

Волненіе въ дер. Абакумовкѣ началось тогда, когда уѣздной земской управой сдѣлано было распоряженіе объ устройствѣ тамъ холернаго барака и привезены съ этою цѣлью известь и строительные матеріалы. Уже 7-го іюля мѣстный земскій врачъ Цвѣтаевъ зналъ о существованіи волненія и старался успокоить крестьянъ, но безуспѣшно. Не удалось подѣйствовать на крестьянъ и исправнику, послѣ чего постройка ба-

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1892 г., октябрь, общественная хроника.

рака была пріостановлена. Сходки крестьянъ продолжались, однако, ежедневно, а когда въ ночь на 15-е іюля полицейскій урядникъ Дубровскій, «гуляя», вмѣстѣ съ урядникомъ Лавровымъ и нѣсколькими крестьянами, «въ помѣщеніи при винной лавкѣ», сказалъ, что скоро будетъ приступлено къ постройкѣ барака, то на слѣдующее утро староста дер. Абакумовки, Шиндяпинъ, кликнулъ кличъ, черезъ особыхъ посланныхъ, крестьянамъ сосѣднихъ деревень. Еще раньше ихъ прихода абакумовцы напали на земскую больницу, откуда, къ счастію, врачъ успѣлъ убѣжать. Пришлые крестьяне ворвались затѣмъ въ волостное правленіе; урядникъ Лавровъ, волостной старшина и волостной писарь были жестоко избиты. Въ деревнѣ Михайловкѣ были избиты урядникъ Дубровскій и крестьяне Гололобовы, способствовавшіе бѣгству Цвѣтаева. Чѣмъ же были вызваны всѣ эти насильственныя дѣйствія? Убѣжденіемъ крестьянъ, что никакой холеры нѣтъ, что баракъ устраивается съ цѣлью морить людей, которыхъ будутъ тащить туда баграми и крючьями, класть живыми въ гробы и засыпать известью. Убѣжденіе это было такъ сильно, что при нападеніи на больницу крестьяне требовали отъ фельдшера указаній, гдѣ спрятаны багры, крючья и гробы, а отъ волостного писаря — объясненій, для чего привезена известь, ссыпанная въ больничный подвалъ. Составителями адскаго плана крестьяне считали помѣщиковъ, *господъ*, а подкупленными ихъ сообщниками — докторовъ и священниковъ: «доктора стали пускать ядъ въ рѣки, а священники — отравлять даже и св. тайны». Василиса Шиндяпина, во время больничнаго погрома, спрашивала фельдшеровъ: «гдѣ у васъ спрятаны пріѣзжіе изъ Тамбова доктора? Зачѣмъ шмаръ (моръ) пускаете и вздумали морить народъ?» «Вы сидите въ правленіи и ничего не знаете»,— говорила Прасковья Королева волостному писарю, — «а вчера баринъ Штакельбергъ и барыни Поземковскія (сосѣдніе землевладѣльцы) изъ подзорной трубы пускали шмару, чтобы морить народъ». Когда, утромъ 15-го іюля, староста села Гладышева, получивъ черезъ одного изъ гонцовъ Шиндяпина призывъ въ Абакумовку, пошелъ, съ нѣсколькими другими крестьянами, посовѣтоваться съ мѣстнымъ священникомъ, крестьянинъ Головачевъ прервалъ увѣщанія священника словами: «чего тутъ слушать, пойдемъ скорѣе», и сталъ выгонять мужиковъ и бабъ въ Абакумовку. Священникъ с. Березовки,

пріѣхавъ въ Абакумовку, надѣлъ эпитрахиль и вышелъ къ буйствовавшимъ крестьянамъ съ крестомъ и евангеліемъ, но его не стали слушать, крича: «насъ отравить хотятъ, уйди отъ насъ, кто звалъ тебя?»—и когда онъ уходилъ, кто-то бросилъ въ него сзади кирпичомъ. Чрезвычайно характерны также слѣдующіе факты. Еще 7-го іюля, когда врачъ Цвѣтаевъ старался успокоить абакумовскихъ крестьянъ, изъ толпы слышались голоса: «насъ бабы одолѣли, воюютъ, говорятъ, что будутъ морить народъ». Во время погрома первыми въ калитку больничнаго двора стали ломиться бабы. Первый ударъ больничному сторожу, старавшемуся удержать напоръ толпы, нанесла Екатерина Шандянина. Къ помѣщенію фельдшеровъ первыя подступили бабы, вооруженныя палками. Угрозы «вымотать кишки толстопузому» (Цвѣтаеву) произносились бабами. Первою влѣзла въ волостное правленіе, черезъ окно, какая-то баба; первою вцѣпилась въ бороду старшинѣ старуха Чурбакова. Лукерья Куксова, тыкая старшину палкой въ зубы, кричала: «ты подкупленъ докторами, своихъ продаешь», и била его палкой даже тогда, когда онъ лежалъ на полу, безпомощный и потерявшій сознаніе. Когда толпа въ первый разъ подступила къ волостному правленію, одинъ изъ крестьянъ кричалъ: «валяй, валяй, бабы, вамъ ничего не будетъ, на васъ спроса нѣтъ». Тотъ же крестьянинъ подстрекалъ бабъ сжечь приготовленный для барака матеріалъ, говоря: «тащи, тащи, бабы, жги, коли ничего вамъ, бабы, не будетъ». Къ числу зачинщиковъ «возстанія» обвинительнымъ актомъ отнесены, рядомъ съ *пятью* мужчинами, *четыре* женщины, къ числу наиболѣе виновныхъ участниковъ—рядомъ съ *двѣнадцатью* мужчинами, *семь* женщинъ.

Остановимся прежде всего на послѣдней сторонѣ картины, тѣмъ болѣе поразительной, что она едва-ли случайна: женщины, насколько можно судить по газетнымъ сообщеніямъ, играли видную роль и въ приволжскихъ безпорядкахъ. Чѣмъ объяснить, что «бабы» не только оказываются болѣе озлобленными и предпріимчивыми, чѣмъ «мужики», но имъ принадлежитъ, повидимому, самая иниціатива волненія, окончившагося событіями 15-го іюля (припомнимъ знаменательныя восклицанія, раздававшіяся въ толпѣ еще недѣлей раньше: «насъ бабы одолѣли, воюютъ»)? Не выразилась ли здѣсь съ особенною яркостью одна изъ двухъ главныхъ причинъ, ле-

жащихъ въ основаніи «холерныхъ» и многихъ другихъ безпорядковъ: колоссальное невѣжество крестьянской массы и непосредственно отъ него зависящая готовность вѣрить самымъ нелѣпымъ сказкамъ? Въ самомъ дѣлѣ, слабые лучи просвѣщенія, проникшіе, за послѣднія двадцать пять лѣтъ, въ среду народа, всего меньше коснулись женщинъ; безграмотныхъ между ними до сихъ поръ несравненно больше, нежели между мужчинами. Чѣмъ гуще тьма, тѣмъ обильнѣе матеріалы для броженія. Однажды возникнувъ и достигнувъ извѣстной силы, оно идетъ дальше—и не встрѣчаетъ рѣшительнаго отпора, потому что только немногимъ выше своихъ матерей и женъ стоятъ, по степени умственнаго развитія, и сами крестьяне. Большинство—и притомъ наиболѣе вліятельное, въ силу своего возраста — нигдѣ не училось и ничего не знаетъ; не даромъ же между подсудимыми по тамбовскому дѣлу такъ много людей среднихъ и даже преклонныхъ лѣтъ. Изъ числа тринадцати подстрекателей и зачинщиковъ возстанія только двое не достигли еще сорока лѣтъ; четверымъ — отъ 40 до 48 лѣтъ, а всѣмъ остальнымъ — болѣе пятидесяти (есть старики 75 и 63, старухи 65 и 62 лѣтъ). Почти никого изъ нихъ не могло коснуться, слѣдовательно, вліяніе школы. Противъ давленія такихъ руководителей не устояли и болѣе молодые люди (между девятнадцатью второстепенными участниками возстанія не достигшихъ сорокалѣтняго возраста было двѣнадцать). Во всякомъ движеніи толпы есть нѣчто стихійное: болѣе или менѣе сознательное стремленіе вождей увлекаетъ массу почти механически и, въ свою очередь, сплошь и рядомъ, увлекается ею далеко за первоначально намѣченные предѣлы (тотъ самый Шипдяпинъ, который далъ первый толчокъ къ безпорядкимъ 15-го іюля, старался, когда они начались, остановить ихъ развитіе, уговаривалъ бабъ разойтись, замахивался даже на нихъ палкой, но онѣ его не слушались). Быстрота и сила распространенія смуты зависитъ, между прочимъ, отъ степени противодѣйствія, встрѣчаемаго ею въ умахъ толпы. Это противодѣйствіе обусловливается, въ свою очередь, суммой здравыхъ представленій и понятій, которыми располагаетъ толпа. Къ несчастію, эта сумма до сихъ поръ еще невелика не только у людей безграмотныхъ, но даже у многихъ учившихся въ начальной сельской школѣ. Не говоримъ о школѣ грамотности, дающей, въ большинствѣ слу-

чаевъ, только умѣнье читать по складамъ, смутно понимая прочитанное; не говоримъ о заурядной церковно-приходской школѣ, серьезному вліянію которой препятствуетъ уже кратко-срочность ея (двухлѣтняго) курса; даже правильно организованная школа (земская или министерская), съ ея трехлѣтнимъ курсомъ, далеко не всегда оставляетъ достаточно глубокій и прочный слѣдъ въ умѣ учениковъ. Только въ видѣ исключенія они выносятъ изъ нея зачатки того знанія, которое одно можетъ служить точкой опоры въ критическія минуты народныхъ волненій: знанія элементарныхъ законовъ природы и элементарныхъ условій государственности и общежитія. Кто обладаетъ первымъ, тотъ не повѣритъ отравленію рѣки двумя бочками яда, не приметъ подзорную трубу за орудіе распространенія «шмары», не усомнится въ существованіи холеры и въ естественномъ ея происхожденіи; кто обладаетъ вторымъ, тотъ не станетъ утверждать, напримѣръ, что «бабамъ» все дозволено и что ихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ постигнуть уголовная отвѣтственность. Между тѣмъ, именно въ сообщеніи свѣдѣній по естествознанію и по государственному и общественному устройству начальная школа всегда была у насъ до крайности стѣснена—и больше чѣмъ когда-либо это стѣсненіе возросло въ послѣднее время, подъ вліяніемъ ретроспективнаго увлеченія такъ называемой «часословной» школой. Послѣ страшныхъ уроковъ, данныхъ Россіи бѣдствіями 1891 и 1892 гг., необходимость распространенія образованія въ народѣ сдѣлалась почти общимъ мѣстомъ; открыто возстаютъ противъ него только жалкіе ревнители мракобѣсія, даже собратьями по оружію относимые къ «грязному хвосту» партіи. Количественному росту народныхъ школъ едва-ли будутъ противопоставлены какія-либо преграды; но привести къ желанной цѣли онъ можетъ лишь въ такомъ случаѣ, если рука объ руку съ нимъ будетъ идти *качественный* подъемъ обученія. Начальная школа можетъ, притомъ, только положить основанія развитію: оно должно быть продолжаемо и за ея стѣнами, съ помощью воскресныхъ и повторительныхъ школъ, публичныхъ чтеній, народныхъ читаленъ, народной прессы и литературы. *Темной* — въ томъ смыслѣ слова, поразительной иллюстраціей котораго служатъ событія минувшаго лѣта — можетъ быть и полу-грамотная или даже грамотная, но ничего не знающая и совершенно неразвитая народная

масса; а какія разрушительныя силы могутъ накопляться въ темнотѣ—этого теперь нельзя не видѣть.

Мы упомянули выше о *двухъ* главныхъ причинахъ, вызывающихъ народные безпорядки. Глубокое невѣжество крестьянской толпы усложняется столь же глубокимъ недовѣріемъ ея къ *господамъ*, къ помѣщикамъ. Чрезвычайно легко распространяясь все дальше и дальше, это недовѣріе захватываетъ всѣхъ занимающихъ извѣстное положеніе, всѣхъ носящихъ извѣстный костюмъ, всѣхъ стоящихъ, по занятіямъ, по образованію или хотя бы только по наружному виду, внѣ народной массы. Подозрительными, какъ сообщники «господъ» или какъ пассивные попустители ихъ злодѣйскихъ плановъ, являются и священники, и чиновники, и врачи, и фельдшера, и урядники, и даже крестьянскія власти — волостные старшины и писаря. Само собою разумѣется, что эта подозрительность выросла на почвѣ крѣпостного права; но какъ объяснить, что она пережила его на цѣлыя тридцать лѣтъ, нисколько, повидимому, не ослабѣвъ и не смягчившись? Какъ искоренить или по крайней мѣрѣ уменьшить ее, какъ потушить пламя, таящееся подъ пепломъ и постоянно грозящее пожаромъ? Это— вопросъ первостепенной важности; пока онъ не разрѣшенъ, не можетъ считаться обезпеченнымъ правильное движеніе русской жизни. И здѣсь, конечно, многаго можно ожидать отъ распространенія образованія, уничтожающаго предразсудки и сглаживающаго различіе между такъ называемыми высшими и низшими классами народа; но разсчитывать исключительно на это средство, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ дѣйствующее медленно и постепенно, было бы, думается намъ, большой ошибкой. Если народное недовѣріе прежде всего падаетъ на *господъ* и уже отъ нихъ, путемъ отраженія, переходитъ на другія сферы, то не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что бывшіе «господа» все еще недостаточно отрѣшились отъ специфически «господскихъ» привычекъ и стремленій, все еще недостаточно забыли традиціи крѣпостной эпохи? Не слѣдуетъ ли признать, что поддерживаетъ вражду все напоминающее старые, ненавистные народу порядки, а противодѣйствуетъ ей все направленное къ сближенію сословій, къ соединенію ихъ въ общемъ трудѣ, къ установленію добрыхъ, близкихъ отношеній между людьми образованными и необразованными, имущими и неимущими, сильными и слабыми? Нельзя сказать,

чтобы ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи за послѣднюю четверть вѣка правительствомъ и обществомъ. Правительство призвало помѣщиковъ и крестьянъ къ совмѣстной дѣятельности въ земскихъ собраніяхъ и въ судѣ присяжныхъ; общество выставило и продолжаетъ выставлять изъ своей среды немало силъ, посвящающихъ себя народному благу. Но этого, очевидно, мало: вѣковое предубѣжденіе стоитъ почти нетронутымъ, незамѣтное — или, лучше сказать, многими незамѣчаемое — только до тѣхъ поръ, пока чрезвычайныя обстоятельства не сбрасываютъ прикрывающую его завѣсу. Необходимо положить конецъ всему тому, что̀ даетъ поводъ считать крестьянъ «низшимъ родомъ людей» и питаетъ въ нихъ самихъ чувство приниженности и угнетенности; необходимо создать новые пути, на которыхъ могли бы сходиться въ дружной работѣ всѣ жители данной мѣстности; необходимо устранить всѣ препятствія, затрудняющія свободную дѣятельность близъ народа и на пользу народа. Если іюньскія и іюльскія событія подвинутъ насъ хоть на одинъ шагъ къ достиженію этой цѣли, къ нимъ можно будетъ примѣнить поговорку: «нѣтъ худа безъ добра». Одно, во всякомъ случаѣ, они доказываютъ несомнѣнно: невозможность разсчитывать, въ дѣлѣ предупрежденія и прекращенія безпорядковъ, только на бдительность и строгость власти. Волненія въ Абакумовкѣ начались по меньшей мѣрѣ за восемь дней до вспышки 15-го іюля — и все-таки вспышка состоялась. Земскій начальникъ ничего не зналъ, исправникъ ничего не сдѣлалъ; урядники, «гуляя» съ крестьянами въ «помѣщеніи при винной лавкѣ» (т.-е. обращая ее, фактически, въ кабакъ, вопреки закону, охранять который призвана полиція), дали своей болтовней ближайшій поводъ къ возбужденію безпорядковъ. Съ другой стороны, абакумовцы, какъ видно изъ дѣла, знали еще въ началѣ іюля объ астраханскихъ событіяхъ, знали, слѣдовательно, и о вызванной ими репрессіи—и все-таки пошли на встрѣчу такой же участи. Безнаказанности они ожидали только для «бабъ»—и все-таки присоединились къ «войнѣ», задуманной и начатой «бабами». Въ обвинительномъ актѣ упоминается о трехъ солдатахъ (очевидно — отставныхъ или запасныхъ), игравшихъ видную роль въ безпорядкахъ, а вѣдь солдаты-то ужъ конечно не могли не знать, что̀ ожидаетъ участниковъ «возстанія». Бываютъ минуты, когда страхъ наказанія, какъ бы оно ни было грозно,

совершенно исчезаетъ передъ другими, болѣе могущественными мотивами и оказывается безсильнымъ предупредить преступленіе. Гарантій для будущаго слѣдуетъ искать, поэтому, не въ обостреніи страха, а въ ослабленіи тѣхъ мотивовъ, которые его заглушаютъ.

LII.

Назначеніе А. К. Анастасьева и уходъ И. А. Вышнеградскаго [1]).

Истекшіе два мѣсяца ознаменовались крупными перемѣнами въ личномъ составѣ высшаго государственнаго управленія. Въ концѣ іюля были назначены два новые члена Государственнаго Совѣта—сенаторъ (бывшій пензенскій губернаторъ) Татищевъ и черниговскій губернаторъ Анастасьевъ; въ началѣ сентября И. А. Вышнеградскій былъ уволенъ, по болѣзни, отъ управленія министерствомъ финансовъ; мѣсто его занялъ управляющій министерствомъ путей сообщенія С. Ю. Витте, а мѣсто послѣдняго — директоръ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, А. К. Кривошеинъ. Назначеніе новыхъ членовъ Государственнаго Совѣта обращаетъ на себя всеобщее вниманіе только тогда, когда оно совершается внѣ обычнаго іерархическаго порядка, являясь не завершеніемъ долговременной, усердной службы, а какъ бы признаніемъ чрезвычайныхъ заслугъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, иногда, подготовкой къ дальнѣйшему возвышенію. Таково было назначеніе, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, московскаго губернскаго предводителя дворянства гр. Бобринскаго и Г. П. Галагана, въ 1886 г.—назначеніе И. А. Вышнеградскаго; таково теперь назначеніе А. А. Татищева и въ особенности А. К. Анастасьева. Говоримъ: *въ особенности* — какъ потому, что непосредственный переходъ отъ губернаторской должности къ званію члена Государственнаго Совѣта представляется фактомъ чуть ли не един-

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1892 г., октябрь, внутр. обозрѣніе.

ственнымъ въ своемъ родѣ, такъ и потому, что дѣятельность бывшаго черниговскаго губернатора чаще была предметомъ толковъ въ обществѣ и въ печати, чѣмъ дѣятельность бывшаго пензенскаго губернатора. «Вчерашнее назначеніе двухъ новыхъ членовъ Государственнаго Совѣта,—читаемъ мы въ «Дневникѣ» кн. Мещерскаго отъ 23 іюля («Гражданинъ», № 203), — было праздникомъ въ мірѣ консерваторовъ, т.-е. такихъ русскихъ людей, которые требуютъ отъ правительственныхъ слугъ *полнаго* (курсивъ въ подлинникѣ), а не неполнаго служенія правительственнымъ интересамъ власти и порядка... Двадцать лѣтъ тому назадъ такое назначеніе, какъ Анастасьева, было немыслимо, по той простой причинѣ, что тогда сказали бы: — да, онъ преданъ, но все-таки общественное мнѣніе противъ него... Однимъ прощали тогда недостатокъ *правительственности* и избытокъ антиправительственнаго либерализма; другимъ, т.-е. Анастасьевымъ (собственное имя обращается здѣсь «Гражданиномъ» въ нарицательное) не прощали избытокъ правительственности и недостатокъ либерализма». Послѣ назначенія гр. Д. А. Толстого министромъ внутреннихъ дѣлъ, «Анастасьевы получили доступъ къ должностямъ и начали дѣйствовать». Ихъ дѣятельность не была легка, потому что «*тайные совѣтники*» (извѣстно, какой специфическій смыслъ имѣютъ эти два слова на языкѣ кн. Мещерскаго) называли безтактными грубіянами и даже неудобными тѣхъ новыхъ людей, которые выступили на поприщѣ государственной службы съ девизомъ: все для правительства и Россіи — и ничего для либерализма. Однимъ изъ виднѣйшихъ этихъ новыхъ людей былъ черниговскій губернаторъ Анастасьевъ, и ничего нѣтъ удивительнаго, что на него, болѣе чѣмъ на кого бы то ни было, направлена была пристрастная травля негодовавшихъ либераловъ».

Двадцать лѣтъ тому назадъ шефомъ жандармовъ былъ гр. П. А. Шуваловъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ—А. Е. Тимашевъ, министромъ юстиціи — гр. К. И. Паленъ, главнымъ начальникомъ управленія по дѣламъ печати — М. Н. Лонгиновъ; между губернаторами видную роль играли гг. Скарятинъ, Болдыревъ и Токаревъ, между прокурорами—г. Жихаревъ. Этихъ немногихъ именъ достаточно для того, чтобы оцѣнить правдивость указаній «Гражданина» на *анти-правительственность* тогдашнихъ назначеній. Никому, впрочемъ, и не придетъ въ голову искать въ «Гражданинѣ» точнаго воспроизведенія и пра-

вильной характеристики различныхъ фазисовъ, недавно пережитыхъ Россіей; мы привели длинную цитату изъ «Дневника» кн. Мещерскаго исключительно съ цѣлью показать, какъ понимается, въ средѣ извѣстной группы, призывъ г. Анастасьева въ составъ Государственнаго Совѣта. Вѣдь для оцѣнки хвалы и порицанія важно не только ихъ содержаніе, но и ихъ происхожденіе...

Увольненіе И. А. Вышнеградскаго сопровождается, какъ и слѣдовало ожидать, панегириками всему имъ сдѣланному со стороны газетъ, привѣтствовавшихъ его назначеніе и восторгавшихся его финансовой и экономической политикой. Столь же естественно и то, что въ этихъ панегирикахъ звучитъ осужденіе предшественниковъ — или, лучше сказать, лица, непосредственно предшествовавшаго И. А. Вышнеградскому. «Кто не помнитъ, — восклицаютъ, напримѣръ, «Московскія Вѣдомости» (№ 244),—въ какомъ жалкомъ положеніи находились финансы Россіи пять-шесть лѣтъ тому назадъ, послѣ многолѣтняго періода ошибочной финансовой политики». Наслѣдіе Н. Х. Бунге называется, въ той же статьѣ, «тяжкимъ и печальнымъ»; то же самое повторяется и на другой день (№ 245), въ видѣ предисловія къ перечню успѣховъ, достигнутыхъ И. А. Вышнеградскимъ. Нѣсколько позже, однако (№ 253), сами «Московскія Вѣдомости» признаютъ, что современное финансовое положеніе Россіи «затруднительнѣе и сложнѣе бывшаго къ началу 1887 г.», и что на долю новаго состава финансоваго управленія выпадаетъ «тяжелая обязанность». Не явствуетъ ли отсюда, что заслуги министра не могутъ быть опредѣляемы положеніемъ финансовъ въ ту или другую данную минуту,— напримѣръ, въ минуту его увольненія? Это положеніе обусловливается массою обстоятельствъ, изъ которыхъ многія не зависятъ отъ дѣятельности министра. Критерій для его оцѣнки слѣдуетъ искать не столько въ курсѣ рубля или въ цифрѣ дефицита, сколько въ тѣхъ существенныхъ перемѣнахъ, которыя внесены имъ въ общій строй финансовой системы, въ распредѣленіе податного бремени, въ развитіе народнаго хозяйства. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, активъ управленія Н. Х. Бунге весьма великъ: стоитъ только назвать отмѣну подушной подати, введеніе налоговъ съ наслѣдствъ и съ процентныхъ бумагъ, а также дополнительныхъ сборовъ съ промышленности и торговли, учрежденіе крестьянскаго банка, законы

1882 и 1886 г., направленные къ огражденію фабричныхъ рабочихъ.

Такихъ преобразованій, клонящихся къ исправленію вѣковой несправедливости, къ уничтоженію различія между сословіями податными и неподатными, къ обезпеченію трудящейся массы населенія, активъ И. А. Вышнеградскаго вовсе не представляетъ. Вопросъ о подоходномъ налогѣ, поставленный на очередь Н. Х. Бунге, былъ снятъ его преемникомъ и опять выдвинутъ на сцену только недавно, подъ вліяніемъ бѣдственнаго 1891-го года. Безспорными заслугами И. А. Вышнеградскаго слѣдуетъ признать сокращеніе сверхсмѣтныхъ расходовъ и регулированіе желѣзнодорожнаго хозяйства, путемъ увеличенія правительственнаго вліянія на частныя желѣзнодорожныя общества; но нельзя же забывать, что начало тому и другому было положено при Н. Х. Бунге. Включеніе въ смѣту извѣстной суммы на непредвидѣнныя надобности, съ тѣмъ, чтобы не допускать никакихъ выходящихъ за ея предѣлы ассигновокъ, было осуществлено И. А. Вышнеградскимъ, но подготовлено Н. Х. Бунге, предложившимъ эту мѣру еще въ докладѣ, при которомъ была представлена роспись на 1884-ый годъ. Основаніемъ новой желѣзнодорожной политики послужилъ общій желѣзнодорожный уставъ 1885 г., составленный и изданный при дѣятельномъ участіи министерства финансовъ. Таможенная политика И. А. Вышнеградскаго можетъ быть цѣнима весьма различно, смотря по точкѣ зрѣнія, съ которой производится оцѣнка; но едва-ли можно отрицать, что и она была продолженіемъ политики Н. Х. Бунге и отличалась отъ нея только интенсивностью, а не направленіемъ. Различны, какъ извѣстно, взгляды и на достоинство конверсій, произведенныхъ И. А. Вышнеградскимъ; подвести балансъ ихъ выгоднымъ и невыгоднымъ послѣдствіямъ можетъ только время. Выигрышный заемъ 1889 г., выпущенный на пользу заемщиковъ дворянскаго банка, не ставится теперь въ активъ И. А. Вышнеградскаго даже самыми ревностными его приверженцами. Мы согласны съ ними только въ одномъ: преемнику И. А. Вышнеградскаго предстоитъ сложная и чрезвычайно трудная задача. Провидѣть будущее и предсказать, какъ онъ ее исполнитъ, мы не беремся; у насъ нѣтъ пророческаго дара, монополія котораго принадлежитъ нашимъ присяжнымъ хвалителямъ оффиціальныхъ дѣйствій и оффиціальныхъ дѣятелей. Во главѣ

управленія министерствомъ путей сообщенія С. Ю. Витте находился слишкомъ недолго, чтобы оно могло дать солидный матеріалъ для предположеній о характерѣ дѣятельности его на новомъ поприщѣ, а службой его въ обществѣ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ и въ министерствѣ финансовъ гарантируется только близкое его знакомство съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ. Столь же преждевременной, по аналогичнымъ причинамъ, кажется намъ радость, выражаемая нѣкоторыми газетами по поводу назначенія А. К. Кривошеина.

LIII.

Квартирный налогъ [1]).

Весною прошлаго года, подъ вліяніемъ кризиса, вызваннаго неурожаемъ, въ министерствѣ финансовъ возникла—или, лучше сказать, возродилась—мысль о введеніи подоходнаго налога. Мы говоримъ: *возродилась,* потому что необходимость подоходнаго налога, земствомъ провозглашенная еще въ извѣстныхъ отвѣтахъ 1871 г., была признана въ принципѣ, около половины восьмидесятыхъ годовъ, и въ правительственныхъ сферахъ. «Если министерство финансовъ,—говорилъ Н. Х. Бунге въ всеподданнѣйшемъ докладѣ, при которомъ представлена была государственная роспись на 1884 г.,—не рѣшилось сразу проектировать общій подоходный налогъ, то это потому, что та же цѣль, по его мнѣнію, въ нѣкоторой степени могла быть достигнута съ меньшимъ потрясеніемъ существующихъ хозяйственныхъ отношеній, и притомъ не откладывая преобразованія податей до учрежденія уѣзднаго податного управленія, потребность въ которомъ становится со дня на день болѣе настоятельною, но для устройства котораго потребуются значительныя финансовыя средства. Это послѣднее обстоятельство заставило министерство финансовъ нѣсколько замедлить преобразованіемъ, которое, однако, *должно быть осуществлено при первой къ тому возможности*». Препятствіе, указанное въ этомъ докладѣ, давно устранено; податная инспекція существуетъ уже около восьми лѣтъ и дѣйствуетъ удовлетворительно. *Возможность* осуществленія подоходнаго налога несомнѣнно наступила—и

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1893 г., апрѣль, внутр. обозрѣніе.

весьма понятно, что объ этомъ вспомнили въ тяжелую минуту. Встрѣтились, однако, новыя затрудненія—и введеніе подоходнаго налога опять отложено на неопредѣленное время. Вмѣсто него проектированъ государственный квартирный налогъ, введеніе котораго предстоитъ, судя по слухамъ, въ ближайшемъ будущемъ.

Что же могло помѣшать реформѣ, справедливость и цѣлесообразность которой стоитъ внѣ всякаго спора? По видимому—недостаточность свѣдѣній о доходахъ, подлежащихъ обложенію. Существуетъ опасеніе, что плательщики будутъ скрывать цифру получаемаго ими дохода, а администрація, не имѣя возможности обнаружить истину, будетъ дѣйствовать произвольно, вызывая массу жалобъ и неудовольствій. Что въ настоящую минуту администрація не располагаетъ точными данными о доходахъ, подлежащихъ обложенію—этого мы не отрицаемъ; но единственнымъ путемъ къ полученію такихъ данныхъ кажется намъ именно установленіе подоходнаго налога. Въ самомъ дѣлѣ, пока подоходный налогъ не существуетъ, нѣтъ причины отбирать показанія о цифрѣ получаемаго дохода; пока нѣтъ такихъ показаній, не можетъ быть рѣчи и о ихъ провѣркѣ—и разъясненіе вопроса не двигается впередъ, преграда, въ сущности мнимая, остается неустраненной. Можно было бы, конечно, опросить, въ видѣ пробы, будущихъ плательщиковъ, но едва-ли получилось бы много серьезныхъ отвѣтовъ, разъ что каждый отвѣчающій видѣлъ бы въ самомъ опросѣ только опытъ, ни къ чему не обязывающій и никакихъ реальныхъ послѣдствій за собою не влекущій. Когда, девять лѣтъ тому назадъ, вводился дополнительный процентный сборъ съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, свѣдѣніями о доходахъ, доставляемыхъ этими предпріятіями, финансовая администрація не располагала; къ собранію ихъ приступлено было одновременно съ установленіемъ сбора—и никакихъ особыхъ неудобствъ отъ этого не произошло. Подготовка, въ такихъ случаяхъ, доставляется только практикою; пріучить общество и администрацію къ подоходному налогу можетъ только дѣйствительное его взиманіе. Попытки уменьшить платежъ, посредствомъ невѣрныхъ показаній о количествѣ получаемаго дохода, будутъ встрѣчаться всегда, какія бы ни были произведены предварительныя работы. Есть цѣлыя категоріи доходовъ измѣнчивыхъ, случайныхъ и трудно уловимыхъ, не поддающихся заранѣе

никакому, даже приблизительному исчисленію (напр. доходы отъ промышленности и торговли, отъ большинства такъ называемыхъ свободныхъ профессій); опредѣлить ихъ сумму можно только отдѣльно за каждый годъ, что́, въ свою очередь, мыслимо только при дѣйствіи подоходнаго налога. Говорятъ, что наши мѣстныя общественныя учрежденія мало сдѣлали до сихъ поръ для выясненія доходности земель и городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Допустимъ, что это такъ (хотя на самомъ дѣлѣ оцѣнка земель во многихъ земскихъ губерніяхъ или уѣздахъ гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ въ губерніяхъ не-земскихъ, да и между городами найдутся такіе, которые немало потрудились въ этомъ направленіи); отсюда вовсе еще не вытекаетъ необходимость отсрочки подоходнаго налога. Единственное средство опредѣлить достовѣрно доходность съ земли—это кадастръ, производство котораго въ такой обширной странѣ, какъ Россія, займетъ очень много времени и обойдется очень дорого. Ждать его окончанія, какъ условія для введенія подоходнаго налога—значило бы отложить послѣднее sine die. Кадастръ чрезвычайно важенъ, притомъ, для опредѣленія земельнаго налога, соразмѣряемаго съ положеніемъ и качествомъ земли, совершенно независимо отъ того, кто ею владѣетъ; онъ имѣетъ гораздо меньшее значеніе при опредѣленіи подоходнаго налога, въ которомъ главное—общая сумма средствъ плательщика. «Произволъ» администраціи легко можетъ быть введенъ въ сравнительно тѣсныя границы; для этого нужно только усилить роль общественнаго, выборнаго элемента въ смѣшанныхъ комиссіяхъ или присутствіяхъ, повѣряющихъ показанія плательщика и окончательно устанавливающихъ цифру налога.

Не является ли, однако, государственный квартирный налогъ суррогатомъ подоходнаго налога, могущимъ примирить съ отсутствіемъ послѣдняго? Въ пользу утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ приводится, обыкновенно, то соображеніе, что плата за квартиру служитъ довольно точнымъ показателемъ средствъ даннаго лица. Правда, чѣмъ выше доходъ, тѣмъ меньшую его часть составляетъ, въ большинствѣ случаевъ, квартирная плата; но справедливость будетъ соблюдена, если допустить нѣкоторое прогрессивное возрастаніе квартирнаго налога, нѣкоторое уменьшеніе его для лицъ многосемейныхъ и нѣкоторое увеличеніе для одинокихъ. Несоразмѣрность, проистекающая отъ неодинаковой, въ различныхъ мѣстностяхъ,

цѣнности квартиръ можетъ быть устранена возвышеніемъ, для мѣстностей дешевыхъ, процентнаго отношенія налога къ квартирной платѣ. Невозможность примѣненія квартирнаго налога въ деревняхъ и помѣщичьихъ усадьбахъ, а также въ наименѣе значительныхъ уѣздныхъ городахъ, не представляетъ существенно-важнаго неудобства, какъ потому, что лица, проживающія въ деревняхъ, почти всѣ безъ того уже обложены прямыми налогами (чего никакъ нельзя сказать о городскихъ жителяхъ), такъ и потому, что въ деревнѣ качество и объемъ помѣщенія менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ состоятельности даннаго лица.

Вполнѣ убѣдительными всѣ эти доводы назвать, по нашему мнѣнію, нельзя. Соотношеніе между квартирной платой и общей цифрой дохода подвержено массѣ случайностей, массѣ колебаній. Не нужно быть *многосемейнымъ* [1]), чтобы сравнительно много тратить на квартиру. Супругамъ съ однимъ или двумя дѣтьми квартира, ceteris paribus, обходится дороже, чѣмъ супругамъ бездѣтнымъ. Тому, кто вынужденъ, по роду занятій, жить въ одной изъ центральныхъ частей города, квартира стоитъ дороже, чѣмъ тому, кто безъ затрудненій можетъ поселиться на одной изъ окраинъ. Тому, чья больная жена не выдерживаетъ подъема на высокія лѣстницы, квартира стоитъ дороже, чѣмъ тому, кому ничто не мѣшаетъ подниматься со своими домочадцами хоть въ пятый этажъ. Представимъ себѣ двухъ отцовъ семейства, съ одинаковымъ числомъ дѣтей и одинаковыми средствами. Одному изъ нихъ удалось помѣстить своихъ дѣтей въ закрытое учебное заведеніе, на казенный счетъ, и этимъ путемъ уменьшить расходъ не только на воспитаніе дѣтей, но и на наемъ квартиры; квартирный налогъ, упадающій на его долю, уменьшится, такимъ образомъ, именно тогда, когда увеличилась цифра его чистаго дохода. Другой, менѣе счастливый, будетъ по-прежнему много тратить и на дѣтей, и на квартиру—и платить сравнительно крупный квартирный налогъ. При правильно организованномъ подоходномъ налогѣ дѣлается различіе между доходами фундированными (прочными, постоянными) и нефундированными (временными, случайными): первые облагаются въ выс-

[1]) Проектъ закона о государственномъ квартирномъ налогѣ устанавливаетъ льготу для тѣхъ, у кого на иждивеніи болѣе трехъ членовъ семейства.

шей мѣрѣ, чѣмъ послѣдніе. При квартирномъ налогѣ такого различія установить нельзя; изъ чего бы наниматель ни платилъ за квартиру — изъ дохода ли съ процентныхъ бумагъ, составляющихъ его собственность и переходящихъ по наслѣдству къ его семейству, или изъ дохода отъ профессіи, прекращающагося съ его болѣзнью или смертью — это все равно: налогъ взыскивается въ одинаковомъ количествѣ... Прогрессивность—одно изъ основныхъ условій подоходнаго налога. Квартирный налогъ, возвышающійся по мѣрѣ увеличенія квартирной платы, прогрессивенъ только по имени; возвышеніе не имѣетъ здѣсь иного смысла, кромѣ сохраненія *пропорціональности*, т.-е. удержанія, по возможности, одного и того же процентнаго отношенія между налогомъ и доходомъ. Съ дорогой квартиры сборъ взыскивается въ высшемъ процентѣ только потому, что самая плата, по предположенію, представляетъ собою сравнительно меньшую часть дохода, получаемаго квартиронанимателемъ. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Положимъ, что квартирная плата въ 600 рублей представляетъ собою, въ среднемъ выводѣ, $^1/_7$ часть дохода, т.-е. соотвѣтствуетъ доходу въ 4.200 рублей, а квартирная плата въ 6.000 рублей представляетъ собою $^1/_{21}$ часть дохода, т.-е. соотвѣтствуетъ доходу въ 126.000 рублей. Положимъ, далѣе, что съ первой квартирный налогъ взимается въ размѣрѣ 3% (18 рублей), со второй—въ размѣрѣ 10% (600 рублей). Что же составятъ цифры налога по отношенію къ доходу? И въ томъ и въ другомъ случаѣ нѣсколько менѣе $^1/_2$%; налогъ, слѣдовательно, является пропорціональнымъ, а не прогрессивнымъ. Между тѣмъ, при существованіи прогрессивнаго *подоходнаго* налога лицо получающее 4.200 рублей, платило бы не только *пропорціонально*, но и *сравнительно* меньше, чѣмъ лицо, получающее 126 тысячъ рублей (напримѣръ, при 1% съ дохода въ 4.200 рублей и хотя бы только 5% съ дохода въ 126 тыс., первое лицо платило бы 42 рубля, второе—6.300 рублей). Не соотвѣтствующимъ справедливости кажется намъ, наконецъ, и нераспространеніе новаго налога на сельскихъ жителей (конечно, здѣсь рѣчь идетъ не о массѣ крестьянъ, которые не подлежали бы квартирному налогу уже въ силу малоцѣнности занимаемыхъ ими помѣщеній). Изъ прямыхъ государственныхъ налоговъ на землевладѣльцахъ лежитъ, бо́льшею частью, только налогъ поземельный, гораздо менѣе высокій, чѣмъ налогъ съ городскихъ не-

движимостей; а между тѣмъ послѣдній не освобождаетъ городскихъ домовладѣльцевъ отъ привлеченія къ квартирному налогу. Правда, въ усадьбахъ чаще, чѣмъ въ городахъ, можно встрѣтить несоотвѣтствіе между объемомъ помѣщенія и средствами лица, его занимающаго: но *возможнымъ* такое несоотвѣтствіе является и въ городахъ, въ особенности по отношенію къ домамъ-особнякамъ, не приспособленнымъ для раздѣленія на квартиры. Владѣлецъ такого дома часто остается въ немъ и тогда, когда онъ пересталъ быть ему по карману — остается по той простой причинѣ, что не находитъ для него ни покупателя, ни нанимателя. Представимъ себѣ двухъ землевладѣльцевъ, обладающихъ одинаковыми средствами, но поставленныхъ въ различныя житейскія условія. Одинъ изъ нихъ, не имѣя ни дѣтей школьнаго возраста, ни занятій, требующихъ постояннаго присутствія въ городѣ, живетъ круглый годъ въ своей усадьбѣ. Другой по необходимости поселяется въ городѣ, съ которымъ его связываетъ или воспитаніе дѣтей, или дѣло, служащее для него главнымъ источникомъ дохода. Поземельный и другіе налоги, сопряженные съ землевладѣніемъ, оба платятъ на одномъ и томъ же основаніи—но для послѣдняго къ нимъ присоединяется квартирный налогъ, отъ котораго свободенъ первый. Эта явная неравномѣрность—тѣмъ болѣе чувствительная, что жизнь въ городѣ и вообще гораздо дороже, чѣмъ въ деревнѣ—не могла бы существовать при правильно организованномъ подоходномъ налогѣ. Прибавимъ къ этому, что въ большинствѣ случаевъ лицо, имѣющее возможность безвыѣздно жить въ деревнѣ, пользуется доходомъ фундированнымъ, а лицо, прикованное къ городу—доходомъ нефундированнымъ. И съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, при дѣйствіи квартирнаго налога болѣе тяжелое бремя ложится на того, кому при дѣйствіи подоходнаго налога было бы дано значительное облегченіе. Существуетъ предположеніе, что городское населеніе вообще зажиточнѣе сельскаго и что подоходный налогъ *фактически* падалъ бы почти исключительно на городское населеніе. Чтобы убѣдиться въ ошибочности этого предположенія, стоитъ только припомнить, что въ составъ сельскаго населенія, въ обширномъ смыслѣ этого слова—т.-е. въ смыслѣ населенія не-городского — входятъ не только землевладѣльцы, ихъ управляющіе, арендаторы, врачи, должностныя лица разныхъ категорій, но и фабриканты, за-

водчики, купцы, промышленныя и торговыя заведенія которыхъ, лично ими управляемыя, находятся за городской чертой. Государственный квартирный налогъ, пріурочиваемый только къ городамъ, создаетъ для всѣхъ этихъ лицъ ничѣмъ не оправдываемую податную льготу, которая съ полнымъ правомъ можетъ быть названа privilegium odiosum.

LIV.

Мірскіе сборы [1]).

Въ послѣднее время все больше и больше выдвигается на первый планъ вопросъ о такъ называемыхъ мірскихъ сборахъ, платимыхъ крестьянами на покрытіе разныхъ волостныхъ и сельско-общественныхъ расходовъ. Непосредственнымъ поводомъ къ возбужденію этого вопроса служитъ, большею частью, то постановленіе закона 12 іюля 1889 г., въ силу котораго мѣщане, ремесленники и цеховые, постоянно проживающіе въ деревняхъ, подчиняются вѣдѣнію крестьянской полиціи и крестьянскаго суда. Изъ того, что мѣщане, ремесленники и цеховые уравнены, въ этомъ отношеніи, съ крестьянами, дѣлается выводъ, что нѣтъ причины оставлять ихъ свободными отъ участія въ мірскихъ расходахъ. Кое-гдѣ это влечетъ за собою заявленіе соотвѣтствующихъ ходатайствъ со стороны земскихъ собраній; кое-гдѣ мѣщане, ремесленники и цеховые—и даже не они одни—уже теперь прямо привлекаются къ платежу мірскихъ сборовъ. Такъ напр., одинъ изъ земскихъ начальниковъ распорядился составленіемъ мірской раскладки не съ земли, а по дворамъ, безъ исключенія дворовъ, занятыхъ разночинцами. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ болховскаго уѣзда (орловской губ.) волостные сходы постановили обложить по мірской раскладкѣ всѣ частно-владѣльческія земли, кромѣ дворянскихъ—и земскій начальникъ утвердилъ эти приговоры. То же самое произошло, повидимому, и въ таврической губерніи. Нѣкоторые волостные и сельскіе сходы—читаемъ мы въ циркулярѣ таври-

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1893 г., октябрь, внутр. обозрѣніе

ческаго губернатора («Новое Время», № 6251)—«при составленіи смѣтъ на мірскіе расходы стали облагать сборомъ и земли частныхъ владѣльцевъ податного состоянія и вообще разночинцевъ. Съ теченіемъ времени такого рода обложеніе постепенно распространяется; въ средѣ сельскаго населенія—крестьянскаго и владѣльческаго—назрѣваетъ, очевидно, сознаніе въ необходимости нести мірскія повинности не однимъ только крестьянскимъ, но и частнымъ владѣльцамъ. Руководствуясь этими соображеніями, губернаторъ предложилъ земскимъ начальникамъ доставить ему свѣдѣнія о всѣхъ случаяхъ обложенія мірскимъ сборомъ земель частныхъ владѣльцевъ податного состоянія—крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ, почетныхъ гражданъ и другихъ разночинцевъ, а также заключеніе о способахъ и размѣрахъ обложенія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что по дѣйствующему закону платежъ мірскихъ сборовъ обязателенъ только для крестьянъ. Единственнымъ легальнымъ основаніемъ для взиманія этихъ сборовъ представляется глава вторая третьяго раздѣла общаго положенія о крестьянахъ (ст. 177—186), примѣнимая и по буквальному, и по внутреннему своему смыслу исключительно къ членамъ сельскихъ и волостныхъ обществъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно привести подлинный текстъ ст. 181 и 182: «мірскія повинности отправляются тѣмъ волостнымъ или сельскимъ обществомъ, къ нуждамъ котораго принадлежитъ предметъ повинности. Мірскія денежныя и натуральныя повинности назначаются и раскладка ихъ между сельскими обществами, а въ обществахъ—между отдѣльными крестьянами производится волостными или сельскими сходами, по принадлежности». Измѣненіе этого порядка можетъ произойти, очевидно, не иначе, какъ путемъ законодательнымъ—и если на практикѣ мы видимъ нѣчто другое, если иниціативу реформы берутъ на себя земскіе начальники, не только не сдерживаемые, но поощряемые губернаторомъ, то это служитъ новымъ и весьма яркимъ доказательствомъ тому, до какой степени поколеблено у насъ, въ настоящее время, понятіе о законности. Обложеніе мѣщанъ или разночинцевъ сборомъ, отъ котораго они по закону изъяты—вопіющее превышеніе власти, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ было бы совершенно немыслимо или, во всякомъ случаѣ, встрѣтило бы не поддержку, а строгую репрессію. Необходимость положить конецъ всякому

произвольному расширенію круга плательщиковъ мірскихъ сборовъ и перенести вопросъ въ его настоящую сферу—въ сферу законодательныхъ преобразованій,—сдѣлается еще яснѣе, если мы обратимъ вниманіе на способъ разрѣшенія его слишкомъ ревностными администраторами. Мы видѣли уже, что исходнымъ пунктомъ для движенія, выразившагося, между прочимъ, въ поспѣшныхъ и необдуманныхъ административныхъ мѣрахъ, послужило подчиненіе мѣщанъ, ремесленниковъ и цеховыхъ крестьянской полиціи и крестьянскому суду. Объектами самоуправнаго обложенія являются, однако, не только эти три категоріи сельскихъ жителей, но вообще разночинцы, въ томъ числѣ купцы и почетные граждане, теперь, какъ и до судебно-административной реформы 1889 г., органамъ крестьянскаго управленія ни въ чемъ не подчиненные. Какъ произошелъ этотъ скачекъ и почему онъ не доведенъ до своего логическаго конца, т.-е. до обложенія всѣхъ землевладѣльцевъ, безъ различія сословій—это, опять-таки, становится понятнымъ только въ связи съ господствующимъ настроеніемъ настоящаго времени. Весьма знаменателенъ, съ этой точки зрѣнія, цитированный нами выше циркуляръ таврическаго губернатора. Мы встрѣчаемся здѣсь съ такой терминологіей, которую слѣдовало бы считать безусловно и безвозвратно исключенной изъ оффиціальнаго лексикона. Циркуляръ воскрешаетъ различіе между податнымъ и неподатнымъ состояніемъ, похороненное около десяти лѣтъ тому назадъ, съ отмѣною подушной подати—и воскрешаетъ его, вдобавокъ, не совсѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно нѣкогда существовало. Къ податному состоянію причисляются здѣсь купцы и почетные граждане, не принадлежавшіе къ нему даже въ до-реформенное время. Все дѣло, очевидно, заключалось въ томъ, чтобы найти внѣшній признакъ, съ помощью котораго землевладѣльцы-дворяне могли бы быть выдѣлены изъ числа лицъ, привлекаемыхъ къ платежу мірского сбора. Такимъ признакомъ явилась принадлежность къ неподатному состоянію, хотя для этого понадобилось, во-первыхъ, возвратить существованіе несуществующему и, во-вторыхъ, измѣнить прежній смыслъ стариннаго слова. Совершенно упущено, наконецъ, изъ виду разнообразіе расходовъ, покрываемыхъ мірскими сборами. Чтобы опредѣлить, кто долженъ, по справедливости, участвовать въ платежѣ мірскихъ сборовъ, необходимо знать, прежде всего, на что́ идутъ эти сборы.

Единственнымъ сколько-нибудь полнымъ обзоромъ мірскихъ расходовъ служитъ до сихъ поръ 13-ый выпускъ 3-ей серіи «Статистическаго временника Россійской имперіи», вышедшій въ свѣтъ въ 1886 г. и заключающій въ себѣ сводку мірскихъ расходовъ, по 46 губерніямъ Европейской Россіи, за 1881 г. Данныя его, конечно, устарѣли, да онѣ не отличались и первоначально безусловною точностью и полнотою; но для нашей цѣли онѣ достаточны, потому что знакомятъ съ главными категоріями мірскихъ расходовъ и съ ихъ размѣромъ, относительнымъ и абсолютнымъ. Сельскіе расходы раздѣлены въ сборникѣ только на три группы: 1) жалованіе сельскимъ старостамъ; 2) жалованіе прочимъ должностнымъ лицамъ сельскаго управленія, и 3) остальные расходы. Гораздо детальнѣе группировка волостныхъ расходовъ: 1) жалованіе волостныхъ старшинъ и ихъ помощниковъ; 2) жалованіе волостныхъ писарей и ихъ помощниковъ; 3) жалованіе остальныхъ лицъ волостного управленія; 4) содержаніе общественныхъ зданій; 5) канцелярскіе расходы; 6) расходы на церковь; 7) на народное образованіе; 8) на народное здоровье, 9) на благотворительность; 10) на пожарную часть; 11) на воинскую повинность; 12) на дорожную повинность; 13) на этапную повинность; 14) на квартирную повинность; 15) на разъѣздныхъ лошадей; 16) на разсыльныхъ и десятскихъ при становыхъ квартирахъ; 17) на суточныя присяжнымъ засѣдателямъ и земскимъ гласнымъ; 18) на арестантскую часть; 19) на разные другіе предметы. Значеніе всѣхъ этихъ рубрикъ далеко не одинаково: нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ только въ немногихъ уѣздахъ, да и тамъ составляютъ ничтожную часть волостныхъ расходовъ. Таковы, напримѣръ, рубрики подъ №№ 9, 10, 11, 13, 16, 17, 18, колеблющіяся между 0,2% и 0,9% общей суммы волостныхъ расходовъ. Отъ 1% до 2½% этой суммы составляютъ рубрики 5, 6, 8, 12, 14 и 19. Расходы на народное образованіе доходятъ до 6%. Болѣе значительны только три статьи расхода: содержаніе и постройка общественныхъ зданій (10,3%); содержаніе разъѣздныхъ лошадей (26%) и жалованіе должностнымъ лицамъ (45,3%, а именно: жалованіе волостныхъ старшинъ и ихъ помощниковъ 12,6%, волостныхъ писарей и ихъ помощниковъ—22,3%, всѣхъ остальныхъ—10,4%). Почти такое же мѣсто жалованье должностныхъ лицъ занимаетъ и между сельскими расходами (около 44½%). Что касается до остальной

ныхъ сельскихъ расходовъ, на долю которыхъ приходится, такимъ образомъ, около $55^1/_2\%$ общей суммы, то о нихъ составители сборника ограничиваются слѣдующимъ замѣчаніемъ: «рубрика *остальные расходы* въ сельскихъ бюджетахъ содержитъ тѣ же самыя статьи, какія входятъ въ составъ разныхъ расходовъ по волостнымъ бюджетамъ, главнымъ же образомъ—расходы хозяйственные». Какъ ни коротко это замѣчаніе, оно бросаетъ весьма яркій свѣтъ на громадную разницу между волостными и сельскими расходами. Въ волости разные расходы поглощаютъ только 1% всего бюджета, въ сельскомъ обществѣ—$55^1/_2\%$. Что же это за разные расходы. Вотъ главныя ихъ статьи, перечисляемыя въ сборникѣ (по отношенію къ волостному бюджету): панихиды и молебны, принятіе и освященіе иконъ, пожертвованія въ разныя благотворительныя общества и на богоугодныя цѣли, вспомоществованіе должностнымъ лицамъ, пополненіе растратъ и передержекъ, взносъ податей за убылыхъ и низшихъ воинскихъ чиновъ, уплата общественныхъ долговъ, образованіе продовольственнаго капитала и усиленіе мірскихъ капиталовъ, расходы на уполномоченныхъ и депутаціи, выселеніе порочныхъ членовъ, расходы по межеванію, содержаніе почтовыхъ станцій и развозъ корреспонденціи, содержаніе карауловъ и пикетовъ, мѣры противъ саранчи и сусликовъ, пріобрѣтеніе и содержаніе общественныхъ быковъ и жеребцовъ, аренда земель. Многіе изъ этихъ расходовъ имѣютъ временной, случайный характеръ; другіе (напр. содержаніе почтовыхъ станцій, развозъ корреспонденціи) возможны только въ губерніяхъ не-земскихъ. Достигать крупныхъ размѣровъ и занимать видное мѣсто въ сельскихъ бюджетахъ могутъ только послѣднія двѣ группы расходовъ—пріобрѣтеніе, на общественный счетъ, полезныхъ для хозяйства животныхъ и арендованіе земель. Производство подобныхъ затратъ цѣлой волостью—фактъ сравнительно рѣдкій, но въ хозяйственномъ быту сельскаго общества—или, правильнѣе, сельской общины—оно встрѣчается на каждомъ шагу, вмѣстѣ со многими другими аналогичными расходами. Наемъ пастуха и пастбищъ, плата за потравы, произведенныя общественнымъ стадомъ, наемъ рабочихъ для проведенія канавъ, рытья прудовъ и колодцевъ и т. п.—вотъ на что идетъ наиболѣе значительная часть сельскихъ сборовъ. Между расходами этого рода и расходами на сельскую администрацію существуетъ, очевидно, только внѣш-

няя связь, коренящаяся въ способѣ назначенія и взиманія сборовъ; по своему существу обѣ категоріи расходовъ совершенно различны. Въ той мѣрѣ, въ какой сельскій сборъ идетъ на вознагражденіе сельскихъ старостъ, писарей, сборщиковъ податей, десятскихъ, патрульныхъ и т. п., онъ имѣетъ характеръ налога, установленіе котораго, въ видахъ государственныхъ, безусловно обязательно для сельскаго общества, какъ для низшей административной единицы. Въ той мѣрѣ, въ какой сельскій сборъ идетъ на арендованіе земли и т. п., онъ стоитъ на почвѣ гражданскаго права, вытекаетъ изъ поземельныхъ отношеній, существующихъ между членами общины, какъ единицы хозяйственной и какъ юридическаго лица, и составляетъ нѣчто въ родѣ складчины на покрытіе общеполезныхъ хозяйственныхъ расходовъ. Изъ этого различія вытекаетъ другое, прямо касающееся занимающаго насъ теперь вопроса. Сельская администрація, какъ мы увидимъ, существуетъ не для однихъ только крестьянъ; не на нихъ однихъ, поэтому, должны упадать и расходы по ея содержанію. Другое дѣло—расходы чисто хозяйственнаго свойства; въ нихъ заинтересованы только крестьяне, какъ члены общины, и развѣ еще тѣ жители деревни, которые допущены ею къ участію въ ея хозяйственной жизни (напр. разночинцы, скотъ которыхъ пасется вмѣстѣ съ общественнымъ стадомъ). Привлеченіе разночинцевъ къ уплатѣ сельскихъ сборовъ наравнѣ съ крестьянами нарушаетъ, поэтому, не только законъ, но и справедливость, тѣмъ болѣе, что, не входя въ составъ сельскаго схода, разночинцы не участвуютъ и въ установленіи сельскаго бюджета. Опредѣлить мѣру участія не-крестьянъ въ платежѣ сельскихъ сборовъ и предоставить имъ права, которыя соотвѣтствовали бы этой обязанности, можетъ только новый законъ, основанный на всестороннемъ и тщательномъ изученіи вопроса, а отнюдь не административное распоряженіе, поспѣшное и не всесторонне обдуманное.

Сказанное нами о сельскихъ расходахъ примѣнимо, до извѣстной степени, и къ волостнымъ. И между послѣдними, какъ видно уже изъ самой ихъ номенклатуры, есть такіе, которые касаются исключительно крестьянъ и на нихъ однихъ, слѣдовательно, должны и падать. Таковъ, напримѣръ,—не говоря уже о большей части такъ называемыхъ «разныхъ расходовъ»—расходъ на народное образованіе, являющійся (въ земскихъ

губерніяхъ) добровольной прибавкой къ земскимъ ассигновкамъ на этотъ предметъ; таковъ расходъ на доставку въ уѣздный городъ новобранцевъ-крестьянъ, или расходъ на суточныя гласнымъ и присяжнымъ засѣдателямъ изъ среды крестьянъ. Съ другой стороны, въ волостныхъ сходахъ, какъ и въ сельскихъ, участвуютъ только одни крестьяне; привлеченіе другихъ сословій къ участію въ волостныхъ сборахъ требуетъ, слѣдовательно, измѣненій въ составѣ волостного схода или въ порядкѣ установленія волостного бюджета. Приказать разночинцамъ платить волостной сборъ—очень легко и просто, но только подъ однимъ условіемъ: нужно предварительно забыть, что существуетъ законъ и должна существовать справедливость.

Мы уже знаемъ, что почти половину всѣхъ волостныхъ и сельскихъ расходовъ поглощало, въ 1881 г., содержаніе должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія. Изъ 14.776.329 рублей, составлявшихъ общую сумму волостныхъ расходовъ, на жалованіе должностнымъ лицамъ шло 6.692.927 руб., въ томъ числѣ: 1.861.782 руб.—волостнымъ старшинамъ и ихъ помощникамъ, 3.293.209 руб.—волостнымъ писарямъ и ихъ помощникамъ, 1.537.956 руб.—всѣмъ остальнымъ (т.-е. преимущественно сотскимъ и волостнымъ судьямъ). Изъ 17.409.362 рублей, составлявшихъ общую сумму сельскихъ расходовъ, на жалованіе должностнымъ лицамъ шло 7.741.000 руб., въ томъ числѣ сельскимъ старостамъ—2.142.116 руб., всѣмъ остальнымъ—5.598.884 руб. Однимъ жалованіемъ должностныхъ лицъ далеко не исчерпываются еще расходы по крестьянскому управленію: сюда же нужно отнести почти всецѣло содержаніе общественныхъ зданій (1.523.928 р.), канцелярскіе расходы (237.116 руб.), содержаніе разъѣздныхъ лошадей (3.847.132 руб.). Присоединивъ эти три статьи къ содержанію должностныхъ лицъ, мы получимъ слишкомъ двадцать милліоновъ рублей. Послѣ 1881 г. эта цифра возросла, безъ сомнѣнія, весьма сильно, особенно вслѣдствіе судебно-административной реформы 1889 г. Болѣе чѣмъ когда-либо, поэтому, настоятеленъ теперь вопросъ о томъ, есть ли правильное основаніе оставлять столь значительный расходъ на однихъ только крестьянахъ. Относительно мѣщанъ, ремесленниковъ и цеховыхъ, подчиненныхъ, закономъ 1889 г., вѣдѣнію крестьянской полиціи и крестьянскаго суда, этотъ вопросъ разрѣшается самъ собою; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы привлеченіемъ ихъ

къ участію въ расходахъ на волостное и сельское управленіе могла и ограничиться вся реформа. Она должна, по нашему мнѣнію, коснуться всего сельскаго населенія (т.-е. всего населенія, живущаго или владѣющаго недвижимою собственностью внѣ городовъ), безъ различія классовъ и сословій.

Волостное правленіе давно уже перестало быть—или, лучше сказать, никогда, со времени освобожденія крестьянъ, въ сущности и не было—учрежденіемъ спеціально-крестьянскимъ. Сила вещей обратила его въ присутственное мѣсто, занимающее послѣднюю ступень длинной бюрократической лѣстницы. Громадность разстояній, разбросанность населенія, отдаленность уѣздныхъ учрежденій, отсутствіе всесословной или безсословной мелкой административной единицы—все это вмѣстѣ взятое привело къ весьма неравномѣрному развитію разнородныхъ элементовъ, соединенныхъ закономъ въ лицѣ волостного старшины. По мысли Положенія 19-го февраля, волостной старшина долженъ былъ быть въ одно и то же время полицейскимъ агентомъ и представителемъ крестьянскихъ общественныхъ интересовъ. На него возложено было съ самаго начала объявленіе законовъ и правительственныхъ распоряженій, охраненіе благочинія и безопасности, предупрежденіе и пресѣченіе проступковъ, наблюденіе за исполненіемъ приговоровъ мировыхъ учрежденій и волостныхъ судовъ. Къ этому присоединялись, мало-по-малу, разныя другія административныя функціи, заполнившія всю дѣятельность старшины. Не было почти реформы, которая не расширяла бы кругъ вѣдомства старшины, не усложняла бы его занятій, не создавала бы новыхъ точекъ соприкосновенія между нимъ и всѣми вообще жителями волости. Особенно замѣтнымъ, съ этой точки зрѣнія, было вліяніе земской реформы. Не имѣя собственныхъ органовъ на мѣстѣ, земство по необходимости стало видѣть въ волостныхъ старшинахъ исполнителей своихъ постановленій, посредниковъ между земскими учрежденіями и населеніемъ. Въ настоящее время волостной старшина является, de facto, правой рукой земскаго начальника, т.-е. звеномъ въ административной цѣпи, агентомъ общей администраціи. Все сказанное о старшинѣ относится всецѣло не только къ его помощнику, но и къ волостному писарю, безъ котораго немыслимо отправленіе сложныхъ обязанностей, лежащихъ на волостномъ управленіи. Собираетъ ли это управленіе (разсматриваемое какъ одно цѣлое) стати-

стическія свѣдѣнія, заботится ли оно объ исправности дорогъ и мостовъ (не состоящихъ въ непосредственномъ завѣдываніи земства), принимаетъ ли оно мѣры полицейскаго характера, наблюдаетъ ли за сборомъ налоговъ, распоряжается ли исполненіемъ судебныхъ рѣшеній—оно дѣйствуетъ какъ органъ государственной власти, а не одного крестьянскаго сословія. Чтобы убѣдиться въ этомъ еще полнѣе, возьмемъ хотя бы послѣдній случай — исполненіе судебнаго рѣшенія. По ст. 105 правилъ 29-го декабря 1889 г., рѣшенія земскихъ начальниковъ и городскихъ судей по дѣламъ гражданскимъ приводятся въ исполненіе, въ предѣлахъ земскихъ участковъ, чинами уѣздной или волостной полиціи, по принадлежности. Это значитъ, что рѣшеніе, постановленное противъ крестьянина—хотя бы по иску купца или дворянина, — исполняется волостнымъ правленіемъ, между тѣмъ какъ прежде рѣшенія мирового судьи исполнялись обыкновенно судебными приставами, состоявшими при мировомъ съѣздѣ, и только въ видѣ исключенія—волостнымъ и сельскимъ начальствомъ. Обязанность, лежавшая на должностномъ лицѣ общаго управленія, перешла, такимъ образомъ, всецѣло на волостное начальство. Этого примѣра достаточно, чтобы выяснить настоящее значеніе властей крестьянскихъ только по имени и происхожденію, но отнюдь не по роду и характеру занятій.

Органомъ государственной власти, прямо или косвенно касающимся всего населенія, является и волостной судъ. Это доказывается не только тѣмъ, что къ нему могутъ обращаться, въ качествѣ истцовъ и нерѣдко обращаются на самомъ дѣлѣ— лица всѣхъ сословій, но и тѣмъ, что обширность компетенціи волостного суда уменьшаетъ число другихъ судебныхъ учрежденій и сокращаетъ, тѣмъ самымъ, цифру земскихъ и государственныхъ расходовъ. Полезно ли такое сокращеніе, цѣлесообразно ли расширеніе власти волостного суда — это вопросъ особый, въ разсмотрѣніе котораго мы теперь не входимъ; для насъ важно только отмѣтить ту непосредственную связь, которая соединяетъ волостные суды съ другими отраслями судоустройства. Да и помимо этого, всякій судъ, каковъ бы ни былъ его составъ и чьи бы дѣла онъ ни разбиралъ, имѣетъ общегосударственное и общенародное значеніе. Волостной судъ — одно изъ средствъ охраны благоустройства, благочинія и безопасности въ деревнѣ; въ этомъ смыслѣ онъ важенъ, очевидно, не только

для крестьянъ, но и для всѣхъ сельскихъ жителей. Возлагать расходы по содержанію волостного суда на однихъ крестьянъ—столь же несправедливо, какъ если бы расходы по содержанію военныхъ судовъ возлагались на одно войско, по содержанію коммерческихъ судовъ—на однихъ купцовъ, по содержанію судовъ вообще—на однихъ тяжущихся и подсудимыхъ. Не для однихъ крестьянъ, наконецъ, существуютъ и спеціальные органы волостной полиціи, т.-е. сотскіе. Помогая общей полиціи, задерживая подозрительныхъ людей, доставляя ихъ въ становую квартиру или въ уѣздный городъ, они точно также служатъ *всему* населенію данной мѣстности, какъ служатъ ему, при исполненіи полицейскихъ функцій, волостные старшины.

Такую же роль, какая принадлежитъ въ волости старшинѣ и сотскому, играютъ въ единицахъ еще болѣе мелкихъ сельскіе старосты и десятскіе. Сельскій староста, по закону, исполняетъ всѣ приказанія волостного старшины по дѣламъ полицейскаго вѣдомства и, сверхъ того, принимаетъ мѣры для охраненія благочинія, порядка и безопасности лицъ и имуществъ отъ преступныхъ дѣйствій, предупреждаетъ потравы, лѣсныя порубки и лѣсные пожары, задерживаетъ бродягъ, бѣглыхъ и другихъ преступниковъ, охраняетъ, впредь до прибытія полиціи или слѣдователя, слѣды преступленія, производитъ предварительное дознаніе, распоряжается подачей помощи въ чрезвычайныхъ случаяхъ — при пожарахъ, наводненіяхъ и т. п. Во всѣхъ функціяхъ полицейскаго свойства сельскому старостѣ помогаетъ десятскій. Особенно часто сельскому старостѣ приходится оказывать услуги землевладѣльцамъ, безъ различія сословій, при производствѣ потравъ, въ силу спеціальнаго закона (первое приложеніе къ ст. 31 Положенія о губ. и уѣздн. по крест. дѣламъ учрежденіяхъ), возлагающаго на старосту (а въ извѣстныхъ случаяхъ—на сотскаго) освидѣтельствованіе и оцѣнку убытковъ, причиненныхъ потравой. Жить подолгу въ деревнѣ или владѣть имѣніемъ и никогда не имѣть надобности въ содѣйствіи сельскаго старосты — это почти немыслимо. Чиновъ общей полиціи въ уѣздѣ немного; даже урядникъ, бо́льшею частью, только одинъ въ волости или одинъ на нѣсколько волостей, — а волости, въ малонаселенныхъ губерніяхъ, нерѣдко обнимаютъ собою нѣсколько сотъ квадратныхъ верстъ. Безъ должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія пребываніе въ имѣніяхъ, для огромнаго боль-

ншнства землевладѣльцевъ, было бы до крайности затруднено Утверждать, что въ волостномъ и сельскомъ управленіи заинтересованы только лица, непосредственно ему подвѣдомственныя, на которыхъ, поэтому, и должны упадать всѣ издержки по его содержанію,—значитъ не знать или не хотѣть знать ни буквы закона, ни его примѣненія на практикѣ, ни самыхъ элементарныхъ условій сельской жизни.

Намъ случалось слушать разсужденія такого рода: да, волостное и сельское управленіе оказываетъ услуги всѣмъ сельскимъ жителямъ, не исключая такъ называемыхъ привилегированныхъ сословій—но зато и эти сословія оказываютъ существенно важныя услуги крестьянамъ. Если крестьяне несутъ на себѣ всѣ расходы по содержанію волостного и сельскаго управленія, то отъ личныхъ землевладѣльцевъ поступаетъ, путемъ уплаты земскихъ сборовъ, значительная часть средствъ на содержаніе земскихъ школъ, земскихъ врачей, фельдшеровъ, больницъ и пріемныхъ покоевъ, которыми пользуются почти исключительно крестьяне. Одно уравновѣшивается другимъ, и никакой несправедливости, въ концѣ концовъ, на-лицо не оказывается. Эта аргументація грѣшитъ, прежде всего, фактическою неточностью. Все, что способствуетъ предупрежденію и прекращенію заразныхъ болѣзней, имѣетъ громадное значеніе для *всего* населенія. Если бы холерные или тифозные больные были предоставлены на произволъ судьбы, если бы для нихъ не было мѣста въ больницахъ, гдѣ принимаются мѣры не только къ ихъ излеченію, но и къ уничтоженію самыхъ зародышей болѣзни, если бы дома, въ которыхъ были заболѣванія, не подвергались, на земскій счетъ, тщательной дезинфекціи, то эпидемія нашла бы дорогу изъ крестьянской избы въ помѣщичій домъ, и пренебреженіе къ народному здоровью тяжело отразилось бы на тѣхъ, кто выдѣляетъ себя изъ среды народа... «Мы платимъ земскому врачу за каждый визитъ, платимъ и за лекарства»,—говорятъ защитники взгляда, противъ котораго мы возражаемъ; «если, кромѣ того, мы участвуемъ еще въ земскихъ расходахъ на медицину, то это, очевидно, подарокъ, который мы дѣлаемъ крестьянамъ». А развѣ у землевладѣльцевъ былъ бы подъ рукою врачъ, если бы не существовала земская медицинская организація? Вѣдь самое посѣщеніе врача и полученіе отъ него лекарства становится возможнымъ только потому, что въ земскомъ бюджетѣ ассигнуются сред-

ства на содержаніе земскихъ врачей и на снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ для леченья. Не будь земскихъ врачей, землевладѣльцамъ приходилось бы не только платить огромное вознагражденіе врачу, приглашаемому издалека, но и ожидать по цѣлымъ днямъ его пріѣзда, когда дорога каждая минута — и ожидать, можетъ быть, напрасно. Можно ли сомнѣваться, въ виду всего этого, что ссылка на земско-медицинскіе расходы, какъ на эквивалентъ крестьянскихъ затратъ по содержанію волостного и сельскаго управленія, основана на явномъ софизмѣ?.. Что касается расхода по содержанію земскихъ школъ, то участіе въ немъ тѣхъ классовъ населенія, дѣти которыхъ почти никогда не посѣщаютъ народную школу—вовсе не благодѣяніе, оказываемое народу, а исполненіе долга и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разумное пониманіе собственнаго интереса. Невѣжество массы желательно только для тѣхъ, кто ее эксплоатируетъ; для всѣхъ другихъ оно столь же опасно и вредно, какъ и для нея самой. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить хотя бы прошлогодніе холерные безпорядки. Если народъ, въ продолженіе многихъ десятилѣтій, оплачивалъ содержаніе высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, для него недоступныхъ, то со стороны представителей высшихъ сословій, призванныхъ къ участію въ земскихъ собраніяхъ, слишкомъ странно было бы признать содержаніе народныхъ школъ дѣломъ одного крестьянства и подать голосъ противъ включенія въ земскій бюджетъ расхода на народное образованіе. Не слѣдуетъ забывать, притомъ, что земство, сплошь и рядомъ, назначаетъ субсидіи гимназіямъ, реальнымъ и городскимъ училищамъ и учреждаетъ стипендіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, т.-е. производитъ и въ области образованія немало расходовъ, направленныхъ почти всецѣло на пользу высшихъ и среднихъ классовъ населенія.

Итакъ, значительно бо́льшая часть мірскихъ расходовъ (гораздо болѣе $^3/_4$ волостныхъ и около $^1/_2$ сельскихъ) идетъ на такія потребности, которыя никакъ не могутъ быть признаны спеціально или исключительно крестьянскими; соотвѣтствующая часть мірскихъ сборовъ должна быть, поэтому, такъ или иначе распредѣлена между другими сословіями. Вотъ нѣкоторыя цифры, свидѣтельствующія о важности предлагаемой нами реформы. Въ 1881 г. размѣръ мірскихъ расходовъ, упадавшихъ на десятину земли, въ большинствѣ губерній, а также въ среднемъ выводѣ,

превышалъ подесятинную величину земскаго обложенія крестьянскихъ земель. Превышеніе это составляло для всѣхъ губерній, вмѣстѣ взятыхъ, 27%, но по нѣкоторымъ губерніямъ было гораздо болѣе значительно; въ бессарабской губерніи, напримѣръ, оно равнялось 306%, т.-е. подесятинный размѣръ мірскихъ расходовъ (45 коп.) былъ слишкомъ въ *четыре* раза болѣе земскаго обложенія (11 коп.), составляя 2 руб. 19 коп. — съ ревизской, 1 руб. 60 коп.—съ наличной души. Очень высоки были также мірскіе расходы въ губерніяхъ московской (54 коп. съ десятины. 1 руб. 58 коп. съ наличной души; земскій сборъ — 15 коп. съ десятины), петербургской (36 коп. съ десятины, 1 руб. 71 коп. съ наличной души; земскій сборъ — 8 коп. съ десятины), нижегородской (35 коп. съ десятины, 1 руб. 15 коп. съ наличной души; земскій сборъ—20 коп. съ десятины), тульской (35 коп. съ десятины, 85 коп. съ наличной души; земскій сборъ—17 коп. съ десятины). Съ тѣхъ поръ увеличились, конечно, размѣры земскаго сбора, но еще болѣе, по всей вѣроятности — размѣры мірскихъ расходовъ, а слѣдовательно и мірскихъ сборовъ. Если бы половина, приблизительно, мірскихъ сборовъ перешла съ крестьянъ на другія категоріи плательщиковъ, облегченіе получилось бы для крестьянъ весьма чувствительное; въ иныхъ губерніяхъ оно немногимъ уступало бы той льготѣ, какою было для крестьянъ сложеніе подушной подати... Мірской сборъ — первый, взыскиваемый съ крестьянъ; только за нимъ уже идутъ всѣ остальные. Уменьшеніе его неизбѣжно повлекло бы за собою бо́льшую исправность крестьянъ въ уплатѣ другихъ сборовъ, въ особенности земскихъ.

Другое заключеніе, вытекающее изъ всего сказаннаго нами, таково: къ участію въ расходахъ, теперь признаваемыхъ мірскими, должны быть привлечены *всѣ* сословія, а не только тѣ группы, которыя законъ 1889 г. подчинилъ крестьянскому суду и крестьянской полиціи, и ужъ, конечно, не одни «податныя сословія», въ противоположность не-податнымъ. Первое чувствуется даже тѣми смѣлыми преобразователями, которые измѣняютъ своею властью дѣйствующій законъ: расширяя кругъ плательщиковъ мірскихъ сборовъ, они включаютъ въ него, какъ мы уже видѣли, не только мѣщанъ, ремесленниковъ и цеховыхъ, но и купцовъ и почетныхъ гражданъ. Между тѣмъ, купцы и почетные граждане, съ точки зрѣнія заинтересованности въ мірскихъ расходахъ, рѣшительно ничѣмъ не отличаются

отъ дворянъ; все, что́ можно — и должно — сказать въ пользу обложенія мірскими сборами купцовъ и почетныхъ гражданъ, вполнѣ приложимо и къ дворянамъ. Прошло то время, когда свобода отъ податей считалась почетомъ; теперь она можетъ быть разсматриваема только какъ privilegium odiosum. Если дворяне, по справедливости, должны нести на себѣ долю мірскихъ расходовъ, то не привлекать ихъ къ этой повинности только потому, что они дворяне, значило бы возвращаться къ принципу, осужденному исторіею и отвергнутому нашимъ законодательствомъ.

LV.

Проектируемая монополизація печати [1]).

Никогда еще, кажется, симптомы одной изъ модныхъ болѣзней нашей эпохи—свѣтобоязни и (sit venia verbo) свободобоязни—не проявлялись въ нашей печати съ такою опредѣленностью и яркостью, какъ въ послѣднее время. Кульминаціоннаго своего пункта это патологическое явленіе достигло въ длинномъ рядѣ статей, напечатанныхъ, за подписью Spectator, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Отвѣта на эти статьи, кромѣ нѣсколькихъ насмѣшливыхъ словъ въ одной изъ газетъ, мы покамѣстъ не встрѣчали. Молчаніе, въ подобныхъ случаяхъ, имѣетъ свою безспорную raison d'être. Есть тезисы, стоящіе, если можно такъ выразиться, ниже полемики. Чѣмъ назойливѣе они напрашиваются на вниманіе, тѣмъ больше причинъ противопоставлять имъ одно равнодушное пренебреженіе. Мы думаемъ, однако, что это правило допускаетъ исключенія. Если авторъ тезисовъ говоритъ, очевидно, не только отъ собственнаго своего имени, если онъ плыветъ по теченію и именно въ этомъ черпаетъ смѣлость, граничащую съ беззастѣнчивостью, если въ заключительныхъ его выводахъ слышится послѣднее слово теоріи, болѣе или менѣе распространенной—они пріобрѣтаютъ значеніе «признака времени», игнорировать который было бы неблагоразумно. Необходимо знать, къ чему стремится и передъ чѣмъ не отступаетъ цѣлая общественная группа, все болѣе и болѣе повышающая свои требованія. Маска или полу-маска,

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1893 г., декабрь, обществ хроника.

подъ которою она часто выступаетъ, сброшена г. Spectator'омъ; ничто не мѣшаетъ разглядѣть ея настоящія черты.

«Современныхъ вопросовъ», обсуждаемыхъ г. Spectator'омъ, насчитывается три: «чего желаютъ наши либералы», «конечная цѣль нашихъ либераловъ» и «сила печати». Центръ тяжести лежитъ въ третьемъ вопросѣ; два первые, какъ мы увидимъ, поставлены только для того, чтобы подготовить разрѣшеніе послѣдняго. Исходя изъ того положенія, что печать, предоставленная сама себѣ, приноситъ гораздо больше зла, чѣмъ добра, а цензура, даже самая строгая, не можетъ предупредить вреда, причиняемаго печатью, авторъ задается мыслью изобрѣсти такой порядокъ, при которомъ «казуистика цензурнаго устава сдѣлалась бы роскошью, а должность цензора — синекурой». Въ государствѣ самодержавномъ незачѣмъ церемониться съ печатью, незачѣмъ ограничиваться палліативами, къ которымъ по неволѣ прибѣгаютъ въ государствахъ конституціонныхъ. Правительство должно взять печать въ свои руки— не въ томъ смыслѣ, чтобы остались только «Правительственный Вѣстникъ» да «Московскія Вѣдомости», а въ томъ, чтобы во главѣ органовъ печати позволялось стоять только людямъ честнымъ, умнымъ и дѣльнымъ, которые содѣйствовали бы интересамъ государственнымъ и частнымъ. Въ выборѣ средствъ содѣйствія печати можетъ быть предоставлена полная свобода, чѣмъ больше будетъ здѣсь свободной конкурренціи, тѣмъ лучше. Печать должна служить могущественнымъ орудіемъ истины, для сближенія правительства съ народомъ. Если бы право говорить всенародно о дѣйствіяхъ правительства принадлежало лишь людямъ умнымъ и добросовѣстнымъ, то для нихъ не существовало бы никакихъ безцѣльныхъ канцелярскихъ тайнъ; они сообщали бы народу о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ правительства, освѣщая ихъ умнымъ, добросовѣстнымъ и талантливымъ изложеніемъ. Довѣряя имъ вполнѣ, правительство могло бы, съ своей стороны, внимательно прислушиваться къ ихъ сообщеніямъ о народѣ. Кромѣ этого практическаго значенія, печать могла бы имѣть и другое, не менѣе важное: теоретическое. Правительство и народъ должны знать и ясно понимать вѣковѣчные принципы, лежащіе въ основаніи государственной жизни. Разъясненіе ихъ—одна изъ главныхъ задачъ печати, которая и въ этомъ отношеніи можетъ быть орудіемъ какъ истины, такъ и лжи, смотря по тому, въ чьи руки от-

дастъ ее правительство. «Великое право говорить публично предъ русскимъ правительствомъ и русскимъ народомъ не можетъ быть дѣломъ перваго встрѣчнаго; оно можетъ даваться правительствомъ лишь тѣмъ истинно русскимъ людямъ, которые особенно выдаются своимъ глубокимъ *умомъ* [1]), солиднымъ *образованіемъ*, серьезною, талантливою *дѣловитостью* и безукоризненною, непоколебимою *добросовѣстностью*. Этихъ четырехъ качествъ совершенно достаточно, чтобы правительство могло дать человѣку, обладающему ими, не только право, но и свободу открыто говорить предъ правительствомъ и народомъ, не опасаясь, что онъ злоупотребитъ этою свободой. Зато достаточно отсутствія одного изъ этихъ качествъ въ человѣкѣ, желающемъ получить это право, чтобы правительство ему въ этомъ правѣ отказало». Во главѣ печатнаго органа не долженъ стоять ни дуракъ, ни бездѣльникъ, ни невѣжда, ни мошенникъ. «А направленіе?—продолжаетъ авторъ.—Почему же я говорю только объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ редактора, а не о его политическомъ направленіи? Да потому, что умъ, образованность, дѣловитость и въ особенности добросовѣстность являются, въ своей совокупности, вполнѣ достаточными гарантіями и политическаго направленія редактора. Наши либералы, напримѣръ, либо недобросовѣстны, либо умственно ограничены. Въ самомъ дѣлѣ, если они умны, то они не могутъ не видѣть всей лжи конституціонализма; а если они ее все-таки выдаютъ за истину, то они поступаютъ недобросовѣстно; тѣ же изъ нихъ, которые добросовѣстно ратуютъ за конституціонализмъ, не видя его лживости, очевидно, сами поражены умственною слѣпотой. Такими же — либо наивными, либо безчестными — оказываются и остальные люди вреднаго политическаго направленія, всегда являющагося слѣдствіемъ либо скудоумія, либо шарлатанства. Пусть правительство не предоставляетъ права публичнаго слова ни дуракамъ, ни шарлатанамъ—и оно можетъ быть покойнымъ, что тѣ люди, которымъ оно дастъ это великое право, имъ не злоупотребятъ». Несмотря на эту увѣренность, авторъ считаетъ нужнымъ принять мѣры и противъ злоупотребленій. Онъ предлагаетъ, во-первыхъ, создать «особый верховный трибуналъ чести, состоящій изъ лицъ безукоризненнаго и общепризнаннаго

[1]) Мы сохраняемъ вездѣ курсивъ автора.

нравственнаго и умственнаго авторитета, на судъ которыхъ отдавались бы возникающіе между газетами спорные вопросы, коль скоро однимъ изъ спорящихъ было бы высказано обвиненіе противной стороны въ недобросовѣстности». Лицо, троекратно осужденное трибуналомъ, лишалось бы права на редактированіе газеты или журнала, существованіе которыхъ этимъ самымъ навсегда бы прекращалось. Рядомъ съ «трибуналомъ» авторъ сохраняетъ, во-вторыхъ, и цензуру, какъ органъ «правительственнаго контроля», по иниціативѣ котораго газета или журналъ, не оправдавшіе оказаннаго имъ довѣрія, могли бы быть запрещены актомъ правительственной власти. Въ концѣ статьи авторъ признаетъ, что при дѣйствіи проектированной имъ системы количество издаваемыхъ у насъ газетъ и журналовъ значительно уменьшится, званіе публициста сдѣлается рѣдкимъ, но зато «по качеству русская печать займетъ первое мѣсто въ Европѣ».

Въ какой степени достовѣрно послѣднее предсказаніе—объ этомъ лучше всего можно судить именно по статьямъ г. Spectator'а, причисляющаго себя, безъ сомнѣнія, къ сонму избранниковъ-монополистовъ, будущихъ властителей русской прессы. Насъ поражаетъ въ нихъ, прежде всего, цѣлый рядъ противорѣчій. Чѣмъ больше свободной конкурренціи между органами печати (въ выборѣ «средствъ содѣйствія»), тѣмъ лучше—говоритъ г. Spectator, когда ему нужно очистить себя отъ подозрѣнія въ плэдированіи pro domo sua,—а нѣсколько дней спустя онъ высказывается за значительное уменьшеніе числа періодическихъ изданій. Сегодня онъ считаетъ возможнымъ обратить цензорскую должность въ синекуру, т.-е. въ нѣчто излишнее, подлежащее упраздненію; завтра онъ возлагаетъ на цензуру правительственный контроль надъ прессой, т.-е. нѣчто исключающее всякую мысль о синекурѣ. Въ одной и той же статьѣ онъ стоитъ за свободу монопольной печати, такъ какъ нѣтъ причины опасаться ея злоупотребленій—и проектируетъ два способа уничтоженія органовъ этой самой печати: одинъ—новый, при помощи «трибунала чести», другой—старый, при помощи цензуры. Все это, впрочемъ, блѣднѣетъ сравнительно съ главнымъ salto mortale автора. Установивъ четыре качества, совокупностью которыхъ должно обусловливаться право на изданіе газеты или журнала—умъ, образованіе, дѣловитость и добросовѣстность,—г. Spectator очутился лицомъ къ лицу съ

вопросомъ, кто же именно и по какимъ признакамъ будетъ удостовѣряться въ наличности или отсутствіи этихъ качествъ? На первую часть вопроса авторъ даже и не пытается отвѣтить; онъ предполагаетъ, вѣроятно, что всякій носитель власти, достигнувъ «степеней извѣстныхъ», обнаружилъ, этимъ самымъ, свой умъ, образованіе, дѣловитость и добросовѣстность, а слѣдовательно—и способность безошибочно открывать и оцѣнять эти достоинства и въ другихъ лицахъ. И то, и другое—явная petitio principii, совершенно непозволительное признаніе доказаннымъ того, что̀ еще требуетъ доказательствъ, или, лучше сказать, того, что́ заранѣе опровергнуто исторіей всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Сочетаніе четырехъ условій, намѣченныхъ авторомъ, вездѣ, во всѣхъ профессіяхъ, на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы составляетъ скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило. Если бы, впрочемъ, и можно было допустить, что для него существуетъ извѣстная grâce d'état, что оно неразрывно связано съ извѣстнымъ рангомъ, то оставалось бы еще доказать, что оно устраняетъ возможность ошибокъ. Развѣ нельзя быть умнымъ, образованнымъ, дѣловитымъ и добросовѣстнымъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ несвободнымъ отъ увлеченій, отъ предвзятыхъ мыслей, отъ предразсудковъ? Развѣ нельзя добросовѣстно заблуждаться, развѣ достаточно хотѣть быть справедливымъ, чтобы быть справедливымъ на самомъ дѣлѣ? Чтобы уменьшить шансы несправедливости или ошибки, необходимъ, по меньшей мѣрѣ, какой-нибудь критерій—критерій ума, образованія, дѣловитости, добросовѣстности. Это чувствуетъ, по видимому, даже г. Spectator—и предлагаетъ критерій отрицательный, т.-е. средство убѣдиться въ отсутствіи требуемыхъ качествъ. Это средство очень простое: дуракомъ, или бездѣльникомъ, или невѣждой, или шарлатаномъ признается, a priori, всякій «несогласно мыслящій». Вопросъ о направленіи, на словахъ устраняемый авторомъ, пріобрѣтаетъ, de facto, рѣшающее значеніе: вся разница въ томъ, что мотивомъ къ отказу въ правѣ издавать журналъ или газету являлся бы, при системѣ г. Spectator'а, не либерализмъ, радикализмъ или какой-нибудь другой *изм*ъ самъ по себѣ, а обнаруживаемыя этимъ измомъ тупость, невѣжество, недѣловитость или недобросовѣстность просителя. Дальнѣйшее изслѣдованіе умственныхъ или нравственныхъ качествъ производилось бы, затѣмъ, только по отношенію къ «согласно мыслящимъ»—но въ ихъ пользу говорило бы именно

это «согласное мышленіе», какъ презумпція всевозможныхъ добрыхъ качествъ, и для опроверженія презумпціи понадобились бы очень уже наглядные и характерные факты.

Чтобы ближе ознакомиться съ манерой г. Spectator'а, посмотримъ, на чемъ основывается его дилемма: «либералы (русскіе) либо недобросовѣстны, либо умственно ограничены»—дилемма, на которой держится, въ сущности, весь остракизмъ «несогласно мыслящихъ». Вѣрный своимъ псевдо-научнымъ замашкамъ, авторъ выставляетъ три такъ называемыхъ «соціологическихъ закона» конституціонализма: 1) конституціонализмъ всегда имѣетъ послѣдствіемъ привлеченіе къ кормилу правленія худшихъ элементовъ населенія; 2) конституціонализмъ всегда вызываетъ страстное соперничество партій, ставящихъ свои эгоистическіе, чисто партійные интересы выше интересовъ общегосударственныхъ, и 3) конституціонализмъ всегда приводитъ государство къ зіяющей пропасти соціальной революціи. Всѣ эти мнимые «законы»—не что иное, какъ поспѣшныя обобщенія единичныхъ фактовъ, большею частью плохо понятыхъ и неправильно объясненныхъ. Убѣдиться въ безусловной несостоятельности «соціологическихъ» измышленій г. Spectator'а и К⁰ можно двумя путями: обращеніемъ къ прошедшему и изученіемъ настоящаго. Въ прошедшемъ западной Европы «худшіе элементы населенія» сплошь и рядомъ стоятъ у «кормила правленія», когда еще нѣтъ и рѣчи о конституціонализмѣ; они сплошь и рядомъ ставятъ свои эгоистическіе интересы выше интересовъ общегосударственныхъ. Партіи существуютъ и тогда, только подъ другими наименованіями и въ другой формѣ; онѣ группируются не около идей, а около лицъ или интересовъ, и не идутъ дальше формулы ôte-toi de là que je m'y mette, столь ошибочно пріурочиваемой г. Spectator'омъ исключительно къ эпохѣ парламентаризма [1]). Въ настоящемъ достаточно указать на Англію, въ которой, несмотря на давнишнее господство конституціонализма, «у кормила правленія» стоятъ ужъ конечно не худшіе, а скорѣе лучшіе элементы населенія. Во всѣхъ государствахъ, при всѣхъ формахъ правленія крупные таланты появляются рѣдко; промежутки между ними вездѣ и всегда восполняются посред-

[1]) Замѣтимъ, во избѣжаніе недоразумѣній, что къ нѣкоторымъ моментамъ этой эпохи (напр. къ іюльской монархіи во Франціи) вышеупомянутая формула до извѣстной степени примѣнима.

ственностями. Между смертью Кольбера и министерствомъ Тюрго прошло почти сто лѣтъ; Австрія цѣлые вѣка должна была ожидать даже появленія какого-нибудь Кауница; когда сошли со сцены Штейнъ, Гарденбергъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ, ихъ замѣнили политическіе пигмеи, остававшіеся у «кормила правленія» до самаго 1848 г. [1]). Въ дѣятельности партій, образующихся на конституціонной почвѣ, главная роль принадлежитъ «общегосударственнымъ интересамъ» гораздо чаще, чѣмъ интересамъ эгоистическимъ, партійнымъ. Можно ли сомнѣваться, напримѣръ, въ общегосударственномъ характерѣ борьбы между приверженцами Гладстона и Салисбери, между бельгійскими клерикалами и либералами, между французскими монархистами и республиканцами, между прусскими консерваторами и свободомыслящими?.. Что касается до третьяго «закона», то онъ сильно отзывается формулой: post hoc—ergo propter hoc. Послѣдовательность явленій авторъ принимаетъ за причинную связь между ними. Въ Англіи конституціонализмъ существовалъ цѣлые вѣка, не приводя къ соціализму, потому что не было экономической почвы для развитія соціалистическихъ ученій — и наоборотъ, если на континентѣ Европы соціализмъ идетъ по пятамъ конституціонализма, то это зависитъ именно отъ условій экономическаго свойства. Въ теоретическихъ построеніяхъ соціализмъ появляется во Франціи еще до паденія стараго режима; первая его реальная вспышка — заговоръ Бабефа — слѣдуетъ почти непосредственно за революціей, когда не можетъ еще быть и рѣчи о вліяніяхъ «конституціонализма».

Съ «соціологическими законами» г. Spectator'а падаетъ его «дилемма», а съ дилеммой — единственный критерій, предлагаемый имъ для отдѣленія овецъ отъ козлищъ, «умныхъ» и «добросовѣстныхъ» людей отъ «дураковъ» и «шарлатановъ». Отъ всѣхъ хитросплетеній автора остается только попытка монополизировать печать въ пользу «направленія», котораго придерживается г. Spectator Нужно ли доказывать, что печать, организованная по предлагаемому имъ плану, была бы поражена съ самаго начала абсолютнымъ, безнадежнымъ безсиліемъ—безсиліемъ даже въ стремленіи къ тѣмъ цѣлямъ, которыя признавались бы для нея обязательными? Не станемъ говорить о

[1]) Даже поколѣніе способныхъ администраторовъ изсякло въ Пруссіи со смертью или отставкой Мотца, Маассена и Альтенштейна.

той громадной суммѣ лицемѣрія, которая была бы пущена въ оборотъ для приспособленія къ «монополіи», для полученія аттестата на обладаніе пресловутыми четырьмя условіями. Допустимъ, вопреки всѣмъ вѣроятіямъ, что въ выдачѣ аттестатовъ не было бы допускаемо ни пристрастія, ни даже ошибокъ. Въ какомъ печальномъ положеніи очутились бы, тѣмъ не менѣе, всѣ эти привилегированные «властители слова», съ своими оффиціально засвидѣтельствованными талантами и добродѣтелями! Не имѣя передъ собою противниковъ, не слыша возраженій, они неизбѣжно наскучили бы публикѣ и даже самимъ себѣ. «Вѣковѣчные принципы» скоро были бы освѣщены вдоль и поперекъ; къ ихъ защитѣ, не встрѣчающей отпора, скоро нельзя было бы прибавить ничего новаго. «Содѣйствіе», чтобы быть живымъ и энергичнымъ, предполагаетъ возможность хоть какого-нибудь «противодѣйствія»; если нѣтъ послѣдняго, первое становится похожимъ на усилія мухъ, помогающихъ везти карету. Всегда единогласная и во всемъ согласная печать не могла бы исполнять даже самой скромной изъ своихъ задачъ— не могла бы обращать вниманіе правительства на неизвѣстные ему факты народной и общественной жизни, по той простой причинѣ, что патентованные журналисты были бы нечѣмъ инымъ, какъ чиновниками, правительственными агентами, въ которыхъ и безъ того у насъ нѣтъ недостатка. Г. Spectator говоритъ о содѣйствіи, которое Катковъ и Аксаковъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, оказали «философскому обоснованію и уясненію истинной сущности и конечной цѣли русскаго государства». Подъ именемъ неблагопріятныхъ условій здѣсь разумѣется, очевидно, существованіе, рядомъ съ «Русскимъ Вѣстникомъ» и «Днемъ», съ «Московскими Вѣдомостями» и «Русью», другихъ органовъ печати, съ совершенно инымъ направленіемъ. На самомъ дѣлѣ это обстоятельство благопріятствовало какъ нельзя больше развитію таланта Аксакова и Каткова. Можно цѣнить ихъ дѣятельность такъ или иначе, но нельзя отрицать, что они оба были по преимуществу боевыми натурами, созданными для борьбы и въ ней черпавшими свою силу. Даже Каткову, думается намъ, было бы неловко говорить среди всеобщаго молчанія или всеобщаго поддакиванія—а какъ оно подѣйствовало бы на Аксакова, объ этомъ можно судить по его краснорѣчивой защитѣ свободы печати.

Намъ остается еще сказать два слова о «верховномъ три-

буналѣ чести», придуманномъ г. Spectator'омъ. Судъ чести, соотвѣтствующій своему призванію, можетъ быть двоякій: или созданный ad hoc, или дѣйствующій въ средѣ корпораціи, имѣющей свои обычаи и нравы, свои традиціонныя понятія о чести. И тамъ, и тутъ авторитетъ суда обусловливается довѣріемъ къ его членамъ — довѣріемъ не со стороны власти, а со стороны самихъ обращающихся къ суду. Выраженіемъ довѣрія и тамъ, и тутъ служитъ избраніе—все равно, идетъ ли рѣчь о постоянно существующемъ учрежденіи (напр. совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ), или о временномъ, имѣющемъ дѣло только съ даннымъ случаемъ (третейскій судъ). Въ трибуналѣ г. Spectator'а выборное начало, безъ сомнѣнія, не было бы допущено; «безукоризненность и общепризнанность нравственнаго и умственнаго авторитета» членовъ трибунала установлялась бы съ помощью такихъ же ненадежныхъ пріемовъ, какъ и умъ, добросовѣстность и т. д. кандидатовъ въ публицисты. Корпораціи журналистовъ у насъ не существуетъ; нѣтъ, слѣдовательно, и корпоративныхъ преданій, которыми могъ бы руководиться «трибуналъ». Если прибавить къ этому его назначеніе — вырывать плевелы, невзначай оказавшіеся въ пшеницѣ,—то едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что подъ громкимъ именемъ «трибунала чести» получилось бы только вспомогательное отдѣленіе цензурнаго комитета.

Отмѣтимъ, въ заключеніе, одну черту, свойственную не только г. Spectator'у, но и другимъ представителямъ реакціонной прессы; это — стремленіе заподозрить намѣренія «профессіональныхъ либераловъ» (т.-е., по опредѣленію г. Spectator'а, всѣхъ тѣхъ, кто придерживается «либеральныхъ» мнѣній не по «глупости» или «неопытности» и не въ силу «привычки»). «Либералы» хотятъ пробраться къ «казенному пирогу»; они желаютъ завести у насъ ту «азартную игру», въ которой побѣда остается на сторонѣ «политическаго шулера»; въ журналистикѣ ихъ прельщаютъ «панамистскіе рессурсы», обусловливаемые «близкимъ сосѣдствомъ съ казеннымъ пирогомъ» — вотъ образчики цвѣтковъ, разсыпанныхъ по статьямъ г. Spectator'а. Одинъ изъ товарищей его по оружію обвиняетъ «либеральныя» изданія въ томъ, что они распѣваютъ передъ читателями некрасовскіе стихи: «отведи меня въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви», тогда какъ на самомъ дѣлѣ слово: погибающихъ слѣдовало бы замѣнять словомъ: нажи-

вающихъ... Эту неспособность понять добросовѣстность противника, это стремленіе приписывать ему одни только мелкіе, низкіе мотивы мы не можемъ назвать иначе, какъ признакомъ глубокаго нравственнаго упадка. Другой излюбленный пріемъ реакціонной печати заключается въ слѣдующемъ: изъ того, что либеральныя изданія существуютъ, дѣлается выводъ, что они свободны. «Когда и какимъ карамъ подвергались газеты?»— восклицаютъ «Московскія Вѣдомости», забывая или не желая знать, что въ пассивѣ весьма многихъ газетъ (и журналовъ) имѣются административныя предостереженія (не погашаемыя, какъ извѣстно, никакою давностью), и что Дамокловъ мечъ и раньше паденія оказываетъ вліяніе на лицъ, подъ нимъ сидящихъ...

LVI.

Н. А. Манассеинъ и Н. В. Муравьевъ [1]).

Когда Н. А. Манассеинъ, въ 1885 г., замѣнилъ Д. Н. Набокова, судебные уставы были уже далеко не тѣмъ, чѣмъ они вышли изъ рукъ ихъ составителей: кругъ дѣйствій суда присяжныхъ былъ нѣсколько съуженъ (закономъ 9-го мая 1878 г.), принципъ несмѣняемости судей существенно ограниченъ (закономъ 20-го мая 1885 г.), слѣдственная часть поставлена неправильно (вслѣдствіе неутвержденія большинства судебныхъ слѣдователей), адвокатура во многихъ судебныхъ округахъ лишена самоуправленія (распоряженіе 5-го декабря 1874 г.). Многіе изъ устоевъ судебной реформы оставались, однако, неприкосновенными или только слегка поколебленными. Судебная власть была по-прежнему отдѣлена отъ административной; мировой судъ, выборный во всѣхъ земскихъ губерніяхъ, продолжалъ быть составною частью судебной корпораціи; сословные представители только въ рѣдкихъ случаяхъ замѣняли собою присяжныхъ засѣдателей; гласность процесса, по крайней мѣрѣ при нормальномъ положеніи вещей, подвергалась только тѣмъ ограниченіямъ, которыя были установлены судебными уставами; пополненіе состава присяжной адвокатуры зависѣло только отъ совѣта или отъ суда, а не отъ судебной администраціи; въ мѣстностяхъ, вновь присоединяемыхъ къ географической области дѣйствій судебныхъ уставовъ, они были вводимы по возможности всецѣло, безъ существенныхъ измѣненій.

Совсѣмъ не то мы видимъ теперь. Въ Европейской Россіи,

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1894 г., февраль, внутр. обозрѣніе.

за исключеніемъ окраинъ, судебная власть—по такъ называемымъ маловажнымъ дѣламъ, въ совокупности своей имѣющимъ, безспорно, громадную важность—опять соединена съ административной, въ бо̀льшей даже степени, чѣмъ въ до-реформенное время. Выборный мировой судъ уцѣлѣлъ только въ немногихъ большихъ городахъ. Масса судебныхъ дѣлъ разсматривается, въ апелляціонномъ и кассаціонномъ порядкѣ, въ учрежденіяхъ, гдѣ судебный элементъ составляетъ меньшинство, часто незначительное. Обязанности верховнаго кассаціоннаго суда перешли, по дѣламъ этой категоріи, къ тридцати губернскимъ присутствіямъ и къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Суду съ сословными представителями, замѣняющему собою судъ присяжныхъ, подвѣдомственны, въ силу закона 7-го іюля 1889 г., многочисленныя категоріи дѣлъ, какъ изъ числа тѣхъ, которыя, съ извѣстной точки зрѣнія, требуютъ усиленной репрессіи (преступленія противъ порядка управленія и противъ должностныхъ лицъ—при исполненіи или по поводу исполненія ими обязанностей службы, а также двоеженство или двоемужество), такъ и изъ числа тѣхъ, которыя признаются особенно сложными или трудными (преступленія по службѣ государственной и общественной, преступленія служащихъ въ общественныхъ и частныхъ банкахъ, желѣзно-дорожныя преступленія) Гласность процесса подверглась самымъ существеннымъ ограниченіямъ (законъ 12-го февраля 1887 г.); публичность разбирательства можетъ быть устранена, вполнѣ или отчасти, не только тогда, когда она оскорбила бы религіозное чувство или нарушила бы требованія нравственности, но и *въ видахъ огражденія достоинства государственной власти, охраненія общественнаго порядка или обезпеченія правильнаго хода судебныхъ дѣйствій*—и устранена, притомъ, не только постановленіемъ суда, но и распоряженіемъ министра юстиціи, основаннымъ на дошедшихъ до него свѣдѣніяхъ. Принятіе евреевъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ поставлено въ зависимость отъ согласія министра юстиціи (врем. правила 8-го ноября 1889 г.), которое въ теченіе четырехъ лѣтъ не было, кажется, дано ни разу. Въ остзейскихъ губерніяхъ судебные уставы введены въ дѣйствіе съ одной, въ высшей степени важной урѣзкой: безъ суда присяжныхъ, безпрепятственно дѣйствующаго въ смежномъ съ ними сѣверо-западномъ краѣ. Когда въ 1880 г. рѣшено было примѣнить къ остзейскому краю судебно-мировыя

учрежденія, мѣстнымъ языкамъ—нѣмецкому, эстонскому и латышскому—предоставлялось полное равенство съ русскимъ. Закономъ 1889 г. русскій языкъ, за самыми немногими исключеніями, признанъ безусловно обязательнымъ какъ въ общихъ, такъ и въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ; даже въ судахъ волостныхъ и верхнихъ крестьянскихъ употребленіе мѣстнаго языка (эстонскаго, латышскаго или шведскаго), если на немъ говоритъ большинство мѣстнаго населенія, допущено только временно. По закону 28-го мая 1880 г. (оставшемуся безъ исполненія) мировые судьи въ остзейскомъ краѣ предполагались выборные; законъ 1889 г. дѣлаетъ ихъ чиновниками министерства юстиціи, не требуя отъ нихъ высшаго образованія, ни спеціальнаго, ни даже общаго. При введеніи мировыхъ судей въ архангельской губерніи (законъ 12-го декабря 1888 г.) допущены существенныя отступленія отъ обычнаго типа судебно-мировыхъ учрежденій, даже въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ осуществленъ на западныхъ окраинахъ Россіи (второй инстанціей служитъ не мировой съѣздъ, а палата гражданскаго и уголовнаго суда; на мировыхъ судей возложено производство предварительныхъ слѣдствій; право просить объ отмѣнѣ, въ кассаціонномъ порядкѣ, рѣшеній мировыхъ судей и палаты ограничено тѣсными предѣлами: мировые судьи предаются суду не Сенатомъ, а консультаціей, при министерствѣ юстиціи учрежденной, съ утвержденія министра юстиціи). Необходимо замѣтить, что этотъ законъ былъ обнародованъ, а законъ о введеніи судебной реформы въ остзейскомъ краѣ—составленъ, въ то время, когда еще не было рѣчи объ упраздненіи выборнаго мирового суда въ земскихъ губерніяхъ Россіи; перемѣны, внесенныя обоими законами въ устройство судебно-мировыхъ учрежденій, нельзя, слѣдовательно, объяснять стремленіемъ къ единообразію между окраинами и центромъ. Коренной переворотъ, совершенный законоположеніями 12-го іюля 1889 г., зависѣлъ, конечно, не отъ министра юстиціи (сколько намъ извѣстно, онъ сначала возражалъ противъ него и только въ послѣднемъ фазисѣ дѣла перешелъ на сторону министерства внутреннихъ дѣлъ); но въ законопроектахъ, иниціатива и редакція которыхъ принадлежала самому министерству юстиціи, нетрудно замѣтить черты, родственныя новому теченію въ административныхъ сферахъ. Исторія покажетъ, какъ относилось министерство юстиціи къ другому характерному явленію

послѣдняго времени—къ признанію наказуемости такихъ дѣйствій, которыя, вообще говоря, не считаются проступками и влекутъ за собою уголовную кару только тогда, когда совершены лицами извѣстнаго сословія или общественнаго положенія (нарушеніе договора сельскими или фабричными рабочими—законы 3-го и 12-го іюня 1886 г.; пьянство и мотовство—временныя правила 12-го іюля 1889 г. о волостномъ судѣ). Она покажетъ также, какъ оно относилось къ столь многочисленнымъ, въ послѣднее время, случаямъ внѣ-законной административной расправы, часто соединяющимъ въ себѣ всѣ признаки превышенія власти. Разборъ гражданскихъ дѣлъ не въ общеустановленномъ порядкѣ и разрѣшеніе ихъ не на основаніи общихъ узаконеній министерство юстиціи, если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, намѣревалось возвести въ систему; проектъ, составленный въ этомъ смыслѣ, разсматривается особою комиссіей, подъ предсѣдательствомъ Н. И. Стояновскаго. Въ томъ же проектѣ намѣчено другое, существенно важное отступленіе отъ судебныхъ уставовъ. На основаніи ст. 818 уст. угол. судопр., если судъ единогласно признаетъ, что рѣшеніемъ присяжныхъ осужденъ невинный, дѣло передается, для новаго разсмотрѣнія, другому составу присяжныхъ; министерство юстиціи предполагало допустить примѣненіе этого правила и при единогласномъ признаніи судомъ, что рѣшеніемъ присяжныхъ оправданъ виновный. Громадное различіе между обѣими категоріями случаевъ бросается въ глаза и едва-ли требуетъ доказательствъ.

Изъ числа важнѣйшихъ задачъ, стоящихъ на очереди въ судебномъ мірѣ, министерство юстиціи, въ продолженіе только-что окончившагося періода своей дѣятельности, разрѣшило весьма немногія и бо́льшею частью второстепенныя (законы о заочномъ разбирательствѣ, объ упрощенномъ судопроизводствѣ, объ отмѣнѣ обряда заявленія неудовольствія на уголовные приговоры, о предоставленіи присяжнымъ права участія въ постановкѣ вопросовъ). Недостатки слѣдственной части, давно всѣми сознанные, остаются неустраненными; для упрощенія и удешевленія гражданскаго процесса сдѣлано слишкомъ мало; судебные уставы 1864 г., даже въ своемъ новомъ, столь сильно измѣненномъ видѣ, все еще, тридцать лѣтъ спустя послѣ ихъ обнародованія, введены не повсемѣстно; помощники присяжныхъ повѣренныхъ все еще не составляютъ правильно органи-

зованной корпораціи; не изданъ до сихъ поръ общій наказъ судебнымъ мѣстамъ. Въ средѣ магистратуры не замѣтно того оживленія, того подъема духа, той безграничной преданности дѣлу, которыми она отличалась въ лучшую эпоху исторіи новаго суда. Вырабатываются новые типы—напр. «обрывающаго» предсѣдателя, черезъ-чуръ усерднаго прокурора,—имѣющіе мало общаго съ духомъ судебной реформы; создаются цѣлыя категоріи небывалыхъ прежде процессовъ (напр. такъ называемыя «пасторскія дѣла» въ остзейскомъ краѣ).

Такова обстановка, при которой начинается дѣятельность новаго министра юстиціи. Многіе органы нашей печати, въ послѣднее время чрезвычайно склонные къ оптимизму—особенно когда идетъ рѣчь о новыхъ административныхъ дѣятеляхъ,—встрѣтили назначеніе Н. В. Муравьева самыми розовыми надеждами, основанными на его близкомъ, непосредственномъ знакомствѣ со всѣми сторонами судебной службы. Конечно, личный опытъ, теоретическія знанія, провѣренныя на практикѣ—очень важное условіе для государственной дѣятельности; но все зависитъ отъ комбинаціи его съ другими условіями, весьма разнородными и не менѣе существенными. Изъ прошедшаго прокурора или оберъ-прокурора отнюдь нельзя выводить заключеній о будущемъ министра. Столь же напрасными кажутся намъ усилія освѣтить это будущее при помощи вступительной рѣчи Н. В. Муравьева. Не говоря уже о томъ, что путь отъ словъ до дѣйствій еще дальше, чѣмъ «отъ чаши до губъ»,—самыя слова управляющаго министерствомъ юстиціи, разсматриваемыя какъ программа дѣйствій, заключаютъ въ себѣ весьма мало точныхъ указаній. Лучшее доказательство этому—горячее одобреніе, встрѣченное ими въ газетахъ весьма различныхъ оттѣнковъ («Новое Время», «Новости», «Гражданинъ», «Свѣтъ» и др.). Сравнительно опредѣленными можно назвать слѣдующія два мѣста рѣчи: «наша обязанность (по генералъ-прокурорской части) сводится, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы всѣми зависящими средствами способствовать Сенату, этому верховному установленію, хранителю законовъ, къ правильному и безпрепятственному осуществленію принадлежащаго ему высшаго надзора въ порядкѣ суда, управленія и исполненія»—и «судебная часть, какъ живое дѣло, непрестанно идущее впередъ и въ своей теперешней постановкѣ далеко еще не завершенное, нуждается въ значительныхъ усовершенствованіяхъ и упроще-

ніи, въ развитіи началъ, положенныхъ въ его основу». Значеніе перваго мѣста сдѣлается вполнѣ понятнымъ, если припомнить, какъ ограниченъ, de facto, «высшій надзоръ» Сената «въ порядкѣ управленія», съ какими препятствіями, несмотря на эту ограниченность, ему приходится бороться, какимъ нареканіямъ подвергаются наиболѣе ревностные его представители (напр. В. А. Арцимовичъ), какая систематическая травля велась противъ него еще недавно въ извѣстной московской газетѣ. «Хранитель законовъ» очень немного, въ сущности, можетъ сдѣлать для ихъ охраненія, разъ что нарушителями ихъ являются административныя учрежденія или должностныя лица. Причина этому—не столько несовершенство или недостаточность правилъ, регулирующихъ предѣлы и формы сенатскаго надзора, сколько общія условія, при которыхъ онъ дѣйствуетъ. Способствовать ихъ улучшенію министръ юстиціи безспорно можетъ, поддерживая Сенатъ во всѣхъ основательныхъ его требованіяхъ, наблюдая вмѣстѣ съ нимъ за законом*ѣ*рностью управленія, доводя до его свѣдѣнія о всѣхъ уклоненіяхъ отъ нормы. Во второмъ изъ приведенныхъ нами отрывковъ важно заявленіе, что «усовершенствованіе» и «упрощеніе» судебнаго дѣла должно быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, «развитіемъ началъ», положенныхъ въ его основу. Конечно, эта общая формула можетъ быть понимаема различно: *развитіе* того или другого основного начала можно усматривать и въ такихъ мѣрахъ, которыя на самомъ дѣлѣ прямо идутъ съ нимъ въ разрѣзъ—но хорошо уже и то, что основанія судебной реформы признаны, въ принципѣ, подлежащими развитію, а не урѣзыванію и устраненію Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что предоставленіе коронному суду уничтожать дѣйствіе оправдательнаго приговора присяжныхъ или перевершеніе судебныхъ дѣлъ въ какой-то внѣ-судебной инстанціи, въ какомъ-то внѣ-законномъ порядкѣ, было бы *развитіемъ* началъ, лежащихъ въ основаніи судебныхъ уставовъ. Намъ кажется, что въ словахъ Н. В. Муравьева заключается, implicite, отказъ отъ проекта, составленіе котораго было однимъ изъ послѣднихъ дѣйствій бывшаго министра юстиціи.

Особенное вниманіе обратилъ на себя слѣдующій отдѣлъ рѣчи новаго министра: «судебная часть есть отрасль правительственной дѣятельности на благо общее, и судебное вѣдомство есть одинъ изъ органовъ правительства. Очевидно—какъ зна-

чится, впрочемъ, и въ законахъ объ общемъ образованіи министерствъ,—наша дѣятельность всегда должна быть строго согласована съ намѣреніями и видами правительства, и выполнять ее необходимо въ дружномъ единеніи съ другими правительственными органами, изъ которыхъ многіе съ нами сопредѣльны и въ правѣ разсчитывать на наше искреннее содѣйствіе для пользы службы Его Императорскаго Величества. Не розпь или обособленіе властей, а лишь разумная между ними солидарность, при полной самостоятельности каждой въ ея сферѣ, составляетъ несокрушимый оплотъ и благодѣтельную крѣпость гражданскаго порядка». Здѣсь возникаетъ, прежде всего, вопросъ, къ кому обращены вышеприведенныя слова? Съ перваго взгляда можно подумать, что они касаются всѣхъ служащихъ по вѣдомству министерства юстиціи, безъ различія между дѣятелями суда и дѣятелями судебной администраціи; это вытекаетъ, какъ будто бы, изъ вступительнаго замѣчанія о судебной части и судебномъ вѣдомствѣ, выраженнаго въ совершенно общей формѣ. Внутренній смыслъ всего параграфа приводитъ, однако, къ другому заключенію. Если сопоставить ссылку на общее учрежденіе министерствъ, относящееся, очевидно, только къ высшей судебной администраціи, съ ссылкой на «виды и намѣренія правительства», которые только этой администраціи (или, точнѣе, только главнымъ ея представителямъ) и могутъ быть извѣстны, то становится ясно, что ораторъ, говорившій передъ чинами центральнаго управленія, ихъ однихъ имѣлъ въ виду, къ нимъ однимъ обращалъ свою рѣчь. Нѣтъ, слѣдовательно, основанія предполагать, чтобы управляющій министерствомъ юстиціи приглашалъ судей и прокуроровъ согласовать свою дѣятельность не съ законами, а съ намѣреніями и видами правительства, чтобы онъ призывалъ ихъ къ солидарности и единенію съ другими правительственными органами. Нельзя не замѣтить, однако, что отъ чиновъ центральнаго управленія министерства юстиціи зависитъ, отчасти, характеръ дѣйствій всей «судебной части». *Юридически* судебный дѣятель не обязанъ, конечно, прислушиваться къ настроенію, господствующему въ департаментахъ министерства; но *фактически*—болѣе или менѣе сознательно, въ бо̀льшей или меньшей степени—онъ часто поддается его вліянію. Весьма важно, поэтому, чтобы слова Н. В. Муравьева о солидарности и единеніи были вѣрно поняты его непосредственными слушателями. Онъ признаетъ за ними право

на *полную самостоятельность*—а она исключаетъ возможность *постояннаго* единенія, *систематической*, непарушимой солидарности. Кто поступаетъ по убѣжденію и совѣсти, тотъ всегда рискуетъ столкнуться съ другимъ, противоположнымъ взглядомъ — и не боится, не избѣгаетъ этого риска. Право одного учрежденія разсчитывать на содѣйствіе другого обусловливается не одинаковымъ ихъ усердіемъ, а исключительно указаніями закона; отсюда вытекаютъ, сами собою, и предѣлы этого права. Въ какой сферѣ раздаются всего чаще жалобы на недостатокъ солидарности между представителями суда и администраціи? Конечно—въ сферѣ новыхъ судебно-административныхъ учрежденій. Чѣмъ вызываются эти жалобы? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ—кореннымъ различіемъ воззрѣній: администраторы, облеченные судебною властью, считаютъ возможнымъ пользоваться ею «по усмотрѣнію», а уѣздные члены окружного суда, городскіе судьи и товарищи прокурора никакъ не могутъ съ этимъ согласиться. Нужно ли доказывать, что при такомъ положеніи дѣлъ возстановленіе «единенія» и «солидарности» въ уѣздныхъ съѣздахъ зависитъ не отъ представителей министерства юстиціи? Съ ихъ стороны оно могло бы быть достигнуто только цѣною отреченія отъ «самостоятельности» — и отъ служебнаго и нравственнаго долга.

Есть еще одно мѣсто въ разбираемой нами рѣчи, по отношенію къ которому возможны противорѣчивыя толкованія. «Судъ,—замѣтилъ Н. В. Муравьевъ,—имѣетъ дѣло съ первѣйшими интересами общества и драгоцѣннѣйшими достояніями отдѣльныхъ лицъ. Отсюда и управленіе ходомъ правосудія, во всѣхъ соприкосновеніяхъ своихъ съ этими интересами и достояніями, да не смѣшиваетъ истинной законности съ узкимъ формализмомъ, непреклонной твердости въ примѣненіи закона — съ черствой сухостью пріемовъ. Нѣтъ, лучше, входя въ тяжелое положеніе обращающихся къ намъ за помощью, посильно облегчать имъ это положеніе, чѣмъ, равнодушно замыкаясь въ предѣлы формальной правомѣрности, лишать ихъ слабый голосъ возможности и права быть услышаннымъ. Но такъ какъ не всякое, конечно, домогательство заслуживаетъ удовлетворенія, не всякое стоитъ даже и участія, то всего желательнѣе было бы такое общее къ нимъ отношеніе, которое распространило и укрѣпило бы сознаніе, что здѣсь только правое дѣло и лишь законныя стремленія могутъ разсчитывать на успѣхъ». Въ дру-

гое время, при другихъ условіяхъ все это не могло бы возбудить рѣшительно никакихъ недоразумѣній. Иное дѣло—теперь, когда слова: *законъ* и *законность* для многихъ утратили свой смыслъ и отошли въ разрядъ «забытыхъ». Этимъ многимъ можетъ показаться, что, возставая противъ «узкаго формализма», противъ «замыканія въ предѣлы формальной правомѣрности», Н. В. Муравьевъ провозглашаетъ ту «свободу» отъ процессуальныхъ правилъ и юридическихъ нормъ, къ которой стремятся новѣйшіе теоретики и практики «усмотрѣнія». «Посильное облегченіе обращающихся за помощью» можетъ быть понято какъ вмѣшательство въ отправленіе правосудія. Эластичность понятія о «правомъ дѣлѣ» (многіе ли изъ тяжущихся не считаютъ себя правыми, многіе ли изъ проигравшихъ процессъ не видятъ въ этомъ незаслуженную для себя обиду?) можетъ дать поводъ къ мысли, что министерство юстиціи призвано повѣрять «правоту» окончательныхъ судебныхъ рѣшеній. Само собою разумѣется, что не таковъ настоящій смыслъ сказаннаго Н. В. Муравьевымъ. Кто стоитъ за «истинную законность», за «непреклонную твердость въ примѣненіи закона», кто принимаетъ за правило, что «лишь законныя стремленія могутъ разсчитывать на успѣхъ», тотъ высказывается, тѣмъ самымъ, противъ произвола, организованнаго или неорганизованнаго, противъ всякихъ «исключеній», возведенныхъ или не возведенныхъ въ систему.

LVII.

Сословіе журналистовъ [1]).

Вопросъ о лучшемъ обезпеченіи литературныхъ работниковъ, возбужденный, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одною изъ провинціальныхъ газетъ (бакинскимъ «Каспіемъ»), разросся, на страницахъ нѣкоторыхъ столичныхъ изданій, въ вопросъ объ организаціи «сословія журналистовъ». Въ «Русскомъ Обозрѣніи» г. Л. Тихомировъ подчеркиваетъ значительную силу «журнальнаго слоя», «освѣдомляющаго» Россію о всемъ существующемъ и происходящемъ на свѣтѣ и вліяющаго, такимъ образомъ, на формированіе общественнаго мнѣнія. «Въ интересахъ ли общества, — восклицаетъ обозрѣватель московскаго журнала,—въ интересахъ ли правительства, чтобы слой, имѣющій такую соціальную роль, былъ способенъ ее хорошо исполнять? Кажется, на такой вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. А между тѣмъ, что̀ дѣлаетъ общество, что̀ дѣлаетъ правительство для того, чтобы журналистика хорошо выполняла свои задачи? Публика только платитъ журналистамъ больше или меньше, смотря по тому, насколько они ей нравятся; правительство имѣетъ лишь приблизительную возможность пресѣкать явно вредную дѣятельность журналистики, нисколько не обезпечивая ея хорошей и полезной дѣятельности... Заботиться объ участи журналистовъ можетъ лишь такое учрежденіе, которое бы непремѣнно представляло всю корпорацію; а для того, чтобы оно стало возможнымъ, необходима организація журнальнаго сословія, точное опредѣленіе принадлежности къ

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1894 г., май, обществ. хроника.

нему, установленіе соотвѣтственныхъ правъ и обязанностей... При устройствѣ этого сословія первымъ правиломъ должно быть, что журналистъ имѣетъ право на направленіе, какое угодно. Не сословіе, а цензура можетъ, если сочтетъ нужнымъ, пресѣкать направленія. Сословіе признаетъ всѣ направленія, закономъ терпимыя, но требуетъ *добросовѣстности, подготовки, честнаго исполненія обязанности* (курсивъ автора). При существованіи такого сословія, правительство можетъ позволить ему, въ лицѣ его сословнаго управленія, принимать обязательныя мѣры для обезпеченія участи журналиста, добросовѣстно исполнявшаго профессіональный долгъ, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ». Для этого «сословному управленію» должно быть предоставлено «право обязательнаго взысканія извѣстнаго % съ изданій и заработной платы, въ установленныхъ закономъ предѣлахъ или съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ».

Одну сторону мысли г. Тихомирова поспѣшилъ подхватить «Гражданинъ». Необходимость правительственнаго вмѣшательства въ дѣло обезпеченія журналистовъ газета кн. Мещерскаго отрицаетъ, но организовать «сословіе журналистовъ», на подобіе сословія присяжныхъ повѣренныхъ, считаетъ нужнымъ. Только этимъ путемъ можетъ быть предупрежденъ, по ея мнѣнію, огромный вредъ, наносимый печатью, въ лицѣ «ловкихъ проходимцевъ», всему государству. «Сословіе» журналистовъ, по словамъ «Гражданина», «должно нести извѣстныя обязанности по отношенію къ государству и имѣть извѣстныя права по отношенію къ своимъ членамъ. Оно должно бы и могло бы заботиться о томъ, чтобы члены его были надлежащимъ образомъ подготовлены къ исполненію обязанностей журналиста и исполняли ихъ вполнѣ добросовѣстно и честно. Оно могло бы даже требовать отъ поступающаго члена опредѣленнаго ценза (если для адвоката нужно университетское образованіе, то, казалось бы, для журналиста оно еще нужнѣе), даже экзамена». Какъ «Русское Обозрѣніе», такъ и «Гражданинъ» признаютъ вопросъ объ учрежденіи «сословія журналистовъ» настолько важнымъ, что высказываются, вслѣдъ за «Виленскимъ Вѣстникомъ», за передачу этого вопроса на обсужденіе всероссійскаго съѣзда журналистовъ. «Сѣверный Вѣстникъ» идетъ не такъ далеко: съѣздъ журналистовъ онъ признаетъ излишнимъ, организаціи «сословія журналистовъ» не предлагаетъ, но совѣтуетъ литературному фонду возбудить ходатай-

ство объ установленіи, законодательнымъ путемъ, «налога съ объявленій, спеціально для обезпеченія увѣчныхъ, больныхъ литературныхъ работниковъ и ихъ семей, лишенныхъ средствъ. Правительство могло бы сдѣлать это и безъ ходатайства, какъ оно установило правила относительно вознагражденія увѣчныхъ рабочихъ на фабрикахъ. Для завѣдыванія кассой и назначенія пенсій редакціи могли бы избирать комитетъ, засѣдающій въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Операціи кассы подлежали бы ревизіи государственнаго контроля и мѣстной казенной палаты».

Организація и обезпеченіе—организація безъ обезпеченія—обезпеченіе безъ организаціи, но съ нѣкоторымъ подчиненіемъ: вотъ, слѣдовательно, три главные типа, къ которымъ сводится новѣйшій видъ журнально-газетнаго прожекторства. Общая ихъ черта — необходимость опредѣлить, что̀ такое «журналистъ» или «литературный работникъ». Въ самомъ дѣлѣ, какъ только писатели, организованные или не организованные въ одно цѣлое, станутъ предметомъ правительственной регламентаціи или правительственнаго попеченія, нельзя будетъ обойтись безъ установленія признаковъ принадлежности къ ихъ средѣ, болѣе или менѣе точныхъ и ясныхъ. То, въ чемъ нѣтъ надобности для частнаго общества — напр., для литературнаго фонда,—неизбѣжно потребуется для учрежденія, черпающаго свои средства изъ налога и распоряжающагося ими подъ наблюденіемъ государственнаго контроля или казенной палаты. Еще болѣе настоятельной законная формулировка понятія о писательствѣ явится въ такомъ случаѣ, если будетъ создано «сословіе» писателей или журналистовъ. Принятіе или непринятіе въ это сословіе, отъ кого бы оно ни зависѣло, нельзя же предоставить одному только «усмотрѣнію»; должны же быть указаны правила, обязательныя для принимающихъ—правила, нарушеніе которыхъ могло бы служить основаніемъ къ жалобѣ въ высшую инстанцію. Вотъ здѣсь-то и обнаруживается сразу несостоятельность всѣхъ изложенныхъ нами проектовъ. Никакой аналогіи между «сословіемъ журналистовъ» и сословіемъ, напримѣръ, присяжныхъ повѣренныхъ установить нельзя. Занятіе судебными дѣлами, насколько оно требуется какъ условіе вступленія въ присяжную адвокатуру, можетъ быть доказано совершенно точными данными—формулярнымъ спискомъ, удостовѣреніями начальства, довѣренностями, протоколами судебныхъ засѣданій, засвидѣтельствованнымъ въ журналахъ совѣта фак-

томъ принадлежности, въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени, къ числу помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Гораздо труднѣе, а иногда и совершенно невозможно доказать занятіе писательствомъ. Оно можетъ, во-первыхъ, быть анонимнымъ; оно можетъ, во-вторыхъ, идти рука объ руку съ другими, совершенно посторонними занятіями и даже съ принадлежностью къ другому сословію. Какъ различить, далѣе, писательство случайное отъ писательства профессіональнаго? Сколько нужно написать статей, и какой величины, и въ продолженіе какого срока, чтобы имѣть право на зачисленіе въ ряды писательскаго сословія (говоримъ: писательскаго, потому что нѣтъ, очевидно, никакого повода выдѣлять изъ среды писателей или литераторовъ однихъ только журналистовъ)? Сколько и какъ часто нужно писать, чтобы оставаться въ сословіи? Какъ смотрѣть на тѣхъ писателей или журналистовъ, которые, уже послѣ вступленія въ «сословіе», продолжаютъ заниматься другимъ дѣломъ или другими дѣлами, удѣляя имъ гораздо болѣе времени, чѣмъ литературѣ? Считать ихъ членами «сословія» — значило бы предоставлять имъ права и возлагать на нихъ обязанности, вовсе, быть можетъ, не соотвѣтствующія размѣрамъ и свойству ихъ литературной дѣятельности; исключать ихъ изъ «сословія» — значило бы пускать въ ходъ мѣрила чисто-внѣшнія, произвольныя и потому, сплошь и рядомъ, несправедливыя.

Еще болѣе вреднымъ и нелѣпымъ было бы установленіе для писателей или журналистовъ вступительнаго ценза, прямо предлагаемаго «Гражданиномъ», косвенно — «Русскимъ Обозрѣніемъ» (припомнимъ, что въ область «требованій», предъявляемыхъ «сословіемъ» къ своимъ членамъ, г. Тихомировъ включаетъ подготовку къ журнальной дѣятельности). Вступительный цензъ, по аналогіи съ сословіемъ присяжныхъ повѣренныхъ, слагался бы, по всей вѣроятности, изъ условій двоякаго рода: формальныхъ и не-формальныхъ. Формальнымъ условіемъ—кромѣ литературной опытности, о трудности опредѣленія которой мы уже говорили — была бы извѣстная степень образованія. Какого образованія? Безъ сомнѣнія—общаго, такъ какъ спеціальнаго образованія, подготовляющаго именно къ писательству, не существуетъ. Уже въ этомъ одномъ заключается существенная разница между адвокатомъ и писателемъ. Отъ присяжнаго повѣреннаго требуются спеціально-юридиче-

ческія знанія, какъ необходимая предпосылка судебной дѣятельности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ гарантія для частныхъ лицъ, обращающихся къ услугамъ патентованнаго адвоката Къ услугамъ писателя никто не обращается; никто не разсчитываетъ, въ силу присвоеннаго ему титула, найти въ немъ опредѣленныя техническія знанія; никакого диплома ему, съ этой точки зрѣнія, не нужно. Съ другой стороны, высшее образованіе вовсе не составляетъ ручательства въ подготовкѣ къ той или другой сферѣ журнальнаго дѣла. Представимъ себѣ, что юристъ или медикъ пишетъ литературно-критическіе этюды, филологъ — политико-экономическія изслѣдованія; очевидно, что данныя для этихъ занятій они почерпнули не изъ университетскихъ лекцій. Намъ могутъ замѣтить, что высшее образованіе раздвигаетъ умственный горизонтъ вообще, дѣлаетъ человѣка болѣе способнымъ ко всякой умственной дѣятельности. Это безспорно; но вѣдь высшее образованіе пріобрѣтается не въ однихъ только высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. При дѣйствіи системы, предлагаемой «Гражданиномъ» (и ему ли брать на себя роль поклонника образованія?), въ «сословіе» журналистовъ не былъ бы допущенъ... Бѣлинскій, не былъ бы допущенъ Некрасовъ; филологу Каткову можно было бы запретить сужденія о государственныхъ вопросахъ, юристу Аксакову—сужденія о вопросахъ церковныхъ

Не-формальное условіе для вступленія въ замкнутое сословіе — нравственная безукоризненность (по терминологіи г. Тихомирова: «добросовѣстность»). Предъявляемое къ будущимъ присяжнымъ повѣреннымъ, такое требованіе съ одной стороны неизбѣжно (въ виду упомянутой уже нами гарантіи, представляемой для тяжущихся, подсудимыхъ и цѣлаго общества самымъ патентомъ на званіе присяжнаго повѣреннаго), съ другой—не опасно, потому что оно предполагаетъ не наличность какихъ-либо положительныхъ качествъ, а только отсутствіе фактовъ, роняющихъ нравственное достоинство. Для совѣта присяжныхъ повѣренныхъ безразлично, какихъ мнѣній держится кандидатъ въ адвокаты, къ какой общественной группѣ онъ принадлежитъ, на чьей сторонѣ его симпатіи и антипатіи; для принятія его достаточно, чтобы въ его прошедшемъ не было безчестныхъ поступковъ. Учрежденіе, поставленное во главѣ «сословія журналистовъ», не могло бы, если бы и захотѣло, ограничиться такимъ отношеніемъ къ дѣлу.

Сколько бы разъ и съ какой бы настойчивостью ни было повторено, что «журналистъ имѣетъ право на направленіе, какое угодно», на практикѣ вопросъ о направленіи, подъ другимъ именемъ, непремѣнно выдвинулся бы на первый планъ, господствуя надъ всѣми остальными. Доказательство этому можно найти, прежде всего, въ словахъ самого г. Тихомирова. «Сословіе,—говоритъ онъ,—признаетъ всѣ направленія, закономъ терпимыя». Вотъ уже первое ограниченіе тезиса о «правѣ на направленіе»: категорія «направленій, не терпимыхъ закономъ», можетъ быть расширяема по усмотрѣнію, какъ вслѣдствіе эластичности самаго термина, такъ и вслѣдствіе внутренняго противорѣчія между «терпимостью» и нашимъ закономъ. До крайности эластичны также понятія о «добросовѣстности», о «честномъ исполненіи обязанности», требуемыхъ г. Тихомировымъ отъ членовъ проектируемаго имъ сословія. Нѣтъ ничего легче, какъ провозгласить «несогласный образъ мыслей»—признакомъ «недобросовѣстности», не-шаблонное пониманіе обязанности — устраняющимъ возможность ея «честнаго» исполненія.

«Сословіе журналистовъ», однажды организованное, не ограничилось бы, конечно, удостовѣреніемъ въ «добросовѣстности» и «честности» кандидатовъ на званіе журналиста. Сословному управленію было бы, по всей вѣроятности, поручено неослабное наблюденіе за наличностью этихъ качествъ у дѣйствующихъ, воинствующихъ журналистовъ и примѣненіе къ нимъ, le cas échéant, соотвѣтственныхъ взысканій. Подобно совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, оно было бы облечено правомъ дѣлать предостереженія и выговоры, налагать временное или постоянное запрещеніе — не на статью, книгу или періодическое изданіе, какъ это дѣлается теперь, а на писателя. Между тѣмъ, писательская дѣятельность и въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ адвокатской. Адвокатъ совершаетъ дѣйствія, которыя не трудно привести въ ясность и затѣмъ оцѣнить съ точки зрѣнія профессіональныхъ требованій и традицій. Журналистъ высказываетъ мнѣнія, которыя не всегда могутъ быть отнесены къ настоящему ихъ источнику (статьи псевдонимныя и анонимныя) и крайне рѣдко поддаются объективной оцѣнкѣ, исходящей изъ всѣмъ извѣстныхъ и общепринятыхъ основаній. Въ иныхъ случаяхъ, правда, предметомъ преслѣдованія могло бы служить *дѣйствіе* журналиста—напр., напечатаніе, за

деньги, завѣдомо-лживой и хитро-замаскированной рекламы [1]); но не такими дѣлами занималось бы, главнымъ образомъ, управленіе «сословіемъ журналистовъ», учрежденное въ наше время, при нынѣшнихъ условіяхъ. Предметомъ его усилій сдѣлалось бы, безъ сомнѣнія, «очищеніе» сословія отъ «вредныхъ элементовъ», какъ необходимое дополненіе къ предохранительнымъ мѣрамъ, ограничивающимъ доступъ въ сословіе. Составъ сословнаго управленія неизбѣжно былъ бы окрашенъ въ извѣстную краску, уже потому, что къ нему, безъ сомнѣнія, былъ бы примѣненъ все болѣе и болѣе распространяющійся у насъ принципъ административнаго утвержденія (а можетъ быть и назначенія). Сословію, въ рядахъ котораго заранѣе предполагается присутствіе «разбойниковъ» и «мошенниковъ», выборное право не было бы предоставлено вовсе или было бы предоставлено съ весьма крупными ограниченіями.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что организація, въ настоящее время, «сословія журналистовъ» или литераторовъ могла бы только ухудшить, и ухудшить весьма существенно, безъ того уже печальное положеніе пишущей братіи. Суду чести въ дѣлахъ литературныхъ мы придаемъ очень большое значеніе и желаемъ широкаго распространенія его сферы дѣйствій, но только съ тѣмъ, чтобы учрежденіе его зависѣло исключительно отъ доброй воли сторонъ и чтобы въ составъ его входили только лица, свободно ими выбранныя. Быть можетъ, настанетъ такой моментъ, когда судъ чести войдетъ въ наши литературные нравы, какъ нѣчто необходимое и нравственно-обязательное; самъ собою, быть можетъ, образуется такой литературный центръ, которому всеобщее довѣріе предоставитъ выборъ судей, если не состоится на этотъ счетъ соглашенія между сторонами—но покамѣстъ нельзя еще и думать о чемъ-либо подобномъ. Ни на чемъ другомъ, кромѣ доброй воли и непринужденнаго согласія, не можетъ быть основано теперь и обезпеченіе престарѣлыхъ и больныхъ писателей. Ни о какихъ налогахъ, направленныхъ къ этой цѣли, просить не слѣдуетъ, потому что отъ власти, устанавляющей и взыскивающей налогъ, неминуемо зависѣло бы, въ большей или меньшей степени, и распредѣленіе взысканныхъ денегъ. Созваніе съѣзда

[1]) Мы не говоримъ о шантажѣ, контрафакціи, клеветѣ и т. п., потому что все это — уголовныя правонарушенія, подлежащія судебному преслѣдованію.

журналистовъ или литераторовъ мы считаемъ какъ нельзя болѣе желательнымъ, но думаемъ, что ему слѣдовало бы самому пріискать способы устройства эмеритурной или пенсіонной кассы, не прибѣгая къ помощи правительства. Ходатайства, которыхъ мы отъ него ожидали бы, должны были бы имѣть предметомъ не положеніе литераторовъ, а положеніе литературы.

LVIII.

Новыя правила объ офицерскихъ дуэляхъ.— Громкія уголовныя дѣла и отношеніе къ нимъ ежедневной печати [1]).

Обнародованныя недавно правила объ офицерскихъ дуэляхъ (оффиціально именуемыя правилами «о разбирательствѣ ссоръ, случающихся въ офицерской средѣ») представляютъ большой интересъ не только для военнаго міра. Одной своей стороной они даже прямо касаются людей не-военныхъ: суду общества офицеровъ подвѣдомственны не только оскорбленія, нанесенныя офицеромъ офицеру, но и оскорбленія, нанесенныя офицеру *постороннимъ* (т.-е. не-военнымъ) лицомъ. Сообразно съ этимъ, для дальнѣйшаго направленія дѣлъ о поединкахъ между офицерами и «посторонними лицами» предполагается установить тотъ же порядокъ, какъ и для дѣлъ о поединкахъ между офицерами. Сущность новыхъ правилъ заключается въ слѣдующемъ. Судъ общества офицеровъ (а гдѣ его нѣтъ или когда дѣло выходитъ изъ предѣловъ его вѣдомства — начальникъ части) принимаетъ мѣры къ примиренію сторонъ, если признаетъ его согласнымъ съ достоинствомъ офицера и съ традиціями части; въ противномъ случаѣ онъ постановляетъ, что поединокъ является единственно-приличнымъ средствомъ удовлетворенія оскорбленной чести офицера. Свое вліяніе на секундантовъ судъ общества офицеровъ употребляетъ въ томъ смыслѣ, чтобы условія дуэли наиболѣе соотвѣтствовали обстоятельствамъ даннаго случая. Если въ теченіе двухъ недѣль по объявленіи рѣ-

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1894 г., іюль, общественная хроника.

шенія суда общества офицеровъ поединокъ не состоится, и отказавшійся отъ него офицеръ не подастъ просьбы объ увольненіи отъ службы, командиръ полка входитъ съ представленіемъ объ увольненіи его отъ службы безъ прошенія. Слѣдственное производство о поединкѣ, по роду своему подлежащее судебному разсмотрѣнію, представляется, съ заключеніемъ прокурорскаго надзора, военному министру [1]), для всеподданнѣйшаго доклада тѣхъ изъ означенныхъ дѣлъ, которымъ не признается возможнымъ дать движеніе въ судебномъ порядкѣ. Тотъ же порядокъ соблюдается и въ тѣхъ случаяхъ, когда офицерской дуэли не предшествовало постановленіе суда общества офицеровъ.

Изъ статьи «Русскаго Инвалида», напечатанной одновременно съ правилами о поединкахъ, мы узнаемъ, что основною ихъ мыслью было «повышеніе общаго уровня понятій о чести въ офицерской средѣ». До сихъ поръ случалось, хотя и рѣдко, что въ рядахъ арміи оставались офицеры, оскорбившіе товарищей и не давшіе имъ должнаго удовлетворенія, или потерпѣвшіе оскорбленіе и не озаботившіеся принять мѣры къ возстановленію своей чести. Правила направлены къ тому, чтобы на будущее время такіе случаи не были возможны: они ясно и опредѣленно указываютъ на поединокъ, какъ на единственный, при извѣстныхъ условіяхъ, нормальный выходъ изъ положенія, созданнаго оскорбленіемъ. Отсюда не слѣдуетъ еще, однако, что поединокъ въ офицерской средѣ долженъ быть признанъ безнаказаннымъ. Это немыслимо уже потому, что пришлось бы оставлять безнаказанными и гражданскихъ лицъ, вышедшихъ на поединокъ съ офицерами, а затѣмъ, «въ силу послѣдовательности, освободить ихъ отъ наказанія и за всякую дуэль, внѣ офицерской среды». Притомъ, «не всякая дуэль даже и между одними офицерами можетъ быть оправдываема интересами арміи. Возможны дуэли, вызываемыя далеко не благородными побужденіями ненависти, мести, злобы по личнымъ соображеніямъ; случаются дуэли и по такимъ, сравнительно ничтожнымъ поводамъ, когда дѣло, безъ всякаго вреда для чести обѣихъ сторонъ, могло окончиться примиреніемъ и

[1]) Если въ дуэли съ офицеромъ участвовало «постороннее лицо», то всеподданнѣйшій докладъ о ней представляется военнымъ министромъ по соглашенію съ министромъ юстиціи.

когда дуэль, слѣдовательно, ничѣмъ не оправдывается». Въ силу этихъ соображеній признано достаточнымъ *урегулировать* дуэль, т.-е. установить такой порядокъ, при которомъ дуэль происходила бы лишь въ случаяхъ дѣйствительно серьезныхъ, когда она считается неизбѣжной по укоренившемуся мнѣнію всей офицерской корпораціи. Затѣмъ возникалъ вопросъ, какъ разсматривать дуэль, состоявшуюся на точномъ основаніи постановленія офицерскаго суда? Установить разъ навсегда ея безнаказанность или меньшую наказуемость признано невозможнымъ, такъ какъ она часто ничѣмъ не отличается отъ дуэли, состоявшейся помимо офицерскаго суда. Возвести на степень общаго правила безнаказанность оскорбленнаго также нельзя, потому что не всегда легко опредѣлить, кто—оскорбленный, кто—оскорбитель, да и общее сочувствіе можетъ быть иногда на сторонѣ оскорбителя, въ виду мотивовъ, вызвавшихъ оскорбленіе. Ставить безнаказанность дуэли въ зависимость отъ подчиненія ея участниковъ мнѣнію офицерскаго суда было найдено неудобнымъ еще и потому, «что одна изъ сторонъ можетъ быть готова подчиниться мнѣнію суда объ умѣстности примиренія, другая же предпочтетъ дуэль, которая и состоится; едва-ли было бы справедливо въ подобныхъ случаяхъ лишать всякаго снисхожденія и того изъ дуэлистовъ, который, при первой своей готовности, согласно постановленію суда, извиниться или принять извиненіе, уступаетъ противнику, настаивающему на поединкѣ». Вотъ почему рѣшено было опредѣлять, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, подлежитъ ли дѣло объ офицерской дуэли судебному разсмотрѣнію или прекращенію безъ суда, въ административномъ порядкѣ.

Таково, въ главныхъ чертахъ, оффиціозное объясненіе новыхъ правилъ объ офицерскихъ дуэляхъ. Составителямъ объясненія предстояла трудная или, лучше сказать, неразрѣшимая задача: они должны были соединить несоединимое, доказать совмѣстимость понятій, взаимно исключающихъ другъ друга. Въ самомъ дѣлѣ, первое и существенное условіе преступности дѣянія — запрещеніе его уголовнымъ закономъ. Не можетъ быть преступнымъ дѣяніе, совершенное *въ силу закона*, съ разрѣшенія или даже по требованію *закономъ установленной власти*, подъ опасеніемъ служебнаго взысканія за неисполненіе этого требованія. Такимъ именно дѣяніемъ является дуэль, происходящая на основаніи опредѣленія офицерскаго суда—а

между тѣмъ она *можетъ* подлежать судебному преслѣдованію, *можетъ* служить поводомъ къ уголовной отвѣтственности, *можетъ*, однимъ словомъ, быть разсматриваема какъ *преступленіе*. Здѣсь есть, очевидно, глубокое внутреннее противорѣчіе. Единственнымъ логическимъ выходомъ изъ правилъ, уполномочивающихъ судъ общества офицеровъ постановлять опредѣленія о необходимости дуэли, была бы полная безнаказанность поединка, состоявшагося вслѣдствіе этого опредѣленія (безъ нарушенія, притомъ, обычныхъ условій «правильной» дуэли). «Офицерскія дуэли,—говоритъ «Русскій Инвалидъ»,—теряютъ отнынѣ характеръ обыкновеннаго преступленія, а становятся дѣяніями, иногда и ненаказуемыми» Въ томъ-то и дѣло, что при однихъ и тѣхъ же юридическихъ условіяхъ—т.-е. при наличности опредѣленія офицерскаго суда, требующаго дуэли, и при внѣшней правильности боя,—офицерская дуэль, по новому закону, *иногда* ненаказуема, а *иногда* наказуема, тогда какъ уголовная кара за исполненіе законнаго требованія законной власти *всегда* логически несообразна. Не устраняютъ этой несообразности и остальные доводы, приводимые «Русскимъ Инвалидомъ». Они относятся, собственно говоря, къ совершенно другимъ вопросамъ: они показываютъ, что право на снисхожденіе или безнаказанность участники офицерской дуэли могутъ имѣть и тогда, когда она произошла помимо или даже вопреки постановленію офицерскаго суда—но они даже не пытаются обосновать факультативную наказуемость дуэли, состоявшейся по требованію офицерскаго суда. Нетрудно, однако, угадать, почему, въ данномъ случаѣ, допущено отступленіе отъ юридической логики. Возражая противъ безнаказанности офицерскихъ дуэлей *вообще*, «Русскій Инвалидъ» замѣтилъ, что дуэль вызывается иногда «далеко не благородными побужденіями ненависти, мести и злобы». Возможно ли, при такихъ условіяхъ, требованіе дуэли со стороны офицерскаго суда? Безъ сомнѣнія—возможно. Представимъ себѣ, что подъ вліяніемъ ненависти и злобы одинъ офицеръ оскорбляетъ другого—оскорбляетъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, публично и тяжко. Конечно, офицерскій судъ не только не откажетъ оскорбленному въ разрѣшеніи на поединокъ, но даже вмѣнитъ ему въ обязанность потребовать удовлетворенія отъ оскорбителя. Представимъ себѣ, дальше, что исходъ дуэли будетъ несчастливъ для оскорбленнаго. Оставить оскорбителя безнаказаннымъ было

бы слишкомъ тяжело для нравственнаго чувства; лучше погрѣшить противъ юридической логики, чѣмъ противъ справедливости, т.-е. допустить возможность уголовно-судебной отвѣтственности за дуэль, хотя бы она и состоялась согласно съ постановленіемъ офицерскаго суда. Но развѣ нельзя было избѣжать этого конфликта между справедливостью и правомъ, развѣ нельзя было развязать, а не разсѣчь гордіевъ узелъ? Для этого достаточно было бы, какъ намъ кажется, предоставить предварительное обсужденіе поводовъ къ дуэли не офицерскому суду, а посредникамъ, добровольно избраннымъ сторонами. Дѣятельность такихъ посредниковъ служила бы до извѣстной степени гарантіей противъ легкомысленныхъ и необдуманныхъ дуэлей, но не связывала бы свободу сторонъ, не снимала бы съ нихъ отвѣтственность за окончательное рѣшеніе. Мнѣніе посредниковъ оставалось бы только *мнѣніемъ*, болѣе или менѣе авторитетнымъ, но ни для кого не обязательнымъ. Въ поединкѣ, хотя бы и предпринятомъ съ одобренія посредниковъ, нельзя было бы видѣть исполненіе предписанія, исходящаго отъ закономъ установленной *власти* — и, слѣдовательно, въ наказаніи участниковъ поединка не было бы ничего несовмѣстнаго съ основными началами уголовнаго права. Незачѣмъ было бы создавать тогда и особый порядокъ направленія дѣлъ о дуэляхъ; нужно было бы только постановить, что если поединку предшествовало разбирательство чрезъ посредниковъ, признавшихъ примиреніе—невозможнымъ, поединокъ—неизбѣжнымъ, то судъ *въ правѣ* оправдать, смотря по обстоятельствамъ дѣла, одного или обоихъ участниковъ дуэли. Само собою разумѣется, что подобное постановленіе могло бы быть распространено на всѣ поединки вообще, независимо отъ званія дуэлянтовъ; по отношенію къ офицерамъ можно было бы только ограничить свободу выбора посредниковъ, принявъ за правило, чтобы они всѣ (или, при участіи въ дуэли «посторонняго лица»—по меньшей мѣрѣ половина) принадлежали къ составу арміи.

Мы только-что коснулись одной изъ самыхъ интересныхъ сторонъ вопроса о дуэли. Есть ли какое-либо существенное, глубокое различіе между дуэлями офицерскими и всѣми остальными? Съ точки зрѣнія «Русскаго Инвалида» такое различіе совершенно несомнѣнно: онъ не допускаетъ даже мысли объ установленіи такихъ правилъ, которыя примѣнялись бы оди-

наково ко *всѣмъ* дуэлямъ. Предполагается, съ одной стороны, что офицерская дуэль необходима въ интересахъ арміи, съ другой стороны—что она неизбѣжна въ силу особыхъ взглядовъ на честь, господствующихъ въ средѣ офицеровъ. Въ интересахъ арміи—поддержаніе воинственнаго духа, пренебреженія къ опасности, готовности рисковать и жертвовать жизнью. Какъ же объяснить, однако, что не во всѣхъ европейскихъ арміяхъ практикуется и поощряется дуэль, хотя, конечно, воинственный духъ не угасъ и даже не ослабѣлъ ни въ одной изъ нихъ? Англійскіе офицеры ничѣмъ, въ этомъ отношеніи, не уступаютъ континентальнымъ—а между тѣмъ дуэль, за послѣдніе полвѣка, встрѣчается въ ихъ средѣ лишь въ видѣ самаго рѣдкаго исключенія. Общеупотребительной между англійскими офицерами дуэль перестала быть именно тогда, когда она исчезла въ другихъ классахъ англійскаго общества. Не наводитъ ли это на мысль, что соціальный законъ, управляющій дуэлями, одинъ и тотъ же — въ данной странѣ и въ данное время—для всѣхъ сословій и профессій, стоящихъ на одномъ и томъ же, приблизительно, уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія? И въ самомъ дѣлѣ, развѣ представленіе о томъ, что тяжкое оскорбленіе можетъ быть смыто только кровью, свойственно, въ Россіи и въ Западной Европѣ, однимъ только офицерамъ? Во Франціи, въ Италіи дуэль, въ кругу литераторовъ и въ особенности журналистовъ—явленіе ничуть не менѣе распространенное, чѣмъ въ кругу офицеровъ. На поединкѣ палъ Лассаль; на поединкѣ палъ, въ пятидесятыхъ годахъ, начальникъ берлинской полиціи. У насъ въ Россіи между дуэлями, сдѣлавшимися предметомъ громкихъ уголовныхъ процессовъ, нетрудно припомнить такія, участники которыхъ были чиновники, публицисты, адвокаты. Иниціатива дуэли, въ которой палъ Пушкинъ, принадлежала ему, а не его военному противнику. «Обычай—деспотъ межъ людей» вообще, а не только межъ людей военныхъ. До тѣхъ поръ, пока общественное мнѣніе оправдываетъ выходящихъ на поединокъ и осуждаетъ отказывающихся отъ него, до тѣхъ поръ неизбѣжно снисходительное законодательство о дуэляхъ. Желать можно только одного: чтобы мѣра снисхожденія соотвѣтствовала обстоятельствамъ даннаго случая, *образу дѣйствій* участниковъ поединка, а не положенію ихъ въ обществѣ, не профессіональнымъ ихъ занятіямъ.

На основаніи правилъ объ офицерскихъ дуэляхъ, судъ общества офицеровъ принимаетъ мѣры къ примиренію сторонъ, если признаетъ его согласнымъ съ достоинствомъ офицера и *съ традиціями части*. Рѣшающее значеніе слѣдовало бы признать, какъ намъ кажется, не за традиціями *части*, а за *общими традиціями арміи*, образующими то общее понятіе *о воинской чести*, которымъ руководствуется общественное мнѣніе въ средѣ офицеровъ. Въ традиціяхъ *части* всегда есть элементъ случайный: онѣ могутъ, напримѣръ, требовать поединка только потому, что прошедшее части богато дуэлями и почти не знаетъ ссоръ, окончившихся примиреніемъ. Въ двухъ полкахъ исходъ аналогичныхъ дѣлъ можетъ быть, такимъ образомъ, совершенно различный, тогда какъ воинская честь—только одна, одинаковая для всѣхъ войсковыхъ частей. Такъ называемая *честь мундира*—синонимъ воинской чести; нельзя, поэтому, утверждать, что для носителей различныхъ мундировъ различны и способы возстановленія нарушенной чести. Фактически, конечно, традиціи полка всегда могутъ вліять на постановленіе офицерскаго суда; но это вліяніе не должно быть узаконяемо, не должно быть разсматриваемо какъ нѣчто нормальное и правильное. Законъ долженъ стремиться, наоборотъ, къ возможно бо́льшему единообразію взглядовъ, регулирующихъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ военнаго быта.

Суду общества офицеровъ вмѣнено въ обязанность употреблять свое вліяніе на секундантовъ въ томъ смыслѣ, чтобы условія дуэли наиболѣе соотвѣтствовали обстоятельствамъ даннаго случая. Это постановленіе направлено, очевидно, къ тому, чтобы уменьшить шансы несчастнаго исхода дуэли и ограничить примѣненіе условій особенно опасныхъ (напр. близкаго разстоянія, большого числа выстрѣловъ и т. п.) немногими, наиболѣе серьезными случаями. Нельзя не сочувствовать этому стремленію, но можно опасаться, что оно будетъ, до извѣстной степени, парализовано распоряженіемъ военнаго министра, обнародованнымъ одновременно съ правилами объ офицерскихъ дуэляхъ. «Означенныя правила,—сказано въ приказѣ г. министра, — не касаясь вовсе общихъ правъ суда общества офицеровъ входить во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ въ обсужденіе неблаговидности поведенія офицера и постановлять объ удаленіи недостойныхъ офицеровъ изъ части, нисколько не ограничиваютъ сихъ правъ и въ отношеніи каждаго слу-

чая дуэли, когда обнаружится, что офицеръ, защищая свою честь или давая удовлетвореніе оскорбленному, не проявилъ при этомъ истиннаго чувства чести и собственнаго достоинства, а обнаружилъ стараніе соблюсти лишь одну форму». Чтобы избѣжать подозрѣнія *въ стараніи соблюсти форму*, дуэлянты часто, по всей вѣроятности, будутъ отклонять сравнительно менѣе опасныя условія дуэли, хотя бы и предлагаемыя секундантами съ вѣдома офицерскаго суда. Имъ нелегко будетъ освободиться отъ опасенія, что согласіе ихъ можетъ быть впослѣдствіи истолковано въ смыслѣ для нихъ неблагопріятномъ.

Поводами къ возбужденію дѣла о дуэли въ офицерскомъ судѣ новыя правила признаютъ съ одной стороны оскорбленіе, нанесенное офицеромъ офицеру, съ другой—оскорбленіе, нанесенное офицеру постороннимъ лицомъ. Намъ кажется, что къ этимъ двумъ поводамъ слѣдовало бы присоединить еще третій: оскорбленіе, нанесенное офицеромъ постороннему лицу. Само собою разумѣется, что постановленіе офицерскаго суда необязательно для послѣдняго—но вѣдь оно точно такъ же необязательно для него и въ тѣхъ случаяхъ, когда ему принадлежитъ роль оскорбителя. Оскорбленное «постороннее лицо» имѣетъ полное право обратиться къ содѣйствію офицерскаго суда, чтобы побудить оскорбителя къ извиненію или къ удовлетворенію путемъ дуэли. Несогласнымъ съ правилами чести, общей или спеціально-военной, бываетъ сплошь и рядомъ не только образъ дѣйствій оскорбленнаго, но и образъ дѣйствій оскорбителя; товарищескій судъ не можетъ и не долженъ смотрѣть сквозь пальцы на незаслуженное, ничѣмъ не вызванное оскорбленіе, нанесенное офицеромъ «постороннему лицу», только потому, что это лицо не носитъ военнаго мундира. Представимъ себѣ, напримѣръ, такой случай: оскорбленіе нанесено офицеромъ, безъ всякой серьезной причины, пожилому, болѣзненному человѣку, неспособному владѣть оружіемъ—и оскорбитель отказывается извиниться передъ оскорбленнымъ. Трудно предположить, чтобы офицерскій судъ призналъ этого офицера достойнымъ оставаться въ офицерской средѣ. Уваженіе къ слабости, безпомощности и беззащитности—такое же требованіе чести, какъ и отсутствіе страха передъ силой.

Къ многочисленнымъ грѣхамъ второй французской имперіи принадлежитъ созданіе мелкой прессы (въ специфическомъ смыслѣ этого слова) и такъ называемой presse à information, т.-е. печати, гоняющейся за «новостями дня» и щеголяющей спѣшностью и подробностью (но не достовѣрностью) своихъ сообщеній. Оба эти паразитныя растенія быстро распространились за предѣлы Франціи; въ Европѣ, какъ и въ Америкѣ, едва-ли найдется періодическая литература, которая была бы отъ нихъ вполнѣ свободна. Иногда они являются въ своей простѣйшей формѣ: изъ среды ежедневныхъ изданій выдѣляются такія, которыя исключительно или преимущественно промышляютъ сплетней, болтовней и наименѣе привлекательными видами репортерства. Случается, однако, что примѣру этихъ изданій начинаютъ слѣдовать, въ бо́льшей или меньшей степени, и другія, изъ категоріи «серьезныхъ» о́ргановъ прессы. Соперничествомъ въ раскрытіи и возможно-яркомъ освѣщеніи сенсаціонныхъ фактовъ увлекаются и «большія» газеты, предназначенныя для служенія инымъ, болѣе высокимъ цѣлямъ. Главнымъ объектомъ соперничества являются крупные уголовные процессы или выдающіяся «происшествія». Подобно тому, какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ страницы парижскихъ газетъ наполнялись и переполнялись извѣстіями, догадками, комментаріями о кровавомъ дѣлѣ Тропмана, многія изъ нашихъ газетъ отводили недавно безчисленное количество столбцовъ дѣлу о подложномъ духовномъ завѣщаніи Грибанова. Когда оно сошло со сцены, мѣсто его заняло сначала убійство Довнара, потомъ убійство Чарнецкой. Ненормальна уже самая многочисленность и многословность сообщеній, посвященныхъ всѣмъ этимъ событіямъ, ненормальны преждевременные, поверхностные, легкомысленные отзывы о нихъ; еще болѣе ненормально прямое приглашеніе къ такимъ отзывамъ, т.-е. поощреніе, со стороны одной изъ газетъ, переливанія изъ пустого въ порожнее, какъ нельзя менѣе соотвѣтствующаго серьезности темы. Чтобы понять вполнѣ, какъ несимпатичны новые газетные нравы и какъ желательно измѣненіе ихъ къ лучшему, необходимо привести нѣсколько примѣровъ, особенно поразительныхъ.

Въ половинѣ мая мѣсяца молодая женщина П. убиваетъ, въ нумерѣ гостиницы, студента института путей сообщенія. Черезъ два дня послѣ этого событія въ одной изъ петербургскихъ газетъ появляется длиннѣйшій разсказъ о прежнихъ от-

ношеніяхъ убійцы и жертвы преступленія—разсказъ, основанный, очевидно, на свѣдѣніяхъ наскоро собранныхъ, ничѣмъ не провѣренныхъ, но претендующій на характеристику обоихъ дѣйствующихъ лицъ. Погибшій студентъ,—говоритъ разсказчикъ со словъ неизвѣстнаго лица,—пользовался средствами женщины, его убившей, и вмѣстѣ съ тѣмъ жестоко истязалъ ее, въ присутствіи своей матери. «Сильная волей, энергичная, обладающая горячимъ темпераментомъ южанки, дѣвушка становилась передъ своимъ повелителемъ робкой, боязливой, исполняла чудовищныя прихоти его, по одному его приказанію». Два дня спустя та же газета печатаетъ новое сообщеніе, опять-таки имѣющее характеръ обвинительнаго акта противъ убитаго; опять идетъ рѣчь о его жестокости, о крупныхъ суммахъ, которыя онъ получалъ отъ П. Нѣсколько позже, въ другой газетѣ, появляется письмо лица, случайно встрѣтившагося на желѣзной дорогѣ съ матерью убитаго и слышавшаго отъ нея совсѣмъ иные отзывы объ участникахъ печальной драмы и объ обстоятельствахъ, ей предшествовавшихъ. Всѣ обвиненія, взведенныя на покойнаго, встрѣчаютъ здѣсь самое энергичное опроверженіе; въ крайне неблагопріятномъ свѣтѣ выставляется, зато, госпожа П. На чьей сторонѣ правда—объ этомъ мы, конечно, судить не беремся, да это для насъ, съ занимающей насъ теперь точки зрѣнія, и безразлично; замѣтимъ только, что если бы убитый былъ виновенъ въ эксплоатаціи своей связи съ госпожей П., то къ его памяти не отнеслись бы такъ сочувственно бывшіе товарищи его по институту... Проходитъ недѣли двѣ: въ Петербургѣ совершается новое убійство, на этотъ разъ съ корыстною цѣлью. Мельница, всего охотнѣе занимающаяся перемоломъ всякихъ ужасовъ, опять приходитъ въ усиленное движеніе. На этотъ разъ убійца—лакей, находившійся въ услуженіи у убитой—представляетъ мало интереснаго, и усердіе репортеровъ сосредоточивается на жертвѣ преступленія. Въ той же газетѣ, которая такъ много потрудилась надъ раскрытіемъ грѣховъ убитаго студента, появляется подробнѣйшее сообщеніе о нравахъ и обычаяхъ убитой пожилой дѣвицы. Печатаются цѣлыя свидѣтельскія показанія о ея скупости, подозрительности, неделикатности въ обращеніи съ лицами, у нея жившими. Противъ покойной, незадолго до ея смерти, было предъявлено у мирового судьи уголовное обвиненіе въ оскорбленіи на письмѣ. Само собою разумѣется, что возбужденное такимъ

образомъ дѣло прекращено, за смертью обвиняемой: но это не мѣшаетъ все той же газетѣ воспроизвести на своихъ столбцахъ письмо, подавшее поводъ къ процессу, «со всѣми его орѳографическими особенностями», а также выписку изъ жалобы отца оскорбленной. Въ разговорахъ, записанныхъ репортеромъ и напечатанныхъ въ газетѣ, идетъ рѣчь даже о томъ, что покойная не прочь была выйти замужъ!.. Спрашивается, прежде всего, какого серьезнаго читателя — а именно для такихъ читателей издается большая политическая газета — могутъ интересовать подобныя сообщенія? Кому нужно знать толки и пересуды, не умолкающіе даже передъ открытой могилой, даже передъ трагической смертью? Допустимъ, что госпожа Ч. не сдѣлалась бы жертвой преступленія: кому пришло бы тогда въ голову собирать и, тѣмъ болѣе, публиковать свѣдѣнія о количествѣ потребляемаго ею сахара или хлѣба? Неужели эти свѣдѣнія сдѣлались занимательными только потому, что несчастную женщину постигла ужасная участь? Быть можетъ, они удовлетворяютъ чье-либо любопытство — но это любопытство самаго низшаго сорта, отнюдь не заслуживающее поощренія. Почему, между прочимъ, такъ вредна мелкая пресса (мелкая, повторяемъ, въ специфическомъ смыслѣ слова, т.-е. не по формату, а по содержанію)? Потому что, предлагая своимъ читателямъ пищу дурного качества, сильно приправленную пряностями, она дѣлаетъ ихъ менѣе воспріимчивыми къ здоровымъ, питательнымъ веществамъ, менѣе способными и расположенными къ полезному чтенію. Обязанность «большой» прессы — противодѣйствовать или, по меньшей мѣрѣ, не поддаваться этому вліянію. Для нея нѣтъ даже того оправданія (весьма, впрочемъ, сомнительнаго), на которое могутъ ссылаться представители мелкой прессы: она не въ правѣ утверждать, что ничего другого, кромѣ сплетенъ и сенсаціонныхъ разсказовъ, не въ состояніи переварить ея читатели... Служа низкопробному любопытству, газеты не только понижаютъ умственный и нравственный уровень читающей публики: онѣ ухудшаютъ положеніе всѣхъ тѣхъ, на комъ безъ того уже тяжело отразилось преступленіе или «происшествіе». Нетрудно себѣ представить, что должна была испытать мать убитаго студента, когда, вслѣдъ за вѣстью о смерти сына, до нея дошли газетныя статьи, омрачающія его память. Совершенно понятно, что она рѣшилась поѣхать въ Петербургъ, чтобы «спасти хотя бы опозоренную

честь убитаго и остальной семьи». Быть можетъ, близкіе люди были и у убитой старушки; каково, въ такомъ случаѣ, было имъ читать «надгробныя рѣчи», о которыхъ мы упоминали выше!.. Тяжела, конечно, для участниковъ судебной драмы, для ихъ друзей и родственниковъ и та огласка, которая неразрывно (за рѣдкими исключеніями) связана съ судебнымъ процессомъ; но здѣсь частные интересы должны уступить общественному, требующему публичности и гласности судопроизводства. На судѣ, притомъ, дѣло выясняется со всѣхъ сторонъ, изъ первыхъ источниковъ, со всею достовѣрностью, какая только доступна для правосудія — а газетныя сообщенія почти всегда односторонни, случайны и недостовѣрны; опроверженіе того, что̀ сказано въ одной газетѣ, печатается обыкновенно въ другой, т.-е. читается другою публикою. Если дѣло госпожи П. дойдетъ до суда, отношенія ея къ убитому будутъ, безъ сомнѣнія, предметомъ судебнаго слѣдствія и судебныхъ преній; но передъ судомъ показанія даются иначе, чѣмъ передъ газетнымъ репортеромъ, да и каждое изъ нихъ тотчасъ же можетъ быть провѣрено и исправлено... Когда процессъ законченъ, когда весь матеріалъ, имъ добытый, можетъ быть охваченъ однимъ взглядомъ, тогда, и только тогда, имѣются на-лицо всѣ условія для опредѣленія его общественнаго и психологическаго значенія; тогда наступаетъ время для сужденій и выводовъ, раньше неудобныхъ уже потому, что они могутъ заронить въ комъ-либо изъ будущихъ судей предубѣжденіе въ пользу или противъ обвиняемаго.

Спѣшимъ замѣтить, что единственное лекарство противъ указанной нами болѣзни мы видимъ въ распространеніи болѣе правильныхъ взглядовъ на обязанности и задачи печати Вмѣшательство суда или, тѣмъ болѣе, администраціи было бы зломъ еще худшимъ, нежели то, противъ котораго оно было бы направлено. Если общественное мнѣніе, до извѣстной степени, подчиняется печати, то и печать, въ свою очередь, испытываетъ его вліяніе. Рѣшительное осужденіе сообщеній, разсчитанныхъ только на праздное любопытство — осужденіе, повторенное съ разныхъ сторонъ, съ достаточною силой—должно, рано или поздно, возвратить печать въ тѣ границы, которыхъ она держалась еще недавно и которыя отнюдь не уменьшаютъ область *фактовъ*, доступныхъ гласности.

LIX.

Еще о дуэляхъ.—Смертная казнь.—Журналы и газеты [1]).

Разбирая, два мѣсяца тому назадъ, новыя правила объ офицерскихъ дуэляхъ, мы замѣтили, между прочимъ, что предварительное обсужденіе вопроса о дуэли цѣлесообразнѣе было бы предоставить не офицерскому суду, а посредникамъ, добровольно избраннымъ сторонами. Въ фактахъ, подтверждающихъ это мнѣніе, уже теперь нѣтъ недостатка. Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, вслѣдъ за изданіемъ правилъ, въ Бобруйскѣ состоялась дуэль между двумя офицерами 158-го пѣхотнаго Кутаисскаго полка, П. и У., при слѣдующихъ обстоятельствахъ: во время полкового праздника однимъ изъ офицеровъ былъ предложенъ тостъ за какого-то военнаго. П. въ тостѣ участія почему-то не принялъ; тогда У., подойдя къ П. и поднеся кулакъ къ лицу, сказалъ: «я тебѣ покажу». П. счелъ себя оскорбленнымъ и запротестовалъ. Затѣмъ, на слѣдующій день, они, въ присутствіи товарищей, примирились. Нѣкоторые изъ офицеровъ не были согласны съ этимъ и рѣшили довести дѣло до офицерскаго суда; послѣднимъ была рѣшена дуэль между ними на пистолетахъ. Сначала дистанція была назначена на 15 шаговъ, но при первомъ выстрѣлѣ противники сдѣлали промахъ; тогда дистанція была уменьшена и вторымъ выстрѣломъ П. тяжко раненъ [2]).

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1894 г., сентябрь, общественная хроника.

[2]) Дальше въ «Минскомъ Листкѣ» сообщались еще другія данныя о дуэли, которыхъ мы не приводимъ, потому что онѣ вызвали возраженіе со стороны командира полка (не отрицающаго ни самаго факта дуэли, ни поводовъ къ ней, ни постановленія офицерскаго суда).

Не ясно ли, что товарищи, при которыхъ первоначально состоялось примиреніе, были именно посредниками, достаточно авторитетными въ глазахъ обѣихъ сторонъ, и что поединокъ сдѣлался неизбѣжнымъ лишь вслѣдствіе обращенія дѣла къ формальному разбору въ офицерскомъ судѣ? Можно ли признать нормальнымъ такой порядокъ, въ силу котораго два товарища, совершенно примиренные и забывшіе случайную ссору, ставятся лицомъ къ лицу съ оружіемъ въ рукахъ, угрожая другъ другу увѣчьемъ или смертью? А уменьшеніе, послѣ перваго выстрѣла, дистанціи, безъ того уже весьма небольшой—уменьшеніе, имѣвшее послѣдствіемъ тяжкое пораненіе одного изъ дуэлянтовъ? Неужели данный случай принадлежалъ къ числу тѣхъ, гдѣ непремѣнно должна быть пролита кровь и пасть очистительная жертва? Не ясно ли, что дуэлянты хотѣли во что бы то ни стало избѣгнуть подозрѣнія въ «стараніи соблюсти лишь одну форму» — подозрѣнія, которое они могли навлечь на себя въ силу извѣстнаго приказа военнаго министра?..

Не менѣе характеренъ другой случай, сообщенный «Крымскимъ Вѣстникомъ». Въ Керчи, на танцовальномъ вечерѣ въ коммерческомъ клубѣ, поручикъ П., будучи дирижеромъ танцевъ, занялъ для кадрили два стула и вышелъ изъ залы. Когда онъ вернулся въ залъ, мѣста эти оказались занятыми одною изъ танцующихъ паръ, въ которой кавалеромъ былъ молодой человѣкъ изъ невоенныхъ, г. М. Поручикъ П. попросилъ г. М. уступить мѣсто и приказать принести себѣ другіе стулья; г. М. заявилъ, что это мѣсто было имъ занято гораздо раньше, и потому онъ его никому не уступитъ. Не желая доводить дѣло до ссоры, г. П. вышелъ изъ залы, чтобы заявить объ этомъ случаѣ дирекціи клуба. Всѣ танцовавшіе въ этотъ вечеръ офицеры вышли изъ залы и послали заявить старшинамъ собранія, что если г. М. не будетъ немедленно удаленъ изъ числа членовъ собранія, то они принуждены будутъ прекратить свои посѣщенія. Дирекція клуба, не имѣя достаточныхъ основаній исключить своего сочлена, просьбы гг. офицеровъ не уважила, и они немедленно оставили клубъ. Между тѣмъ этотъ случай довели до свѣдѣнія командира полка, который передалъ дѣло на разсмотрѣніе суда общества офицеровъ, при чемъ заявлено было, что г. М. назвалъ поручика П. «невѣжей». На судѣ г. П. заявилъ, что никакихъ оскорбленій отъ г. М. онъ не слыхалъ, и точно также г. М. отрицалъ это обстоятельство. Другіе офи-

церы утверждали, что фактъ оскорбленія былъ на-лицо, и потому судъ постановилъ предложить г. П. вызвать г. М. на дуэль или подать въ отставку. Г. П. заявилъ, что вызывать на дуэль человѣка, совершенно не умѣющаго обращаться съ оружіемъ, который, кромѣ того, былъ его давнишнимъ пріятелемъ, онъ не считаетъ для себя возможнымъ, тѣмъ болѣе, что отъ г. М. никакого оскорбленія онъ не слыхалъ, а если оно и было, то г. М. отказывается отъ своихъ словъ. Поэтому г. П. предпочелъ выйти въ отставку, чѣмъ идти на убійство. Такимъ образомъ,— прибавляетъ «Крымскій Вѣстникъ»,—«дуэль не состоялась, но молодому офицеру, у котораго впереди цѣлая жизнь и карьера, пришлось оставить службу изъ-за простого недоразумѣнія, которое въ другое время осталось бы безъ всякихъ послѣдствій». И здѣсь исходъ дѣла былъ бы, по всей вѣроятности, совершенно другой, если бы вмѣсто формальнаго разбирательства въ офицерскомъ судѣ оно было подвергнуто дружескому обсужденію посредниковъ. Послѣднимъ трудно было бы не признать, что оскорбленіе, отрицаемое обѣими сторонами, является какъ бы вовсе несуществующимъ; оскорбительное слово, если оно и было сказано, но не было услышано, пріобрѣтаетъ характеръ обиды заочной, или, другими словами, вовсе теряетъ характеръ обиды, въ особенности когда отъ него отрекается обидчикъ; недоразумѣніе, происшедшее между П. и М., не имѣетъ, такимъ образомъ, серьезнаго значенія, тѣмъ болѣе, что они были давнишними пріятелями. Образъ дѣйствій г. П., особенно въ виду неумѣнья г. М. обращаться съ оружіемъ, заслуживаетъ не порицанія, а похвалы; рѣшившись отказаться отъ дуэли, хотя бы это стоило ему служебной карьеры, онъ выказалъ настоящее гражданское мужество... Предупредить повтореніе подобныхъ случаевъ можетъ только пересмотръ или, по меньшей мѣрѣ, другое толкованіе и примѣненіе правилъ объ офицерскихъ дуэляхъ.

Военно-окружной судъ въ Баку произнесъ недавно смертный приговоръ надъ мѣщаниномъ Баготуровымъ, убившимъ гимназистку Гласбергъ. Преступленіе Баготурова, по своимъ мотивамъ и всей своей обстановкѣ, безспорно, принадлежитъ къ числу самыхъ тяжкихъ. И все-таки нельзя не признать, вмѣстѣ съ подсудимымъ, что преступныя дѣянія, столь же или еще

болѣе возмутительныя, далеко не всегда изъемлются изъ вѣдѣнія общаго суда и дѣйствія общихъ уголовныхъ законовъ. Въ самомъ дѣлѣ, отступленіе отъ обычной подсудности и обычнаго процессуальнаго порядка неизбѣжно заключаетъ въ себѣ элементъ случайности, несовмѣстимый съ требованіями справедливости и права. Преступленія одинаковаго свойства, совершенныя при одинаковыхъ условіяхъ, подлежатъ преслѣдованію и наказанію на основаніи одинаковыхъ началъ, заранѣе установленныхъ и заранѣе всѣмъ извѣстныхъ. Примѣненіе, помимо войны, законовъ военнаго времени возможно, съ этой точки зрѣнія, только тогда, когда данная мѣстность объявлена на военномъ положеніи, и только къ преступленіямъ, послѣ того совершеннымъ, если, притомъ, они принадлежатъ къ извѣстнымъ категоріямъ преступныхъ дѣяній, перечисленнымъ въ законѣ или въ объявленіи о военномъ положеніи. По законодательству всѣхъ культурныхъ странъ, уголовный законъ, усугубляющій наказаніе, не имѣетъ обратнаго дѣйствія. Почему? Именно потому, что никто не долженъ нести за свои дѣйствія отвѣтственность въ бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ та, которую онъ могъ и обязанъ былъ предвидѣть. Если уголовная кара, назначенная закономъ за то или другое преступленіе, признается недостаточно тяжкой, ничто не мѣшаетъ измѣнить законъ, сдѣлать его болѣе строгимъ, но лишь *на будущее время* и для *всѣхъ* преступныхъ дѣяній извѣстнаго рода. Можно находить, что единственное наказаніе, соотвѣтствующее заранѣе обдуманному убійству (при отсутствіи уменьшающихъ вину обстоятельствъ)— смертная казнь [1]); но тогда нужно открыто послѣдовать примѣру большинства западно-европейскихъ государствъ и прямо включить смертную казнь въ число наказаній, назначаемыхъ за такое убійство. Только этимъ путемъ возможно избѣжать непослѣдовательности, на которую указалъ Баготуровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ устранить неудобства, всегда сопряженныя съ противорѣчіемъ между словомъ и дѣломъ. Цѣлый рядъ писателей, еще съ половины XVIII-го вѣка, прославляли мудрость и гуманность русскаго законодательства, исключившаго смертную казнь изъ числа наказаній за обыкновенныя (не-политическія) преступленія. До шестидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія эти похвалы находили печальное опроверженіе въ фактиче-

[1]) Спѣшимъ оговориться, что мы не раздѣляемъ этого мнѣнія.

скомъ существованіи у насъ смертной казни, и притомъ квалифицированной—медленной, мучительной: наказаніе кнутомъ, плетьми, шпицрутенами оканчивалось сплошь и рядомъ смертью наказуемыхъ или наказанныхъ. Теперь такимъ же опроверженіемъ является смертная казнь, опредѣляемая приговорами военно-окружныхъ судовъ не только за преступленія массовыя (напр., холерные безпорядки), но и за преступленія единичныя, почему-либо обратившія на себя особое вниманіе и вызвавшія особенную строгость. Есть еще одно соображеніе, говорящее противъ подобныхъ изъятій изъ общаго порядка. Мы замѣтили уже, что смертная казнь назначается обыкновенно за предумышленное убійство, при отсутствіи обстоятельствъ, уменьшающихъ вину. Общій судъ, разсматривающій дѣло объ убійствѣ, ничѣмъ не стѣсненъ въ признаніи или непризнаніи такихъ обстоятельствъ; дѣло поступаетъ на его разсмотрѣніе вовсе не для того, чтобы былъ постановленъ именно смертный приговоръ. Въ иномъ положеніи оказывается военно-окружной судъ, вся raison d'être котораго—въ дѣлахъ вообще ему неподвѣдомственныхъ — заключается именно въ томъ, что онъ, и только онъ, въ правѣ присудить обвиняемаго къ смертной казни. Постановить другой приговоръ, болѣе мягкій, значитъ какъ бы признать, что не было основанія къ передачѣ дѣла на разсмотрѣніе военнаго суда. Само собою разумѣется, что военный судъ можетъ и не постановить смертнаго приговора (мы даже помнимъ одинъ подобный случай: въ 1868 г. рядовой Сомряковъ, преданный суду, по законамъ военнаго времени, за сопротивленіе караулу,былъ приговоренъ с.-петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ не къ смертной казни, а къ безсрочной каторжной работѣ)—но это явленіе совершенно исключительное и крайне рѣдкое. Конечно, смертные приговоры, постановленные военно-окружнымъ судомъ, приводятся въ исполненіе далеко не всегда—но все сказанное нами сохраняетъ силу и при исполненіи лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ. Казненъ ли Баготуровъ—этого мы не знаемъ.

Возраженіе «Новостей» (№ 201) на замѣчанія, сдѣланныя нами по поводу нѣкоторыхъ нежелательныхъ привычекъ нашей ежедневной прессы, озаглавлено такъ: «Журналъ о газетѣ». Этому заглавію соотвѣтствуетъ, отчасти, и содержаніе

статьи. Читая ее, можно подумать, что мы ополчились противъ газетъ вообще — и ополчились противъ нихъ, притомъ, подъ вліяніемъ личнаго чувства, какъ противъ соперниковъ журнала. «Между ежемѣсячнымъ журналомъ, подвигающимся по своему житейскому пути съ медленностью черепахи и осужденнымъ, въ силу этого, вмѣсто свѣжаго матеріала довольствоваться консервами, и ежедневной газетой существовалъ— по мнѣнію «Новостей»,—и будетъ существовать антагонизмъ... Пикквикъ (такъ называетъ насъ фельетонистъ «Новостей», вѣроятно забывая, что основатель пикквикскаго клуба — одно изъ самыхъ симпатичныхъ лицъ, созданныхъ Диккенсомъ) ратуетъ за журналъ противъ газеты, противъ надвигающагося великана, завтрашняго побѣдителя, который грозитъ опрокинуть эти толстые, жирные журналы, начиненные компилятивной трухой и неудобоваримымъ беллетристическимъ балластомъ... Газета давно уже объявила войну журналу, и, какъ видите, Пикквикъ принялъ вызовъ... Будущее, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ газетѣ». Все это не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ нашей замѣткѣ. Газета, въ нашихъ глазахъ, не врагъ журнала, а естественный его союзникъ; назначеніе ихъ одно и то же; различны, до извѣстной степени, только ихъ пути и пріемы. Если насъ возмущаютъ нѣкоторыя черты современныхъ газетныхъ нравовъ (свойственныхъ, впрочемъ, далеко не всѣмъ газетамъ), то именно потому, что онѣ несовмѣстны «съ служеніемъ инымъ, болѣе высокимъ цѣлямъ», которыя мы признаемъ, такимъ образомъ, вполнѣ доступными для газеты. «Антагонизмъ» между газетами и журналами—чистѣйшее недоразумѣніе. Значеніе газетъ можетъ расти—и дѣйствительно растетъ,—нисколько не уменьшая вліяніе журнала. Нигдѣ, конечно, газета не пользуется такою силой, какъ въ Англіи— и однако рядомъ съ старыми журналами (Edinburgh Review, Quarterly Review, Westminster Review) здѣсь появляются новые (Contemporary Review, Fortnightly Review и др.), находятъ обширный кругъ читателей, занимаютъ видное мѣсто въ умственной жизни страны. Во Франціи журналы никогда не играли особенно выдающейся роли, но «Revue des deux Mondes», вступивъ во второе пятидесятилѣтіе своего существованія, по-прежнему пользуется успѣхомъ и ни въ чемъ не уступаетъ газетамъ и журналамъ аналогичнаго характера и направленія. Германія — также не обѣтованное царство для журналовъ, но положеніе

ихъ и тамъ теперь не хуже, чѣмъ около половины нашего столѣтія, хотя нѣмецкія газеты съ тѣхъ поръ много выиграли въ числѣ, объемѣ и распространенности. И русскіе журналы стоятъ теперь такъ же твердо, какъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, когда у насъ только-что начинала крѣпнуть и развиваться ежедневная пресса. Безспорно, ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ того авторитета, который принадлежалъ въ сороковыхъ годахъ «Отечественнымъ Записками», въ концѣ пятидесятыхъ годовъ — «Русскому Вѣстнику», въ началѣ шестидесятыхъ — «Современнику»; но развѣ этотъ авторитетъ перешелъ къ газетамъ? Развѣ вліяніе особаго рода, которымъ пользовались «Московскія Вѣдомости» въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ и въ послѣдніе годы жизни Каткова, обусловливалось тѣмъ, что онѣ издаются ежедневно? Съ одной стороны—крупные критическіе или публицистическіе таланты, съ другой — внѣшняя обстановка, мѣшавшая обсужденію вопросовъ дня и сосредоточивавшая весь интересъ на такъ называемыхъ идейныхъ спорахъ: вотъ въ чемъ слѣдуетъ искать разгадку громадной нравственной силы, которою обладалъ, въ свое время, то одинъ, то другой изъ нашихъ «толстыхъ» журналовъ... Заглядывать далеко въ будущее мы не беремся; для насъ очевидно только одно — что никуда не годится пріемъ угадыванья, употребляемый нашимъ противникомъ. Конечно, журналамъ, «начиненнымъ компилятивной трухой и неудобоваримымъ беллетристическимъ балластомъ», не выдержать борьбы не только съ «великаномъ», «надвигающимся» на нихъ въ образѣ газеты, но и просто съ равнодушіемъ публики. Зачѣмъ же, однако, такой тенденціозный подборъ терминовъ сравненія? Съ газетой-великаномъ слѣдовало бы сопоставить и журналъ болѣе или менѣе исполинскій, т.-е. богатый содержаніемъ, исполненный жизненной силы: предусмотрѣть исходъ борьбы, завязавшейся при такихъ условіяхъ, было бы совсѣмъ не легко... Повторяемъ, впрочемъ, еще разъ: въ борьбѣ между журналомъ и газетой нѣтъ рѣшительно никакой надобности; мѣста довольно для нихъ обоихъ. Пускай они видоизмѣняются и совершенствуются, сообразно съ новыми условіями и запросами жизни — но пускай они находятъ въ самихъ себѣ силу противостоять мелкимъ и фальшивымъ требованіямъ моды. «Человѣкъ,—говорятъ «Новости»,—все сильнѣе и сильнѣе стремится жить днемъ, захватить какъ можно больше впечатлѣній и поскорѣе смѣнить ихъ

на новыя». Это стремленіе слишкомъ ненормально, слишкомъ болѣзненно, чтобы быть продолжительнымъ и общимъ; но чѣмъ дальше въ глубь и въ ширь распространяется его власть, тѣмъ менѣе извинительно потворство, тѣмъ болѣе необходимо противодѣйствіе ему. Предположить, что окончательная побѣда суждена газетамъ американско-французскаго типа, гоняющимся за шумомъ, трескомъ и дешевыми эффектами, бьющимъ по нервамъ читателей, разсчитывающимъ на самыя низкія формы любопытства — значило бы отчаяться въ будущности нашего общества.

Рядомъ съ попыткой приписать намъ защитительную рѣчь pro domo sua — т.-е. за журналъ противъ газеты, — «Новости» пускаютъ въ ходъ еще другой полемическій пріемъ: онѣ стараются доказать, что мы отвергаемъ всѣ отличительныя черты газеты, все то, чѣмъ она существуетъ и безъ чего существовать не можетъ. «Газета, — говоритъ нашъ противникъ, — живетъ только тѣмъ, что̀ приноситъ день. Ея вѣкъ кратокъ, но онъ долженъ отразить все, чѣмъ богата въ данную минуту государственная и общественная жизнь. Велика ли газета, мала ли, издается для интеллигентовъ или для черни — это все равно: *газета обязана быть зеркаломъ*» — а нашъ журналъ не хочетъ понять, что именно въ этомъ заключается назначеніе газеты. На самомъ дѣлѣ мы лучшаго мнѣнія о газетѣ, чѣмъ ея слишкомъ усердный поклонникъ. Если понимать подъ именемъ газеты отдѣльный газетный листъ, то вѣкъ его дѣйствительно кратокъ (хотя кое-что изъ его содержанія и можетъ уцѣлѣть на многіе годы: припомнимъ, сколько цѣнныхъ книгъ составилось изъ газетныхъ статей); но *совокупность этихъ листовъ* образуетъ цѣлое, которое, въ лучшихъ случаяхъ, живетъ далеко не однимъ тѣмъ, «что̀ приноситъ день». Сила газеты, достойной своего призванія, коренится именно въ *постоянныхъ* ея элементахъ, не зависящихъ отъ злобы дня. Конечно, рядомъ съ ними она должна давать мѣсто случайному, преходящему, интересному только въ данную минуту — но мы этого никогда и не отрицали; намъ совершенно чужда мысль «поразить репортерство въ самомъ широкомъ его развитіи, отъ хроникера до интервью включительно». Мы желали бы только одного: чтобы репортерскіе отчеты не наполнялись массой никому не нужныхъ мелочей и чтобы они не противорѣчили основнымъ требованіямъ такта, порядочности и деликатности. Вся суть нашей замѣтки заключалась въ про-

тестѣ противъ преждевременныхъ, легкомысленныхъ сообщеній, основанныхъ на сплетняхъ и пересудахъ и изливающихъ потоки грязи на прошедшее людей, которыхъ уже безъ того постигла печальная участь. Противъ всего сказаннаго нами о *содержаніи* обвиненій, взведенныхъ репортерами или хроникерами «Новостей» на убитаго Довнара, на убитую Чарнецкую, нашъ оппонентъ не возражаетъ ни слова; полемика его направлена почти исключительно противъ того, чего мы вовсе не говорили. Единственный аргументъ, прямо относящійся къ поставленному нами вопросу, формулированъ такъ: «и никогда не поймутъ Пикквики, что если фактъ, по существу своему, интересенъ, то въ немъ интересна и малѣйшая деталь». Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что вмѣстѣ съ нами этого не понимаютъ и никогда не поймутъ весьма многіе. Какъ! потому что убита, съ цѣлью ограбленія, пожилая дѣвица, интереснымъ становится вопросъ, согласилась ли бы она, на старости лѣтъ, выйти замужъ, вопросъ о количествѣ кусковъ сахара, которые она употребляла, вопросъ о какомъ-то старомъ платьѣ, въ присвоеніи котораго она кого-то обвиняла? Быть можетъ, это интересно для салопницъ, готовыхъ обсуждать въ теченіе цѣлыхъ часовъ заурядпѣйшую уличную сцену, спорить о томъ, въ лѣвую или въ правую щеку былъ нанесенъ ударъ во время драки — но вѣдь не изъ салопницъ состоитъ публика большой газеты... Даже самый *фактъ* убійства, въ родѣ упомянутаго нами выше, *интересенъ* далеко не всегда; онъ *важенъ*, какъ важно все, касающееся жизни человѣка, но это еще не значитъ, что онъ заслуживаетъ *общаго* вниманія и обсужденія coram populo. Допустимъ, наконецъ, что въ томъ или другомъ случаѣ интересны малѣйшія детали происшествія: для *оглашенія* ихъ этого мало — нужно еще, чтобы оно не ухудшало положенія лицъ, безъ того уже тяжело пострадавшихъ, не вскрывало передъ праздным любопытствомъ сокровенныя стороны частной жизни. Что же сказать, затѣмъ, о сообщеніяхъ не только нескромныхъ, но и невѣрныхъ? «Если при тѣхъ условіяхъ, въ какія постановлено у насъ (да отчасти и за границей) газетное дѣло, — говоритъ фельетонистъ «Новостей»,—среди массы вполнѣ достовѣрныхъ сообщеній проскользнетъ нѣсколько ошибочныхъ, на это рѣшительно нечего роптать». Да, если ошибка касается факта, подлежащаго оглашенію, и со стороны репортера сдѣлано было, притомъ, все возможное для установленія истины; но не о та-

кихъ ошибкахъ у насъ шла рѣчь. Мы возставали противъ ошибокъ, относящихся къ интимнымъ *причинамъ* событія и зависящихъ отъ поспѣшнаго воспроизведенія пустой болтовни, непровѣренныхъ слуховъ и догадокъ.

Еще одно, послѣднее замѣчаніе. Что требованія, предъявляемыя нами къ газетѣ, нимало не идутъ въ разрѣзъ съ ея призваніемъ—это всего лучше доказывается тѣмъ, что и у насъ въ Россіи, и въ Западной Европѣ существуютъ и пользуются широкимъ успѣхомъ ежедневныя изданія, вполнѣ соотвѣтствующія этимъ требованіямъ. Уже этимъ однимъ опровергается странное увѣреніе «Новостей», что мы протестуемъ противъ «широкой огласки» фактовъ или даже... противъ гласности!..

LX.

Царствованіе императора Александра III-го [1]).

Царствованіе императора Александра III-го, такъ неожиданно закончившееся 20-го октября, еще не сдѣлалось и не скоро сдѣлается достояніемъ исторіи. Миновало, однако, первое впечатлѣніе, подъ гнетомъ котораго находилась, мѣсяцъ тому назадъ, вся Россія, и которое позволяло ей видѣть въ усопшемъ только безвременно почившаго человѣка; наступило время если не для оцѣнки, то для общаго обзора важнѣйшихъ мѣръ, ознаменовавшихъ минувшее четырнадцатилѣтіе, и для сравненія Россіи, какою она была въ моментъ кончины Александра II-го, съ Россіей, которую мы видимъ передъ собою наканунѣ 1895-го года.

О послѣднихъ годахъ царствованія Александра II-го, какъ и о многихъ другихъ недавнихъ историческихъ моментахъ и историческихъ дѣятеляхъ, сложилась, на нашихъ глазахъ, цѣлая легенда. Трудно повѣрить, чтобы о времени столь близкомъ, столь хорошо памятномъ громадному большинству нашихъ современниковъ, столь ярко отразившемся въ цѣлой массѣ всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, могли образоваться представленія, прямо противорѣчащія дѣйствительности. Невѣроятное, однако, оказывается несомнѣннымъ; наиболѣе ходячее мнѣніе является, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе фальшивымъ. Фраза объ «отсутствіи правительства», произнесенная лѣтъ десять тому назадъ съ цѣлью доказать необходимость его «возвращенія», повторялась такъ часто, съ такою увѣренностью, на столько различныхъ ладовъ,

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1894 г., декабрь, внутреннее обозрѣніе.

что получила для многихъ значеніе аксіомы. Вошло въ привычку утверждать, что Россія конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ, отданная на жертву «нестроенію и самоуправству», зависимая извнѣ, быстро шедшая къ распаденію внутри, стояла на краю гибели, а государственная власть, «усвоившая себѣ западныя доктрины и преклонившаяся передъ западной культурой», стушевалась и потеряла вѣру сама въ себя. Передъ судомъ потомства, быть можетъ весьма близкаго, не устоитъ — мы въ томъ глубоко убѣждены — ни одно изъ этихъ положеній, основанныхъ отчасти на тенденціозномъ, намѣренномъ, отчасти на безсознательномъ, наивномъ извращеніи истины. Легко будетъ доказать, путемъ простой исторической справки, что правительство императора Александра II-го, въ продолженіе всей эпохи его мнимаго бездѣйствія и безвластія, ни на минуту не переставало заявлять о своемъ «присутствіи», и заявлять весьма осязательно, не оставляя безъ суроваго отпора ни одной попытки, направленной или хотя бы только казавшейся направленною противъ цѣлости государства или неприкосновенности государственнаго строя. Легко будетъ доказать, что затрудненія, съ которыми правительству того времени приходилось бороться, обусловливались не уступчивостью или нерѣшительностью его, не «преклоненіемъ» передъ западной культурой, а отчасти внѣшними усложненіями, отчасти незаконченностью реформъ, отчасти, наконецъ, разрушительными стремленіями небольшой группы, преслѣдуемой съ величайшею строгостью, но не поддававшейся сразу уничтоженію именно вслѣдствіе малочисленности и неуловимости ея членовъ. Увѣренію, что инородцы — *всѣ* инородцы — были полновластными хозяевами занятыхъ ими окраинъ, достаточно будетъ противопоставить документальную исторію царства польскаго и западнаго края, начиная съ возстанія 1863 г. Увѣренію, что государственная власть *все болѣе и болѣе* поступалась тогда своими правами, достаточно будетъ противопоставить рядъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ въ 1878 и 1879 гг. и завершившихся чрезвычайными полномочіями сначала генералъ-губернаторовъ, потомъ верховной распорядительной комиссіи. Сквозь массу выдумокъ, нагроможденныхъ одна на другую, и теперь, впрочемъ, ясно виднѣются главныя черты положенія дѣлъ, существовавшаго наканунѣ 1-го марта 1881 г. *Избытокъ* репрессіи, а отнюдь не ея *недостатокъ*, логически привелъ къ вопросу о

томъ, завершена ли великая преобразовательная работа, предпринятая въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, ослабѣвшая въ половинѣ слѣдующаго десятилѣтія и заглохшая въ началѣ семидесятыхъ годовъ? Этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ ту эпоху отрицательно. Признано было необходимымъ возобновить прерванное дѣло — возобновить его въ двухъ направленіяхъ, съ цѣлью поднять благосостояніе народа и самодѣятельность общества. Отмѣна соляного налога была только первымъ шагомъ, за которымъ должно было послѣдовать дальнѣйшее облегченіе крестьянской массы: пересмотръ постановленій о печати долженъ былъ идти рука объ руку съ пріисканіемъ другихъ формъ «общественнаго содѣйствія». Сенаторскія ревизіи, до тѣхъ поръ служившія только средствомъ раскрытія частныхъ злоупотребленій, впервые были возведены на степень *изслѣдованія* существующихъ условій, пролагающаго путь къ ихъ улучшенію. Таково было наслѣдство, полученное новымъ государемъ и сохранившее большую цѣнность, несмотря на неизбѣжный contre-coup катастрофы 1-го марта.

Первый періодъ царствованія императора Александра III былъ во многихъ отношеніяхъ непосредственнымъ продолженіемъ предшествовавшей эпохи. Изъ двухъ теченій, ею созданныхъ, въ особенности посчастливилось тому, которое сосредоточивалось въ области финансовой и экономической. Пониженіе выкупныхъ платежей (1882), отмѣна подушной подати (1882), налогъ на наслѣдства (1882) и на процентныя бумаги (1885), повышеніе промысловаго обложенія (1884) учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка и фабричной инспекціи (1882), ограниченіе фабричной работы малолѣтнихъ (1882) и ночной работы подростковъ и женщинъ (1885), устройство тѣхъ категорій сельскихъ обывателей (чиншевиковъ, вольныхъ людей и др.), поземельный бытъ которыхъ оставался еще необезпеченнымъ (1882 и позже), совокупность мѣръ, направленныхъ къ облегченію для крестьянъ арендованія казенныхъ земель (1881, 1884)—все это было прямымъ исполненіемъ программы, начертанной въ 1880 г. И не случайно, конечно, главнымъ исполнителемъ ея явился министръ (Н. Х. Бунге), именно въ 1880 г. призванный изъ міра науки въ сферу высшаго государственнаго управленія. Послѣднія волны могучаго теченія достигаютъ берега много лѣтъ спустя (законъ 3-го іюня 1886 г. о фабричной работѣ, законъ 13-го іюля 1889 г. о переселеніяхъ) — но чѣмъ

дальше отъ источника, тѣмъ слабѣе волна, тѣмъ больше въ ней количество постороннихъ примѣсей... Не сразу исчезло и другое теченіе, завѣщанное послѣднимъ годомъ царствованія Александра II-го: непосредственно связаны съ нимъ двукратный призывъ свѣдущихъ людей (1881), учрежденіе такъ называемой кахановской комиссіи (1881), узаконеніе школъ грамоты (1882), учрежденіе комиссій для составленія уложеній уголовнаго и гражданскаго (1881 и 1882), новыя льготы раскольникамъ (законъ 3-го мая 1883 г.).

Одновременно съ осуществленіемъ нѣкоторыхъ изъ числа задачъ, стоявшихъ на очереди въ моментъ воцаренія новаго государя, ставятся и быстро выдвигаются на первый планъ другія цѣли, идущія въ разрѣзъ не только съ эпохой «диктатуры сердца», но и съ «эпохой великихъ реформъ». Прежде всего, какъ это всегда бываетъ, перемѣна настроенія отражается на печати. Вмѣсто облегченій, проектированныхъ въ 1880 г., она подвергается, въ силу *временныхъ* правилъ 1882 г. (дѣйствующихъ, однако, и по настоящую минуту), новымъ, весьма существеннымъ ограниченіямъ, влекущимъ за собою не только прекращеніе многихъ изданій («Голосъ», «Страна», «Отечественныя Записки») но и съуженіе области, доступной для всѣхъ остальныхъ. Временными (ни въ чемъ до сихъ поръ не измѣненными) правилами о публичныхъ библіотекахъ и кабинетахъ для чтенія (5-го января 1884 г.) создается новая категорія книгъ и изданій, *отчасти* запрещенныхъ. Положеніе о чрезвычайной и усиленной охранѣ, также имѣющее временный характеръ и также слишкомъ десять лѣтъ остающееся въ полной силѣ, распространяется, на практикѣ, далеко за предѣлы той сферы, которая имѣлась въ виду при его изданіи. Въ 1883 г. законъ о дворянскихъ выморочныхъ имуществахъ и рѣчь, обращенная къ волостнымъ старшинамъ, открываютъ собою длинный рядъ мѣръ, направленныхъ къ расширенію дворянскихъ правъ и преимуществъ. «Свѣдущіе люди», приглашенные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (лѣтомъ 1882 г. перешедшимъ въ руки графа Д. А. Толстого) въ составъ кахановской комиссіи, стоятъ за преобразованіе мѣстнаго управленія въ духѣ сословности и соединенія властей; въ томъ же смыслѣ высказываются нѣкоторыя дворянскія собранія; кахановская комиссія, большинство которой не поддавалось новымъ вѣяніямъ, сходитъ со сцены (май 1885 г.) и продолженіе неоконченной ею

работы возлагается на министерство внутреннихъ дѣлъ. Вмѣсто проектированнаго Н. Х. Бунге государственнаго поземельнаго банка, общаго для всѣхъ сословій, учреждается, въ то же время (апрѣль 1885). государственный *дворянскій* земельный банкъ, открывающій, на льготныхъ основаніяхъ, долгосрочный кредитъ для однихъ только дворянъ-землевладѣльцевъ. Принципъ опеки надъ крестьянами находитъ для себя первое выраженіе въ законѣ 18-го марта 1886 г. о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ; въ положеніи о наймѣ сельскихъ рабочихъ (12-го іюня того же года) къ этому принципу присоединяется усиленное попеченіе объ интересахъ землевладѣльцевъ. Оба начала осуществляются вполнѣ въ узаконеніяхъ 12-го іюля 1889 г., отмѣняющихъ одну изъ основъ судебной реформы 1864 г.—раздѣленіе властей административной и судебной — и одно изъ главныхъ учрежденій, ею созданныхъ—выборный мировой судъ. Новымъ земскимъ положеніемъ (12-го іюня 1890 г.) сословное земство ставится въ зависимость отъ администраціи; новымъ городовымъ положеніемъ (11-го іюля 1892 г.) та же зависимость распространяется на городскія думы и управы. Рядомъ послѣдующихъ узаконеній уменьшается, съ одной стороны, кругъ дѣйствій и самостоятельность органовъ самоуправленія (законъ 8-го іюня 1893 г. о земскихъ оцѣнкахъ, больничный уставъ 10-го іюня того же года, законъ 6-го іюня 1894 г. о страховомъ комитетѣ), съ другой—самостоятельность крестьянской общины (законъ 8-го іюня 1893 г. о передѣлахъ), и на ближайшую очередь ставятся законопроекты, направленные къ тѣмъ же цѣлямъ (напр. продовольственный уставъ, законъ о составѣ сельскихъ сходовъ).

Преобразованія, связанныя съ новымъ устройствомъ мѣстнаго суда и управленія—далеко не единственныя, коснувшіяся судебныхъ уставовъ 1864 г. Принципъ несмѣняемости судей поколебленъ закономъ 20-го мая 1885 г. Ограниченіе судебной гласности предоставлено, закономъ 12-го февраля 1887 г., усмотрѣнію судебной администраціи. Закономъ 7-го іюля 1889 г. значительно съуженъ кругъ дѣйствій суда присяжныхъ, въ пользу одной изъ наименѣе удачныхъ формъ суда—суда съ сословными представителями. Еще раньше обратное движеніе совершается въ области народнаго просвѣщенія; университетскій уставъ 1863 г.—первый изъ крупныхъ законодательныхъ актовъ предъидущаго царствованія—уступаетъ мѣсто

противоположному порядку (23-го августа 1884 г.). Хотя многія изъ числа мѣръ, принятыхъ въ дополненіе и развитіе новаго университетскаго устава, берутся назадъ или обращаются въ мертвую букву, но въ положеніи университетовъ происходитъ, тѣмъ не менѣе, коренная перемѣна, обусловливаемая отмѣной университетскаго самоуправленія. Не вполнѣ осуществившимися, но весьма знаменательными представляются министерскіе циркуляры (1887 г.), имѣвшіе въ виду затруднить доступъ въ среднюю школу. Правилами 13-го іюня 1884 г., вновь организующими церковно-приходскую школу, только-что узаконенная школа грамотности отдается всецѣло въ вѣдѣніе духовенства. Льготы по образованію при отбываніи воинской повинности уменьшены закономъ 10 го февраля 1886 г.; въ настоящее время проектировано новое ихъ ограниченіе.

Финансовая политика, со второй половины восьмидесятыхъ годовъ, разрываетъ связь съ стремленіями предшествовавшаго періода. Мысль о подоходномъ налогѣ откладывается въ сторону; новые налоги упадаютъ преимущественно на предметы первой необходимости: возникаетъ мысль о возстановленіи соляного акциза; протекціонизмъ находитъ крайнее выраженіе въ тарифѣ 1891 г. Нѣкоторый поворотъ въ другую сторону становится замѣтнымъ только въ самое послѣднее время (квартирный налогъ, торговый договоръ съ Германіей). Конверсіи не приносятъ съ собою никакого облегченія податного бремени для массы народа. Крестьянскій поземельный банкъ все болѣе и болѣе уклоняется отъ своей первоначальной задачи. Фабричная инспекція теряетъ свою первоначальную энергію, дѣятельность ея—свою первоначальную гласность. Усиленнымъ вниманіемъ пользуются, кромѣ фабрикантовъ, болѣе крупные землевладѣльцы, въ особенности землевладѣльцы-дворяне, въ интересѣ которыхъ пересматривается едва вошедшій въ силу уставъ дворянскаго банка и заключается новый заемъ съ выигрышами (1889). Въ желѣзнодорожной политикѣ новую эру открываетъ общій желѣзнодорожный уставъ 1885 г. — прямой результатъ работъ такъ называемой барановской комиссіи, учрежденной еще въ царствованіе Александра II-го. Параллельно съ переходомъ многихъ желѣзныхъ дорогъ въ руки казны, другія желѣзнодорожныя линіи переходятъ, наоборотъ, изъ рукъ казны въ руки частныхъ обществъ. Во всякомъ случаѣ, однако, въ области желѣзнодорожнаго хозяйства совершилась большая

перемѣна къ лучшему. Полезными представляются, безспорно, мѣры противъ совмѣстительства (1884) и законы объ акціонерныхъ и городскихъ банкахъ (1883), усилившіе правительственный контроль надъ банковымъ дѣломъ; необходимо только помнить, что они состоялись въ то время, когда произведены всѣ прогрессивныя финансовыя реформы первыхъ годовъ минувшаго царствованія. Тогдашнему финансовому управленію принадлежитъ и заслуга учрежденія податной инспекціи, во многомъ, съ тѣхъ поръ, отклоненной отъ ея первоначальнаго назначенія, но задуманной совершенно правильно и необходимой какъ орудіе дальнѣйшихъ преобразованій... Безспорно цѣнными пріобрѣтеніями являются, наконецъ, законъ о лѣсоохраненіи (1888), законъ о промышленныхъ училищахъ (1888), законъ объ узаконеніи и усыновленіи (1891), законъ о ростовщичествѣ (1893), законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ (1894).

Длинный рядъ мѣръ, относящихся къ нашимъ «инородцамъ» и «иновѣрцамъ», начинается съ *временныхъ* (въ извѣстномъ уже намъ, весьма условномъ смыслѣ этого слова) правилъ 3 мая 1882-го года о евреяхъ. Вмѣстѣ съ послѣдующими узаконеніями и распоряженіями, они могутъ быть формулированы такъ: сосредоточеніе евреевъ въ городахъ и мѣстечкахъ внутри черты осѣдлости—устраненіе ихъ отъ пріобрѣтенія и арендованія поземельной собственности и вообще отъ всякихъ занятій, кромѣ промышленныхъ и торговыхъ — фактическое закрытіе передъ ними государственной службы и адвокатуры—затрудненіе для нихъ доступа къ образованію. Въ остзейскихъ губерніяхъ возстановлено, прежде всего, не дѣйствовавшее при Александрѣ II-мъ правило о смѣшанныхъ бракахъ; въ связи съ непрочными обращеніями къ православію, это влечетъ за собою массу дѣлъ объ отпаденіи въ лютеранство или такъ называемыхъ пасторскихъ процессовъ. Не обошлось безъ обращенія къ суду и введеніе русскаго языка въ управленіе и въ школу, коснувшееся, въ послѣднее время, и Дерптскаго (Юрьевскаго) университета. Введеніе въ остзейскомъ краѣ новыхъ полицейскихъ, административныхъ и судебныхъ учрежденій (1888 и 1889) составляетъ несомнѣнную перемѣну къ лучшему; уцѣлѣла, однако, вотчинная полиція, судъ присяжныхъ замѣненъ судомъ коронннымъ, туземные языки, вопреки закону 1880 г., сохранили нѣкоторое мѣсто только въ судахъ крестьянскихъ. Въ западномъ краѣ и

губерніяхъ привислянскихъ обрусеніе менѣе замѣтно лишь потому, что оно было начато здѣсь еще при императорѣ Александрѣ II-мъ; стѣсненіе народнаго языка, закрытіе католическихъ монастырей и костеловъ, включеніе въ число православныхъ по имени католиковъ на самомъ дѣлѣ—все это не имѣло здѣсь характера новизны. На дальнемъ востокѣ—за Волгой, въ Сибири—формальная принадлежность къ православной церкви, идущая рука объ руку съ внутреннею преданностью язычеству или магометанству, приводитъ къ послѣдствіямъ аналогичнымъ съ тѣми, какія мы видимъ на Западѣ въ средѣ католиковъ и лютеранъ. Внутри Россіи принимаются строгія мѣры противъ пашковцевъ и штундистовъ. Въ Финляндіи, наконецъ, распространеніе правъ сейма (дарованіе ему законодательной инціативы, въ 1886 г.) уступаетъ мѣсто ихъ ограниченію (манифестъ 1890 г. о финляндской почтѣ и другія аналогичныя мѣры).

Систематическіе оптимисты, которыхъ такъ много въ нашей печати—и въ особенности много именно теперь,—затрудняются найти достаточно красокъ для изображенія блестящаго состоянія, достигнутаго Россіей въ минувшее царствованіе. Черные очки, сквозь которыя они смотрятъ на конецъ семидесятыхъ и начало восьмидесятыхъ годовъ, уступаютъ мѣсто ярко-розовымъ, какъ только они переходятъ къ ближайшему прошлому и къ настоящему. Прежде всего обыкновенно указываютъ на финансы, четырнадцать лѣтъ тому назадъ до крайности разстроенные, теперь вполнѣ упорядоченные и уравновѣшенные; подчеркивается громадный ростъ государственныхъ доходовъ, экономія въ расходахъ исчезновеніе дефицитовъ. Въ основаніи этихъ указаній лежатъ, отчасти, безспорные факты—но едва-ли они имѣютъ то значеніе, которое имъ приписывается. Положеніе финансовъ можно разсматривать съ двоякой точки зрѣнія — государственнаго и народнаго хозяйства. Первое можетъ считаться удовлетворительнымъ, когда доходы поступаютъ исправно и расходы не превышаютъ доходовъ; второе процвѣтаетъ только тогда, когда налоги уплачиваются изъ избытковъ народнаго богатства, когда экономическое благосостояніе массы обезпечено отъ внезапныхъ невзгодъ и способно выдержать, не разрушаясь, цѣлый рядъ болѣе или менѣе тяжелыхъ испытаній. То ли мы видимъ у насъ въ настоящее время? Одного неурожайнаго года было достаточно, чтобы привести наиболѣе плодородныя области Россіи на край гибели. Пережить неурожаі

1891 г. населеніе центральныхъ губерній, несмотря на крупную государственную и частную помощь, могло только цѣною полнаго хозяйственнаго разоренія. Острая болѣзнь застигла его ослабѣвшимъ и изнуреннымъ, вслѣдствіе долгаго хроническаго недомоганія. Если голодный годъ оставилъ его почти ни съ чѣмъ, то именно потому, что у него и передъ тѣмъ было очень мало. Недоимки, и раньше достигавшія весьма значительныхъ размѣровъ, увеличились до колоссальныхъ цифръ. Что же значитъ, въ сравненіи съ этимъ, равновѣсіе между доходомъ и расходомъ, или даже перевѣсъ перваго надъ послѣднимъ?.. Неустойчивость крестьянскаго хозяйства, неурожаями 1891 и 1892 гг. обнаруженная ничуть не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ неурожаями 1879 и 1880 гг., ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что пересмотръ нашей податной системы, предпринятый въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, но не доведенный до конца, требуетъ безотлагательнаго продолженія. Крестьянскій вопросъ, въ экономическомъ смыслѣ этого слова, напрашивается на очередь съ такой же неотразимой силой, какъ и въ моментъ включенія его въ программу сенаторскихъ ревизій 1880 — 81 гг. Малоземелью не помогли ни переселенія, въ тѣхъ микроскопическихъ размѣрахъ, въ какихъ они допускались до сихъ поръ, ни покупки при содѣйствіи крестьянскаго банка, связанныя доплатами, парализованныя быстрымъ повышеніемъ цѣнъ на землю и все меньше и меньше, въ послѣднее время, доступныя именно для тѣхъ, кто всего больше нуждается въ землѣ. Арендованіе земли, по-прежнему не регулированное закономъ, является, сплошь и рядомъ, не столько подспорьемъ для крестьянъ, сколько источникомъ новыхъ затрудненій. Мірскіе сборы растутъ и тяготѣютъ по-прежнему надъ одними крестьянами, хотя значительная ихъ часть идетъ на покрытіе расходовъ общегосударственнаго свойства. Дополнительнымъ бременемъ ложится на крестьянъ протекціонизмъ, поднимая цѣну покупаемыхъ ими товаровъ. А между тѣмъ потребности народа растутъ, и расли бы при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ еще быстрѣе, поднимая тѣмъ самымъ умственный его уровень. Крестьянину нужно и болѣе удобное и здоровое жилье, и лучшее освѣщеніе, и книга для него самого или для его грамотныхъ дѣтей. Въ послѣднемъ выводѣ благосостояніе массы можно скорѣе считать понизившимся, чѣмъ повысившимся—и это положеніе чувствуется ею съ каждымъ годомъ все сознательнѣе и живѣе.

Только послѣднее десятилѣтіе — продолжаютъ наши оптимисты—дало Россіи истинно народную школу, въ которой она давно нуждалась, которой давно желала: школу церковно-приходскаго типа. Не вдаваясь, на этотъ разъ, въ сравненіе между церковной и земской или вообще свѣтской школой, замѣтимъ только одно: образованіе и даже грамотность все еще распространены въ народѣ до крайности слабо, затраты казны на этотъ предметъ не увеличились, за послѣднія пятнадцать лѣтъ, почти вовсе. Чѣмъ угрожаетъ умственная отсталость массъ — это показали съ ужасающею ясностью всенародныя бѣдствія 1891 и 1892 гг. Неурожай обнаружилъ неумѣнье массы приспособляться къ измѣняющимся условіямъ, обнаружилъ ея хозяйственную косность, зависящую, конечно, не отъ одного умственнаго мрака, но значительно имъ увеличиваемую; холерные безпорядки раскрыли всю глубину легковѣрія и предразсудковъ, поддерживаемыхъ, вдобавокъ, давнишнею сословною рознью. Передъ такими уроками должно было бы, повидимому, исчезнуть всякое сомнѣніе въ необходимости общей и дружной борьбы противъ стариннаго врага—народнаго невѣжества. Починъ борьбы по праву принадлежалъ государству — но для дальнѣйшаго ея веденія требовалось участіе всѣхъ наличныхъ силъ, общественныхъ и частныхъ, съ сохраненіемъ за ними той *самостоятельности*, которая составляетъ лучшій залогъ успѣха. Послѣ печальныхъ событій 1892 г. прошло болѣе двухъ лѣтъ — и все остается въ прежнемъ положеніи. Для министерства народнаго просвѣщенія народная школа по-прежнему принадлежитъ къ числу тѣхъ minima, о которыхъ non curat praetor. Ходатайства земскихъ собраній о разрѣшеніи земству открывать школы грамоты и завѣдывать ими на томъ же основаніи, какъ и земскими школами, оставляются безъ удовлетворенія и даже, если мы не ошибаемся, безъ отвѣта. Число школъ растетъ, но иногда больше на бумагѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Существуетъ ли въ правительственныхъ сферахъ мысль о подготовкѣ къ введенію всеобщаго обученія—съ достовѣрностью сказать нельзя. Какъ бы то ни было, умственная бѣдность народа такъ же велика, какъ и матеріальныя его нужды.

Когда, въ 1880 г., поставленъ былъ на очередь вопросъ о преобразованіи мѣстнаго управленія, со всѣхъ сторонъ послышались голоса въ пользу устройства такой мелкой территоріальной единицы, которая, соединяя въ себѣ всѣ сословія,

могла бы служить самой удобной почвой для осуществленія всѣхъ мѣръ, направленныхъ къ поднятію народнаго благосостоянія. Идутъ ли эти мѣры сверху или снизу, отъ высшаго правительства или отъ самого населенія, отъ администраціи или отъ земства — къ желанной цѣли онѣ могутъ привести только тогда, когда встрѣчаютъ на мѣстѣ постоянную, живую, гибкую организацію, способную отнестись къ нимъ не механически, а какъ къ своему собственному дѣлу, близкому и дорогому. Что крестьянская волость такой организаціей служить не можетъ, что волостной сходъ—учрежденіе мертворожденное, а волостное правленіе—не что иное, какъ присутственное мѣсто, со всѣми слабыми сторонами бюрократіи, но безъ ея достоинствъ,—это было довольно ясно и пятнадцать лѣтъ тому назадъ; теперь, послѣ опыта голодныхъ годовъ, въ этомъ едвали можетъ оставаться хотя бы малѣйшее сомнѣніе. Попеченіе о продовольствіи населенія, охраненіе его здоровья, призрѣніе бѣдныхъ, предупрежденіе пожаровъ, улучшеніе путей сообщенія—все это и многое другое требуетъ общихъ усилій, общихъ затратъ, отъ которыхъ не оставался бы въ сторонѣ ни одинъ житель, ни одинъ владѣлецъ данной мѣстности. Отсутствіе всесословной волости (употребляемъ это выраженіе, какъ наиболѣе привычное и понятное) ведетъ къ тому, что для борьбы съ бѣдой—съ эпидеміей или эпизоотіей, съ неурожаемъ—нужно каждый разъ все создавать вновь, страшно много теряя, при этомъ, и времени, и силъ. Напрасно было бы думать, что *самоуправленіе*, въ этой области, можетъ быть замѣнено *управленіемъ*, что попечителемъ о населеніи можетъ явиться должностное лицо, назначенное извнѣ и держащее въ своей власти значительную часть уѣзда. Такое лицо слишкомъ далеко отъ каждой отдѣльной деревни, слишкомъ мало знакомо съ каждой отдѣльной группой деревенскихъ жителей; чѣмъ шире его административно-судебныя полномочія, тѣмъ меньше у него остается мѣста для заботы о нуждахъ населенія. Въ его распоряженіи, притомъ, нѣтъ и не можетъ быть тѣхъ средствъ, личныхъ и матеріальныхъ, которыя способна доставить самоуправляющаяся и самооблагающаяся всесословная волость. Задача, давно выдвинутая жизнью, остается, такимъ образомъ, неразрѣшенною, и положеніе крестьянства, съ точки зрѣнія организаціи, оставляетъ желать столь же многаго, какъ и со стороны матеріальной обезпеченности и умственнаго развитія.

Всего ярче обособленность сельскихъ обывателей отъ остальныхъ сословій выражается въ томъ спеціальномъ подчиненіи ихъ администраціи, которое создано узаконеніями 12 іюля 1889 г. Менѣе, чѣмъ когда-либо со времени отмѣны крѣпостного права, можетъ быть теперь рѣчь о гражданской равноправности всѣхъ классовъ населенія. Одинъ изъ нихъ, самый многочисленный, поставленъ въ совершенно исключительныя условія и взятъ подъ опеку, многими признаваемую все еще недостаточною; мы еще недавно имѣли случай говорить о новыхъ ограниченіяхъ, проектируемыхъ по отношенію къ сельскому сходу... Самымъ рѣзкимъ признакомъ различія между массой населенія и привилегированнымъ меньшинствомъ служатъ тѣлесныя наказанія, налагаемыя по приговорамъ волостныхъ судовъ. Они существовали и прежде, но тогда отвѣтственность за нихъ лежала всецѣло на крестьянскомъ сословномъ судѣ, дѣйствовавшемъ безапелляціонно и почти безконтрольно; теперь исполненіе ихъ (а практически—и самое ихъ назначеніе) зависитъ отъ должностныхъ лицъ, входящихъ въ составъ общаго управленія. Быть можетъ, это и уменьшило *число* случаевъ тѣлеснаго наказанія—но *значеніе* его измѣнилось далеко не къ лучшему... Поколебалось, въ то же самое время, и положеніе, принадлежавшее крестьянамъ въ земскихъ учрежденіяхъ: уменьшилось, и абсолютно, и относительно, число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ — и, что̀ еще важнѣе, они сдѣлались ставленниками администраціи, дѣйствующими, вдобавокъ, на глазахъ своихъ ближайшихъ начальниковъ.

Созданіе «властной руки» надъ крестьянами не обошлось и не могло обойтись безъ цѣлаго ряда нововведеній, отражающихся на положеніи всѣхъ сословій. Не однихъ только крестьянъ касается соединеніе властей судебной и административной, изъятіе громадной массы судебныхъ дѣлъ изъ чисто судебной сферы, возведеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, de facto, на степень второго министерства юстиціи, раздробленіе кассаціонныхъ функцій между нѣсколькими десятками административныхъ учрежденій (губернскихъ присутствій), почти ничѣмъ не связанныхъ съ верховнымъ кассаціоннымъ судомъ — Сенатомъ. Введеніе сословнаго начала въ земскія учрежденія сопровождалось, съ другой стороны, такими перемѣнами въ ихъ компетенціи, въ ихъ отношеніяхъ къ администраціи, которыя дѣлаютъ ихъ тѣнью стараго земства. Можно быть того или

другого мнѣнія о прежнемъ земствѣ, можно подводить тотъ или другой балансъ его активу и пассиву—но едва-ли можно отрицать, что оно обладало иниціативой, открывало новые пути, на которые, вслѣдъ за нимъ, вступала и администрація. Оно заботилось преимущественно о массѣ населенія: вспомнимъ земскую медицину, земскую школу, земскія мѣры къ подъему земледѣлія и кустарной промышленности, земскія системы оцѣнки поземельной собственности. Сохранятся ли эти черты въ дѣятельности преобразованнаго, сословнаго земства, если оно останется зависимымъ отъ администраціи и будетъ терять одну функцію за другою—въ этомъ позволительно сомнѣваться. Свобода дѣйствій—необходимое условіе предпріимчивости; уравновѣшенность составныхъ элементовъ, устраняющая преобладаніе одного надъ всѣми другими—необходимое условіе предпріимчивости, направленной на *общую* пользу... Въ преобразованныя городскія учрежденія *сословное* начало не введено, но они отданы всецѣло въ руки немногочисленнаго *класса*; недостатки этой системы обнаружились уже съ большою ясностью, особенно въ столицахъ...

Выдвинутое на первый планъ въ земствѣ, надѣленное значительными правами въ области мѣстнаго управленія, одаренное дешевымъ кредитомъ, довольно ли дворянство—и какъ оно воспользовалось своимъ новымъ положеніемъ? На первый вопросъ можно отвѣтить только отрицательно. Изъ дворянскихъ сферъ постоянно слышатся жалобы и просьбы—жалобы на упадокъ хлѣбныхъ цѣнъ, на дороговизну рабочихъ рукъ, на недисциплинированность рабочихъ, просьбы о новыхъ льготахъ для однихъ, о новыхъ мѣрахъ строгости по отношенію къ другимъ. Второй вопросъ разрѣшается простою справкой съ ходатайствами дворянскихъ собраній. Въ 1889 г. возстановлена была прежняя редакція ст. 163 зак. о сост., исчезнувшая-было въ изданіи 1876 г.: дворянскимъ собраніямъ вновь предоставлено было право ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ не только о нуждахъ дворянства и о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій, но и объ устраненіи неудобствъ въ мѣстномъ управленіи, *хотя бы они и происходили отъ общаго какого-либо постановленія*. Несмотря на это, дворянскія ходатайства, за весьма рѣдкими исключеніями, оставались и остаются замкнутыми въ тѣсный кругъ спеціально-дворянскихъ интересовъ, часто не имѣющихъ ничего общаго съ интересами всего народа

или даже прямо имъ противоположныхъ (напр. ходатайства объ отмѣнѣ для дворянъ налога на наслѣдства, о нераспространеніи на дворянскія имѣнія закона о лѣсоохраненіи). Дворянство, какъ сословіе, очевидно не хочетъ или не можетъ взять на себя передовую роль въ движеніи русскаго общества. Какъ землевладѣльческій классъ, оно и послѣ залога массы имѣній въ дворянскомъ земельномъ банкѣ, и послѣ выигрышнаго займа 1889 г., продолжаетъ чувствовать себя стѣсненнымъ въ веденіи хозяйства и необезпеченнымъ противъ новыхъ потерь, т.-е. противъ дальнѣйшаго уменьшенія дворянскаго землевладѣнія. Для предупрежденія этихъ потерь составляются проекты срочно-заповѣдныхъ имѣній, несовмѣстные съ указаніями нашей исторіи и съ лучшими традиціями самого дворянства, да едвали и осуществимые на практикѣ.

Перейдемъ отъ сословій къ обществу, т.-е. къ той части народа, которая привыкла слѣдить за событіями и судить о нихъ, на основаніи болѣе или менѣе вѣрныхъ понятій о прошедшемъ и болѣе или менѣе ясныхъ представленій о будущемъ. Сравнительно недавно начавъ жить сколько-нибудь самостоятельною жизнью, русское общество столь же недавно приступило къ выработкѣ въ самомъ себѣ основныхъ условій правильнаго развитія, немыслимыхъ при господствѣ крѣпостного права: уваженія къ законности и уваженія къ человѣку. Подвинулась ли эта работа за послѣднее время? Едва-ли. Разрѣшеніе законодательныхъ вопросовъ *внѣ* законодательнаго порядка, многочисленныя отступленія отъ дѣйствующихъ постановленій, распространеніе и обостреніе дискреціонной власти, въ разныхъ ея видахъ и формахъ, широко практикуемыя административныя взысканія, начиная съ денежнаго штрафа и кратковременнаго ареста до ссылки въ Сибирь (даже за общія преступленія, напр. за ростовщичество) и непредусмотрѣнныхъ никакими правилами тѣлесныхъ наказаній—все это не могло укрѣпить въ нашемъ обществѣ *уваженіе къ закону*, какъ къ непоколебимой, для всѣхъ одинаково обязательной нормѣ государственной и частной жизни. Уваженіе къ личности подрывалось съ одной стороны воскресающими взглядами на крестьянъ, какъ на низшій родъ людей, съ другой—возростающею нетерпимостью ко всему инородному и иновѣрному. Національное самосознаніе превращалось у многихъ въ національное самомнѣніе и самовосхваленіе. Стремленіе къ внѣшнему единообразію развива-

лось въ ущербъ внутреннему сближенію. Весьма можетъ быть, что между поверхностью общества, рѣзко бросающейся въ глаза, и его глубиною, менѣе доступною для изслѣдованія, существуетъ, въ этомъ отношеніи, значительное различіе; весьма можетъ быть, что намѣченныя нами явленія вовсе не такъ распространены и не такъ интенсивны, какъ кажется съ перваго взгляда. Безошибочно судить объ этомъ можно будетъ только тогда, когда различные оттѣнки общественнаго мнѣнія получатъ бо́льшій просторъ, когда право высказываться вполнѣ и до конца перестанетъ быть монополіей немногихъ. Большимъ шагомъ впередъ, съ этой точки зрѣнія, было бы даже простое возстановленіе закона 6-го апрѣля 1865 г., т.-е. отмѣна «временныхъ» правилъ 1882 г. и другихъ новеллъ, еще раньше парализовавшихъ дѣйствіе основного законодательства о печати. Само собою разумѣется, что голосъ печати, болѣе или менѣе свободный—только одна изъ формъ общественнаго содѣйствія, необходимаго для прочнаго успѣха преобразовательной работы. А такой работы предстоитъ, очевидно, очень много: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить о пересмотрѣ судебныхъ уставовъ, предпринятомъ министерствомъ юстиціи, о пересмотрѣ положеній 1861 г., предпринятомъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, о приближающемся къ концу составленіи новаго уголовнаго уложенія, о быстро подвигающейся впередъ подготовкѣ новаго гражданскаго уложенія. Для всѣхъ этихъ трудовъ, затрогивающихъ самые насущные интересы русскаго народа, недостаточно одной технической разработки, недостаточно обычнаго прохожденія по іерархической лѣстницѣ инстанцій. Содѣйствіе общества, признававшееся—и оказавшееся—существенно важнымъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ, при осуществленіи крестьянской реформы, тѣмъ менѣе можетъ считаться излишнимъ теперь, послѣ того какъ Россія выросла изъ старыхъ бюрократическихъ рамокъ. Относительно способовъ содѣйствія мы можемъ только повторить сказанное нами тринадцать лѣтъ тому назадъ, въ самомъ началѣ проплаго царствованія, когда производился опросъ земскихъ собраній по вопросу о мѣстномъ управленіи. «Дѣйствуя отдѣльно другъ отъ друга,—говорили мы въ апрѣльскомъ обозрѣніи 1881 г.,—земскія собранія могутъ или придти къ одностороннимъ заключеніямъ, непроизводительно повторивъ нѣсколько десятковъ разъ одну и ту же работу, или впасть въ разнорѣчіе между собою, обусловли-

ваемое преимущественно невозможностью взаимной повѣрки взглядовъ и взаимнаго ихъ соглашенія. Можно сказать утвердительно, что мнѣніе, высказанное отдѣльнымъ земскимъ собраніемъ, не есть его окончательное мнѣніе, что оно существенно измѣнилось бы при соприкосновеніи съ другими, въ свою очередь существенно повліявъ на нихъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что совѣщаніе съ земствомъ должно быть облечено въ другую форму, болѣе удобную и простую, которая допускала бы свободный обмѣнъ мыслей и замѣняла бы массу безконечно разнообразныхъ заключеній мнѣніями большинства и меньшинства, основанными на всестороннемъ обсужденіи предмета... Преобразовательная работа, совершенная съ участіемъ общества, представляетъ еще одно преимущество: прочности, устойчивости. Параллельно съ потребностью въ реформахъ растетъ потребность въ гарантіяхъ для лицъ и для учрежденій. Гарантія—это увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, необходимая въ общественной жизни не меньше, чѣмъ въ частной; это залогъ правильнаго, безповоротнаго развитія, это ручательство въ томъ, что обществу не придется, какъ Сизифу, постоянно повторять одну ту же работу, и какъ Танталу—никогда не пользоваться ея плодами»...

Если модный оптимизмъ построенъ на самыхъ шаткихъ основахъ, если въ положеніи русскаго народа и всѣхъ отдѣльныхъ группъ, его составляющихъ, многое требуетъ коренныхъ и безотлагательныхъ измѣненій, то это еще не значитъ, чтобы будущее Россіи представлялось мрачнымъ или безнадежнымъ. Говоря словами поэта, «въ ея груди бѣжитъ потокъ живыхъ и чистыхъ, еще нѣмыхъ народныхъ силъ: такъ подъ корой Сибири льдистой золотоносныхъ много жилъ»... Эти силы легко могутъ быть призваны къ жизни нашимъ молодымъ Государемъ, въ короткое время видѣвшимъ уже столько доказательствъ народной любви и народнаго довѣрія...

Цѣна 3 руб.

Изданіе помѣщается въ Книжномъ Складѣ М. М. Стасюлевича.
Петроградъ, Вас. остр., 5 лин., собств. д. № 28.

Полный каталогъ Склада высылается по полученіи 4-коп. марки, а спеціальный дѣтскій, со сводомъ отзывовъ, одобреній и рекомендацій на каждую книгу, и дополнительные каталоги высылаются каждый по полученій 2-коп. марки.